

ТВОРЧЕСТВО  
Андрея  
Тлатонова

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ТВОРЧЕСТВО**  
**А**ндрея  
**П**латонова

ИССЛЕДОВАНИЯ  
И МАТЕРИАЛЫ.  
БИБЛИОГРАФИЯ



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
„НАУКА“  
1995

ББК 83  
Т28

Рецензенты:

*В. Я. ГРЕЧНЕВ, А. И. ПАВЛОВСКИЙ*

Издание выпущено в счет дотации,  
выделенной Комитетом РФ по печати

Т 4603020101-538 373-93:1  
042(02)-95

© Коллектив авторов, 1995  
© Российская академия наук, 1995

ISBN 5-02-028106-9

## ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник продолжает серию изданий Пушкинского Дома, посвященную творчеству крупнейших русских писателей XX века — Л. Леонова, М. Шолохова, И. Соколова-Микитова, М. Булгакова, Н. Гумилева. Впервые в Пушкинском Доме создается книга об А. Платонове.

Основная особенность сборника состоит в том, что почти все публикуемые здесь работы строятся на неизвестных архивных документах. Подавляющая часть этих архивных материалов хранится в Пушкинском Доме. В научный оборот вводятся текстологические наблюдения над черновыми рукописями романов «Котлован» и «Чевенгур», рассказов Платонова 1920—1940-х годов; публикуется ряд неизвестных произведений писателя.

В книге помещена также обширная библиография литературы о Платонове, относящейся к периоду «второго» рождения творчества художника (1950—1990-е годы).

---

**Н. В. Корниенко**

## **О НЕКОТОРЫХ УРОКАХ ТЕКСТОЛОГИИ**

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

Есть своя печаль в том, что освободившаяся от идеологических догм филологическая наука в 1990-е годы бросилась в новую стихию интерпретаторства русской классики советского периода. Бросилась, не осмыслив уроков собственного существования в культуре XX века, опять страстно желая спроектировать и продолжить вслед за снятыми рельсами «столбовой дороги пролетарской литературы» — те же «столбовые дороги» не только для настоящего русской литературы, но и для ее прошлого. Если же учесть, что подлинное произведение всегда многозначно, обладает, по выражению О. Мандельштама, свойством «обратимости поэтической материи», то перспективы интерпретаторства классиков воистину становятся безграничными. «Прописка» Андрея Платонова в сюрреализме, авангардизме, постмодернизме, постреализме — яркое подтверждение той болезни науки, о которой писал о. Сергей Булгаков: «...все науки обнесены высоким тыном своей терминологии, вне которой они рассыпаются. На специальной терминологии лежит печать условности научного знания, а вместе и главная роковая трудность взаимоотношения наук: наука являет картину вавилонского смешения языков, при котором люди об одном и том же мире говорят разными языками».<sup>1</sup> Однако во всех «разных языках» действует один закон, так как парадигма того или иного термина (равно соцреализма и постмодернизма) предполагает определенное, по-своему запрограммированное эстетической теорией видение и «эстетической доминанты» (выражение Эйхенбаума) текста, и мира творчества писателя, и его эволюцию. Платоновский текст, удивительным образом откликаясь на любой возможный сегодня эстетический алгоритм, терминологический ряд, питая его своей плотью, остается одновременно принципиально закрытым. Об этом качестве платоновской прозы в связи с историей платоноведения очень точно написал критик С. Фе-

<sup>1</sup> Булгаков С. *Философия имени*. Париж, 1953. С. 131.

дакин: «И вот социологические трактовки рухнули, филология сказала о многом, но не о главном, философия «общего дела» дала способ видения, «магический кристалл» платоновского зрения, но не разрешила вопроса. Оказалось, что загадку Платонова не решить одним махом, что осваивать этот «космос» придется мелкими шажками, и начинать приходится с основного — с текстологии».<sup>2</sup>

В исследованиях творчества Платонова текстологические вопросы — их объем стал вырисовываться лишь в последние годы — существенно «осложнили» и привычный для филологии целостный анализ произведения, и прочно утвердившийся в науке жанр монографии — очерк жизни и творчества писателя. Текстология — наука не только стремящаяся к точности, но и наука кроткая в пафосе своего отношения к материалу творчества писателя: реальностью и сверхреальностью для нее равнообладают роман, неосуществленный замысел, черновик, служебная записка. Попытаемся с позиций классической текстологии посмотреть на некоторые вопросы современного платоноведения.

### 1. Эволюция Платонова в свете текстологических проблем его наследия

Вопрос эволюции Платонова, можно сказать, вопрос вечный для платоноведения. Прижизненная критика в своем основном массиве отказывала Платонову в качественных изменениях его художественной методологии. Отказывала в 1929 и 1931, 1934 и 1937, 1941 и 1945 годах.<sup>3</sup> В 1960—1970-е годы, окрашенные пафосом «возвращения» Платонова в советскую литературу, идея развития и становления Платонова-художника становится центральной. Отчетливо вырисовываются три периода творчества: воронежский (1917—1926), вторая половина 1920-х гг. и 1930—1940-е годы. Тема «качественных изменений» практически сопровождает все работы о Платонове — как в отечественном, так и в зарубежном платоноведении. Для советских ученых «качественные изменения» в творчестве писателя на рубеже 20—30-х годов виделись как движение от мифологического

<sup>2</sup> Федякин С. Слово о Платонове // Независимая газ. 1993. 30 июля.

<sup>3</sup> См.: Авербах Л. О целостных масштабах и честных Макарах // Октябрь. 1929. № 11; Селивановский А. В чем сомневается Андрей Платонов // Лит. газ. 1931. 10 июня («Читатель помнит очерк «Че-Че-О» (написанный совместно с Б. Пильняком), читатель не забыл «усомнившегося Макара», читатель сохранил в памяти обывательскую анархистствующую издевку Платонова над массами, строящими социализм, над диктатурой пролетариата (...) Годы не изменили существа автора. Оно — все то же: обывательское, злобствующее, насквозь реакционное»); Гурвич А. Андрей Платонов // Красная новь. 1937. № 10 («Разве не его (Дванова, героя повести «Происхождение мастера», 1928. — Н. К.) котомку несет в своих руках Левин (герой рассказа «Бессмертие», 1936. — Н. К.), как знамя жертвенности и самоотречения? (...) Вместе с котомкой Дванов передал Левину все свои чувства и мысли»); Книпович Е. [Рец. на книгу А. Платонова «Вся жизнь», 1946] («Религиозный, христианский гуманизм Платонова для меня лично неприемлем, но ведь в его творчестве это не новость» — РГАЛИ, ф. 1234, оп. 10, ед. хр. 200, л. 50); Ермилов В. Клеветнический рассказ А. Платонова // Лит. газ. 1947. 4 января; Фадеев А. О литературно-художественных журналах // Правда. 1947. 2 февраля.

сознания и поэтики «Чевенгура» к реализму, классическому психологизму; зарубежные слависты рассматривали этот перелом как серию уступок Платонова тоталитарному режиму и социалистическому реализму. С конца 70-х годов в платоноведении начинают нарастать иные тенденции, некоторым образом связанные с широко распространенной в те годы концепцией творческой индивидуальности в социалистическом реализме. Для исследователей Платонова это была методологическая ниша, позволившая вернуться к *особому* миру творчества писателя, который узнается и в угрюмом стиле «Чевенгура», и в светлой «Июльской грозе». Эпиграфом к этому очень важному блоку работ платоноведения можно поставить слова самого исследователя, которые цитировались и цитируются практически всеми исследователями: «Мои идеалы постоянны и однообразны» (1927); «Я негармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба, без всякой измены себе» (1936).<sup>4</sup>

Вопросы эволюции писателя оказались на периферии исследования. Там они остались и в эпоху нового возвращения Платонова — в 80—90-е годы, и если и появлялись, то, скорее, в контекстах политических «разборок» критики с историей советской литературы 30-х годов.

Богатейший опыт текстологии русской классической литературы говорит о том, что сдавать в архив проблемы эволюции Платонова не просто преждевременно, но ошибочно. «С того момента, как мы приступаем к изучению текста, — писал в 1927 г. известный пушкинист Б. Томашевский, — нам необходимо учесть его текучесть, постоянную изменчивость».<sup>5</sup> Пытаясь воссоздать этапы творческого пути писателя, текстолог описывает пространство эволюции художника в рамках одного текста: дотекстовый период, черновики, источники материала, редакции и т. д. Реконструируя это, условно говоря, микропространство эволюции автора, текстолог Платонова открывает и буквально упирается в целый материк вопросов, касающихся логики развития того или иного периода творчества.

Платонов — художник, не раз рефлексировавший этапы своего творчества, художник, мучительно решавший ключевой вопрос любой эстетики: об отношении искусства к жизни. В 1924 г. в Воронеже он сформулировал его как дилемму созерцания и жизни: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься *созерцательным делом — литературой* (курсив здесь и далее в текстах Платонова наш. — Н. К.)».<sup>6</sup> В 1927 г., в пору создания «Епифанских шлюзов» и «Города Градова», в преддверии «Чевенгура» Платонов выскажется достаточно полемично по отношению к главному герою советской литературы, герою «особой породы», которого пестовала в это время официальная литературная критика: «Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует *роскошная Москва*,

<sup>4</sup> «...Живя главной жизнью» // Волга. 1975. № 9. С. 166, 173.

<sup>5</sup> Томашевский Б. В. Писатель и книга. М., 1928. С. 106.

<sup>6</sup> См.: Платонов А. Возвращение. М., 1989. С. 6.

*искусство и проза*. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль и могут рождаться в таком захолустье». <sup>7</sup> В 1929 году, пространно отвечая на претензии критика В. Стрельниковой к книге «Епифанские шлюзы», Платонов резюмировал: «Окончание не в литературе, а в жизни». <sup>8</sup> Замечание очень важное не только для трактовки финалов произведений Платонова, но и границ его текстов. К этому мы еще вернемся. В пору ожесточенной и сокрушительной критики 1931 года (после публикации повести «Впрок») Платонов назовет советскую литературу «великой Глухой», прежде всего за ее отношение к жизни, подтвердив свою неизменную позицию о необходимости современному писателю иметь «первую профессию». <sup>9</sup> В 30-е годы он не раз выскажется по поводу «созерцательных» и моцартианских претензий советской литературы и ее эстетических результатов. «Одержимые достоинством» <sup>10</sup> — эта лаконичная запись 1934 года о советских писателях говорит сама за себя.

«Реальный комментарий — «от жизни» — есть главное дело. Им, этим комментарием, мы вставляем зрачки в глаза произведения», — отмечал Н. Я. Берковский в 1960 году (письмо к Д. Д. Обломиевскому). Полемично отстаивая преемственность реального комментария с классической филологией, ученый так мотивировал свою позицию: «Как известно, в искусстве плотника самое важное работать по древесине — как она велит, по ее прожилкам, в их направлении <...> В повести Пушкина есть и логика реальных вещей, и игра поверх этой логики — и то и другое раскрывается реальным комментарием. Игра — только надстройка над реальной логикой, угаданной Пушкиным. Я считаю, что мы трактуем связь искусства с действительностью — главнейшую, живейшую связь — чересчур поверхностно — обще, непоследовательно. Не следует упускать случая, когда связь поддается нам в своих деталях». <sup>11</sup> В платоновских произведениях «логика жизни», полюс жизни, принципиально важные в эстетической установке писателя, не просчитываются с ходу. <sup>12</sup> Крохотные сюжеты платоновской энциклопедии русской жизни 20—40-х годов, его запрещенной России мы только начали восстанавливать. Творческая история его произведений открывает удивительный сплав реалий биографии писателя и движущейся поэтики текста. Плато-

<sup>7</sup> «...Живя главной жизнью». С. 167.

<sup>8</sup> Платонов А. Против халтурных судей // Лит. газ. 1929. 14 окт.

<sup>9</sup> «Но быть писателем во время устройства социализма, ощущая социализм лишь профессиональными чувствами, а не вживаясь в него производственно, т(ак) сказать опытом рук <...> есть еще большее противоречие и даже наглость...» (статья «Великая Глухая», 1931. Цит по: Платонов А. Возвращение. С. 177); «В эпоху устройства социализма «чистым» писателем быть нельзя» (ответ А. Платонова на анкету «Какой нам нужен писатель», 1931. См.: Дружба народов. 1989. № 11. С. 252.)

<sup>10</sup> Архив М. А. Платоновой. Записные книжки.

<sup>11</sup> Из архива Н. Я. Берковского // Рус. литература. 1990. № 3. С. 199.

<sup>12</sup> В платоноведении достаточно прочно утвердилась мысль о «плавающей» точке зрения Платонова, о том, что писатель не всегда понимал, что он написал. См.: «Позиция автора (Платонова. — Н. К.) — это позиция человека, не знающего ответа» (Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 68.)



нов — художник уникальной биографии. Мелиоратор, работник Наркомата земледелия, инженер «Гипропровода», инженер-конструктор Наркомата тяжелой промышленности, изобретатель, ученый-мыслитель. Он оставил нам социально-экономические расчеты хода и результатов индустриализации и коллективизации, технические записки и чертежи, философские и научные трактаты. В этих материалах — контуры первоначальных замыслов, первотолчки, своеобразные прототипы его произведений; это и этапы его биографии, его личностная эволюция. Без нее, этой фактической биографии, не описать путь Платонова-романиста. Так «Чевенгур» по-своему венчает целую эпоху работы Платонова в Наркомате земледелия (воронежский, тамбовский, московский периоды); «Счастливая Москва» — время интенсивных технических изобретений Платонова. В конце 1935 года он оставит «Росметровес», и вскоре эту «контору» покинет герой московского романа Сарториус. В первой половине 1936 года «Республиканский трест весов, гирь и мер длины» — «Мерило труда» («Счастливая Москва») будет ликвидирован и поставлена точка финала. В конце 1936 года Платонов сделает заявку на новый роман («Путешествие из Ленинграда в Москву»), а в феврале 1937 года отправится в поездку (на перекладных) из Ленинграда в Москву. В 30-е годы Платонов не раз на страницах записных книжек будет возвращаться к поэтике романа XX века как жанра, к своему пути романиста. Так в записной книжке 1935 года, набрасывая варианты финалов «Счастливой Москвы», он так мотивирует открытый финал московского романа и его героя: «...в конце концов должно остаться великое напряжение, сюжетный потенциал — столь же резкий, как и в начале романа. Сюжет не должен приходиться в конце, кончатся»; «Сарториус — исследователь, безвозвратный искатель фактов, никуда не возвращавшийся ни путем, ни желанием, *проникавший жизнью сквозь всю толщу действительности и обставивший ею*».<sup>13</sup> Платоновская философия — «...проникавший жизнью сквозь всю толщу действительности» — это своеобразная авторская установка на приоритетность факта в становлении замыслов произведений и формула эволюции пути писателя.

Материалы нелитературной платоновской биографии дают свой особый шифр к поэтике платоновского текста, его идеальной субстанции. Фабульные компоненты, которые достаточно точно определяют время и пространство художественного текста Платонова (равно «Чевенгура» и «Афродиты»), — это своеобразные застывшие точки, между которыми Платонов творит особую реальность бытия человека и мира. Как показывает авторедактура ряда произведений писателя, в работе над окончательной редакцией он шел на «редукцию формы»,<sup>14</sup> добиваясь предельной свернутости фабульного содержания — как на уровне сюжетной организации произведения, так и микроединиц текста (абзаца, предложение, фразы), отсекая или углубляя

<sup>13</sup> Архив М. А. Платоновой. Записные книжки.

<sup>14</sup> См.: Вьюгин В. Ю. «Чевенгур» Андрея Платонова: (К творческой истории романа). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1992.

верхний слой мотивировки и авторские — авторитетные — заключения и выводы. Реальный же комментарий, возвращая таинственный платоновский текст в реальный контекст творчества, помогает приблизиться к его прочтению.

Вот лишь некоторые примеры. Первый — из творческой истории и истории текста повести «Город Градов». При жизни Платонова ни один критик не назвал «Градов» советской сатирой на бюрократию. Это сделали мы. Казалось бы, все было понятно, тем более что опубликованные в 1975 году письма самого Платонова из Тамбова, где он работал в Губземуправлении и где был написан «Градов», прекрасно комментировали повесть именно как сатиру. Однако не был учтен хозяйственно-экономический опыт Платонова, хотя, думается, забыть его было невозможно. К 1927 году Платонов, пожалуй, едва ли не единственный среди советских писателей смотрел на ход социалистического реформирования глазами практика — мелиоратора, инженера, хозяйственника и историка.<sup>15</sup>

Первая редакция «Города Градова» запечатлела отношение Платонова к новой экономической политике партии и ее последствиям: «Печальный, молчаливый сентябрь стоял в прохладном пустопорожном поле, где не было ни следа промышленности»; «Большую книгу стоит написать, излагая борьбу 5 губгородов, в то время как крестьянское хозяйство в них падало и число пожаров возросло. Но это потому, что энергия администраторов поглощалась более благородным строительством — рытьем каналов, секущих континент, постройкой аэродромов, учреждением ипподромов союзного значения и закладкой сверхмощных гидростанций на провинциальных тихих реках».<sup>16</sup>

Первый читатель повести Г. З. Литвин-Молотов, пожалуй, наиболее точно определил смысл «Градова» как сатиры, но сатиры не на бюрократию: «Значит: Днепрострой, Волго-Дон канал, Волховстрой такая ли чепуха — ведь это сатира на все строительство, на весь СССР». И на Москву — как вдохновенного и беспощадного преобразователя провинциальной жизни. Это редактор хорошо понял, когда предложил Платонову уже в первой главе убрать Москву и заменить ее на Толдомов, понизив всесоюзный уровень конфликта (Москва — центр, Градов — провинция) до внутругубернского. На первой странице «Градова» Платонов закодировал и эстетические претензии московской «фабрики литературы» (статья «Фабрика литературы» — о советской литературе — к этому времени уже была отклонена) на ее «слово» о русской провинции. Об этом коде-шифре нам, может быть, никогда и не догадаться, если бы не свидетельские показания рукописи. В первой главе «Градова» первоначально со-

---

<sup>15</sup> «Город Градов» (первая редакция) написан в январе 1927 г. в Тамбове, где Платонов в это время работал губернским мелиоратором. В феврале этого же года (вслед за «Градовым») будет создана историческая повесть «Елифанские шлюзы». Критик В. Стрельникова достаточно точно определит связь «Градова» и «Елифанских шлюзов», точку зрения Платонова: «...дутые прожекты Петра и дутые прожекты Октябрьской революции» (Вечерняя Москва. 1929. 28 сентября).

<sup>16</sup> Цит. по первой публикации. См.: Новый мир. 1993. № 4. С. 91—109.

держалось прямое авторское указание на то, что «черносотенный» облик Градова принадлежит идеологам Москвы: «Иван Федотыч ехал из Москвы с даденным ему заданием. Думал Шмаков как раз про то, что было ему известно про Градов *и что выше рассказано*». Платонов опустит последнюю часть фразы (она обозначена курсивом), однако «авторство» Москвы сохранит и укрепит — в глубинах подтекста. Парадокс, но это факт: первую главу «Градова» и филологи, и актеры читали в 70—80-е годы как прямое авторское слово, иронизируя над безумной и реакционной градовской жизнью, а иронизировать следовало бы над самим «словом». Платонов дважды перепишет «Градов» (1927 и 1928 гг.): он своеобразно распылит открытые идеологемы, спрячет ключи от многих страниц в подтекст. Так, открытый политический намек на результаты исторического курса на индустриализацию страны он уберет. Вместо первоначальной редакции: «...где не было ни следа промышленности» — вписывается новая: «...где не было теперь никакого промысла». Однако вместо ожидаемого смягчения эта своеобразная «гераклитовая метафора» (выражение О. Мандельштама) усилила эпическую дистанцию в трактовке любого теоретического эксперимента над жизнью. Писатель уберет и приведенную выше открытую авторскую оценку курса партии на борьбу с бюрократизмом и одновременно укрепит в финале повести тему «дураков» в градовской жизни: она также была прочитана нами по принципу кольцевой композиции повести, с той же интонацией, что и экспозиция. А именно в этом мотиве финала уже брезжит иная интонация и вполне серьезный сюжет. Его он развернет в следующей повести — «Сокровенный человек», где «придурковатый мужик», ворчун, «беспартиец» Фома Пухов не раз разыгрывает карту «природного дурака».

Сюжетно-фабульный конфликт «Города Градова», составивший своеобразное ядро историософских взглядов Платонова, станет одним из ключевых в его творчестве 20—30-х годов. На втором этапе работы над «Чевенгуром» он вводит в текст романа московские главы. Это 1928 год. В 1929 году Макар Ганушкин отправится по маршруту «деревня—Москва—деревня». А в 1930 году «душевный бедняк» совершит поездку по России года «великого перелома», отправившись «прочь из „верховного руководящего города“». В трагедии «14 Красных Избушек» (1932) Платонов столкнет два мира — мир Москвы, советской литературы как мир комедии и жизнь русской провинции как трагедию. Фарсовость Москвы, где играют в политику и строят ее советские писатели Уборняк, Фушенко, Жовов, — и разрушенная, обезумевшая от московской идеологии и голода русская провинция. В финале пьесы ее лица и голоса обращены к Москве, этой носительнице мертворожденных «градовских» идей. Ксения, чья неубиенная в катаклизмах времени душа единственная противостоит в финале социальному року действительности, произнесет и приговор Москве: «Москва проклятая»<sup>17</sup> — эти слова героини отсутствуют во всех посмертных изданиях трагедии. А они очень

<sup>17</sup> РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 90.

важны и для текста, и для понимания эволюции писателя. Именно трагедией Платонов завершает чевенгурский и постчевенгурский цикл градовского сюжета, проложив мост к главному герою этой трагедии, обрекая себя на новый роман — роман о Москве.

В первые месяцы 1933 года Платонов начнет работать над экспозицией «Счастливой Москвы». Известные сегодня четыре варианта начала романа по-своему структурируют путь эволюции писателя чевенгурского периода и постчевенгурского.<sup>18</sup> Поиски нового типа романа, нового героя, нового стиля — об этом Платонов постоянно пишет в своих записных книжках периода работы над «Счастливой Москвой» — определяют новые модификации московского хронотопа в повести «Джан» (1934—1935) и рассказе «Среди животных и растений» (1936). Вне жесткой поэтики романа («Сущностью, сухой струей, прямым путем надо писать. В этом мой новый путь»<sup>19</sup>) не понять нового качества психологизма в рассказах 1936 года (книга «Река Потудань»), предельной свернутости фабулы, почти эмблематического качества психологизма. За повестью «Джан» и рассказом «Среди животных и растений» стоят, как и прежде, маршруты Платонова в провинцию, кропотливое изучение материала «жизни», которой он проникал сквозь «толщу действительности».

В финале романа Платонов оставлял Сарториуса «на краю собственного безмолвия», в ирреальной тишине московского полуразрушенного дома-очага; прежняя почва исчезла из-под ног героя, исчезли и прежние ориентиры, но «жизнь должна быть испытана и пережита вся». Это воскрешение героя московского романа существенно изменило (по сравнению с «14 Красными Избушками») краски московского ареала в «Джан» и рассказах 1936 года. Москва остается символом «социально сознательных» героев, городом, где живут герои, «что трясут судьбой всех людей». Однако и в повести и в рассказах устанавливается равновесие — историческое и психологическое — между Москвой и провинцией. Герои рассказов книги «Река Потудань», своеобразные двойники «рациональных практиков» московского романа, начинают — ибо «трава опять отросла по набитым грунтовым дорогам гражданской войны...» (экспозиция рассказа «Река Потудань») — мучительный путь поисков родного дома («Глиняный дом в уездном саду»), матери («Третий сын»), любимого человека («Фро»). Они не уходят из нового, величественного мира современности, она для них — «нужная родина на месте долгой бесприютности», но они обретают мучительное и одновременно глубоко духовное, сокровенное по сути знание о себе и истории. «Он нигде не встретил живыми отца и мать, их могилы, наверно, давно загромодили где-то великие строения, и он перестал искать их. Выросши большим, мальчик понял, что многие мысли и чувства осуждены на то, чтобы их носить только в своей груди и спрятать затем вместе с собой где-нибудь в терпеливой темной земле».<sup>20</sup> Этот

<sup>18</sup> См.: Новый мир. 1991. № 9. С. 63—67.

<sup>19</sup> Архив М. А. Платоновой. Записные книжки.

<sup>20</sup> РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 45, л. 20.

финал «Глиняного дома в уездном саду» («Нужная родина») был сокращен редактором при публикации 1936 года. Это была не «официальная память» (выражение Л. Толстого), а память сердца, память «дара жизни», открывающая человеку — во всех обстоятельствах — дорогу для свободного нравственного выбора. Финал рассказа восстанавливал как равновеликую правде «нужной родины», правде государства, его «великих строений» правду традиционно христианскую о человеческой душе, о том, что «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22). Финал «Глиняного дома в уездном саду» в 1936 году будет «подтвержден» и московским материалом — рассказом «Тверской бульвар» (первое название «Путешествие воробья»). Старого музыканта и бедного воробья связывает в новой шумной Москве памятник Пушкину на Тверском бульваре — это их духовная родина в вечном, метафизическом ее значении. И боль человеческого сердца, безмолвие московского музыканта — из того же родного для русской литературы источника, что и у героев «Реки Потудань» и «Нужной родины»: «...но в музыке недоставало чего-то для полного утешения горящего сердца старика. Тогда он положил скрипку на место и заплакал, потому что не все может выразить музыка и последним средством жизни и страдания остается сам бедный человек».<sup>21</sup> Курсивом мы обозначили текст, отсутствующий в современных изданиях рассказа.

Рассказы 1936 года предвосхищают крутой поворот на пути Платонова к новому роману. В них заключена та духовная материя, которая определит формулу его примирения с действительностью.

«Все знают знаменитые слова о том, что русская литература вышла из гоголевской «Шинели». Казалось, последние двадцать лет их можно произнести только в насмешку. Но вот с Платоновым они опять приобретают значение. Мучительно ища соединения того, что ему подсказывает совесть, с тем, чего требует разум, Платонов один отстаивает человека от пренебрежительно-безразличных к нему „стихийных или исторических сил“, — писал Г. Адамович в 1938 году в своих заметках о советской литературе. Оттуда, из эмиграции, он удивился явлению Платонова. Лишь по большому недоразумению, утверждает Адамович, можно приписать Платонову контрреволюционную, антибольшевистскую позицию. У Платонова, считает он, состоялся свой, спасительный для современной русской литературы диалог с Пушкиным и Гоголем: «В мыслях о «Медном всаднике» едва ли не ключ к писаниям Платонова. Он, может быть, не думает, что «все действительное разумно», но убежден, что все «действительное трагично». Для советского писателя — это открытие, и, естественно, открытие это внушило ему предпочтение к черной краске перед белой. Оно же помогло ему уловить в окружающем то, мимо чего рассеянны и самодовольно прошли люди, пытающиеся представить жизнь как иллюстрацию к партийным тезисам».<sup>22</sup> Статья

<sup>21</sup> Там же

<sup>22</sup> Адамович Г. Шинель // Независимая газета. 1993. 1 сент.

Адамовича о Платонове имела прицельно точное название — «Шинель».

Когда была написана эта статья, Платонов уже работал над новым романом — «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году». Роман пока не найден, остались записные книжки к нему и наброски — материалы. Остался и своеобразный код нового романа, и контекст творчества этого нового цикла, нового периода. В сохранившейся в архиве издательства аннотации к роману Платонов так определил его сюжетно-фабульный узел: «Повторение поездки Радищева в *обратном* направлении и описание этой поездки».<sup>23</sup> Слово «обратном» — это своеобразный сигнал-код к роману и всему творчеству Платонова 1937—1941 годов. Как свидетельствуют записные книжки, писатель проехал маршрут Радищева в *той же* направлении — из Петербурга—Ленинграда в Москву, однако с прямо противоположной установкой. У Радищева путешественник — адепт разума, просветитель, разоблачающий безумие русской жизни, у Платонова — «простой прохожий», путешествие которого окрашено «простым и всеми переживаемыми чувствами»: «Это чувство испытывает человек перед видением своей родины, места своего рождения и детства, — родины, которую он оставил давно и ныне снова к ней (в нее) возвращается. Родина ему знакома, образ ее известен в подробностях, но сердце трепещет, когда он вступает на землю, где ходили его ноги в детстве и юности, разум его потрясен, словно он видит перед собою (утр.)».<sup>24</sup>

Метафизика платоновского путешествия — «по маршруту Радищева в обратном направлении» — предполагала новый виток и уровень возвращения от московских ритмов, химерического сознания «рациональных практиков», героев «Счастливой Москвы» к натуральному строю жизни и культуры. Рукопись «Счастливой Москвы» содержит на этапе ее предварительной авторской редакции указание на то, что московский роман, его финал, становится толчком к оформлению экспозиции «Путешествия». В папке с романом находится и эпиграф к «Путешествию», он взят из Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала... Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели *сия грозная мачиха* произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? *Разум мой* вострепетал *от себя мысли*, и *сердце мое* далеко ее *от себя оттолкнуло* (курсив наш. — Н. К.)».<sup>25</sup> В этом хрестоматийном тексте Радищева вычитываются Платоновым истоки жизнеотрицания героев «Чевенгура» и «Счастливой Москвы», стремящихся сменить само онтологическое поле жизни, очарованных идеей «второй» — новой — природы. Оставив Сарториуса в финале «Счастливой Москвы» перед открытием «стены» в новой идеологии, он мог отправить именно этого героя,

<sup>23</sup> РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 315, л. 60.

<sup>24</sup> Архив М. А. Платоновой.

<sup>25</sup> Архив М. А. Платоновой. «Счастливая Москва», рукопись.

уже не ученого, а «душевного бедняка» по новому маршруту. И если своеобразным метатекстом радищевского «Путешествия» является «слово» о Ломоносове, ода просветительскому гению Ломоносова, то маршруты набросков платоновского «Путешествия», маршруты его героев этого периода освещает интонация пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург». Пушкин как носитель «универсального сознания» русского народа и культуры, как «спаситель» «неистового человечества», спаситель народа от «бесчисленных мучителей и злодеев» становится центральным героем в статьях Платонова «Пушкин — наш товарищ» (1937), «Пушкин и Горький» (1938). Лишь отметим, что через осознание Пушкина как аксиомы русской истории, «оси русской культуры» пролегает в 30-е годы путь спасения и «выздоровления» не только Платонова<sup>26</sup> — это отдельная большая историко-литературная тема.

В одном из набросков к роману Платонов разворачивает пушкинскую — духовную и душевную — перспективу «писательского путешествия» в новом веке: «Цель его путешествия не в достижении конечного пункта, а всюду по дороге — и в начале ее, и посередине, и в конце и даже вовсе в стороне от нее: везде, где возможно явление нового человеческого образа <...> Надо еще сказать, что истинные факты, обозначающие самое существо мира или истории, всегда являются в скрытом или *незначительном* вначале виде. Поэтому для их открытия и точной оценки нужен большой труд, необходимо большое умение вживаться своим чувством, действием и мыслью во встреченную незнакомую действительность, а не просто наблюдать ее посредством любопытствующих глаз — и ехать мимо. Подобное путешествие похоже скорее на подвиг, чем на удовольствие, потому что оно является близким *соучастием в жизни всех встречных и попутных людей*, и в нем больше остановок, чем движения в дороге».<sup>27</sup> В работе над романом (1937—1941) Платонов делал действительно «свои остановки», писал свои «повести Белкина»: рассказы о детях («Июльская гроза», «Уля», «Корова», «Избушка бабушки»), цикл рассказов «из старинного времени», статьи об Ахматовой и Пришвине, проникновенное «Путешествие воробья, или Любовь к Родине», зарисовки к теме Петербурга—Ленинграда. Вряд ли вне контекста работы над «Путешествием» можно понять жесточайшую полемику Платонова с А. Грином в 1938 году, с М. Пришвиным в 1940 году. Герои Пришвина и Грина путешествуют, но по какому пространству и какими маршрутами? — задает вопрос Платонов. Оценивая «Алые паруса» как «поэтически написанную феерию на тему об идеальной любви и естественной любви Грея к Ассоль» с позиции «объективности», создания образа

<sup>26</sup> В обширной пушкинистике 1937 г. (100-летие со дня смерти Пушкина) особо отметим статью известного сменовеховца, проф. Н. В. Устрялова «Гений веков». Две формулы Н. Устрялова — «Пушкин не проблема: он аксиома», «Не «назад к Пушкину», а «вперед от Пушкина» и «вперед с Пушкиным», — таков путь современной советской культуры» (Известия. 1937. 10 февр.) — представляются очень важными в осмыслении пушкинской традиции в советской литературе 1930-х годов.

<sup>27</sup> Архив М. А. Платоновой.

«моршанской Ассоль», «бедного народа», забытого писателем, автор «Июльской грозы» и «Юшки» достаточно категоричен, но это именно категорический нравственный императив, заданный в его «Путешествии»: «...лодка с корабля взяла к себе одну Ассоль. Народ по-прежнему остался на берегу, и на берегу же осталась большая, может быть даже великая, тема художественного произведения, которое не захотел или не смог написать А. Грин <...> Повесть написана как бы наоборот: против глубокой художественной и этической правды». Если с Грином Платонов полемизирует о пространстве его путешествия, то в случае с Пришвиным, чья «Неодетая весна» очень родственна миру «животных и растений» самого Платонова, объектом полемики становится маршрут писателя в страну «непуганых птиц» как маршрут спасения человека и героя. Да, замечает Платонов, «желание это — естественное, намерение — доброе, риска никакого», но за этой «искусственной походкой» кроется желание эгоистическое — желание уйти от современной истории, от «бедствий современного человеческого общества».

Итак, история, история современная — это «среди людей», это на грани гибели, но заниматься ею — дело писателя. Это важная эстетическая установка, через нее и в ее русле пролегал путь Платонова — мыслителя и художника. Пролегали его жизненные маршруты. Может быть, и поэтому его творческий путь столь цикличен. Причем нервом каждого периода-цикла был роман. Исследование творческой истории повестей Платонова 1926—1927 годов, контекста творческого поиска писателя позволило нам утверждать, что эта работа освещалась замыслом романа (набросок «Зреющая звезда»<sup>28</sup> относится к 1925—1926 годам). Именно из грибницы повестей и рассказов выросло (в течение полугода!!!) монументальное здание романа «Чевенгур». В постчевенгурском цикле произведений (1928—1932) был также роман, роман о Стратиле, текст которого пока не обнаружен; о новом романе, его персонажах, идеях, о переработке первых глав Платонов постоянно говорит в записной книжке этого времени. Третий роман Платонова, к счастью, обнаружен и восстановлен; публикация «Счастливой Москвы» в 1991 году практически перечеркнула разнообразные научные и критические концепции о творчестве Платонова 30-х годов. Ждет своего детального текстологического описания период «Путешествия» 1937—1941 годов и «Путешествия в человечество» 40-х годов. В реконструкции циклов творчества Платонова безусловный интерес представляют жанровые и жанрово-родовые модификации; драматургический и сценарный опыт Платонова, имея свое самостоятельное значение и статус, представляет одновременно внутри каждого периода очень важный этап на пути к форме романа.

---

<sup>28</sup> Платонов А. Краткий план романа «Зреющая звезда» (Название — проект: возможно другое) // Рус. литература. 1993. № 3. С. 147—148 (публикация Е. И. Колесниковой).



## 2. Об одном блуждающем сюжете

О центральных мотивах, метасюжетах мира творчества Платонова писали критики, литературоведы, писатели, философы. Писали уже при жизни. «Время действия — вечность. Место действия — „огромная шаровая поверхность земли“», — констатировал А. Гурвич в 1937 году, пронизательно заметив, что «„религиозное душеустройство“ есть принцип художественной методологии платоновского произведения. Эти масштабы легко вмещаются в рассказах Платонова, потому что по существу местом действия их является „разбитое сердце и навсегда смущенная душа человека“, а такое сердце, такая душа, полагает Платонов, вездесущи».<sup>29</sup> О том, что стилевая плотность платоновской прозы, ее философичность являются следствием ослабления каузальных связей сюжетики, интересно размышляли критики и писатели в 1941 году на обсуждении рассказа «В этом прекрасном и яростном мире»: «Мне хочется иногда задать в упор вопрос Андрею Платонову — почему так получается, почему в конце концов все покоится на философской ткани, почему это ощущение реального, мяса, если можно так выразиться, того, что порождает саму мысль, — почему это вынимается из рассказа?» (С. Т. Григорьев).<sup>30</sup>

То, что для «чистой» филологии является предметом исследования — природа внутренней организованности платоновского текста (поэтика и архитектоника), для текстологии остается, может быть, самой сложной проблемой. Сегодня мы имеем две редакции «Эфирного тракта», «Сокровенного человека», «Чевенгура», «Котлована», «Джан», «Возвращения»; три редакции «Города Градова», «14 Красных Избушек», «Среди животных и растений», «Афродиты», «Впрок», «Высокого напряжения»; вместо целостной поэтики произведения — движущую поэтику творчества. Стремление к жестким и одновременно открытым финалам своих произведений — одно из коренных качеств художественной философии Платонова. Напомним уже цитировавшийся ответ писателя В. Стрельниковой: «...окончание не в литературе, а в жизни». Сам автор неоднократно в рукописи или в машинописи зачеркивал свою неизменную запись на последней странице — «Конец» — и переписывал или дописывал финал. Так появились двойные финалы «Чевенгура», «Котлована», «Джан», ряда рассказов. Восстановить канонический текст произведения Платонова, исключая эстетические и политические пристрастия текстолога, сегодня практически невозможно — слишком не прояснены общий контекст творчества, границы периодов, явно зияют пустоты в хронике жизни и творчества писателя, неясны обстоятельства всех редакций. Здесь двигаться приходится мелкими шажками, штрихами обозначая узлы и вопросы, фиксируя белые пятна.

Мы остановимся на одном, по-своему блуждающем сюжете в творчестве Платонова как проблеме текстологической. Речь пойдет

<sup>29</sup> Гурвич А. Андрей Платонов // Красная новь. 1937. № 10. С. 220—225.

<sup>30</sup> РГАЛИ, ф. 2194, оп. 1, ед. хр. 474.

об американском сюжете в творчестве Платонова 20—40-х годов — о его рождении, жизни и судьбе. Необходимость интерпретации данного сюжета подтвердило последнее произведение Платонова — комедия «Ноев Ковчег» («Каиново отродье»), подготовка текста и поиск формы комментария.<sup>31</sup> «Ноев Ковчег» писался Платоновым в 1949—1950 годах, теперь уже смерть оборвала завершение пьесы, работу над финалом. Сопряженность «Ноева Ковчеха», антиамериканского замысла с современной ему историей очевидна: один из центральных персонажей пьесы — Черчилль, сразу после войны возвестивший миру, что «если Россия не будет вести себя соответствующим образом, то она будет разрушена».<sup>32</sup> Из послевоенной эпохи и ряд коллизий, связанных с обострением отношений между Атлантическим блоком и СССР, СССР и США, и потревоженное первым взрывом атомной бомбы время и пространство. В художественном мире Платонова вся земля после войны перенасыщена знаками нового Чевенгура — теперь мирового Чевенгура, где отменяется прежний лад жизни уже не провинциального городка, а мировой цивилизации. «Хоровод», — записывает Платонов на полях рукописи пьесы, где даются диалоги Черчилля и Гамсуна о новом — американском — императоре всего земного шара и о новом, теперь уже мировом, очаге. Диалоги пьесы при всей их абсурдности удивительным образом воскрешают в новой форме и в современном контексте замысел великого инквизитора Прошки Дванова о царстве «интернациональных пролетариев», «классе первого сорта», который легко вести вперед в светлое мировое будущее, ибо они — не русские, не армяне, не татары, — а никто» («Чевенгур»). В традиции чевенгурского замысла создается и своеобразный замятинско-оруэлловско-платоновский новый герой — Чад-Ек № 101: «Это наш новый человек, солдат-космополит, бесстрашный солдат всемирной американской нации». Как своеобразный метагерой этого «хоровода» новых «идейных людей» («Сокровенный человек»), теперь уже персонажей всех веков и всех народов, которых можно назвать «окаянно отступившимися от матери» («Чевенгур») мучителями Евы, — выступает Агасфер. Платонов не успеет ввести в действие всех заявленных героев — Эйнштейна, Шоу, Чаплина. Но их появление на авансцене последнего произведения, как и состоявшиеся акты действия, конечно, не были случайными. Платонов завершал в «Ноевом Ковчеге» один из ключевых сюжетов творчества, сюжетов запрещенных, входящих в самое ядро его историософского и культурного поиска. В 10—20-е годы в круг историософских тем русской литературы — наряду с вечной темой Востока—Запада — войдет Америка. Есть Америка Блока, Горького, Есенина, Маяковского, Гастева, Замятина... Есть и Америка Андрея Платонова, она появляется в его творчестве в 1922—1923 годах. Контекст творчества, в котором вызревала у Платонова американская тема, непростой. «Созерцательное дело», которому были отданы усилия молодого Пла-

<sup>31</sup> См.: Новый мир. 1993. № 9. С. 97—140.

<sup>32</sup> Новое время. 1945. № 8. С. 20.

тонова, становилось в это время для него предметом мучительных раздумий. Две ставшие известными недавно статьи Платонова 1923 года не прошли воронежскую цензуру. Одна из них — своеобразное лирико-философское эссе «Невозможное» — посвящена новым людям, адептам идеи электромагнитного происхождения мира и тупикам, к которым они приходят. Гимн герою науки, открывшему тайну вселенной — «вся бесконечность есть свет, есть сфера электромагнитных содроганий», обретает свой культурный архетип: «Печальный и ласковый странник — Агасфер прошел и показал дорогу, ничего не показывая и не говоря. Мы должны увидеть мир его мутными тоскующими очами». Романтическое бесстрашие агасферов науки, охваченных идеями социал-космизма, — главная тема научных фантазий Платонова этого времени — это один из полюсов рефлексии о «дороге» современного Агасфера и ее результатах.

Вторая статья Платонова 1923 года, также оставшаяся в архиве, — «Симфония сознания»; она посвящена книге О. Шпенглера «Закат Европы». В «Закате Европы» внимание Платонова приковывает шпенглеровская «морфология истории», логика его аргументаций по поводу неизбежного кризиса и гибели любой культуры, в том числе и европейской. «Гибель», «катастрофа» Европы — в утрате «души» культуры, которая ведет к тупику, «стене» и смене парадигмы европейской жизни, — через «Закат Европы» Платонов проговаривает большие вопросы настоящего, прошлого и будущего России. Размышляя о содержании культуры нового человечества, «зачатого пролетариатом», Платонов во второй части статьи (она называется «История и природа») пишет о том, что именно в истории, а не в природе (!) кроется разрешение глубочайших роковых вопросов человечества нового века: «История есть для нас уменьшающееся время, выковка своей судьбы. Природа — законченное время; законченное потому, что оно остановилось, а остановившееся время есть пространство, т. е. сокровенность природы, мертвое лицо, в котором нет жизни и нет загадки (...) Но человечество живет не в пространстве — природе и не в истории — времени — будущем, а в той точке между ними, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа. Человеческой сокровенности одинаково чужды, в конце концов, и время, и пространство, и оно живет в звене между ними, в третьей форме, и только пропускает через себя пламенную ревушую лаву — время и косит глаза назад, где громоздится этот хаос огня, вращается смерчем и вихрем — и падает, обессиливается, — из свободы и всемогущества делается немощью и ограниченностью — пространством, природой, сознанием».<sup>33</sup>

Размышления Платонова о пространственно-временном ареале сознания нового века включают в себя не только опыт западноевропейского «заката Европы», но и русского «крушения гуманизма» (А. Блок) и «апофеоза беспочвенности» (Л. Шестов) — мысль бьется

---

<sup>33</sup>См.: Корниенко Н. История текста повести «Эфирный тракт» // Здесь и Теперь. 1993. № 1. С. 46—53.

в теснинах обезбоженного сознания, отмечая эйнштейновский взгляд на пространство и время, пытаясь построить новую — идеальную — вертикаль не только жизнеустройства, но и мироустройства. Напомним, что в русском искусстве очарованность теорией относительности Эйнштейна приходится именно на первую половину 20-х годов. «Эйнштейном сорваны с якорей само пространство и время <...> После произведенного Эйнштейном геометрически-философского землетрясения окончательно погибли прежнее пространство и время»,<sup>34</sup> — писал в 1922 году Е. Замятин. У Платонова был свой эйнштейновский период творчества: в 1921 году он написал статью «Слышные шаги», своеобразную рецензию на книгу последователя Эйнштейна, математика Минковского (книга Минковского «Пространство и время» была издана в России в 1919). В личном архиве М. А. Платоновой сохранились две книги из библиотеки Платонова, книги 1923 года: «Эйнштейн и Вселенная» Ш. Нордмана и «Эйнштейн и религия» В. Тана-Богораза. Если кратко резюмировать содержание этих книг, широко внедрявшихся наряду с психоанализом Фрейда в общественное сознание 20-х годов, то его можно свести к нескольким положениям: гипотеза абсолютного времени, как и абсолютного пространства, идущая в науке от Аристотеля и Ньютона, ставшая основой классического сознания в мировой культуре, с «научной точки зрения», с точки зрения теории относительности ложная. Единственным временем является время психологическое (когда «все позволено», сказал бы Достоевский); теория относительности опрокидывает все представления о материи, ибо есть лишь «нечто», что можно принять за тело, предмет, явление; теория относительности снимает все тупики для царства знания, у которого больше нет границ; все явления культуры, в том числе и религии, например иконы Божьей Матери, можно рассматривать в одном ряду с галлюцинациями и т. д. Для того чтобы сдвинуть «глыбу православия» (Л. Троицкий), фундаментальную для русской культуры, годилось все.

Размышляя в это время о религии, науке, коммунизме и способности науки заместить религиозную веру народа, Платонов замечает: «Вы скажете, что мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ *не утешит*» (статья «О любви»). Напомним, что и Макар Ганушкин, вернувшись именно из Москвы, где он познал «пользу» научных противоречий, «знал, что наука с негодованием отвергает небо» («Отмежевавшийся Макар», 1930).

Именно героя, не отягощенного памятью культуры, Ивана Копчикова, отправит Платонов в 1923 году в Америку («Рассказ о многих интересных вещах»). Весь рассказ построен как своеобразные вехи, этапы пути маленького русского Агасфера к Америке: сиротство Ивана («— Кто его отец? — Глашка отвечала: — Не знаю. *Нету отца*»), мечта о новой нации («*Надо другую нацию родить*, — сказал Иван, — какой не было на свете. Старая нация нам не нужна»); коммуна — «большевицкая нация»; встреча с Каспийской

<sup>34</sup> Цит. по: Анненков Ю. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 2. С. 17—18.

невестой; город, где Иван открывает тайну мира как «атомной пыли», расставание с родной землей. В этих веках пути Ивана к Америке узнается будущее пространство деятельности «безотцовщины», идеологов нового братства-товарищества в романе «Чевенгур».

В 1923 году был опубликован лишь «Рассказ о многих интересных вещах» (обе статьи отклоняются). Однако в 1926 году Платонов воспроизведет — в новых формах — весь узел историософской проблематики, связанной с «идеей пути» России. Работая над первой повестью «Эфирный тракт», писатель вернется к статье «Симфония сознания» — в рукописи повести и был обнаружен ее оригинал. Однако имя Шпенглера и другие имена его современников будут заменены на вымышленные, а сам голос европейского современника отдан автору книги «Песни Аюны», книги забытой древней цивилизации. Именно этот голос не будет услышан Михаилом Кирпичниковым, ученым, который отправляется в Америку за решением вопроса о тайне мира — бессмертия, не будет услышан и его сыном — они гибнут вдали от родины. Самые разные модификации и своеобразные двойники американской «чистой цивилизации» (выражение О. Шпенглера), не отягощенной памятью культуры, возникают в рассказе Платонова 1926 года «Антисексус». Писатель собирает на страницах рассказа своеобразный «хоровод» рационалистов и интуитивистов, воспевающих цивилизацию, где все роковые «проклятые» вопросы жизни решены (или разрешены — у интуитивистов) через аппарат «Антисексус». Аппарат «Антисексус» как символ новой цивилизации, где человек избавлен от трагики жизни, от вечной муки причастности к всемирному акту грехопадения первых людей земли — Адама и Евы, появится в это время и на страницах «Эфирного тракта», повествующих о пребывании Михаила Кирпичникова в Америке. Калифорния, которую посетит герой, предстает как рай земной, где властвует новая религия — религия благоденствия, богатства, утилитарного Эдема. Своеобразным двойником этого упорядоченного, рационально выстроенного мира предстает у Платонова и советская литература в статье «Фабрика литературы» (1926).

Открытие Америки как грядущего типа цивилизации предопределило особую интонацию — интонацию сочувствия, с какой дается в 1927 году в повести «Епифанские шлюзы» судьба европейского скитальца инженера Бертрана Перри. В этот же год страницы повести «Сокровенный человек» незримо посетит один из персонажей современной Америки — Генри Форд. К Форду как инженеру, изобретателю, хозяйственнику отношение у Платонова интимное. Но не однозначное. Русский мастеровой Фома Пухов высказывает мысли, созвучные идеям организатора производства Генри Форда. Однако для Фомы Пухова, открывающего галерею платоновских «душевных бедняков», не менее важными, чем вопросы материального благополучия, остаются вопросы о главном богатстве бедных — душе, его мучительное одиночество в мире и величайшее благоденствие, заключающееся в открытии — «среди природы» — неба, вечного неба как высокого откровения. Не случайно, думается, Платонов убрал

из повести эпиграф, отсылающий к Форду: «Бедность — аномалия. Форд» — и заменил первоначальное название «Страна философов» на новое — «Сокровенный человек».<sup>35</sup> Это название вводит в историю философию русской судьбы эпохи «чистой цивилизации» христианскую традицию: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде. Но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (Петр, 3, 3—4). «Бедность есть честь», «Россия держит мир» — записывает Платонов в черновиках к повести «Дар жизни».<sup>36</sup> Мысль о том, что культура произошла от самых бедных, «гонимых», от «нужды», — одна из постоянных в статьях и записных книжках Платонова 30-х годов.

Полюса бедности и богатства в русско-американской теме у Платонова достаточно рельефно представляет один из блуждающих сюжетов его творчества — «Масло розы». Его сюжетный рисунок присутствует в «Рассказе о многих интересных вещах». В 1926 году он пытается этот сюжет оформить в самостоятельный рассказ «Масло розы» («Розовое масло»). Это рассказ о встрече инженера Михаила Коваля, бредущего в Америку в поисках розового масла, секрета благоденствия и бессмертия человека, и богомольца с Афона Феодосия. Итак, полюса двух идеологий жизни: Афон — символ русского монашества с его аскезой в обретении христианского идеала («Царство Мое не от мира сего») и религия новой цивилизации — религия земного Эдема. «Наша держава оттого и бедна, что Бога помнит, а себя забыла, — вещает перед кротким и сомневающимся Феодосием Михаил Коваль. — Вот я ей напомним. А то рожь и картоха, рожь да просо». Рассказ «Масло розы» не был дописан Платоновым в 1926 году, он включает его в рукопись «Эфирного тракта» и отдает роль Михаила Коваля Михаилу Кирпичникову, ставшему в рукописи повести «жителем Гробовского уезда». Однако в первой половине 1927 года Платонову не удастся опубликовать «Эфирный тракт»: цензура не пропускала ни американские главы, ни замаскированного в «Песнях Аюны» Шпенглера, ни странные русские главы.<sup>37</sup> Однако сюжет новых Агасферов, советских странников, тревожит Платонова (реминисценцией он всплывает в «Чевенгуре» в сюжете встречи с Мрачинским). В 1927 году Платонов по-своему монтирует из воронежского «Рассказа о многих интересных вещах» и глав запрещенного «Эфирного тракта» два своеобразных цикла рассказов «Из Генерального сочинения» и «Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия» (книга «Епифанские шлюзы», 1927). Здесь вместо Коваля—Кирпичникова в Америку отправляется известный Иван Копчиков, история жизни которого обозначена почти эмблематично — «житель Безотцовского уезда».<sup>38</sup>

<sup>35</sup> Архив М. А. Платоновой. «Сокровенный человек». Рукопись, л. 1.

<sup>36</sup> РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 11.

<sup>37</sup> См. об этом: Здесь и Теперь. 1993. № 1. С. 36—55.

<sup>38</sup> Платонов А. Епифанские шлюзы. М., 1927. С. 249.

Сюжет «Масло розы» беспокоит Платонова и в 1929 году; он оформляет его в самостоятельный рассказ, своеобразную быль. В 1930 году, работая над первой редакцией повести «Впрок», писатель вкладывает машинопись рассказа в рукопись хроники и «устраивает» встречу «душевного бедняка» с Фомой и Петром Маковкиным, бредущим маршрутом Копчикова—Коваля—Кирпичникова. «Душевный бедняк» прямодушно выскажется по поводу поездки теперь уже Маковкина в Америку, посоветовав ему прежде всего побывать в Москве у академика Вавилова, «который поможет Петру в исполнении его мечты и, если нужно будет, снарядит его в Америку».<sup>39</sup> Однако Петр пойдет прежней дорогой. Рецензенты не пропустят «эпизод об утописте» (запись на полях машинописи); вместе с другими эпизодами «Масло розы» исчезнет из текста повести «Впрок», опубликованной в марте 1931 года. Однако сомнения «душевного бедняка» останутся и, можно сказать, оправдаются. В конце 1931 года в Америку неожиданно отправляются герои повести «Ювенильное море» Надежда Босталоева и творец новой космологии мира Николай Вермо, вечный подросток и дитя «Чевенгура». В этой новой модификации сюжет «Масло розы» превращается почти в фабульную точку, однако течет в ту же сторону — к прежним соблазнам и отпадению героев от родины. Консерватору Умрищеву, исповедующему принцип «Не суйся!», Платонов поручит «озвучить» в новой «редакции» финал «Рассказа о многих интересных вещах»: «А что, мавруш, когда Николай Эдвардович и Надежда Михайловна начнут из дневного света делать электричество, не настанет ли тогда сумрак?...» (ср. с финалом рассказа 1923 года: «Человек остановился, а солнце вдруг потухло. И далеко на небе что-то зарычало, раступилось и ухнуло в голосистой тишине. *Стал быть мрак*»).

При жизни Платонова «Ювенильное море» не было опубликовано, как и предшествующие произведения, где развивался американский сюжет. Не были опубликованы и последующие — «Мусорный ветер», «О первой социалистической трагедии», «Джан», где темы новой цивилизации являются центральными. Пожалуй, лишь в 1938 году, в рецензии на романы Хэмингуэя, Платонов, оставаясь в рамках официальной — антиимпериалистической — терминологии, затрагивает ключевые историсофские проблемы XX века: «Империализм подавляет и заражает не только людей, но и саму землю и траву, на которой живет человек. Идиллической хижины сейчас не может быть в мире — ее место потребовалось для аэродрома, и хижину снесли... Для фашистского империализма нужен обязательно весь мир — до крайней глубины человеческой души, до последнего убежища в горной пещере и до последней сосны, которая пойдет на переработку во взрывчатое вещество, и этим веществом будет взорвана земля, где сосна росла, и убежище с притаившимся в ней «чужим», «одиноким» человеком, поскольку он не желает присоединиться к фашизму». Можно сказать, что вся статья о Хэмингуэе

<sup>39</sup> Архив М. А. Платоновой. «Впрок». Рукопись. См. об этом: Новый мир. 1993. № 9. С. 139—140.

1938 года — это своеобразная шифрограмма к запрещенной теме Америки—Европы—России. А взрыв земли, о котором грезили социал-космисты его ранних фантазий, мечтая и срывая — тогда еще лишь в фантазиях — мироздание с привычной его орбиты, потряс мир в 1945 году. В 1946 году Платонов пишет пьесу о советских физиках — «Настоящее и будущее», в 1950 — «Ноев Ковчег».

Мы взяли лишь один сюжет платоновского мира в его развитии — в контексте реальной писательской биографии. Сюжет, бытие которого было осложнено цензурными запретами. Это одна сторона. Но есть и другая. Сами запреты — так было и в правке отдельных редакций — толкали Платонова, художника абсолютно свободного в языковой стихии, к новым решениям ранее запрещенных произведений, глав, сюжетов, фраз. С точки зрения текстологической в отношении к приведенным сюжетам (а это лишь один пример) мы получили достаточно сложную ситуацию модификаций в произведениях разных периодов одного и того же текста — речь идет и о «Симфонии сознания», и о «Масле розы». Более того, что принять за каноническую редакцию в с е х приведенных текстов — «Рассказа о многих интересных вещах», «Эфирного тракта», «Впрок», «Ювенильного моря» — на этот вопрос вряд ли можно сегодня ответить. Думается, ответ на этот главный вопрос текстологии как науки в отношении к творчеству Платонова преждевремен. И в этом есть и своя печаль, и своя отрада. Мелкими шажками, без «общих масштабов», с любовью к творениям «честного Макара» мы будем осваивать каждый текст классика, идти за движением руки писателя, погружаться в его художественную мастерскую, писать и переписывать историю каждого текста Платонова. В первоначальной текстологической работе нам видится возможность серьезного историко-литературного прочтения произведений Платонова. «История текста (в широком смысле этого слова), — отмечал в 1927 году Б. Томашевский, — дает историку литературы материал движения, который не лежит на поверхности литературы, а скрыт в лаборатории писателя».<sup>40</sup>

---

<sup>40</sup> Томашевский Б. Писатель и книга. С. 148.



**В. В. Перхин**

## **ТАЙНОПИСЬ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА**

Литературная критика А. П. Платонова обстоятельно рассматривалась в работах В. Васильева, Н. Корниенко, Н. Малыгиной, Л. Шубина. Однако до сих пор не включены в научный оборот многие из его рецензий 1939—1940 годов, которые подтверждают известную истину: писатель размышляет в статьях о том же, что его волновало и в художественных произведениях. Жанр литературной рецензии был нужен Платонову, чтобы продолжить осмысление трагического в жизни русского народа, начатое в повестях «Котлован» и «Впрок».

Цель данной статьи — представить предварительные соображения о том, как в конце 30-х годов Платонов доносил до читателя-друга свои тревожные мысли с помощью средств «тайнописи».

Летом 1931 года М. М. Пришвин, проницательный и умный летописец, констатировал: «Новая страна родилась и растет». <sup>1</sup> Тогда же современники заметили двойственность роста, двойственность социальной действительности, углубляющуюся на протяжении десятилетия.

С одной стороны, миллионы людей в процессе создания индустриальной мощи «новой страны» почувствовали себя ее хозяевами и преобразователями, испытывали, как говорил А. Прокофьев, «громадную радость существования, ощущение мира как своего». <sup>2</sup> С другой стороны, миллионы лишились этого ощущения в ходе насильственной коллективизации. <sup>3</sup> Но произведения, отражающие настроения «насилуемых крестьян» лишь случайно, в результате цензурных недосмотров, попадали на страницы периодики. Так, например, поэт А. Чернов опубликовал стихи — зарисовки деревенского пейзажа после сплошной коллективизации:

А на полях воет ветер,  
Воют собаки бездомные,  
Страшно ночью осенней  
Думать о черных степях.

---

<sup>1</sup> Пришвин М. 1931—1932 годы: Дневник // Октябрь. 1990. № 1. С. 172.

<sup>2</sup> Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 570.

<sup>3</sup> Современник записал слова высланного крестьянина: «Все чего-то боимся. И я боюсь. Я вот даже врать начал. А раньше не врал» (Еловских В. Спецпереселенцы // Наш современник. 1989. № 8. С. 142).

Упущения цензуры спешила исправить официозная критика. На упомянутые стихи отреагировал А. Безыменский. Он доложил первому съезду писателей: это «прямой выпад против нас», попытка «классового врага» «отравлять наше сознание».<sup>4</sup>

Доминировали сочинения, в которых, по словам Пришвина, «восхвалялись подвиги государства».<sup>5</sup> В периодике все больше тон задавали статьи, «замалчивающие трудности и опасности» и преисполненные «чрезмерных восторгов перед достижениями». Это справедливое мнение высказала М. И. Ульянова в письме-протесте в Политбюро от 22 апреля 1929 года.<sup>6</sup> В. В. Оболенский, заместитель председателя ВСНХ СССР, тоже вынужден был ограничиться горьким замечанием в одном из писем от 13 ноября 1931 года: «Массу пишут юбилейного вранья; безобразная «квасно-патриотическая» ложь».<sup>7</sup> Правда о действительности оказалась замкнутой в письма и дневники крестьян, писателей, публицистов и критиков, не согласных с официальной интерпретацией социальных процессов.

Работу по обслуживанию сталинских политических установок выполняли авторы, которых А. Веселый метко назвал «литературными шлюхами»,<sup>8</sup> Пришвин — «корректными чиновниками»,<sup>9</sup> а М. Горький в 1935 году относил к той интеллигенции, которая «всегда готова польстить тому, кого она считает сильным и боится».<sup>10</sup> Их объединяло одно: они всегда руководствовались нормами новейших политических указаний, а совесть их не была обременена, подобно совести Платонова, «тревогой за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего».<sup>11</sup>

С грустью и тревогой Пришвин обобщал свои наблюдения над деятельностью этого многочисленного отряда литераторов: «Так вот теперь и живем: искусство без правды».<sup>12</sup> Словно бы вторя коллеге, Платонов записывал в те же дни в своем дневнике: «Как не похожа жизнь на литературу». И пояснял: в жизни «отчаяние», а в литературе — «легкость чувства». И выносил приговор такой литературе: «Большая ложь».<sup>13</sup>

К этому времени честные писатели осознали, что «возможность откровенно и безнаказанно излагать свои мысли, чувства и мнения»<sup>14</sup>

<sup>4</sup> Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. С. 550.

<sup>5</sup> Пришвин М. 1931—1932 годы: Дневник. С. 153.

<sup>6</sup> См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 127.

<sup>7</sup> ААН, ф. Р-V, оп. 1-0, ед. хр. 11, л. 43 об.

<sup>8</sup> Веселый А. Под знаменем поэзии // 30 дней. 1927. № 5. С. 24.

<sup>9</sup> Пришвин М. 1931—1932 годы.: Дневник. С. 170.

<sup>10</sup> Горький М. О литературе. М., 1935. С. 357.

<sup>11</sup> Новый мир. 1987. № 6. С. 120. Хотя некоторые из них были неплохо осведомлены о происходящем в стране. Так, Л. Авербах писал М. Горькому: «Пятнадцатая годовщина прошла хорошо. Но трудности в стране изрядные. Особо плохо с казачками на Северном Кавказе <...> ежели хотите, черкну Вам на все эти темы» (Архив М. Горького. КГ-П1-31.-25.).

<sup>12</sup> Пришвин М. 1931—1932 годы: Дневник, с. 173.

<sup>13</sup> Лит. Россия. 1982. 1 января. С. 8.

<sup>14</sup> Макаренко А. Маршрутами тридцатого года. М., 1988. С. 223—224.

ушла в прошлое. Наступили времена драматического выбора: между верностью таланту, правде жизни и верноподданностью, сужавшей правду жизни, угол зрения таланта до узких рамок директивных документов.<sup>15</sup> Тот, кто вступал на путь борьбы с ложной, односторонней картиной действительности, и желал выйти за узкие эпистолярные и дневниковые рамки, неизбежно в условиях административного и цензурного контроля должен был обратиться к тайнописи.

К ее средствам прибегали едва ли не все глубоко мыслящие личности. П. А. Флоренский, который в 1922 г. не без гордости заявлял, что «всегда выступал открыто и не заслуживает подозрения в задних мыслях»<sup>16</sup> (в те годы такое мог бы сказать и Платонов), в начале 30-х стал теоретиком тайнописи: он обстоятельно размышлял, как с помощью «умолчания» воздействовать на читателя.<sup>17</sup> Суждения Флоренского были опубликованы в журнале, редактируемом Н. И. Бухариным, который в 1935 году, по свидетельству Р. Роллана, восклицал: «...нужно уметь читать между строк».<sup>18</sup> Бесспорно, этот навык необходим для понимания и ряда его статей в «Известиях» 1935—1936 годов.

Даже М. Горький обратился к тайнописи. В некоторых статьях 1935—1936 годов этого уже нельзя было не замечать. Остановимся только на одном эпизоде, который позволит лучше представить ситуацию в критике накануне вступления Платонова на поприще литературной борьбы. Это полемика Горького в связи с изданием «Бесов» Ф. М. Достоевского.<sup>19</sup>

В начале 1935 года стало известно, что издательство Academia (М. Горький был председателем редакционного совета) готовит к выпуску роман «Бесы». В связи с этим в «Правде» появилась заметка «Литературная гниль» (1935. 20 янв.). Так назвал этот роман Д. И. Заславский. Он попытался взять в союзники Горького, напомнив о протесте писателя против инсценировки романа Московским Художественным театром в 1913 году. Горький отверг эту попытку (хотя еще в 1928 году он не соглашался с замыслом Госиздата: «Не вижу оснований издавать «Бесов», они есть в Полн. собр. соч.»<sup>20</sup>). Если мнение

<sup>15</sup> Уже в начале 30-х годов появились теоретические обоснования достоинства выбора в пользу того, что Ульянова и Оболенский, Пришвин и Платонов считали ложью. Вот характерный пример такой логики: «Америка сегодня для нас огромная техническая культура. И однако правдивое изображение САСШ будет то, которое покажет сонную одурь капитализма. Настоящий художник показывает, если он правдивый художник, победу ведущих социалистических тенденций нашего развития» (Перцов В. О лупе времени и правдивом изображении действительности // Знамя. 1933. № 3. С. 183, 185).

<sup>16</sup> Флоренский П. В политотдел // Лит. газ. 1989. 5 июля. С. 2.

<sup>17</sup> См.: Социалистическая реконструкция и наука. 1933. № 1. С. 174. Контрабандные вставки в свои сочинения, в «Диалектику мифа» делал А. Ф. Лосев (Тахо-Годи А. Преодоление хаоса // Сов. культура. 1989. 26 сент. С. 6). О «метафорических выражениях» упоминал Лосев и в своих письмах 1931—1932 годов. См.: Наше наследие. 1989. № 5. С. 80.

<sup>18</sup> Роллан Р. Московский дневник // Вопр. лит. 1989. № 3. С. 238.

<sup>19</sup> Она привлекла внимание современников. См.: Чуковский К. Из дневников // Наше наследие. 1988. № 2. С. 98.

<sup>20</sup> ААН, ф. 520, оп. 2, ед. хр. 314, л. 5.

Заславского, ставшего официозным критиком, не изменилось с 1913 года, то позиция Горького стала другой.

Возражая Заславскому в январе 1935 года, Горький заявил: «Бесы» — «самый удачный роман» Достоевского, он нужен сейчас: «...я решительно высказываюсь за издание «Академией» романа „Бесы“». <sup>21</sup> Фактически Горький дал понять, что издание «Бесов» — общественная необходимость. В середине 30-х годов это было откровенным вызовом, дерзостью, которую нельзя было простить даже Горькому.

Уже на следующий день «Правда» печатает отповедь: «По поводу заметок А. М. Горького». Тот же Заславский указывал, что из предложения Горького «с неумолимой логикой вытекает вывод о пользе издания контрреволюционной литературы Троцкого, Зиновьева, Каменева, известных руководителей правой оппозиции, для того чтобы советская молодежь изучала идеологию классового врага». Заславский обвинил Горького в «благородном либерализме», а по существу, в политической неблагонадежности.

Не без иронии Горький парировал возражения оппонента: «Громко выраженный испуг Заславского кажется мне неуместным. Советская власть ничего не боится, и всего менее может испугать ее издание старинного романа». Можно ли было в то время яснее сказать, что издание «Бесов» пугает тех, кого роман может показать в неблагоприятном свете?

Обосновывая издание «Бесов», Горький обратился к иносказанию. Он писал: «Время необходимо знать, надо знать его „идеологию...“». Но какое время помогут понять «Бесы»? Этого писатель не уточнял. Читатель должен был домыслить, что речь идет и о современности. Аналогичный подтекст у следующей фразы: «Но будучи внимательно прочитана, книга эта покажет, что были только эмоции страха, озлобления, мести...» Горький, известный в прошлом ненавистник этого романа, вдруг стал призывать к медленному чтению книги, чтобы увидеть «эмоции страха, озлобления, мести». У кого? Где? Это Горький тоже не конкретизировал. Он безлично утверждал: «Были», предлагая читателю самостоятельно искать ответ. Может быть, только слегка намекнул, сказал «полуслово». Ведь «испуг» Заславского — разновидность «страха» и «озлобления», которые приводят действиями героев Достоевского.

Вероятно, к середине 30-х годов умудренный опытом московских знакомств с некоторыми из бывших «революционеров», ставших руководителями разных ведомств, Горький понял правду пророчеств Достоевского. Возможно, он заметил, что в печати сделаны попытки оправдать деятельность С. Г. Нечаева, оживить в общественном сознании идеи его «Катехизиса революционера». <sup>22</sup> Примечательно, что тогда же Горький резко выступил против возрождения «махаевщины»

---

<sup>21</sup> Горький М. Об издании романа «Бесы» // Правда. 1935. 24 янв.

<sup>22</sup> В. Бонч-Бруевич, излагая воззрения Нечаева, называл его «одним из самых пламенных революционеров» (Тридцать дней. 1934. № 1. С. 18.). Горький регулярно просматривал этот журнал.

с ее враждебным отношением к интеллигенции и опорой на деклассированные элементы.<sup>23</sup> Улавливая «новые» веяния в общественном сознании, Горький изменил отношение к роману «Бесы». Более того, в полемике с Заславским появился отголосок «Несвоевременных мыслей». Ведь именно там Горький дал портрет «революционера на время», отметив, что «он насыщен чувством мести...».<sup>24</sup> Можно сказать, на мой взгляд, что сознательно или бессознательно Горький стал возвращаться в 1935 году к своим идеям 1918 года. Только теперь и у Горького практически был один путь высказывания «несвоевременных мыслей» — путь иносказаний и намеков.

Думающий читатель 30-х годов умел видеть между строк. Это подтверждал Б. Ясенский: читатель научился «думать и додумывать многое из недосказанного автором».<sup>25</sup> Подозрительность официозной критики может быть даже подталкивала читателей на поиски тайного смысла. Со страниц периодики не сходили предостережения, что художник может «там, где нельзя сказать прямо, допустить иносказание <...> напялив колпак юродивого или Иванушки-дурачка, бормотать кое-что классово далеко не бессмысленное».<sup>26</sup> В. Ставский неоднократно упрекал Б. Пильняка в том, что тот подает материал «в зашифрованном виде».<sup>27</sup> Подобные упреки бросались Пастернаку: у него «шифр, адресованный кому-то с совершенно недвусмысленной апелляцией <...> для чуждых и враждебных целей».<sup>28</sup>

Эти подозрения были небезосновательны: во второй половине 30-х годов, когда, по выражению В. И. Вернадского, «цензура сделалась еще невежественнее»<sup>29</sup> и невероятно увеличился разрыв между истинным положением дел и газетно-журнальной риторикой, необходимость «зашифрованности» стала чрезвычайной.

Платонов был подготовлен к тайнописи своим художественным опытом. Еще в середине 20-х он признавался, что если бы всегда говорил прямо, то его бы не печатали.<sup>30</sup> В письме к М. Горькому от 24 июля 1931 года он невольно подтвердил «тайные» намерения: повесть «Впрок» вышла действительно «обманная».<sup>31</sup> И в «Ювенильном море» обнаружился второй, «тайный», план; не случайно А. В. Луначарский увидел в этой повести «пародию».<sup>32</sup>

Можно сказать, что Платонов давно сознавал свой дар писать между строк и особые возможности тайнописи. Это подтверждают и некоторые его высказывания второй половины 30-х годов. Например, в статье «Пушкин — наш товарищ» (1937) критик говорил о «способе „второго смысла“, где решение достигается <...> всей

<sup>23</sup> Горький М. О литературе. М., 1935. С. 357.

<sup>24</sup> Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 188.

<sup>25</sup> Лит. газ. 1936. 10 мая.

<sup>26</sup> Корабельников Г. Мир кулацкой зоологии // Правда. 1934. 23 июля.

<sup>27</sup> Ставский В. О формализме и натурализме в литературе // Лит. газ. 1936.

15 марта.

<sup>28</sup> Пленум Правления Союза советских писателей // Правда. 1937. 25 февр.

<sup>29</sup> Философские науки. 1988. № 4. С. 103—104.

<sup>30</sup> Правда. 1988. 9 мая.

<sup>31</sup> Вопр. лит. 1988. № 9. С. 178.

<sup>32</sup> См.: Рус. литература. 1990. № 1. С. 232.

музыкой, организацией произведения, — добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора, как главного героя сочинения. Другого способа для таких вещей не существует».<sup>33</sup> Чуть ниже Платонов пояснял, почему нельзя применить другой, прямой, способ выражения мысли, почему приходится прибегать к «очень осторожной, иногда даже двусмысленной, форме», — потому что писатель «очень связан и ограничен специфическими условиями (цензором-царем, своим общественным положением и пр.)» (17).

Думается, здесь Платонов разъяснял не только пушкинский метод, но и свои принципы, давал ориентиры читателю-другу. В силу «специфических условий» конца 30-х годов к способу «второго смысла», к особой «организации произведения», к «добавочной силе» обратился Платонов-критик, вступив в острое противостояние с официальной концепцией действительности.

В марте 1939 г. состоялся 18 съезд ВКП(б). Было отмечено, что осуществлена реконструкция земледелия и что СССР вступил в полосу завершения строительства социалистического общества и перехода от социализма к коммунизму. Установки съезда обернулись особыми требованиями к литературе: пора кончать с показом событий 1929—1933 годов.<sup>34</sup> Редакторы, опасаясь нежелательных ассоциаций, вычеркивали любое упоминание о любом голоде.<sup>35</sup>

В периодике утверждалось: «...в нашей колхозной деревне условия, толкавшие миллионы крестьян в город, бесследно исчезли».<sup>36</sup> В действительности было и другое: «Уходят люди в город на производство...»; красноармейцы «разузнают, чем в колхозе пахнет, и смаываются на производство в город».<sup>37</sup>

Официозная критика, накопившая к этому времени немалый опыт, умело поддерживала официальную версию об эпохе «сплошной коллективизации» и ее последствиях. Автор «Котлована» и «Впрок», конечно, не мог ее разделять, не мог забыть, что колхозное строительство было связано со страданиями огромной части «крестьянского народа». Участь «крестьянского народа» стала одним из главных сюжетов литературной критики Платонова 1939—1940 годов. Из 15 статей, опубликованных за два года в «Литературном обозрении», 9 полностью или частично посвящены крестьянской теме, в том числе непосредственно коллективизации и, в частности, судьбе высланных.

Рецензия «В поисках родины» на книгу А. Ершова начинается коротким абзацем: «В сборнике восемь рассказов, созданных в течение 1910—1937 годов».<sup>38</sup> Кажется, критик пойдет проторенной

<sup>33</sup> Платонов А. Размышления читателя. М., 1980. С. 16. Далее страницы указываются в тексте.

<sup>34</sup> «Жизнь далеко ушла вперед, — говорилось в журнале «Большевик», — а наша литература отстала, задержавшись преимущественно на изображении первых лет коллективизации» (1939. № 17. С. 52).

<sup>35</sup> А. Тарасенков сообщал Б. Лавреневу 27 декабря 1938 года: Вс. Вишневский (член редколлегии «Знамени») приказал выкинуть из рассказа фразу «голод уже давал себя знать» (РГАЛИ, ф. 618, оп. 2, ед. хр. 1095, л. 3).

<sup>36</sup> XXIII Октябрь // Лит. обозрение. 1940. № 21. С. 6.

<sup>37</sup> Письма из деревни: Год 1937-й // Коммунист. 1990. № 1. С. 98, 99.

<sup>38</sup> Лит. обозрение. 1940. № 2. С. 8.

дорогой схематиков 30-х годов: будет возвеличивать настоящее за счет принижения прошлого.<sup>39</sup> Платонов обманывал эти ожидания. Он лишь обозначил прогрессивную тенденцию, заложенную Октябрьской революцией: до 1917 года труд человека не был оборудован техникой, после 1917 года люди выходят «из темных тупиков». Этот процесс Платонов приветствовал еще в статьях первых лет революции. В 1940 году он не спешил, подобно официозным критикам, сообщить читателю о его благополучном завершении. Он резко уходил от схемы мышления не только критиков, но и читателей, переводя анализ рассказов во вневременной, обобщенный план, в надежде, что думающий читатель обнаружит скрытый смысл сопоставления прошлого и настоящего.

Уже в анализе первого рассказа критик подчеркивал: писатель показал «потрясающую драму *прошлой* русской народной жизни — переселение» «из Курской губернии в Казахские степи», показал «философию *старого* русского переселения». Можно предположить, что повтор — параллелизм настораживал читателя, пробуждая ассоциации и вопросы: только ли дореволюционное переселение крестьян имеется в виду? Завершая анализ рассказа, Платонов вновь упоминал «большую казахскую степь» и «обширную сибирскую землю».

Особый, остросовременный смысл приобретало страстное публицистическое отступление критика, состоящее из одного большого периода: «Если представить себе всю картину, как крестьяне движутся потоком с запада на восток и с востока на запад, бессмысленно расточая свое время, свою жизнь, свои последние достатки, уменьшая плодотворность народного труда, потому что переселенцы — существенная часть народа, если представить себе это пустое, тоскливое движение бедствующих людей, эту суету в обширной, беспомощной стране, то картина получится страшная».

Платонов использовал максимум средств художественной речи: повтор, параллелизм, градация и, наконец, умолчание — концовка периода максимально короткая, всего три слова: «картина получится страшная». Платонов умело будил воображение читателя, словно учитывая ранее упомянутые рекомендации П. А. Флоренского или выводы В. В. Виноградова, который писал: «Читатель не только „читает“ „писателя“, но и творит вместе с ним, подставляя в его произведение все новые и новые содержания».<sup>40</sup>

Мыслящий читатель (тираж «Литературного обозрения» был 20000 экз.) мог вспомнить смерть крестьян на московских вокзалах и улицах, толпы переселенцев в Тобольске и Караганде, переселение из плодородных земель Украины в Среднюю Азию. Пришвин записывал в дневнике: «Из деревни мужики исчезают. Где же эти

---

<sup>39</sup> Характерный пример такого мышления давала рецензия на книгу «В старой Москве», помещенная недалеко от платоновских страниц. Она построена на противопоставлении «страшного облика старой купеческой Москвы» и Москвы 30-х // Лит. обозрение. 1940. № 2. С. 23.

<sup>40</sup> Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 8.

миллионы? Кажется, верно сказать — мужики теперь самые настоящие только в вагонах». <sup>41</sup> Даже М. Горький, находясь в Горках, осенью 1933 года с тревогой спрашивал редактора «Крестьянской газеты» С. Б. Урицкого (о чем в газете не было ни строки): «Почему там на полях так мало мужиков? Куда они девались?». <sup>42</sup> Мемуарист не расслышал ответа.

Что, однако, шептал редактор писателю? Может быть, о том, что в родной Платонову Центральной черноземной области было раскулачено 4487 человек, из них 1359 середняков; или о том, что в 1931 году ЦК ВКП(б) предложил ОГПУ подготовить в районе Караганды поселки на 200—300 тысяч семей (о которых Платонов наверняка слышал во время поездок в Среднюю Азию); или о том, что к маю 1933 года в ЦК с мест поступили новые заявки «на немедленное выселение из краев и областей ста тысяч семей». <sup>43</sup>

Конечно, в 1940 году читатель «Литературного обозрения» не мог знать этих цифр. Но у него был свой жизненный опыт трагического десятилетия, а значит, и свои «содержания». Пробудив в воображении читателей эти «содержания», Платонов неожиданно обращался к ним с тревожным вопросом: «В чем была причина такого бедствия?» Чтобы провести рецензию через цензурные рогатки, Платонов вынужден был дать ответ, напоминающий раскавыченную цитату из учебника истории. Поразительный и, думается, точно рассчитанный стилистический перепад, вероятно, тоже обращал на себя внимание, словно призывал доверять не учебнику, а жизни.

К ответу на этот вопрос Платонов вернулся в другой статье. Раскрывая драму разочарований одного из героев Ванды Василевской, критик (Платонов, а не Ванда Василевская!) приходил к выводу: «истина революции, рожденная из действительности, была замутнена, загажена и обращена в ложь...» <sup>44</sup>

Это было написано в отзыве о романе Василевской «Родина». Рецензией «В поисках Родины» открывался 1940 год, рецензия о «Родине» завершала его. В первой был вопрос о «причинах бедствия», в завершающей он повторялся в словах: «решение вопроса — в определении причины страданий и гибели». <sup>45</sup> Тема напрасной траты сил «крестьянского народа», его «беспомощного» положения, знакомая по статье «В поисках Родины» (а впервые мощно выраженная в «Котловане»), неоднократно варьируется в статьях о романах Василевской. Платонов использовал классический опыт демократической критики, в том числе М. Е. Салтыкова, о наследии которого много размышлял, — на материале европейской жизни говорить о русских проблемах.

<sup>41</sup> Октябрь. 1990. № 1. С. 148.

<sup>42</sup> Архив М. Горького. МоГ 13.-55.-1.

<sup>43</sup> Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. М., 1989. С. 31, 39, 45.

<sup>44</sup> Лит. обозрение. 1940. № 21. С. 14.

<sup>45</sup> Там же. С. 12.



Учитывая жесткие условия цензуры, Платонов обозначил схему романа «Родина», в основе которого классовый конфликт батраков и помещиков. Но если рецензенты строили статьи на старательном воспроизведении и разработке этой схемы («мир труда и мир наживы»;<sup>46</sup> «польская буржуазия умела эксплуатировать физическую силу батрака»; «обман, на котором держатся капиталистические государства»;<sup>47</sup> «батраков заставляли жертвовать за родину помещика»;<sup>48</sup> нет «средней линии между буржуазией и трудящимися»<sup>49</sup>), то у Платонова ее контуры зыбки и размыты. Если рецензенты тщательно подчеркивали, что «речь идет именно о польском буржуазном государстве» (Д. Заславский), что батрак погоняется «кнутом „своего“, „родного“ польского управляющего» (Е. Усиевич), то Платонов лишь упоминал о «польских буржуазных националистах», о «буржуазно-панской Польше».

В его статье привлекает внимание другое — нравственно-философские размышления критика по поводу романа. Это размышления о «процессе труда», о судьбе «революционного учения», о человеческом «отчаянии». Читателю предлагалось поразмышлять над такими суждениями: «Рабство истощает, но рабство и учит»; «Рабочие доказали серьезность своих намерений не только словами, но и жертвами»; «Платеж за жизнь лишь отсрочен, и списывать его в убыток не надо и нельзя»; «Целая жизнь, великий труд, жертвы, борьба — все пошло прахом».

Одним словом, Платонов уверенно переводил разговор о конкретном в обобщенный план размышлений о жизни и человеческой судьбе в современном мире.

Поэтому он не воспользовался «подсказкой» писательницы, которую учили и Заславский, и Дейч, и Усиевич. Они цитировали абзац романа, начинавшийся словами: «Родина была нескончаемым барачным днем» — и завершавшийся фразой: «Помещичья, господская, ксендзовская была родина». Платонов не избегал классовой и национальной конкретности романа. Но для него важнее было то, что батраки Василевской — это люди, согнанные со своих мест, лишенные «малой родины». Критик искал повод для построения ассоциативного ряда. Поэтому он предпочел дать свою пейзажную зарисовку: «Сонная долгая мгла стелется над всей страной. На мокрой унылой земле стоят бараки». И позаимствовал из романа, подчеркнув, одно слово «барак», сделав его ключевым, ядром семантического поля.

На ограниченном пространстве трех коротких абзацев оно повторяется пять раз: стоят бараки, положение в бараках, тяжкий воздух барачного помещения, жизнь в бараках. Эта мощная семантическая тема приковывала к себе внимание. А. Блок писал: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на острие не-

<sup>46</sup> Дейч А. Писатель-боец // Комсомольская правда. 1940. 4 окт.

<sup>47</sup> Усиевич С. Ванда Василевская. М., 1941. С. 26, 33.

<sup>48</sup> Тэсс Т. Слова правды и гнева // Известия. 1940. 11 сент.

<sup>49</sup> Заславский Д. Правда жизни // Правда. 1940. 14 сент.

скольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение».<sup>50</sup> Мрачный свет «барачных» слов высвечивал запрещенную тему переселенцев, высланных на новостройки и в карьеры Севера и Сибири, осевших в лагерных бараках и бараках спецпоселений.

Горький говорил в 1933 году: «Вот сейчас под Москвой строятся бараки для тысяч рабочих по каналу Волга—Москва. Эти тысячи разнообразных людей — прекрасный материал для изучения. Я не уверен, что кто-либо из «собратьев по перу» обратит внимание на этот богатейший материал».<sup>51</sup> Платонов откликнулся на это обращение, сразу послав Горькому письмо, оставшееся без ответа. Те писатели, которым «доверили» увидеть стройку, отмечали: «Десятки барачников до отказа набиты людьми».<sup>52</sup> Уместно отметить, что в одном из подобных барачников в то время, когда Платонов писал рассматриваемую статью, находился его сын, его знакомые, многие современники критика.

С учетом биографических фактов вряд ли можно отрицать, что в статье отразилась личная, сердечная тоска Платонова. Следующий абзац, в котором дается вольный пересказ текста Василевской (частый у Платонова прием парафраза), подтверждает это: в нем слышен голос страдающей души самого критика: «Медленно тянется жизнь в бараках. Бесперывный труд, в теле тоскливая, непроходящая слабость от плохого хлеба, пустой похлебки, картошек, впереди — мгла скучной, печальной жизни; жалко только женщин и детей, *и себя тоже иногда жалко* — поэтому и приходится терпеть такую судьбу, может быть в будущем и случится что-нибудь».<sup>53</sup>

В «Родине» Василевской есть страницы, которые вызывают ужас, гнев, возмущение. Но нет подобных платоновским строк, пробуждающих острое чувство сострадания к человеческой судьбе в эпоху «трагического переустройства мира», когда и в Ленинграде было видно, что «народ тощ, устал»,<sup>54</sup> а крестьянин в деревне отмечал: «живут полуголодными и голодными».<sup>55</sup>

В той же статье Платонов анализировал другой роман Василевской «Пламя на болотах», выстраивая еще один тревожный семантический ряд с ключевым словом «камера», «тюрьма» — «поведут меня в тюрьму», «в одиночке сидеть очень скучно»; «привык я к камере немилой». Это строки из песен, которые поют в романе девушки-крестьянки и которые разбросаны по разным страницам романа;<sup>56</sup> Платонов объединял эти тексты в пределах одного столбца.

Примечательно, что никто из критиков, рецензировавших роман, даже не упоминал слов «тюрьма» или «камера». Осторожность понят-

<sup>50</sup> Судьба Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам. Л., 1930. С. 128.

<sup>51</sup> Горький М. О литературе. М., 1935. С. 176.

<sup>52</sup> Авдеев А. Отлучение // Знамя. 1989. № 3. С. 62.

<sup>53</sup> Лит. обозрение. 1940. № 21. С. 13. Подчеркнуто мною — В. П.

<sup>54</sup> Лит. учеба. 1990. № 2. С. 87 (из письма К. Федина, 1933 г.).

<sup>55</sup> Коммунист. 1990. № 1. С. 99 (из письма крестьянина, 1937 год).

<sup>56</sup> См.: Василевская В. Родина. Пламя на болотах. М., 1951. С. 524, 525, 526.

ная, если вспомнить, что в сознании современников эти слова живо вызывали вполне определенные ассоциации и, судя по дневникам 30-х годов, были в их лексиконе часто употребляемыми.<sup>57</sup> Вероятно, и это учитывал Платонов.

Кроме того, он использовал прием развития текста, его переакцентировки, ради пробуждения читательских ассоциаций.

Вот один пример. У Василевской сразу за песней: «Привык я к камере немилой, Привык к тюремному пайку», следует ряд вопросов. Отвечая на них, писательница уходит от темы песни в психологический анализ. Платонову важно продолжить тему песни и дать обобщение того семантического ряда, который он выстроил и в котором ключевое слово — «тюрьма». Поэтому он обрывал цитату из романа после первого вопроса: «О ком думают девушки на мосту?» — и давал на этот вопрос свой ответ, ничего общего не имеющий с текстом романа: «О многих и о многом. Они думают не только о своих заключенных женихах и братьях — они думают о всей судьбе, своей и чужой. И если они умеют из своей печали сложить и спеть песню, значит — они имеют способность к надежде и силу для борьбы, значит — их горе преходяще и счастье для них возможно. И кроме того, их много, они обречены между собой тайной и прочной связью дружбы и одиночества, потому что они — народ...»

Если к этому размышлению добавить еще хотя бы только три из этой же статьи: «сила народа подобна силе растущей травы и текущих рек»; «сквозь отчаяние, неся жертвы, напрягаясь в терпении и подвиге, обездоленный народ все же движется к своей собственной цели»; «народ начинает действовать как один большой герой»,<sup>58</sup> то мы увидим, что Платонов дарил читателю конца 30-х годов мысли, которые в сумме составляют философию народа, его противостояния злу, философию, элементы которой заставляют вспомнить как его художественные произведения начала 30-х годов, так и то, что будет им написано в годы войны.

Говоря о «зарубежном нам народе», Платонов говорил о судьбе своего народа. Это подтверждает и рецензия на роман Василевской «Земля в ярме». В ней звучит протест против тех, кто думает, «что будущее заключается в уничтожении этих деревень» «посредством явного и тайного истребления их жителей», посредством «сужения самого места жизни крестьянина до размера могилы».<sup>59</sup> Вспомним, что в этом протесте против «сужения самого места жизни крестьянина до размеров могилы» — пафос повести «Котлован».

Напротив, официозные критики комментировали классовый конфликт романа «Земля в ярме» и старались сделать из него аргумент в пользу политических акций в отношении Западной Белоруссии и Украины.<sup>60</sup>

<sup>57</sup> См. дневниковые записи А. Афиногенова 1937 года (Сов. культура. 1989. 15 июля. С. 6).

<sup>58</sup> Лит. обозрение. 1940. № 21. С. 11, 12.

<sup>59</sup> Там же. 1939. № 22. С. 29, 30.

<sup>60</sup> См.: *Тэсс Т.* Слова правды и гнева // Известия. 1940. 11 сент.; *Куликова Ф.* «Земля в ярме» // Комсомольская правда. 1939. 20 сент.

Столь полемически остро ставя вопрос о судьбе «крестьянского народа», Платонов не мог не коснуться и другой стороны трагической действительности — судьбы художника в 30-е годы.

Если сопоставить выступления Платонова о «крестьянском народе» и, например, «Реквием» Ахматовой, написанный в основном тоже в 1939—1940 годах, то бросится в глаза поразительное сходство в мировосприятии, в ощущении трагизма современной действительности. У Ахматовой те же слова «звезды», на острие которых «растянуто» «покрывало» «Реквиема»: «тюремные затворы», «тебе, сынок, в тюрьму», «час тюремного свиданья», «голубь тюремный» и т. д. Семантическое поле Ахматовой совпадает с платоновским и в другом. У Платонова «сибирская земля» — у Ахматовой «сибирская выюга»; у Платонова «барачные помещения» — у Ахматовой — «каторжные норы»; у Платонова «надо продолжать жить» — у Ахматовой «надо выучиться жить».

Понятно, что эти совпадения обусловлены не только близостью личных судеб Платонова и Ахматовой в конце 30-х годов. Вторжение такой лексики — результат чуткого отношения к драмам народа и времени. Если Платонов писал, что «один из лучших сюжетов мировой литературы» — «сама судьба, участь людей»,<sup>61</sup> судьба народа, то ведь и Ахматова старалась выразить не только биографическое, но и то, о чем «кричит стомиллионный народ».

Видимо, этим коренным сходством можно объяснить, почему именно Платонов стал глубоким истолкователем поэзии Ахматовой. Поводом послужил выход сборника ее стихов в 1940 году.

Первым на этот сборник откликнулся В. Перцов. В соответствии со своим к этому времени только укрепившимся пониманием правды как служанки «ведущих тенденций нашего развития», этот критик, отвесив комплимент («изысканное ажурное слово»), объявил, что образ ахматовской героини не созвучен «с нашим идеалом женщины», а кроме того — не показала Ахматова «качество нашей новой жизненной установки, ее многопланность и направленность к общему, а не к частному».<sup>62</sup>

Официозные критики хотели видеть только «бронзовый профиль истории». Они предпочитали стихи П. Антокольского из сборника «1932—1940» о «героических полетах в Арктику, завоевании Северного полюса, праздновании юбилеев...»<sup>63</sup> и, как некоторые поэты, старались не замечать острых тем современности.

Для гуманитарной критики была немислима установка — идти «к общему, а не к частному», минуя судьбы отдельного человека.

<sup>61</sup> Лит. обозрение. 1939. № 22. С. 31.

<sup>62</sup> Перцов В. Читая Ахматову // Лит. газ. 1940. 10 июля. Статья Перцова получила одобрение цензуры (См.: ЦГАИПД, ф. 25, оп. 10, ед. хр. 168, л. 27). Примечательно также совпадение мнений Перцова и цензора Главлита, который писал: «В сборнике есть стихи, без которых он имел бы большую ценность для читателя, так как мысль в этих стихах вертится вокруг вопроса о любви, — любовь же изображена в тонах и красках, близких к декадентским» (там же, л. 25).

<sup>63</sup> Лит. обозрение. 1940. № 14. С. 59.

Ее представители старались видеть действительность не только со стороны «грандиозных перспектив». Они помнили, что в «страшные наши годы» (1937—1938. — В. П.) «лилась повсюду кровь»;<sup>64</sup> «о пытках все говорили громко».<sup>65</sup> Они чутко улавливали «нарастающий ужас жизни».<sup>66</sup> Их волновали «тяжелые слезы страны» (П. Васильев). Поэтому Пастернак писал Ахматовой летом 1940 года, когда была прочитана рецензия Перцова: «Тут думают, что кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о Вас в журнале...».<sup>67</sup> Таким настоящим писателем оказался Платонов, о разговоре с которым по поводу ее книги стихов Пастернак сообщал Ахматовой в том же письме.

Статья Платонова — это спор с Перцовым о сути поэзии Ахматовой и современной действительности. Платонов раскрывал необходимость поэзии Ахматовой, «облагораживающей натуру человека», «нового человека». Однако главная его задача — показать конфликт между внешней несвободой поэта и его внутренней свободой, конфликт, обусловленный противоречиями современности.

Только в свете трагического опыта конца 30-х годов можно было увидеть то, что рассмотрел Платонов за словами: «Ей говорю: „Ты ль Данту диктовала страницы Ада?“ Отвечает: „Я“». Вот толкование критика: «Муза, когда вошла, „внимательно взглянула на меня“, — ты ли, дескать, та самая, которая мне нужна; некогда она была в гостях у Данта; тогда она не обманулась в своем выборе и тут не должна обмануться» (135).

Уже знакомый нам прием парафраза — переакцентировки содержания путем пересказа — позволял перевести его в актуальный план (стихотворение Ахматовой 1924 года), сказать в 1940 году, что для показа Ада средневековой Музы выбрала Данте, для изображения трагедий 30-х годов — Ахматову. Эта мысль усилена посредством параллелизма: поэтесса «трагически переживает» то, что испытывал и Данте, — «противоречие между творческой необходимостью и личной человеческой судьбой», порожденное «всемирным неустройством». Это противоречие, писал критик, может быть разрешено «в историческом общественном прогрессе, когда новый мир будет устроен более во вкусе Музы...» (137).

Внимательный читатель, думается, легко нашел бы сообщение о вкусе Музы. О нем сказано в начале статьи; это — гуманизм. Невольно обнаруживается подтекст: «новый мир» (это псевдоним советской страны) недостаточно гуманен, полон трагизма, преодоление которого нуждается в «историческом общественном прогрессе». Такое толкование этого высказывания, на мой взгляд, подтверждается и тем, что подобная завуалированная (в «очень осторожной форме»)

<sup>64</sup> Высказывание Пастернака записал в 1939 году А. Тарасенков — Наука и жизнь. 1988. № 10. С. 131.

<sup>65</sup> Ахматова А. Листки из дневника. Запись 10 марта 1938 г. // Вопр. лит. 1989. № 2. С. 215.

<sup>66</sup> Человеков Ф. [Платонов А.]. «Гроздь гнева» // Лит. обозрение. 1940. № 12. С. 40.

<sup>67</sup> Пастернак Б. Избранное. М., 1985. Т. 2. С. 463—465.

критика советской действительности с гуманистических позиций встречается и в тех статьях, которые критику удалось опубликовать в 1940 году. Например, в рецензии на повесть М. Пришвина «Неодетая весна» Платонов говорил о «несовершенстве человеческого общества», о «бедствиях современного человеческого общества» (103). Из контекста рецензии ясно, что в понятие «современное человеческое общество» автор включал и советское общество, хотя, по понятным причинам, не мог назвать конкретные «несовершенства» и «бедствия».

Однако вернемся к статье об Ахматовой. Не случайно тема Данте стала в ней сквозной. Напоминание о Данте, который в свое время тоже ощущал трагический разлад между миром и человеком, который писал в «Божественной комедии», что нынешний мир «сбил с пути» (у Платонова «всемирное неустройство»), углубляло подтекст статьи. Тема «Ада», где гибнут безвинные дети, могла иметь для поэта и критика и их современников особый смысл.

Как известно, статья об Ахматовой не попала в печать. Но в архиве редакции сохранился экземпляр с редакторской правкой. Она показывает, что вычеркивались те фразы, которые не прочитывались однозначно. В частности, были изъяты слова о необходимости «исторического общественного прогресса».<sup>68</sup>

На посту находились и официозные критики. Им был внят тайный смысл платоновских статей. Защищая свое понимание действительности («будущее стало настоящим»; в обществе «восторжествовали подлинно человеческие отношения»<sup>69</sup>), они старательно из года в год называли статьи Платонова «антимарксистскими», «вредными и путаными», с «гнилыми», «клеветническими мыслями» и «кощунственными выходками», восклицали: «Куда смотрят редакторы!». <sup>70</sup> Постановку вопроса о трагических противоречиях между художником и обществом, о дефиците гуманности они рассматривали как свидетельство «шаткости политических критериев».<sup>71</sup> Особенно не любили «туманные импрессионистические фразы», догадываясь или интуитивно чувствуя, что в этих фразах заключена платоновская концепция действительности, выраженная языком тайнописи.

Во второй половине 30-х годов в литературной жизни и критике сложилась парадоксальная ситуация. Одни откровенно использовали тайнопись, другие — противники из официозного лагеря — прекрасно понимали это, но ограничивались укорами, не решаясь назвать вещи своими именами, расшифровать скрытый смысл. Последнее означало сказать правду о действительности, расходящуюся с полити-

<sup>68</sup> РГАЛИ, ф. 615, оп. 1, ед. хр. 54, л. 89; см. также л. 85, 86.

<sup>69</sup> Пушкин и социалистический народ (редакционная статья) // Лит. критик. 1937. № 1. С. 6.

<sup>70</sup> О некоторых литературно-художественных журналах (редакционная статья) // Большевик. 1939. № 17. С. 57; Роман Стейнбека и его критики (редакционная статья) // Интернациональная литература. 1940. № 9—10. С. 221; Альтман И. Литературные споры // Красная новь. 1940. № 2. С. 130.

<sup>71</sup> Крекшин Е., Севрук Ю. Традиции Маяковского // Знамя. 1941. № 2. С. 201.

ческими нормами. На такие официозные критики решиться не могли, да тогда бы против них выступила цензура. Противоборство шло годами. Иногда сильная сторона, не в состоянии прибегнуть к легальным средствам, которые бы ее неизбежно разоблачили, но и не в состоянии долее терпеть потаенную правду, прибегала к репрессиям, к публичным проработкам, закрытию очагов «заразы» — журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение», где в основном и печатался Платонов-критик (но, понятно, эти меры не ликвидировали сам конфликт между гуманитарной и официозной критикой).

Тайнопись Андрея Платонова коренилась в национальной традиции и одновременно в его художественном опыте. В статьях конца 30-х годов критик старался донести хотя бы немного из того, что читатель мог бы узнать, прочитав «Котлован». Поэтому его тайнопись — часть русской потаенной речи вообще и в то же время явление уникальное.

Высвечивая трагические стороны советской действительности 30-х годов, Платонов, гордившийся Октябрем, развязавшим народную самодеятельность, и индустриальными достижениями Родины, нигде не называл эту действительность гуманной. Он не изменил целям и критериям юности: «Социалистическая Россия — царство человека»<sup>72</sup> — и вел литературную борьбу ради преодоления разрыва между революционным гуманистическим идеалом и несовершенством реальности.

На сотнях страниц «Литературного обозрения» преобладают мажорные краски. В этой атмосфере нарочитого оптимизма и «чрезмерных восторгов перед достижениями» статьи Платонова воспринимаются как черные молнии тревоги, трагические аккорды беспокойства за судьбу народа, общества и человечности, как тревожные сигналы неблагополучия в собственной стране.

Пришвин написал в 1935 году: из поездки по Мурманской железной дороге «я вынес впечатление, что люди русские в вагонах стали много меньше болтать».<sup>73</sup> Можно сказать, что устами Платонова говорил приутихший народ. Критик доносил до чутких читателей «стон народа», сообщал им «ассоциативную правду» о своем времени. Этим определяется особое место его статей в борьбе двух представлений о той действительности — представлений, воплощенных фанфарами официозных авторов и тайнописью передовых критиков и художников 30-х годов.

Думается, дальнейшие изыскания позволят всесторонне объяснить тайнопись Платонова-критика, выявить ее связь с творческими принципами писателя.

---

<sup>72</sup> П(латонов) А. Что такое электрификация // Красная деревня. 1920. 16 октября.

<sup>73</sup> Пришвин М. Соловки // РГАЛИ, ф. 602, оп. 2, ед. хр. 164, л. 1.

М. А. Дмитриовская

**ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ  
В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»<sup>1</sup>**

*Памяти Лизы Брадис*

Ставя задачу обрисовать мирозерцание А. Платонова конца 20-х — середины 30-х годов, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью выделить некоторую доминанту, основную мысль писателя, вокруг которой выстраивается все здание его взглядов. В основе мирозерцания А. Платонова, как представляется, лежит философская антропология, взгляд на человека. От этой позиции зависят все остальные: взгляды на природу, на познание мира, на взаимоотношения людей и даже на историю. Таким образом, онтология, гносеология, этика и философия истории связаны у А. Платонова с философской антропологией и определяются ею.

Определяющей проблемой в связи с человеком является для А. Платонова проблема человеческого сознания. Начиная с повести «Сокровенный человек» (1926), писатель будет постоянно обращаться к этому вопросу, пытаясь решить его художественными средствами. Платонов увидит в наличии сознания корень и причину отпадения человека от универсума и неизбежного одиночества во вселенной. Повесть «Сокровенный человек» еще несет в себе возможность слияния человека с миром, но в ней уже тревожным голосом заявлено о распаде единства. В повести «Котлован» будет показано, что наличие у человека сознания и отделенность от мира порождают проблему познания мира как средства на пути к слиянию с мировым целым.<sup>2</sup> В романах «Чевенгур» и «Счастливая Москва» восстановление утраченного единства с миром будет переведено в план общественно-исторический и этический. В романе «Чевенгур» путь избавления от сосредоточенной на себе работы сознания во многом определит специфику чевенгурской коммуны.

---

<sup>1</sup> Настоящая статья логически примыкает к нашей работе: Антропологическая доминанта в этике и гносеологии А. Платонова (конец 20-х — середина 30-х гг.) (в печати).

<sup>2</sup> Подробнее см. в нашей работе: Эволюция понятий «истина» и «смысл» в творчестве А. Платонова // Логический анализ языка: Истина в языке и культуре. М., 1995.



Человеческое сознание в качестве своего необходимого компонента содержит самосознание, ибо человек сознает что-либо, только сознавая себя относительно этого.<sup>3</sup> Сознание окружающего мира включает у человека сознание собственного «я». Рефлексивность человеческого сознания была глубоко прочувствована предтечей современного экзистенциализма С. Кьеркегором: «Человек есть дух. Но что же такое дух? Это Я. Но тогда — что же такое Я? Я — это отношение, относящее себя к самому себе, — иначе говоря, оно находится в отношении внутренней ориентации такого отношения, то есть Я — это не отношение, но возвращение отношения к себе самому».<sup>4</sup>

В романе «Чевенгур» на примере Александра Дванова Платонов показывает эволюцию сознания человека от детских форм, когда человек слит с окружающим миром и не отличает себя от него, к выделению себя из окружающего мира и обретению жестко замкнутого «я». Описывая слияние Саши Дванова с миром, писатель делает акцент на том, что его герой ощущает свое тождество с предметами и явлениями внешнего мира: «Саша уже год работал учеником в депо <...> Сашу интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он скорее хотел почувствовать, пережить их жизнь, чем узнать. Поэтому, возвращаясь с работы, Саша воображал себя паровозом <...> Засыпая, он думал, что куры в деревне давно спят, и это сознание *общности* с курами или паровозом давало ему удовлетворение. <...> „Я так же, как и он“, — часто говорил себе Саша»;<sup>5</sup> «Самого себя как самостоятельный твердый предмет Саша не создавал — он всегда воображал что-нибудь чувством, и это вытесняло из него представление о самом себе» (229); «Он до теплотворности мог ощутить чужую отдаленную жизнь, а самого себя воображал с трудом» (235).

Рождение самосознания у Александра Дванова, появление его собственного «я» Платонов описывает трижды, акцентируя каждый раз новые изменения в восприятии героем самого себя и окружающего мира. Эти три рождения самосознания разделены между собой значительными временными промежутками и связаны со взрослением Дванова.

Первое рождение «я» происходит у Саши тогда, когда его, еще мальчика, отправляют в город побираться и он заходит на кладбище, где покоится отец: «Саша вошел на кладбище, не сознавая, чего

<sup>3</sup> Фактически именно самосознание конституирует сферу человеческого в человеке. Самосознание лежит в основе человеческой памяти и обеспечивает возможность мышления и тождество человеческого «я» (см. нашу работу: *Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты*. М., 1991).

<sup>4</sup> *Кьеркегор С. А. Болезнь к смерти // Этическая мысль: научно-публицистические чтения* 1990. М., 1990.

<sup>5</sup> *Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман*. М., 1988. С. 228. Далее ссылки на это издание даются в тексте. Курсив в цитатах из произведений Платонова везде наш. — М. Д.

ему хочется. *В первый раз он подумал сейчас про себя и тронул свою грудь: вот это я, — а всюду было чужое и непохожее на него»* (206). Рождение «я» сопровождается отделением от окружающего мира, который сразу становится чужим и огромным, — человек начинает сознавать несоизмеримость мира с собой. Именно эти ощущения испытывает мальчик: *«Саша испуганно глядел в пустоту степи: высота, даль, мертвая земля были важными и большими, поэтому все казалось чужим и страшным»* (207).

В работе над этим эпизодом Платонов мог творчески использовать соответствующие фрагменты из произведений О. Шпенглера и О. Вейнингера.<sup>6</sup>

Размышляя о начале временного и пространственного восприятия мира, совпадающем с началом самоидентификации у ребенка, О. Шпенглер отмечает, что толчком к этому часто служит смерть близкого существа (сходную ситуацию видим мы у Платонова). Шпенглер пишет: *«...часто в ребенке <...> пробуждение внутренней жизни с глубокой и многозначительной идентичностью связывается со смертью родного человека. Он внезапно постигает безжизненный труп, целиком ставший веществом, пространством, и в то же время ощущает себя одиноким существом в каком-то чужом, протяженном мире. „От пятилетнего ребенка до меня — только шаг. От новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние“, — сказал однажды Толстой. Здесь, в этой решающей точке существования, где человек впервые становится человеком и узнает свое чудовищное одиночество во вселенной, обнаруживается мировой страх, как чисто человеческий страх перед смертью, границей в мире света, неподвижным пространством»*.<sup>7</sup>

В книге О. Вейнингера «Пол и характер» тоже обсуждается возникновение «я» у ребенка. Автор приводит описание этого явления Жан Полем, сделанное им в автобиографическом эскизе: *«Никогда в жизни не забуду того факта, когда я стоял лицом к лицу с рождением моего самосознания. Я еще никому не рассказывал об этом факте, но я отлично помню время и место, где он происходил. Еще совсем маленьким ребенком, стоял я как-то раз перед обедом у порога нашего дома и смотрел на складку дров налево; как вдруг внутренний свет — я есмь „я“, — словно молния, озарил все мое существо: мое „я“ впервые увидело само себя — и навеки»*.<sup>8</sup> Учитывая хорошее знакомство Платонова с работами указанных авторов, творческую репетицию отмеченного мотива следует признать весьма вероятной.

---

<sup>6</sup> О хорошем знании Платоновым Шпенглера говорит, в частности, история его работы над повестью «Эфирный тракт» (см.: Корниенко Н. «Эфирный тракт»: (К истории текста повести) // Russian Literature. 1992. Vol. 32, no 3. P. 253—270). О знакомстве Платонова с Вейнингером свидетельствует статья Платонова 1920 года «Душа мира».

<sup>7</sup> Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. С. 327—328.

<sup>8</sup> Вейнингер О. Пол и характер. М., 1992. С. 173—174 (курсив наш. — М. Д.).

Рождение самосознания отделяет человека от самого себя и от мира и порождает ощущение внутренней пустоты, которая должна быть заполнена. Поэтому человеческая жизнь сопровождается постоянным присвоением, захватом мира в себя. На этом Платонов делает акцент, описывая повторное рождение «я» Александра Дванова в возрасте семнадцати лет: «Дванов опустил голову и представил внутри своего тела пустоту, куда непрерывно, ежедневно входит, а потом выходит жизнь <...> пустота внутри тела еще более разжималась, готовая к захвату будущей жизни. „Вот это — я!“ — громко сказал Александр» (234).<sup>9</sup>

И, наконец, третье рождение Александра Дванова происходит тогда, когда, вернувшись из Новохоперска и проболев девять месяцев (срок, аналогичный нахождению в утробе), Дванов готовится к поездке по губернии и накануне получения задания видит сон, в котором представляет себя машинистом паровоза и видит уходящую вдаль дорогу. Здесь Платонов фиксирует начало пространственного восприятия жизни, представления о жизни как пути.<sup>10</sup>

В романе «Чевенгур» Платонов не только показал эволюцию человеческого самосознания, но и вскрыл его сущность, показал его особенности. Платонов говорит о двойственности человеческого сознания, о наличии в человеке «маленького зрителя», «свидетеля», «евнуха души», «мертвого брата» человека, «сторожа, который не принимает участия ни в поступках, ни в страдании <...> всегда хладнокровен и одинаков» (275—276). Путем создания развернутого образа «бодрствующего швейцара в подъезде человека» Платонов подчеркивает, что рефлексивность сознания обеспечивает наблюдение над эмпирическим «я» извне: в случае пожара швейцар «звонит пожарным и наблюдает *снаружи* дальнейшие события» (275).

Следует признать, что этот постоянный и неизменный «наблюдатель» есть не что иное, как сверхличное или сверхиндивидуальное «я», то, что в древнеиндийской философии называется Атман. Его свойство как раз и заключается в том, чтобы быть наблюдателем: «...эта самость, в идеале совершенно отрешенная и развоплощенная, совершенно независимая от тела и даже от души, представляет собой божественно-бесстрастное око, вечного зрителя, везде одинакового. Индусы так и называют его: „обозревающий поле“ (...) В европейской философии это <...> трансцендентальное единство апперцепции Канта, которое представляет собой только единство самосознания, *у всех одинаковое*».<sup>11</sup>

Обращает на себя внимание наличие и других соответствий между Платоновым и древнеиндийскими представлениями. У Пла-

---

<sup>9</sup> Более подробно см. в нашей работе: Феномен пустоты: взгляд А. Платонова на особенности человеческого сознания // Художественное мышление в литературе XIX—XX веков. Калининград, 1994.

<sup>10</sup> Более подробно см. в нашей работе: Миросозерцательные истоки мифологемы *жизнь—путь* у А. Платонова // Семантика русского языка в диахронии. Калининград, 1984.

<sup>11</sup> *Вышеславцев Б. П. Бессмертие, перевоплощение и воскресение* // Человек. 1993. № 2. С. 91.

тонова подчеркнута сопряженность самосознания со светом. Дванов созерцает пространство своей внутренней жизни благодаря «дежурному огню» сторожа и «мгновенному пугающему свету», который трепещет над сердцем (319). В повести «Сокровенный человек» Платонов показывает, как у умирающего человека сознание, отвлекаясь от внешнего мира, сосредоточивается только в самом себе — в своем постепенно угасающем свечении.<sup>12</sup> В древнеиндийской философии Атман тоже сравнивается со светом — «это яркий свет, который горит в глубине личности»;<sup>13</sup> «Когда солнце садится, когда заходит луна и когда гаснет огонь, лишь я имеет свой свет».<sup>14</sup> При этом подчеркивается, что этот свет всегда остается тождественным себе и, озаряя сознание, не принадлежит наблюдаемому.

Присутствующая у Платонова переключка с древнеиндийской традицией усиливается описанием того, как во время сна разум человека вытесняется наружу и остается там «уединенным грустным наблюдателем»: «Старая вера называла это изгнанное слабое сознание ангелом-хранителем» (285). В философии веданты делается акцент на том, что состояние сна без сновидений помогает понять, чем на самом деле является наше «я», оторванное от чувства тождественности с телом: во время сна Атман покидает человека и извне сверху наблюдает за ним.<sup>15</sup>

Вопрос двойственности человеческого сознания продолжает волновать Платонова в 30-е годы. По сути дела, именно эта проблема определяет разворачивание сюжета романа «Счастливая Москва» и мотивирует поведение большинства персонажей. Этот же вопрос обсуждается в разговоре между двумя героями — Сарториусом и Самбикиным, когда последний прямо заявляет, что тайна жизни состоит «в двойственном сознании человека»<sup>16</sup> и от этой двойственности проистекает трагедия человеческого существования, ибо человек оказывается вечно прикованным к себе, к созерцанию своего «я». В устах Самбикина название «ангел-хранитель» лишается своей положительной окраски. В сокращенном писателем фрагменте романа есть такие слова: «Мне бабка говорила <...> у каждого есть ангел-хранитель. А внук ее открыл, что этот ангел — зверь, сознание из костного мозга».<sup>17</sup> Двойственность сознания возвышает человека над животными, но одновременно изгоняет из рая. Возвращение в былое

<sup>12</sup> Ср.: «„Ведь я умираю — мои все умерли давно!“ — подумал Афонин и пожелал отрезать себе голову от разрушенного пулями сердца — для дальнейшего сознания. Мир тихо, как синий корабль, отходил от глаз Афонина <...> Сознание все больше сосредоточилось в точке, но точка сияла спрессованной ясностью. Чем больше сжималось сознание, тем ослепительней оно пронизало в последние мгновенные явления. Наконец, сознание начало видеть только свои тающие края, подбирая все более к узкому месту, и обратилось в свою противоположность» (Платонов А. П. Избр. произведения: Рассказы, повести. М., 1984. С. 523—524).

<sup>13</sup> Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1993. Т. 1. С. 130.

<sup>14</sup> Брихадараньяка Упанишада, IV. 3. 6. Цит. по: Радхакришнан С. Указ. соч. С. 127.

<sup>15</sup> Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М. 1955. С. 336.

<sup>16</sup> Платонов А. П. Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9. С. 32.

<sup>17</sup> Цит. по: Корниенко Н. В. История текста и биография А. Платонова // Здесь и Теперь. 1993. № 1. С. 211.

счастливое состояние, когда сознание было «одиноким», бывает только кратковременным.<sup>18</sup> Внимание Платонова к двойственности человеческого сознания позволяет разгадать смысл фамилии Александра Дванова.<sup>19</sup>

## II

Неотвратимость сознания порождает желание избавиться от него, победить мучительную самопоглощенность. Человек жаждет забыть себя, не помнить, не сознать свое «я». Такое стремление мы видим у многих героев А. Платонова. В повести «Котлован» заболевшая Настя спрашивает у Чиклина: «...отчего я всегда *ум чувствую* и никак его не забуду?» (184). После смерти Насти Чиклин роет землю и хочет «забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла» (185). Слова, обозначающие ментальные характеристики человека: *сознание, душа, ум, разум* — все они могут применяться для описания работы самосознания, поскольку все они относятся к сфере человеческого «я» и формируют ее. О Вошewe Платонов говорит, что «за время сомнения в правильности жизни он редко ел спокойно, всегда *чувствуя свою томящуюся душу*» (88). Прушевский хочет «истомить себя до потери души и скончаться когда-нибудь старым, привыкшим нечувствительно жить человеком» (170). В душе видит источник страданий человека и Сарториус, герой романа «Счастливая Москва». Платонов впоследствии сократил фрагмент текста, где Сарториус говорил Божко: «*Душу надо разрушить*, вот что <...> Она работает против людей, против природы, она наша разлучница, из-за нее не удается ничего <...> она действует, она дышит и шевелится, она мучит меня, она бессмысленна и сильнее всех...»<sup>20</sup> Утверждение Сарториуса о том, что душа есть у всех, становится понятным, если иметь в виду неотвратимость человеческого сознания.

Сознание неизменности своего «я» порождает у человека мучительное переживание отдельности своего существования, оторванности от людей и от мирового целого. Собственное «я» заковывает

---

<sup>18</sup> Здесь интересна следующая параллель: в дзэн-буддизме центральной проблемой является восприятие сатори, или просветления, при котором сознание достигает состояния, которое носит название «одной мысли» («итинзе» по-японски и «экаксона» по-санскритски). Состояние сатори возможно только после уничтожения «сознания сознания» и «раздвоения реальности», которые являются следствием работы разума (Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма // Дзэн-Буддизм. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзэн. Бишкек, 1993. С. 203). Таким образом, приведение человека в состояние гармонии с природой возможно только при трансформации человеческого сознания от двойственности к сингулярности, при переходе от того, что Платонов называет «двумя мыслями», к тому, что в дзэн-буддизме называется «одной мыслью».

<sup>19</sup> В этот же семантический ряд входит и фамилия героя рассказа Платонова «Бессмертие» Полуторного. Фамилии героев русской литературы XIX века — Обломова и Раскольникова — тоже свидетельствуют о тех или иных формах «онтологического неблагополучия» (см.: Амелин Г., Пильщиков И. Новый Завет в «Преступлении и наказании» // Логос. 1992. № 3. С. 274—277).

<sup>20</sup> Цит. по: Корниенко Н. В. История текста и биография А. Платонова. С. 213.

человека в одиночество и делает его невыносимым. Прибывший в Чевенгур Симон Сербинов размышляет о том, что он «похож на камень в реке, революция уходит поверх его, а он остается на дне, *тяжелым от своей привязанности к себе*» (524).

В поисках избавления от самого себя человек обращает свои взоры на другого человека, на «ты». Тем самым человек стремится осуществить вы-хождение, вы-ступление из своих границ. Охватывающее обжившихся в Чевенгуре «прочих» желание настоящего семейства имеет те же экзистенциальные корни: семья нужна как избавление от себя, от сосредоточенной на себе мысли. «Прочие» требуют, чтобы Прокофий привез им жен: «...нам одним тут жутко — не живешь, а *думаешь*» (477). Жутко оттого, что если жизнь не расточается вовне, то остается только «думать», то есть оставаться замкнутым в сфере своего сознания. Нищенка Агапка хочет стать женой Карпия: «Хоть и чудно, а хорошо быть бабой — жить себе в заботах, как в орешках, и горюшка будет мало, *сама себе станешь незаметной*. А то живешь тут, и *все как сама перед собой торчишь*» (474).<sup>21</sup>

Направленность на другого, на «ты» в своем совершенном виде принимает форму дружбы и любви. Этим разрушается субъективность «я». «Любовь всегда рвется наружу, она трансцендентна, так как она вытекает из неудовлетворенности субъекта, вечно прикованного к субъективности своего духовного мира», — писал О. Вейнинггер.<sup>22</sup> Чувства дружбы (любви) направлены к той же цели, что и религиозное чувство верующего: на обретение полноты бытия — в Боге или в человеке.

Русские философы, воспринявшие концепцию всеединства В. С. Соловьева, указывали на близость религиозного чувства и любви (дружбы), более того, на их логическую связанность: любовь представляет собой ступень на пути восхождения к Богу. В. С. Соловьев, обратившись к исследованию феномена любви, показал в ней наличие стремления к встрече с Богом, томления по всеединству.<sup>23</sup> П. А. Флоренский и Л. П. Карсавин в своих рассуждениях идут от обратного: начиная с рассмотрения религиозного чувства, они потом переходят к рассмотрению дружбы и любви как чувств, в своей основе религиозных.<sup>24</sup> Доподлинно известно, что

<sup>21</sup> Сходные мысли содержатся в дневниках Ф. Кафки по поводу возможного супружества: «Бесконечное, глубокое, теплое, спасительное счастье — сидеть возле колыбели своего ребенка, напротив матери. Здесь есть что-то от чувства: *теперь дело не в тебе, а ты только того и хочешь*. Другое чувство у бездетного: *все время дело в тебе, хочешь ты того или нет, в каждое мгновение, до самого конца, в каждое разрывающее нервы мгновение, все время дело в тебе, и все безрезультатно*. Сизиф был холостяком» (курсив наш. — М. Д.) (Кафка Ф. Из дневников. Письмо отцу. М., 1988. С. 175). Ср. также у Ницше: «Я хочу наследников, — так говорит все, что страдает, — я хочу детей, я не хочу себя» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 234).

<sup>22</sup> Вейнинггер О. Пол и характер. С. 275.

<sup>23</sup> Соловьев В. С. Смысл любви // Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991.

<sup>24</sup> Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. Гл. XII: Письмо одиннадцатое: Дружба; Карсавин Л. П. Noctes Petropolitanae. Пб., 1922.

А. Платонов был знаком со взглядами Карсавина: в 1922 году Платонов опубликовал рецензию на только что вышедшую в свет и целиком посвященную истолкованию феномена любви книгу Карсавина «Noctes Petropolitanae». <sup>25</sup> Что же касается работ других названных философов, то знакомство Платонова с ними можно предположить с известной долей уверенности, — как бы то ни было, мысль писателя движется в том же направлении.

Понимание религиозного характера отношения к ближнему не было для Платонова чисто умозрительным построением. Оно продиктовано и собственным жизненным опытом писателя. В одном из писем к жене 1934 года Платонов говорит о своей любви к ней как о чувстве религиозном: «Как хорошо не только любить, но и верить в тебя как в Бога (с большой буквы), но и иметь в тебе личную, свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени. Как хорошо в этом Боге не сомневаться, имея личность Божества всегда перед собою <...> Мое спасение — в переходе моей любви к тебе в религию. И всех людей в этом спасение». <sup>26</sup>

В серии статей «О любви» В. С. Соловьев писал: «Если корень ложного существования состоит в непроницаемости, т. е. во взаимном исключении людей друг другом, то истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа». <sup>27</sup> Жизнь чевенгурцев осуществляется в полном соответствии с этим тезисом. Жажда уподобления другому и стремление «жить его жизнью» проявляются в Чевенгуре в усиленной концентрации на другом, в стремлении постоянно думать об этом человеке. Это сразу подмечает прибывший в Чевенгур Сербинов. «По-вашему, это ведь много значит — думать — это иметь или любить», — говорит он Александру Дванову. (538). Яков Титыч, понимая, что полное избавление от себя невозможно (поскольку невозможно освободиться от своего тела), все-таки пробует жить «руками Егория <...> все же мальчик — это лучшая жизнь, и если нельзя его жить, то можно хотя бы иметь при себе и думать о ней» (517). Мысль у героев Платонова не существует изолированно от ощущений и переживаний. Ментальная сфера тесно связана у них со сферой чувств, поэтому деятельность сознания, направленная на другого человека, не является мыслью в чистом виде. Действительно, думать о другом — значит для героев Платонова *чувствовать, воображать, ощущать* или *сочувствовать* (со-чувствовать) ему.

Для платоновских героев личное «я» имеет малую ценность, зато в другом человеке им видится высшее существование: другой человек воспринимается как целостный, самодостаточный, лишенный той неполноты, которую постоянно ощущает сознающее себя «я». Дей-

---

<sup>25</sup> Воронежская коммуна. 1922. 9 авг., № 178 — рецензия републикована в настоящем сборнике (С. 160—162).

<sup>26</sup> Платонов А. П. Государственный житель: Проза. Ранние сочинения. Минск, 1990. С. 584.

<sup>27</sup> Соловьев В. С. Смысл любви. С. 73.

ствительно, ощущение недостаточности может переживать только само «я» — как следствие своей замкнутости и ограниченности. Поскольку при восприятии «ты» человеческое «я» не может войти в отношение рефлексии другого «я» к самому себе, то «ты» в глазах «я» всегда будет обладать полнотой существования. Другой человек дополняет мятущееся «я» до целостного, восстанавливает его единство, исцеляет его. В Чевенгуре каждый «прочий» считает своего товарища «тем таинственным благом, на которое человек *полагается лишь в воображении, но исцеляется в теле*» (519). Следует заметить, что это исцеление возможно только потому, что у человека, наряду с ощущением ограниченности своего «я», есть ощущение своей высшей природы, своей необходимой полноты. Поэтому «ты», дополняющее «я» до целостного, в определенном смысле может считаться собственным «я» человека. Подтверждение этому мы находим в тексте «Чевенгура». Так, Якову Титычу, который до прихода в Чевенгур был странником, всегда казалось, что «пешеход, идущий рядом с ним, есть его *собственный человек* и в нем находится *все самое главное, пока недостающее в Якове Титыче*» (484). Выражение «собственный человек» не указывает здесь на обладание отчуждаемым предметом. Оно обозначает неотчуждаемую принадлежность, то рефлексивное отношение, которое относит некоторый предмет или свойство к его обладателю или носителю как неотъемлемую его часть. В Словаре Ожегова это значение выделено вторым и толкуется как «свой, личный». Оно иллюстрируется следующими примерами: *В собственные руки; Видеть собственными глазами; По собственному желанию.*

Итак, «собственный человек» Якова Титыча — это тот человек, каким он сам является в ощущении собственной целостности, полноты. Избранный каждым «прочим» товарищ является также «*необходимым человеком*», «его *высшим веществом и богатством его скудости*» (519). Заметим, что здесь понятие «ты» выводится из «я» и «ты» наделяется высшими качествами, которые рассматриваются как проекция собственной природы человеческого «я». Сказанное позволяет усмотреть влияние на А. Платонова идей Фейербаха.

В работе «Сущность христианства» (1841) Л. Фейербах, объясняя происхождение идеи Бога, выводит ее из чувства бесконечного, присущего человеку. Сознание Бога является не чем иным, как сознанием бесконечности собственного существа человека. Хотя Бог и представляется нам в качестве посторонней, отдельной личности, он на самом деле является объективацией высшей человеческой сущности. Л. Фейербах постоянно подчеркивает эту мысль: «*Собственная сущность* человека есть его *абсолютная сущность*, его бог»,<sup>28</sup> «...каждое существо по себе бесконечно и заключает в себе своего бога, свою *высшую сущность*»;<sup>29</sup> «Человек в боге и через

<sup>28</sup> Фейербах Л. Избр. философские произведения. М., 1955. Т. II. С. 34. В этом издании воспроизведен сверенный перевод Ю. М. Антоновского, вышедший также в 1908 и 1926 годах. Платонов мог пользоваться и другими изданиями.

<sup>29</sup> Там же. С. 36—37 (курсив наш. — М. Д.).



него ищет только *самого себя*.<sup>30</sup> Чувство бесконечности собственного существа (и, следовательно, Бога) приравнивается Фейербахом к идее рода: в осознании своей бесконечности человек на самом деле ощущает свою принадлежность к совокупному человеческому целому, ибо «род неограничен, ограничен один индивид». <sup>31</sup> Человек жаждет восполнения: «...ощущать свою ограниченность тягостно; и индивид освобождается от нее в созерцании *совершенного существа*; это созерцание дает ему то, *чего ему недостает*». <sup>32</sup> Налицо сходство терминологии у Фейербаха и Платонова: Фейербах говорит о «собственной сущности», «абсолютной сущности», «высшей сущности» человека, о «совершенном существе», Платонов же — о «собственном человеке» и «высшем веществе». Мысль Фейербаха о том, что полнота другого дает человеку то, чего ему недостает, тоже повторяется у Платонова. <sup>33</sup> Согласно Фейербаху, в качестве «совершенного существа» может выступать как совокупный человеческий род, так и человеческий индивид, «ты». Бог является всего лишь посредником, которого человек ставит между собой и единством рода, истинная же любовь не нуждается в посредниках. Отсюда следует, что мы должны любить не Бога, а человека: «Если человеческая сущность есть высшая сущность человека, то и практически любовь к человеку должна быть высшим и первым законом человека. Человек человеку бог — таково высшее практическое основаначало, таков и поворотный пункт всемирной истории». <sup>34</sup> Чевенгурская утопия и представляет собой такой поворотный пункт в истории, когда место Бога целиком занял человек. <sup>35</sup>

Н. А. Бердяев в работе «Миросозерцание Достоевского» указал на наличие у Достоевского мысли о том, что «любовь к человеку и человечеству может быть безбожной любовью», если исчезает великая идея Бога и бессмертия. <sup>36</sup> Воплощение этой безбожной любви, попыток устроиться в жизни без Бога показано Достоевским в утопии, которую рассказывает подростку Версиллов. Платоновский

<sup>30</sup> Там же. С. 60 (курсив наш. — М. Д.).

<sup>31</sup> Там же. С. 186.

<sup>32</sup> Там же (курсив наш. — М. Д.).

<sup>33</sup> Сходная мысль звучит и у Карсавина: «Любовь — восстановление первоначального единства, в котором каждый из любящих находит его и ему *недостающее*...» Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 67; курсив наш. — М. Д.).

<sup>34</sup> Фейербах Л. Избр. философские произведения. Т. II. С. 308—309.

<sup>35</sup> Влияние Фейербаха на Платонова можно усмотреть еще в ранних, воронежского периода, публицистических статьях писателя. В неопубликованной статье 1920 года «О нашей религии» Платонов говорит о чувстве бесконечности, присущем человеку, связывает это чувство с ощущением связи человека со вселенной и выводит из него представление о Боге. Бог — это эманация, дальний образ самого человека: «...что такое Бог, тайна... Это тоже человек, его образ, но далеко отринутый им от себя. Человек долго шел к этому своему *дальному образу* — и теперь дошел. Он сам теперь Бог, но не тайна, так как тайна самой для себя быть не может...» В статье 1919 года «Об искусстве» Платонов пишет, что искусство — это «дух наш, созерцающий себя в космосе», это «жизнь разума», который «во всей природе, во всем космосе видит только *самого себя*, отражение своей *великой сущности*» (Russian Literature. 1988. Vol. 23, № 4. P. 488).

<sup>36</sup> Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. I. С. 90.

«Чевенгур» — это расширенное и доведенное до логического конца изложение утопии Достоевского.<sup>37</sup> Платонов рисует борьбу людей за воплощение своей идеи, отречение от прежних ценностей и наставшее вслед за этим «великое сиротство». В описании чевенгурской коммуны Платоновым присутствуют все основные моменты, отмеченные его великим предшественником: здесь и иступленность любви друг к другу, и забота о ближнем, и боязнь за него, и желание тесноты и близости в касании, и даже былинка, которую собирается хранить Дванов, когда его товарищи умрут или исчезнут. Платонов рисует картину той «коммунистической любви», в которой, по словам Бердяева, «люди прилепляются друг к другу, чтобы не так страшно было жить потерявшим веру в Бога и в бессмертие, т. е. в Смысл жизни <...> Сострадание к человеку как к трепещущей, жалкой твари, игралось бессмысленной необходимостью, — есть последнее прибежище идеальных человеческих чувств, после того как угасла великая Идея и утерян Смысл».<sup>38</sup>

В Чевенгуре идея Бога заменяется коммунистической Идеей. Но идея коммунизма сама по себе очень абстрактна, непонятна и неощутима для чевенгурцев, поэтому они переводят ее в более конкретный план — коммунизм становится «обоюдным чувством масс» (431). Для Чепурного идея коммунизма наполнена вещественным содержанием — это Чевенгур со всеми живущими там людьми. Платонов пишет: «Чепурный глядел на Чевенгур, заключивший в себе его *идею*» (374). Давая поручение Кирею охранять ночью Чевенгур, Чепурный говорит: «А без города нам с тобой не жизнь, а опять одна *идея* и война» (420). Приехавший в Чевенгур Копенкин «чувствует его тихий коммунизм теплым покоем по всему телу, но не как личную высшую *идею*, уединенную в маленьком тревожном месте груди» (451). Коммунизм легче ощутить как чувство, чем как абстрактную идею. Чевенгурцы в массе вообще отрицательно относятся к разуму и науке, считая их пережитками эксплуатации. Поэтому Копенкин говорит Чепурному: «Спускай себе коммунизм *из идеи* в тело — вооруженной рукой» (373).

«Идея коммунизма», перейдя в дружеское чувство к «пролетарскому однородному человеку» (418), трансформируется в «идею жизни». В преддверии наступающей осени каждый чевенгурец запасается не менее как одним товарищем, который и становится «идеей жизни» или просто «идеей». Сербинов, говоря с Александром Двановым о Софье Александровне, замечает: «...у вас в Чевенгуре люди друг для друга как *идеи* <...> и вы для нее как *идея*» (538).

Направленность человека на другого, на «ты» и прекращение направленности «я» к самому себе знаменует уничтожение пространственных границ «я» (уничтожение замкнутости «я») и одновременно уничтожает ход времени. Это есть выход в бесконечность,

<sup>37</sup> Отмечено также в работе: Семенова С. Г. Мытарства идеала // Семенова С. Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М., 1989. С. 367—368.

<sup>38</sup> Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. С. 92.

в вечное настоящее. Время исчезает — потому что «время — это ум, а не чувство» (433). И наоборот, возвращение сознания к самому себе означает возобновление ощущения внешнего, объективного времени. Поэтому Кирей и Жеев «*почувствовали скучное время на дворе, когда поднялись с камня и оставили на нем свою заботу о Якове Титыче*» (493). Действительно, как отмечал Л. Витгенштейн, обретение смысла жизни и «решение загадки жизни в пространстве и времени лежит *вне* пространства и времени». <sup>39</sup> Смысл жизни не поддается рассудочному определению, он принципиально невыразим. Л. Витгенштейн писал: «Решение проблемы жизни состоит в исчезновении этой проблемы. (Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясным смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит)». <sup>40</sup> Об этом же говорит Платонов, описывая переживания Чепурного в ночь перед наступлением коммунизма: «...если бы он мог сейчас обнять Клавдюшу, он бы свободно подождал потом коммунизма еще двое-трое суток, а так жить он больше не может — его товарищескому чувству не в кого упираться; *хотя никто не в силах сформулировать твердый и вечный смысл жизни, однако про этот смысл забываешь, когда живешь в дружбе и неотлучном присутствии товарищей...*» (404—405). Обретение смысла жизни происходит у героев А. Платонова в обретении другого человека.

Свободное чувство чевенгурцев несовместимо ни с какими формами социальной организации. В романе «Чевенгур» Платонов подведет итог колебаниям раннего периода своего творчества по вопросу о том, как произойдет объединение людей: будет ли это «общество, коллектив, единый организм земной поверхности <...> с одним кулаком против природы», <sup>41</sup> т. е. механически спаянное в монолитный кусок целое с единым разумом, сознанием и волей, где полностью исчезнет индивид, или же «совокупление человечества в одно физическое существо» <sup>42</sup> произойдет на основе «света единения и любви», <sup>43</sup> на основе «естественных стремлений личностей к взаимному соединению». <sup>44</sup> Термины *коллектив* и *организация*, приложимые к первому случаю и указывающие на бездушный характер соединения людей, оказываются неприемлемыми во втором случае. В Чевенгуре не коллектив, не организация, а «товарищество» и «взаимный коммунизм» (476). Желание Прокофия Дванова «организовать» тут «всех в одно покорное семейство» (477), чтобы легче было управлять, вызывает резкий протест у Александра Дванова. В воззрениях Прокофия, в его отрицании товарищества, дру-

<sup>39</sup> Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. § 6.4312.

<sup>40</sup> Там же. § 6.521.

<sup>41</sup> Платонов А. П. Нормализованный работник // Платонов А. П. Чевенгур. М., 1991. С. 408.

<sup>42</sup> Платонов А. П. Свет и социализм // Платонов А. П. Государственный житель. С. 556.

<sup>43</sup> Платонов А. П. Душа мира // Платонов А. П. Возвращение. М., 1989. С. 16.

<sup>44</sup> Платонов А. П. Нормализованный работник. С. 408.

жеских чувств между людьми, в его эгоизме, в стремлении властвовать над всеми и — особенно — владеть всем, получить все в свою собственность можно усмотреть рефлексывзглядов Макса Штирнера, изложенных в его книге «Единственный и его собственность». Эта книга появилась в 1844 году как ответ на книгу Фейербаха «Сущность христианства» и была направлена против проповедуемого Фейербахом антропотензизма. Различие взглядов на коммунизм основной массы чевенгурцев, с одной стороны, и Прокофия — с другой, повторяет различие и полярность взглядов Фейербаха и Штирнера.<sup>45</sup>

У чевенгурцев есть напряженное переживание религиозного чувства к ближнему, которое должно оставаться чистым и целостным. Утратив в своем сердце Бога, люди не перестали ждать Спасителя, уже не Бога, а человека. Один из чевенгурцев, Юшка, говорит собравшимся за вечерней трапезой товарищам: «И хотя ж мы низовая масса, хотя мы самая красная гуща, но нам *кого-то не хватает*, и мы *кого-то ждем!*...» (519). «Прочие» часто смотрят в степь, «не идет ли оттуда к ним какой-нибудь человек» (486—487). Мессия, Спаситель, обязательно должен быть дальним, потому что человек чувствует экзистенциальную невозможность спасения в тех, кто его окружает, в ближних. Это ожидание есть трансцендирование себя к высшему, конечному пределу всех устремлений, желаемому и никогда не достижимому. Это ожидание есть чистый вектор, чистое стремление, которое никогда не может разрешиться, ибо никогда в своей земной жизни человек не может достичь слияния с мировым целым. Платонов пишет: «...надежда не может сбыться и бьется внутри человека: если она сбудется, человек умрет; если не сбудется — человек останется, но замучается, и сердце бьется на своем безвыходном месте среди человека» (489). Ожидание Спасителя как человека — ближнего или дальнего — заканчивается для чевенгурцев трагически. Вместо Мессии появляется неизвестная армия, и под

---

<sup>45</sup> Существуют и текстовые совпадения между романом «Чевенгур» и книгой Штирнера. Так, Прокофий говорит Александру Дванову о том, что «выделенный сын из отцовского двора никогда не является к отцу и никогда не тоскует по нем, сын и отец были связаны нисколько не чувством, а имуществом...» (481). У Штирнера находим следующее рассуждение: «...отца и сына до совершеннолетия обнимают узы, после совершеннолетия они могут быть самостоятельными; до этого момента они, как члены семьи, принадлежали друг другу, после они соединяются как эгоисты; родство отца и сына остается, но отец и сын не связаны им» (*Штирнер М. Единственный и его собственность. М., 1918. С. 105*).

Книга Штирнера была широко известна в России. В период с начала XX века по 1924 год вышло несколько ее переводов. Знакомство Платонова со взглядами Штирнера устанавливается по косвенным данным: у Платонова есть рецензия 1923 года на выступление В. А. Поссе с лекцией на тему «Трагедия одиночества» (Воронежская коммуна. 1923. 13 янв.), где Поссе, в частности, анализировал взгляды Штирнера, которого высоко ценил. В своих воспоминаниях Поссе пишет: «Творческое понимание Штирнера я старался впоследствии передать в некоторых своих лекциях, в особенности в лекции «Трагедия одиночества»...» (*Поссе В. А. Мой жизненный путь: Дореволюционный период (1864—1917). М.; Л., 1929. С. 106*).

О возможном влиянии Штирнера на творчество раннего Платонова говорил В. Ю. Вьюгин на II Международной Платоновской конференции в ИМЛИ РАН и на VI Платоновском семинаре в ИРЛИ РАН (октябрь 1994 г.).

ударами «машинального врага» чевенгурская утопия прекращает свое существование.

Проблема человеческого сознания, столь остро поставленная в романе «Чевенгур», оказывается скрытой в нем под напластованиями социально-исторических проблем. В чистом виде проблема сознания будет поставлена Платоновым в романе «Счастливая Москва» — и там еще раз будет показана ее полная неразрешимость.

А. А. Газизова

## КРАСОТА В РАННЕЙ ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Тайну мы познаем никоим образом не через то, что мы ее разоблачаем и расчлняем, но единственно через то, что сохраняем тайну как тайну.

А. Ф. Лосев

Серьезность, вдумчивость, строгость проявляются у Андрея Платонова и в его отношении к красоте. Его мысль о ней по преимуществу отвлеченна. Она свободна от «множественной чувственности» (А. Ф. Лосев), от неисчислимых мерцающих и мелькающих деталей, что воссоздают осязаемую красоту плоти, ее вкус, цвет, запах... Такие детали есть, их немало, но не в дробной множественности, а в характере всеобщности, с метой гносеологического, онтологического суждения о «человечестве, сущности всего» (А. Платонов).

Опосредованное разъяснение можно найти в требовании молодого писателя к самому себе: «Писать надо не талантом, а «человечностью» — прямым чувством жизни». Или: «Сущностью, сухою струею, прямым путем надо писать. В этом мой новый путь».<sup>1</sup>

Писать чем? Писанию талантом противопоставляется писание системой отвлеченных идей, называемых в перечислительном ряду: «человечностью», «прямым чувством жизни», «сущностью», «прямым путем». Наконец, их общий смысл обретает метафору — «сухую струею», в которой А. Платонов увидел ясный образ своего прямого нового пути. Мысль писателя на этом как бы успокоилась, завершилась. Но наши вопросы все множатся, ведь метафорический образ лишь сгущает «потенный смысл». Что значит писать «сухую струею»? Струею песка? Прямой и новый путь, как у песка, ставшего струей? И снова мы упираемся в тайну уникальной платоновской мысли, феноменального слова, ошущью, потихоньку ищем ключа.

В общении с эстетической реальностью А. Платонова нам мешает то, что мы пользуемся наработанными ходами и предпочитаем рассматривать, как оно, его особое слово, постепенно, шаг за шагом выросло из объективной жизни, из субъективного опыта, из —

<sup>1</sup> Платонов А. Деревянное растение: Из записных книжек. М., 1990. С. 10—11. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

опять-таки — постепенного освоения интеллектуального и художественного знания людей. На самом же деле, безусловно, А. Платонов обладал неким полным знанием, не требующим кротовьей работы для его обретения, априори: «Я люблю больше мудростью, чем философией, и больше знание, чем науку» (письмо жене. 1922 г.).<sup>2</sup> Он знал нечто изначально, обо всем, а не собирал осколки в целое на пути из нищей Ямской слободы к нищенскому бытованию в здании Литинститута.

Говоря о времени Ямской слободы, он утверждал: «Я тогда уже понял, что (...) между лопухом, побирушкой, полевой песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогающим землю, есть связь, родство... И я знаю, что жалостный пахарь завтра же сядет на пятиосный паровоз и так будет орудовать регулятором, что его не узнаешь...» (Государственный житель. 661). Л. Шубин, В. Чалмаев, Эм. Миндлин подтверждают изначально проявляемые творческую зрелость мысли, ясное мировоззрение, всестороннюю образованность Платонова. У Эм. Миндлина узнаём о А. Платонове начала 30-х годов в Москве: «О чем бы ни начать говорить с Платоновым, постоянно создавалось впечатление, что он уже думал об этом. Невозможно было заговорить с ним о том, о чем он не думал раньше тебя. И не только думал, а с завидной ясностью единственно точными словами русского языка выразил свои мысли».<sup>3</sup> И В. Чалмаев сделал вывод, «что уже в 20-е годы Платонов созидал свой художественный мир в известном смысле (...) не «с цокольного этажа», не с фактов и подробностей (вернее, не только с них), а с обобщающей мысли о времени, о революции, о Прометее, рабочем классе» (Государственный житель. 13).

О присутствии некоего высшего знания, непонятого и недоступного всем, говорит лик Андрея Платоновича Платонова. На всех его изображениях мы видим лик, не лицо.

Стиль выбранной им жизни, материя и дух создаваемого им слова — все говорило о присутствии проблемы: как обходиться с данным ему знанием? О ней можно догадаться и по ряду опосредованных проявлений. Например, он предостерегал юного Юрия Нагибина от подражания ему такими словами: «Ты можешь подражать кому угодно, только не мне. Я тебя выжгу всего, как серная кислота».<sup>4</sup> (Прямая перекичка с мыслью из записной книжки: «Гений: он слабых задушит, сильным даст жизнь» (ок. 1927 г. — Деревянное растение, с. 6)). Еще он сетовал, что вынужден приспособлять свои мысли к общепонятному уровню: «Я должен *опошлять* и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения. Именно — *опошлять!* (Государственный житель. 667; подчеркнута мной. — А. Г.).

<sup>2</sup> Платонов А. Государственный житель: Проза. Ранние сочинения. Письма. Минск, 1990. С. 660. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

<sup>3</sup> Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 475.

<sup>4</sup> Интервью с Юрием Нагибиным // Книжное обозрение. 1990. № 13. 30 марта. С. 8.

Мы всегда твердо знали, что художественный талант великого писателя растет и крепнет от прикосновения к низкой реальности, к толще народной жизни. Платонов же печалится, что надо опошлять мысли для всех.

Это действительно очень важно, что необыкновенный Платонов пришел к людям готовым и ему было неловко быть среди не знающих, себя объяснять. Может быть, его невероятная, не бытовая сдержанность и своеобразная искренность и стыдливость — при прямоте называния того, для чего придумано столько эвфемизмов, — и его тихая настойчивость во вспоминании смысла пребывания на земле — может быть, все отсюда, из цельного знания об истине, осколки которой мы собираем или тщимся собирать всю жизнь.

В платоновском слове эстетически преобразовано иное знание о мире и человеке. Оно передано нам, степень нашего непонимания и неосведомленности учтена, но не слишком. На это указывает и то своеобразие, которое уже в ранней прозе придано понятию красоты, наиболее потаенному и умалчиваемому.

Само слово «красота» как бы табуировано, встречается редко. Легче дается писателю употребление превосходной степени, особенно в сочетаниях «прекрасная жизнь», «прекрасная, милая жизнь!», «прекрасная жертва», позже возникло название книги — «В прекрасном и яростном мире». В этом предпочтении слова «прекрасный» проявилась его склонность к концентрации общего, завершающего смысла красоты в том единстве, что рождает возвышенное, поэтическое отношение к жизни человека и всего мира. Заметим, что и в словаре В. Даля нет отдельной статьи на слово «красота», но есть на слова «прекрасный», «краса».

Еще очень важная грань смысла в платоновском употреблении слова «прекрасный» — пересозданный, преображенный трудом, интеллектуальным и эстетическим, нравственным усилием: «Женщина перегоняет через свою кровь безобразие и ужас земли(...) она в вечном труде творчества тайно идущей жизни(...) Но что такое женщина? (...) Кровный крест пира со смеющейся, прекрасной жертвой» («Душа мира». — Государственный житель. 639—640). Или такая мысль о «теме романа»: «Стратилат делал коммунизм, а сделал другой мир (...) нечто исторически-прекраснее, неожиданное, неизвестное и действительно необходимое и простое» (Деревянное растение. 16).\*

Если же не совершен труд пересоздания, делания прекрасного, то оно как бы уменьшается («Особо Полпашкин любил среднепрекрасных женщин») и может быть названо «прелестным», «очаровательным», «милым», даже «красивым» — с разными оттенками смысла, эмоционального отношения. Например, в дневниковой записи с иронией говорилось о стороннике и проповеднике «„красивой

---

\* Из записей до 1951 года: «Как чего прикасались его руки, так все безобразное превращалось в прекрасное. — однако всегда оказывалось, что прекрасное было никому не нужно, когда оно было сделано. И этот человек, делавший прекрасное, сам был никому не нужен» (Деревянное растение. 43—44).



жизни“, — для него эта жизнь — истина и вся философия» (50-е годы. Государственный житель. 700). А слово «очаровательно» в контексте одного из литературных размышлений в оксюморонном сочетании со словом «мучительное» сохранило в себе живую боль платоновской души, поселившейся «в „низкой“ действительности, откуда все стремятся уйти»: «Как непохожа жизнь на литературу (...) Большая ложь. — Слабость литературы. Даже у Пушкина и Толстого и Достоевского — мучительное лишь „очаровательно“» (Деревянное растение. 20).

Прямое слово «красота» легко произносится в стихотворной речи, как в собственной:

Но чем жизнь страстней благоухала,  
Чем нежней на свете красота,  
Тем жаднее смерть ее искала  
И смыкала певшие уста...

(Государственный житель. 681)

— или пушкинской, цитируемой в письме жене:

Я помню милый нежный взгляд  
И красоту твою земную;  
Все думы сердца к ней летят.  
Об ней в изгнании тоскую...

(Государственный житель. 664).

Причем понятие красоты приложимо к женщине, но не к мужчине. В одной только записи 1934—1936 годов — из опубликованных — встретилось слово о мужчине: «Не больно рылястый (красивый), а так — полноличный» (Деревянное растение. 28). О себе же с тоскливой настойчивостью повторял: «...Я негармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба, без всякой измены себе». (В письме 1936 г. — Государственный житель. 682). Или — в записях 1941—1944 годов: «...что со мной стало? — я стал уродом, изувеченным, и внешне, и внутренне (...) Это я: я прожил жизнь» (Деревянное растение. 39). Здесь и горечь, и мудрое согласие, и уверенное принятие мужского уродства как юродства, которое свято (рассказ «Юшка») и жизнеспасительно. Вот запись для себя, «О ч е н ь в а ж н о ! // Мое молодое, серьезное (смешное по форме) — остается главным по содержанию навсегда, надолго. Серьезность Жовова, величие его, антиюродство, страшн(ая) опасность жизни...» (Там же. 11).

Опасность антиюродства была введена А. Платонову и изведена им сполна. Литературные критики, его современники, в раздражении осыпали упреками за «христианскую юродивую скорбь», «великомученичество», «какое-то больное, ущемленное правдоискательство» (А. Гурвич).<sup>5</sup>

Женщина была для А. Платонова олицетворенной красотой. Эстетически преображенная, воплощенная в иконе («смуглая красота» лица девы Марии — «Родина электричества»), в героине рас-

<sup>5</sup> Красная новь. 1937. № 10. С. 137.

сказа (лицо юной Джумаль «покрылось красотой» — «Такыр»), она безусловна и не нуждается в пояснениях, детализации. Если же речь идет об обыденной красоте женщин, то она эфемерна, легко соскальзывает в безобразие и иной не бывает: «женщина — пол со свою красотой-обманом» («Но одна душа у человека»); красота «может стать безобразием и чудовищем, если захочет» («О любви»).

Признаки женской сублимированной красоты устойчивы и не разнообразны: блестящие, ясные, кроткие глаза, мягкое чистое лицо, осязаемая свежесть. Постоянные эпитеты «чистый», «милый», «кроткий». Женское лицо настоящей красоты иконописно, оно выражает его соразмерность духу, а «высота души, — считает писатель, — в ее неизменности», потому его «идеалы однообразны и постоянны».

Измученный трудом, тревогой и безытичностью, Маркун («Маркун») увидел дивный сон: «Через дальнее теплое море шел яркий, веселый пароход с смеющимися красавицами. Кроткими глазами они смотрели в большое ночное небо...»<sup>6</sup> Девичья красота и постоянный признак идеальной, кроткой, неземной чистоты сближены настолько, что на этом тексте легко увидеть, как автор достигал «высшей формы экономии» художественного слова и образа, признанной им сутью искусства («посредством на и простейших средств выразить на и сложнейшее» — Государственный житель. 700).

Как решает А. Платонов извечную проблему внешнего и внутреннего, духа и плоти в идеале красоты? У него нет ни риторического, ни конкретно образного, открытого противопоставления сосуда-тела и духа-огня, для него «дух и плоть одно» (Деревянное растение. 5). В «философской подпочве» наших размышлений риторические вопросы могут возникнуть, но для А. Платонова они не органичны. Единство и противоречие внешнего и внутреннего, проявление одного в другом и наоборот его занимают не столько, сколько переход, изменчивость, неустойчивость крайностей, реальных и идеальных.

Красота и безобразие как формы (способы?) взаимного превращения объективного внешнего в субъективное внутреннее — размышление об этом мучительно и неотступно. Вот прямое высказывание: «Красота есть *обратное понятие*. Кто некрасив, тот более намучен социальным неустройством. Кто красив, не избежал неустройства. Но через некрасоту можно достигнуть высшей красоты. А некрасота, это *преходящее состояние* человека, когда он в мучительности» (Там же. 10—11; подчеркнуто мной. — А. Г.). Писателем задается такая высота мысли, что долго удержаться на ней невозможно, но, чтобы не сразу потерять высоту, следует опереться на его суждение, близкое по смыслу, такое, например: люди — «товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость входит в состав дружбы» (Там же. 10).

Удерживаясь на этом уровне от стремительного падения, можно успеть понять, что безобразие входит в состав красоты, а красота —

<sup>6</sup> Платонов А. Маркун // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1984. Т. 1. С. 26. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

в состав безобразия, и выйти, наконец, из рамок привычно омертвляющих мысль противопоставлений и размежеваний, приняв взаимопревращение, сосуществование крайностей за живую силу, и тем самым ближе стать А. Платонову. Его мир не бинарен, и полюса в нем не разведены. Он не измеряет мир одной правдой, не утверждает в нем единственного способа жизни и единообразия красоты, не оценивает чужую культуру с точки зрения своей, не обращает в свою веру и на ней не настаивает.

В его мире происходит «сшибка», «соударение», смешение «живых существ», сознаний, поведений, классических принципов и неклассических ситуаций — «общий конгломерат», по его слову. Когда осознаешь эти грани платоновской мысли, все настойчивее звучат в душе темы музыки Альфреда Шнитке. Композитор тоже переводит язык своего искусства в иное измерение, где чудовищен хаос, где невысказано переплелись кричаще разнородные, несовместимые «стилистические наклонения», но и в нем появляется эстетическая гармония, вбирает в свой необычный порядок дисгармонию и дает разным проявлениям звучащей материи опору для согласия — никем, кроме композитора, не ожидаемую, для многих, возможно, неприемлемую. В финале «In tempestat» после катастрофы возникает однообразный звук монотонной шарманки, близкой и А. Платонову.

Единство мира означено на символическом уровне, сводящем всю множественность звуков к унифицирующей и пронзительно поэтичной коде: после разрушения и распада воспаряет «заобразное, прародимое» (А. Белый). Последним итогом происшедшего станет усилие нашего сознания, получившего поддержку печали и милосердия в катастрофическом переживании неизбежной грани бытия. Глубинный подтекст неожиданной шарманки, конечно, не может быть измерен ее реальным звучанием в финале сочинения А. Шнитке. Именно она погружает нас в странный вечный простор, созданный страстным напором дисгармоничных музыкальных столкновений и погашения — в итоге — голосов зла. Эта «формула мировой гармонии» (А. Шнитке) создана для разрешения муки мысли, для начала новой гармонии на древний лад.

А. Платонов неустанно искал ответа на вопрос, из чего возникает мучительность мысли и как она разрешается. Чувство как более древнее людское свойство разрешается в наслаждении, он это знал.\* А мысль? Ответ на этот вопрос был у философов античности. А. Ф. Лосев в статье «Завершающее античное определение красоты

---

\* В статье А. Платонова «О любви» читаем: «Жизнь пока еще мудрее и глубже всякой мысли, стихия неизмеримо сильнее сознания, и все попытки заменить религию наукой не приведут к полной победе науки (...) И вся разгадка лежит в *сознании* (слово подчеркнуто А. Платоновым) человека, в его мысли — в этом новом молодом чувстве человека, присущем только человеку и больше никому и ничему (...) Чувство родилось давно, и уже слилось с душою мира. Мысль не слилась, не совпала еще, а только ищет этого слияния в полном познании мира (...) человек ищет смысла, будучи сам смыслом (...) Весь мир должен стать равен человеческой мысли — в этом истина» (Государственный житель. 650—652).

в контексте других философско-эстетических категорий» разъяснял его: само мышление превращается в наслаждение. Самопознающий, самосознающий ум, устремленный к «нетелесной сущности», избавивший себя от пестроты внешнего, от многообразных чувственных порывов души, ни в чем не нуждающийся, — такой ум неоплатоники именуют красотой.<sup>7</sup>

В «зрелой формуле красоты», созданной неоплатониками, красота тождественна и уму, и единому благу, и душе, движущейся к справедливости и добру. Прокл объединил «умные сущности» такого рода в афоризме: «Благо — в богах, красота — в умах, справедливость — в душах». А. Ф. Лосев поясняет: «Другими словами, всякий бог коренится в самом благе, но достигает своего смыслового конструирования в уме и потому становится красотой ума». (Там же). Срединное положение красоты в онтологической триаде (единое, или благо; осмысленное бытие, или ум; становление, движение, или душа как ум) объясняет, почему так велико значение красоты в нижних сферах бытия. Она, сказано мыслителями античности, облегчает доступ ко благу (первой структуре бытия) и справедливости (третьей структуре бытия), так как очевидна и влекуща, а благо и справедливость прекрасны всегда (Там же. 35).

А. Платонов теснейше связан был с античностью, и по причине глубоких, как считал К. Леонтьев, корней славянства в византизме, и благодаря собственному интересу к ней, полному знанию о ней. В контексте данных размышлений очень важным с точки зрения античного понимания красоты становится рассказ «Песчаная учительница» (1927).

Самое главное и часто употребляемое слово произнесено в этом повествовании первым. Оно же указывает, что героиня принадлежит ему (и состоит из него?). Первопричина всего происшедшего с Марией Никифоровной Нарышкиной — песчаный ландшафт. Она родилась в заброшенном песками городке Астраханской губернии, не покинула своей глухой пустынной родины и, став учительницей, продвигалась по ней вглубь, в глушь. Степные просторы расширялись перед ней, и сужалось пространство для личной женской судьбы, но она оказалась готовой к подвигу самопожертвования ради превращения пустыни в «будущий мир», «когда в пустыне вырастет дерево» и станет высшей славой ее жизни и памятником ей.

Герои А. Платонова имеют дело не с пейзажами, не с природными картинами, явлениями, а с ландшафтом великой равнинной страны, жаждущей не обывательского восприятия или эстетического изображения, а преображения посредством человеческого труда. Объектом созерцания она согласится стать в будущем, после ремонта и починки. Пока же людям дано «ландшафтное видение бытия», они «мыслят ландшафтно» (слово М. Хайдеггера). «Мы пустыни должны переделывать в зеленые страны и обитель человека» («Че-

---

<sup>7</sup> Лосев А. Ф. Завершающее античное определение красоты в контексте других философско-эстетических категорий // Творческий процесс и художественное воспитание: Сб. статей. Л., 1978. С. 35. В дальнейшем ссылки даются в скобках.

ловек и пустыня»). Или: «Когда я гляжу на эти курганы, у меня начинается тоска, и я чувствую в себе добросовестность» («Как зажглась лампа Ильича»). Или: «В тихий июльский полдень открылся перед нею пустынный ландшафт (...) сухое томящее пространство, за которым чудилась влажная, молодая, неутомимая земля, наполненная звоном жизни» («Песчаная учительница»).

Лейтмотивный ландшафтный образ в платоновской прозе — пустыня библейская: сухая земля, песчаные сухие дороги, потрясающая бедность сухого пространства, сухие песчаные вихри. Сухость как основной признак природного, космического вещества, из которого сделана среда обитания платоновского человека. «Сухой» — любимый, постоянный эпитет в большинстве созданных им текстов, особенно в двадцатые годы, и не только художественных. В «Родине электричества» толпа шествует по сухой лысой земле, «по праху в долине, направляясь к битой дороге».\* Таким же сухим может быть субъективное пространство внутри человека, как у Настасьи Филипповны, героини Ф. Достоевского. Ее душа, говорит А. Платонов, пребывает в царстве, «где свобода, пустота и вихри мертвых пустынь».

Летмотивные черты платоновского локального пространства неизменны и в «Песчаной учительнице»: «пустыня была ее родиной», «потоки стонущего песка», «жить в песчаной степи», «похоронить в песчаной пустыне», «кочевое кольцо в пустыне», «полумертвое деревцо в пустыне». Неизменно его пограничье между живой землей и сухой, между прошлым и будущим, своим и чужим, разрушенным и созидаемым, между жизнью и смертью. Это особое метафизическое пространство для особых экзистенциальных состояний, пробуждающих человеческую мысль и определяющих характер совершаемого ею «скачка».<sup>8</sup> Не архетип объективной библейской пустыни, а архетип предельной субъективной свободы, чистое поле для чистых размышлений духа, желающего быть свободным и свободно действовать в несвободных обстоятельствах. Здесь и вырастает «эстетический объект» (слово М. Бахтина), дерзающий обратить сыпучий песок в «живое тело», красоту женственной «души мира».

О двадцатилетней Марии Никифоровне Нарышкиной автор говорит так: «Это был молодой здоровый человек, похожий на юношу, с сильными мускулами и твердыми ногами»<sup>9</sup> (подчеркнуто мной. — А. Г.). Через два года, названная «песчаной учительницей» за «мудрость жить в песчаной степи», она выглядит так: «Мария Никифоровна пополнела, несмотря на заботы, и еще больше заневестилась лицом» (79 — подчеркнуто мной. — А. Г.). Ее все больше расцветающая женственность все более полно раскрывает смысл имени, определяемый, в том числе, этимологией корня MRH, который озна-

\* У А. Солженицына в «Одном дне Ивана Денисовича» — дорога «убита».

<sup>8</sup> См. подробнее: Подорога В. А. Метафизика ландшафта: Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX—XX вв. М., 1993.

<sup>9</sup> Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1984. Т. 1. С. 75. В дальнейшем ссылки даются в тексте.

чает «быть тучным», в переосмыслении — «сильная», «прекрасная». (Заметим, кстати, греческое значение имени «Никифор» — «победоносец»).

Пластически эстетизированное тело Марии Никифоровны Нарышкиной проявляет прозрение женской души не на уровне пола. Звучит мотив благодати, пробуждения доброго и справедливого ума, догадавшегося сделать главным предметом в сельской степной школе «обучение борьбе с песками, обучение искусству превращать пустыню в живую землю» (77). Так и написано в тексте: «И Мария Никифоровна догадалась...» (77).

В пластическом мышлении А. Платонова сближены античный и национальный, народный, образы женской красоты (вспомним и царственность древнего рода Нарышкиных). Есть «сходство в идеальном», по слову К. Леонтьева, когда юная природная прелесть — полнотелесная, заневестившаяся — сообщает о целомудрии, одухотворенной силе, терпеливой воле. Великая античность любила «мудрость без изнеженности и красоту без прихотливости» (Перикл), в русской идее «ума—красоты» телесное совершенство следует за духовным. Соединение истины и добра — как известно по В. Далу, — «мудрость во образе красоты».

Своеобразие платоновского эстетического идеала в рассказе «Песчаная учительница» выразилось в том, что духовное совершенствование героини началось с мысли, а полно и абсолютно проявилось в ее способности мыслить премудро.\* Причина ее преображения в песчаном метафизическом ландшафте — ее добросердечие, а двигатель — «усилие сознания», которое привело к «перемене мысли», «к новой высшей, духовной жизни».\*\*

Мысль о превращении пустыни в «живую землю» потребовала от Марии Нарышкиной неустанного землеустроительного труда и воспитания настоящих пророков «новой веры в пустыне» (78), а катастрофическое понимание всей безысходной судьбы «двух народов, зажатых в барханы песков», потребовало жертвы, подвига самоотречения во имя творения собственными силами иного мира:

---

\* «Премудрость, высшая мудрость, согласующая плотскую жизнь человека с бытием духовным» (Платонов А. Соч., В 3 т. Т. 3. С. 393).

\*\* Здесь следует щедро процитировать мысли Л. Н. Толстого о роли сознания в духовном преобразовании человечества, о котором он мечтал, чтобы явственнее ощутить мощную генетическую подпочву главной идеи платоновского творчества в двадцатые годы. В последнем, итоговом, произведении «Путь жизни» классик сказал: «Усилие сознания — не есть средство достижения блага, но само усилие сознания дает благо». «Все великие перемены в жизни одного человека, а также и всего человечества, начинаются и совершаются в мысли. Для того чтобы могла произойти перемена чувств и поступков, должна произойти прежде всего перемена мысли». «Как жизнь и судьба отдельного человека определяется тем, на что мы менее обращаем внимания, чем на поступки, — его мыслями, так и жизнь обществ, людей и народов определяется не событиями, свершающимися среди этих обществ и народов, а теми мыслями, которые соединяют большинство людей этих обществ и народов». «Человек сотворен для того, чтобы мыслить; в этом все его достоинство и вся его заслуга. Обязанность человека только в том, чтобы мыслить правильно». В последней мысли — цитирование Паскаля (Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993. С. 266, 306, 308, 316).

«Мария Никифоровна задумалась:

„Неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелюговом кустарнике, считая это полумертвое деревцо в пустыне лучшим для себя памятником и высшей славой жизни?..“

А где же ее муж и спутник?..» (81).

На пути от труда и пророчества к созданию другого мира песчаной учительнице было дано откровение. В момент печали, злобы, отчаяния ее поразила красота здравого смысла «умного, спокойного вождя кочевников». На небольшом текстовом пространстве близящегося к финалу рассказа трижды сказано о том, что Мария Нарышкина заметила и оценила его ум. В ответ на свою «молодую злобу» она услышала: «Мы не злы, и вы не злы, но мало травы. Кто-нибудь умирает и ругается (...) Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник» (80) — и «втайне подумала, что вождь *умен*»; говоря с «завокроно», «нечаянно подумала об *умном* вожде кочевников» и «второй раз вспомнила *умного* спокойного вождя кочевников» (80—81).

Потрясенная закономерностью повторяющегося степного события (каждые пятнадцать лет кочевники «проходят здесь по своему кочевому кольцу в пустыне» и, спасая себя, обрекают Хошутово на вымирание), которое зачеркнуло ее победу, удивленная смиренным мужеством собеседника, признающего правоту и своих, и чужих, Мария Нарышкина совершила собственный, индивидуальный переход в новое измерение своей жизни. Она решила разорвать круг дурной бесконечности сложившегося бытия, чтобы прекратить путь вечного возвращения кочевников к редким источникам жизни, научив их создавать эти источники своим трудом.

Платоновская героиня выбрала не вытеснение другого, дальнего, ради ближнего, не безумие воли и работы только для своих, не в унисон спевшихся голосов, а гармонию диссонирующих сил, каждая из которых до известной степени права.

Красота Марии Никифоровны Нарышкиной получила завершение. Стремление ко благу целого, единого, развитый ум, добрая душа, прекрасная плоть — все учтено в художественном образе, олицетворяющем эстетический идеал А. Платонова, в котором он сумел выразить свое понимание красоты и ее тайны, чуда ее теплого пребывания в нашем холодном мире.

А. А. Крeтнин

## ТРАГИЧЕСКОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Творчество А. Платонова и Б. Пастернака совпало со временем, когда трагическое становилось «нормой жизни». Однако связь социальной обстановки и художественного сознания не представляется нам прямой и однозначной. Наиболее ценным оказывается опыт именно тех художников, кто, говоря известными строками, не был отвлечен Сталиным «от ужаса существования». К их числу принадлежат Платонов и Пастернак. К исследованию трагического в художественных мирах Пастернака и Платонова побуждает особая значимость этой категории для обоих художников, а также предполагаемая нами полярность и, следовательно, возможная взаимная дополнительность ряда характеристик трагического у Платонова и Пастернака.

В настоящей статье мы ограничимся задачами: во-первых, самой постановкой проблемы; во-вторых, попыткой выявить основные источники трагического в художественных мирах Платонова и Пастернака, не претендуя на описание и систематизацию трагических явлений самих по себе; в-третьих, установлением связей между источником (сущностью) трагического и формами трагического пафоса, бытующими в художественных мирах Платонова и Пастернака.

Гегель, как известно, видел источник трагического в том, что в «реальной объективности» устраняется гармония и возникает «взаимная отъединенность» сил, субстанционально единых.<sup>1</sup> В этом духе мы понимаем трагическое как непреодолимую несовместимость, разъединенность изначально, субстанционально единого, совместимого; разъединенность, чреватую страданием и гибелью ценностей.<sup>2</sup> В свете такого понимания трагического в структуре трагического явления должен быть выделен не только момент трагического расхождения, разрыва, но и трагического совпадения, тождества, совместности. Иначе говоря, — и это достаточно очевидно, — трагизм «измеряется» не только масштабами крушения, распада как итога трагического события, но и глубиной тождества, прочностью единства

<sup>1</sup> Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика: В 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 575.

<sup>2</sup> Об аксиологическом аспекте проблемы трагического см.: Шелер М. О феномене трагического // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 301—317. Однако в отличие от Шелера мы не находим возможным классифицировать ценности «по рангам».



(впоследствии распавшегося) как необходимой предпосылки всякого трагического события.

В этом отношении пастернаковский мир как редко какой другой «подготовлен» к разворачиванию в нем трагических коллизий, ибо единство и тождественность самых, казалось бы, разнородных «вещей», его наполняющих, лежат в самой основе пастернаковского мира.<sup>3</sup> Единство пастернаковского мира предустанавливается его изначальной одухотворенностью — всем его составляющим эта одухотворенность дана в потенции. Но субстанциональное единство мира должно быть еще проведено в «реальную объективность», что и происходит за счет качеств и усилий самих «вещей», самих элементов пастернаковского мира. В этом воспроизводстве «необъятной тождественности жизни»<sup>4</sup> через реализацию в себе данной в потенции одухотворенности и состоит смысл жизни пастернаковских героев. Необходимость пути к этому смыслу особенно велика для героя-художника. Тождественность с познаваемым есть, по Пастернаку, неперемное условие истинного художественного познания, и «дар тождественности с миром»<sup>5</sup> — необходимое и едва ли не главное качество художника. Однако кульминационный момент приобщения к смыслу жизни, достижения искомой тождественности с миром регулярно приводит пастернаковского героя к катастрофе.

В текстах Пастернака неоднократно повторяется следующая цепочка мотивов: *путь по железной дороге* с целью соответствовать Жизни, *прочитать*, понять познать Жизнь<sup>6</sup> — *катастрофа* или *происшествие со смертельным исходом*. Наиболее открыто смысл данной последовательности мотивов присутствует в неоконченной повести Б. Пастернака «История одной контроктавы», где скоростное движение музыкальной темы и сращенного с нею органиста передается с помощью «железнодорожнокрушительного» лексикона: «Органист играл, забыв обо всем на свете... Тема приближалась к органному пункту, шумно развивая неслыханную, угрожающую скорость. Она благополучно пронеслась мимо последнего звена секвенции; от доминанты ее отделяло несколько шагов, как вдруг вся инвентария... сразу в одно мгновение ока непоправимо катастрофически осиротела... когда, на рискованнейшем повороте одного басового предложения, орган отказал двум клавишам в повиновении и из грандиозного бастиона труб и клапанов рванулся какой-то нечеловеческий крик...»<sup>7</sup>

<sup>3</sup> Например, в «Докторе Живаго»: «...за черными мелозеевскими сараями мерцали звезды, и от них к корове протягивались нити невидимого сочувствия...» (Пастернак Б. Л. Собр., соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 3. С. 140).

<sup>4</sup> Ср. в «Докторе Живаго»: «...все время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях» (там же. С. 69).

<sup>5</sup> Пастернак — Цветаевой. 25 марта 1926 г. // Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 314.

<sup>6</sup> См. об этом пастернаковском мотиве в нашей статье: «Сестра моя — жизнь...»: Поэзия и проза Б. Пастернака // Русская литература. Писатели XX века: Книга для учителя. Воронеж, 1994. С. 73—74.

<sup>7</sup> Пастернак Б. Л. Собр., соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 441—442.

Катастрофа (гибель во внутреннем механизме органа сына органиста Готлиба) следует тотчас же за установлением особого рода отношений между музыкантом и музыкой, исполнителем и исполняемым, художником и Жизнью («Органист содрогнулся от того свойства, которое существовало в тот миг между ним и кантиленой...»<sup>8</sup>). Аналогичная последовательность имеется и в романе «Доктор Живаго». Лара (одно из значений *Лары* в романе — значение *сестры-жизни*)<sup>9</sup> характеризует свои отношения с Юрием Живаго как «венце совместности» и одновременно «своевольную, разрушительную стихию».<sup>10</sup> Вскоре за констатацией «венца совместности» следует разлука Юрия и Лары, Живаго и Жизни (легко читаемая как *катастрофа* еще и потому, что ее организатором стал Комаровский<sup>11</sup>), а затем и смерть героя, трагический смысл которой обозначен уже в начале романа оксюморонно: «Кого хоронят?» — «Живаго».<sup>12</sup> *Катастрофа* выступает, таким образом, как обозначение удавшейся попытки *артиста-художника* в творческом акте соответствовать Жизни, быть тождественным ей. Такое соответствие, возможно, и достижимо в художественном мире Пастернака, но оно оборачивается мстительной стихией, разрушающей художника и требующей от него несомненных жертв. Эта неизбежность разрыва, катастрофы, похорон в момент кульминации тождества, свойства, совместности героя и Жизни, человека и его предназначения и есть источник трагического в художественном мире Пастернака. Подчеркнем, что трагическое явление мы видим не в самих катастрофах как таковых, но именно в той последовательности, в том постоянстве, с которыми всякое достижение тождества с Жизнью оборачивается ценностно значимой для героя потерей. Таким образом, трагическое у Пастернака совпадает с должным, истинным и прекрасным, ибо означает совпадение человека с собственной сущностью (реализацию собственного предназначения), с Жизнью (как сущностью пастернаковского мира), а для художника еще и с искусством.<sup>13</sup>

Отметим добровольность и «сознательность», с которыми многие пастернаковские герои проводят трагическое в жизнь.<sup>14</sup> Подобное возможно в случае, если за предопределением герои видят собственное предназначение. Тогда жертва, требующаяся от них, есть

<sup>8</sup> Там же. С. 441.

<sup>9</sup> Ср., например: «О, как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию... Вот это-то и есть Лара...» (там же. Т. 3. С. 386).

<sup>10</sup> Там же. С. 428.

<sup>11</sup> Ср., например, роль Комаровского в гибели отца Юрия Живаго; учтем также ее «железнодорожный» контекст (см. там же. С. 19).

<sup>12</sup> Там же. С. 7.

<sup>13</sup> Последнее проясняет, в частности, «безапелляционное суждение Пастернака в «Охранной грамоте»: «Искусство называлось трагедией. Так и следует ему называться» (там же. Т. 4. С. 219).

<sup>14</sup> См., например, речь Иисуса в «Гефсиманском саду»: «Ты видишь, ход веков подобен притче И может загореться на ходу. Во имя страшного ее величья Я в добровольных муках в гроб сойду» (там же. Т. 3. С. 540). С тем же смыслом в «Гамлете» лирический герой обращается к Авва Отче: «Я люблю твой замысел упрямый И играть согласен эту роль...» (там же. С. 511).

необходимый и единственный путь к осуществлению жизненной цели, к реализации собственного предназначения. В этом отношении жертва, приносимая Богом, тождественна жертве, приносимой Художником. (Эта параллель имеется, например, в «Истории одной контракты», что актуализируется в произведении мотивом *Троицы* и именем выступающего в роли жертвы сына органиста — *Готлиб*). В этом контексте проясняется утверждение в «Докторе Живаго» «жизни как жертвы» в качестве идеи — «духовного оборудования», необходимого для «разгадки смерти и ее будущего преодоления».<sup>15</sup> Само содержание пастернаковского искусства состоит в поединке жизни и смерти, в котором жизнь уравнивает смерть ценой вполне определенного самопожертвования. Так в «Истории одной контракты» органист все-таки возвращается, помилованный Богом, в свой городок и играет на роковом для него инструменте. С тем же смыслом возрождения жизни ценой ее самопожертвования роман «Доктор Живаго» имеет своим концом не только смерть героя, но и оставшуюся от него книгу стихотворений.

Если у Пастернака трагическое наступает вместе с проведением смысла, истины в жизнь, то у Платонова источником трагического является отчуждение смысла жизни, истины от мира, человека, самой жизни.

В пастернаковском мире трагическое, выявляя себя через смерть, выступает парадоксальной антитезой смерти. Смерть в платоновском мире зачастую лишена трагизма.<sup>16</sup> Подобное «обесмысливание» смерти можно прочитать в контексте известной платоновской статьи «О любви»: «Когда поймет человек себя, он поймет все и будет навсегда свободен. Все стены падут перед ним, и он наконец воскреснет, ибо настоящей жизни еще нет».<sup>17</sup> Но если нет «настоящей жизни», то нет и «настоящей», исполненной трагизма смерти.

Трагическое положение человека в платоновском мире — следствие нарушения субстанционального единства человека и природы и, значит, человека и Жизни. В уже упомянутой статье Платонов рассуждает: «Раз человек и вселенная — одно и человек сам та же сила, которая бьется и дышит в звездах и траве, то что же ему не понятно, что его мучит и мешает жить, мешает быть вполне той вольной чудесной силой, которая ничем не ограничена и для которой нет невозможного: что *живому человеку мешает быть жизнью*, для чего ему потребовалось объяснение и понимание мира и жизни, чтобы жить?»<sup>18</sup> (выделено нами. — А. К.). Человек и Жизнь, человек и мир, единые изначально, разминувшись. Человек,

<sup>15</sup> Там же. С. 14.

<sup>16</sup> Разумеется, в художественном сознании Платонова категория смерти имеет полноценное трагическое содержание; в этом случае речь должна идти о конкретных смертях, которыми перенасыщены многие платоновские тексты. О различных способах «снятия» трагичности смерти в прозе Платонова см.: *Кобринский А. А.* Проза А. Платонова и Д. Хармса: К проблеме порождения алогического художественного мира // Филол. зап. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 82—95.

<sup>17</sup> Платонов А. П. Чутье правды. М., 1990. С. 181.

<sup>18</sup> Там же. С. 181.

призванный «быть жизнью», перестает ею быть, так как, обретая мысль, не находит смысла — «соответствия, равновесия с миром». «Ответить же и удовлетворить мысль может только истина, и не осколки истины (часть истины — всегда ложь...), а вся истина».<sup>19</sup>

Отметим строго платоновскую цепочку мотивов, посредством которой столь часто описываются трагические явления в прозе Платонова: *устремленность к счастью* (память о *счастье* — *поиск истины* («душевного смысла») — *тоска, скорбь, скука* и т. п.<sup>20</sup> В «Котловане» этот «трагический аккорд» усиливается мотивом *невстречи, разминовения*. «Все мне кажется, что я кого-то утратил и никак не могу встретить»,<sup>21</sup> — говорит Прушевский. Знаменательно, что *невстречи* Чиклина и Прушевского, героев едва ли не во всем различных, описываются одними и теми же словами. Ср.: о Прушевском: «...мимо дома его детства прошла девушка, и он не мог вспомнить ни ее лица, ни года того события, но с тех пор всматривался во все женские лица и ни в одном из них не узнавал той, которая, исчезнув, все же была его единственной подругой и так близко прошла, не остановившись».<sup>22</sup> О Чиклине: «Чиклин, теперь уже не помнит ни лица ее, ни характера, но тогда она ему не понравилась... и так он прошел в то время мимо нее не остановившись».<sup>23</sup> Учтем также, что «утраченной подругой»<sup>24</sup> была для Чиклина и Прушевского одна и та же девушка, Прушевский «с тех пор... почувствовал тоску и стал все помнить и понимать», а Чиклин «хотя и более забывчиво, грустил когда-то тем же горем».<sup>25</sup> Важно отметить: *невстреча, разминовение* воспринимается платоновскими героями как *утрата* и через это обнаруживает свою связь с *припоминанием счастья, истины*. Все это позволяет заключить, что мотив *разминовения* выражает здесь трагическую отчужденность человека от смысла жизни, от истины.<sup>26</sup>

Мотив *разминовения* напоминает на о необходимости выделять в структуре трагического явления не только момент трагического расхождения, разрыва, но и трагического совпадения, совместности, ибо в этом мотиве присутствует пусть не совпадение, но явное сближение героев с тем, что могло бы стать для них истиной и смыслом. Однако подобные сближения в платоновском мире случаются достаточно редко. Субстанциональное единство человека и Жизни, мира и смысла («истины») преимущественно присутствует в платоновских произведениях не как чье-то достижение, но как общая *потребность-нужда*, имеющая для себя оправдание и осно-

<sup>19</sup> Там же. С. 181—182.

<sup>20</sup> См., например, цепочки этих мотивов в «Котловане»: Платонов А. П. Котлован. Ювенильное море: Повести. М., 1987. С. 13, 15, 21 и т. д.

<sup>21</sup> Там же. С. 34.

<sup>22</sup> Там же. С. 28.

<sup>23</sup> Там же. С. 34.

<sup>24</sup> Там же. С. 27.

<sup>25</sup> Там же. С. 37.

<sup>26</sup> Ср. также в «Чевенгуре»: «Мы ждали Иисуса Христа, а он мимо прошел...» (Платонов А. Чевенгур // Дружба народов. 1988. № 4. С. 57).

вание во внеличностной, общечеловеческой, общемировой *памяти*. Эта *нужда-память* проявляется в таких состояниях платоновского мира и человека, как *тоска, скорбь, грусть, томление* и т. п. Поскольку названные состояния не закрепляются в платоновском мире за конкретными героями, как и вообще за миром собственно человеческого, а память не включает в себя личностный опыт,<sup>27</sup> то здесь правильнее было бы говорить не о трагических героях, как у Пастернака, но о трагическом состоянии мира. Вспомним Гегеля: «Истинно же трагическое страдание налагается на действующих индивидов только как следствие их собственного деяния, которое они должны отстаивать всем своим самобытием...»<sup>28</sup> Пастернаковские герои в точном соответствии с гегелевским требованием самостоятельно и самобытно проводят трагическое в жизнь, платоновские — по преимуществу — претерпевают не-счастье вместе со всем миром.

Облик утраченной целостности, совместимости с миром и истиной дан платоновским героям не непосредственно, но в отраженном свете припоминания или предчувствия.<sup>29</sup> Отсюда поиски истины и счастья, чьим знаком становится «социализм—коммунизм», платоновские герои ведут методом «проб и ошибок», единственно возможным в случае, когда искатель не вполне знаком с тем, что он ищет.

Итак, платоновский мир предстает перед нами как некоторое трагическое целое. Источник трагического состояния платоновского мира в том, что он находится в непреодолимом расхождении с самим собой и, как следствие, в вечном неутолимом стремлении к самому себе, к восстановлению своей целостности. Это стремление неудовлетворимо, так как включает в себя стремление к крайностям, по-видимому несовместимым. «Подобное сосуществование „да“ и „нет“ возможно только в инакомерном пространстве, где властвует воображаемая логика, „свободная от закона противоречия“»,<sup>30</sup> — заключает И. Я. Чернухина, исследуя «инакомерность» логики и слова в платоновской прозе. Мы понимаем названную особенность прозы Платонова как выраженное стремление платоновского мира к крайностям, в традиционных логических и речевых измерениях взаимно недопустимым. Таково, например, устремление платоновского мира в «Чевенгуре»: в пространстве — к максимальной сжатости и к бесконечному распространению, во времени — к «концу света», концу времени и к его разомкнутости как в прошлое, так и в будущее.

Итак, субъектом трагического в художественном мире Платонова является не столько личность, сколько сам мир. Подобное

---

<sup>27</sup> См., например, в «Чевенгуре»: «Дванов посмотрел в страницу — там Рафаэль назывался живым богом раннего счастливого человечества... Но Дванов не смог вообразить то время...» (там же. № 3. С. 100).

<sup>28</sup> Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 3. М., 1971. С. 578.

<sup>29</sup> О созерцании, «припоминании» истины во сне пишет, например, О. В. Лазаренко, уподобляя состояние сна героя его возвращению в *материнское лоно* (Лазаренко О. В. Сон в художественном контексте А. Платонова // Андрей Платонов: Исслед. и мат. (в печати).

<sup>30</sup> Чернухина И. Я. «Инакомерность» логики и слова в художественной прозе А. Платонова // Филол. зап. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 105.

функционирование трагического находим в античной философии и эстетике, где, по мнению Лосева, «весь мир, космос предстает как некоторое единое трагическое целое».<sup>31</sup> Определяя сущность античной трагедии, Шеллинг писал: «...Аристотель дает такое понимание высшего трагического случая, согласно которому в нем достойный человек совершает преступление по ошибке... эта ошибка предопределяется необходимостью или богами, по возможности даже вопреки свободе».<sup>32</sup> Таким образом, античное понимание трагического отводит человеку роль «пассивного объекта претерпеваемой им судьбы», тогда как новоевропейское понимание трагического «исходит из того, что человек сам виновен в постигших его ужасах и страданиях».<sup>33</sup> Знаменательно — в связи с сопоставлением трагического в художественных мирах Платонова и Пастернака — суждение С. Кьеркегора, который связывает преобладание тех или иных форм трагического пафоса с различным пониманием трагической вины в античности и в Новое время: «в античной трагедии скорбь глубже, боль меньше, в современной — наоборот, поскольку боль связана с осознанием собственной вины, рефлексией по поводу нее».<sup>34</sup> Это суждение С. Кьеркегора полностью применимо к бытованию трагического в художественных мирах Платонова и Пастернака. «Античный» трагизм Платонова пользуется для выражения трагического пафоса такими формами, как «скорбь», «тоска», в то время как «нововропейский» трагизм Пастернака выявляет трагическое страдание в формах «боли», «душевной болезни» и т. п.

---

<sup>31</sup> Лосев А. Ф. Трагическое // Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1970. Т. 5, С. 252.

<sup>32</sup> Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966. С. 427.

<sup>33</sup> Лосев А. Ф. Трагическое. С. 252.

<sup>34</sup> Там же. См. также: Kierkegaard S. «Entweder—Oder». Jena, 1922. S. 190.



ними Платонов обозначает отточиями и сделанными на полях пометами для машинистки, указывающими, где именно при перепечатке следует сделать «разрыв 4—5 строк» или «разрыв 5—6 строк». Шесть из таких пробелов, совпавшие в рукописи с переходом с одного листа на другой или оказавшиеся на границе снятого фрагмента, потеряли в машинописи наглядность графического разрыва текста и были утеряны при публикации повести.<sup>5</sup> Исчезновение еще 2 пробелов вообще не имеет никакого видимого объяснения.

В окончательной редакции повести 19 пробелов, или «разрывов», и соответственно 20 глав. В опубликованном же («новомировском») варианте повесть состоит не из 20 глав, как предполагал автор, а из 12 частей, весьма различных как по объему, так и по количеству включенных в них исходных глав (от одной до трех). Такая структура абсолютно не отражает задуманного и осуществленного автором внутреннего деления повести. Затрудняется чтение, лишаются мотивировки сюжетные переходы, теряются и пропадают в слитном массиве текста обычные для Платонова краткие — от одной фразы до абзаца — лирико-медитативные зачины глав, которые очень важны в мотивно-тематическом движении повести. Пробелы в произведении — знак смены точки зрения, они генетически и функционально родственны монтажному стыку в кинематографе.<sup>6</sup> Наконец, лишаясь зримого подкрепления, исчезает или, по крайней мере, становится менее слышен ритм повествования. В настоящей работе для удобства аналитического описания материала, краткости отсылок, наглядного понимания архитектоники произведения «главы» повести пронумерованы нами согласно их порядку в окончательной редакции «Котлована» и в дальнейшем выступают под полученными номерами без дополнительных пояснений.

Первая глава повести, которая описывает путь Вощева от «завода» (где получен расчет) до «города» (где роют котлован) и завершается фразой «Вощев продолжал томиться и пошел в этот город жить» (Прил., 7), занимает в произведении особое место. Эта глава, заслуживающая отдельного рассмотрения,<sup>7</sup> носит экспозиционный (по своей сюжетной роли), мотивно-эмбриональный (по своему тематическому содержанию) и эстетически программный (по степени концентрации черт и приемов авторского стиля) характер.

Первая глава повести и ее заключительный эпизод оказываются «эмбрионом» всего «Котлована», не только намечая все основные философские темы произведения, но и заключая в себе в свернутом виде его важнейшие сюжетные мотивы. В этой главе в своих главных чертах закодирована философская, этическая и эстетическая система повести, представлены основные элементы ее предметного мира и

<sup>5</sup> Платонов А. П. Котлован: Повесть / Публ., подгот. текста и примеч. М. А. Платоновой. Вступ. слово С. П. Залыгина // Новый мир. 1987. № 6. С. 50—123.

<sup>6</sup> См.: Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова. С. 144.

<sup>7</sup> См. об этом: Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован». Автореф. дис. (...) канд. филол. наук. СПб., 1993. С. 56—162.



даже «анонсированы» сюжетные роли некоторых героев «Котлована», пока еще не вступивших в действие. Пионерка, за которой наблюдают Вошев и инвалид, обернется в повести девочкой Настей; кузнец Миша — медведем-молотобойцем; на автомобиле, который чинят «от бездорожной езды», будет передвигаться председатель окрпрофсовета товарищ Пашкин, а безногий калека придет на котлован и будет известен под фамилией Жачев. Есть даже указание на время, которое отпущено автором для развития предстоящих событий — «умерший, палый лист», которому «предстоит смирение в земле» (Прил., 4); «смирение листьев в земле» связано с наступлением зимы — и повесть закончится зимой.

В первой главе повести А. Платонов дает читателю урок своего художественного языка. Начало произведения — установление коммуникации автора с читателем; писатель особенно тщательно задает здесь код произведения, вводит и начинает характеристику основных мотивов, образов, понятий; приступает к разработке сквозных тем произведения, исподволь подготавливает появление тем новых и выводит на сцену *типы*, или *первообразы*, его главных героев.

Известная нам по окончательной редакции «Котлована» экспозиция повести — та часть ее текста, которая подверглась наиболее радикальной авторской правке на последних этапах работы над ним, когда произведение уже предстало перед своим творцом на бумаге в полном — хотя и предварительном — виде. Первоначальный замысел «Котлована» был уже воплощен, и писатель мог, оценив «со стороны» целостное художественное впечатление, производимое текстом повести, сосредоточить свои усилия на том, что необходимо было изменить в этом тексте, чтобы еще точнее и полнее выразить искомое идейно-эмоциональное содержание, чтобы сделать свое произведение тем уроком и посланием человечеству, которым он видел в идеале слово художника: «Цель искусства — найти для мира объективное состояние, где бы сам мир нашел себя и пришел в равновесие и где бы нашел его человек родным».<sup>8</sup>

Работа Платонова над созданным черновым вариантом произведения была подобна труду скульптора, который берет кусок камня и отсекает лишнее. В. Ю. Вьюгин, исследовавший творческую историю романа «Чевенгур», называет этот принцип авторской правки текста «редукцией формы».<sup>9</sup> Работая над рукописью и машинописью «Котлована», Платонов сокращал экспозиционный по отношению к собственно «котлованной» части произведения материал: были исключены такие эпизоды, как выставка сельскохозяйственной техники, разговор Вошева с женщиной в профсоюзном саду, вся сюжетная линия, связанная с профуполномоченным (единственное упоминание о нем, сохранившееся в тексте «новомировской» публикации,<sup>10</sup> выглядит немотивированным; в окон-

<sup>8</sup> Платонов А. П. Пролетарская поэзия [1923] // Платонов А. П. Чутье правды. М.: Сов. Россия, 1990. С. 194.

<sup>9</sup> Вьюгин В. Ю. «Чевенгур» Андрея Платонова: (К творческой истории романа): Автореф. дис. (...) канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 15.

<sup>10</sup> Новый мир. 1987. № 6. С. 57.

чательной редакции также снято автором). В результате от трех глав, предшествовавших в рукописи появлению Вошева на строительстве «общепролетарского дома», осталась одна. Те события, которые составляли в своей совокупности самостоятельный, «городской» этап путешествия героя, превратились в путь Вошева на котлован, стали экспозицией нынешней основной части произведения. «Редукция формы», осуществленная в ходе этой правки в отношении композиционного состава «Котлована», привела к выявлению и утверждению ведущей архитектурной структуры повести — ее диалогизма.

Основное повествование в «Котловане» распадается на две приблизительно равные части: главы со II по XIII (собственно «котлован», окраина города) и главы с XV по XX («колхоз им. Генеральной Линии», деревня). Во второй половине повести сами главы длиннее, так что в объемном отношении диалогическая структура «Котлована» вполне уравновешена. XIV глава произведения является переходной: начало ее — кульминация «городской» части (разговор Пашкина с «главным революционером в городе» и решение разрыть и расширить уже готовый котлован вчетверо... в шесть раз); продолжение — известие о смерти Козлова и Сафронова в деревне; Чиклин идет за подводой с гробами (резкая граница двух частей: ночь); наконец, завершается XIV глава уже в деревне (экспозицией «колхозной» части повести и прощанием Чиклина с убиенными товарищами).

Переход от первой части ко второй решителен и необратим: возвращение героев на котлован в финале являет нам уже иной котлован (не стройка, а могила) и иных землекопов (не чернорабочие, роющие землю, а избранные, взыскующие Града). Может показаться, что две половины повести — «котлованная» и «деревенская» — распадаются, слабо скреплены между собой, недостаточно мотивированно соединены автором в одно целое. Основное, стержневое различие между ними может быть выражено оппозицией «город — деревня». Их противостояние задается как будто и не самим автором, но требованиями той доктрины, которой подчинены вершители котлованной истории. Город и деревня связаны в поэтике «Котлована» с противоположными рядами устойчивых мотивов: *город — свет, беспредельность, будущее; деревня — тьма (или полумрак), плетень (предел, граница), прошлое...* Переход от города к деревне — не просто изменение места действия, но и новый круг проблем, начало новых сюжетных коллизий, появление новых типов героев и т. д. Среди литературоведов существует даже мнение, что «Котлован» — незавершенное и несовершенное произведение, ибо лишен единства замысла и воплощения и распадается на два отдельных текста.<sup>11</sup> Мы попробуем доказать, что диалогизм «Котлована» — часть авторского замысла повести, сознательная ее эстетическая характеристика, принципиально важная для восприятия смысла произведения.

---

<sup>11</sup> Точка зрения Г. В. Филиппова, высказанная им на заседании Отдела новейшей литературы ИРЛИ 21 октября 1992 года.

Внутреннее единство, необходимая связь двух частей повести — котлованной и деревенской — поддерживается многими сюжетными и тематическими скрепами, теми мотивами, что перекликаются и развиваются от первой части «Котлована» ко второй.

В первой части, на котловане, Козлов упрекает Сафронова: «Помнишь, как ты подговорил одного бедняка во время самого курса на коллективизацию петуха зарезать и съесть? Помнишь? Мы знаем, кто коллективизацию хотел ослабить!» (Прил., 45). Во второй части утраченный и обретенный петух становится метафорой грядущего колхозного изобилия (тема петуха организует значительный сюжетный эпизод сатирического звучания — Прил., 74—76); приходят к концу и все споры Козлова и Сафронова, чей общий уход предопределен пролагаемым еще глубже курсом на коллективизацию.

Платонов дает Козлову возможность невольно, но точно предсказать собственную скорую кончину: «творчески» цитируя строчку из оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779) «Где стол был яств, там гроб стоит...»,<sup>12</sup> этот персонаж соединяет ее со своим именем: «...он написал грустящей даме последнюю итоговую открытку, складывая с себя ответственность любви:

Где раньше стол был яств,  
Теперь там гроб стоит!

Козлов» (Прил., 65).

Подпись становится элементом текста, а сам текст — автоэпитафией. Чиклин, которого известие о смерти товарищей побудило отправиться в деревню, приходит попрощаться с ними в «пустынную залу сельсовета» (здесь зала — тончайшее напоминание прежней цитации, едва уловимый штрих стиля XVIII века). Картина, представляющая его взору, — парафраз державинских строк: «Там покоились в вечном состоянии его два товарища. Самая большая лампа, назначенная для освещения заседаний, горела над мертвецами. Они лежали рядом на столе президиума, покрытые знаменем до подбородков, чтобы не были заметны их гибельные увечья и живые не побоялись бы так же умереть» (Прил., 70).

В первой части повести Сафронов выделяется из всех землекопов своим восторженным отношением к радиопропаганде: «Сафронов слушал и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье» (Прил., 52). Его «идеологический» энтузиазм и стремление изо всей мочи исполнять «обязанность радости» (Прил., 53) так сильны, что, когда радио смолкло («наверно, лопнула сила науки, дотоле равнодушно мчавшая по природе всем необходимые слова»), «Сафронов, заметив пассивное молчание, стал действовать вместо радио» (Прил., 53), наполняя звуками своей речи, звучащей «верховным голосом могущества», «пустую тоску в голове» слушателей.

<sup>12</sup> Русская литература — век XVIII: Лирика. М.: Худож. лит., 1990. С. 298.

Во второй части повести автор передает эту функцию активисту. Тому суждено унаследовать благоговейное отношение Сафронова к агитационной и пропагандистской миссии радио: во время праздника обретения колхоза активист выставляет рупор, из которого льется бравурно-ликующая музыка, на крыльцо Оргдома, организуя радость и танец колхозных мужиков (Прил., 103). Но и здесь, как и в бараке землекопов, радио неожиданно «прекращается». «Активист боялся меж тем упустить вниз настроение колхоза; чтобы того не случилось, он заиграл музыку своими губами и, все равно, колхоз затанцевал под эти звуки рта» (Прил., 105).

В первой части повести впервые звучит идеологический мотив «партийной линии». Он возникает во внутреннем монологе Пашкина, обдумывающего те указания по строительству котлована, которые он получил от «главного революционера»: «Пашкин же, пока шел по вестибюлю, обдумал увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз, дабы угодить наверняка и забежать вперед партийной линии, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, — и тогда линия увидит его и он запечатлется в ней вечной точкой» (Прил., 67). Эта платоновская метафорическая этимологизация пропагандистского клише предваряет одну из основных тем второй части произведения. Тема эта связана с фигурой активиста, который руководит созданием колхоза имени Генеральной Линии. Название колхоза становится во второй части одним из особых платоновских образов-понятий, художественным переосмыслением идеологического штампа, способным обобщенно выразить суть происходящего в деревне и во всей стране.

Есть и другие примеры мотивных переключек, тонкими, но прочными нитями связывающих две части произведения.

Переход от «города» к «деревне» лишен сюжетного детерминизма, но мотивируется таким же образом, как и все «путешествие», по воле автора совершаемое читателем в «Котловане». Его сюжетная завязка — увольнение Вощева и его уход из первого города (Платонов, мистифицируя читателя, поначалу вообще заявляет путешествие этого персонажа как основную сюжетную тему произведения). В контексте «вощевского» сюжетного ряда «перемена обстановки», происходящая в середине «Котлована», совершенно мотивирована. Путь в деревню задан движением Вощева, который уходит туда первым из всех бывших на строительстве «общепролетарского дома». Он направляется следом за мужиком с гробами — «гонцом» из деревни, второй части повести, в город, часть первую (Прил., 64).

Из города в деревню, из первой половины повести во вторую переходит не только Вошев, но и остальные *центральные* действующие лица (Чиклин, Жачев, Прушевский, а также Настя). Образы именно этих героев индивидуализированы автором; линии личной судьбы, внутренней жизни каждого из них Платонов продолжает разрабатывать в «деревенской» части «Котлована» и доводит до его финала.

Если первая, экспозиционная глава повести может быть рассмотрена как приближение Вощева (и читателя) к котловану, первая

половина основного повествования являет сам котлован (в прямом, сюжетном смысле), то вторая его половина есть продолжение того же «Котлована» («великое рытье» в метафорическом смысле), но вне сюжетной связи со строительством, изображенным прежде предметно. Пространственно действие удаляется от самой «ямы под фундамент общепролетарского дома». Это — необходимый этап метафорического переосмысления заглавия произведения, важнейший переход от сюжетной его трактовки к символизации: «котлованом» оказывается и деревня. Деревня, где не ведется строительства и нет даже планов его, где «общепролетарский дом» представляется чем-то далеким, хотя и связанным со всем, что происходит здесь. Деревня — тоже котлован, и еще более глубокий, чем городская окраина первой половины повести. Переустройство жизни, выкорчевка старого, «великое рытье» происходит и здесь. Лишь глубина и степень страданий, которые мы видим в деревне, неизмеримо больше.

«Котлован» начинается и разворачивается как путешествие. Углубление страдания, нарастание обреченности, новые, все более запредельные муки и кары — вот та внутренняя связь, тот принцип, которому подчинена последовательность сменяющих друг друга эпизодов повествования (по своей фабуле почти самостоятельных), сюжетных кругов, по которым читатель проходит вместе с Вошевым. И именно наложение этого композиционного принципа на жанр путешествия заставляет нас возвратиться к началу пути Вошева, к той реминисценции, которую автор задает в первых же строках повести («В день тридцатилетия личной жизни Вошеву дали расчет с небольшого механического завода...» — Прил., 1). В христианской культуре в целом и в русской культуре в частности тридцатилетие героя есть знак подведения им жизненных итогов, обретения нового духовного качества личности, часто — обращения к новой, общественно значимой деятельности.<sup>13</sup> Появляясь в самом начале произведения и выступая в составе его сюжетной завязки, мотив «тридцатилетия личной жизни» определенно отсылает к первой терцине «Божественной комедии» Данте:

Земную жизнь пройдя до половины,  
Я очутился в сумрачном лесу,  
Утратив правый путь во тьме долины.<sup>14</sup>

За строками Данте стоят слова пророка Исайи: «Я сказал себе: в преполовлении дней моих должен я идти во врата преисподней» (Ис. 38:10), которые, безусловно, знал и на которые опирался великий поэт средневековья.<sup>15</sup>

---

<sup>13</sup> Подробнее об этом см.: Харитонов А. А. Об анализе художественной формы: Одно предложение платоновского текста («Котлован») // Проблемы развития русской литературы XI—XX веков: Тезисы... / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. Л., 1990. С. 42—43; Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован». С. 61—63.

<sup>14</sup> Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Л. Лозинского. М.: Наука, 1968. С. 9.

<sup>15</sup> Там же. С. 496. Вопрос о том, какой возраст считал «преполовлением» своей жизни сам Данте, является дискуссионным, но специалисты по его творчеству вы-

Голос Данте существенным образом организует весь комплекс пробуждаемых мотивом «тридцатилетия личной жизни» реминисценций. Тридцатилетие героя явлено нам как перелом в его (героя) жизни и одновременно связывается с началом действия. Бытийное звучание мотива «личной жизни» у Платонова перекликается с онтологизмом дантовской «земной жизни», сразу являемой автором «Божественной комедии» с точки зрения вечности.

Реминисцентный ореол начала повести ретроспективно освещает и ее заглавие. До знакомства с содержанием «Котлована» это заглавие (принадлежащее, напомним, произведению рубежа 20—30-х годов) в первую очередь ассоциируется с типичными названиями «индустриальных романов» — визитной карточки советской литературы своего времени. Расцвет этого жанра относится к началу 30-х годов, но уже в 20-е годы, до создания повести Платонова, появляются такие произведения, как «У станков» (1924) А. Филиппова, «Доменная печь» (1925) Н. Ляшко, «Домна» (1925) П. Ярового, «Стройка» (1925) А. Пучкова и, конечно же, роман Федора Гладкова «Цемент», на фоне заглавий которых и прочитывается название платоновской вещи. Однако возникающая в первой фразе повести реминисценция из Данте внезапно — и еще на подсознательном уровне — связывает неведомый читателю «котлован» со «сжимающими сердце ужасом и дрожью» картинами дантовского ада, который, как известно, имел форму гигантской воронки, достигавшей — при все большем усилении страданий грешников — самого центра Земли. Немаловажно и то, что перекличка тематических мотивов возникает здесь как перекличка заглавий: «Котлован» — «Ад». В дальнейшем разворачивании сюжета эта первая ассоциация Платоновым поначалу не развивается и постепенно угасает, чтобы вспыхнуть позднее и озарить своим зловещим светом рисуемую Платоновым картину строительства, охватившего русскую землю.

Что дает нам основание говорить о дантовских реминисценциях в «Котловане»? Каковы, вообще говоря, те критерии, которые позволяют установить наличие в тексте отсылки к явлению окружающего этот текст эстетического контекста, говорить о содержательных интертекстуальных связях? Очевидно, что совпадение *одного* мотива в двух сближаемых текстах — не более чем повод для субъективных ассоциаций; совпадение *двух* мотивов уже может быть опорой для суждения об аллюзии, но опорой очень шаткой; имея *три* совпадающих тематических мотива (или приема), да еще нетривиальных, да еще относящихся к разным уровням текста, мы делаем вывод о

---

двигают в качестве двух возможных вариантов 30 и 35 лет (см., например: Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. М.: Худож. лит., 1967. С. 545; Строганов М. В. Год рождения Грибоедова, или «Полпути жизни» // А. С. Грибоедов: Материалы к биографии. Л.: Наука, 1989. С. 10—12; Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. С. 93). Впрочем, какая бы интерпретация мотива «половины земной жизни» ни была обоснована дантологами, очевидно, что русский читатель воспринимает эти стихи в контексте своей национальной и общехристианской культурной традиции. На эту традицию будет, вероятно, в первую очередь ориентироваться и русский писатель.

сознательной авторской ориентации этого текста на определенный культурный образец. Еще одним — важнейшим — условием, необходимым для подобного заключения, является *достоинство* «цитируемого» (в широком смысле) образца: в культуре Нового времени — его объективная художественная значительность или субъективная актуальность для автора «порождаемого» текста.<sup>16</sup>

Суммируем те известные по зачину «Божественной комедии» Данте ключевые мотивы и композиционные приемы, которые были обнаружены нами при анализе начала текста повести Андрея Платонова «Котлован» и послужили основанием для предложенного сопоставления этих двух произведений разных эпох и культур:

1) параллелизм заглавий: «Котлован» — «Ад» (при том, что ад у Данте — гигантская воронка в теле Земли);

2) указание на особый, переломный возраст героя: тридцать лет — «половина жизненного пути», время духовного выбора и обретения нового духовного качества личности;

3) полный расчет с прошлым, подведение итогов предшествующей жизни — в сочетании с ситуацией «утраты правого пути», краха прежних начинаний и устремлений;

4) тот факт, что названный выше (в предшествующих двух пунктах) тематический материал локализован в абсолютном начале произведения: в первой его фразе у Платонова, в первой терцине у Данте (начало текста) — и составляет сюжетную завязку (первый элемент композиции).

Еще два композиционных приема, сближающих «Котлован» с «Божественной комедией», выявляются при рассмотрении построения всей повести в целом;

5) архитектурный принцип: дискретность текста, который организован как цепь эпизодов, составляющих в своей совокупности «путешествие по кругам»;

---

<sup>16</sup> Как же объяснить тот факт, что в среднем читательском восприятии та или иная реминисценция часто оказывается неактуализированной? Подобная «невосприимчивость» к реминисценциям может иметь различные причины:

1) Автор отсылает к образцу, который актуален лично для него в значительно большей степени, чем для общего художественного сознания современников. Случай довольно редкий, так как писателю чаще всего не безразлично, поймут ли его читатели.

2) Культура, в которой создается произведение, имеет одним из своих обязательных законов ориентацию на традиции (предельное выражение подобной тенденции — классицизм). В культуре же воспринимающей подобный принцип поэтики может быть ослаблен или вовсе утрачен, так что предусмотренный автором смысл не прочитывается новыми читателями.

3) Наконец, возможно, что отсылка, совершенно прозрачная для современника, настолько очевидная, что ни один критик не считает необходимым на нее даже указывать, тем более как-то ее анализировать, со временем выпадает из культурного оборота и нуждается в восстановлении, которое может восприниматься — и по праву воспринимается — как научное открытие (яркий пример — разыскания В. Е. Ветловской о житии Алексея Человека Божия и духовном стихе о нем как литературных источниках образа Алеши Карамазова; см.: *Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы»*. Л.: Наука, 1977. С. 168—192).

6) принцип иерархии кругов: лишенность света, тяжесть наказания, степень горя и несчастья, мера страданий все увеличиваются по мере движения от круга к кругу.

На наш взгляд, подобный ряд содержательных и формальных отсылок свидетельствует о том, что Платонов сознательно ориентировал свое произведение на идейно-эстетический опыт «Божественной комедии».

Говоря о дантовских реминисценциях в «Котловане», мы не можем оставить без рассмотрения еще один возможный контраргумент: «А где у вас доказательства, что Платонов читал Данте?» Подобный вопрос, очевидно, предполагает следующий путь поиска ответа: обращение к домашней библиотеке писателя, обнаружение и изучение экземпляра «Божественной комедии», атрибуция помет на полях как принадлежащих А. П. Платонову... Нам кажется, что приведение подобных прямых доказательств — замечательно и убедительно, но безусловное их требование совершенно неправомерно. Мы ведь обычно не имеем подлинных фактических сведений о библиотеках и круге чтения авторов древности или средневековья, что не мешает исследователям устанавливать существующие между их произведениями интертекстуальные связи. Почему же хронологическая близость литературы нового и новейшего времени заставляет нас выдвигать новые, более строгие источниковедческие требования к доказательству наличия подобных связей? К тому же в России и в XX веке обстоятельства «подпольного» существования таких творцов, каким был Платонов, не давали возможности комфортно «обустроить» свой культурный контекст: безденежье не позволяло приобретать все те книги, которые вызвали интерес, а в особенно тяжелые годы и заставляло распродавать часть личной библиотеки, в том числе, наверное, и экземпляры с теми пометами, которые представляли бы сегодня такую ценность для исследователя.<sup>17</sup> Потому мы можем лишь повторить: конечно же, Платонов читал много более того, что сохранилось в его сегодняшнем семейном архиве.

Однако связь «Платонов — Данте» имеет и весьма прямое доказательство. Платонов внимательно читал, по-настоящему изучал «Философию общего дела» Н. Ф. Федорова. «По свидетельству М. А. Платоновой, «Философия общего дела» с многочисленными пометами ее мужа хранилась в домашней библиотеке».<sup>18</sup> А Федоров в своих трудах постоянно обращается к космологии (точнее, инфернологии) Данте, вступает в полемику с его историософскими и богословскими концепциями. Мог ли писатель пройти мимо объекта

---

<sup>17</sup> См., например, о продаже Платоновым книг из своей библиотеки в 1926 году: Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова. С. 19.

<sup>18</sup> Семенова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М.: Современник, 1990. С. 364. В. А. Свительский подвергает этот факт сомнению; см.: Свительский В. А. Факты и домыслы: О проблемах освоения платоновского наследия // Андрей Платонов: Исслед. и мат. Сб. трудов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. С. 97.



очевидного интереса мыслителя, который являлся для него таким духовным авторитетом? Сомнительно.<sup>19</sup>

В первой, экспозиционной главе повести, стоящей, как мы отмечали выше, вне диалогической структуры основного текста, внимающий взор героя — Вошева — обращен на людей, чьи безымянные фигуры проходят перед ним. Общее и главное, что выявляет в этих эпизодических персонажах авторская характеристика, — это отношение их существования к счастью. Категория счастья стоит в системе ценностей Андрея Платонова рядом с категорией смысла жизни и неразрывно сопряжена с нею. В художественно-философском движении повести она утверждается как важнейшая в мировосприятии героя-мыслителя — в ходе беседы, которую тот ведет в завкоме, пытаюсь «защитить свой ненужный труд» (Прил., 2). И если в последующих главах мы видим людей глубоко и постоянно несчастных (мастеровые на котловане) или охваченных смертельным горем (крестьяне в колхозе им. Генеральной Линии), то здесь перед нами предстают «невыдержанные люди», лишенные счастья семьи и родства и ищущие забвения в общении за кружечкой пива с подобными себе (посетителями пивной), не осознающие своего простого счастья («надзиратель дороги» и его жена) или не начавшие еще жить и не раскрывшие своей способности к счастью — хотя и черпающие «важную радость» в «осуществлении будущего мира в игре юности» (пионерки, строем марширующие мимо кузницы на окраине города). В логике интертекстуального соотношения «Котлован» — «Ад» первые три круга платоновского котлована типологически соответствуют дантовскому Лимбу. Вспомним: у Данте это самый первый, внешний круг преисподней, где помещены некрещеные младенцы и добродетельные нехристиане,<sup>20</sup> т. е. те, кто не грешил сознательно — но не имел и покаяния, и принятия искупительной жертвы Христа. Их грех наименьший, минимально и предписанное их душам наказание — навеки быть лишенными света. Избавленные от мучений, они вечно скорбят о недоступности райского блаженства. Стало быть, обделенные счастьем герои первой главы повести — еще не самые несчастные из тех, кого нам, читателям, предстоит увидеть в «Котловане».

---

<sup>19</sup> Эпоха создания «Котлована» — время глубокого интереса к Данте, вызванного и повторением многих исторических коллизий дантовской эпохи, и сродством личных судеб поэтов. В эти годы создает «Разговор о Данте» О. Э. Мандельштам. В середине 1930-х приступит к работе над переводом «Божественной комедии» лучший русский переводчик Данте М. Л. Лозинский. Фигура Данте с середины 1920-х годов привлекает внимание А. Платонова. В письме Г. З. Литвина-Молотова о повести «Строители страны» (1926) читаем: «Разговоры и размышления о Данте — длинные, быть может потому, что скопились в одном месте» (Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 221; платоновский текст данного отрывка повести пока, к сожалению, не обнаружен). О Данте пишет Платонов и в статье 1940 года «Анна Ахматова» (Платонов А. П. Размышления читателя. М.: Современник. 1980. С. 135—136).

<sup>20</sup> См.: Данте. Божественная комедия. С. 500; Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. С. 102.

Вместе с тем в более явной, сюжетной характеристике все эти три круга (пивная — дом шоссейного надзирателя — кузница) оказываются принадлежащими совсем иному миру, чем регламентированный пятилетним планом и указаниями партии «общий темп труда» (образ «механического завода»). В противоположность производственному «космосу» организованного построения социализма — это хаотический мир природных стихий, который еще существует и в котором люди живут (пока?) по совсем иным законам.

Реминисценция, заявленная в начале повести, указывает на всю «Божественную комедию» (ситуация перехода в иной мир), но острием своим направлена на первую кантику дантовской поэмы — «Ад» (переключка заглавий). Инфернальной части загробного мира Данте в структуре повести соответствует собственно котлован, первая часть диалога. Низшая точка этой части, перигей совершаемого в ней пути — посещение Чиклиным<sup>21</sup> «местности вокруг кафельного завода». Эта «местность» изображается писателем как «последнее место», глушь, забытый и оставленный Богом и людьми угол. Однако не «мерзость запустения», а светлая грусть близкой и неизбежной смерти царит здесь. Лейтмотив всех платоновских характеристик в этом эпизоде — «воздух ветхости и прощальной памяти» (Прил., 49), что стоит теперь, в пору зрелости Чиклина, над краем его молодости. «Кафельный завод был в травянистом переулке, по которому насквозь никто не проходил, потому что он упирался в глухую стену кладбища. Здание завода теперь стало ниже, ибо постепенно *врастало в землю*, и *безлюдно* было на его дворе» (Прил., 49; здесь и далее выделено нами). В дальнем конце старого здания завода находится «забытое или не внесенное в план помещение без окон» (Прил., 50), в котором умирает «буржуйка» Юлия.

Чиклин спускается в самую глубину, в предельную безысходность страдания, где даже смерть кажется избавлением («я стала как каменная, потуши лампу и поверни меня на бок, я хочу умереть», — говорит Юлия. — Прил., 51), и извлекает из этой адской глубины девочку Настю — дочь «буржуйки», призванную воскреснуть и обитать в будущем земном раю «социалистического детства». Но перед смертью Юлия предупреждает дочку: «Никому не рассказывай, что ты родилась от меня, а то тебя заморят. Уйди далеко-далеко отсюда и там сама позабудься, тогда ты будешь жива...» (Прил., 51). Этическая градация «Божественной комедии» сменяется в космосе «Котлована» градацией социальной. У Данте грешники располагаются в девяти кругах ада тем ниже, чем ближе к дьяволу, чем тяжелей их вина. В мире, который изображает Платонов, господствует пред-

---

<sup>21</sup> Хождение по кругам котлована совершает не только Воцев. Его может заменять в роли путешествующего наблюдателя один из других «чувствующих» героев: Чиклин, Жачев или Прушевский. Однако в единицу художественного времени такой наблюдатель всегда один. В этом — проявление функциональной взаимозаменяемости героев в роли, соответствующей роли визионера-рассказчика у Данте. Отсюда — еще одно принципиально важное отличие от «Божественной комедии»: рассказывающего путешественника нет, как нет и «Вергилия»; картина «иного мира» сразу дается с высшей точки зрения.

ставление о каре, обуславливающее ее не грехом (т. е. нарушением морального закона), а классовой принадлежностью (т. е. врожденной степенью соответствия социальному канону).

Этот принцип приобретает определяющее значение во второй части повести. Деревня с водворяемым в ней колхозом им. Генеральной Линии становится чистилищем «Котлована». Чистилищем в буквальном смысле слова: стремление отделить чистых от нечистых, зерна от плевел, агнцев от козлищ принимает здесь бюрократические формы «классово-расслоечной ведомости» (Прил., 89, 102) и соответствующих организационных мер — «раскулачивания». Выявленных и утвержденных официальным порядком кулаков сплавляют вниз по течению реки. Однако «ликвидировать кулаков в даль» (Прил., 102) — значит не только исполнить социально-репрессивную процедуру,<sup>22</sup> но и совершить мистическое очищающее действие. Вспомогательным пристальнее в описание той стихии, которой преданы несчастные: «вечерний ветер шевелил темную, мертвую воду, льющуюся среди охладелых угодий в свою отдаленную пропасть» (Прил., 102). Эта река — не просто географический объект; воды ее — сама смерть, и леденящее дыхание ада чувствуется рядом с ней как никогда явственно. В космологии Данте по кругам Ада вглубь земной воронки низвергаются три потока: Ахерон, Стикс и кровавый Флегетон («Ад», XIV, 115—119) — «чтоб там, внизу, последний минув склон, создать Коцит».<sup>23</sup> Четвертая река дантовского загробного мира — Лета, истребляющая память о совершенных грехах, течет с горы Чистилища (!) и также достигает самой глубины Ада («Чистилище», XXXI). Сливаясь воедино, эти четыре реки образуют в центре Земли ледяное озеро Коцит. В нем претерпевают свое наказание самые страшные грешники: физически — вмерзшие в лед, который сковал все под ветром, порожденным шестью крыльями Люцифера; в духовном смысле — навсегда отторгнутые от очеловечивающей силы любви.

У Платонова плот с раскулаченными крестьянами уносится вниз по течению в направлении, которое противоположно и восхождению героев, прошедших обряд очищения, и развертыванию архитектурной иерархии произведения. Мистический смысл происходящего очевиден для Жачева, который наблюдает за отплытием кулаков, — как и то исповедание, что стало здесь законом; и потому «ему делалось скучно, печально в груди. Ведь слой грустных уродов не нужен социализму, и его вскоре также ликвидируют в далекую тишину» (Прил., 102).

Мы уже говорили о том, что во второй части повести читатель вместе с «путешествующими» героями спускается в определенном

---

<sup>22</sup> А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» свидетельствует, что арестантов действительно сплавляли по воде — на ладьях, баржах, шнягах. Этот способ пересылки на Север — вниз по великим русским рекам: Енисею и Оби, Печоре и Северной Двине — был изобретен именно во времена коллективизации. См.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956: Опыт художественного исследования. М.: Центр «Новый мир», 1990. Т. 1. С. 402.

<sup>23</sup> Данте. Божественная комедия. С. 67.

смысле еще ниже по ступеням все углубляющихся страданий и кар, которые предстают перед ним. Таково объективное содержание повествования — лишенная всякого внешнего пафоса, подчеркнута бытовая по тону картина страданий крестьян — как раскулачиваемых, так и оставленных для колхоза.

Однако в стремлении к социальному раю, в интенсивности порыва построить на земле царство коммунизма (порыва по существу своему хилиастического) деревенская часть есть, безусловно, шаг вверх, следующая ступень выстраиваемой писателем духовной иерархии. Ожидание обетованного рая становится во второй половине повести гораздо более настойчивым, под конец болезненно обостренным. Общий эсхатологический тон этой части наиболее явен в эпизоде торжества колхоза (танец автоматов, «массы» — Прил., 105—106) и, особенно, в споре о возможности воскрешения мертвых. Воскрешение, противопоставляемое традиционно-христианскому воскресению, — краеугольный камень проективного учения Н. Ф. Федорова. «Философия общего дела» заменяет трансцендентное *воскресение* — мистический акт, совершаемый Самим Богом, — имманентным *воскрешением* мертвых отцов, которое есть дело самих сынов и осуществляется ими в буквальном смысле собственными руками. Влияние проективно-эсхатологических идей Н. Ф. Федорова пронизывает весь «Котлован» (и связано, в первую очередь, с темой Насти — «воскресшей», темой, причудливо переплетающейся с социальным мифом о «социалистических детях»); но, пожалуй, лишь диалог о воскрешении так прямо апеллирует к ним:

«— Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей?»

— Нет, — сказал Прушевский.

— Врешь, — упрекнул Жачев, не открывая глаз. — Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет» (Прил., 110).

Короткая — как и все «идеологические» разговоры героев у Платонова — беседа о воскрешении вплетается автором в ткань постоянных размышлений его персонажей. Ее (беседу) обрамляют рассуждение Вощева о тоске и тщетности жизни («Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь. Не расти, девочка, — затоскуешь!»); мечтания Прушевского о бытовом, семейном земном счастье («стряпать детям щи»), которое для него представляется возможностью «истомить себя до потери души»; наконец, провозглашаемый Жачевым марксистский символ веры и его вновь изливающийся в гневной инвективе антибюрократический пыл («А я б и Ленину нашел работу, — сообщил Жачев. — Я б ему указал, кто еще добавочно получить должен кое-что!»). Эти ключевые для центральных героев повести медитативные мотивы намеренно сведены автором вместе и связаны с беседой о воскрешении, так что беседа эта венчает и в определенном смысле разрешает поиски *всех* героев, указывая самый общий, онтологический ответ на индивидуальную и конкретную заботу каждого из них. В потребности и пытливым стремлении *каждого* узнать о

грядущем воскрешении доподлинно, «наверняка», проявляется особенно явно озабоченность героев «последними вопросами» бытия и «жизнью будущего века» и подтверждается устремленность всей конструкции повести далее ввысь — от Ада и Чистилища — к Раю.

Подобная архитектурная направленность «Котлована», вырастающая прямо из «сердечной заботы» его автора, сродни идее «Божественной комедии», творец которой писал: «...цель целого и части — вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья».<sup>24</sup>

Но герои «Котлована» не обретают так страстно искомого ими Царствия Земного. В космосе Данте и в композиции его «Божественной комедии» за Адом и Чистилищем следует Рай. В повести Платонова лишь две части: котлован (Ад) и деревня (Чистилище). Какой смысл приобретает подобная двухчастная композиция в свете «тройственной поэмы» Данте? Ответ очевиден: бинарная структура по отношению к трехчленной есть усеченная (или нераскрывшаяся) триада. За второй частью повести следует резкий обрыв, и вместо совершенной дантовской триады читатель получает двухчастную, лишенную (или не достигшую) гармонии и совершенства модель мира.

Обрыв текста резок и по первому читательскому впечатлению неожидан на всех уровнях архитектурного строения произведения. Это относится и к сюжету повести: развязка ее повествовательной композиции — смерть и погребение девочки Насти. Однако оценивая мотивы, подспудно звучавшие на протяжении повести, в их ретроспективе, мы видим, что текст «Котлована» почти с самого начала наполнен предвестиями подобного финала. Иногда — в речи персонажей — они звучат как случайные обмолвки: «так могилы руют, а не дома», — говорит Козлову о рытье котлована Чиклин (Прил., 20); Сафонов в пропагандистском угаре кончает свою пламенную речь над впервые появившейся на котловане Настей — «малым существом» — мрачным пророчеством: «нам необходимо как можно внезапней закончить котлован, чтобы детский персонал огражден был... каменной стеной» (Прил., 59; выделено нами. — А. Х.). Иногда же предвестия финала кажутся бытовыми деталями и лишь впоследствии осознаются как глубокие метафоры. Так, Чиклин сначала хоронит Юлию, мать (Прил., 56), причем сам ритуал «похорон» (в комнате-склепе, последнем пристанище женщины) описывается автором весьма подробно (Чиклин заваливает «дверь, ведущую к мертвой, битым кирпичом, старыми каменными глыбами и прочим тяжелым веществом»; устами героя объяснен и особый смысл, который имеет бережное отношение к умершим — сохранение памяти о них для будущего воскрешения, ведь «мертвые тоже люди»). Чиклину же суждено хоронить и дочь Юлии, Настю, в финале «Котлована»; он и ей приготовит гробовое ложе «в вечном камне» (Прил., 128), и так же подробно описаны его приготовления. Эпизод погребения Насти, лишенный прямых авторских харак-

<sup>24</sup> Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 389.

теристик душевного состояния героя, становится одной из самых эмоционально насыщенных, «сжимающих сердце ужасом и дрожью» сцен «Котлована». Подобный художественный эффект достигается не только с помощью частой у Платонова характеристики внутреннего состояния героя через жест («Чиклину захотелось рыть землю» — Прил., 126), но и через соотнесение посмертных судеб Насти и Юлии, дочери и матери, благодаря той символической и родственной связи, что существует между ними.

За время от смерти Юлии до смерти Насти в повести погибают Козлов и Сафронов, но их похороны — вне этого символического ряда. Погребение Юлии и успокоение в камне Насти — не похороны в традиционном смысле слова, а некое мистическое действо; «похоронное шествие» по случаю смерти Козлова и Сафронова — социальное мероприятие, призванное дать всем колхозникам «почувствовать торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществления имущества» (Прил., 76—77).

Предвестием финала «Котлована» является и первый эпизод с гробами, которые Чиклин припас для Насти (Прил., 61): один для *жилья* («постель на будущее время, когда она станет спать без его живота»), другой — «для игрушек и всякого детского хозяйства» («красный уголок»). Смерть, бывшая для девочки в первой части повести невольной и неосознанной игрой, становится для нее во второй суровой и непрерываемой реальностью, а каменный гроб — ее жильем на все «будущее время».

Наконец, явно метафорическое начало IX главы: «Разные сны представляются трудящемуся по ночам — одни выражают исполненную надежду, другие предчувствуют собственный гроб в глинистой могиле; но дневное время проживается одинаковым, скорбленным способом — терпением тела, роющего землю, чтобы посадить в свежую пропасть вечный, каменный корень неразрушимого зодчества» (Прил., 46), обретает свой полный смысл лишь в финале, когда становится явным, *каков* будет этот «вечный, каменный корень неразрушимого зодчества». Надежда и гроб, разделенные и противопоставленные во сне, соединяются в яви воедино, а слово «пропасть» проявляет свой концептуальный, исходный смысл: не только «бездонная глубина», но и «смерть без надежды на спасение» (*пропасть*).

Котлован как пропасть — вот итог произведения. Настя, героиня, спасенная от прошлого как символ будущего, — лишается этого будущего. Героиня, олицетворявшая воскрешение мертвых и бывшая живым свидетельством и залогом грядущего воскрешения (*Анастасия* — «воскресшая»), — умирает. Героиня, устремленная в небо, — оказывается в бездонной пропасти могилы. Настя, цель и смысл путешествия героев по запредельному миру «Котлована», почти что — дантовская идеальная дева Беатриче, является путешествующему герою Чиклину в Чистилище, как и Беатриче явилась Данте, но не достигает, в отличие от Беатриче, Рая...

«Котлован» оказывается трагедией поколения сирот революции, а не гимном его грядущему триумфу. Платоновские строители «царства земного» исповедуют, что само созидание его имеет смысл

постольку, поскольку именно нынешние дети («социалистические, пролетарские дети») унаследуют это царство. Душа Жачева, самого фанатичного адепта этой веры, желает и способна «успокоиться в том, что социализм будет, что Настя получит его в свое девичье приданое, а он, Жачев, скорее погибнет, как уставший предрассудок» (Прил., 102). Поэтому гибель девочки оказывается не только гибелью всего «социалистического поколения» (Прил., 129), но и падением безусловной, религиозной веры в то, что «социализм будет».

Финал «Котлована» — смерть и погребение Насти — трактуется исследователями и понимается читателями очень широко и по-разному, ибо может быть прочитан в самых различных культурных традициях и связях. До сих пор мы говорили о том, каково его место в ряду значений и смыслов, сформированных самим автором в пределах повести; теперь же кратко остановимся на трех наиболее релевантных контекстах. Это, во-первых, контекст самой влиятельной в национальной традиции из близких мировоззренческих метафор (образ «слезинки ребенка» у Ф. М. Достоевского); во-вторых, контекст учения Н. Ф. Федорова, которое было весьма авторитетно для самого Платонова и о котором он не раз напоминает нам в «Котловане»; и, наконец, наиболее близкий контекст — контекст эволюции взглядов самого художника.

Связь между финалом «Котлована» и важнейшими мотивами творчества Ф. М. Достоевского («слезинка замученного ребенка в основании мировой гармонии») очевидна и не раз отмечалась исследователями, однако чаще всего трактуется эмоционально-публицистически, в духе свойственного концу XX века разоблачения и отрицания «социалистической утопии». «Достоевский отказывался от счастья, если оно было оплачено слезинкою ребенка. Строители „общепролетарского дома“ строят свое будущее буквально на детских костях», — пишет, например, А. И. Павловский.<sup>25</sup> Идея, высказываемая персонажем, превращается здесь в суждение самого писателя (абберация того же ряда, что и отнесение утверждения «красота спасет мир» ко взглядам самого Достоевского) и, как расхожая истина, приводится аксиоматически-бездоказательно, «по ходу рассуждения».

Для того чтобы вспомнить, кто и в какой связи произносит у Достоевского слова о «слезинке ребенка», обратимся к тексту романа «Братья Карамазовы». Мы увидим, что эти слова принадлежат Ивану Карамазову, который признается своему брату Алеше: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять».<sup>26</sup> Иван разворачивает перед своим младшим братом мучительные картины жестокости человеческой и страдания человеческого, особенно страданий детей, и так объясняет смысл своего рассуждения: «Слушай меня: я взял одних деток, для того чтобы вышло очевиднее. Об остальных слезах

<sup>25</sup> Павловский А. И. Яма: (О художественно-философской концепции повести Андрея Платонова «Котлован») // Рус. литература. 1991. № 1. С. 23.

<sup>26</sup> Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 9. С. 295.

человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра, — я уж ни слова ни говорю, я тему мою нарочно сузил (...) Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? (...) Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во злодеяниях отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне непонятна (...) Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: „Прав Ты, Господи“, то уж, конечно, настанет венец познания и все объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на земле, я спешу взять свои меры (...) от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к „Боженке“!»<sup>27</sup>

Даже без подробного анализа идейного смысла приведенного монолога и его роли в раздумьях самого Достоевского несложно увидеть, что «слезинка ребенка» здесь — не действительный, но лишь этический факт, мыслимая несправедливость бытия, которая возникает в сознании персонажа и становится основой интеллектуального и *интеллигентского* бунта Ивана Карамазова против Бога (глава, в которой излагается эта часть разговора братьев, так и называется: «Бунт»). Вот как пишет об этом В. В. Розанов: «...тварь не отрицает Творца своего, она Его признает и знает; она *восстает* против Него, отрицает творение Его и с ним — себя, ощутив в порядке этого творения несовместимое с тем, как именно сама она сотворена».<sup>28</sup>

У Достоевского неискупленные и неискупаемые (по мысли Ивана Карамазова) страдания и смерть ребенка разоблачают в глазах героя *этическую* несостоятельность плана светлого будущего. Этот смысловой аспект совершенно отсутствует у Платонова: гибель Насти не оценивается в «Котловане» ни автором, ни героями с точки зрения этической. По отношению к девочке нет ни жестокости, ни несправедливости людей, Настя в повести *вообще не страдает*. Иными словами, тема «слезинки ребенка» в буквальном своем смысле Платоновым не разрабатывается, и в этом главное отличие платоновской трактовки гибели Насти в «Котловане» от той традиции, что берет начало в романе Достоевского.

Однако и в повести Платонова это событие оказывается трагической катастрофой, разоблачающей мировую гармонию. Если Иван Карамазов «возвращает свой билет за вход» в Царство Небесное, то у Платонова несостоятельным оказывается проект Царства Зем-

<sup>27</sup> Там же. С. 305—307.

<sup>28</sup> Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского: Опыт критического комментария // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития: Лит.-эстет. работы разных лет. М.: Искусство, 1990. С. 98.



ного. Несостоятельным не с этической точки зрения, но с точки зрения несправедливости всего природно-исторического устройства. Природа, которую человек мнил покорить без помощи Бога (ведь и смерть — всего лишь часть природного миропорядка), оказалась сильнее человеческого Земного Царства; смерть Насти обнажила бессилие человека перед природным ходом вещей, установленным для тварного мира.

Задолго до финала повести Воцев, глядя на Настю, уподобляет воскрешение, будущий рай на земле, в котором она будет обитать телесно, «первому исконному дню» рая, памятного Воцеву по христианской вере детства: «Воцев попробовал девочку за руку и рассмотрел ее всю, как в детстве он глядел на ангела на церковной стене; это слабое тело, покинутое без родства среди людей, почувствует когда-нибудь согревающий поток смысла жизни, и ум ее увидит время, подобное первому исконному дню» (Прил., 59).

Однако земной «первый день» в «Котловане» приносит лишь смерть Насти — «воскресшей» — существа, приготовленного и совершенного для обитания в земном раю. «Утро второго дня» в финале повести — утро, когда терпит крах вера в возможность рая на земле:

«—...Никит, я теперь в коммунизм не верю! — ответил Жачев в это утро второго дня.

— Почему, стервец?

— Ты же видишь, что я урод империализма, а коммунизм — это детское дело, за то я и Настю любил», — говорит Чиклину Жачев, навсегда покидая котлован (Прил., 128).

Финал произведения снова возвращает нас к идеям Н. Ф. Федорова о «воскрешении мертвых». На протяжении повести ее герои не раз прямо или косвенно указывали на то, что и Ленин, и прочие умершие «отцы» лежат для воскрешения «сынами». В финале Настя — символ «социалистического детства» — оказывается похоронена отцами. Хоронят ту, которая должна была воскресить умерших. Надежда умирающих отцов победить смерть питалась верою в возможность «общего дела» воскрешения. В финале «Котлована» Платонов показывает ситуацию нереализуемости «общего дела»: дети, чаемые воскресители, умерли! Смерть Насти, в личности которой в «Котловане» фокусируются все целеустановки и практической, и предполагаемой деятельности человечества, соединенного в стремлении к земному раю, оказывается художественным опровержением возможности «общего дела».

Идейный итог повести — трагический парадокс, к которому приходят герои «Котлована» на избранном ими пути, тупик и федоровского проекта, и социалистического плана.

Наконец, финал произведения оказывается резко полемичен и по отношению к более ранним представлениям самого писателя, который со свойственными ему искренностью и преданностью разделяя в начале своего творческого пути веру в пришествие Царства Земного. Вспомнить о том, каковы были эти представления, здесь весьма уместно, ибо устройство социального рая мыслилось молодому

Платонову именно как альтернатива Царству Небесному, благовестованному через Иисуса Христа. В 1920 году в статье, посвященной «отмене» христианской религии, Платонов говорил теми же словами, что были переосмыслены им так трагически десятилетие спустя: «Мы начали строить свою правду снизу, мы только кладем *фундамент*, мы сначала *дадим жизнь* людям, а потом потребуем, чтобы в ней были *истина и смысл*» (выделено нами. — А. Х.).<sup>29</sup> В «Котловане» *фундаментом* рая — «новой правды» — стала могила поколения спасенных; возможность *возвратить жизнь* умершим людям оказалась погребена в этой могиле вместе с Настей — той, кому предстояло завершить «общее дело» воскрешения и прославления искупленного человечества; опыт строительства «общепролетарского дома» дал лишь горькие ответы на вопросы об *истине и смысле жизни*, с которыми отправился в путь по «Котловану» Вошев («Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?» — Прил., 127). «Котлован» завершается как пропасть пессимизма и отчаяния отнюдь не только социального, но и трансцендентального. Попытка «строить свою правду снизу», силами самого человека, потерпела видимую неудачу. Человек «остался без Бога и Бог без человека» (Прил., 87). А что может дать человеку слабая и неверная человеческая любовь, если нет у него высшей Любви, той «Любви, что движет солнце и светила» («Рай», XXXIII, 145)?

Однако такой итог повести, известный, к сожалению, ее читателям до сего дня как итог окончательный, — еще не последнее авторское слово в «Котловане». Скорбная безысходность запечатленного в финале повести взгляда на мир не удовлетворила самого художника, драматически ощущавшего разлад между светлым идеалом и мрачной реальностью. Страстное желание снять это противоречие заставляет Платонова зачеркнуть в готовой машинописи «Котлована» слово «конец» и от руки дописать еще несколько строк, обращаясь к читателю публицистически прямо, от собственного имени (хотя и называя себя в третьем лице, «автором»). Так в повести появляется эпилог, отсутствовавший до последней редакции:

«Погибнет ли эсесерша подобно Насте или вырастет в целого человека, в новое историческое общество? — это тревожное чувство и составляло тему сочинения, когда его писал автор. Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего» (Прил., 129).

В этом эпилоге Платонов прямо называет идею («тему») своего «сочинения»: судьба («будущее») зародившегося нового исторического общества. Он восстанавливает здесь окказиональную жачевскую ассоциацию «эсесерша — Настя», которая возникает в споре мужиков

<sup>29</sup> Платонов А. П. О нашей религии [1920] // Платонов А. П. Чутье правды. М.: Сов. Россия, 1990. С. 86.

о государстве на празднике колхоза.<sup>30</sup> Писатель подхватывает неологизм своего героя, не разъясняя специально его значения, ибо совсем недавно, уже в финале произведения, сам Жачев использует его в смысле «СССР, Страна Советов, наше государство»: «Ты что? — увидел Вощева Жачев. — Ты зачем оставил колхоз, иль хочешь, чтоб умерла вся наша эсесерша?» (Прил., 127).

Прямой платоновский автокомментарий раскрывает символический подтекст финала и подтверждает универсальность его звучания. Гибель маленькой героини повести действительно оказывается равновелика утрате целого поколения «социалистических детей», что, в свою очередь, грозит разрушением «всего будущего», чаемого для нового исторического общества. Но «разрушение прошлого» представлено в повести так детально и так рельефно (Ад и Чистилище), что крушение и веры в будущее (Рай) представляется подлинно глобальной катастрофой. «Котлован» раскрывается перед читателем как предельно трагическая картина падения народа, потерявшегося на путях истории, смутный миг его бытия. Прошлое безвозвратно утрачено, «разрушено»;<sup>31</sup> будущее проблематично. Соединение разорванной цепи времен и поколений оказывается соединением в смерти: жертва прошлого — Юлия, мать; жертва будущего — Настя, дочь.<sup>32</sup>

Однако «тревожное чувство» автора продиктовано настолько великой любовью, что в эпилоге повести он заявляет свое *нежелание* принимать *такой* объективный художественный смысл своего произведения. Платонов готов разочароваться в действительности, но не способен отказаться от надежды.

---

<sup>30</sup> Подробнее об этом см.: Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован». С. 213—215.

<sup>31</sup> «Новое историческое общество», составляющее предмет заботы Платонова, — этот тот русский народ, над которым осуществился фанатичный призыв «социалиста» Сафронова, проповедовавшего так: «Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи! Он бы и еще куда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!..» (Прил., 53).

Показательны колебания Платонова, отразившиеся в автографе эпилога. Сначала в тексте стояло: «...равносильна разрушению не только всего будущего, но и прошлого», и лишь по размышлении писатель пришел к окончательному: «разрушение не только всего прошлого, но и будущего» (Прил., 129). Для Платонова одинаково дороги и прошлое, и будущее России, и праздник, наверное, представлялся вопрос, потеря какой из этих частей национальной жизни является большей утратой.

<sup>32</sup> Это соединение в смерти обреченной на смерть Юлии и, казалось, неподвластной смерти, спасенной Насти имеет свое мрачное предвестие еще в начале «Котлована». Прушевский и Чиклин вспоминают юную женщину своей молодости (Чиклин еще не дошел до склепа Юлии на кафельном заводе): «Они остановились на краю овражного котлована; надо бы гораздо раньше начать рыть такую пропасть под общий дом, тогда бы и то существо, которое понадобилось Прушевскому, пребывало здесь в целостности» (Прил., 44).

Неисполнившуюся судьбу матери наследует дочь.

## К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН» (ФРАГМЕНТЫ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА)

(Публикация Т. М. Вахитовой и Г. В. Филиппова)

Повесть А. Платонова «Котлован» впервые была опубликована в журнале «Новый мир» (1987, № 6). Публикация, подготовка текста и примечания были осуществлены М. А. Платоновой. В примечаниях говорилось и об источниках публикации: «В архиве семьи А. Платонова сохранились рукописные варианты повести (...) Настоящая публикация осуществляется по последней прижизненной машинописной копии с собственной авторской правкой».

Далее для характеристики работы А. Платонова над текстом приводятся ряд обширных фрагментов, «опущенных автором в процессе этой правки». Эта работа может быть продолжена, ибо обнаружены новые фрагменты «Котлована», представляющие немалый интерес и дополняющие текст, опубликованный в «Новом мире», по которому и по сию пору ведется издание повести.

В рукописном отделе ИРЛИ находятся два текста «Котлована» — это черновой автограф (ф. 780, № 7) и машинопись с правкой (ф. 780, № 8). Рукопись повести занимает 152 листа архивного хранения, или 220 листов авторской пагинации. Машинопись насчитывает 134 страницы с рукописным финалом на странице 135.

В данной публикации основное внимание сосредоточено на черновых материалах. Понятно, что по условиям и объему данного издания описать автограф, как это принято в академических собраниях сочинений (снабдив это описание пометами: *вписано над строкой, вдоль полей, в нижней части страницы, или: ранее было, далее было, отмечено особым знаком и т. д.*), не представляется возможным. Это дело будущего. Поэтому публикаторы поставили своей целью представить не все, а лишь некоторые из этапов авторской работы над рукописью — создание первоначального текста и процесс отделки (в пределах рукописи) путем сокращения.

В публикации представлены наиболее значительные по объему и интересные фрагменты платоновского текста, не вошедшие в новомирскую публикацию в процессе дальнейшей переработки текста или вычеркнутые автором на этапе работы над рукописью. В некотором отношении исключение составляет первый, самый большой по объему, фрагмент текста. Это единственная часть рукописи, подвергшаяся самой значительной авторской переработке. Чтобы представить процесс авторской правки в целостном виде, она включена в публикацию и с теми небольшими абзацами, которые в исправленном виде вошли в новомирскую публикацию.

Весь этот материал представляет уникальную ценность не только для уяснения первоначального замысла повести, ее композиции, процесса творческой работы Платонова, который отличался определенным «свертыванием» текста. Немаловажное значение приобретает и содержание этих фрагментов, позволяющих в наиболее

развернутом виде представить «способ философствования» его персонажей, который и до сегодняшнего дня остается загадкой.

Все публикуемые фрагменты, по-возможности, воспроизводятся по последнему слою правки, причем предшествующие варианты не демонстрируются. В тексте сохранена авторская орфография и пунктуация. Зачеркнутые автором куски текста находятся в угловых скобках, реконструируемые публикаторами слова — в косых скобках. После каждого фрагмента дается сноска, где указывается, в каком месте публикации «Нового мира» (НМ) он должен был бы находиться. Далее указывается архивный лист (ф. 780, № 7), по которому публикуется текст. Из машинописи введен лишь рукописный финал, по-новому освещающий авторскую позицию по отношению к созданному им тексту.

«Среди города стояли машины для земледелия, а окружающие люди пробовали их руками за различные устройства, сохраняя равнодушие на каждом лице. В гайку одного трактора был вонзен флаг торжества — в знак освобождения трудящихся от тягости пахоты. Человек, одетый, как в документ, в старинно-служебную форму, произносил речь об убогости окрестной жизни и социальной силе прибывших механизмов.

— Лица присутствующих товарищей крестьян, — говорил он, — выражают угрюмость усталости, потому что они живут заочной жизнью. Их смысл всего существования не может выйти наружу, поскольку лошади в нашем районе беспородны и приходится пахать почти вручную, помогая движению сохи или плуга сзади в упор. А в истощенном теле нет остатка для культурной революции... Дальше человек указал рукой на тракторы и сообщил: « — Здесь говорили разные звуки про пятилетний план, и многие не видели, что будет впереди. Но если-б я был ребенком, то мне было бы чудно пахать на лошади и жить в одиночку, потому что нынешним детям это будет странно в будущем. Ушедшие отсюда пионеры сумеют отдохнуть на машине и займутся в своей голове счастьем и смыслом всего существования.

Вошев немедленно подошел к этому человеку в старом документе.

— Вы, товарищ оратор, говорили про смысл жизни, а надо сначала искать истину, без нее смысла чувствовать нельзя. Я тоже мучаюсь, как и вы, только я от мысли потерял трудоспособность и не знаю, чего мне есть... Если-б я нашел истину, то стал бы самым организованным тружеником, я бы все тело тогда отдал.

Человек в изношенной одежде молча подумал про Вошева, а потом сказал:

— Я тружусь здесь для забвения в роли агронома, я все свое образование трачу на район, но полагаю для спокойствия сердца, что ближайшему поколению мир станет общеизвестен.

— Но мне неясно на свете, — сказал Вошев, — я тоскую и не дождусь, когда вырастут пионеры и мне расскажут истину.

— Что делать! — ответил агроном. — Я могу вам помочь лишь обеденной пищей.

— Нет, — отказался Воцев, — у меня нет аппетита, лучше я пойду подумаю.

Агроном не знал, что ему произнести для утешения этого нечаянного человека.

— Зачем вы так горюете? Вы должны ясно догадываться, что смысл неизбежен, ибо жизнь в мире твердо развертывается, а упразднения ее не видно.

— Смысл есть постоянно кругом, — согласился Воцев, — но его нет в моем уме, поэтому я все сознаю в какой-то скучной пустоте. Ведь всегда думаешь что-нибудь, — лучше бы нигде не было истины, только в одном уме!

Не слушая ответа, Воцев отошел и стал думать на ходу, жалея о напрасно упущенном времени своей жизни. И когда потемнело в природе, он сел на скамейку профсоюзного сада в глубине города, по-прежнему не имея счастья истины в себе. Он думал неотлучно, сосредоточившись всей силой крови и тепла между сухими костями головы и холодея забытыми конечностями тела. Воцев воображал земной шар и звезды над ночными облаками атмосферы, но звезды вблизи, наверное, тоже глухие глинистые места и там, может быть, сидит существо в овраге и мучается темной мыслью. Сочувствие тому существу увеличило печаль Воцева, и он никогда не одолевал ее, печаль облегчала сознание жизни, потому что делала Воцева готовым на любое внезапное страдание, она защищала его своим ровным, ожидающим мучением от нарастающей силы горюющего ума. Около полуночи Воцев почувствовал в себе жизнь, как безмолвную надежду, тихо происходящую где-то ниже горла; но мысль не может промолвить слово той жизни и тоскует отдельно в высоте головы, в теснинах твердых костей. Однако, Воцев не жалел мысли, он был рад и тому, что жизнь его не останавливается, когда истина неизвестна: значит в движении телесной теплоты есть чувство смысла, иначе почему-же так уверенно работает жизнь, когда скучная дума скорбит над нею и закрывает ей протоки вперед. Воцев мог теперь вспомнить про самого себя — уже было прохладно, хотелось есть, — это явилась жалость к телу и самосохранение; он прилег на скамью для экономии измученного туловища и уснул в покое общей тьмы.)

До самого вечера молча ходил Воцев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестен. Однако ему по-прежнему было неясно на свете и он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. Как заочной живущий, Воцев делал свое гулянье мимо людей, чувствуя нарастающую силу горюющего ума. И когда потемнело в природе, он сел на скамейку профсоюзного сада в глубине города, дабы забыться в темной мысли, уединившись в тесноте своей печали; для экономии измученного туловища он прилег на скамейку и уснул в покое всеобщей ночи. Вскоре на лавку половиной корпуса присела женщина, а затем начала беспокоить волоса на спящей голове Воцева.

— Иди, бабушка, — сказал Воцев в забвении, — я ведь редко сплю.

— Какая-же, мальчик, я бабушка? Я запасная барышня!

— Не мучай меня, — ответил Вошев, — днем я буду опять думать. Женщина говорила еще что-то, но Вошев уже был без памяти о ней.

Утром снова раздалась музыка; Вошев, очнувшись, сразу сел среди ранней сырости воздуха. Мимо сада ехала воинская конница, а впереди ее протяжно пели медные трубы, призывая к победе над классовым врагом. Мастеровой человек шел по саду с ребенком-сыном и рассказывал ему про конницу, но ребенок понимал еще больше, чем видел.

— Папа, мне так и хочется крикнуть: да здравствует первое мая! — сказал мальчик.

И они ушли дальше. Вошев, хотя и не мучился от голода, но знал, что он давно не кушал и надо питаться. Город находился вблизи ржи, поэтому Вошев пошел в поле нарвать колосьев, чтобы прожить это время, пока он не узнает смысла жизни.

В поле была тишина света и от солнца наступало тепло. Рожь еще не поспела, зерна представляли мякоть, но тем легче ими можно постепенно кормиться. Наевшись поскорее, Вошев скрылся в безлюдной гуще колосьев и лег в землю лицом, чтобы в забвении выдумать истину жизни и устроиться внутри себя и снаружи навсегда. Он притаился и лежал без защиты; воздух слабо двигался поверх его тела, стволы колосьев поскрипывали в начальной зрелости, где-то за нивами ступал человек по дороге и говорил сам с собой. И Вошев подождал думать, пока пройдет человек: он хотел отсрочить свое мученье, потому что жизнь незаметно сохраняла себя и откладывала мученье думы на более позднее время. Человек затих, ржаные колосья терпеливо стояли кругом накануне своей смерти от покоса, — Вошеву наступил срок завершить свою душу, встать и спокойно действовать, чтобы добытую мысленную истину осуществить всюду, кому потребуется. Вошев лежал с закрытыми глазами, не мешая движению мысли и не напрягая ее медленного происхождения; он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться. В той смутной емкости покоились чувства в первоначальном зачатии, из этого затаенного источника Вошев питался всю жизнь, и сейчас он понимал, что смысл жизни для него будет не в мысли, а в неизвестном или забытом ощущении; но ощущение безвозвратно погибает, когда оно не обратится в мысль и не сделается возвращающимся воспоминаньем. Эту близкую дорогу — от чувства до помышления его в истине — Вошев и желал немедленно преодолеть. Но чем яснее и счастливей Вошев видел свою надежду, тем больше не знал, про что начинать ему думать. Он догадывался, что его жизнь выбралась из чувств к матери, отцу и дальнейшим людям, поэтому его мысли были одними воспоминаниями людей, — он находился, словно озеро, питаемый каждым совместно-живущим с ним человеком, как потоком; однако Вошев не почитал людей, его волновала лишь та середина мира, которая сама покоится внутри, но образует тревожную судьбу на поверхности земли, — и он тоже

хотел тревожиться, но с живыми, а не мертвыми глазами и с чувством постоянного сознания истины. В уме-же Вощева происходили лишь воспоминанья, ничего неизвестного не зарождалось в нем, и Вощев понял, что смысл жизни надо не выдумать, а вспомнить, — следует возвратиться к людям, забыться среди них, чтобы объяснить свою жизнь теми предметами, из которых она скопилась: нечаянными чувствами к людям, которые уже исчезли в течении времени без вести в природе, но сохранились в тесном внимательном теле Вощева, ощущающем только свои воспоминанья. А в детстве этот человек думал быть счастливым на всю жизнь, и мать ему так обещала.)

Смутное солнце светило с вышины бессознательного мира, испуская тепло не от смысла, а от закона; травяная мелочь бережно таилась у низов ржи, — может быть, она надеялась на свое искупление из природы человеком, или сама была сцеплена глубиной корней с питающей истиной терпения, — может быть существовала лишь в химической тьме. Полдневная земля сохла вокруг; в раздраженной тишине, исполненной запаха соломы и сытости, звучали кузнечики, трудясь для продолжения своей жизни — зря бы они не производили звуков. Вощев захотел поймать для памяти кузнечика, чтобы разглядеть вблизи это существо, уверенное в своей жизни, и увидеть, почему оно уверено, а не мучается. Отвыкшему от работы и ловкости, ему долго пришлось бродить и ползать, охотясь за кузнечиком, пока не удалось уединить его посредством шапки. Затем Вощев взял кузнечика в руку и стал глядеть на него, ища глаза и разум этого существа; кузнечик шевелился по своей заботе, но не видел человека и без страха продолжал жить.

⟨Отчего же человек считается выше тварей и цветов, — беседовал с собою Вощев. — Кто так думал, тот за тварь ни разу не держался, тот думал, а не наблюдал внизу... Всякое насекомое поживает себе по своему /прогрессу/ и ему не нужно человека, — оно не хуже его. Человек, благодаря своей личности отчасти дурак: он и про татарина думал, что он хуже русского, а теперь тоже самое может про травы, про кузнечиков, и любую иную жизнь унижает. Нет, — задумался Вощев. — Я не лучше кузнечика — я же вижу его! Я буду жить в ровный ряд со всеми, иначе — науки не будет: ведь без сочувствия ничего не узнаешь в точности, а когда узнаешь умом, то вспомнишь, что уже имел это знание в чувстве /тела/.⟩

Вощев погладил пальцем кузнечика и выпустил из руки жить, чтобы не уродовать. — Иди, сохраняйся, — сказал он. — Ты может быть давно знаешь, о чем я живу и скучаю.

Освобожденный кузнечик молча осидел в траве, а потом ушел пешком куда-то в гущу, а Вощеву стало хуже без него. ⟨вставить на ноги, итти в город без утешения внутри и работать руками, ослабшими без смысла жизни. «Но все-таки нет у этих маленьких живых — искусства механизмо/в/», — упрекающе рассудил Вощев, и сам, после незаметного ощущения мысли, сумел ответить на недоумение. — Ну что-ж, что нету! Если б человек стал колосом или червем, у него-бы тоже не было машин: они там не требуются по ус-



ловиям. А когда кузнечик обратился-бы в человека, то он по силе нужности и машины-бы завел. Ум тут не при чем — он отсталый обман.)

Но все-же постоянное горе Вошева забылось в этом отвлекающем созерцании кузнечика, и окрестная жизнь утешала его, как могла, своим действием и существованием. Другой человек вошел с дороги в рожь и наклонился над Вошевым.

— Это кто тут лежит один?

— Я, — ответил Вошев, будто он общеизвестен на свете.

— Кто это — я? Что это за епишка валяется? — весело говорил человек.

Далеко, но слышно закричал жеребенок от радости, дорвавшись до матери или еще что-нибудь. Его телесный, доверчивый голос звучал продолжительно и смолкал лишь постепенно, в меру удовлетворения тамошнего счастья жеребенка.

Вошев послушал голос животного, встал на ноги и почесал лоб, старый от размышлений.

— Ты наверно хочешь сказать, что я рожь помял! — произнес он по направлению пришедшего человека.

— Ну тебя! Разве ты дешевле ржи, что-ль?

Вошев всю жизнь не утомлялся думать, особенно, когда человек был близко к нему.

— Это верно. Рожь — дело стихийное, а человек — организованное и умирающее существо...

— Это ты тоже верно сказал. А хочешь я тебя на работу пошлю? Ты, кажется, человек хорош!

— Почему?

— Я профуполномоченный. У нас сейчас идет работа по устройству окончательной жизни, а с людьми — убыток. Чего-нибудь ты стукать можешь?

— Нет, нисколько не могу, — сознался Вошев. — Могу в будущем смысл жизни выдумать для всех, а сейчас какой-то хищник украл мое чувство и тело мое слабое.

Противоположный человек превратил свое лицо из простого в серьезное: он не знал — профессия ли смысл жизни, или нет.

— А может твой смысл повлиять на выработку труда?

⟨— А то как же! Без смысла жизни человек. Снаружи человек может организовать, а для внутреннего состояния ему нужен смысл, потому что без истины человек как бы без плана: его любая стихия качает и трудиться невозможно.

— Что ж такое этот смысл жизни? — тихо спросил профуполномоченный.)

— Конечно, может. Отчего же я сейчас работать не могу? ⟨Я сейчас живу без истины и меня качает любая стихия, хотя снаружи и я был организован.

— Что же такое этот смысл жизни? — с уважением спросил профуполномоченный.

— А это сознание устройства. Ведь ничего-же не было вначале, и начала не было, — что же мешало произойти существованию? Ничего, и оно оттуда возникло! И здесь я начинаю не знать, но я

предчувствую свои корни в середине целой земли и потому вижу свое право иметь весь мир, как свое тело... Но стоит против какое-то громадное и темное стеснение, и оно занимает ровно половину истины... Тут я и мучаюсь на одном месте.)

Они еще немного поговорили среди ржи, а потом пошли в город. Профуполномоченный и сам уже хотел-бы знать причину и течение всемирного существования; он решил поговорить в окрпрофбюро насчет необходимости истины для трудящихся, — ведь истина, действительно, укрепляет ум и повышает производительность человека. Многие люди живут как былинки на ветру руководящих обстоятельств, а тогда у них будет точное направление вперед на вечность и темп прямого движения к свету.

Так как Вошеву нечего было есть, то профуполномоченный повел его кормить холодными щами на свою квартиру; Вошев удивился чувству незнакомого человека, но профуполномоченный объяснил свою доброту тем, что сейчас другие директивы жизни, чем год назад, сейчас нельзя быть членом партии лишь в социальном масштабе, но надо им быть вдвоем с человеком и наедине в безвестности.

Поев и рассеявшись, Вошев написал заявление в культотдел окрпрофбюро, по совету уполномоченного. Вошев просил для себя предоставления труда по отысканию истины путем постоянной мысли; в заявлении было указано, что истина есть потребность, она — организационное начало человека, причем, истину нельзя понимать как лишь организационный момент, но следует воображать ее себе трудом над организацией вечности.

— У нас стало всего много, — сказал профуполномоченный — Я думаю тебя примут думать за жалованье.

— Я прокормлюсь за жалованье и (вспомню полностью то место, откуда стал весь свет и все люди быть, — пообещал Вошев. — Ну что ж, — согласился профуполномоченный. Я завтра) вспомню смысл всего мира, — произнес Вошев с надеждой.

— Нукчтож, — согласился профуполномоченный. — Кормить тебя недорого, а ты дашь настроение народу.

— Я устрою человека, — с сознанием обещал Вошев.

Окрпрофбюро того города сумело намного увеличить довольство пролетариата, теперь же его заботила культурная скудость тружеников; культработники мучились над улучшением самой классовой сущности пролетария, и в такое время было получено заявление Вошева. Уже то, что вопрос о необходимости смысла жизни ставился безработным трудящимся — было учтено как признак повысившегося культурного уровня, и заявление Вошева не имело отказа.

— Мы должны поддерживать всяческие начинания масс, — сказал заведующий культотделом. — Жизнь сама отберет потом мертвое от цветущего. Дайте человеку шестой разряд — для жизни во время его мысли.

Профуполномоченный возвратился вечером на отдых и сказал Вошеву, что ему положили жалованье по 38 рублей в месяц. (Вошев обнял профуполномоченного и поцеловал его в горло, причем, пока

ему пришлось волноваться, он забыл, что ему нужен смысл жизни, а в спокойное время всегда помнил про недостаток истины.)

— Живи на моей площади, товарищ Вошев, — я тебя на жительство пропишу.

— На что мне твое жительство, — я для задумчивости должен находиться один. Мне нужно поскорее истину выдумать, чтоб жалованье не тратить.

Вошев ушел из квартиры профуполномоченного, боясь проживать время без производства. Только теперь он увидел середину города и строящиеся устройства его. Вечернее электричество уже было зажжено на построечных лесах, но полевой свет тишины и вянувший запах сна приблизились сюда из общего пространства и стояли нетронутыми в воздухе. Отдельно от природы, в светлом месте электричества с желанием трудились люди, возводя кирпичные огражи, шагая с ношей груза в тесовом бреду лесов. Вошев долго наблюдал строительство неизвестной ему башни; он видел, что рабочие шевелились равномерно, без резкой силы, но что-то уже прибыло в постройке для ее завершения.

— Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? — не решался верить Вошев. — Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?

Он отошел из середины города на конец его. Пока он двигался туда, наступила безлюдная ночь; лишь вода и ветер населяли вдали этот мрак и природу, и одни птицы сумели воспеть грусть этого великого вещества, потому что они летали сверху и им было легче. (Вошев стоял вблизи ночного мира и чувствовал его сиротство: в земле есть истина, раз она произошла и существует, но нет сознания, а в человеке есть сознание, но в нем нет смысла жизни.)

Человек с землей и все различные существа живут без обручения, без обмена внутренней теплотой своего влечения, и страдают разлукой уединенного тела. Чтобы объединиться с этим грустным пространством, нужно сначала умереть и лечь в земляную могилу, — это было бы совестно. А чтобы жить в своем одиноком теле, нужно мыслью заменить честность. От мысли Вошев стал надеяться, а от совести медленно затосковал.

— Пролетариат сделает смысл всему свету! — произнес Вошев слова, и стал плакать, чтобы победить грусть ожидания.

Побыв еще немного в темной тишине, он начал возвращаться в неизвестный город. Ему пришлось идти по древесной аллее; пустота безлюдья простерлась перед ним, редкие отжившие листья неслышно летели со старых деревьев, Вошев шагал в те освещенные места построек, откуда и сейчас раздавались звуки труда. Вот явились ему навстречу двое людей, ведущих одну девушку посредине, — они прошли и никто из троих не взглянул на Вошева, точно он был лишний или посторонний на свете. Он остановился, и с обидой, с сознанием своего несчастья от всеобщего равнодушия поглядел вслед троице, отдавшим свое внимание только друг другу. Может быть, они были счастливы, но они тоже не знали смысла жизни и от этого их счастье не было истиной.)

Вощев забрел в пустырь и обнаружил теплую яму для ночлега; снизившись в эту земную впадину, он положил под голову мешок, куда собирал для памяти и отмищения всякую безвестность, опечалился, и с тем уснул. (Травяная гуща оберегала его покой, он решил завтра же спрашивать про истину у всех томящихся среди существованья. И с этой надеждой Вощев уснул.) Но какой-то человек вошел на пустырь с косой в руках и начал сечь травяные рощи, росшие здесь спокон века, и сам косарь, играя с ровесниками в этих-же старинных гущах, менял здесь свое детское тело на юношеское.

К полночи косарь дошел до Вощева и определил ему встать и уйти с площади.

— Чего тебе! — неохотно говорил Вощев. — Какая тут площадь, это лишнее место.

— А теперь будет площадь, теперь здесь положено быть каменному делу. Ты утром приходи поглядеть на это место, а то оно скоро скроется навеки под устройством.

— А где же мне быть?

— Ты смело можешь в бараке доспать. Ступай туда и спи до утра, а утром ты выяснишься.

Вощев пошел по рассказу косаря и вскоре заметил досчатый сарай на бывшем огороде. Внутри сарая спали на спине семнадцать или двадцать человек и припотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряжения труда. Ситец рубах с точностью передавал медленную освежающую работу сердца, — (большое истощенное тело каждого уснувшего существовало сейчас только на этих ровных усилиях) оно билось вблизи, во тьме опустошенного тела каждого уснувшего. Вощев всмотрелся в лицо ближнего спящего — не выражает ли оно (счастья покоя и отдаления) безответного счастья удовлетворенного человека. Но спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах. Кроме дыханья, в бараке не было звука, никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаньями, — каждый существовал без всякого излишка жизни, и во время сна оставалось живым только сердце, берегущее человека. Вощев почувствовал холод усталости и лег для тепла среди двух тел спящих мастеровых. Он уснул, (забытый всеми людьми и довольный), незнакомый этим людям, закрывшим свои глаза, и довольный, что около них ночует, — и так спал, не чувствуя истины, до светлого утра.<sup>1</sup> (л. 6—16)

(— Все думают ради истины, и я. Сейчас смысл жизни в мире находится, а я хочу, чтоб он был в мысли.)

<sup>1</sup> НМ. С. 54. Между «Вощев продолжал томиться и пошел в этот город жить». и «Утром Вощеву ударил какой-то инстинкт в голову...» (С. 55).

— У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу — я задумывался на производстве и меня сократили.

⟨Вошев начал было говорить еще одно слово, но смолк среди звука — он испугался серьезно слушающих его людей, не зная есть ли серьезный смысл жизни.⟩ Все мастеровые молчали против Вошева; ⟨двое из них начали разжигать примус, но пламя не ладилось в их заскучавших руках⟩ их лица были равнодушны и скучны, редкая, заранее утомленная мысль освещала их терпеливые глаза.<sup>2</sup> (л. 16об.)

⟨— Мне, чтоб жить нужно настроение тела от ума, а истины я не знаю. Я хотел у вас ее спросить.

— А что такое мысль кроме ума? — не понимая, обратился тот мастеровой, у которого были высохшие, спекающиеся при безмолвии губы.

Тогда сказал человек с редкой изможденной бородой, потому что Вошев, ⟨не зная происхождение мысли⟩ молчал.

— Мысли и нету: вспоминаешь пережитое вещество — вот и думаешь. А он думать не может, он живет нетрудоспособно и не чувствует вещества. Вошев обрадовался, что он ничтожен и только оттого не знает общеизвестного.

— Значит вы и смысл жизни думаете?

— Как же иначе? Мы же вещество существования делаем.

Однако, время пробуждения исчезло, приближался труд.)<sup>3</sup> (л. 18 об.)

⟨Понял? — обратился Сафронов к Вошеву.

— А какое здесь понятие? Это счастье мутное, я чувствую что-то жирное, а истина должна быть вроде влаги или ветра.)<sup>4</sup> (л. 20 об.)

⟨но мысль его продолжалась и во время труда, тогда, чтобы утешить мысль и поспособствовать работе, Вошев придумал, что в том вечном доме, который здесь /взойдет/ из земли, будут жить выросшие дети, успевшие к тому времени приобрести истину из середины мира, и дом будет беречь тело и мысли истинных людей.⟩<sup>5</sup> (л. 22)

— Зачем-то под почвой была супесь, а здесь пошла глина, а скоро будет известняк!.. Просто себе — происходило что можно: не тронь землю железом, так бы дурой она и лежала. Горе!<sup>6</sup> (л. 22)

---

<sup>2</sup> НМ С. 56. Между «— А ради чего же ты думаешь, себя мучаешь?» и «— Что же твоя истина!..»

<sup>3</sup> НМ. С. 56. Между «...ответил низкий человек из своего высохшего рта, около которого от измождения слабо росла борода» и «В это время отворился дверной вход...»

<sup>4</sup> НМ. С. 57. Между «Музыка перестала, и жизнь осела во всех...» и «Профу-полномоченный, уже знакомый Вошеву...»

<sup>5</sup> НМ. С. 58. В середине фразы между «Вошев тоже начал рыть почву вглубь, пуская всю силу в лопату;» и «он теперь допускал возможность...»

<sup>6</sup> НМ. С. 58. Между «...Чиклин не мог его понять» и «От сознания малочисленности своей артили...»

Сафронов от Чиклина почти не отставал — он имел большую семью и хотел как можно скорее и лучше строить общие дома, чтобы его дети там росли и жили, защищенные стенами и людьми.<sup>7</sup> (л. 23)

Козлов иногда кашлял нечаянно в котел, и видны были крошки в воздухе из его рта, но никто из евших не защитил чистоты пищи желудка против Козлова, и Воцев, видя то, подгребал своей ложкой как раз те места пищи, куда кашлял Козлов, чтобы лучше сочувствовать ему.<sup>8</sup> (л. 25)

«— А ты говоришь смысла жизни не видать! — сказал Воцеву Кмит<sup>9</sup> — Ты гляди, какой грунт живет!

И Воцев видел, что — верно: не может быть, чтобы такой вес и такая прочность существовали без веры и правды; однако, и в глине тоже есть скважинки и мелочь пустоты, и там вечная сжатая тьма, как сомнение ума в жизни; но хотя, без той скрытой щелистой пустоты глина не могла бы мяться и терпеть, — она давно-бы лопнула, искрошилась в разъединенное ничтожество и исчезла бы прочь от ветра, времени, воды.»<sup>10</sup> (л. 28)

Воцев перестал спать и открыл глаза. Утренний свежий мир светился сквозь щели барака, и Воцев почувствовал свое тело как вновь зачатое: вчерашний труд истребил в нем старые внутренности, но сон наполнил его первоначальной плотью. (Он попробовал думать, чтобы проверить ум, и ум его покорно стал думать о неизвестном, не сомневаясь в своем действии.)

Чиклин еще спал, и Козлов рядом с ним, а другие лежали сбоку, одинаково уставшие от земли. Пусть они спят пока, чтобы вместе с дыханием из них выгорала отжившая кровь и пустое место наливалось густой ощущаемой влагой. У Козлова ниже ушей возобновилось биеенье материнских родников и уже порозовело оскудевшее лицо. Значит, ему скоро пора пробудиться и сознательно жить.

Воцев отворил дверь наружу, впуская воздух для дыхания спящих, а сам вышел прочь, чтобы не мешать течению свежести на лежащие лица. В природе был теплый свет и раздавался ровный шум суеты мелкой жизни, которая тоже добывала себе смысл жизни кое из чего.

Недалеко находился заглохший овраг, и одинокое дерево наклонилось над ним безветренными ветвями, ища своего рождения в земле или посмертного сожительства с нею. По ту сторону оврага была еще какая-то впадина и оттуда, из невидимого предприятия

<sup>7</sup> НМ. С. 59. Между «...пел оттуда песни в летние вишневые вечера.» и «К полудню усердие Воцева давало все меньше и меньше земли...»

<sup>8</sup> НМ. С. 60. Между «Ели в тишине (...) сила человека происходит из одного сознания» и «Инженер обошел своим ежедневным обходом...»

<sup>9</sup> Так в рукописи.

<sup>10</sup> НМ. С. 61. Между «Чиклин, не видя ни птиц, ни неба (...) тело наполнится вновь.» и «Истомленный Козлов сел на землю и рубил топором...»

выходил, изжитый машиной пар. В стороне ото всего сидел согнувшись в траве бедный человек, его палка была воткнута в землю и узелок с имуществом висел на ней; он тоже, наверное, жил с усилием и надеялся получить свое счастье полностью, — а может быть существовал лишь с терпением любопытства.

Вслед за своим наблюдением того человека, Воцев услышал пение тихого голоса:

— Липа векова-ая...

Дальше голос стал тише, продолжая песню шепотом, и вовсе смолк. Воцев зашел обратно в барак. Там Чиклин глядел непонимающими глазами и безмолвно произносил песню ртом: он уже очнулся, но еще не мог вспомнить своей жизни — и помнил песню, готовясь жить сначала.

Козлов-же хотя и спал пока, но карябал грудь ногтями, мучаясь с закрытыми глазами, а потом сразу приподнялся и боязливо закричал.

— Ты чего испугался? — спросил Воцев, приближаясь на помощь.

— Крыса в груди грызется!

Чиклин встал на привычные ноги и умело взгляделся в тело Козлова, где находилась крыса; Чиклин захотел ее спокойно убить.

— Рот зажми! — сказал он Козлову. — И живот схвати руками, а то она выскочит. (Я ей сейчас как дам, так она будет пополам.)

Козлов бережно сжал рот и вдавил рукой живот, чтоб крысе было туже выходить, но вдруг почувствовал свою внутренность свободной и сердце легким.

— Она — вбнна! — показал он на свой пиджак, которым прикрывал ноги.

Чиклин с твердой силой ударил босой подошвой по пиджаку, но место под ним было пусто.

— Ушла! — обнаружил Чиклин.

Козлов грустно обиделся.

— Я вот теперь, как говорится, заявление в охрану труда подам — крысы рабочему сердце грызут.<sup>11</sup> (л. 33—34)

— Крысы, товарищ Пашкин! — сказал ему Козлов. — Они мне сердце, как говорится, грызут и грызут.

Пашкин никогда не спешил отвечать, чтобы люди видели его думающим, а отвечал небрежно: пусть сущность его слова действует сама по себе.

— Где крысы? Зачем они придут сюда? Ведь у вас женщин нету — грязи заводить некому! Ты наверно спишь с надбавкой — и тебе снятся животные.

Тут же был санврач! А если крысы, организуйте кружок совпиахима и травите любую тварь — практикуйтесь против буржу-

---

<sup>11</sup> НМ. С. 62. Между «Не успев еще почувствовать всего счастья (...) чтобы слышать птиц и шаги пешеходов.» и «После общего пробуждения...» Данный фрагмент текста воспроизведен в новомирской публикации в примечаниях (С. 120—121).

азии на мелочи!... Это даже хорошо, что хоть крыса будет, — как вы не понимаете!

— Мы понимаем, — с уважением сообщил Сафронов. — Нам деваться некуда, приходится все понимать.

Морщась от забот и привычной осведомленности, Пашкин обошел своим шагом жилое помещение, изучая невзрачным взглядом гигиеничность и кубатуру, — и нашел условия приличными: ведь пролетариат еще только делает себе существование, так что требовать ему блага не с кого. Пашкин угрюмо знал почти все, и даже скучал: <sup>12</sup> (л. 34—35)

(— Пойдет-ли дождь, товарищи, или снег начнет падать вниз — вам надо убежденно держаться против.) <sup>13</sup> (л. 36)

После Пашкина Козлов сел кушать печенку со вчерашним хлебом, который Сафронов называл не черствым, а всего лишь холодным. И другие тоже с'ели пищу, чтобы приобщить свое тело к силе, а затем к труду. Только Чиклин и Вошев ничего не ели; Чиклин находился в глубине соседнего оврага, (и глядел оттуда вверх, в тишину и теплоту; там образовывался свет солнца и в томлении неслася горячая муть. Маленькая трава, принявшаяся по суглинку, уже поникла в одури, истощенная собственным размножением, хотя ей и самой незачем было расти. «Труден белый свет», — полагал Чиклин, тоскуя в то утро.

Прошло кое-какое, ненужное время, и Козлов издали позвал Чиклина есть печенку и работать. Чиклин пошел, не зная, почему ему так скучно и тревожно, словно что-то чужое находится внутри; может потому, что он только копает ежедневно землю, а общественно не активен, может быть оттого, что родню забыл и скрывается в мире один.) а Вошев стоял на пустыре около котлована и слушал, как пели в городе красноармейцы одну и ту же песню:

Сухарики — чупчики,  
чуп—чи—ки...

Эту песню он слышал еще в детстве, ее пели солдаты русско-японской войны. И теперь ее поют, — и одинаково, как в то давнее время, небо было покрыто туманной жарой, а солнце пустынно светило над всею безлюдной ветхостью земли. Значит Вошев зря проживает жизнь — она не меняется, она как замершее детство и в ней нет истины на конце. Вот видна одна изба в поле — если кто и живет там, то стихийно, а не по сознанию, и уж не может организовать колхоз. Горе всеобщего состояния начинало мучить Вошева, он чувствовал всю наружную жизнь, как свою внутренность, и хрипел горлом, открыв рот для сообщения.

<sup>12</sup> НМ. С. 62. Между «Он имел уже пожилое лицо (...) почти все знал или предвидел.» и «Ну, что ж — говорил он обычно во время трудности...» Данный фрагмент текста также воспроизведен в новомирской публикации в примечаниях (С. 121).

<sup>13</sup> НМ. С. 63. Между «Пусть сейчас жизнь уходит (...) для будущего неподвижного счастья и для детства» и «Пашкин глянул вдаль — в равнины и овраги...»



— Чиклин, а где-ж марксизм? Кругом слабые места и одно пустое, вечное время, — у меня опять здоровье пропадет...

— Да вот именно-то! — сказал Чиклин — Тут дом нужен, а тут порожняк лежит, поневоле у тебя нужда свербит. Но мы управимся, мы всю пустоту загромоздим.

Вощев глядел на низкое туловище Чиклина, всю жизнь молча обращавшее харчи в рытье земляных ям, и взял лопату, чтобы трудиться близь него. Козлов, стараясь не думать и не считать жизни, резал лопатой глину и клал ее наверх; он хотел-бы еще и не чувствовать, чтобы опомниться лишь вечером или во сне. (Козлову хотелось хотя бы частично сберечь в своем теле сердце и дыханье в груди для краткого будущего счастья) Сон для Козлова и всех мастеровых был почти главной жизнью — в нем они забывались для сбережения тела, там они видели мир уже доделанным до конца и им оставалось краткое счастье существования и медленное дыхание в груди; часто во сне они поворачивались вниз лицом, чтобы спать теснее к земле, глубже и безвозвратней. Просыпался Козлов, как обманутый, и первые часы работал в раздражении, но тем более не жалея себя, потому что ничего еще не закончено и не сбылось, (а кругом него сплошная отсталость масс) и можно умереть, не дождавшись. Когда-же Козлов ослабевал от глины, то падал пролетарской верой и шел внутрь города — писать опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты, с целью организованных достижений; при истощении тела Козлов стремился развивать ум, чтоб не пропасть для общественной полезности.<sup>14</sup> (л. 37—39)

(— Я видел однажды, когда-то давно, — говорил Прушевский, опустив скромную голову, — одного милого мне человека, и вот хочу его опять увидеть... Я заметил<sup>15</sup>

— Ну, и что-ж. Живи и смотри: где-нибудь ты его заметишь.

— Чего я хочу! — сказал Прушевский равнодушно.)<sup>16</sup> (л. 60)

(Так как ты теперь будешь наблюдающим лицом, вроде классового пастуха, то не допускай никакого пунктира нашей линии, а веди ее толстым путем)<sup>17</sup> (л. 65)

(— Что ж ты, Климентов,<sup>18</sup> так обманул меня? — говорил изредка Вощев. — Каждый выходной день я тоскую своей мыслью о бессмысленности, а ты обещал мне с Сафроновым)<sup>19</sup> (л. 67)

<sup>14</sup> НМ. С. 63. Между «— Не вижу здесь никакого конфликта (...) оставил Козлова без утешения.» и «До самого полудня время шло благополучно...»

<sup>15</sup> Далее в тексте помета А. Платонова: «передать фразу.»

<sup>16</sup> НМ. С. 71. Между «Если вечером ему опять покажется страшно (...) пусть лучше говорит.» и «Но Прушевский не ответил...»

<sup>17</sup> НМ. С. 73. Между «Прощай, — сказал ему Сафронов (...) в служебные учреждения» и «Козлов и сам умел думать мысли...»

<sup>18</sup> В рукописи фамилия Климентов исправлена на фамилию Чиклин за исключением редких фрагментов, вычеркнутых автором на первоначальном этапе работы.

<sup>19</sup> НМ. С. 73—74. Между «Вощев, как и раньше, не чувствовал истины жизни (...) как факты меланхолии любого живущего дыхания» и «И по вечерам, которые теперь были темнее и дольше...»

«— Сколько годов старались работать и все в срезёк выходило: ни барышей, ни убыли, — одно и то-ж, что и не копать, — один, стало быть, дух. Вот тогда и заметили враз, что (нрзб)»<sup>20</sup> (л. 70)

«Чиклин вошел в это последнее убежище, и стал на месте, услышав человека.

— Помажь мне еще, — сказала женщина.»<sup>21</sup> (л. 71)

«Чиклин стоял, и на него от неподвижности нападала утомительная тоска. Время постепенно совершалось в тишине, медленное как печаль и терпение.»<sup>22</sup> (л. 72)

— Нукчтож,<sup>23</sup> — сказал Чиклин. — (Раз ты ее дочка, то будешь жить вместо нее: твое-же тельце от нее пошло, скучать тебе нечего. Ты сейчас-то чувствуешь мать?)<sup>24</sup> (л. 75об.)

«Уже прежде ее рождения здесь находился старый подвал; и когда она, живая и горячая, бегала, росла и танцевала, кирпич, окружающий теперь ее, был на том же месте и ожидал в сырости»<sup>25</sup> (л. 77)

«— А как-же ты родилась? Наука резко от советской власти свой принцип возьмет, чтоб догнать и перегнать»<sup>26</sup> (л. 78об.)

...их ноги ступали с силой жадности, а телесные корпуса расширились и округлились, как резервуары будущего, — значит, будет еще будущее, значит настоящее несчастно, и — далеко до конца. Вид этих тревожных женщин доставил Прушевскому терпение на свое дальнейшее неизъяснимое существование, вплоть до ближайшей сознательной гибели. Явившись в техническую канцелярию работ, Прушевский сел за составление проэкта своей смерти, чтобы скорее и надежней обеспечить ее себе. После окончания проэкта Прушевский устал и спокойно уснул на диване. Назавтра ему осталось составить лишь объяснительную записку к проэктору, а затем найти достаточно прелестную женщину для однократной любви с ней; после удовлетворения любви, к Прушевскому всегда приходило

---

<sup>20</sup> НМ. С. 75. В середине фразы между «— Тут, дорогой человек, констервация,» и «— советская власть сильна, здешняя машина тщедушна...»

<sup>21</sup> НМ. С. 75. Между «За тою дверью находилось забытое {...} на полу керсиновая лампа.» и «Чикину было неизвестно...»

<sup>22</sup> НМ. С. 76. Между «Девочка сознательно молчала {...} рот лимонной шкуркой» и «— Туши свет, — сказала старая женщина...»

<sup>23</sup> Так в рукописи.

<sup>24</sup> НМ. С. 78. Между «— А моя мама через загородку не перелезала, а все равно умерла!» и «Буржуйки все теперь умирают.»

<sup>25</sup> НМ. С. 79. Между «Прушевский не мог отойти от покойной» и «Легкая и горячая, она некогда прошла мимо него...»

<sup>26</sup> НМ. С. 80. Между «— Я никто, — сказала девочка» и «— Отчего же ты никто? Какой-нибудь принцип женского рода...»

нормальное желание скончаться, и такой же точный расчет он сделал и теперь.<sup>27</sup> (л. 81)

И теперь Пашкин гордился Козловым — он верил в тот близкий день, когда весь пролетариат примет образ авангарда своего: это и будет социализм. Поэтому Пашкин всюду показывал Козлова, как образцовый элемент активиста, зародившегося в массах умелым профсоюзным руководством. Благодаря наличию Козлова, Пашкин уж не смущался более Жачева: он знал, что Жачеву надо дать лишь должность, хотя бы сборщика членских взносов, и он перестанет требовать масло у ответственных лиц, ибо сам будет накануне питания жирами.<sup>28</sup> (л. 86)

Но Прушевский узнал удовлетворенье не от масштаба, а от того, что землекопы так же быстро истомят жизнь в котловане, как он сам умрет; ему лучше было иметь друзей мертвыми, чем живыми, чтобы затерять свои кости в общих костях и не оставить на дневной поверхности земли ни памяти, ни свидетелей — пусть будущее будет чуждым и пустым, а прошлое покоится в могилах — в тесноте некогда обнимавшихся костей, в прахе сотлевших любимых и забытых тел.<sup>29</sup> (л. 89)

Чиклин начал ему говорить, и активист занес его в кадр в течение часа; Вощеву же он дал другую нагрузку — перещупать в ночь всех кур и тем определить к утру наличие свежеснесенных яиц.

— У меня рука велика, я не справлюсь, — произнес Вощев.

— Ты что — по узкому месту равняешься? — сокрушительно удивился активист. — Кто есть на свете — партия или ты?

— Его нет, — ответил про Вощева мужик с желтыми глазами; дотоле он стоял молча, а теперь испугался.

Вощев попробовал себя руками за тело и решил: надо ли мне перестать думать, пускай живет что-то общее; чего ради мучиться для одного своего корпуса: велик он, что ли? Согнувшись для меньшего размера и бесчувствия, Вощев скрылся на куриное дело.<sup>30</sup> (л. 92)

...но наверно грачи пожелали отбыть заблаговременно, дабы пережить в солнечном районе организованную колхозную осень

---

<sup>27</sup> НМ. С. 82. Между «Женщины ходили медленно, несмотря на свою молодость, они, наверно, гуляли и ожидали звездного вечера» и «На рассвете в контору пришел Чиклин...»

<sup>28</sup> НМ. С. 84. Между «Он так и не узнал, что эту должность получил по ходатайству самого заведующего, который учитывал не только ярость масс, но качество яростных» и «Спустившись с автомобиля, Козлов с видом ума...»

<sup>29</sup> НМ. С. 85. Между «Пашкин, заметив счастье инженера, тоже стал доволен, потому что почувствовал настроение инженерно-технической секции своего союза» и «Прушевский пошел к Чиклину...»

<sup>30</sup> НМ. С. 86. Между «— Ступай, — ответил активист. — Только скажи мне свои данные, я тебя в мобилизованный кадр зачислю» и «Активист наклонился к своим бумагам...»

и возвратиться потом к всеобщему учрежденному затишью.<sup>31</sup>  
(л. 95)

...А курей ты проверил?

— Всю ночь щупал — ни в одной птице нету яйца.

Активист сосредоточился; его помощники тоже соответственно задумались, — неужели птица подкулачница?

— Надо заготовить всех кур, сделать их мертвыми и съесть, — продумав мысль, заявил один из активного состава.

— А петухов ты заметил? — спросил активист.

— Их нету, — сказал Вошев. — Один человек лежал на дворе и мне говорил, что ты последнего съел, когда шел по колхозу и вдруг почувствовал голод.

— Нам важно выяснить, кто съел первого петуха, а не последнего, — объявил активист.

— А может первый сам издох! — дал догадку помощник активиста.

— Как же он сам издохнет? — удивился активист. — Разве он сознательный вредитель, что ль, что сам будет в такой момент умирать? Пойдем сквозной допрос делать: тут другая база лежит.

И все встали и пошли искать того вредного едока, который истребил ради своего питания первого петуха. Вошев и Чиклин тоже двигались вслед активу.

— Дело серьезное, — говорил Чиклин: — без яиц дети отощат и своего возврата не возьмут!

— Конечно, — подтвердил Вошев, а сам томился, потому что был согласен жить до смерти без куриного яйца, лишь бы знать основное устройство всего мира.

Миновав с точным допросом, давшим лишь пассивные результаты, дворов десять, актив устал и прислонился к одной избе подумать — как быть дальше. К активу уже успели присоединиться еще человек сто, и вся эта масса явно горевала о съеденном каким-то неизвестным ртом первом петухе, отчего погиб и последний. Чтоб куры не скучали, — их взяли на руки и носили с собой, лаская ладонью по перу. Куры разгнездились в руках, но были довольны.

Вскоре весь колхоз был на глазах активиста, благодаря тому дисциплинарному расчету, что лучше тыща человек сделает сто шагов, чем один пройдет пять верст.

— Где ж петух, товарищи? — почти что равнодушно обратился активист ко всем прильнувшим к нему. — Откуда ж у нас яйцо выйдет, если наша птичья масса не имеет в своей среде продуктивного руководства?

Население колхоза, скрывая мысль, молча стояло близь своего актива и грустно опустило свое общее лицо; одна же баба начала тихо обмокать слезами, а потом так разошлась и расстрадалась, что вся опустилась и ее пришлось устранить в чулан.

<sup>31</sup> НМ. С. 88. Между «На том месте собрались грачи для отлета в теплую даль...» и «Еще ранее отлета грачей...»

Грачи, бывшие невдалеке отсюда, поднялись и улетели в другие края; некоторые мужики поглядели на грачей, но иные не стали глядеть, так как грачи все равно вернуться, сколько они не ищут чего-то вдалеке, а мужикам же неподвижно хорошо.

— Где ж петух, граждане?.. — Заунывно пытал активист. — Значит вы так угождаете советской власти? А знаете ли вы, что такое расколхозивание? Имейте ж в виду, что это вам будет не раскулачиванье, когда каждый неимущий рад! Я и неимущего расколхозу: бедноты на нас хватит и без вас!

Весь класс стоял и не мог ответить на один вопрос. Бесплодные куры начали тихо стенать в руках; из дальней природы пришел остуженный ветер и пошевелил остаточную листву на местном дереве.

— А ведь петуха-то нету! — скорбно сказал активист.

— И—их, не—ту! — произнесла ближняя пригорюнившаяся баба.

Активист очнулся от влияния окружения и быстро пошел в канцелярию, а за ним управились уйти и все другие, организационно-действующие люди. Остался один Чиклин, который не хотел, чтоб в колхозе получилось отставание в развитии из-за одного петуха.

— Да что ж это на самом деле: долго у вас петуха не будет?! — сказал он.

Один участник колхоза пошевелился в массе, что-то проговорил там, но от бессознательности или тесноты вновь замер.

— Кто там двинулся — выйди ко мне! — позвал Чиклин.

Вышел небольшой, но старый уже человек, в шапке и штанах, а рубашка его сохла после стирки где-то на плетне. Он держал на ладони птицу, вроде обгаженного коровой цыпленка, и подавал ее Чиклину.

— Вот, товарищ, ублюдочек у нас родился, — и уж тому года четыре, как он потихоньку растет!

— Что ж это такое: петух, что ль?

— Да можно считать что почти-что!

— Ну тогда пускай он трудится! — заключил Чиклин и отправился на сельсовет.

Из дома, где жил актив, выносили знамена; сам же активист шел позади, ибо он не хотел спешить на вечное расставание с мертвыми товарищами.

Ему не стало удивительно, когда Чиклин донес сведения об открытом петухе; активист знал и так, что под его руководством совершится всякий передовой факт и петух тоже будет.<sup>32</sup> (л. 99—101)

⟨Чиклин, увидев это, дошел до активиста и узнал от него — к чему те бревна.

— К утру очищаем колхоз ото всех капиталистических тенденций, — сказал активист. — Ступай сколачивай бревна в один

<sup>32</sup> НМ. С. 89. Между «...все пойдут в организованный котел, ты ничего не узнаешь» и «Близ мертвых в сельсовете...»

блок, как выйдет плот, так сажай на него весь гнусный класс и отправляй его прочь по речке.

Чиклин сейчас же пошел делать кулацкий плот, чтобы Насте уж не пришлось быть батрачкой у зажиточных.)<sup>33</sup> (л. 118)

Активист боялся меж тем упустить вниз настроение колхоза; чтобы того не случилось, он заиграл музыку своими губами и, все равно, колхоз затанцевал под эти звуки рта. Елисей, замерший было в наставшей тишине, вновь двинулся топтаться и плясать, и весь сплоченный на дворе народ по-прежнему зашумел от своего, нечувствительного еще, но уже необходимого счастья.

Когда активист уже захрипел от долгой губной игры, а люди все не утихали и двигались туловищами, Чиклин крикнул в колхоз:

— Чуete ли вы что?

— Чуем, — ответил колхоз.

— А чего ж вы чуete?

— Мы всё чуем, только себя — нет.

Чиклин поглядел на эти мнения и мечты и сошел с крыльца вниз, чтобы тоже поплясать, как он плясал когда-то в молодости с девушками под веточками.

— Играй, актив, сурьезней, чтоб нам радость была с жалостью пополам!

Активист заиграл громче и заставил Прушевского тоже петь губами — себе на помощь.

Чиклин, очутившись в густоте людей, забыл про все остатки своей жизни и так часто заработал ногами, что снег под ним исчез, а сырая земля высохла. Елисей приблизился к Чиклину и старался не отстать от него в усердии счастья, но не управлялся. Чиклин же все более смотрел на Елисея и терял силу танца, пока не стал на месте вовсе. Елисей, не замечая, топтался дальше и не моргал остывшими глазами. Чиклин тогда схватил его, не зная, как остановить человека, и Елисей повалился на него, невольный и обмерший. Чиклин опустил Елисея к земле; Елисей молча и редко дышал, глядя таким пустым взглядом, точно сквозь его тело прошел ветер и унес теплое чувство жизни.

— Тебе гадко? — спросил Чиклин.

— Мне — никак, — мог сказать Елисей.

Чиклин покрыл ему своей шапкой глаза, чтоб Елисей никуда не глядел, и забыл сам про себя. Активист дал еще несколько звуков, а потом смолк, ибо у него опухли губы и, главное, заболело сознание от напряженного дыхания. Но народ не оставил своего всеобщего танца — он уже так привык к постоянному темпу радости, что топтался по памяти. «Пускай поликуют!» — подумал Чиклин, прошептав эти слова.

Он отошел к Жачеву, который приютился под плетнем и прижал к себе Настю, согревая ее животом и грудью; увечный даже поднял

---

<sup>33</sup> НМ. С. 96. Между: «...им заранее активист дал указание на этот труд» и «Чиклин тоже пошел за трудящимися...»

кверху свою рубашку, дабы ребенок полностью пользовался его телесным теплом. Девочка уже глубоко спала, и Жачев был доволен, что он бережет и греет не задумчивую идею, которую забываешь во сне, а будущего, неизвестного человека, дышащего вблизи него.

— А где Воцев? — спросил Чиклин, наклонившись к уроду от шума безмолвно пляшущего колхоза.

— Спит должно, где-нибудь, — сказал Жачев. — Такая сволочь нескоро издохнет.

— Нет, ему давно не спится, — произнес Чиклин.

— Знает, что живет зря, вот и не спит, — объяснил инвалид.<sup>34</sup> (л. 133—134)

Уложив весь колхоз спать, Жачев проследил еще, чтоб никто не двигался более, а одному колебнувшемуся сделал для успокоения удар в голову окамельком ноги, отчего колебнувшийся уснул. Лошади, видя такое, стали пятиться с Оргдвора, а на улице бросились вскачь в свою общую загородку.<sup>35</sup> (л. 134)

Колхоз непоколебимо спал на Оргдворе; члены как свалились, уложенные Жачевым, так и находились без удобства. Лицо Елисея по-прежнему было покрыто шапкой Жачева, и сам Жачев забыл про этот убор.<sup>36</sup> (л. 136)

— Пускай, — сказала Настя. — Он встанет и будет жить старичком: Сталин ведь прогнал всех буржуев, Ленину теперь хорошо!<sup>37</sup> (л. 137)

«Или я хуже рабочего зверя, что он живет и чует, а я мучаюсь,» — подумал Воцев накануне сна. «Отчего я забыл смысл, ведь я его кажется знал?»<sup>38</sup> (л. 137)

Девочка могла бы быть и дочерью Чиклина, мать ее даже хотела, чтоб было так, но все равно ребенок едва ли был бы лучше и разумней; зачал девочку наверно такой же, как и Чиклин, мастеровой человек, стало быть, плоть в ребенке из одного классового котла, а если кто и радовался ласкам умершей женщины, то эти ласки не есть квалификация ребенку, это не человечество.<sup>39</sup> (л. 144)

---

<sup>34</sup> НМ. С. 106. Между «...предоставит ли радио бедноте утешение и прозвучит ли для него самого откуда-нибудь милый голос» и «Полночь, наверно, была уже близка...»

<sup>35</sup> НМ. С. 107. Между «Жачев даже сожалел, что они, наверно, не чувствуют его рук и враз замолкают» и «— Где же Воцев?..»

<sup>36</sup> НМ. С. 108. Между «...река шевелилась в обжитых сельских берегах» и «В Оргдоме горел огонь безопасности...»

<sup>37</sup> НМ. С. 109. Между «Он науку ждет — воскреснуть хочет» и «А я б Ленину нашел работу».

<sup>38</sup> НМ. С. 113. Между «Воцев приник к молотобойцу, согрелся и заснул» и «На улице вскочил всадник...»

<sup>39</sup> НМ. С. 114. Между «Настя немного подросла и все более походила на мать» и «— Я так и знал, что он сволочь...»

Чиклин велел Жачеву и Елисею разжечь огонь, а сам пошел за костями в убежище на кафельном заводе; ведь едва ли кто унес оттуда мертвую женщину.

Спустившись в заводской подвал, куда приходил и Прушевский когда-то, Чиклину долго пришлось отнимать камни от дверного входа, который он сам заваливал для сохранности покойной. Спичек у Чиклина не имелось, и он нашел женщину ощупью; сначала он коснулся ее волос, таких же свежих как и при жизни, потом потрогал весь скелет до ступней, — она вся была еще цела, только самое тело исчезло и вся влага высохла. Унести скелет целиком было трудно, тем более, что скрепляющие хрящи давно завяли; поэтому Чиклину пришлось разломать весь скелет на отдельные кости и сложить их, как в мешок, в свою рубашку. В рубашке, после помещения туда всех костей, еще осталось много места, — настолько женщина была мала после смерти.

Настя сильно обрадовалась материнским костям; она их по очереди прижимала к себе, целовала, вытирала тряпкой и складывала в порядок на земляном полу.<sup>40</sup> (л. 148)

...только слышно было, как Настя шевелила мертвыми костями...<sup>41</sup>  
(л. 148)

Чиклин сложил кости к Настиному животу, укрыл ее потеплее двумя пиджаками и сказал на прощанье:<sup>42</sup> (л. 149)

Погибнет ли эсесерша подобно Насте или вырастет (так!) в целого человека, в новое историческое общество? — это тревожное чувство и составляло тему сочинения, когда его писал автор. Автор мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего.

К о н е ц.<sup>43</sup>

---

<sup>40</sup> НМ. С. 117. Между «...я хочу их!» и «Чиклин сел против девочки...»

<sup>41</sup> НМ. С. 117. Между «Иногда вдруг наставала тишина...» и «...но затем опять пели вдалеке...»

<sup>42</sup> НМ. С. 118. Между «Мне так скучно стало сейчас!» и «Спи, может, ум забудешь.»

<sup>43</sup> Ф. 780, оп. 8, л. 135. Рукописная страница, выполненная автором и добавленная им в машинописный текст повести «Котлован».



## ОБОРОТНАЯ СТОРОНА «КОТЛОВАНА»

ОЧЕРК АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО  
(ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАМЕНСКУЮ ПИСЧЕБУМАЖНУЮ ФАБРИКУ)»

*(Вступительная статья и примечания Т. М. Вахитовой)*

Автограф «Котлована», хранящийся в РО ИРЛИ (ф. 780, № 7), представляет собой рукопись, исполненную карандашом на тонкой некачественной бумаге разного формата. Некоторые страницы рукописи написаны на обороте машинописных текстов самого автора.

Среди них можно обнаружить разрозненные страницы трех редакций повести «Город Градов» с правкой редактора, начальные страницы очерка «Огни Волховстроя», фрагменты киносценария «Песчаная учительница», маленький рассказ «Ночное чтение», начало статьи «О постройке нового человека», технические таблицы, литературоведческие задания по сравнительной характеристике повести А. С. Пушкина «Выстрел» и повести И. С. Тургенева «Отцы и дети», обращение в сценарный отдел фабрики «Совкино». На обороте л. 10 рукописи «Котлована» записано название новеллы «Смысл жизни» и приведен эпиграф: «Сюжет не нов, повторено страданье». Н. Вошкив. 1867». И весь этот текст зачеркнут рукою автора.

Особое место в этом материале занимает машинопись целого, законченного и подписанного Платоновым произведения. На обороте л. 136—147 авторской пагинации и л. 100—112 архивного хранения существует очерк «В поисках будущего. (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)». Очерк, судя по датировке некоторых фактов, приведенных в тексте, написан в мае 1929 года. (На с. 8 очерка автором указано, что «за первую четверть 1928—29 года ... Каменская фабрика произвела бумаги на 38% больше задания и на 28 рублей дешевле за тонну».)<sup>1</sup>

Весь корпус материалов, расположенных на обороте автографа Платонова, представляет уникальную ценность для исследования биографии писателя, литературного быта, творческой истории отдельных произведений и, самое главное, для уяснения контекста «Котлована», зарождения и формирования его замысла из сложного переплетения сопутствующих и предваряющих работу вещей самого разного (публицистического, технического, литературоведческого) характера.

Для данной публикации очерк «В поисках будущего» выбран не случайно. Во-первых, это самый большой и законченный текст из всех обнаруженных на обороте рукописи. До настоящего времени он был неизвестен исследователям творчества Платонова. Во-вторых, этот очерк помогает прояснить общественную и социальную позицию писателя в 1929 году, о которой много спорят платоноведы. В-третьих, публикация этого материала позволяет сделать выводы об особенностях идейного замысла и поэтики «Котлована», которая во многом представляется загадочной и странной.

<sup>1</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, № 7, л. 104 (с. 8).

Очерк Андрея Платонова создавался в разгар очередной политической кампании, организованной под руководством партии в «Литературной газете». Ее девизом был лозунг: «Писатели — на фабрики и заводы».<sup>2</sup> Именно с этого времени на советского читателя обрушился шквал производственного очерка. Как известно, писательские бригады выезжали на новые промышленные стройки, посещали старые заводы, сумевшие наладить работу по новым социалистическим принципам. «Литературная газета» постоянно информировала общественность о создании писательских бригад из представителей разных литературных групп и объединений, публиковала лучшие, по ее мнению, очерки под рубрикой «Писатели на фронте социалистического соревнования». С июня по октябрь 1929 года появились на ее страницах очерки Н. Огнева, В. Катаева, П. Павленко, А. Караваевой, А. Исбаха и др. Очерки М. Горького, Вс. Иванова, М. Шагинян, Ф. Гладкова украшали газетные полосы официальных «Известий».

Имя Платонова не упоминается в этих сообщениях, а очерк «В поисках будущего» так и не появился на страницах центральной прессы. До сих пор неясно, кто командировал писателя в Тверскую губернию на Каменскую бумажную фабрику и для какого издания предназначался этот очерк. Возможно, Платонов весной 1929 года намеревался принять участие в литературном конкурсе рассказов и очерка, проводимом журналом «Смена» на тему «Молодежь в социалистическом строительстве». Срок предоставления рукописей, как было указано в объявлении о конкурсе,<sup>3</sup> ограничивался 1 июля 1929 года. Правдоподобность этой версии подтверждается тем, что в состав жюри конкурса входил Г. З. Литвин-Молотов, учитель Платонова, его первый редактор, выступивший в Москве в издательстве «Молодая гвардия» два его сборника «Епифанские шлюзы» (1927), «Сокровенный человек» (1928).<sup>4</sup> В жюри конкурса входили А. В. Луначарский, Г. Лебедев (АППО ЦК ВЛКСМ), Я. Ильин (ред. «Комсомольской правды»), И. Найдис (АППО МК ВЛКСМ), В. Ашмарин, Г. Ярцев (ред. журнала «Смена»), Ник. Богданов и Марк Колосов (комс. писатели).<sup>5</sup>

Весьма интересна история этого конкурса. Как сообщалось в журнале «Смена»,<sup>6</sup> по просьбе авторов срок предоставления рукописей был продлен до 1 октября 1929 года. Однако после 1 октября до конца года итоги этого конкурса так и не были подведены, и в тексте журнала не обнаруживается никаких следов столь рекламируемого в начале года «творческого смотра молодых сил». Очерк Платонова после октября 1929 года становился вовсе неконкурентоспособным, ибо после опубликования «Усомнившегося Макара» («Октябрь», 1929, № 9) и разгромной критики, последовавшей после публикации, писатель находился в опале. По-видимому, очерк «В поисках будущего» оказался погребенным в архивах «Смены» наряду с другими материалами «периода реконструкции».

Возвращенный из небытия, этот текст Платонова обнаруживает удивительную близость с производственным очерком тех лет. Любопытно, что новая модификация очерка на производственную тему в большинстве своем повторяла композиционные черты очерка традиционного — этнографического. Производственный очерк, как правило, был построен в жанре «путешествия» (по фабрике, заводу, стройке). Б. М. Эйхенбаум, размышляя о движении литературы в то время, писал: «Современный быт должен предварительно пройти сквозь литературное оформление вне

<sup>2</sup> Лит. газ. 1929. 22 апр.

<sup>3</sup> См.: Смена. 1929. № 5; Правда. 1929. 19 апр.

<sup>4</sup> См.: «Меня убьет только прямое попадание по башке». — Материалы к творческой биографии Андрея Платонова 1927—1932. Очерк творчества Н. В. Корниенко // Новый мир. 1993. № 4. С. 104.

<sup>5</sup> Смена. 1929. № 5.

<sup>6</sup> Там же. № 13.

фабулы, в виде очерков и фельетонов, чтобы стать сюжетоспособным. Недаром наши газеты заполняются сейчас своего рода „письмами русского путешественника“, в которых описываются „глазами проезжего“ не только страны далекие, как Ташкент, Сибирь, Кавказ, но и хорошо нам знакомые — Псков, Киев, Полтава, Волга. Целый поток этнографических и нравоописательных очерков — и в лодке, и пешком, и на лошадах».

«Оформление» рабочего быта происходило в традиционных рамках, поэтому писатели пользовались устоявшимися, стандартными приемами. Почти каждый очерк начинался с описания индустриального пейзажа, затем шли диалоги с рабочими, инженерами, профактивистами, ударниками соревнования в разных точках этого пейзажа, сообщались «этнографические» сведения о новом, рабочем быте, демонстрировались цифры и диаграммы, а в заключении формулировался общий вывод в духе «боевого напряжения и плановости». Менялись производственные объекты, которые посещали писатели, но тип очерка оставался неизменным. Иногда, в лихорадке почина, он и вовсе превращался в схему, тиражируемую прессой под разными названиями. Против такого утилитарно-описательного очерка выступала М. Шагинян, отмечая негативные «традиции» «внешнего собирания материала», «неточности, порождаемой полужнанием», «воспевания нутра против системы, всякий раз тщательно замаскированного в защитный цвет «бодрости», «оптимизма», «героического подъема».<sup>8</sup>

И вместе с тем устоявшаяся традиционная форма давала широкий простор писателям для проявления своей творческой индивидуальности. Несмотря на жесткую конструкцию, все определял своеобразный угол зрения писателя (от земли, «сверху», «сбоку»), умение выбрать своего героя, построить диалог на неожиданной координате, стремление ввести в текст свои излюбленные мотивы и темы. Успех очерка на заданную тему не в последнюю очередь зависел от языка и стилистики автора, способного перевести производственные и бытовые проблемы на уровень художественного и исторического осмысления.

Жесткий социальный заказ, который ввергал писателей всех группировок, вплоть до полупутчиков, в очерковую стихию, в целом, разумеется, регламентировал литературу. Горький, к примеру, требовал от авторов журнала «Наши достижения» статей только одного определенного типа, «типа упрощенного очерка, сжатого, фактического, без излишних украшений от беллетристики, без крикливых газетных заголовков».<sup>9</sup> Сложные человеческие судьбы, противоречивые общественные процессы плохо вмещались в «тип упрощенного очерка», и текст Платонова со всей очевидностью и наглядностью это доказывает.

Очерк Платонова был посвящен рабочим Каменской бумажной фабрики, известным в то время всей стране своим социалистическим почином. Они первыми откликнулись на вызов представителей ленинградского завода «Красный Выборжец» принять участие в социалистическом соревновании. 19 марта 1929 года в газете «Правда» появилось письмо рабочих Каменской фабрики, в котором, в частности, говорилось: «Мы, рабочие, служащие и инженерно-технический персонал, обращаемся с вызовом ко всем писчебумажным фабрикам СССР последовать нашему примеру — снизить себестоимость и дать Союзу советских республик первомайский подарок — 7% снижение себестоимости и 17% повышение производительности труда. В первую очередь вызываем фабрику «Сокол» и «Балахнинскую».

<sup>7</sup> Эйхенбаум Б. М. Мой временник. Л., 1929. С. 126.

<sup>8</sup> Шагинян М. О пятилетке и писательском соревновании // Лит. газ. 1929.

5 авг.  
<sup>9</sup> Горький М. О том, как надобно писать для журнала «Наши достижения» // Известия. 1929. 23 авг.

Каменцы сдержали свое слово, и за успехи в соцсоревновании получили в подарок радиоустановку и 100 000 рублей на постройку жилого дома.<sup>10</sup> Эти факты лежали в основе очерка Платонова, хотя он и не обмолвился об этих событиях в тексте, рассчитывая, что читатель знаком с ними по газетной периодике.

Нетрудно заметить, что Платоновым был точно соблюден канонический жанр производственного очерка тех лет. Он также был построен по принципу «путешествия», как, впрочем, и все другие его произведения рубежа 20—30-х годов, начиная с «Сокровенного человека» и до «Ювенильного моря». В процессе этого путешествия автор встречался и с отрицательным героем (Лазенков) и находил своего положительного (Свешников), рассказывал читателю о молодой смене («башковитых» пионерах и энтузиастах-фабзавучниках) и беседах с «пожилым инженером». В очерке затронуты постоянные для этого периода жизни темы бюрократизма, рационализации и изобретательства, содержатся размышления о труде и «социалистической оценке» действительности, о машинном производстве и рутинном крестьянском земледелии. В заключении очерка, как и положено, был сделан вывод о том, что «революция (...) создала высокий образец рабочего человека — с чувством труда как телесной надобности и с отношением к фабрике как к своему двору, средству связи коллектива и драгоценного источника жизни, взамен бесплодного земельного надела».

Затронутые Платоновым «темы дня» существовали как бы в формальных рамках тех лозунгов, о которых говорил в апреле 1929 года в речи на пленуме ЦК «О правом уклоне в ВКП(б)» И. Сталин, таких как «лозунг самокритики, лозунг заострения борьбы с бюрократизмом и чистки советского аппарата, лозунг организации новых хозяйственных кадров и красных специалистов, лозунг усиления колхозного и совхозного движения, лозунг наступления на кулака, лозунг снижения себестоимости продукции и коренного улучшения практики профсоюзной работы, лозунг чистки партии и т. д.»<sup>11</sup>

По мнению вождя, «они — эти лозунги — составляют необходимые звенья одной неразрывной цепи, называемой наступлением социализма против элементов капитализма».<sup>12</sup> В цепи этого «наступления», осуществляемого самыми жесткими и кровавыми методами, не последнюю роль играла идея соцсоревнования как фактор воспитания и организации массы. В то время эта идея носила живой, творческий характер, отражая во многом наивное стремление людей сделать труд творческим, созидательным, целенаправленным, способным принести благо каждому рабочему, целому коллективу, предприятию, которое они считали своим, всей стране. Сталин лично держал под контролем соцсоревнование и следил за отражением его успехов в печати. В предисловии к книге Е. Микулиной «Соревнование масс», которое было незамедлительно напечатано в «Правде»,<sup>13</sup> он писал: «В последнее время участились в нашей печати статьи и заметки о соревновании. Пишут о философии соревнования, о возможных результатах соревнования и т. д. Но редко можно встретить такие заметки, которые изображали бы сколько-нибудь свяно собою картину того, как проводится соревнование самими массами, картину того, что переживают миллионные массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают дело соревнования своим собственным, родным делом».<sup>14</sup>

Самая задушевная идея очерка Платонова связана со стремлением показать именно таких рабочих, для которых труд, дело, профессия, свой завод составляют

<sup>10</sup> Колпинский А. Пятилетка Каменской бумажной фабрики. М.; Смоленск, 1931. С. 17.

<sup>11</sup> Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 11.

<sup>12</sup> Там же. С. 13—14.

<sup>13</sup> Сталин И. Соревнование и трудовой подъем масс // Правда, 1929. 22 мая.

<sup>14</sup> Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 111.

смысл «существования», кровную необходимость, родственную обязанность. Не случайно он упоминает о том, что рабочие относились к фабрике «как к своему двору», а главный герой и вовсе «окончательно женился на фабрике».

Очерк Платонова с характерным для такого времени названием «В поисках будущего» волею судьбы или случая оказался помещенным на обороте самых мрачных страниц «Котлована». На одной из них (последней странице очерка) были размышления о «высоком образце рабочего человека», о «драгоценном источнике жизни», «судьбе всего пролетарского дела», а на ее обороте — рассказ о еще теплом мужике, лежащем в гробу под лампадой, в которую он самолично изредка подливал масло. «Мужик, — писал Платонов твердым, уверенным подчерком, — изо всех своих сил останавливал внутреннее биение жизни, а жизнь от долголетнего разгона не могла в нем прекратиться».

Факт этого парадоксального соседства, разумеется, случаен, но и он требует своего объяснения. Почему в творчестве Платонова в 1929 году происходит такое резкое эмоциональное, идейное, эстетическое разделение публицистики и художественного текста? Почему при столь очевидной, даже физической близости очерка и повести столь различен их пафос?

Ответ на эти вопросы содержится в самом очерке, который лишь на первый взгляд представляет собой полную противоположность «Котловану». Оставаясь в границах жанровой нормы, соблюдая тематику времени, учитывая социальный заказ и руководящие указания партии, Платонов как бы изнутри взрывает традиционное содержание введением нетрадиционных тем, мотивов, образов. Этот диссонирующий слой легко и наивно захватывает в свое поле многие болезненные, сложные и просто опасные в те времена проблемы, которые любой доброжелательной критике уже было не под силу рассматривать по разряду самокритики.

Только что отзвучала речь Сталина на апрельском пленуме ЦК и ЦКК, где были намечены стратегические линии наступления на капиталистические элементы, определены главные точки приложения силы, и тотчас же эта программа оказалась пародией в устах «артиста устного слова» Лазенкова, который заявил: «Дайте мне чертеш социализма и сырье — я вам в одну смену сделаю и обличу его...» Большая часть речи Сталина была посвящена идейному разгрому «правого уклона» в лице Бухарина, Рыкова и Томского. И на этот факт откликнулся Лазенков: «Раз уклон — катись под откос, нервная стерва!» В таком же ерническом стиле возникает в монологе этого героя и страшная тема Лубянки, куда приносят сведения об оппозиции. Лазенков обнаружил ее с «задней» стороны, «потому что революция — вождь отсталости и смерть измене!» Сталин обнаружил оппозицию рядом с собой, «справа», а Лазенков считает, что она находится «сзади», за ним, видимо, в самой гуще народной жизни. Не случайно он кричит: «Да здравствует оппозиция!» на трамвайной остановке, «где стоит хороший народ». И на этот «хороший народ» он бежал доносить в «монолитный дом» на Лубянку, за что и получил свои «серебряники» — пятнадцать копеек на дорогу.

Этот «опасный» текст завуалирован рассказом героя о мешке угля, который он по просьбе своей «бабы» украл с производства. История похищения и перевозки злополучного мешка отвлекает внимание читателя от политических сопоставлений и придает монологу исключительно бытовой и наивно-комический характер. Для усиления этого эффекта Платонов вводит в заключительные строки эпизода рассуждения персонажа о том, любил ли Карл Маркс рыбу и можно ли довести до Москвы «пепел на папиросе целиком». После отвлекающего маневра автор очерка дает оценку Лазенкову — «явный лодырь, сочинитель, профессиональный безработный и артист устного слова». За словами этой общей характеристики остаются без авторского комментария как политическое ерничанье Лазенкова, так и главное его открытие о том, что оппозиция находится с «задней» стороны. Тщательное сокрытие

этих крамольных мыслей, балагурная, двусмысленная лексика, отсутствие авторской оценки позволяют сделать предположение о том, что в уста лодыря и проходимца Платонов вкладывает свои сокровенные размышления.

Уже тогда, в начале 1929 года, писатель иронично относился к партийной борьбе, прожектерской политике руководства, ощущая мощный напор оппозиционных настроений народа. Сейчас, когда опубликованы некоторые из многочисленных обращений крестьян и рабочих в самые высокие инстанции, понятно, что каждый простой труженик, обладавший определенным здравым смыслом, в те годы уже понимал антинародную сущность власти, ее демагогию, цинизм и жестокость. «Скажите, что вы сделали за 11 лет? — обращался один из корреспондентов в газету «Правда» в апреле 1929 года. — Безработица, миллионы людей гибнут на биржах, голодные, выброшены из заводов, и учреждений, весь народ за исключением коммунистов стонет под гнетом большевиков, ни писать, ни говорить правды нельзя — посадят в тюрьму, а потом еще и расстреляют. Это факт. Гнет царизма бледнеет перед гнетом большевизма, так говорят все крестьяне и рабочие».<sup>15</sup> Об этом Платонов, разумеется, знал, и знал не понаслышке, работая в 1929 году в Наркомате земледелия. Возможно, что и в Тверской губернии он побывал по мелиоративным делам.

Первый эпизод платоновского очерка — встреча с Лазенковым — является своеобразным эпиграфом, где выдуманный, «чужой» персонаж, окарикатуривая и опошляя главные тезисы сталинской речи, иносказательно утверждает мысль о народной оппозиции власти. Известно, что Платонов любил придумывать эпиграфы к своим произведениям, пряча свое авторство за цитатами из несуществующих текстов. Монолог Лазенкова, не связанный с темой и сюжетом самого очерка, написан в иной стилистической манере, манере «Котлована», поэтому его значение не исчерпывается прагматическими задачами — показать отрицательного героя, а приобретает более глубокий, обобщенно-философский смысл.

Не приходит ли в противоречие этот «эпиграф» с дальнейшим текстом очерка, где рассказывается о социалистическом труде на Каменской фабрике? На этот вопрос с уверенностью можно ответить отрицательно, ибо Платонов нашел удивительное предприятие, работа которого определялась не бюрократами, не администрацией, не партийными лидерами, а исключительно рабочей инициативой. Фабрика привлекла внимание писателя не только потому, что о ней сообщала центральная пресса как об организаторе социалистического соревнования, но и потому, что сами рабочие, наперекор власти, сумели отстоять предприятие и не позволили его закрыть. Трудно поверить, что так могло случиться, но трудовой коллектив взял дело в свои руки, наладил производство бумаги, организовал работу самым рациональным способом. На этом «отдельно взятом предприятии» рабочие являлись не мифическими, а реальными хозяевами завода и своей жизни. «Там, где половина рабочих оставила тридцать лет самой благородной поры своей жизни, — замечал Платонов, — там дело не только в зарплате — там дело в хозяйском чувстве к фабрике и полном праве на нее». Если простого труженика не понукать, не дергать, не «администривать», то он спокойно и обстоятельно сумеет обустроить жизнь вокруг себя. Для этого нужно еще одно важное условие — «дать ему средства в виде целого государства». Платонов в очерке утверждает, что рабочему такие средства «дали». Однако из дальнейшего текста ясно, что средства могут в любой момент отнять, фабрику закрыть, людей выкинуть на улицу, лишив хлеба, «хозяйского чувства», «чувства смысла жизни из сердца».

---

<sup>15</sup> «Проклятия крестьян падут на вашу голову...» — Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928—1930 годах / Публ. Т. М. Вахитовой и В. А. Прокофьева // Новый мир. 1993. № 4. С. 171.

Писатель на рубеже 20—30-х годов четко понимал, что в советской России происходит процесс «отчуждения» собственности, считаемой общей и социалистической, от мира реальных тружеников в пользу чиновничьей бюрократической верхушки. Позже, в записных книжках 1934—1936 годов встречается такая запись: «Горе великого врем(ени) в том, что пролетариат завоевал власть (частично, смешанно, но едко, отравленно) для оригинальной, удивительной) формации буржуазно-аппаратной демократии...»<sup>16</sup> Эта «буржуазно-аппаратная демократия» пользовалась плодами труда рабочих и крестьян, вершила их судьбы, ввергая их в хаос бессмысленного существования.

Опасность такого течения событий подметил и запечатлел Платонов в очерке 1929 года. Свешников, положительный герой очерка, боится, что его насильно «отправят в деревню», и он «выйдет с мертвой душой — вместе с номером у него отнимут в проходной будке чувство смысла жизни из сердца, последний способ сообщения с людьми. Он вновь очутится среди сырой, голодной природы, как в юности очутился без бога и покоя». Страх Свешникова оказался-напрасным, фабрику не закрыли. Однако проблема осталась без разрешения, ибо закрывались другие заводы и фабрики, разорялись из-за непомерных налогов крестьянские хозяйства, и в зону вселенской заброшенности, экзистенциального одиночества погружалась ранее трудоспособная и активная часть народа. Эта тема представлялась Платонову самой важной в то время, он слегка ее коснулся в очерке и сделал предметом художественного анализа в «Котловане». Очерк, несмотря на социалистический пафос, обнаруживает парадоксальную близость с «Котлованом».

В очерке вдруг возникают такие знакомые по «Котловану» темы самоубийства и смерти, поиска веры и истины. Оказываются в чем-то очень близкими герои очерка и повести. Рабочий Свешников с Каменской фабрики, опасаясь, что он с увольнением с работы потеряет «чувство смысла жизни» удивительно напоминает Вощева, уже потерявшего и работу, и истину. Инженер, с которым беседует автор очерка об улучшении производительности труда, рассуждает о человеке, у которого есть ум, сердце и настроение, с той нотой грусти и печали, которая сближает его с Прушевским. И даже летун и рвач Лазенков своей хитрой терминологией схож с мастером научного разговора о социализме — Сафроновым. Размышления Платонова о «пустой душе крестьянина», о земле, «не отвечающей человеку плодом и урожаем на его труд», предваряют деревенские сцены «Котлована». Возникнут на страницах «Котлована» и пионеры, побывавшие на экскурсии на Каменской фабрике.

В недрах производственного очерка о людях, нашедших смысл существования в коллективном, социалистическом труде, уже реально ощущается замысел повести о людях, потерявших этот смысл в связи с утратой или неимением возможности приобщиться к такому созидательному творчеству. «Человек же без труда, — пишет Платонов в очерке, — без узла жизни, связавшего его с человечеством и природой, делается сухой былинкой, колеблемой ветром нужды и теснотой одиночества». Именно такие люди являются героями «Котлована».

При жизни писателя ни очерк, ни повесть не увидели свет. И это весьма показательно. Платонов обладал каким-то удивительным, «опережающим», художественным мышлением. В очерке о победителях соцсоревнования присутствовал метафизический замысел противоположного характера, и это присутствие осложняло восприятие текста, затрудняло постижение простых и ясных вещей.

Повесть «Котлован», лишенная предыстории, казалась неясной, мрачной, не соответствующей пафосу эпохи. И только сейчас публикация очерка «В поисках будущего» представляет исследователям возможность детального сопоставительного

<sup>16</sup> Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек 1927—1950 // Огонек. 1989. № 33. С. 14.

анализа этих текстов для выявления замысла и концепции «загадочной» повести Платонова. Выявление и публикация других архивных материалов представляется первоочередной задачей современной науки.

## А. Платонов

### В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

#### (ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАМЕНСКУЮ ПИСЧЕБУМАЖНУЮ ФАБРИКУ)

В нашей стране любят предъявлять документы: это не только остаток тех прошлых лет, когда мы по метрикам и всеми способами делили людей на врагов и товарищей: полный подробный документ — есть рабочая биография, где записано трудовое сочинение целой жизни. Это сочинение дорого потому, что труд — безымянный: на кирпичах и на писчей бумаге нет фамилии работника: и нет ему славы, кроме документа. Особенно такая вещь дорога для бродячего рабочего, который сроду живет без семьи и знает фамилии заведующих биржами труда от Ленинграда до Свердловска.

Матвей Семенович Лазенков был именно из таких. Он остановился передо мной в сосновом лесу, где я сидел для наблюдения Каменской писчебумажной фабрики. Наставала весна — на меня что-то капало с деревьев и кругом пахло сырým теплом. По обоим<sup>1</sup> сторонам лесной реки стояла фабрика, оттуда изредка доплывал сюда острый мертвящий газ серной кислоты. На станции Кувшиново<sup>2</sup> серьезным голосом прогудел паровоз и одновременно у него зарычал паровой предохранительный клапан: паровоз уходил в трудный подъем с предельным давлением в котле.

В природе было хорошо, но как-то тревожно. Очевидно, весна есть эпоха трудностей и для живого мира. Быть может ежегодно растения и звери тратят на свое создание и обновление столько же сил, сколько людям потребно на устройство социализма. Но ведь природа все же устраивается однажды в год, значит и мы сумеем устроиться раз в век.

Здесь предстал недалеко Матвей Семенович. Я думал, что он сейчас вынет из кармана музыкальный инструмент и сыграет мне за плату, или покажет фокусы с картами и кольцом, такую профессию обозначало его острое приветливое лицо походного артиста. Но он предъявил мне свои долголетние документы, и я с уважением прочитал про восемнадцать профессий гражданина Лазенкова. Матвей Семенович следил за мной, пока я читал и лицо его принимало форму высшего превосходства и трогательного чувства к самому себе — за многообразие своего рабочего искусства; он мог делать бетон наравне с производством челноков для швеймашин. Я оплошал перед ним и выразил ему свое почтение. Он сразу ослаб от своих

<sup>1</sup> Так в машинописи Платонова.

<sup>2</sup> В 1938 году поселок Кувшиново был преобразован в город (Край Тверской, наш край Калининский. Калинин, 1988. С. 8).



благородных чувств и вытер слезы на бледных глазах универсального рабочего. Но это было лишь введение в еще большие человеческие чувства, а именно: Матвей Семенович Лазенков достал из своего мешка две бутылки водки на одну сухую рыбу. И мы слегка выпили с ним под весенним солнцем, уже уверенные в своей дружбе.

Немного погодя Матвей Семенович уже произносил беспокойную речь — лесу и мне:

— Я — резервная сила ээра! Дайте мне чертеж социализма и сырье,— я вам в одну смену сделаю и облицую его... Что там в газетах пишут — тут уклон, там перекося! Раз уклон — катись под откос, нервная стерва! Царап его — и ваших нет, а наши тут!...

Матвей Семенович говорил ртом из внутренних чувств, а голова его сидела на плечах и больше слушала, чем думала.

— Ты слушай дальше! Была у меня баба в Москве, а я в пекарне тогда помаленьку тесто жег. Пристала ко мне баба: принеси, говорит, мне углей мешок, я чай пить привыкла. Привыкла — так пей: несую ей углей, а у трамвая стоит хороший народ, стоит и ждет. Вдруг у меня удар в сердце, и я — царап! — да здоровствует оппозиция!..

Еду я дальше — стою уже на передней площадке с угольным мешком, как депутат какой. Доезжаю до Лубянки и иду в монолитный дом. А там барышня сидит и меня спрашивает: с какой стороны вы чувствуете оппозицию? — С задней, говорю,— потому что революция вождь отсталости и смерть измене! — Ах, с задней,— говорит мне барышня,— ну, тогда идите отсюда к шутам! — Не пойду, говорю, мне ехать не на что, а я человек утомленный! Барышня мне вынимает гривенник и дает.— Не хватает, предупреждаю я,— еще копейку давай — мне полторы станции ехать! — И она мне еще пятак без сдачи дает. А угли мои внизу лежат. Как-бы, думаю, стражники там самовар не начали ставить: пожгут угли, моя баба с ума сойдет. Оказывается, нет — угли целы и даже запечатаны, как судебное вещество. Приехал я домой и стал пить кипяток из новых углей, а на другой день взял и ушел из пекарей в кочегары...

Кругом стало скучнее — испарения земли застали солнце и ветер начал работать на лесных вершинах, поскрипывая терпеливой древесиной. Матвей Семенович несколько угомонился — он занял рот рыбой.

— Говорят, Карл Маркс рыбу любил,— произнес Матвей Семенович.

— Любил,— сказал я.

— И я люблю,— сообщил Матвей Семенович.— Говорят, в Москве теперь все по карточкам дают, а у меня в документах паспорта не хватает. Паспорт дадут без карточек, иль нет?

— Дадут,— сказал я и закурил.

— Говорят, кто пепел на папиресе целиком в Москву доставит, тому рубль дадут...

— Нет,— ответил я.

Оплошность у меня проходила: передо мной сидел явный лодырь, сочинитель, профессиональный безработный и артист устного слова. В Москве Лазенков никогда не был и профессий накопил потому,

что его отовсюду увольняли, а он поступал дальше на новые предприятия. Свое несчастье он выдал мне за личное квалифицированное достоинство и высоко увлекся передо мной, забыв, что он уже отсох от рабочего класса.

— Ты врешь,— сказал я ему.— Ты ничего делать не умеешь. Накопил отметки и ходишь хвастаешь,— ты не рабочий...

Матвей Семенович со злобой затосковал: видно, что ему тоже трудно; сам про себя он знал, кто он такой — неумелый, слабый и ненужный.

— Значит, я дурак? — спросил он у меня.

— Нет, ты не один дурак,— ответил я ему.— Ты еще, во-вторых, вредный.

— А зачем тогда наша республика дураков рождает? — перехитрил меня Лазенков. — Какая-же это тогда республика, мать твою в эсер?!

— Ты — не республика,— отклонил я Лазенкова от своего отчества.— Республика у нас рабочая, а ты не рабочий. Тебя республика никогда не рожала, ты живешь одному себе на потеху, а рабочим — для лишних расходов.

С быстротой слабохарактерного человека Лазенков потерял свое прежнее настроение и захотел быть искренним.

— Значит, я — эгоист и больше ничего! Убивать таких надо рабочей рукой... Лазенков растрогался, втайне ожидая моего сочувствия.

— Придется убивать,— сообщил я.

Здесь Матвей Семенович образумился: он рассчитал, что мир велик и меня можно потерять навсегда и без убытка, напрасно он тратил свое вино на меня. Лазенков спокойно собрал остатки рыбы и встал.

— Будь здоров — сказал я Матвею Семеновичу.

— Некчему: таких убивать надо,— и Лазенков тронулся дорогой на Ржев.

\* \* \*

После Лазенкова я вошел на Каменскую писчебумажную фабрику. А Матвей Семенович шел сейчас где-то по лесной дороге в город Ржев, хотя ему было мало смысла достигать этого Ржева. Его путь не имел значения на своем конце, но он будет идти всю жизнь в поисках легкой пищи и развлечения, пока не упадет в межевую яму от смертельного утомления. Хорошая жизнь делается трудно: я видел, с каким терпеливым напряжением рабочий засовывает еловые деревья в патрон рубильной машины и та машина со зверской энергией электрического привода рубит дерево в мелкую щепу. Рабочий человек не шел по лесной дороге, он стоял на месте и заставлял идти вперед по движущейся ленте изрубленный лес. Где-то на конце фабрики лес окончательно превращался в бумагу и тетради, бумага и тетради исчезали за ограду фабрики и возвращались к рабочему рубильного патрона в виде книг и грамотных детей, ка-

рябающих свои первые лозунги на (отцовской чистой)<sup>3</sup> тетради. Отец лишь вырабатывал чистое (место для помещения) ума маленького нового человека. Бумага, (конечно, делается) не из одного искрошенного дерева. К этому (основному материалу) прибавляются химические вещества (гарпиус, (клей)), глинозем и др. Производство бумаги требует много (пара, воды) и энергии. Один пионер, ходивший по (фабрике с экскурсией) заметил, что лучше-б было пустить повсюду (воды побольше), а химии поменьше.

— Почему? — спросил пионера фабричный специалист.

— Потому что вода течет в речке, а кислота нет.

— Ну и что же?

— А тоже, что тетрадка стоит пятак: ее (враз испишешь), а отец потом дает три копейки, — (говорит — денег нету). Может и нету, — отчета дома не ведут, проверить (не получится). Специалист и я почувствовали какое-то (угрызение совести) и свою общую отсталость перед этим юным (будущим человеком). — Если-б в реке текла химия, тогда-б надо воды поменьше, закончил пионер свои указания с (обратного конца).

В целлюлозном отделе фабрики стояли (большие бутылки) с какой-то желто-красноватой жидкостью, (называемой селеном). Раньше эту жидкость, как побочный (продукт, ненужный сам) по себе для производства бумаги (спускали по канавке вон из) фабрики. Еще до указания пионера, селен (начали собирать в) посуду, сосчитав, что этот селен может (дать фабрике около) полумиллиона в год добавочного дохода. (Селен представляет) собой ценное вещество для электротехни(ческой и химической) промышленности и стоит 2—3 тысячи рублей (один килограмм). Каменская же фабрика в год дает около 200 (килограммов этого) селена. Теперь дело стоит за тем, чтобы этот селен перевести из бесформенного состояния в кристаллическое и тогда он будет иметь свою полную рыночную стоимость. Селен отходит из нашего уральского колчедана, и надо подумать вообще — нельзя ли поставить его независимое прямое производство, кроме обязательного сбора на всех советских бумажных фабриках. Селен, вероятно, может стать и предметом вывоза за границу.

Детское указание пионера — воды побольше, а химии поменьше получило, кроме дела с селеном, еще и прямое исполнение в том отделении Каменской фабрики, где производят клей-гарпиус. Каменские химики-бумажники прочитали однажды во французском журнале о новом экономном способе приготовления гарпиуса. В журнале, понятно, была помещена лишь осведомительная заметка: инженер такой-то делает опыты там-то, чтобы проклейка бумаги стала дешевле. Трое специалистов Каменской фабрики составляют собственный проект, делают опытную варочную установку и терпят полный успех предприятия. Именно: новый способ дает экономию гарпиуса на 40%, иначе говоря, наименьшее сбережение фабрики

---

<sup>3</sup> Текст в скобках реконструирован публикатором.

на клее равняется 100 тыс. руб. в год и школьник уже сможет получать тетрадь за 4 коп. вместо 5. Эта каменная копейка сделает лишние тысячи людей грамотными и равноценна ежегодной постройке двух—трех десятков хороших школ. Если-же помножить каменскую копейку на всю советскую бумажную промышленность, то эта копейка станет целым колесом культурной революции.

Для самих рабочих новый способ производства клея также выгоден: он требует меньшего трудового напряжения и допускает применимость низкой квалификации.

В ролловом отделении в одной из машин каменцы увеличили число работающих планок, и ролловая машина стала работать экономней на 9.000 руб. в год. Но это было не очень удивительно, поскольку в русском рабочем всегда было много ума, не хватало лишь средств: теперь ему дали средства в виде целого государства — и он действует. Гораздо загадочнее была гидравлическая вымывка целлюлозы, вместо ручной, потому что новый способ вымывки несколько не влиял на производительность труда. Почему же этот способ тогда ввели? Дело в том, что у нас машина дороже человека; с машиной нельзя плохо обращаться — она перестанет работать, а с человеком — можно, он перетерпит за счет лишнего расхода своего тела и своей жизни. Однако, не всюду так. На Каменской фабрике вводят и такие улучшения, которые полезны не для машин и производительности труда, а для самого рабочего: здесь уже человек получил социалистическую оценку. Фабрику начинают устраивать так, чтобы она лучше отвечала душе и настроению рабочего и не тратила его нервов, бдительности и мускулов. Только для этой цели введена гидравлическая вымывка целлюлозы на смену ручной. И все-же здесь еще мало отличий от других наших лучших предприятий.

\* \* \*

Кругом Каменской фабрики росли леса и жили деревни, в деревнях существовали крестьяне, которые пахали, сеяли и жали среди обычного средне-русского пейзажа. И было непонятно, почему здесь рабочий производит бумагу вдесятеро дешевле, чем на Сясьской фабрике: природа и люди там едва-ли хуже. Я проходил по фабрике и рассматривал рабочих: они попадались лишь изредка среди ущелий предприятия.

Пожилой бумажный мастер стоял у вращающихся барабанов и глядел на них с некоторым сомнением: он не был уверен, что нельзя заставить вращаться еще быстрее. Однажды он это уже сделал. Он сел среди сменившейся бригады старых рабочих и сказал им: рабочий человек может стать и мухой и слонем, — чем захочет; с мухой и паук управится, а слон сам деревья корчует. Фабрикант Кувшинов<sup>4</sup> в Америку ездил, чтобы не ослабеть в производстве, но загодя

---

<sup>4</sup> Каменская бумажная фабрика принадлежала генералу Дупелю, который в 1866 году проиграл ее московскому купцу М. Г. Кувшинову. (*Колпинский А.* Пятилетка каменской бумажной фабрики. М.; Смоленск, 1931. С. 3).

утонул на корабле «Титанике», а нам в Америку ездить дорого, нам приходится по дешевке самим думать.

Бригада молча слушала мастера: она уже кое-что понимала.— Барабаны идут тихо,— говорил мастер.— Сменив шкив на электромоторе, дадим барабанам настоящий ход — нам бумага нужна скорее. У нас сейчас год недостатков, вы знаете,— я не учу, а разговариваю. Лучше разговора будет гнать машины... Страшно вам или так себе?

Мастеровые не испугались. Отчего не испугались — было непонятно: лишний труд всегда влечет сокращение жизни, он заменяет самоубийство. Но у бригады имелся свой расчет: год недостатков сейчас можно превратить в близкий век благополучия, если истратить этот год на труд (и более скорых машин). И еще было нечто у этой бригады, что не оплачивается и пока неизвестно.

Барабаны пустили быстрее, бумаги с них стало получаться на 20% больше. Другие бригады подравнялись к этой первой бригаде, потому что сочли для себя позором тихий ход машин).

«Нас ведут в социализм машины: дадим машинам полный ход!»

Этот каменский лозунг исполнили сами каменцы.

— Отчего вы умные и честные, а на Сяси дураки? — был спрошен один рабочий-каменец.

— Дураку виднее, у него спроси,— ответил каменец.— Разница идет не от умного, а от глупого: мы ее не чувствуем.

Вечером я читал планы и расчеты фабрики. В расчете стоимости одной тонны бумаги за первую четверть 1928—29 года сказано, что Каменская фабрика произвела бумаги на 38% больше задания и на 28 рублей дешевле за тонну.

\* \* \*

Фабрика работает день и ночь — под солнцем и под луной. От этого и ночью не хотелось спать: близко находятся люди, которые бодрствуют и трудятся среди жары машин.

Обеспокоенный окружающей энергией, я вышел в поселок на поиски истины высокого производительного труда,— истины, утраченной на многих хорошо оборудованных предприятиях.

Каменские изобретения еще не выделяют каменскую фабрику из всех других фабрик: рабочий у нас всюду изобретает; в изобретательстве есть самозащита рабочего от страдания труда,— тем, что труд делается похожим на искусство и тем, что в изобретениях есть обещание обогнать потребление производством — и вырваться из порочного круга вечной работы.

Я искал не изобретения, не умелых администраторов, а среднего каменского рабочего, чтобы перенять его качества для других.

Кругом лежали тощие, тверские почвы. Землю здесь не обожают — за ее безответность; тверская земля не отвечает человеку плодом и урожаем на его труд — и крестьянин, живущий земледелием, ходит гол, бос и зол. Душа крестьянина тоже пуста — землю ему любить не за что, а больше — некого. Другие люди счастливей его: у них есть труд, это средство соприкосновения с миром и

людьми,— люди и мир их кормят за труд; и самое место труда делается любимым и священным, как любимая земля в черноземных губерниях. Человек же без труда, без узла жизни, связавшего его с человечеством и природой, делается сухой былинкой, колеблемой ветром нужды и теснотой одиночества.

Георгий Никанорович Свешников почувствовал себя ненужной тряпкой, когда Каменскую фабрику хотели закрыть семь—восемь лет назад.<sup>5</sup> Юношей, разрушив веру в бога, он так-же потерял связь с миром и думал о преждевременной смерти, но у него не было оружия для смерти, а позже он начал читать Кропоткина, Бебеля, Маркса и постепенно увязался с людьми новым прочным способом.

На Каменской фабрике он стоял за ролловой машиной и вдруг его почти попросили оставить место и идти домой. А хата его находилась среди бесплодных болот. Фабрика была его кормилицей, он уже успел снять с земли свою душевную привязанность к ней и направил ее на фабрику. Если его отправят в деревню, Свешников выйдет с мертвой душой,— вместе с номером у него отнимут в проходной будке чувство смысла жизни из сердца, последний способ сообщения с людьми. Он вновь очутится среди сырой, голодной природы, как в юности очутился без бога и покоя. Тогда Свешников взял и заплакал: вместе с ним плакал весь рабочий Каменский район.

Здесь рабочие ясно разгадали, что индустрия — их кормилица и притом — единственная, а где хлеб — там и любовь и прочие чувства.

Фабрику оставили работать. Мастерские в нее вцепились, как крестьяне в землю. Там, где половина рабочих оставила тридцать лет самой благородной поры своей жизни, там дело не только в зарплате,— там дело в хозяйском чувстве к фабрике и в полном праве на нее.

Лет пять назад Георгий Никанорович Свешников потерял в деревне всякий причал — он продал по дешевке усадьбу замужней сестре и переселился в фабричный поселок, словно окончательно женился на фабрике. Около половины каменцев также навсегда утратили свою родину — деревню, а остальные желают того-же.

— А как у вас в фабкоме и ячейке? — спросил я у Свешникова.— Там у вас бюрократизм или вообще слабо? Бумаги для планов и резолюций им хватает?

Свешников не понял формы вопроса — он жил наивно в обетованной земле.

---

<sup>5</sup> Эпизод с закрытием фабрики описывается в брошюре А. Колпинского следующим образом: «Вредительство в бумажной промышленности крепко ударило по фабрике в 22—23 гг., вредителям удалось настоять на уничтожении в Каменке древесно-массного завода. Оборудование его было передано фабрике «Сокол» и Троицкой фабрике быв. Калужской губернии. Уничтожение древесно-массного завода нарушало принцип замкнутого древесно-целлюлозно-бумажного комбината, давало возможность вредителям ставить вопрос о закрытии Каменки, как нерентабельной, и только благодаря огромному возмущению каменских рабочих против консервации Каменки, фабрика осталась жить» (Там же. С. 4).

— Там-же мы сидим: выбираем и меняемся, мы почти по очереди должности несем.

— Ах, так,— понял я с облегчением.— Так просто?

— А еще чего тебе? Мы просто рабочий класс, нам некогда суетиться.

— Кто у вас инженеры? — спросил я дальше.

— Один есть рабочий с высшим образованием по технике, а другие — более пожилые.

— Как работают пожилые?

— Так-же, как и рабочий. Инженеры — у них ум искусственный, они знают больше.

— Почему больше, вы-же работаете тридцать лет? Вы знаете по бумажному делу все.

— У них весь кругозор в голове, а у меня одна фабрика. Он знает, отчего колчедан в горах растет, он что и к бумаге не касается может сюда-же для пользы присоединить.

После я был у инженера. Инженер имел спокойное, удовлетворенное лицо, работал он без спешки, но непрерывно.

— На чем у вас основаны отношения с рабочими? — был задан вопрос специалисту.

— На производственном уважении. Работать с опытными рабочими можно только имея тоже опыт в голове и практику в руках. Плохой инженер будет здесь на другой-же день изолирован и сам уедет.

— Трудно вам?

— Нет. Мы мало администрируем, мы больше улучшаем машины и условия труда. Это заменяет управление. Главным образом, я лично считаю, надо постоянно облегчать условия труда — постепенно делать труд бытовым, нормальным чувством. Вы видели гидравлическую вымывку целлюлозы?

— Видел. Почему вы говорите, что сделать труд бытовым — это главное?

— Потому что половина успеха всякого предприятия всегда было и будет психология рабочего: у человека есть сердце, ум и настроение — вот в чем дело. Остальная половина успеха — машины, сырье, организация и т. д. С машинами легче — у них нет настроения, у них есть только конструкция и состояние... А вообще-то говоря, сейчас трудно. Все время чувствуешь под собой рабочий подпор и сам должен подниматься, а когда поднимаешься — труднее удержаться и легче слететь... Это слегка страшно, но интересно...

— У вас твердые кадры рабочих?

— Да. Основной состав мастеровых почти не меняется.

Раз так, то молодежь из ФЗУ на Каменке наверное плохо себя чувствует: у нее нет хороших профессиональных перспектив. При очень слабой текучести рабочего состава трудно получить работу и трудно продвигаться по лестнице квалификации. Такое мнение о ФЗУ Каменской фабрики — ошибка. Молодежь там учится с доверчивой яростью, потому что она молодежь и слабо боится завтрашнего дня. Это бесстрашие не бессознательное. Фабзавучи уже

знают о беспорядках на Сяси, о том, что на «Соколе» и на Балахне хуже, чем на их фабрике. И ученики ФЗУ имеют свой разумный, государственный проект: на Сясь и на другие новые фабрики послать с их фабрики группы опытных рабочих, чтобы они там «орабочили» и «раскрестьянили» свеженабранную рабочую силу. Один ученик так нечаянно и сказал: «На Сяси мало „рабочих“, там одна „рабочая сила“». Уехавшие каменские рабочие получают на новых фабриках повышение, а на самой Каменской фабрике получится передвижка снизу вверх и освободятся места для окончивших фабзавучей. Если дать такую перспективу Каменскому ФЗУ, то само ФЗУ тоже, как и фабрика, станет образцовым, потому что настроение учеников, как и рабочих, есть половина успеха их занятий. Кроме того, новые фабрики получают настоящее рабочее ядро из лучшего советского питомника мастеровых-бумажников. Пролетариат должен расширяться и воспитываться за счет освоения выходцев-крестьян лучшими рабочими. Многие каменцы совершенно разделяют мысль о живой помощи новым бумажным фабрикам. «В середине рабочего сословия мы полные хозяева, а жить все равно где,— сказал один мастеровой. А затем добавил для полноты: — Хотя мы и наружи тоже хозяева помаленьку».

Свешников глядел поверх очков в газету, не доверяя стеклу. Его сын, фабзавучник, говорил мне о том, что на севере, на Сяси, природа хороша — он туда обязательно поедет потом на работу. Еще ему нравился город Монреаль — за свою тайну и отдаленность, но поехать туда придется не раньше мировой революции: и сын Свешникова вздыхал — такой город пропадает без него. За окном жила ночная лунная тишина. Лишь иногда пройдет рабочий на смену или тревожно попросит далекий паровоз тремя свистками тормозов на уклоне. В районе Каменской фабрики не знают хулиганства и никто не помнит, когда было последнее убийство. Настоящий социалистический труд, органическое отношение к производству — уже сами по себе образуют бытовую культуру.

Близ станции Кувшиново, Белорусской дороги, революция так сумела использовать природные и исторические условия, что создался высокий образец рабочего человека — с чувством труда как телесной надобности и с отношением к фабрике, как к своему двору, средству связи коллектива и драгоценному источнику жизни, взамен бесплодного земельного надела. Страна строится заново — создаются не только новые заводы, но и несуществовавшие люди, способные понять, что мы бедны от великих затрат на социализм, способные заплатить годами за века и работать с напряжением ревности друг к другу и со страхом за судьбу всего пролетарского дела (л. 136).



**В. Ю. Вьюгин**

## **ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУКОПИСЬЮ РОМАНА «ЧЕВЕНГУР»**

(ОТ АВТОБИОГРАФИИ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБОБЩЕННОСТИ)

### **1. Автограф романа**

Автограф романа Андрея Платонова «Чевенгур» хранится в архиве Пушкинского Дома (ф. 780, ед. хр. 34). Большею частью он написан карандашом на нелинованной бумаге, ровным, достаточно четким почерком — всего 383 листа. Рукопись не является единой авторской сводкой или беловым списком. Она составлена как бы из различных фрагментов. Одни из них помещены на листах хорошего качества, плотных, двойных. Другие — на одинарных и на пожелтевшей тонкой бумаге несколько меньшего формата. Фрагменты отличаются и по характеру правки. Часть текста — довольно значительная — представлена машинописью.

Даже при первом взгляде на рукопись создается впечатление, что фрагменты, из которых она состоит, вначале существовали отдельно и, скорее всего, принадлежали другим художественным произведениям. В каждом из них можно отыскать чисто текстологические особенности, не свойственные остальным (собственная «внутренняя» нумерация, относящаяся к тому произведению, которого был взят фрагмент, особый формат листов).

Платонову пришлось в значительной степени переработать тексты, для того чтобы они слились в единое целое: устранить несогласующиеся детали и образы, ярче обозначить сходные мотивы. Пришлось написать ряд новых фрагментов, которые могли бы выступить в роли «логических переходов» между некогда разрозненными отрывками. Все «логические переходы» (иногда небольшие, иногда довольно объемные) помещены на тонких листах желтоватого оттенка и одинакового формата. Без сомнения, они создавались на одном из поздних этапов работы над романом.

В рукописи романа существует несколько иное деление текста, чем в машинописном или опубликованном<sup>1</sup> вариантах. В отличие

---

<sup>1</sup> В Пушкинском Доме хранится одна из машинописных копий «Чевенгура» (ф. 780, ед. хр. 35).

Все ссылки на опубликованный текст романа в статье даются по изданию: Платонов А. П. Чевенгур. М.: Художественная литература, 1988.

от последних в рукописи почти не встречаются пробельные строки. Текст разделяется знаками, напоминающими римские цифры, которые трудно прочесть, или словами «Новая глава». Впервые это рабочее название («Новая глава») Платонов использует, чтобы обозначить границу между «Происхождением мастера»,<sup>2</sup> своеобразным прологом к «Чевенгуру», и дальнейшим повествованием.

Платонов вел отдельно счет страниц и счет листам. Это было необходимо, потому что в автографе роман имеет как бы два начала. Сразу после «Происхождения мастера» счет страниц обрывается и тут же, с «Новой главы», открывается вновь как с первой.

Пролог романа («Происхождение...») написан с двух сторон на сорока листах плотной нелинованной бумаги. Начало же «Новой главы», первая и вторая ее страницы, помещено уже на листах более тонких, заполненных только с одной стороны. Эти две страницы представляют собой первый «логический переход», встречающийся в рукописи «Чевенгура». Он связывает «Происхождение...» с отрывком из «Новой главы», который мы предполагаем рассмотреть более подробно.

«Переход» содержит рассказ о пребывании Александра Дванова в уездном городе Новохоперске, куда он был направлен партией в самый разгар гражданской войны. В сюжетном отношении он почти сливается с указанным отрывком, повествующим о возвращении Дванова из Новохоперска домой (условно назовем этот фрагмент «Новохоперск» по названию пункта, ставшего отправной точкой путешествия героя).

## 2. Фрагмент «Новохоперск»

Даже при поверхностном просмотре рукописи этот фрагмент сразу привлекает внимание. В нем впервые встречаются зачеркнутые номера страниц, никак не связанные с основной нумерацией в «Чевенгуре». В нем особенно обильна авторская правка: вычеркнуты абзацы, исправлены имена и названия, сделаны многочисленные мелкие исправления стилистического характера. В результате же всего этого мы обнаруживаем в рукописи две значительно отличающиеся друг от друга редакции фрагмента «Новохоперск» — начальную, принадлежащую какому-то раннему неизвестному платоновскому произведению, и более позднюю, созданную Платоновым во время работы над «Чевенгуром».

Предшествующий «Новохоперску» «логический переход» был также создан на основе упомянутого раннего произведения. Платонов кардинально сократил и переработал самое его начало (с четырех до двух страниц — что легко устанавливается по различиям в нумерации), а затем переписал на новые листы. Два небольших фраг-

---

<sup>2</sup> Для удобства «Происхождением мастера» мы будем называть первую, вводную часть романа, которая в 1928 году была опубликована как самостоятельное произведение (Платонов А. П. Происхождение мастера. М.: Федерация, 1928).

мента старого текста писатель использовал в качестве вставок, наклеив их на листы «логического перехода».

В «Новохоперске» достаточно четко выделяются исправления, сделанные Платоновым непосредственно во время работы над его первым вариантом, и исправления более поздние, с помощью которых он был «влит» в «Чевенгур». Именно это обстоятельство позволяет нам выделить две редакции и сопоставить их между собой.

### 3. Новохоперск — Урочев

В исходном варианте «Новохоперск» представлял собой в значительной степени автобиографическое повествование, посвященное осени 1919 года. Время действия обозначено в рукописи: «Начиналась осень 1919 года — (нрзб)<sup>3</sup> утро нового века».<sup>4</sup> Оно велось словно по следам недавних событий от первого лица, то есть от лица рассказчика. Имя «Александр Дванов» появилось лишь в поздней редакции фрагмента.

Несложно установить параллели между эпизодами первой редакции фрагмента и жизнью Платонова. Самой очевидной из них является командировка (рассказчика, с одной стороны, и писателя — с другой) в «степной город».

С историей художественного воплощения этого эпизода связан вопрос о названии города, о том как оно изменялось в процессе создания романа.

Известны два опубликованных варианта романа, по-разному называющие место, связанное с путешествием Дванова. В одном случае это Новохоперск, в другом — Урочев.<sup>5</sup> Название Новохоперск, судя по рукописи, впервые упоминается в заключительной сцене «Происхождения мастера»: «Партия командировала его (Александра Дванова. — В. В.) на фронт гражданской войны — в степной городок Новохоперск».<sup>6</sup> Однако буквально на следующей странице — в «Новой главе» — речь пойдет уже об Урочеве: «Город Урочев, пока ехал туда Дванов, был завоеван казаками...»<sup>7</sup> Платонов допускает явную непоследовательность, которая находит свое отражение и в машинописи «Чевенгура» (судя по хранящейся в ИРЛИ копии, машинистка добросовестно перепечатала отрывок с «ошибкой»

---

<sup>3</sup> В угловые скобки заключены вычеркнутые слова; в квадратных скобках даются конъектуры; сокращением «нрзб» обозначены слова, которые невозможно прочесть; надписи напечатаны в разрядку.

<sup>4</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 46.

<sup>5</sup> Так, в отрывке из повести «Сын рыбака» (Красная новь. 1928. № 6) говорится о Новохоперске. В повести «Происхождение мастера» (Платонов А. П. Происхождение мастера. М.: Федерация, 1929) и в отрывке «Путешествие с открытым сердцем» (Лит. газ. 1971. 6 окт. С. 7), который представляет собой продолжение повести, встречаем название Урочев. В текстах романа, опубликованных в последнее время, снова появляется Новохоперск (см., например: Платонов А. П. Чевенгур. М.: Художественная литература, 1988; Платонов А. П. Чевенгур // Дружба народов. 1988).

<sup>6</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 39.

<sup>7</sup> Там же, л. 41.

(ф. 780, ед. хр. 35)). Позже, читая одну из машинописных копий, Платонов обнаруживает неточность и исправляет ее, заменяя везде Урочев на Новохоперск. Однако некоторые издатели об этом, по-видимому, так и не узнали.<sup>8</sup>

Помимо причин чисто текстологического характера, связанных с выявлением основного текста произведения, существуют и другие обстоятельства, заставляющие нас останавливаться на такой, казалось бы, незначительной детали. Эта деталь, как и многие другие, демонстрирует характерную особенность работы Платонова над романом. Мы попытались определить ее в подзаголовке работы как движение от автобиографии к художественной обобщенности.

Изначальным для «Происхождения мастера» и романа в целом является топоним Новохоперск. Название Урочев появляется лишь в 1928 году, если судить по дате отдельной публикации «Происхождения мастера». При этом вряд ли Платонов изменил название города специально для этой публикации. Ведь Урочев появился прежде не в прологе, а в следующей за ним части. Ясно, что название Урочев возникает на определенном этапе работы Платонова именно над «Чевенгуром» — в тот момент (или в тот период), когда писателя перестали интересовать конкретные детали собственной биографии и новый замысел потребовал освободить повествование от избытка не слишком значимых теперь реалий.

Ближайшей же причиной, облегчающей переход к созданию вымышленной топонимики, могло оказаться следующее. Прообразом платоновскому степному городу служили по крайней мере два населенных пункта. Один из них — хутор Мравые Лохани, где происходили события, связанные с деятельностью отряда Нехворайко (они описаны в романе).

Отряд Нехворайко, прибегнув к необычной тактике, освобождает Мравые Лохани — это жизненный факт, о котором рассказано в письме Платонова 1922 года.<sup>9</sup> Однако в романе действие эпизода переносится в Новохоперск. Перенос места действия, совмещение двух разных географических пунктов, возможно, и послужило непосредственным поводом к тому, чтобы появилось новое наименование.

В итоге, исправляя машинопись, Платонов опять возвращается к реальному топониму. Однако вряд ли в этом можно усмотреть вновь обострившееся желание быть явным летописцем собственной жизни. Ведь в романе «Чевенгур» мы обнаруживаем лишь следы того сильного стремления фиксировать «внешние» факты биографии. Скорее всего, писатель, перечитывая машинопись всего лишь исправлял возникшую логическую ошибку не придавая вопросу о названии города особого значения (вымышленное название непременно выбивалось бы из ряда других реальных топонимов, которые автор

<sup>8</sup> См., например, фрагмент «Путешествие с открытым сердцем» в «Литературной газете» (1971. 6 окт. С. 7).

<sup>9</sup> См., например, ...Живя главной жизнью: А. Платонов в письмах жене, документах и очерках // Волга. 1975. № 9. С. 161—162.

«Чевенгура» не изменял — Пески, Лески, Балашов(о)). Платонова уже не интересовала, в той мере, как прежде, его собственная причастность к событиям, разворачивавшимся в конкретном городе Новохоперске. Теперь на первый план выступает судьба героя. Расстояние между Платоновым и Двановым гораздо больше, чем между Платоновым и рассказчиком из раннего произведения.

Очевидная автобиографичность прозы Платонова заставляет нас привязывать художественный образ к жизненной реалии и искать причины его возникновения за пределами текста, в котором он «овеществлен». И в то же время мы видим, как постепенно увеличивается дистанция между действительностью, окружавшей автора, и ее художественным воплощением.

#### 4. Автобиографические персонажи «Новохоперска»

Существует заметное отличие между системой персонажей в автобиографическом произведении, из которого был взят фрагмент «Новохоперск», и в соответствующей ему части «Чевенгура». Помимо той метаморфозы, которую претерпевает образ рассказчика («Я» — Дванов), в романе происходят и другие изменения, затушевывающие ярко выраженную прежде фактографичность повествования. При редактировании фрагмента устраняется ряд эпизодических лиц, занимавших, несомненно, важное место в структуре раннего произведения. Все эти лица были связаны с реальными прототипами, имели непосредственное отношение к конкретным жизненным фактам.

Так, в раннем «Новохоперске» (в самом произведении, из которого Платонов позже извлекает фрагмент для «Чевенгура») на не вошедших в роман первых трех страницах фигурирует некто Сталеметный — комендант Воронежского укрепленного района и редактор уездной газеты, в подчинении у которого находился молодой Платонов.

Известно, что «Сталеметный» — это псевдоним К. С. Еремеева, в 1919 году действительно занимавшего данные должности.<sup>10</sup>

Интересным оказывается сопоставление двух разных платоновских текстов, посвященных К. С. Еремееву: письма,<sup>11</sup> датируемого двадцать вторым годом, и первой редакции «Новохоперска». Письмо напоминает сжатое изложение названного художественного фрагмента. Его даже можно использовать для восстановления логической связи между фрагментами первых страниц ранней редакции «Новохоперска», которые сохранились в качестве вставок на листах «логического перехода» от «Происхождения мастера» к «Новой главе». (Сам факт такого совпадения позволяет, между прочим, предположительно указать время работы над ранней редакцией «Новохоперска» 1922 год).<sup>12</sup>

<sup>10</sup> См., например, там же. Когда говорят об этом человеке, кроме сведений, почерпнутых из письма самого Платонова, обычно ссылаются на книгу И. Кремлева «В литературном строю. Воспоминания» (М., 1968. С. 59).

<sup>11</sup> Волга. 1975. № 9. С. 161—162.

<sup>12</sup> Шубина Е. Приключение идеи: К истории создания романа «Чевенгур» // Лит. обозрение. 1989. № 9. С. 29.

Вот как описывает эти события Платонов в первоначальном варианте «Новохоперска».

Фрагмент первый (обратная сторона наклеенной вставки).

«Москва послала Сталеметного [у] создать в губернии укрепленную зону [в колю] меж колючими проволоками деникинских армий. Наша губерния должна стать, по этому замыслу, заставой для белых войск, преграждающей их стремительный поток на Москву. Но Сталеметный не почувствовал смертельной опасности на равнинах губернии, не сумел помочь красным партизанам и регулярной армии вооружением и впоследствии уехал с женой [нрзб] из осажденного белыми губернского города [нрзб] красного города».<sup>13</sup>

«Новохоперск». Фрагмент второй (обратная сторона другой вставки).

«[комендант] — (лист) [нрзб] женой, читая свой приказ на завтра. Ему уже [нрзб] обозы, — еле выбрался в северную степь. Я понял [нрзб] все не столько своим умом, сколько сравнением новохоперских предводителей партизанских отрядов и губернских руководителей, главным образом Сталеметного. В Новохоперске [нрзб]».<sup>14</sup>

Сравним эти отрывки с текстом письма Платонова:

«Я уже два раза писал в губернскую газету, которая командировала меня сюда, что в Новохоперске положение неважное. Но редактор был одновременно комендантом укрепленного района, и от занятости не отвечал мне...

Я вспомнил статьи редактора и коменданта — о прелести зеленого города, куда он приехал из Москвы... Подписывались статьи надуманной, выдающейся фамилией: Сталеметный...»<sup>15</sup>

«Новохоперск». Фрагмент третий (часть перечеркнутой страницы).<sup>16</sup>

«Через две недели после моего письма Сталеметному [пришел] ответ — я отзывался в губернию. Отзыв был подписан секретарем редакции, а не редактором Сталеметным. (До вокзала) Я ушел из города молча и пешком...»<sup>17</sup>

Достаточно сопоставить три текста, содержащие рассказ о Новохоперске, чтобы представить себе, как модифицировалась биографическая тема при перемещении из одной художественной системы в другую: в «Чевенгуре» образу Сталеметного не остается места.

Но точно так же не находится места в романе и другим эпизодическим лицам, существование которых в раннем «Новохо-

<sup>13</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 41.

<sup>14</sup> Там же, л. 42.

<sup>15</sup> Волга. 1975. № 9. С. 161—162.

<sup>16</sup> Помимо двух небольших фрагментов, которые Платонов использовал в качестве вставок (наклеил на листы «Чевенгура»), почти целиком сохранилась первая страница «Новохоперска» — перечеркнутая и не вошедшая в роман (ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 43).

<sup>17</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 43, перечеркнутая страница в рукописи «Чевенгура».

перске» было обусловлено близостью образа рассказчика двадцатилетнему Платонову. Некоторые из подобных персонажей не исчезают бесследно, однако они подвергаются настолько существенной переработке, что говорить о прямой их связи с неким прототипом становится затруднительно.

В сознании возвращающегося домой рассказчика «Новохоперска» постоянно (более или менее явно) присутствуют мысли об оставленных и уже не живущих членах его семьи. Он вспоминает своего маленького брата — «маленького безрукого калеку, не евшего в голод по шесть дней и умершего от нечаянной грибной отравы»,<sup>18</sup> других «умерших братьев и сестер, износившегося на работе отца», которые требуют оправдания скучной и мучительной жизни,<sup>19</sup> вспоминает мать.<sup>20</sup> Каждый из этих образов, органично существующий в раннем автобиографическом «Новохоперске», в «Чевенгуре» становится лишним. Автор или исключает его вовсе из повествования или, как уже было сказано, перерабатывает, обрывая связи с реальными прототипами.

В этом отношении показательна работа Платонова над образом матери. Этот образ в «Новохоперске» возникает в нескольких эпизодах, в частности в финальном для фрагмента. Рассказчик сообщает: «Я шел как раз к матери, значит, я почитал ее».<sup>21</sup>

Было бы странно, если бы это упоминание о матери сохранилось в «Чевенгуре», ведь его герой Дванов возвращается не к матери, а к «неродному» отцу Захару Павловичу. Платонов устраняет ненужную фразу. Однако вместе с тем дело опять-таки не сводится только к исправлению логической неточности.

Происходит более общее изменение в структуре образной композиции. Цепь эпизодов, где появляется образ матери (сцена похорон Нехворайко, видение в сцене столкновения поездов, разговор рассказчика с повитухой, из которого как раз и было выброшено упоминание о матери), в «Чевенгуре» распалась. Каждое звено ее функционирует само по себе — или, вернее, в ряду образов иного плана — не скрепленное с другими прочной связью, имевшейся в «Новохоперске»: теперь образ матери оказался лишенным прототипа.

То, что мысль о существовании прототипа небеспопченна, доказывают строки из уже цитированного ранее письма Платонова: «Сейчас я вспоминаю о скучной новохоперской степи, эти воспоминания связаны во мне с тоской по матери — в тот год я в первый раз надолго покинул ее».<sup>22</sup> Они вполне созвучны словам из фрагмента в начальном его варианте: «Погибни и пропади я тогда в полевом пустыре — никогда общество меня бы не вспомнило, только мать считала бы дни, ждала письма и плакала...»<sup>23</sup>

<sup>18</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 48.

<sup>19</sup> Там же, л. 43, перечеркнутая страница.

<sup>20</sup> Там же, л. 51.

<sup>21</sup> Там же, л. 51.

<sup>22</sup> Волга. 1975. № 9. С. 161.

<sup>23</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 51.

Что же происходит при редактировании сцен, связанных с этим образом?

«Мне жаль было мечущихся людей, объединенных и покинутых, над которыми страдает музыка (оркестр) за недостатком чувства, а не мать...»<sup>24</sup> — вспоминает рассказчик в «Новохоперске». А вот вариант «Чевенгура»: «Дванову жалко стало Нехворайко, потому что над ним плакали не отец и мать, а одна музыка» (с. 79). Если учесть замечание из процитированного платоновского письма, то понятно, почему вначале речь шла только о матери и почему впоследствии появляется еще и отец: ранняя редакция «Новохоперска» автобиографична не только с точки зрения внешней канвы событий — рассказчик и писатель родственны по мироощущению, мировосприятию.

Введение образа отца наряду с образом матери не говорит, конечно, о том, что последний менее актуален для романа, однако изначальная его ценность теперь заключается не в родственной привязанности к прототипу, а в ином. Прототипический образ матери, лишаясь своей узкой основы, которая в «Новохоперске» играла, без сомнения, важную роль, расширяется, обретает чрезвычайно обобщенный, символический характер. Он становится как бы более мобильным, свободным, способным появляться неожиданно и, казалось бы, без достаточной мотивировки — мотивировка эта скрыта, «снята», но уже ясно, к каким реалиям, каким отношениям она восходит.

Зададимся вопросом, почему именно о матери вспоминает герой «Чевенгура» Дванов перед лицом смертельной опасности? Ведь он сирота, воспитывали его чужие люди, от «забытой» матери у него осталось лишь оловянное кольцо — и то о нем мы найдем всего две фразы (с. 28, 50). Отвечая на поставленный вопрос (если рассматривать его, учитывая только окончательную редакцию романа), прежде всего и придется вспомнить о кольце — об этом символе памяти, говорящем об относительности всякого забвения. С точки же зрения истории создания произведения ответ будет несколько другим: причиной появления этого образа станет впечатление о разлуке с собственной матерью, сохранившееся в памяти художника с осени 1919 года.<sup>25</sup>

Выпал из композиции «Чевенгура» и другой упоминавшийся в «Новохоперске» эпизодический персонаж, в качестве прообраза которого выступал родственник Платонова, — калека, отравившийся грибами.

Семен Платонович Климентов с детства сохранил воспоминание о трагической смерти брата Дмитрия и сестры Надежды, отравившихся грибами. (Подчеркнем эту деталь, указывающую на прототипичность образа — «нечаянная грибная отравка».)<sup>26</sup> Они,

<sup>24</sup> Там же, л. 43.

<sup>25</sup> См. приведенную выше цитату из письма Платонова (Волга. 1975. № 9. С. 161).

<sup>26</sup> ИРЛИ, ф. 780. ед. хр. 34. л. 48.



кстати сказать, не были единственными жертвами несчастного случая. Глубокий след в сердце Семена Платоновича оставила сцена похорон: друг за другом длинной вереницей несли тридцать девять гробов...<sup>27</sup>

## 5. Рассказчик и герой

Платонов убирает из романа все, что непосредственно связано с его семьей, в том числе и приведенные слова об «износившемся отце», о «многочисленных братьях и сестрах».<sup>28</sup> И это понятно: измененный замысел, изменившаяся повествовательная и жанровая форма рождает новые отношения между автором и героем, отличные от тех, которые существовали в раннем «Новохоперске». Следует обратить внимание на трансформацию этих отношений, чтобы приблизиться к пониманию основы перевоплощения рассказчика в героя. Каким образом происходит это перевоплощение? И можем ли мы, имея в виду «Чевенгур», говорить об автобиографичности образа Дванова; в какой мере он, так сказать, автобиографичен?

Конечно, никакой прототип бесследно исчезнуть не может, даже если все без исключения упоминания о нем вычеркнуты рукой писателя. «...Прототип — первоначок в создании образа, творческий импульс... и прототип — реальное лицо, факты жизни которого, черты характера и внешнего облика воплощены в художественном образе, — далеко не одно и то же», — отмечает Н. М. Фортунатов, различая два значения термина.<sup>29</sup> В случае с фрагментом «Новохоперск», мы наблюдаем тенденцию, когда второе полностью или частично устраняется, стирается из повествования, а первое — «импульс» — безусловно живет.

Рассмотрим под этим углом зрения ряд эпизодов, когда герой сталкивается с явлением смерти (тема далеко не второстепенная для Платонова). Вот как выглядит сцена из раннего «Новохоперска», в которой рассказчик встречается с похоронной процессией:

«Несли остывшее тело погибшего (труп убитого) Нехворайко, которого уничтожили вместе с отрядом (кулаки в селе Песках) зажиточные слобожане в огромном селе Песках. Я сильно затосковал и зашел на станцию. Наше гибельное время и неизбежную раннюю смерть я чувствовал (живо живо) тогда живо и грустно. Мне жаль было мечущихся людей, объединенных и покинутых, над которыми страдает (оркестр) музыка, а не мать...»<sup>30</sup>

Объяснения того, почему рассказчик «тоскует» по Нехворайко, достаточно ясны. Перед нами прежде всего человек, не желающий смерти. И постоянно ощущающий ее близкое присутствие. «Гибельное время», «мечущиеся люди»... За этими словами — целая харак-

<sup>27</sup> Выступление С. П. Климентова на Платоновских чтениях в ВГУ 3 октября 1989 года.

<sup>28</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 43.

<sup>29</sup> Фортунатов Н. М. Творческая лаборатория Л. Толстого. М., 1983. С. 32.

<sup>30</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 43.

теристика эпохи, и вместе с тем в них скрыт мотив переживаний рассказчика.

Обратим внимание на самую естественность, обыкновенность чувств, охватывающих его. Такие чувства могли испытывать многие люди, в том числе и сам Платонов. Вспомним, например, строки из его письма, посвященного 1919 году: «Июль 1919 года был жарок и тревожен. Я не чувствовал безопасности в маленьких домиках города Новохоперска, боялся уединения в своей комнате... дверь в любой момент могла наглухо закрыть жилище большевика: через окно тоже не было спасения: под ним лежал ворох колючей проволоки»<sup>31</sup> (выделено мной.— В. В.).

Впрочем, даже исходя лишь из того, что писатель не случайно обратился в художественном произведении к собственной биографии, уже можно предположить, что и в изображении внутренней жизни центрального персонажа он также верен жизненным фактам. Ощущение близкой смерти, безусловно, автобиографическая черта, указывающая на родственность отношений писателя и героя.

При редактировании отрывка «Новохоперск» вносятся, казалось бы, незначительные поправки. Платонов вычеркивает два предложения и буквально на грамматическом уровне несколько изменяет характер причинно-следственных связей в третьем: «...Несли остывшее тело погибшего Нехворайко, которого вместе с отрядом глухо уничтожили зажиточные слобожане в огромном селе Песках. Дванову жалко стало Нехворайко, потому что над ним плакали не мать и отец, а одна музыка...» (с. 79).

Причина, вызвавшая у Дванова жалость к Нехворайко, заключается теперь не в том, что умер человек и не в ощущении собственной, возможно, скорой смерти, а в том, что плачет над мертвым одна музыка. Герой словно перестает быть причастным к смерти, как жизненное явление она его не занимает. Такую мотивировку душевного состояния действующего лица уже не назовешь обычной, свойственной в подобной ситуации каждому. Это нарочито надуманная мотивировка.

Нечто подобное происходит и в другом эпизоде, где рассказывается об эшелоне с красноармейцами, уходящем из-под артиллерийского обстрела: «Машинист слышал, но промолчал. Я подумал, что он с ума сошел, и потихоньку открыл нижний кран тендера. Этим я хотел спустить воду и заставить машиниста прекратить ненужный бег. Я тогда не хотел напрасно погибать и ожидал от жизни (ее) разгадку ее тайного явления...»<sup>32</sup>

Мысль о гибели в тексте «Чевенгура» просто устранена: «Этим он (Дванов.— В. В.) хотел спустить остаток воды и заставить машиниста прекратить ненужный бег. Но тот сам закрыл регулятор...» (с. 82).

<sup>31</sup> ...Живя главной жизнью: А. Платонов в письмах жене, документах и очерках // Волга. 1975. № 9. С. 161.  
<sup>32</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 45.

Автор не хочет теперь видеть причину проступков и желаний героя в стремлении избежать преждевременной кончины, намеренно уходит от этой темы. Смерть рядом с Двановым, но он, в отличие от рассказчика из раннего «Новохоперска», не придает ей ровно никакого значения, не выделяет ее среди других жизненных явлений. Равнодушие к ней будет присуще характеру Дванова на всем протяжении действия в романе, тогда как для Платонова тайна небытия всегда остается в центре внимания. В этом отношении Александр Дванов являет собой полную противоположность как рассказчику из «Новохоперска», так и самому писателю.

В кульминационной сцене крушения поездов Дванов оказывается на краю гибели. Не считаться с таким обстоятельством он просто не может. Он вынужден действовать, чтобы остаться в живых. Однако по-прежнему страха перед смертью герой не испытывает. Дванов, скорее, боится быть исключенным из партии за то, что бросил паровоз на произвол судьбы, а надвигающуюся опасность он всего лишь «сознает», глядя на происходящее «как посторонний».

В первоначальной редакции «Новохоперска» мы видим совсем иную картину. Именно страх перед смертью спасает рассказчика, когда, казалось бы, выхода уже нет:

«Моя несмелость помогла мне в тот смертельный час — я испугался (прыгать) уйти со своего паровоза, потому что меня бы застрелил политком или исключили бы потом из партии. Кроме того, (паровоз) встречный паровоз был слишком близко — я не успел бы отбежать на совершенно обессилевших дрожащих ногах...»<sup>33</sup>

В «Чевенгуре» несмелость рассказчика Платонов заменяет на «медленное размышление» Дванова. Деталь, передающая ужас погибающего человека — «обессилевшие дрожащие ноги», вычеркнута. На первый план выступает причина иного рода, не позволяющая герою бросить паровоз: «Кроме того, Захар Павлович, тем более отец Дванова, никогда не оставили бы горячий целый паровоз погибать без машиниста, и это тоже помнил Александр» (с. 85).

«Сознающий», «размышляющий» Дванов несколько не похож ни здесь, ни в других эпизодах на рассказчика из «Новохоперска». Наряду с изменением внешних обстоятельств жизни этого персонажа, совершается и его внутреннее перевоплощение. Черты характера, связывающие рассказчика с его прототипом, непосредственно не переходят к герою романа.

## 6. «Противоречия» «Чевенгура»

При редактировании «Новохоперска» Платонов последовательно уничтожает все фрагменты, связанные с открытым, непосредственным проникновением автора в психологию героя. В рассмотренных выше сценах они не велики: фраза, слово. Между тем из текста романа исчезают и целые внутренние монологи, принадлежащие рассказчику, своеобразные «философские рассуждения». Перед чита-

<sup>33</sup> ИРЛИ ф. 780, ед. хр. 34 л. 47.

телем развертывается почти хроникальная, скупая запись событий, и только в отдельных случаях в романной редакции «Новохоперска» остаются следы, так сказать, «рудиментарные частички» прежнего стиля повествования.

Возникающая при этом неоднородность структуры повествования вызывает к жизни ряд (возможно, не очень явных) противоречий, которые при беглом просмотре текста вполне могут остаться незамеченными. Обойти их вниманием нельзя, потому что они объективно влияют как на формирование отдельных мотивов, образов, так и на становление художественного мира произведения в целом. И может быть, более всего противоречив в этом смысле образ главного героя.

Сопоставим две сцены, характеризующие отношение Александра Дванова к родам, рождению человека. Первый раз Дванов становится свидетелем родов еще в прологе, в «Происхождении мастера»: «Приемыш стоял тут же и глядел на непонятное с искаженным постаревшим лицом. В нем поднялась едкая теплота позора за взрослых, он сразу потерял любовь к ним и почувствовал свое одиночество — ему захотелось убежать и спрятаться в овраг» (с. 40).

В «Новой главе», следующей за прологом, подобная сцена выглядит по-другому — звучат совсем иные интонации:

«Из комнаты вышел довольный хозяин и прямо сказал:

— Мальчик родился!

— Это очень хорошо, — сказал ему Александр и поднялся с подстилки. — Человек будет! (...)

— Родила?! — быстро удивилась старушка. — Знать, недоносок, батюшка, был — вот страсть-то! Кого ж бог послал?

— Мальчик, — довольно заявил Александр, как будто участвовал в происшествии» (с. 88—89).

Оценки, которые дает Александр Дванов одному и тому же явлению на разных страницах произведения, полностью противоположны. Конечно, между двумя этими сценами прошло время. Герой мог повзрослеть, взгляды его могли измениться, однако в любом случае в произведении отсутствует психологическая или какая-нибудь другая достаточная мотивировка такого изменения. Между тем объяснить возникшее несоответствие легко, если вспомнить о том, что текст «Чевенгура» составлен из фрагментов, самостоятельных в своем происхождении.

Вот другой пример, когда герой неожиданно и на первый взгляд вне логики изменяет свое отношение к конкретному явлению действительности.

Вспомним эпизод вступления Дванова в партию — один из заключительных в «Происхождении мастера»: «Утром Саша и Захар Павлович отправились в город. Захар Павлович искал самую серьезную партию... Захар Павлович проверял партии на свой разум...» (с. 73). Александр — словно безволен, равнодушен. Он лишь подчиняется слову Захара Павловича: «Идем, Саш, с этого места», «Ты запишись, Саш...» (с. 73, 74) — по крайней мере внешне его

отношение к партии никак не проявляется. В то же время спустя несколько страниц, в «Новой главе», когда герой оказывается на краю гибели (должны столкнуться два поезда), выясняется, что Дванов не меньше смерти боится исключения из нее: «Он испугался уйти со своего паровоза, потому что его бы застрелил политком или исключили бы потом из партии» (с. 85).

Что же заставляет равнодушного к вопросам политики Дванова вдруг, через несколько страниц, превратиться в человека, который членство в партии ставит на одну доску с вопросом о жизни и смерти? При отсутствии наглядной психологической мотивировки (а ее действительно нет в романе) на первый план снова выдвигается временной фактор: между двумя сценами прошло не менее полугода, у героя мог выработаться новый взгляд на мир. Можно ли признать такое объяснение вполне убедительным?

И все же противоречивость образа героя, вызванная изначальной «фрагментарностью» текста «Чевенгура», не нарушает более общих закономерностей художественной реальности произведения. Черты характера рассказчика, отчасти перешедшие, несмотря ни на что, к герою романа (при этом они теряют непосредственную связь с прототипом), наделяются новым смыслом. Смысл этот, естественно, определен именно общими принципами построения нового произведения и выявляется лишь при анализе романа в его окончательном виде, окончательной редакции. Мы наблюдаем следующее.

В прологе происходит становление героя. Здесь по ходу повествования раскрываются черты характера Дванова, которые и будут основой развития этого образа в дальнейшем. Герой «Чевенгура» — прежде всего герой «Путешествия с открытым сердцем» (именно такой подзаголовок дает Платонов своему роману). Важнейшее свойство его натуры — сочувствие. Он весь представляет собой сочувствие, переживание, которые заслоняют в нем его собственное «Я»: «Себя самого... Саша не сознавал — он всегда воображал что-нибудь чувством, и это вытесняло в нем представление о самом себе» (с. 66). Герой переживает и сочувствует любому проявлению жизни. Жизнь буквально вливается в «открытое сердце» Дванова: «Всегда у него внутри оставалось какое-то порожнее место — та пустота, сквозь которую тревожным ветром проходит неописанный и нерассказанный мир» (с. 71). Вступление в партию явилось одним из событий, которые постепенно занимают «пустое сердце». И это событие стало определяющим в судьбе Дванова, как показано в романе. Способность Дванова (по крайней мере в прологе) к всепринятию мира, обуславливает и его отношение к партии. Другими словами, поведение героя в эпизоде крушения поездов, когда ему нужно сделать выбор: смерть или исключение из партии — мотивировано заранее в прологе.

Еще одно проявление неоднородности стиля в романной редакции фрагмента: иное, обновленное, звучание при редактировании «Новохоперска» приобретают комментарии рассказчика к событиям, в которых он принимал участие. В романе на фоне внешне бесстрастного, почти хроникального изложения фактов такие комментарии

особенно заметны. Автор-повествователь в «Чевенгуре» чрезвычайно редко высказывает свое личное отношение к происходящему — в отличие от рассказчика из раннего «Новохоперска». Поэтому особенно значимыми кажутся моменты, когда это все же случается.

Во время своего путешествия на одном из железнодорожных разъездов рассказчик встречает «неведомого одинокого человека» — странника или просто бродягу. Незначительный удержавшийся в памяти эпизод придает его мыслям вполне определенную направленность: «Сколько раз я встречал — и прежде, и потом — таких (людей) сторонних безвестных людей, живущих неизвестно по своим одиноким законам, но никогда не налегала душа подойти и спросить их или пристать к ним и вместе пропасть из строя жизни. Может быть, было бы лучше тогда мне подойти к тому человеку в Шкаринском вокзале и прилечь к нему (нрзб), а утром выйти и исчезнуть в воздухе степи».<sup>34</sup>

Для рассказчика из «Новохоперска», постоянно занятого размышлениями о жизни и о собственном месте в ней, такой ход мыслей естествен. Чего никак не скажешь об авторе-повествователе, которому в «Чевенгуре» переданы эти слова. Повествователь, в обязанности которого до сих пор входило лишь объективно излагать события, вдруг высказывает свое мнение о них. Само по себе это обстоятельство заставляет предположить особую значимость данного эпизода для автора — если, конечно, он не случайно сохранился в романе. Он воспринимается как своеобразная «вилка судьбы», когда два разных пути открываются перед героем, но выбор делает автор.

## 7. «Редукция формы»

В «Новохоперске» психология героя передается главным образом интроспективно — самонаблюдение, воспоминание о себе. При создании «Чевенгура» писатель отказывается от этого приема. В результате из повествования исчезают многие моменты, которым прежде отводилась далеко не последняя роль. И в то же время основное, глубинное остается в романе, проявляясь в иных формах и не имея возможности исчезнуть бесследно.

Так происходит и с философскими рассуждениями, монологами рассказчика. Они в определенном смысле помогают подобрать ключ к разгадке платоновского слова. В чем исток его емкости, многоуровневой семантической насыщенности? Как работает механизм насыщения слова дополнительными значениями, придающими ему символическое звучание, сближающими его — по всеохватности жизненных явлений и точности выражения их закономерных связей — с философской категорией?

Рассмотрим несколько характерных фрагментов.

Первый вычленен из текста той страницы «Новохоперска», которую Платонов целиком заново переписал для «Чевенгура». Он должен был бы следовать за эпизодом похорон Нехворайко.

<sup>34</sup> ИРЛИ ф. 780, ед. хр. 34 л. 45.

## «Новохоперск»

«С вокзала шел по полю оркестр и играл печальную музыку — оказывается несли остывшее тело погибшего Нехворайко, которого вместе с отрядом глухо уничтожили зажиточные слобожане в огромном селе Песках (с. 79).<sup>35</sup>

Я сильно затосковал и заспешил на станцию. Наше гибельное время и неизбежную раннюю смерть я чувствовал (живо живо) тогда живо и грустно. Мне жаль было мечущихся людей, объединенных и покинутых, над которыми страдает музыка (оркестр) за недостатком чувств, а не мать, имена которых исчезают под безымянной травой на братских могилах. Я не верил, что борьба — людское вечное призвание: (нрзб) по молодости лет я мечтал о другой и мирной судьбе — о каком-то глубоком человеческом сознании, (незнающем) в идущем событии в мире прежде их появления, — о богатстве вселенной, которое удовлетворит (подчинит) всякую жадность жизни(,) таком абсолютном сердечном чувстве веры в значение человека завоевателя и спасителя бушующей природы, уничтожающей самое себя.

Все это я обдумывал много раз — теперь меня интересовало превращение мыслей в событие. Старая мысль, умершие братья и сестры, также требовали оправдания их скучной мучительной жизни — они родились ведь...»<sup>36</sup>

Из двух абзацев, содержащих раздумья о ранней смерти, судьбе покинутых людей, об их призвании — борьбе и завоевании природы, о жизни, требующей оправдания, осталось неприкосновенным очень немного: одно предложение. В этом предложении по уже известной причине исчезает образ матери. Перемещенная фраза «неизбежную

## «Чевенгур»

«Дванову жалко стало Нехворайко, потому что над ним плакали не мать и отец, а одна музыка, и люди шли вслед без чувства на лице, готовые сами неизбежно умереть в обиходе революции» (с. 79).

<sup>35</sup> Приведенный выше текст взят из окончательной редакции, поскольку он почти не отличается от варианта «Новохоперска». Ниже — фрагмент, отсутствующий в окончательной редакции. Справа помещен сокращенный и переработанный вариант этого фрагмента, каким он дан в романе.

<sup>36</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 43.

раннюю смерть я чувствовал живо» читается иначе: «готовые сами неизбежно умереть в обиходе революции», — чувства одного переходят в готовность многих. Отношение рассказчика к похоронам отлично от отношения к нему героя. Первому жаль всех людей, идущих за гробом (если не брать шире); второму — только Нехворайко. Неизменным и постоянным оказывается лишь само чувство жалости. Жалось в «Чевенгуре» (имеется в виду вариант фрагмента) — это некая точка отсчета, начало, от которого ведутся размышления о герое и о том, что происходит вокруг него.

Фрагмент второй.

#### «Новохоперск»

«На вокзале я почувствовал сосущее пространство. Как и каждого человека, меня влекла даль земли, будто все далекие и невидимые вещи сучали по мне и звали меня. Наверное, человек действительно родственник всем забытым вещам, рассеянным в заросшем [пространствами] мире».<sup>37</sup>

#### «Чевенгур»

«На вокзале Дванов почувствовал тревогу заросшего, забвенного пространства. Как и каждого человека, его влекла даль земли, будто все далекие и невидимые вещи сучали по нем и звали его» (с. 79).

И на этот раз Платонов, хоть и не так радикально, как в первом случае, сокращает объем высказываний философского плана. Очевидно следующее. В варианте раннего «Новохоперска» фиксируется одна из промежуточных стадий процесса осмысления действительности — отсюда вероятностный характер умозаключений рассказчика: он ощущает необходимость объяснить свои переживания, у него возникают соответствующие предположения. В романе прежняя догадка представлена как результат рассуждений автора, вынесенных за пределы повествования, и одновременно как закономерность, пронизывающая всю художественную реальность «Чевенгура».

Но опять-таки при сравнении вариантов без труда улавливается устойчивая смысловая интонация, единица смысла, заключенная в слове. «Я почувствовал сосущее пространство» — «Дванов почувствовал тревогу... пространства». Здесь «тревога» и «сосущее пространство» семантически близки, взаимозаменяемы и выступают, практически, в качестве контекстуальных синонимов. Чувство тревоги (или «сосущего пространства») — начало, дающее повод повести разговор о мире.

Третий фрагмент. В нем сосредоточены размышления рассказчика о взаимоотношении судеб людей и природы, о революции и социализме как о средствах переустройства этой связи. Редактирование текста происходит во все том же общем направлении: оставлено опорное слово, а рассуждения, отправной точкой для которых оно послужило, выбрасываются. Происходит своеобразная «редукция формы», при которой, однако, в новом тексте сохраняется

<sup>37</sup> ИРЛИ ф. 780, ед. хр. 34 л. 43.



общий смысл переработанного отрывка, его смысловая направленность.

### «Новохоперск»

«Я<sup>38</sup> тоже пошел в вагон, не понимая — за что мучаются так люди: один лежит в пустом вагоне, другой тоскует по жене. Может быть, они сами (так) виноваты в (таком) своем волнении в тихой природе? Но ветер вот шумел над моей головой и погонял тучи, капающие дождем. В природе тоже шевелилось вечное горе и ее растравленная душа искала себе какого-то утешения. Я понял, что в таком тревожном мире человек не может быть иным, как только несчастным и взволнованным (куда-то бредущим с пользой или напрасно).

— А революция? — вспомнил я (нрзб) в тамбуре вагона.— Удар по порочному кругу природы,— прошептал я себе ответ и почувствовал покой.— Удар по ветрам, ливням, душевной тоске, по семейной беде, по голодному горю, убийству, одиночеству, землетрясению,— по всем злобам и печалям, чтобы прямо, и (верно увере) прочно и уверенно стояло тонкое тело человека на земле, чтобы грустное сердце и синяя мысль стали самой драгоценной и страшной силой в природе...

Я еще много шептал и думал уверен(ный в) счастье революции и уснул в блаженном успокоении. (Была) начиналась осень 1919 года — (нрзб) утро нового века, з а р я тысячелетнего царства социализма, когда еще (нрзб) прохладно от (оп) опасности и (помнишь) больше помнишь вчерашний (ден) старый день».<sup>39</sup>

### «Чевенгур»

«В вагоне Дванов лег спать, но проснулся еще до рассвета, почувствовав прохладу опасности» (с. 83).

Сравнивая варианты «Новохоперска», мы получаем возможность проследить за возникновением одной из особенностей платоновского стиля и поэтики. В работе писателя выделяются как бы два этапа —

<sup>38</sup> В «Чевенгуре» исправлено на «Александр».

<sup>39</sup> ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 34, л. 46.

нет смысла устанавливать их временные границы, они наверняка размыты. На первом Платонов выясняет, прежде всего для самого себя, смысл наиболее значимых слов, находит место явлениям, стоящим за ними, в моделируемой им действительности. Это наглядно представлено в «Новохоперске». Образ рассказчика подразумевает именно выяснение мира. Размышляя о мире, рассказчик объективно образует и по-своему интерпретирует ряд «слов-категорий», которые затем войдут в структуру «Чевенгура». Автор имеет дело с конкретными, большей частью близкими ему реалиями жизни. Он отражает вполне определенные события, психологические состояния, которые переживает рассказчик (образ автобиографический). Тщательно мотивирует их, опираясь опять-таки на действительные факты. Для первого этапа характерна приверженность к почти документальному воспроизведению жизни.<sup>40</sup> Отношения между словом и реальностью относительно «просты»: художник главным образом стремится запечатлеть словесно то, что непосредственно видит или, точнее, помнит.

Второй этап — он зафиксирован в окончательной редакции «Чевенгура» — знаменуется более глубоким и сложным осознанием, совершенно иным ощущением и восприятием сущности вещей.

Что связывал Платонов с понятием «жалость», «тоска», «тревога»? Их причина? Исток? Герой «Новохоперска» рассуждает о них с почти публицистической ясностью. Для «Чевенгура» же такая прямота неприемлема. «Чевенгур» — загадка, все связи в нем скрыты, существуют подспудно. Миновала стадия формирования основных единиц стилевой системы, не требуется уделять слишком много внимания уже осмысленным явлениям, образам, понятиям. И Платонов устраняет лишнее из текста. Теперь все связи, все причины сосредоточены не в двух абзацах, как прежде, а в одном слове. Есть два способа раскрыть его значение: первый, доступный, — прочитать произведение; второй, доступный в редких случаях, — обратиться к документам, фиксирующим ранние стадии работы над ним. Различные подходы дадут, вероятно, неодинаковые результаты. Но важно следующее. «Слово-категория» в окончательной редакции несколько не утрачивает своей емкости, наоборот, значимость его возрастает. Возникает своеобразная «художественная абстракция». Вероятно, с этого момента и можно по-настоящему говорить о начале философского осмысления действительности художником. Именно такие уже однажды «осмысленные» слова становятся основой для возникновения «постоянных мотивов» — столь важного явления в творчестве Платонова.

---

<sup>40</sup> В данном случае слово «документальность» не означает абсолютное отсутствие вымысла, свойственного художественному произведению, — мы говорим о доминирующей тенденции в исканиях автора «Новохоперска».

## НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ НЕИЗВЕСТНОГО РОМАНА?

(ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ РУКОПИСЯМ А. ПЛАТОНОВА  
В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ)

(Публикация Н. А. Грозновой)

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится часть материалов, относящихся к военному периоду творчества писателя. Черновые наброски, листки из фронтового блокнота, варианты рассказов, машинописи с авторской правкой.

Каких бы сторон военной жизни ни касался Платонов, во всем прорывается страдание, несчастье, выпавшие на долю русского человека, советского человека в годы его смертельного сражения за Отечество.

Эти рукописи раскрывают немало особенностей творческой работы Платонова.<sup>1</sup> И может быть, важнейшая из них — это опасная, стойческая перепроверка писателем его философской антропологии. Результаты этой перепроверки еще предстоит тщательно изучать.

В литературе о Платонове существует мнение о том, что «повесть „Сокровенный человек“ еще несет в себе возможность слияния человека с миром, но в ней уже тревожным голосом заявлено о распаде единства».<sup>2</sup> Те архивные материалы к военным рассказам, которые находятся в Пушкинском Доме, показывают, что волнующая встреча платоновского героя с миром, его слияние с этим миром становилось чуть ли не основным замыслом писателя. Повествование в целом ряде произведений (в их черновом варианте) разворачивалось в поистине трепетную симфонию мира. Во всяком случае, ни в один из периодов творческой работы писателя тема природы не обретала столь нескрываемого волнения, столь тонких красок: «Шло время прекрасного лета. Свет и тепло питали леса, хлебные нивы и цветы, а ветер соединял и смешивал дыхание всех живущих на земле, чтобы каждый живой чувствовал другого живого, все равно — далекий он или близкий, знакомый или непонятный(...) Легкое облако затенило солнце, и лицо всего ближнего переменилось, словно легкая мимолетная дрема коснулась природы и она прикрыла сумраком свои блестящие очи».<sup>3</sup> Или: «Уже смеркался недолгий робкий день ноября месяца. Маленькие ели стояли возле дороги живые и тихие, укрытые глубоким согревающим снегом. В глубине леса невидимые птицы негромко переговаривались или бормотали короткие песенки, имевшие для них, должно быть, деловое жизненное значение. Две пушистые серо-зеленые птички сидели бок о бок на ветви, тесно прижавшись друг к другу; поверх их головок висела покровом другая заснеженная, густая ветвь, и птички

<sup>1</sup> Публикация материалов военного периода из архива Платонова, хранящихся в Пушкинском Доме, будет представлена в журнале «Русская литература», в 1995 году.

<sup>2</sup> *Дмитровская М. А.* Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» (с. 39—52 настоящего сборника).

<sup>3</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, № 41, л. 21—22.

молчали, не ласкаясь и не шевелясь, словно погруженные в долгое духовное размышление.

Капитан Тихомиров остановился и задумался перед лицом этой малой и возвышенной жизни». <sup>4</sup>

И тем не менее Платонов не позволял своим героям ни расслабиться, ни затихнуть: «Гвоздарев однако не любил переживаний и настроений; более важным он считал размышление или соображение; и лишь в этом, как он думал, состоит полезное призвание человека (...) пусть эти явления остаются — да не истощится разнообразие природы и не умалится ее изменчивая прелесть! — но зависимость от них человека должна быть уменьшена». <sup>5</sup>

Таким образом, вопрос о сознании как о причине и условии «отпадения человека от универсума» продолжает и в военные годы оставаться в центре внимания художника. Более того, он будет даже пытаться научить своего «сокровенного человека» «науке ненависти» и будет видеть в этом вынужденном ожесточении не иначе как один из метафизических законов бытия. Платонов и Богу в это ожесточенное время позволит быть никем иным, как солдатом в общем строю. В одном из черновиков писатель выстраивает следующий диалог между своими героями: «Бог идет у меня про запас, если б своей мочи совсем не стало, — объяснил хозяин (старик крестьянин. — Н. Г.). — А не то — пускай он и первым идет на врага, это глядя, где мне прибыльней будет, а я позади не отстану! Бог тоже, небось, солдат, — а кто же он, когда кругом зло лютует? Тогда он не бог, я ведь так смотрю.»

Дальнейшее тщательное изучение черновых рукописей военного времени позволит, по-видимому, увидеть новые грани художественных, мировоззренческих исканий Платонова. Тем самым у историков литературы появится, надо думать, более определенная, чем это было до сих пор, потребность перейти рубеж военного пятилетия и рассматривать творчество Платонова в совокупности всех его этапов, не сосредоточиваясь только на романах «Котлован» и «Чевенгур».

И все же среди разрозненных рукописных страниц, пришедших в Пушкинский Дом, есть два больших, в разворот, листа, густо исписанные с двух сторон карандашом (местами карандаш уже сильно стерся, осыпался), с многочисленными зачеркиваниями, исправлениями. Они-то и привлекают сегодня особое внимание.

Архивариусы при разборке материалов даже предположительно не обозначили время появления этих записей.

Но более детальное знакомство с набросками позволяет все же сделать предположение: не запечатлели ли эти разрозненные и в то же время очень, видимо, сосредоточенные (на двух листах более сорока записей) заметки начало какого-то большого нового замысла художника? Может быть, замысла именно того романа, на гипотетическое существование которого обратила внимание Н. В. Корниенко: творческий путь Платонова «цикличесен. Причем нервом каждого периода-цикла был роман... В постчевенгурском цикле произведений (1928—1932) был также роман, роман о Стратилате, текст которого пока не обнаружен». <sup>6</sup>

Публикуемые ниже страницы возвращают нас, как представляется, не к военным, а именно к постчевенгурским годам. Об этом говорят запись о социализме и индустриализации; характерный именно для эпохи 30-х годов социальный срез обрывочно названных действующих лиц: «1) снабженец 2) изобретатель 3) 31 года» и ряд других моментов. Обращают на себя внимание и слова: «Я поеду не по быстрому пути, а медленно, чтобы можно было идти по людям» и «рассеяться среди

<sup>4</sup> Там же, л. 35—37.

<sup>5</sup> Там же, л. 21—22.

<sup>6</sup> См. статью Н. В. Корниенко «О некоторых уроках текстологии» в настоящем сборнике (с. 4—23).

людей», — это воспринимается и как прелюдия к роману «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году», и как отзвук полемики Платонова с А. Грином в 30-е годы, где автор «Чевенгура» не простил Ассолы, что оставила на сиротство бедный свой люд, среди которого выросла.

О чевенгурской утопии напоминает и возникший здесь образ «Спрятавшейся Атлантиды».

С психологическим миром произведений Платонова 20-х годов рождаются записи о старухе, которая не умерла только потому, что не хотела разбудить мальчишку, и связанная, видимо, с этим сюжетным мотивом запись о костыле: «Когда я буду холодеть, я им (костылем.— Н. Г.) постучу об пол, ты проснешься и попросаешься со мной. А сейчас спи!»

Но это черты достаточно хорошо нам знакомого Платонова. Публикуемые наброски влекут к себе и такими записями — разгадываемыми и неразгадываемыми — которые говорят об иных философских размышлениях писателя, о его новых видениях.

Таковы прежде всего его замечания о Христе: «Христос тоже на голышах спал»; «Не Христос и не Антихрист, не среднее, а другое — не третье, а другое именно». Нельзя не заметить, что последнее рассуждение обнаруживает вполне отчетливую типологическую родственность и по идеологическому содержанию, и по самой структуре мысли с одной из дневниковых записей Платонова, относящейся к концу 20-х — началу 30-х годов: «Тема романа. Стратилат делал коммунизм, а сделал *другой* мир (...) другой мир *истории*, другую категорию, которая могла *объективно* выйти из развороченных форм прошлого и субъективно-классовой воли Стратилата (...) нечто исторически прекрасное, неизвестное и действительно необходимое и простое. Вот — основное и высшее противоречие судьбы Стратилата, романа и нашей истории. История будет не та, что ожидают и что делают. Это и есть коммунизм» (Огонек. 1989. № 33. С. 14). С этой темой связана и запись: «Ищут слова, чтобы развеялась морока лжи в мире».

В этом же ряду набросок: «Душа наша рождается лишь тогда, когда она истекает из нас (в другого)». (Надо думать, здесь отражался экзистенциальный контакт Платонова с концепцией В. Соловьева, который писал в серии статей «О любви»: «...истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа»<sup>7</sup>).

Но все же самой важной из появившихся на этих листах записей нам представляется та, в которой зазвучала робкая на первый взгляд, ностальгическая вроде бы нота: «Вечные звезды сияли на небе, подобно недостижимому утешению; но если это утешение для нас недоступно, следовательно, земля под небом должна быть для человека прекрасной и милой, потому что мы на ней должны жить безвыходно».

Здесь заключена, может быть, одна из самых продуктивных философских посылок Платонова, которая во многом объясняет не только мировоззренческую, но и эстетическую суть его художественного мира.

Представление о жизни человечества на планете Земля как о некоей замкнутой жизни («должны жить безвыходно») не должно оказаться хоть в каком-либо самом малейшем соседстве с примитивным, вульгарным толкованием. Думается, что парадигма, рожденная именно этой натурфилософской мыслью, питает основные и гуманистические, и эстетические начала платоновского творчества. Здесь словно пестуются и грани его диалектики (в ее лосевском понимании: «...диалектика есть

---

<sup>7</sup> Соловьев В. С. Смысл любви // Русский зрел, или Философия любви в России. М., 1991. С. 73.

просто ритм самой действительности»),<sup>8</sup> и мифологические структуры его художественного мира.

Если жизнь «безвыходна» («помимо земли нам негде существовать» — было зачеркнуто в рукописи), то в ней неизбежно совершаются процессы самодостаточные, совершается непрерывное самовоспроизводство бытия в его онтологическом смысле. Поэтому в платоновском повествовании живая жизнь всегда соседствует с матерней мертвой, она находится с нею как бы в состоянии постоянного взаимопроникновения. Отсюда люди живущие не испытывают у Платона отвержения, отторжения от мертвых тел. Платонов-художник всегда экзотеричен, он постоянно воссоздает непрекращающийся обмен между материальным миром и невидимыми мирами, что порождает своего рода преднамеренную натуралистичность в его живописании. Как, впрочем, из этой черновой записи на затерявшемся листке рождается и эстетика одухотворенности («земля под небом должна быть для человека прекрасной и милой») — иначе существовали бы у Платонова «только тьма и безумие» и копошились бы «в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков».<sup>9</sup>

Записав на черновике свой взгляд на человеческую жизнь во Вселенной, Платонов вслед за последним словом кощунственно даже как-то вывел: «см.н/об.». И когда по указанию, по предложению автора открываешь оборот листа, то тут и видишь манящую россыпь платоновских суждений о Христе и Антихристе, о русском Коньке-горбунке, о смерти и бессмертии, о жизни души, об исчезнувшей Атлантиде.

Предстояло ли именно всему этому жить после «Чевенгура» в новом неведомом нам романе о Стратилате? Ответ на этот вопрос может стать ясным лишь после тщательных сопоставлений известных нам черновых набросков с записными книжками писателя этих лет (личный архив М. А. Платоновой). Во всяком случае, в непосредственной близости с начертанной не раз в этих набросках собственной фамилией писателя — «Климентов» — появилось имя «Стратилат».

Если высказанное предположение имеет право на жизнь, то следует поменять местами лист № 29 и листы № 30 и 31 (по нумерации архивариуса); именно в измененном порядке — № 31—30—29 — и расположены нижепубликуемые документы (ф. 780, № 41). В таком варианте лучше выявляется логика разрозненных записей.

В угловых скобках курсивом отмечены тексты, зачеркнутые Платоновым; полужирным шрифтом — слова, вписанные художником; в квадратных — текст, восстанавливаемый публикатором.

## Лист № 31

(разворот листа; текст, расположенный в левой стороне, является в то же время и оборотом л. № 30; записи здесь, как видно, делались одновременно с теми, которые появлялись на лицевой стороне л. № 31)

I.

Ребров*	Хромолыдка* ~ Конек-горбунок	Немтырь*
26	Никодим [Маркун*]	
22		

<sup>8</sup> Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос. М., 1993. С. 617.

<sup>9</sup> Там же.

\* Звездочкой отмечены слова, неоднократно повторяющиеся в платоновской записи, причем чаще всего они зачеркиваются и вновь воспроизводятся.

Немтырев\*  
 Никодим Васильевич  
 Немтырев  
 Евдокия  
 Комягин  
 Жовов  
 [Бойкот]  
 Можев  
 Важеватов  
 Наша вся жизнь — в  
 [учености], потом  
 чувство страдания.

Вечные звезды сияли(на) на небе, подобно недостижимому утешению; *(но есть ли ночное небо лишь книга в одну открытую страницу [нрзб]) (но земля под небом была уютна и мила для жизни) (На Земле имелось [нрзб] все достаточное но зато и поэтому виденье звезд лишь обозначало [нрзб]) Но если это утешение для нас недоступно, следовательно, земля под небом должна быть [нрзб] для человека прекрасной и милой, (потому что жизнь на ней безвыходна, — помимо земли нам негде существовать)* потому что мы на ней должны жить *(безвыходно)* безвыходно. См. н/об.

[Рост\*] [Панютино\*]

Дорог свет выходящий из тьмы.

*(Освещенные блестевшие на небе горы тьмы.)*

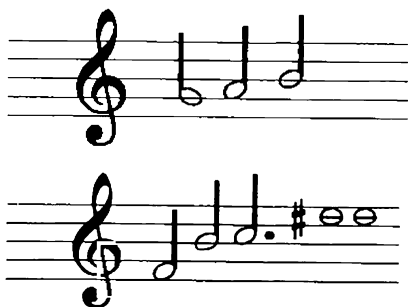
На обороте листа № 31

Хромолыдка Конек-горбунок [нрзб]  
 [(Эх, век тебя не видеть!)]

Сидят, у него на столе бумаги }  
 Я гляжу — а это паразит! }

Иван Пустых [Тихон]

*(Костыль: когда я буду холодеть, я им постучу об пол, ты про-  
 снешься и прощаешься со мной. А сейчас спи!)*



Та хуже [нрзб] и лучше ее, но существует

Остается

Жизнь в том, чего ты избегаешь

Не Христос и не Антихрист  
не среднее, а другое — не третье, а другое именно

Мы своими чувствами окружены как стенами и отгорожены ими.  
Елазьма

Ситуация:

Умирает старуха и не умерла, т. к. не хотела разбудить мальчишку!

[Угольник] — стол, где [гадил] мальчишка, и мальчишка и стол  
[чувствуют виновником свидетеля их тайны]

Смерть. Бессмертие, конечно, есть в каком-то виде, в индивидуальном  
виде бессмертия не [нрзб] не нужно [нрзб]

Насиловать в [нрзб]

### Лист № 30

Tristan i Isolda\*

Трошкин\* Прошкин\*

- 1) Снабженец
- 2) Изобретатель
- 3) 31 года
- 4)

За индустриализацию  
за индустрию  
социализма!

### Лист № 29

Жалкий, мировой человек  
О рабынях-батрачках бежавших из Эстонии в Россию.

Свернуть [нрзб] нельзя из-за глубоких снегов (один-два отъезда в  
сторону [нрзб])

Излишнее воодушевление сердца

Душа это воображение другой жизни, др. существа

Я поеду не по *(пути)* быстрому пути, а медленно, чтобы можно  
было идти по людям

Огов Стратилат Климентов [нрзб]

Мы не можем делать блага, если не способны получать его сами.



Христос тоже на голышах спал

Галантерейные будки на земле

Какие-то «трансэнергокадры»!

Ищут слова, чтобы развеялась морока лжи в мире.

Убийство женщиной мужчины, т. к. она не могла, не хотела любить его. не могла отдаваться ему, а он брал ее и оскорблял этим ее душу.

Никита [Никодим Васильевич Хазаров] Матвей Якунин

Любовь есть («)взаимное подхалимство(»)

Ноги худые изящные как у козы

Злость связана с движением вперед, добро с результатом движения [нрзб]

Спрятавшаяся Атлантида

Душа наша рождается лишь тогда, когда она истекает из нас [в другого]

Сын — осодмилец

Животные и то свободны

Рассеяться среди людей

И. А. Савкин

## НА СТОРОНЕ ПЛАТОНА

### КАРСАВИН И ПЛАТОНОВ, ИЛИ ОБ ОДНОЙ НЕ-ВСТРЕЧЕ

«Но может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов/Российская земля рождать...» — сказалось поэту; поверим же на слово великому Ломоносову (пусть даже с оговорками — «может, но...») и повторим за ним в простоте свой зачин: жили-были на Земле Российской в некие сумеречные времена Платоновы потомки — Андрей Платонович, да Лев Платонович. Они не братья друг другу, но — наследники славного и странного имени великого мыслителя и неудачливого реформатора, первого утописта и первого христианина<sup>1</sup> «божественного Платона». Считается, что мудрость была ему дарована богами, а историческое имя дано ему борцом Аристомом за широту плеч.<sup>2</sup> Как не похожи между собой герои нашего сюжета — как будущее не похоже на настоящее, наследующее, в свою очередь, прошлому. Что может быть общего у них? Кроме общности сохраненного и унаследованного имени — необоримая страсть к письму и общность вероисповедания (исповедания любви как Бога), на путях которого они фатально разошлись. Их «не-встреча» была предопределена; слишком контрастны и определены различия их происхождения, образования, занятий, убеждений. Они жили в параллельных культурных мирах, а параллели не пересекаются, по крайней мере — в нашем мире.

\* \* \*

Читатель, конечно, уже узнал в Андрее Платоновиче Климентове (Платонове) знаменитого писателя. Его визави — Л. П. Карсавин, профессор и ректор Петроградского университета, известный историк-медиевист, религиозный мыслитель (редчайших случаев — за свою докторскую диссертацию кроме ученой степени, присужденной Императорским университетом, он получил еще и докторскую степень от Петроградской Духовной академии). Одновременно, уже в советское время, Карсавин преподавал в Богословском институте, читал публичные лекции в Философском Обществе (например, 12 июня 1921 г. — на тему «О свободе воли»), имевшие

---

<sup>1</sup> Христианские теологи, пытаясь примирить языческую мудрость с Христовой верой, придумали для этого случая специальную формулу — Платон и Аристотель были объявлены «христианами до Христа».

<sup>2</sup> Греч. platos — ширина, platoō — делаю широким. Родителями был назван в честь деда Аристоклом. Происходил из древнего рода кодридов (Кодр — последний афинский царь), восходящего к Солону, к легендарным аргонавтам и, по преданию, к богу Посейдону («земледержец», «супруг земли», «владыка вод»). Родился в день празднования рождения бога Аполлона.

большой успех, был одним из активных членов Дома литераторов, участвовал в его изданиях<sup>3</sup> и множестве других независимых изданий, водил знакомство с крупнейшими поэтами Серебряного века,<sup>4</sup> посещал известные литературные салоны. Будучи избранным на высшие административные должности в Государственном университете, Карсавин стремился отстаивать права и свободы, органически присущие особому укладу университетской жизни, преимущественно легальным путем, избегая политизации неизбежных конфликтов с новой властью. Для последней, однако, было заведомо недостаточно простой лояльности, власть безошибочно «учуяла» классово чуждый дух, «белую кость»,<sup>5</sup> томила подозрениями и ждала удобного случая для расправы.

Другими словами, Карсавин не был убежденным врагом Советской власти, относился к совершившемуся перевороту с профессиональным интересом, описав логику исторического процесса в своей знаменитой «Феноменологии революции»,<sup>6</sup> ни в каких заговорах, повторяем, не участвовал, а так называемой «политики» сторонился со студенческих лет. В то же время он не мог не протестовать против разрушения основ отечественной культуры, не мог не заступаться за репрессированных сотрудников, не мог не высказывать публично и открыто взгляды, не совместимые с господствующей официальной идеологией.<sup>7</sup> В силу своей близости к кругу «кадетски» мыслящих профессоров,<sup>8</sup> наконец, как человек самостоятельный в мыслях и поступках, к тому же, несомненно, обладавший даром влиять на умы и сердца людей и немалым личным обаянием, Карсавин должен был восприниматься и воспринимался как один из лидеров оппозиции существующему режиму, как нежелательное лицо.<sup>9</sup>

Конечно, это всего лишь нелепое совпадение: 9 августа 1922 г. Воронежская губернская газета «Коммуна» напечатала «уничтожающую» рецензию А. Платонова на книгу Л. Карсавина «Петербургские ночи» («Noctes Petropolitanae»). А уже 18 августа Карсавина арестовали. В Петроградской «чрезвычайке», предварительно допросив, ему объявили постановление ГПУ: он обвинялся «в том, что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской Властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруд-

---

<sup>3</sup> «Летописи Дома литераторов» и «Литературные записки». — См.: Акимов В. М. Великие и трудные судьбы. Л., 1990. С. 40.

<sup>4</sup> Книги с их автографами Лев Карсавин дарил своей возлюбленной, Елене Чеславовне Скржинской, они сохранились в семейной библиотеке.

<sup>5</sup> Отец, Платон Карсавин, танцовщик Императорских театров, происходил из купеческо-мещанской среды, из государственных крестьян, выбившихся в люди. Матушка, урожденная Хомякова, состояла в прямом родстве с Алексеем Хомяковым, славянофилом и великим православным мыслителем (уже в эмиграции, в Париже, Карсавин переиздаст труды Хомякова о Церкви, снабдив их своими комментариями). Семейные предания возводят одну из ветвей старинного дворянского рода Хомяковых к византийской династии Палеологов.

<sup>6</sup> См.: Евразийский временник. Книга первая. Париж, 1927. Переиздана в 1992 г. в Твери в сб. «Лев Карсавин. Евразийство. Мысли о России. Ч. I, II».

<sup>7</sup> Более того, Карсавин активно участвовал в создании православного Братства Святой Софии, впоследствии разгромленного чекистами.

<sup>8</sup> Со многими из них Карсавин был дружен: это его учитель, проф. И. М. Гревс, это В. И. Вернадский, книги которого с дружескими автографами сохранились в домашней библиотеке Карсавина, это философ С. Л. Франк.

<sup>9</sup> Именно в качестве одного из лидеров оппозиционно настроенной интеллигенции Л. Карсавин проходит по сфабрикованному ГПУ делу религиозного кружка Мейера. См.: Савкин И. Дело о воскресении // М. М. Бахтин и философская культура XX века. СПб., 1991. Ч. II.

нений в РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-й УК РСФСР».<sup>10</sup>

А. Платонов здесь, понятно, ни при чем; его «разносная» рецензия не содержит признаков политического доноса. Не он писал донос в органы, но случайно он оказался крайним в цепи нападавших, последним присоединившись к кампании разнузданной травли ученого, о которой Платонов мог и не знать. Классовый гнев и личное негодование, переполнявшие юного автора сердитой рецензии, вполне естественны для него. С большой долей вероятности можно предположить, что, даже узнав об аресте и высылке на чужбину автора «Ночей», Платонов сказал бы, что поделом, так и должно быть. Платонов всегда искренен, и если он говорит — «наши противники, буржуазная интеллигенция, люди, белые духом...» или «ничего нет гаже, безумнее и ненавистнее для нас, как понятие духовности, высшей интеллектуальной одаренности»,<sup>11</sup> — значит, так оно и есть, значит, Карсавин для него враг. Это естественно, ведь ненависть есть душа революции, говорил Платонов, тогда как сама революция есть «явление жажды жизни человека», «явление его любви к ней» (С. 85). И потому искусственно «замирять» его задним числом с Карсавиным, Игорем Северяниным или еще с каким «белым духом» — занятие жалкое и непродуктивное.

В равной степени бессмысленно упорствовать здесь и в вопросе о том, на чьей стороне был «природный» большевик Андрей Платонов и за кого был профессор Лев Платонович Карсавин, заподозренный властями в либеральных мыслях. Риску предположить, что они оба были на стороне Платона: там и состоялась их встреча, или даже встречи. И эти, с позволения сказать, встречи на стороне, эти маргинальные контакты не менее интересны для исследователя, чем ситуации классические и более изученные. В конце концов внимание к этим периферийным «касаниям» оправдано уже тем, что, как полагал Михаил Бахтин, культура вся находится на своих границах.

Мы можем выстроить несостоявшийся, «неслышный диалог» двух наших героев, их мыслимые встречи в платоновском «умном месте». О чем их разговор? Любовь, Смерть, Память — каждый, хотя и на свой лад, воспроизводит ключевые мифологемы Платона.

Однако перейдем к свидетельствам состоявшейся «не-встречи». Оговоримся, что речь не идет о зависимости от умопостроений Платона в виде заимствований подражания, ссылок на авторитет и т. п.

Но именно Карсавин вместе с С. А. Жебелевым и Э. Л. Радловым и издательством «Academia» впервые предпринял издание «всего» Платона («Полное собрание творений Платона в 15 томах, новый перевод...»; издание завершено не было). Но именно Карсавин отстаивал мнение, что Платон является ключевой фигурой в духовном развитии Европы, ибо «Платон не меньше предвозвещает христианство, чем Моисей».<sup>12</sup> Что касается А. Платонова, то, конечно, его ответство еще не доказывает его «эллинского» происхождения. И хотя выбор имени акт очень ответственный и важный своими последствиями (вспомним в этой связи труд А. Лосева

<sup>10</sup> Аналогичное обвинение было предъявлено, как вспоминает проф. Н. О. Лосский, «всем арестованным 16 августа интеллигентам, обвинение, сущность которого: такой-то до сих пор не соглашается с идеологиею власти РСФСР и во время внешних затруднений усиливал свою контрреволюционную деятельность. Прочитав обвинение, я побледнел, понимая, что это грозит расстрелом...» (Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь // Философ. науки. 1991 № 4, С. 126).

<sup>11</sup> Платонов А. Чутье правды. М., 1990. С. 85, 166. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

<sup>12</sup> Карсавин Л. П. О началах: (Опыт христианской метафизики). Берлин, 1925. С. 35.

«Философия имени», 1927), его Платон — это прежде всего потомственный мастеровой, «герой труда». И все же: насколько это противоречит нашему тезису?

И эллинский мудрец, и юноша Платонов — «мы откровенные язычники» (165). Оба сурово порицают чувственную любовь (на юного Платонова сильнейшее влияние оказал «московский Сократ», Николай Федоров, и его проект бесполого «лучистого» человечества) и оба — эротики, каких еще не бывало.<sup>13</sup> И так же, как для царственного Платона, для пролетария Платонова искусство — это по меньшей мере «вселенская скульптура, планетарная архитектура»,<sup>14</sup> это занятие, посильное лишь всемогущему Демиургу. Это существо, впрочем, можно назвать и Богом: «Мы нашли того Бога, ради которого будет жить коммунистическое человечество. Только этого «бога» будут не любить, а ненавидеть, и такой страшной ненавистью, что родится смысл жизни всех» (87). Это уходящий образ. «Человек долго шел к этому своему дальнему образу — и теперь дошел. Он сам теперь Бог...» (85) А посему, познай самого себя и заодно ту трепетную силу, творящую вселенные, которую «чувство назвало бы именем блага и наслаждения», а «мысль назвала бы эту силу истиной». Но мысль еще не слилась с душою мира, а только ищет этого слияния в познании мира.

Воспроизведем полностью этот фрагмент из статьи А. Платонова «Свет и социализм»: «Социализм придет не ранее (а немного позднее) внедрения света, как двигателя, в производство. И только тогда из светового производства вырастет социалистическое искусство — это вселенская скульптура, планетарная архитектура, и только тогда совершится совокупление человечества в одно физическое существо, а искусство, как его теперь понимают, будет не нужно, потому что искусство — это корректив революционной материи в реакционном сознании, а при коммунизме материя и сознание будет одно» (С. 179).

Начиная с небольшой заметки о книге Л. Дрейера «Задачи и развитие электротехники» (впервые: Советский строитель. 1920. № 1. С. 79, 80), Платонов публикует цикл «электрических» статей («Золотой век, сделанный из электричества», «Электрификация», «Новое Евангелие», «О культуре запряженного света и познанного электричества», «Огни Волховстроя» и др.). Открытие Волховской ГЭС воспринимается им как событие небывалой грандиозности — «это будет второе мировое событие после Октября 1917 года в истории человечества...» Естественно, что столь пылкая «любовь к электричеству» с легкостью трансформировалась в ненависть к неизве-

---

<sup>13</sup> Эротический диалог Платона «Пир» был впервые издан в переводе С. А. Жебелева в пятом томе «Полного собрания творений Платона», под редакцией Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова и упомянутого Жебелева (Петербург, 1922). То, что этот диалог не был случайным явлением в творчестве Платона, прекрасно показывает Фридрих Ницше: «С невинностью, для которой нужно быть греком, а не христианином», он говорит, что не было бы вовсе никакой платоновской философии, если бы в Афинах не было таких прекрасных юношей: их вид только и погружает душу философа в эротическое опьянение и не дает ей покоя, пока она не бросит семя великого в такую прекрасную почву (...) Что выросло под конец из этой философской эротики Платона? Новая художественная форма греческого агон, диалектика» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 65).

<sup>14</sup> В том же 1922 году Андрей Платонов пишет собственный трактат о любви, или, скорее, «позму о любви», где любовь истолковывается в платоновском духе, как космическая сила: «Ту трепетную силу, творящую вселенные, чувство назвало бы именем блага и наслаждения. Мысль назвала бы эту силу истиной (...) Люди хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где веселится сама эта чудесная бессмертная жизнь, откуда выросла эта маленькая веточка — религия, которая теперь засыхает, и на месте ее, на одном с ней стволе вырастает другой цветок — наука, память» (Платонов А. О любви // Платонов А. Чутье правды. С. 182, 184).

стному автору книги, начинающейся словами: «Погас, наконец, — как всегда предательски неожиданно — мертвый свет электричества» (Карсавин Л. П. «Noctes Petropolitanae» С. 15). Вместе с тем Платонов не порывает и с традиционной метафизикой света, одухотворяющей Солнце. Уместно напомнить, что именно «у Платона греческая философия света впервые достигает своей высшей точки».<sup>15</sup> У Платонова античный синтез света и солнца дополняется экологическими мотивами. «Земля должна быть цела и девственна, а вся пышная жизнь человечества пусть идет целиком за счет Солнца».<sup>16</sup> Этот мотив Платонов обыгрывает через несколько лет в «Чевенгуре».

Но вернемся к исходным образам. «Вселенская скульптура», «планетарная архитектура» отсылают к пластической образности эстетики Платона. В диалоге «Тимей» космос мыслится им в виде огромного произведения архитектурного искусства, а «свое Влаго, среди прочих символических интерпретаций, Платон тоже склонен представлять в виде огромного архитектурного произведения».<sup>17</sup>

Познание, по Платону, столь же научно (рационально), сколь и магично, и опирается на древнейшее магическое искусство памяти, обостряющее внимание к ветхим пустякам бытия, обступающим человека в его повседневности, к этим шлакам сил, безвозвратно израсходованных на производство единственного события смерти. Прибегнув к «ars memoria», прозревают в маленькой смерти, coitus'e, локальном скоплении ненужных вещей, знаменая тихого приближения Великой Утешительницы, а с ней того единственного, ужасного, неизменного...<sup>18</sup> И она же, память, дарует и спасение.

Не об этом ли писал Марсель Пруст: «Иногда, в то самое мгновение, когда все кажется нам потерянным, приходит спасительная весть». Напрашивается сопоставление с Карсавиным, написавшим, кстати сказать, специальное исследование о Прусте («Опыт всевременности у М. Пруста»; вошло отдельной главой в его оставшуюся неизданной работу, над которой он трудился в последние годы своей жизни<sup>19</sup>). Карсавин полагал, что наше «я» обладает стремлением и способностью к возрождению не вполне умершего своего прошлого, «к возрождению, которое, как показывает пример Пруста, иногда достигает исключительной актуальности и конкретной полноты и не имеет определенных границ». Чудесными вестниками спасения могут быть самые заурядные вещи: ложечка чая с размокшими в ней крошками бисквита, мгновенно погрузившая в блаженство, возвратившая героя в его детство в Комбре («Я перестал чувствовать себя посредственностью, случайностью, смертным...»); или неровности выложенного плитками двора, возвратившие Прусту ощущение «глубокой лазури», «свежести», «ослепительного света», однажды испытанное им в баптистерии Св. Марка в Венеции. Но оставался вопрос, почему в мгновения триумфа памяти «образы Комбре и Венеции, — говорит Пруст, — дали мне, каждый в свое время,

<sup>15</sup> Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1973. Т. 3. С. 245.

<sup>16</sup> Платонов А. Борьба с пустыней // Платонов А. Чутье правды. С. 224.

<sup>17</sup> Лосев А. Ф. История античной поэтики. Т. 3. С. 173.

<sup>18</sup> Ср. у Платонова: «Религия и наука — это попытки слияния мысли с миром. Но мысль — чисто человеческое свойство, и весь вопрос о так называемой истине — наш, местный вопрос. Этот вопрос и мешает нам жить, мешает воскреснуть для полной, настоящей, всеильной жизни» (182); «Ars memoria» (лат.) — искусство памяти. Об искусстве памяти см. работы Frances Yates: «Art of memory» (1966); «Giordano Bruno and Hermetic tradition» (1964); «The Theatre of the World» (1969); «Coitus» (лат.) — соединение, скопление, соитие, оплодотворение.

<sup>19</sup> Работа Карсавина носит название, данное работниками архива — «Штудии по религиозно-философским вопросам», она датируется приблизительно 1946—1947 гг. Глава 2 единственная среди всех имеет авторское название — «Опыт всевременности у М. Пруста». Рукопись хранится в Национальной библиотеке Литвы.

радость, равную достоверности и без всяких других доказательств достаточную для того, чтобы сделать смерть для меня безразличной?»<sup>20</sup>

«Мир к золотым вернется временам, / Коль скоро помнит тех времен приметы», — это строки из сонета Т. Кампанеллы, стремившегося воскресить не только воспетое Платоном действительное искусство памяти, но и жанр платоновской утопии. Связь этих явлений не случайна. Утопия — это место, где обретается «блаженство», место личного и коллективного «спасения», это «рай на земле». Классические утопии как бы не предполагали немедленного своего осуществления; механизм их осуществления представляется их творцам очень смутно. В XX веке утопии внезапно начали сбываться, сочетая при этом чудовищную огромность своих притязаний с необыкновенной стремительностью своей триумфальной и одновременно катастрофической поступи. Поначалу они разворачивались преимущественно в пространстве языка — в том смысле, что утопия долгое время оставалась обыкновенным литературным жанром. Однако уже у Платона ставится вопрос о выборе при достижении утопии предпочтительной речевой стратегии. (В идеальном государстве Платона репрессии есть средство восстановления нарушенного равновесия, средство против господства письменности как начала механического, убивающего творческую память: «Федр», 275 и сл.). В утопиях новых и новейших, наоборот, «бумага», «письменный факт», «регулярное письмо» терроризируют устную стихию речи и самую память, принуждая их к искажению естественного «чинопоследования», к противоестественному сочинению несовместимых слоев реальности.<sup>21</sup>

Поздние утопии принимают к признанию насаждаемой ими фиктивной реальности как высшую и единственную. Но не случайно рай на земле, Чевенгур, располагается не где-нибудь, а посреди «адова дна коммунизма». Так и насилюемая память отвечает насилием же, но еще более изощренным.<sup>22</sup>

Текстовое пространство произведений А. Платонова рубежа 1920—1930-х гг. или, скажем, «Поэма о смерти» Л. П. Карсавина (1931) тоже отмечены чертами, свойственными утопии. Но в отличие от Платона и наследовавшей ему традиции моделью их утопического пространства является не идеальный город, но расширяющаяся, наступающая пустыня как доминирующий элемент текстового ландшафта.<sup>23</sup>

<sup>20</sup> Цит. по: *Карсавин Л. П. Опыт всевременности у М. Пруста*, л. 43.

<sup>21</sup> Ср.: «Бумага — тень истины» («Город Градов»). Чевенгурский большевик Пиюся больше всего «пугался канцелярий и написанных бумаг — при виде их он сразу, бывало, умолкал и, мрачно ослабевая всем телом, чувствовал могущество черной магии мысли и письменности» — *Дружба народов*. 1988. № 4. С. 69.

<sup>22</sup> Идеалу европейского сознания, декартовскому «ясному и отчетливому состоянию ума» в чевенгурской утопии соответствует «ясная голова Чепурного, обладавшего громадной, хотя и неупорядоченной памятью; он вбирал в себя жизнь кусками — в голове его, как в тихом озере, плавали обломки когда-то виденного мира и встреченных событий, но никогда в одно целое эти обломки не сцеплялись, не имея для Чепурного ни связи, ни живого смысла. Он помнил плетни в Тамбовской губернии, фамилии и лица нищих, цвет артиллерийского огня на фронте, знал буквально учение Ленина, но все эти ясные воспоминания плавали в его уме стихийно и никакого полезного понятия не составляли» (там же. С. 58).

<sup>23</sup> Классический дискурс и стандартный тип утопического пространства предполагают при заданных параметрах возможность абсолютного контроля над процессами (в том числе — речеповедения). Пространство пустыни — иного типа, оно принципиально неоднородно, разбито на сегменты, собрано вокруг источников. Движение здесь возможно по определенным векторам (караваны переходят от одного оазиса к другому). На Карсавина сильное впечатление произвело появление в его парижской квартире индуса в яркой чалме, ученика Рабиндраната Тагора, весь день декламировавшего стихи. Содержание их со временем забылось, запомнилось, что длинные периоды чередовались рефреном: «Ты слышишь ли звон караванов?». Так

Пустыня — это место, где рай и ад сходятся, где они наиболее близки друг другу, борются, вытесняют, постоянно перетекают друг в друга.

Так у Карсавина в «Поэме о смерти» находим следующие строки: «И опять зияет ненасытная пустота», «а цветущий рай превратил в пустыню», «и нет уже солнца. Серая пустота», «разверзается пучина адская», «там бездна, которой нет», «и словно тучи клубятся — встает, вспоминается снова», «из бездны безвидной, пустой и небытной звал меня», «из глубины ада твоего подымется моя свобода», «в аду все равны, и бес там уже не бес», «вносят бесы свою вдвоем лепту на покупку колоколов. Весь ад принимает живейшее участие в строительстве Царства Божия».<sup>24</sup>

Топос пустыни уникален, это особое место, налагающее особые ограничения на совершаемое в нем или через него движение. Как таковая пустыня не пересекаема, пересекающий ее караван движется не в пустыне, а по звездам; здесь поистине «земля и небо сходятся». Топос пустыни обладает внутренней размерностью, что можно описать отрицательной характеристикой его как «не-места», как отрицание способа задания линейной метрики, когда место задано тем, что оно занято некоей вещью, и ее внешние границы очерчивают ее место. Характеристика пустыни как «не-места» позволяет отличать ее от обычной утопии как, в буквальном смысле, «места, которого нет» (*u-topia*).

Приближающаяся к пустыне по значению материя — «хора» (*hōra*) у Платона также не есть некая абстрактная пустота, но «мать-кормилица, обитель, небезразличная к тому, что в ней»,<sup>25</sup> к тому, что она содержит. В этом смысле пустыню можно назвать самым нижним горизонтом бытия. Похвала девственно-безгрешной красоте пустыни является, по словам Г. П. Федотова, одной из самых древних тем монашеской литературы Востока и Запада. Но «пустыня — девственная мать» есть не что иное, как христианизированный образ более древнего, хтонического начала. Есть странный парадокс в том, что хотя «солнце, месяц, звезды и зори — ближе к Богу: они приходят от божественного лица, но не к ним обращено религиозное сердце народа»,<sup>26</sup> оно обращено не ввысь и не к миру, но внутрь и в глубину, затворяет себя в «пустынь». Однако это движение в темноту и тесноту «земли» оборачивается движением к неизреченному «фаворскому свету». Соответственно, паломничество к святым местам, принимая форму духовного странствования, совсем не обязательно должно себя обнаруживать в зримом, пространственном движении. Некоторые современные авторы обнаруживают эту парадигму «обездвиженного движения» или вывернутого внутрь себя пространства внешнего мира, допускающего восхождение вверх через нисхождение вниз, уже в XII в., в «Хождении игумена Даниила». «Это пространство все время кривится, изгибается, то создавая вокруг себя ниши, полости самососредоточения — «пещеры», то возносясь из этих пещер вверх и трансформируясь в «горы», как сферы особого, просветленного состояния земли и вещества».<sup>27</sup>

---

и в текстах, организованных по принципу опустынивающих ландшафтов, важно почувствовать их внутренний ритм, услышать «звон караванов».

<sup>24</sup> Карсавин Л. Поэма о смерти. Каунас, 1931. (См. совр. издание: Карсавин Л. П. Религиозно-философские произведения. М., 1991).

<sup>25</sup> Доброхотов А. Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С. 71.

<sup>26</sup> Федотов Г. П. Мать-земля. К религиозной космологии русского народа // Путь, 1936. № 46, январь—март. С. 10.

<sup>27</sup> Мяло К. Г. Космогонические образы мира: Между Западом и Востоком // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 230. На неприменимость Евклидовой геометрии к анализу художественного пространства Дантова ада и рая обратил внимание о. П. Флоренский в своих «Мнимостях в геометрии» (М., 1922).



Парадигма вывернутого вглубь себя пространства внешнего мира, равно как и «бездвижного движения», когда усилием самоконцентрации, сосредоточением духовной энергии создается пространство внутреннее, обладающее особой размерностью и характеристиками, тесно связана с мифологемой «возвращения внутрь», устойчивости которой в русской духовной традиции приписывают ее роль своеобразного моста между Востоком и Западом, а также с архаической мифологемой умирающего и возрождающегося к новой славе солнца,<sup>28</sup> с гностической идеей о светлом духе, ставшем пленником косной материи, с духом социального кенозиса, характерным в целом для христианства народных низов, с народной верой в чудесное преображение плоти силой сокрытых в материи гигантских возможностей. Однако прослеживание этих связей выходит за пределы нашего сюжета.

Возвращаясь к рецензии Платонова, давшей повод к написанию этой работы, остается добавить, что рецензия Платонова со времени своего появления в провинциальной газете нигде не воспроизводилась и знакомство с ней в ее полном объеме будет интересно как для изучающих творчество великого русского писателя Андрея Платонова, так и для интересующихся наследием отечественной философской мысли.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Л. Карсавин

«NOSTES PETROPOLITANAE» ПЕТЕРБУРГ, 1922 г.\*

— По-русски это значит «Петербургские ночи». Книга написана, как говорится в предисловии, только для посвященных и действительно посвященных людей.<sup>1</sup> Там же говорится, что «единственно оправдывающим издателя обстоятельством может служить только его искреннее желание сохранить для потомства поучительный образец современных антинаучных построений и безответственных мистических исканий».

Содержание книги, по автору, метафизика любви. Автор, кажется, профессор и, как показывает книга, физически совершенно бесчувственный человек. Для него любовь существует как Любовь, т. е. самостоятельное отвлеченное существо, а не составляет с любимой единого, — как есть в жизни.<sup>2</sup> Любовь — это Вера, Алек-

<sup>28</sup> Ср.: «В землю, материю, плоть, погружается солнце, дабы стать светом, чтобы вернуться не только возрожденным, но наделенным также способностью возрождать, преобразовывать самое эту материю, выявляя ее внутреннюю световую природу» (Мяло К. Г. Указ. соч. С. 244).

\* Выражаю признательность Н. В. Котрелеву за помощь в разыскании публикуемого материала.

<sup>1</sup> Орфография Платонова, преизбыточествующая искажениями, вместе с тем неисчерпаемый источник примеров того, как он своим художническим чутьем выходит сразу к «нсточным» корнесловиям языка. Пишет — «посвященные», но имеет-то в виду «просвещенных» (просвещенных читателей, искушенных в труде чтения, к которым обращается и анонимный издатель в предисловии к «Nostes»). И оказывается прав. См.: Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 184—252.

<sup>2</sup> Платонов слишком сердит на неизвестного ему автора книги, чтобы оставаться внимательным ее читателем и сохранить достаточную меру трезвости для адекватного

сандра, Варвара, Мария, или — Петр, Семен, Владимир, Епифан, но не третье, самостоятельно живущее, хотя и дышащее в двух полюбивших, существо — любовь. Любовь не трое (триединство: Любящий, любящая, Сама Любовь), а — ни одного. Любивший это видел сам.<sup>3</sup>

Л. Карсавин не имеет ни сердца, ни семени — и ненавидит их. Для него никогда не было любимой, девушки Маши. А если бы это и случилось, он сейчас же сделал бы все это мировым явлением, оправдал бы Христом, девой Марией, создал бы вокруг живого и теплого чувства мир червивых профессорских понятий — и истребил бы любовь к себе.<sup>4</sup> Вот он что говорит: «Ты ушла. Но люблю тебя я, Любовь. Люблю тобою, Любовью! Ты — любимая моя, ты — я сам, ты — двуединство наше; целостно-вечная, бессмертно-живая, всесовершенная!» Хорошо! Дальше. «Бог становится Богом личным, лучше сказать, — сверхличным в троичном самостяжении своем. Он

---

выражения своих упреков. В том виде, как он их формулирует, их нельзя признать справедливыми. Ср.: «Метафизическая мысль Л. П. Карсавина имеет корень не в абстрациях, а в живой и конкретной любви — чистой, ясной, прекрасной и вместе с тем — мучительной, не осуществившейся, неизменной до порога старости. В письме к Е. Ч. Скржинской (от 1 января 1948 г.) он пишет: «Именно Вы связали во мне метафизику с моей биографией и жизнью вообще», — и далее по поводу «Поэмы о смерти»: «Для меня эта маленькая книжонка — самое полное выражение моей метафизики, которая совпала с моей жизнью, совпавши с моей любовью» (Ванеев А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Ванеев А. А. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 345). Впрочем, и сам Карсавин в упомянутой «Поэме о смерти», которая тематически продолжает «Noctes», невысоко оценивает свою книгу: «Милая и сострадательная читательница, напечатал я в 1922 г. книгу о любви, довольно-таки безвкусную, но небезынтересную. Сам верил, что открываю новые горизонты и вступаю в новый мир, или почти верил: хотел верить. Критики не без остроумия назвали меня тогда „ученым эротоманом“, один же психиатр (по-видимому, вполне справедливо) заметил, что книжка хотя и о любви, а насквозь „головная“» (Карсавин Л. П. Поэма о смерти // Etanús, vol. sec. Каунас, 1931. С. 233—234).

<sup>3</sup> «Любивший это видел сам». Удивительное наблюдение, пробившееся платоновской оговоркой. Так что же видел Платонов? — «ни одного». Но как можно видеть «ни одного» — иными словами, того, что (кто) вне счета и времени, задающих условия наблюдения? Что это: ляпус, обычный для малограмотного человека или свидетельство пережитого свидания с «Неисчислимым», слияния — с кем? Этого Платонов не ведает, он лишь «видел» это сам. В дальнейшем под сомнение ставится и это утверждение — с появлением «евнуха души», нового наблюдателя и летописца обрушивающейся души. В этой связи выдвигается, как весьма вероятная, гипотеза, что «во время создания „Ювенильного моря“, „Котлована“ и „Чевенгура“ Платонов биографически переживает нечто подобное шизофреническому коллапсу. „Мертвый брат“, „евнух души“, „полночный сторож“ — о чем говорит все эти имена, которыми называет Платонов этого странного и маленького гомункулуса, живущего в каждом из его персонажей? Можно ответить одним словом: они говорят нам о неvollkommenheit» (Подорога В. Евнух души. Позиции чтения и мир Андрея Платонова // Сознание в социокультурном измерении. М., 1990. С. 81).

<sup>4</sup> У Карсавина читаем прямо противоположное тому, в чем его обвиняет Платонов: «Для того, кто читал творения мистиков, ясно, что природа Любви остается тою же самой, что те же ее проявления и формы, как в любви к Божеству, так и в любви к человеку. Только любовь к Богу в своих мистических выражениях ближе к той, которая во мне, когда я вдали от любимой; и обычно нет в ней всей яркости и жизненности земной любви. В этом ее недостаточность и неполнота, в этом роковая ограниченность мистической жизни» (Карсавин Л. Noctes Petropolitanae. Пб., 1922. С. 111).

всецело разъединяется на три взаимоограничивающих друг друга ипостаси»... и т. д. Вся книга — варевое понятий протухшего усталого мозга. О настоящей человеческой любви автор не имеет никакого представления. Для него любовь — религия, философия, литература, все, что угодно, только не крик будущего, не движение семени, не физиология, не теплота, не мужество и не физическая сила, истребляющая негодные поколения, не работа солнца.

Автор — дохлый человек,<sup>5</sup> и совершенно непросвященный. Его книга, кроме прочего, еще и до последней точки реакционна и христиански убога, и совсем не эквивалентна содержанием труду, затраченному на ее создание

А. Пл.

«Коммуна», № 178, 9 авг. 1922 г.)

---

<sup>5</sup> Сходный взгляд на «дохлых» см. в его заметке о книге коммунистических идеологов: «Разбивая софистические построения худшего из наших врагов Каутского, т. Бухарин окончательно закапывает его, как бывшего человека, а теперь только издающего зловоние мертвеца» (Платонов А. Октябрьский переворот и пролетарская диктатура. С. 139). По-видимому, непочтительность к смерти и мертвым — черта не столько индивидуальная, сколько выражающая общие настроения, доминирующие в обществе, в котором многолетняя и кровопролитная война обесценили человеческую жизнь. Характерный пример тому — газетный отчет о происшедшем в конце 1918 г. в Невеле публичном диспуте на тему «Бог и социализм». Примечателен он тем, что на нем выступал М. М. Бахтин. Итак, «выступает тов. Бахтин. Он в своей речи, защищающей этот намордник темноты религию, витал где-то в области поднебесья и выше. Живых примеров из жизни и истории человечества в его речи не было. В известных местах своего слова он признавал и ценил социализм, но только плакал и беспокоился о том, что этот самый социализм совсем не заботится об умерших (не служит панихиды что ли?) и что, мол, со временем народ не простит этого. — Интересно, когда-то он «не простит», через сто или больше лет? — Когда народ будет во сто раз просвещенней настоящего! — «Не случится этого», — кто-то ответил Бахтину. В общем, слушая его слова, можно было подумать, что вот-вот подымется, воскреснет вся лежащая и истлевшая в гробах рать и сметет с лица земли всех коммунистов и проводимый ими социализм». Выступивший следом тов. Гутман возразил Бахтину в том смысле, что «мертвые не воскреснут, и заботиться о них не нужно» (газ. «Молот», № 47, 3. XII. 1918; цит. по: Память. Исторический сборник. Париж, 1981. Вып. 4). Ср.: «О чем Вы меня спрашиваете? О какой красоте? О ней спросить может дохлый; для живого нет безобразия» (Из предисловия к книге «Голубая глубина» // Платонов А. Возвращение С. 69).

**В. А. Шошин**

## **ИЗ ПИСЕМ К АНДРЕЮ ПЛАТОНОВУ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА)

### **1. В контексте литературно-общественной жизни 20—30-х гг.**

Напомним слова Сергея Залыгина: «Мы еще не скоро, мировая эстетическая мысль не скоро отдаст себе отчет в том, что это за явление — Андрей Платонов...»<sup>1</sup> И еще: «Платонов относится к тем более чем редкостным писателям, слово которых — сколько бы о них ни писали и ни говорили, сколько бы ни размышляли, ни разгадывали — до конца не будет разгадано никогда».<sup>2</sup>

Однако тем более закономерно стремление — хотя бы приблизиться к разгадке. На этом пути важны искания литературоведов, важны также любые документы и свидетельства, в том числе и письма. Так мы подходим к разговору о письмах к А. П. Платонову, хранящихся в Пушкинском Доме.

Полную картину взаимоотношений собеседников дошедшие до нас письма не дают. Картину души адресата они дают впечатляющую. Мы видим отраженное в них лицо Андрея Платоновича — «и доброе, и язвительное, и мудрое, и печальное — целый спектр душевных состояний».<sup>3</sup>

Письма — «безответны», ответы Платонова не сохранились, по крайней мере в Пушкинском Доме их нет. Но ответы — в творчестве Платонова! Оно разъясняет нам, почему душа писателя притягивала людей, даже и не знакомых с ним. Еще важный аспект — письма помогали творчеству, укрепляли подпочву духовного существования, недаром Платонова всегда привлекали именно люди, движения человеческих душ.

Виктор Боков писал 22 октября 1940 г. Платонову: «Все разговоры наших современников, к сожалению, не отмечены письмами, а пущены в телефон. Жаль! Умрут, и ничего от них не останется...».<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Знамя. 1986. № 6. С. 49.

<sup>2</sup> Новый мир. 1987. № 6. С. 50.

<sup>3</sup> Боков В. Высокое слово Андрея Платонова // Лит. Россия. 1989. 24 марта.

<sup>4</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 15.

К счастью, это печальное пророчество сбылось не полностью. У того же В. Бокова находим в одном из писем его к А. Платонову лирическое и вместе с тем глубокое истолкование писательской переписки, значение писем к писателю: «Отсутствие такого полноценного общения с читателями (обществом) создает глубокую травму в душе писателя, воодушевление его может пропадать и долгое время даже отсутствовать, сохраняя только где-то в глубине инстинкт творчества, который есть талант, искра божья. Конечно, когда писатель пишет, он не думает обо всем этом, но когда он написал, выразил то глубокое, что волновало его сердце, ему надо, чтобы кто-то так же глубоко, как он (идеальный читатель), почувствовал это».<sup>5</sup> Люди тянулись к Платонову, ибо, как сказал Л. Гумилевский, «он был чрезмерно добр к людям...»<sup>6</sup> Не случайно некоторые авторы писем к Платонову оставили яркие воспоминания о нем. Н. Стальский, например, вспоминал: «Грубоватые, резкие черты лица освещались такими голубыми, сияющими глазами, что сразу становилась заметна своеобычность этих черт».<sup>7</sup>

Двухкомнатная квартира на Тверском бульваре в Москве, где Андрей Платонович жил с 1931 по 1951 год, была притягательной для многих. Известный писатель держался не только скромно, но даже как бы робко, будто хотел быть незаметным, говорил глуховатым, негромким голосом. Но голос его слышали многие и откликались на него.

Несколько забегаю вперед, приведем открытку из военного 1943 года в Москву: «Милая Мария Александровна ~ и дорогой мой, свет очей моих, Андрюшенька, шлем мы вам наш вятский привет и желаем здоровья и долгожданного жития. Уж больно нам хочется повидать вас поскорее. Верите или нет, но так нас тянет к вам. Соскучились здорово (...) Целуем вас крепко, крепко. Ваши Вьюрки».<sup>8</sup> Это открытка 11 октября 1943 г. от А. И. Вьюркова и его жены из эвакуации. Прозаик Александр Иванович Вьюрков изучал историю старой Москвы, работал в группкоме издательства «Советский писатель», был душой группкома. Жена Вьюркова Анна Васильевна была красива и обаятельна, «заливала синевой глаз», по выражению В. Бокова.<sup>10</sup>

Письма от «Вьюрков» немногочисленны и кратки, но и они вносят дополнительные черты в наше представление о Платонове. 17 ноября 1943 г. А. И. Вьюрков пишет Платонову: «Последние дни, сознаюсь тебе, видеть тебя и быть в твоём и Марии Александровны обществе были самыми отрадными моими днями, и поэтому я так тянулся к тебе и так надоедал вам...» В следующем письме (без даты): «Тяжело станет, и подумаешь, кто же около тебя еще? И первая мысль — вы! Вы оба, сильно чувствующие души людей

<sup>5</sup> Там же, л. 4.

<sup>6</sup> Молодая гвардия. 1972. № 4. С. 319.

<sup>7</sup> Стальский Н. Друзья-писатели. М., 1970. С. 42.

<sup>8</sup> Мария Александровна Платонова — супруга А. П. Платонова.

<sup>9</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 45, л. 6.

<sup>10</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 18 ноября 1989 г.

(...) И легче, Андрюша, становится. Жизнь-то в человеке заключается А вы с Марией Александровной — люди подлинные, т. е. такие, каким должен быть человек». <sup>11</sup>

В том же самом письме: «Когда мы остаемся с Анной Вас(ильевной) одни, а это бывает каждый день, т(ак) к(ак) у нас тут буквально нет никого, то мы больше всего говорим и вспоминаем Вас, дорогая наша Мария Александровна, и Андрея. Вспоминаем наши встречи, Ваше гостеприимство. Сердечное отношение ко мне и чуткость отношения ко мне Андрея. Его любовь ко мне и помощь в моих работах. И сходимся мы с Анной Вас(ильевной) всегда на одном, что более близких нам людей у нас нет и что мы едва ли кого больше любим, как вас». <sup>12</sup>

Первое по времени письмо к Платонову среди хранящихся в Пушкинском Доме — письмо Бориса Зыкова из Ленинграда от 27 октября 1926 г. «Пишу тебе, Платоныч, пока варится на примусе гречневая каша, сварится — поставлю точку. Прежде всего о небольшом поручении Марии Александровны. За ту сумму, которую мне назвала Мария Александровна, иметь теперь комнату + отопление + освещение + стол — нельзя. Все это будет стоить, конечно, дороже. На двух больших людей и одного маленького человека <sup>13</sup> нужно не менее 175—200 руб. И сейчас найти все эти удобства вкупе — трудновато. И кроме того, я не знаю, что мне с ними делать, если я их найду. Телеграфировать, телефонировать — а в то время они уже уплывут. Вообще, комнату со всеми благами лучше всего искать, приехав в Питер. Ведь все дело — в быстроте захвата и натиске». <sup>14</sup>

Здесь Платонов приоткрывается еще с одной стороны — бытовой. Как известно, он был изобретателем по своей природе; в РГАЛИ и сейчас хранятся патенты на технические открытия Платонова. Под его непосредственным административно-техническим руководством в Воронежской губернии в середине 20-х гг. были сооружены 3 сельские электрические силовые установки, 316 шахтных колодцев, 763 специально оборудованных пруда. Ознакомившись с подобными биографическими сведениями, читатель может сделать вывод о практичности писателя и — ошибется. От бытовой своей неустроенности Андрей Платонович страдал, как самый завзятый гуманитар. Любопытно в этой связи сопоставить с письмом Б. Зыкова письмо Платонова в 1926 г. из Тамбова жене, где он говорит о трудностях в решении сходной задачи — снятия жилища (Волга. 1975. № 9).

Письмо Зыкова завершается рассуждениями по творческим вопросам: «Ты знаешь, я положительно влюблен в твоего персонажа — Баклажанова — это удивительнейшая фамилия и вообще удивительнейшая личность. По-моему, ты слишком щедро расточаешь дикие плоды своей фантазии. Это от спешки жизни и от нетерпеливого желания быть понятым другими. Надо разжевывать, даже по-

<sup>11</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 45, л. 11—12.

<sup>12</sup> Там же, л. 11.

<sup>13</sup> Речь идет о сыне А. Платонова.

<sup>14</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 50.

пуляризировать каждое свое слово, вести свою агитацию. Отчасти поэтому многие писатели повторяются и не потому вовсе, что им больше нечего сказать. Они просто хотят вдолбить читателям какой-нибудь смысл своих даже простых вещей...»<sup>15</sup> Речь идет о герое рассказа Платонова «Приключения Баклажанова» (1922).

В письме Зыкова поднята серьезная вообще и определяющая для Платонова проблема подлинности таланта и непригодности таланта подлинного. Современник недаром свидетельствовал: «Все было у Андрея Платонова — талант выдающийся, обширная образованность, знание жизни, высокая идейность. Одного не было дано ему: житейской ловкости».<sup>16</sup>

В ряду писем к Платонову одним из первых стоит известное письмо М. Горького, в котором 18 сентября 1929 г. М. Горький признавался адресату: «Человек вы — талантливый, это бесспорно...» Заключительный дружеский совет был, однако, не лишен грусти: «Не горюйте...»<sup>17</sup> Верно схвачена общая тональность творческой судьбы. Улыбался он не часто и — чуть-чуть. На лице был только намек на улыбку, только след ее, набросок, а сама улыбка — уходила вглубь...<sup>18</sup>

Как вспоминал Н. Задонский, Платонов в молодости бывал иногда угрюм, всегда мечтательно настроен, реже — весел, но почти всегда жизнерадостен. С годами жизнь представляла все более мрачными сторонами — жесточайшая критика и замалчивание.

Внимание друзей поддерживало в этой обстановке.

Многое может стоять и за одним письмом. Это подтверждает, например, хранящееся в Пушкинском Доме письмо Платонову от В. Келлера.

«Дорогой Андрей Платонович!

Я сообщил в редакцию о Вашем отъезде на следующее же утро, как Вы меня просили. А когда потом я говорил с ними относительно рукописи, то они уже успели получить Ваше письмо, я узнал от них, что рукопись Вам нужна, и не стал ее брать. Теперь оказывается, что есть второй экземпляр и что он тоже Вам нужен. Он, очевидно, там же в Радиогазете. Сейчас (я только что получил Ваше письмо) вечер и там никого нет. Завтра с утра мы все устроим.

То, что М(ария) А(лександровна) заразилась, да еще в больнице, все это просто жутко. Я чувствую, как тяжело вам обоим приходится и с каким сердцем Вы ходите около больницы.

Сейчас сказал Молотовым по телефону о Вашем письме, они просят передать Вам и Вашей жене привет и лучшие пожеланья. Все Ваши друзья и знакомые, с которыми я говорил еще раньше, разволновались. Может ли сочувствие служить в таком положении, не знаю.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> *Славин Л.* Портреты и записки. М., 1965. С. 95.

<sup>17</sup> *Лит. наследство.* М., 1963. Т. 70. С. 313, 314.

<sup>18</sup> *Таратута Е.* Драгоценные автографы. М., 1986. С. 209.

По тому, что Вы пишете про врачей, кирпичи, науку и остаточную сволочь, вижу, что Вы все таки живы, и радуюсь этому.

Я глубоко тронут тем, что Вы даже теперь вспомнили о моих личных делах. Вы много мне помогли тем разговором тогда в четверг (...) Желая Вам и М(арии) А(лександровне) иметь достаточно силы. Что сказал не так, или чего не сумел сказать, дочувствуйте сами. Крепко жму вашу руку.

Ваш В. Келлер.<sup>19</sup>

Владимир Борисович Келлер, сын профессора Воронежского университета и сельскохозяйственного института, ботаника-эколога Бориса Александровича Келлера сыграл известную роль еще в период становления юного Платонова. Сам поэт, В. Келлер был разносторонне образован, изучал экономику и философию, выступал с докладами в воронежском журналистском клубе «Железное Перо».

Газета «Воронежская коммуна» сообщала 7 июля 1920 года: «Состоявшийся в субботу 3 июля литературный очередной вечер в клубе «Железное Перо» привлек больше публики, чем первый. Вечер был посвящен творчеству местного рабочего поэта Андрея Платонова. Вечер открылся небольшим вступительным словом т. Келлера... Доклад тов. Келлера вызвал оживленные прения, которые затянулись далеко за полночь».<sup>20</sup> Через день газета раскрыла положения вступительного слова-доклада В. Келлера: «Платонов — чувствует горячо и сильно, переживания его значительны. Его стихи — естественное продолжение его личности: никакой нарочитости, удивительная непосредственность творчества».<sup>21</sup>

Поддерживал Келлер Платонова и в дальнейшем и умел найти для друга добрые слова. В рецензии на стихи Платонова Келлер писал: «Толкаться в литературных лавочках Питера и Москвы и кричать о себе он, разумеется, не будет. А без этого теперь нельзя. Но те, кому нужен Платонов, найдут к нему дорогу. А нужен он многим».<sup>22</sup> Келлер не ошибся в начинающем стихотворце, что вскоре подтвердил Валерий Брюсов своим авторитетным заявлением: «В своей первой книге А. Платонов — настоящий поэт, еще неопытный, еще неумелый, но уже своеобразный».<sup>23</sup>

В письме Келлера идет речь о Георгии Захаровиче Литвине-Молотове (1898—1972), который был редактором воронежских газет «Красная деревня» и «Воронежская коммуна». Платонов подарил ему в 1927 г. свою книгу с такой надписью: «Георгию Захаровичу Литвину-Молотову, человеку, которому я обязан своим лучшим и чистым прошлым и, быть может, буду обязан будущим». Известно и такое высказывание Платонова: «Может быть, я и не стал бы

<sup>19</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 51, л. 2.

<sup>20</sup> Воронежская коммуна. 1920. 7 июля.

<sup>21</sup> Там же. 9 июля.

<sup>22</sup> Зори. 1922. № 1. С. 86.

<sup>23</sup> Печать и революция. 1923. № 6. С. 70.



писателем, если бы не Георгий Захарович Литвин-Молотов, его постоянная поддержка... Мое счастье, что я его встретил!»<sup>24</sup>

Литвин-Молотов был всего на год старше Платонова, но прошел большую школу партийной работы — был организатором большевистской ячейки в одном из городов, возглавлял уездный совет, затем редактировал газеты. Известно его высказывание: «Андрей Платонов обладал глубоким и пытливым, чистым, искренним до наготы умом».<sup>25</sup> Раздумья его о Платонове были развернуты в предисловии к выпущенной им книге стихов Платонова «Голубая глубина» (1922). В 1925 г. Литвин-Молотов становится членом правления Госиздата, а затем председателем правления и главным редактором издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Именно тогда в «Молодой гвардии» был издан первый сборник прозы Платонова «Епифанские шлюзы», чем была открыта ему дорога в большую литературу.

После «Епифанских шлюзов» судьба Платонова, как известно, двигалась сразу по двум противоположным (или совпадающим?) направлениям: растущая известность и усиление критических нападок. «На литературном посту», «Молодой большевик», «Красная новь», «Пролетарский авангард» обрушились на Платонова, да и не только они. О рассказе Платонова «Усомнившийся Макар» А. Фадеев писал: «...под маской простоватого, «усомнившегося Макара» дышит звериная, кулацкая злоба, тем более яростная, чем более она бессильна и бесплодна».<sup>26</sup> Между тем есть мнение, что «Усомнившийся Макар» был откликом на статьи В. И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше».<sup>27</sup>

В 1936—1937 гг. критики обрушились на публикацию журналом «Литературный критик» рассказов Платонова «Фро» и «Бессмертие». Б. Илюшин критиковал Платонова за них в «Комсомольской правде», В. Ермилов за их публикацию упрекал «Литературный критик» в «идеологической слепоте».<sup>28</sup> Переходя к широкому обобщению, А. Гурвич утверждал, что герои многих рассказов Платонова — «рабы, сироты нищие». При этом «пассивная и скорбная поза» автора неизменно сменяется цинизмом. Его мишенью являются революция и советское общество. В некоторых его произведениях «советская действительность подвергается чудовищному извращению, и иначе как клеветническими произведения эти быть названы не могут». Все произведения Платонова несут на себе «печать единого, глубоко порочного» мироощущения.<sup>29</sup>

В этом контексте особенно достается «Бессмертию» и «Фро». Большевизм их автора, по мнению Гурвича, — «религиозный, монашеский», «Платонов антинароден, поскольку истинные качества

<sup>24</sup> *Задонский Н.* Интересные современники. Любопытная старина. Воронеж. 1975. С. 26, 24.

<sup>25</sup> Там же. С. 25.

<sup>26</sup> Красная новь. 1931. № 5—6. С. 206.

<sup>27</sup> *Шешуков С.* Неистовые ревнители. М., 1984. С. 242.

<sup>28</sup> Лит. газ. 1938. 20 сент.

<sup>29</sup> Красная новь. 1937. № 10. С. 194, 195.

русского народа извращены в его произведениях». Один критик больному, по его мнению, жизнеощущению Б. Пастернака противопоставил здоровье Платонова; Гурвич заметил по данному поводу: «Не все ли это равно, что переливать малярику кровь рахитика?»<sup>30</sup>

Платонов сам ответил Гурвичу в «Литературной газете» 20 сентября 1938 г. Отрадно, что и «Литературный критик» заступился за Платонова в статье «Порочная критика» (1937. № 9). Между прочим, «Третий сын» был включен в ежегодный сборник лучшего рассказа, изданный в США в 1937 г.

У Андрея Платонова были действительно настоящие друзья. Мысль о публикации рассказов Платонова в «Литературном критике» высказал Игорь Сац, ее поддержали сотрудники журнала Е. Ф. Усиевич, М. М. Розенталь, М. А. Лифшиц. В конце 1936 года автор получил письмо от критика Виктора Осиповича Перцова.

«Голицыно, 22.11.36

Дорогой Андрей Платонович!

Только сейчас прочитал Ваши два рассказа в «Л(итературном) К(ритике)». Они показались мне оба настолько сильными, что единственным способом освободиться от этого впечатления была бы статья о них. Я сейчас не могу ее писать, — поэтому решил пока сказать Вам об этом в письме.

В них есть еще — простите меня — некоторое юродство и это, мне кажется, мешает размножить эти вещи в миллионах экземпляров, чтобы их прочли все. Если бы Вы написали и издали бы десяток подобных рассказов, это было бы — я убежден — большим событием в нашей жизни и литературе.

Спасибо Вам за эти серьезные, честные вещи.

Привет

В. Перцов».<sup>31</sup>

В начале 1937 года Платонову пишет давний друг Владимир Борисович Келлер, по совету Елены Феликсовны Усиевич пишет на станцию Тосно: «Дорогой Андрей Платонович, сегодня получил Вашу открытку, большое спасибо. Не знаю только, куда Вам писать — чтобы Вас застало и не пролежало бы слишком долго. Посоветовавшись с Еленой Феликсовной (зачитал ей Вашу открытку по телефону — просит передать привет), решил писать на Тосно. Авось получите. Ну — счастливого пути. Что эти наркомземовцы Вам не подмога — это мы все почувствовали еще на вокзале. Ямщик, который едет в Ленинград «стрелой» — это вряд ли практично. Но у Вас уже «специфическая» терминология на счет лошадей — пользователи, тягушие и т. д. И овес куплен. Вы управитесь со всем этим без всяких наркомземовских специалистов. Только бы Ваш возница оказался подходящим. А тулуп себе купили?»

<sup>30</sup> Там же. С.211, 212, 230, 233.

<sup>31</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 60.

Вряд ли Вам попадется в дороге «Лит(ературная) газета» (кажется, № 10) — Ставский напал на Игоря за его обзор «Знамени». Еще раз — все мы желаем Вам хорошего путешествия и крепко жмем Вам руку.

В. Келлер». <sup>32</sup>

Открытка, посланная Келлером 23 февраля до востребования на станцию Тосно Ленинградской области, адресата не нашла — вернулась обратно. А о каких лошадях в открытке шла речь? Речь шла о замысле «Литературного критика» командировать А. Платонова по известному пути А. Радищева, только в обратном направлении — из Москвы в Петербург—Ленинград. Долго дебатировался вопрос — на чем ехать? Не на «Красной стреле»! Было решено купить лошадь... Книга о поездке не была, к сожалению, завершена, тем не менее текст ее существовал. Автор им дорожил, в эвакуации во время сна на вокзале в Уфе привязывал папку с рукописью к руке. Как-то проснулся: папка есть, рукописи — нет...

Открытка не дошла, но благодаря ей мы еще раз встречаем друзей Платонова Игоря Саца, Елену Усиевич. Редакции журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение» помещались в том же Доме Герцена на Тверском бульваре, где во флигеле жил Платонов, — друзья, к счастью, были совсем рядом.

Е. Усиевич последовательно отстаивала творчество Платонова — за что и подвергалась «разносу» вместе с ним. Так, например, в редакционной статье журнала «Красная новь» «О вредных взглядах „Литературного критика“» говорилось: «Представления Е. Усиевич и А. Платонова о сущности трагического являются глубоко невежественными и обывательскими». <sup>33</sup>

Среди статей Платонова, опубликованных в журнале «Литературный критик», была и статья «Книги о великих инженерах», посвященная литературной работе Льва Гумилевского. По мнению В. Чалмаева, Платонов реальное значение некоторых фигур, в том числе и Л. Гумилевского, частично преувеличил. В. Васильев также считает оценку Платоновым Гумилевского завышенной. Но нужно иметь в виду и то, что Платонов был увлечен самой идеей научно-технического прогресса, которую пропагандировал Гумилевский. Он писал о Гумилевском: «...нам очень редко приходилось читать книгу, где техника изображалась бы как глубокая страсть ума и сердца человека... Творческий труд здесь возводится в степень первой, страстной необходимости». <sup>34</sup>

27 ноября 1936 года Лев Иванович Гумилевский направляет Платонову следующее письмо:

«Дорогой Андрей Платонович!

Институт Библиоковедения обратился ко мне с просьбой высказаться по вопросу о научно-популярной книге, что я и сделал.

<sup>32</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 51, л. 1.

<sup>33</sup> Красная новь. 1940. № 4. С. 169.

<sup>34</sup> Лит. критик. 1937. № 2. С. 174.

Мне показалось, что поскольку Вы заинтересовались моими книгами, Вам, может быть, будет интересно взглянуть на этот ответ — я и послал Вам копию его. Во всяком случае не сердитесь за то, что я Вам напоминаю о себе — этому есть оправдание в целом ряде обстоятельств, о которых я Вам немножко рассказывал.

Кланяюсь и жму Вашу руку.

Лев Гумилевский». <sup>35</sup>

Следующее письмо Л. Гумилевского было отправлено 31 марта 1937 г., т. е. после появления в печати статьи Платонова «Книги о великих инженерах»:

«Дорогой Андрей Платонович!

После долгих поисков я наконец-таки заполучил журнал и прочел статью Вашу с полным вниманием, которого не уделил, когда Вы сами ее читали, от непривычки слушать. Она доставила мне — впервые это случается в моей 20-летней литературной жизни — то глубокое удовлетворение, которое в один миг вдруг вознаграждает за многие годы труда и мучительных колебаний да еще надолго, должно быть, вперед определяет основное настроение человека. Дело не только в высокой оценке — вероятно, все-таки превышающей действительную стоимость моего труда, а в том, что эту оценку я получаю из рук человека, поразившего меня и точностью и глубиной понимания тех отдельных моментов в моей работе, которые я сам бы, как долго я не думал о них, не мог бы ни понять их с такой проникновенностью, ни тем более выразить словами столь точно и ясно.

Все это заставляет меня высказать Вам мою не формальную, а самую настоящую, искреннюю благодарность — которая, вероятно, шире даже моего личного признательного чувства, так как оно, несомненно, отразится и в моем отношении к будущим работам.

Я, конечно, повидаяюсь с Вами в ближайшие дни, но сейчас под впечатлением я все-таки не могу не написать Вам.

Ваш Лев Гумилевский». <sup>36</sup>

Л. И. Гумилевский родился еще в 1890 году, печататься начал двадцать лет спустя, но успех долго не сопутствовал ему, а принесшая ему широкую известность повесть «Собачий переулок» (1927) подверглась резкой критике за натурализм в изображении жизни, быта, любви молодежи в годы нэпа. Этим надолго была заслонена работа Гумилевского по художественной популяризации проблем и достижений науки и техники, хотя он мог записать в свой актив книги «Рудольф Дизель» (1933), «Густав Лаваль» (1936). Поэтому рецензия Платонова имела для Гумилевского поистине историческое значение.

---

<sup>35</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 48, л. 1.

<sup>36</sup> Там же, л. 2.

7 декабря 1938 г. Гумилевский пишет Платонову:

«Дорогой Андрей Платонович!

Не сумеете ли Вы завтра, 8-го декабря в 6 1/2 часов зайти ко мне в Нащокинский пер(еулок), чтоб обсудить написанный мною проэкт докладной записки об издании научно-популярной литературы. Мы об этом с Вами говорили, но я не уверен, что Вы не забыли об этом (т. е. о докладной записке). К этому времени ко мне зайдет Я. С. Рыкачев, который, как я вам тоже говорил, самым живейшим образом интересуется этим делом и принимает в нем участие. Мы остановились на этом часе 6 1/2 — чтоб не «потерять» всего вечера. Завтра днем я уговорился встретиться с Войтинской и таким образом буду знать к вечеру о их требованиях, о чем тоже хотелось бы поговорить с Вами — так что если у Вас есть возможность зайти, то пожалуйста доставьте мне это удовольствие.

Ваш Лев Гумилевский.

P.S. Передайте привет Марии Александровне и скажите ей, что ее доктор не принимает новых пациентов, так что без ее протекции, очевидно, я к нему не попаду».<sup>37</sup>

Любопытна в том же 1938 году и открытка от Игоря Саца: «Дорогой Андрей, только вчера послал тебе письмо (не знаю, дойдет ли, оно без марки), а сегодня вечером получил твое. Кажется, сейчас уйдет почтовый грузовик, тогда мое прежнее письмо и открытка встретятся в Геленджике или Новороссийске, Мих(аилу) Ал(ександровичу) я тотчас же написал. Но, дорогой мой, флюс — с каких пор он стал хронической болезнью? Твое письмо шло 4 1/2 дня, к Лифшицу пропутешествует не меньше — всего 9—10 дней, пора флюсу и пройти, если только у тебя не запланирован новый. Жаль, что ты не приедешь, но другая болезнь, не флюс, а старая, дело серьезное. Лучше покамест оставаться на месте. В моем письме ты найдешь материал для очерка о собаках (...) Пиши. Целую. Игорь».<sup>38</sup>

Критик и переводчик Игорь Александрович Сац был одним из ближайших друзей Платонова. Родился в Чернигове в 1903 году, а уже в 1918-м вступил добровольцем в 1-й Богунский полк дивизии Н. А. Щорса. В течение десяти лет был литературным секретарем А. В. Луначарского, который и умер на его руках во Франции. В 1936—1940 гг. Сац работал зав. отделом библиографии в журнале «Литературный критик», активно поддерживал Платонова. Так, рецензируя номер «Красной нови», где был опубликован рассказ Платонова «Третий сын», Сац подчеркивал: «Этот рассказ — лучшее, что есть в рецензируемой книге журнала... Написан рассказ очень хорошо».<sup>39</sup> Б. Костелянец тут же ответил Сацу в статье «Фальшивый гуманизм»: «...в рассказе нет ни настоящих коммунистов, ни

<sup>37</sup> Там же. л. 3.

<sup>38</sup> Там же, ед. хр. 63.

<sup>39</sup> Лит. обозрение. 1936. № 4. С. 40.

подлинной глубины чувства!» И завершил весь разговор свой о рассказах Платонова кратко и категорично: «Что плохо — то плохо!»<sup>40</sup>

Из предвоенных лет дошло до нас также письмо, отправленное 9 апреля 1939 г. Алексеем Липецким: «Дорогие Мария Александровна и Андрей Платоныч, приветствует Вас Липецкий и желает здоровья и благополучия. С 15-го он направляется в санаторий «Сокольники». Сочтет своим долгом написать Вам оттуда.

Не был у Вас это время потому, что чувствовал себя крайне плохо. Возвращая книги, винюсь за их долгое отсутствие из любезного шкафа, который доставил автору сей записки неоднократное удовольствие.

Спасибо за доброе отношение к тому, кто пребывает в неизменном к Вам сердечном расположении и остается всегда готовым к услугам

Алексеем Липецким».<sup>41</sup>

И это письмо добавляет какие-то черточки к облику писателя («любезный шкаф»). И оно расширяет наше представление о круге общения Платонова. Алексей Владимирович Каменский взял себе псевдоним по городу, где родился в 1887 году, — Липецкий, дебютировал он, как и Платонов и в то же время, сборником стихов «Тишина» (1920). Его романы о деревне «Наперекор» (1928) и «Мельница в Карташове» (1931) ныне, к сожалению, забыты, но, чтобы представлять, с каким человеком в данном случае имел дело Платонов, приведем слова современника о Липецком: «Это был добрейший человек, от природы редкостно интеллигентный... я его знал, как автора романа «Наперекор», очень яркого полотна из жизни деревни. Это лучше «Брусков» Панферова».<sup>42</sup>

По свидетельству Валерии Модестовны Алексеевой, жительницы Ленинграда 1930-х гг., удалось установить еще один платоновский адрес в нашем городе. До войны семья В. М. Алексеевой жила в одной коммунальной квартире с семьей доктора Филиппа Борисовича Блюменау, которого знал Платонов. Блюменау был не только хороший специалист, но и честный, порядочный человек; или контакты настоящего писателя нравственно выборочны? «Доктор был бесребренник, был популярен, благодаря ему и обстановка «коммуналки» была необычно дружеской. Многие стремились лечиться именно у него».<sup>43</sup>

Сохранился этот дом — № 42 по Моховой улице, где жил доктор Блюменау. Сохранились воспоминания о том, что Платонов приходил сюда к нему на квартиру № 3 с мальчиком — с сыном. В Ленинграде жили родители жены Платонова, каким-то образом Андрею Платоновичу стал известен адрес Блюменау. И отсюда, может быть, шли письма к Платонову...

Особый интерес представляет история дружбы поэта В. Бокова с А. Платоновым; письма В. Бокова хранятся в Пушкинском Доме.

<sup>40</sup> Звезда. 1938. № 1. С. 258, 260.

<sup>41</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 55.

<sup>42</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 9 декабря 1989 г.

<sup>43</sup> Из письма В. М. Алексеевой автору статьи от 28 марта 1990 г.

В 1936 году В. Боков содействовал публикации рассказа Платонова «Красный лиман» в издании «Колхозные ребята». Завязалась дружба, которой возрастная разница в пятнадцать лет не мешала. Именно Виктор Федорович Боков был первым слушателем платоновского рассказа «В прекрасном и яростном мире» — и уже это говорит о степени сложившейся близости. Молодого поэта захватывала «высоковольтная правда» творчества Платонова, его «мученическое служение человеку». <sup>44</sup> О созвучности Бокова произведениям Платонова свидетельствует его замысел пьесы, высказанный им в письме к Платонову весной 1940 г.: в задуманной комедии должны быть «такие противоречия, которые ставили бы многих в тупик, а умных, живых людей выводили из спячки бытия и сознания». <sup>45</sup>

В 1939 г. была опубликована рецензия Платонова «Два рассказа» — о рассказах В. Осеевой и В. Бокова, напечатанных в журнале «Дружные ребята». Больше половины рецензии было уделено работе Бокова. «Каждый из этих рассказов, — писал Платонов, — драгоценность, и в отношении глубины искреннего чувства, владеющего автором, и в отношении литературного умения, доводящего до читателя чувство и мысль автора». <sup>46</sup> Молодой автор не ожидал, что будет написана такая рецензия. «Я однажды, — вспоминал Боков, — пришел к нему на Тверской бульвар, он положил на стол какую-то перепечатанную рукопись и сказал — Прочтите! Это была рецензия, она очень скоро появилась. Конечно, это была большая мне поддержка». <sup>47</sup> А нам — еще одно свидетельство отзывчивости, доброты Платонова, которое, к сожалению, ускользнуло от внимания составителей его книг.

Радость, испытанная молодым автором, была действительно глубока. В письме, посланном им Платонову уже из концентрационного лагеря, находим слова: «Меня поразила Ваша статья о моем рассказе «Дорога». Большого я и сам бы не сказал, что увидели Вы». <sup>48</sup>

Платоноведам это должно быть интересно и потому, что проблематика рассказа «Дорога» созвучна Платонову. С сочувствием автор «Третьего сына» пишет об этом рассказе: «И каждое лето все дети, где бы они ни были, в одно время приезжали в старый дом отца и матери. Это доставляло высшее счастье матери...» Платонов писал о первом опыте В. Бокова: «...у В. Бокова свой способ изложения темы (...) В. Боков уже сейчас обладает столь острым литературным тактом, который не позволяет ему прибегать к украшенной или афористической фразе, имеющей самодовлеющую ценность — вне общего смысла и текста рассказа». <sup>49</sup>

Нетрудно увидеть, что Платонов отмечает созвучное ему; он приветствует то, что фраза «нигде не делает никаких собственных „красивых телодвижений“». Но главное отличие рассказа «Дорога»

<sup>44</sup> Боков В. Высокое слово Андрея Платонова.

<sup>45</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 2.

<sup>46</sup> Детская литература. 1939. № 10—11. С. 3.

<sup>47</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 19 января 1990 г.

<sup>48</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 30.

<sup>49</sup> Детская литература. 1939. № 10—11. С. 4.

Платонов видел в поэтическом его напряжении: «Автор в этом своем небольшом произведении работает, как поэт в прозе, обладающий чистым и глубоким воодушевлением».<sup>50</sup> Боков начал печататься в 1934 г. именно как поэт.

Оба живут в Москве, но Боков все равно пишет другу: «Не чудак ли я? Живу у Вас под боком и все же прибегаю часто к письмам» (22 окт. 1940 г.).<sup>51</sup> Письма содержали серьезные и интересные Платонову раздумья. Вот выдержка из письма от 1 мая 1940 г.: «Дорогой, Андрей Платонович! Я понимаю ваше внутреннее состояние последнего времени, и оно беспокоит меня и отдается во мне страданием и часто желанием учинить физический погром против шайки людишек, которые всячески мешают вам жить и работать. В прошлом году прочтя рассказ «Грозу» и увидев, как литераторы проходят мимо него равнодушно, я был потрясен этим и трое суток ходил непрерывно, с ужасом видя, что уровень всех литераторов настолько низок, что они не могут не только создать что-либо выдающееся, но даже почувствовать, понять выдающееся. Мне хотелось кричать: Караул, помогите, грабят! С чем же это можно сравнить, как не с разбоем, замалчивание Вас как писателя».<sup>52</sup>

Далее поэт разъясняет: «Я имею в виду замалчивание административное, которое в наше время равносильно запрещению, ибо литература у нас распространяется так же монополично-централизованно, как капуста и другие продукты. Я знаю людей, которые не признают вас, и знаю людей, которые говорят «изумительнейший писатель». Но мне приходилось убеждаться, что вторые так же мало понимают вас, как и первые, они это говорят из маленького оппозиционного зуда, который щекочет их и которым они в меру щеголяют, чтобы показаться умными. Эти люди чуть похитрее простаков, вообще ничего не понимающих, но несколько не умнее и не одареннее их».<sup>53</sup>

Психологически содержательное письмо, подтверждающее закономерность внимания Платонова к Бокову. И в других письмах Бокова Платонову находим пронизательные наблюдения, адресату небезынтересные, например: «Я однажды зашел к одному лектору в кабинет сразу же после лекции: передо мной сидел серый, дрожащий замученный конь. В эту минуту я понял, что для людей интеллектуально порожных это все, как труд тяжелый, они не получают от него наслаждения, они преодолевают его с трудом и это преодоление своей глупости и зовут умственным трудом (...) в мире есть все-таки такие безумцы, которые и сообщают миру некоторую атмосферу, в которой легче дышать. Я сразу вижу Вас, как самого из известных мне упорного безумца, налетающего на всех этих кропотливцев умственного труда. Поэтому-то так благоговейно я люблю Вас...»<sup>54</sup>

<sup>50</sup> Там же.

<sup>51</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 15.

<sup>52</sup> Там же, л. 3.

<sup>53</sup> Там же, л. 3—4.

<sup>54</sup> Там же, л. 14—15.



Платонов помогал людям выйти, говоря его словами, из состояния скупого оцепенения, это особенно видно на примере длительных взаимных контактов. Но и незнакомых ему читателей он, поражая их воображение своим творчеством, притягивал к себе. Это хорошо подтверждает предвоенное письмо М. Львова.

«Дорогой тов. Платонов!

Сегодня читал Ваш рассказ «Родина электричества». Я в каком-то тихом задумчивом восторге от этого рассказа. В рассказе почувствовал какую-то *беззаветность жизни*. Правильно ли я сказал? Беззаветность жизни?

Начал читать рассказ — и испугался, что он может быстро окончиться, перевернул страницу — нет, продолжается, еще страницу — конец. А мне хотелось, чтобы он был бесконечным.

Издавать бы именно такие рассказы 50.000 тиражом. По-моему, великая лит(ература) — это великий гуманизм. А у Вас гуманизма так же много, как и в «Войне и мире». От этого рассказа так повеяло временем, 21 годом, какой он был — я не знаю, но верю, *что он должен был быть таким, каким Вы показываете.*

А ваш метод «сближения слов» (наспех придумываю определение) великолепен, «быть хладнокровным среди событий», «вышел в совести и расстройстве призналась...», «к руке мужа в любви и понимании» (цитирую по памяти, может, неточно) — все это очень обаятельно.

По-моему, современные рассказы так и нужно писать, как Вы, с большим гуманизмом.

Простите, что я Вам пишу и так бессвязно. Для меня каждый Ваш рассказ — большое жизненное событие.

Жму Вашу руку в любви и понимании

М. Львов.

18.1.41 г.

г. Челябинск». <sup>55</sup>

Одно из самых последних полученных Платоновым накануне войны писем — стихотворное послание Вл. Вл. Гладышева-Морёных (датированное 14 июня 1941 г.), дружески начинавшееся так:

«Андрей Платонович! Апостол наш великий,

С лица тошой, усердно худоликий

С язвительностью явней на челе...» <sup>56</sup>

Еще одна грань таланта и существа Платонова — язвительность, ирония, сатира. Как сказал о Платонове В. Боков: «В одной его фразе подчас больше сатиры, чем в сюжете иного сатирика». <sup>57</sup> У Платонова мысль постоянно наполнена грустью — от неизбежной аналитической мысли, рентгеном сомнения просвечивающей суть вещей.

<sup>55</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 56. Автор письма выходит за пределы названного им рассказа.

<sup>56</sup> Там же, ед. хр. 46.

<sup>57</sup> Боков В. Высокое слово Андрея Платонова.

## 2. В военные и послевоенные годы

Платонов писал как-то: «Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье».<sup>1</sup> В 1941 году жизнь напомнила об этом.

В октябре 1941 г. А. Платонов с семьей был эвакуирован в Уфу, некоторое время письма приходили уже на уфимский адрес (сам писатель скоро уехал на фронт). 5 декабря 1941 г. свояк Платонова Петр Трошкин посылает открытку по адресу: Уфа, почтамт, до востребования. «Здравствуйте, дорогой Андрей! С радостью получил Вашу, первую за все время, открытку от 17.XI. До этого я знал, что вы добрались до Уфы и немного успокоился: вы все живы и здоровы. Валя получила от Тошки открытку. Он с нетерпением ждет вас к себе. Видно, Вам нельзя выбраться дальше. При первой возможности выезжайте к нему или Вале. Москва не будет под фашистами. Они близко, но у всех твердая и обоснованная уверенность в этом. Не тоскуйте о ней: ее вы увидите и, может быть, довольно скоро. У Петра был недели две назад. У него все по-прежнему. От Вас он тоже ничего не получал. Вера с Тимой в Москве. Все они живы и здоровы. Квартира Ваша в порядке. О вещах, что Вы оставили у меня, не беспокойтесь. Пока я жив и в Москве, они будут целы. Постараюсь, чтобы они сохранились и в противном случае. Пишите по возможности чаще. Крепко обнимаю. Желаю здоровья, бодрости.

Петр Т(рошкин)...»<sup>2</sup>

Второе письмо от П. Трошкина этого периода — также из Москвы в Уфу (уже на Амурскую, 35) — датировано 10 января 1942 г. «Дорогой Андрей! Рад Вашим открыткам от 26.XII. Как хотелось бы повидаться с Вами! Сейчас у нас начинают работу многие редакции журналов. Недавно приехала ред(акция) «Крокодила», выходит журн(ал) «Нов(ый) мир» (...) оживляются изд(ательст)ва и пр. Нельзя ли Вам выбраться сюда, хотя бы одному? Сегодня узнал, что Игорь Александр(ович)<sup>3</sup> на днях выехал из Москвы на фронт в качестве корреспондента. Справку эту мне дали в доме, где живет Иг(орь) Ал(ександрович). Оставил Ваш адрес, по приезде Иг(орья) Ал(ександровича) ему передадут его. Сообщите пожалуйста сразу же, куда вы станете перебираться, как только приедет к Вам Тотик и будет тому возможность (...) От своих из Сибири получаю вести часто. Верить им, они живут, можно было б сказать хорошо, если бы не скучали и не томились беспокойством за Москву и москвичей, родных и близких. Теперь Валя пишет, что она счастлива: наши начали гнать немца. Да, радость сейчас у нас общая. Но еще много

<sup>1</sup> Волга. 1975. № 9. С. 167.

<sup>2</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 66, л. 1.

<sup>3</sup> И. А. Сац.

впереди предстоит тяжелого. Москва живет уже без шума фронта. Налеты не были очень давно (то что было нельзя считать налетами). Над городом фашисты летать не осмеливаются. Улицы старательно очищаются от снега, транспорт работает по-обычному, но не по-уфимски, о чем я читал сегодня в «Известиях». 30/XII телеграфом перевел Вам 300 руб. Получили ли Вы их? Привет Марье Емельяновне<sup>4</sup> и Мар(ии) Александровне. Дорогой Андрей, крепко, крепко обнимаю и целую Вас, желаю здоровья и сил пережить до лучшего.

Ваш Петр».<sup>5</sup>

Будни войны... За три года и два месяца работы военным корреспондентом Платонов больше написал по объему, чем за многие предшествующие годы. Притом печатался широко — именно в эту пору помимо газет он публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «30 дней», «Красноармеец», «Краснофлотец», поистине «Железное Перо» пошло в бой. Литературные связи возобновились во время пребывания Платонова в Уфе. 12 февраля 1942 года послал ему письмо Лев Гумилевский.

«Сказать по совести, милый Андрей Платонович, очень существенным огорчением мне было, что за эти почти 4 месяца я не имею Вашего адреса, чтоб с Вами поболтать. Вы уехали экспромтом, а 24/X вынужден был эвакуироваться и я с Кл(авдией) Дав(ыдовной).<sup>6</sup> На 20-й день пути мы не вынесли дороги на Ташкент и покинули товарищей на ст(анции) Ртищево, откуда пробрались в эти самые Турки, где до сих пор и существуем, сносно в смысле физическом, но очень тягостно в смысле душевном. Теперь, дошли до меня слухи, кое-кто уже вернулся в Москву — может быть, уже и Вы дома? Тогда немедленно садитесь и пишите мне наиподробнее, что Вы делаете, как живете, что вокруг Вас делается, как мне быть, чтоб вернуться в Москву и т. д. и т. п.

Счастливы, кто не оторвался от коллектива, в неорганизованном индивидуальном порядке сейчас жить трудно, а передвигаться еще труднее. Правда, зато я увидел деревню, глушь, Россию коренную, земляную, но ведь это было бы на руку беллетристу, которого, как Вы знаете, из меня не вышло.

Но я пишу уже так, словно Вы обязательно в Москве и получите наверное это письмо, а это еще бабушка надвое сказала.

Поэтому кончаю, пока не получу от Вас известий хотя бы о Вашем местопребывании.

Пишите же, друг мой!

Привет Марии Александровне. Клавдия Давыдовна благополучно здравствует и шлет Вам и Марии Александровне свои наилучшие пожелания.

Ваш Лев Гумилевский

<sup>4</sup> Теща А. П. Платонова.

<sup>5</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 66, л. 2.

<sup>6</sup> Супруга Л. Гумилевского.

Вот, главное, адрес: Турки, Саратовской об(ласти), Комсомольская ул., кв(артира) Юнгера, Лев Ив(анович) Гумилевский».<sup>7</sup>

Письмо как бы нелитературное, между тем за ним стоит многое и в литературном плане. И после 1937 года дружеские отношения Платонова и Гумилевского продолжались. Можно сказать, что Гумилевский выполнил рекомендации уже не только М. Горького, но и А. Платонова, создавая образы подвижников науки в целом ряде книг («Рудольф Дизель», «Бутлеров», «Вернадский» и др.). О близости двух писателей свидетельствует и то, что именно у Гумилевского находим известие об изобретении Андреем Платоновичем в самом начале войны аппарата (форсунки) для сжигания газового топлива (о значении этого аппарата косвенно свидетельствует факт его засекречивания).

«Под знаком» Платонова творческая работа Гумилевского продолжалась и во время войны. В известной мере Платоновым вдохновлены книги Гумилевского «Н. Е. Жуковский» и «Чернов», изданные в годы Великой Отечественной войны. Вышли они в серии «Великие русские люди». В определении их пафоса сыграло роль то, что писатель глубже окунулся в народную жизнь, увидел «деревню, глушь, Россию коренную, земляную...»

Во второй половине 30-х гг. в Москве было трое друзей — писатели Сергей Буданцев, Андрей Платонов и Эмилий Миндлин. Встречались у Буданцева на Петровке, или у Платонова на Тверском бульваре, или у Миндлина в Нащекинском переулке, или гуляли втроем по Гоголевскому бульвару или по тому же Тверскому. В воспоминаниях Э. Миндлина Платонов остался человеком, благодарным за жизнь — за само явление жизни: «Он смотрел глазами, полными доброты и печали».<sup>8</sup>

Э. Миндлин был одним из корреспондентов Платонова уфимского периода. Эмилий Львович Миндлин и Яков Семенович Рыкачев писали Платонову:

«Дорогой Андрей Платонович!

Миндлин и Рыкачев шлют Вам из Куйбышева, куда их забросило, дружеский привет. Мы ратуем здесь за то, чтобы Вас вызвали сюда — материальных проблем тут не существует, но с квартирами трудно. Тем не менее, если бы Вы решили сюда приехать и о том известили нас — мы оба могли бы помочь Вам и в прискании комнаты и в прочем. Были бы очень, очень рады. Сейчас же сообщите нам по адресу: Куйбышев (обл.), Всесоюзный радиокомитет — нам. Привет Марии Александровне. Жмем руки

Ваши Эм. Миндлин Я. Рыкачев».<sup>9</sup>

Эм. Миндлин печатался с 1914 года, хотя был моложе Платонова (род. в 1900 г.). Он был автором очерков и книг о стройках первых

<sup>7</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 48, л. 4.

<sup>8</sup> Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 475.

<sup>9</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 57.

пятилеток. Для прозаика Я. Рыкачева военные годы, как и для Л. Гумилевского, оказались плодотворными, он опубликовал повесть «Гангутское сражение», биографический очерк «Надежда Дурова», статью о Ванде Василевской.

В военные годы с новой силой развернулся и могучий талант Платонова. Именно о военных годах напомнил Платонову в своем послевоенном письме Николай Стальский, с которым они когда-то начинали в Воронеже как поэты; их произведения были опубликованы в коллективном сборнике «Стихи» (1921). «Стихи Андрея Платонова звучали как шум сосновых ветвей под ветром», — вспоминал Стальский.<sup>10</sup> Судьба Николая Павловича Стальского (Жаворонкова) оказалась жестокой: в 1937 г. он был незаконно репрессирован.

Его цитируемое ниже (уже послевоенное) письмо имеет прямое отношение к работе Платонова в военные годы

«Через много лет трудно напомнить о себе, но мне уже давно хочется с тобой увидеться, Андрей. Большой перерыв в моей жизни произошел по не зависящим от меня обстоятельствам. Если ты поддерживаешь мое желание встретиться — напиши мне несколько слов по адресу: Загорск, Музей-заповедник, Н. П. Стальскому, напиши свой телефон или назначь время и место. Я иногда бываю в Москве и выбраться смогу. Радостно читал когда-то твоих «Одухотворенных людей» — узнавал знакомую взволнованность и душевную горячность.

Надеюсь — ответишь

Николай Стальский.<sup>11</sup>

Вниманием к «Одухотворенным людям» письмо возвращает нас в военные годы. Известно, что солдаты на фронте зачитывались книгой «Одухотворенные люди».

Первое из точно датированных писем к Платонову 1942 года — письмо Владимира Елагина от 24 января — все еще в Уфу.

«Андрей Платонович!

Вот уже 2 недели я в Москве. Выручил (т. е. возродил) «Дружных». С января выходят. Как только это стало ясно, так я сразу к Вам — давайте рассказы.

Если у Вас есть что-нибудь подходящее — шлите. Буду ждать. Мурзилка также живет. 12 номер в верстке. Там Ваш рассказ. Таратуку вызвали и Кассиля тоже. Они опять будут делать «Мурзилку» (...) Я сижу безвылазно в издательстве. В Москве относительно спокойно. С нашего приезда не было ни одной тревоги, ни одного налета. Дом Ваш цел.

<sup>10</sup> Стальский Н. Друзья-писатели. С. 40.

<sup>11</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 65

Пишите. Что с Тошей? Где он? Жду писем и рассказов.

Ваш Володя

Привет Марии Алекс(андровне)  
Москва, Н. площадь 6/8 «Мол(одая) гвар(дия)».<sup>12</sup>

«Дружные»... — это журнал «Дружные ребята», хорошо знакомый Платонову. Его редакция, как и редакция упоминаемой здесь «Мурзилки» и «Затейника», помещались в маленьком деревянном домике близ Кропоткинских ворот в Чертольском переулке. В «Дружных ребятах» были напечатаны рассказы Платонова «Гроза» (1939), «Алтеркэ» (1940), «Ты кто?» (1941). Там же хотели напечатать и рассказ «В прекрасном и яростном мире».

Контакт с Елагиным установился. В марте 1942 г. от него идет к Платонову новое письмо.

«Андрей Платонович!

Очень рад, что не забываете «Дружных». Сегодня получил извещение (Вашу открытку) о том, что рассказ послан и готовится другой. Это очень хорошо. Как и всегда испытываю голод по хорошим рассказам. С нетерпением жду их.

№ 1—2 уже вышел. Третий печатается и готовится к печати. В Москве жизнь идет своим чередом, усиленным темпом и с большим количеством неудобств. Да до них ли теперь! Вот весна настанет — будет теплей. Станет легче.

Мурзилка дышит. Я уже несколько раз настоятельно просил сообщить Вам все финансовые взаимоотношения. Завтра скажу еще раз. Таратута так до сих пор и не доехала до Москвы. В чем там дело не пойму. Тут уверяют, что ей вызов послали. Она пишет, что не получила, вернее, требует вызов из Куйбышева. Этим делом занимаются в ЦК. Меня очень огорчило сообщение о болезни Тоши. В такое время все это может печально кончиться. Но будем надеяться на лучшее.

Перцов здесь и уже заведует отделом литературы в газете «Лит(ература) и искусство».

Пишите, Андрей Платонович, всегда рад Вашим письмам и тем более рассказам.

Привет Марии Александровне.

Ваш Володя».<sup>13</sup>

В. О. Перцов печатался с 1921 года, сотрудничал в журналах «Лэф» и «Новый лэф». Евгения Александровна Таратута, прозаик и литературовед, — вот еще один надежный друг Андрея Платоновича. Как и Елагин, она помогала ему в журнале «Дружные ребята». Е. Таратута относилась к Платонову с большим уважением; «такой взыскательности к слову я больше ни у кого не встречала» — писала о нем.<sup>14</sup> Осенью 1941 г. Е. Таратута увезла больную маму

<sup>12</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 49, л. 1.

<sup>13</sup> Там же, л. 2.

<sup>14</sup> Таратута Е. Драгоценные автографы. С. 209.

в эвакуацию в Куйбышев. В январе 1943 г. Таратута начала работу в Москве правда, не в «Дружных ребятах» и не в «Мурзилке», но также в области детской литературы — в редакции вещания для детей Всесоюзного радиокомитета.

6 апреля 1942 г. новое письмо Платонову пишет Вл. Елагин.

«Здравствуйте, Андрей Платонович!

Наконец получил Ваш рассказ «Неодушевленный враг». Решил его напечатать, послал с номером в ЦК. Не утвердили. Меня и Вас упрекают в том, что рассказ слишком взросл. Его де могут читать и понимать люди с высоко развитым интеллектом. Может быть и так. Доказать обратное нельзя. Очень жалею, что первый опыт в 42 г. не удался. Очень хочу, чтобы Вас это не обескуражило и не охладило. Может быть следующий рассказ пройдет удачнее.

Как поступить с этим рассказом — напишите. У нас уже вышел № 1—2. Третий задержался, но скоро и он выйдет. 4 в наборе. Сейчас сочиняем 5. В редакции я и Лида. Берта в Свердловске. В Москве весна. Солнце греет здорово. Снег так быстро тает, что все площади уже сухи. Снег вывозят из дворов и разбрасывают на припеке.

Ночи стоят лунные, глазатые. Иногда этим пользуются гитлеровцы, но город охраняется зорко. Я сейчас болен, валяюсь на койке уже около месяца. Думаю скоро подняться.

Пишите письма и рассказы.

Привет от меня Марии Александровне

Ваш Елагин Вл.<sup>15</sup>

В следующем, 1943 году, делая общий обзор многонациональной советской литературы военных лет, Николай Тихонов уделит внимание и место и Платонову и скажет о нем: «странные герои Платонова стали жить на страницах его же военных рассказов совсем не странной жизнью».<sup>16</sup> Занял свое место в строю и рассказ «Неодушевленный враг».

Между тем П. Трошкин 14 февраля 1942 г. писал Платонову:

«Дорогой Андрей!

Вчера днем сдал Вашу рукопись в Изд-во „Сов(етский) Писатель“ в руки Колтуновой. Записку, которую она Вам написала, посылаю с настоящим письмом. Вчера же был на квартире Игоря Александр(овича). Его самого нет. В начале января он призван в Армию и сейчас находится километрах в шестидесяти от Москвы...»<sup>17</sup>

Так мы узнаем о фронтовых дорогах И. А. Саца. В 1941 г. он пошел на фронт добровольцем, воевал в войсковой разведке. И. Сац остался верен Платонову до конца; когда Платонов тяжело и безнадежно заболел, Игорь Александрович доставал ему лекарства, проводил часы у постели умирающего...

<sup>15</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 49, л. 3.

<sup>16</sup> Звезда. 1944. № 2. С. 99.

<sup>17</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 66, л. 3.

Через три дня, 17 февраля, Платонову идет новое письмо от П. Трошкина:

«Дорогой Андрей!

Ваша рукопись „Избушка возле фронта“ вчера пришла. По совету Евг(ения) Кригера, которому я мельком сказал о ней и который, не зная моих отношений к Вам, очень хорошо и правдиво отозвался о Вас, думаю занести ее в „Новый мир“. Как жаль, что с Вами нельзя было быстро снестись. Нельзя ли Вам позвонить в Москву ко мне по телеф(ону) К-0-37-60. Дома я большей частью бываю после 10 ч. вечера.

Как меня омрачило печальное известие о болезни Тоши! Трудно что-либо придумать. Нужно ему на приволье, в горы, а как это сейчас устроить?!

О сборнике «Под небесами родины» я Вам написал в письме и послал записку Колтуновой с благодарностью за рукопись. О результатах она уведомит Вас сама, но я могу зайти сам и справиться через некоторое время.

Продолжение Вашей открытки от 2 II еще не получил.

Дорогой Андрей, если есть возможность ехать одному, без раздумий езжайте. Отсюда Вы скорее поможете остальным.

Крепко, крепко обнимаю Вас.

Ваш Петр.

P. S. Привет всем. П.»<sup>18</sup>

В письме чувствуем предвестье большой личной драмы писателя. Его сын Платон родился в 1923 г., рос на глазах отца, отец его очень любил. Но здоровье сына оставляло желать лучшего. Но главные несчастья, однако, были еще впереди.

Отзывы о платоновских произведениях находим в письмах читателей. Л. Гумилевский вспоминал об ошеломляющем впечатлении, которое производил рассказ Платонова «Броня». Подобный отзыв находим и в одном из писем с фронта:

«Дорогой Андрей Платонович!

Только что прочел Ваш рассказ «Броня», напечатанный в газ(ете) «Кр(асная) звезда». Не могу удержаться, чтобы не черкнуть несколько строк Вам.

От всей души поздравляю Вас с успехом и с тем, что Вы начали печататься, оружием слова борясь против мерзкого фашизма.

То, что Вы сделали, прекрасно воздействует на читателя фронтовика своей новизной и силой. Каждая строка наполняет сердце гневом к врагам нашей Родины.

Есть места несравненные! Мне сейчас здесь в боевой обстановке трудно точно выразить все то, что хотелось бы сказать по поводу Вашего рассказа. Ибо на передовой нет тех условий, в которых мне приходилось оценивать Ваши произведения раньше.

Пишет Вам быв(ший) редактор журнала «30 дней» Киселев.

<sup>18</sup> Там же, л. 5.



Нахожусь на Западном, в танковой части.

Извините за беспокойство. Если Вам не трудно, черкните, как живет литературная Москва.

Крепко жму руку

Петр Киселев.

Адрес 912 полевая почта  
Штаб бригады».<sup>19</sup>

Петр Киселев исполнял обязанности отв. редактора журнала «30 дней» перед самой войной — им были подписаны № 11—12 за 1940 и № 1—6 за 1941 г.

«Как справимся, не знаем, но все берем в свои руки — других рук нет»<sup>20</sup> — это изречение Платонова особенно применимо к его героям военных лет, в том числе и упоминавшегося выше рассказа «Броня». Этому рассказу посвящено и письмо Владимира Павловича Семенова, друга писателя.

«14.9.42

Дорогой Андрей!

Какой ты замечательный человек, настоящий писатель.

Пишу тебе с фронта. Взволнован твоим рассказом «Броня».

Да, броня у нас крепкая! Силен дух народа и немцам его не перебороть. Это ясно, но когда читаешь такие ясные, как будто в раздумьи сказанные слова, то невольно говоришь: «и это тоже частичка нашей победы».

Посылаю письмо в Москву с уверенностью, что ты там, хотя упоминание об Урале говорит о другом месте.

Если найдется время, напиши о себе, где Алеша Кожевников, какой у него адрес, я буду очень рад.

Думаю, что у тебя получился бы сильный рассказ о ярости борьбы с немцами, об ожесточении схваток с врагом. По-моему у тебя должно получиться так, как не смогут этого сделать другие. В тебе есть такое, что, — Алеша говаривал, — ты «с молоком мамки всосал».

Напишешь — пришли мне, я его в нашу газету дам. Я от печати не отстал, хотя и работаю в политотделе. Очень хочется в газету, да не отпускают.

Привет вам всем!

Крепко жму руку!

Влад(имир) Семенов».<sup>21</sup>

Как видим, в письмах к Платонову — не только оценка, но и элементы анализа его произведений. Алеша Кожевников — известный писатель Алексей Венедиктович Кожевников, уроженец Вятской губернии, многие годы проводивший, собирая материал для своих произведений, на Волге, на Урале, в Сибири.

<sup>19</sup> Там же, ед. хр. 52.

<sup>20</sup> Собеседник. М., 1982. Вып. 3. С. 280.

<sup>21</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 64.

К военной теме Платонов приступил еще в Уфе, где познакомился с будущим героем своего первого военного рассказа «Броня» моряком Семеном Саввиным. С этим рассказом он пришел в газету «Красная звезда», где «Броня» и была опубликована 5 сентября 1942 г.

«Андрей...?.. Платонов!

Что Вы за рассказ написали! Я сейчас уже не смогу сказать Вам того, что думал ночью о Вашей работе и, вообще, наверное, не скажу ничего путного, кроме того что люблю Вас и уважаю, после этого рассказа, безмерно. Не знаю какой Вы, но, должно быть, пожилой, непритязательный, бесконечно ищущий и недовольный делом рук своих, но одно я знаю определенно, — Вы «одушевленный человек».

Рассказ мне Ваш представляется, знаете, как? — кусок солнца на зеленой живой траве под белой печальной березой, где и свет и тени и ветер и зной и люди и предметы и жесткая известковая земля и думы этих людей и всё проникнуто свежестью и волнением, какой-то исключительной и вместе с тем очень возможной, жизни.

И потом, какое трезвое противопоставление всем этим псевдоэпическим и признанным «радугам» (Между нами, не люблю я отчего-то эти протокольные обобщения с их неприятной расторопностью и самоуверенной добротностью). Вы делаете литературу и она сама чудесно и безошибочно тяпает по черепакам людей, а они сами хотят делать это, но при помощи литературы. Они искренно, глубоко и красиво сочувствуют, а Вы просто «одушевлены» и поэтому сильнее их. Одним словом, нравитесь Вы мне, в Вашем рассказе, ужасно и рассказ Ваш нравится всем читавшим его, а мне, кажется, особенно.

Я жил некоторое время с десантниками-парашютистами, людьми, по своему духовному складу очень близкими морякам, и, по-моему, всё, написанное Вами, в объяснение поступков Ваших героев, в предельной степени верно и здорово. Недавно, еще не читая Вашего рассказа, я попытался возродить на бумаге недавние встречи и погибших друзей и образ «ненависти в действии», исполненный, конечно, в нищенских и костлявых выражениях, совпал у меня с Вашим [бегущий, падающий и снова встающий Красносельский (на первой странице)], что меня обрадовало, как Ваше благословение... А добравшись до момента, когда моряк берет в рот землю, я сам едва не сожрал журнал с Вашим рассказом. Вот и всё, устал писать... Извините, кстати, за небрежное письмо, лежу на койке, в госпитале, болит нога и не дает писать руке...

Все-таки не то написал я Вам, но не написать не мог.

Прошу Вас, дорогой Андрей...?, об одном, напишите мне, своею собственной рукой, свой домашний адрес и пришлите по адресу: Октябрьская ж/д., ст(анция) Левобережье, п/я 3 — во время припадков хронического неверия в себя хотел бы написать Вам, не претендуя на ответ.

Браславский Леонид». <sup>22</sup>

<sup>22</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 44.

Вот как — Платонов лечит от припадков хронического неверия в себя. И лирику высекает в воображении читателя, ее искры — и видит читатель печальную березу на зеленой траве... И возникает ответное восприятие глобальной платоновской натурфилософии... Недаром В. Боков еще 1 мая 1940 года писал Платонову: «Не могу себе допустить, чтобы у Вас не было настоящих, умных, сильных читателей...»<sup>23</sup>

В рассказе «Одухотворенные люди» речь шла «всего лишь» о подвиге группы моряков под Севастополем, но Платонову важна была не количественная характеристика, а духовная суть: «Это, по-моему, самый великий эпизод войны», — писал он о событии, увековеченном в рассказе.<sup>24</sup> О героях рассказа автор вспоминал так: «Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне».<sup>25</sup> И его энергия, как видим, передавалась читателям. Позднее на основе рассказа «Одухотворенные люди» были поставлены в Севастополе пьеса «Севастопольские моряки» и музыкальная трагедия «Июльское воскресенье».

В письмах военных лет интересно многое, не в последнюю очередь — узнавание читателями в рассказах близкого, своего. Э. Миндлин еще до войны почувствовал, что, о чем бы ни начать говорить с Платоновым, постоянно создавалось впечатление, что он уже думал об этом. Невозможно было заговорить с ним о том, о чем он не думал раньше тебя.

Пронизывающий рассказы лиризм — и это тоже чувствовали читатели — выявлял глубинное родство автора и его героев. Андрей Платонов в общении был скромен и прост, это давало ему возможность близко сходить с солдатами. «Особенно душевно умел Платонов разговаривать с солдатами — тружениками войны», — подчеркивал В. Полторацкий.<sup>26</sup>

В результате возникали образы, в какой-то мере списанные с натуры, но отражающие в себе и черты характера самого автора. «Ваш боец Курдюмов, — писал Платонову П. Трошкин, — мне понравился очень. Это русский тип с главными национальными особенностями и складом, что и поможет в борьбе с фашизмом».<sup>27</sup> И еще одна была важная черта, роднившая автора и его героев: в них, по выражению Платонова, «всегда горела энергия».<sup>28</sup>

Энергия и — страдания, и смерть... В блокадном Ленинграде погиб тесть Андрея Платоновича... Его 72-летнего отца фашисты увезли из Воронежа — он отыскался лишь после войны в Бессарабии... Но глубина личного горя сливалась с глубинами горя всенародного. И чем сильнее было горе, тем сильнее было мужество — и народа, и его писателя. «Питай свою душу подвигом» — это было

<sup>23</sup> Там же, ед. хр. 43, л. 4.

<sup>24</sup> Платонов А. П. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 538.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Наш современник. 1981. № 5. С. 173.

<sup>27</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 66, л. 3.

<sup>28</sup> Платонов А. П. Собр. соч.: В 3 т. М., 1984. Т. 1. С. 25.

заветом и для него самого.<sup>29</sup> И читатели не только чувствовали человечность писателя, но и чутко реагировали на то или иное ее ущемление, если что им в этом плане становилось известным. Характерно в этом отношении письмо т. Понейко от 31 августа 1944 года.

«Здравствуйте, Андрей Платонович!

Прибыл к нам тов. Гросман и сообщил мне печальную весть о Вас. От него я узнал, что Вы долго болели брюшным тифом и что в настоящее время Вы еще не вполне выздоровели. Как это меня огорчает и беспокоит!

За один месяц нашей фронтовой совместной работы и жизни я так полюбил и привык к Вам, что и теперь, каждый день, здесь у себя, я вспоминаю Вас. Но это последнее сообщение о Вас на меня подействовало удручающе. Я не могу этого переживать равнодушно. Меня очень возмущает и то, что, как сообщил тов. Гросман, начальство Вашего органа даже не поинтересовалось Вашим состоянием. Неужели война способствует настоящим воинам холодно и безразлично относиться друг к другу? {...} Наше начальство, я скажу смело, больше теперь думает о себе, о лимитных карточках и литерах, для себя, чем о людях, о подчиненных. Этого не должно быть, но это есть. Любят нас только до тех пор, пока мы тянем воз, а когда выбываем со строя, нас очень быстро забывают {...}

Мне сдается, что человеку, уважающему и любящему свой народ, скромному работяге, очень трудно справляться со всеми каверзами жизни нашего времени. Его затирают, вместо того, чтобы ценить. У нас наблюдается, в новой форме какая-то скрытая, всем известная и «незамечаемая» система взаимных личных услуг, очень пагубно отражающаяся на положении тех, кто из-за своей справедливости или гордости оказывается вне этой системы. Выигрывают же от этого те же дельцы и участники этой «взаимности». Это меня очень возмущает.

Андрей Платонович! Не падайте духом. Вас знает наш русский читатель, наш русский человек, он Вас читает, у Вас воспитывается. Вы много сделали для русского народа и сделаете еще больше {...}

Желаю Вам, Андрей Платонович, скорого, скорого восстановления Вашего здоровья и возобновления плодотворной работы на пользу нашей Родины. Привет от Пономарева и Траяновского. Жму Вашу трудолюбивую руку. Остаюсь здоров, уважая Вас. До свидания.

Понейко

Мой адрес: Полевая почта 25655 (мне)  
Напишите — обрадуете».<sup>30</sup>

Письма военных лет из концлагеря от Виктора Бокова занимают особое место. С Платоновым связаны не только радость, но и надежда

<sup>29</sup> Собеседник. Вып. 3. С. 289.

<sup>30</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 62, л. 1—2.

в лагерной тоске. 22 августа 1944 г. Боков обращается к Платонову с просьбой о содействии: «Все, что сказано в большом письме к человеку, воплотившему в своем имени волю народов, я считаю достаточным для моего возвращения — большего я ничего сделать не могу. Вы — единственный, кто может сделать вручение его лично ему через Шолохова. Обращаться в суды и к судебной бюрократии я не хочу, равно и в секретариат: только он может разрубить все сразу. Если письмо это получит лично он, я надеюсь на то, что он все поймет и решит». Далее следует разъяснение: «В Москве у меня никого больше нет, кто бы мог скорее Вас сделать это. Жду вести. Преданный Вам Викт(ор) Боков».<sup>31</sup> Как мог бы получить просьбу Бокова Платонов, будучи на фронте? Но характерно само обращение к нему о помощи, как к единственному, а у него у самого сын был репрессирован...

К сожалению, добрые пожелания друзей не спешили сбываться. В ноябре 1944 г. Андрей Платонович прибыл с фронта с тяжелой формой туберкулеза. Он сумел еще «сбежать» на фронт, но в феврале 1946 г. был окончательно демобилизован по болезни. И тучи в жизни Платонова сгущались. Обозревая советскую литературу военных лет, Н. Тихонов характеризовал в 1945 году Платонова как «искусного и острого писателя»,<sup>32</sup> но не прошло и двух лет, как началась безудержная критика рассказа «Семья Иванова» (опубликован в № 10—11 «Нового мира» за 1946 г.). В статье Е. Книпович говорилось: «Рассказ А. Платонова дурен, аморален по самой своей сущности».<sup>33</sup> Это было в феврале 1947 г., а уже в марте Л. Субоцкий оповещал, что в рассказе изображен «душный мирок, изолированный от всего окружающего», и что в попытке коснуться важной моральной проблемы Платонов потерпел жестокое поражение.<sup>34</sup> Яростная атака В. Ермилова началась с названия его статьи «Клеветнический рассказ А. Платонова». По словам критика, перед нами рассказ с «грязной „моралью“», его атмосферу составляют «мрак, цинизм, душевная опустошенность». Критик решительно и бескомпромиссно заключал: «Надоела читателю любовь А. Платонова ко всяческой душевной неопрятности... Советским людям противен и враждебен уродливый, нечистый мирок героев А. Платонова».<sup>35</sup> Если бы советские люди могли тогда же прочесть хотя бы отрывки из писем к Платонову Браславского, Бокова, Понейко, Семенова, Киселева, Елагина! Однако феномен переписки — явление идеологического порядка, поэтому возможны и примитивные замалчивания, например в сборнике «Писатели в Великой Отечественной войне», где собраны письма читателей, Платонов не представлен (сборник вышел как раз в 1946 году).

<sup>31</sup> Там же, ед. хр. 43, л. 27—28.

<sup>32</sup> Тихонов Н. Перед новым подъемом. М., 1945. С. 15.

<sup>33</sup> Знамя. 1947. № 2. С. 174.

<sup>34</sup> Новый мир. 1947. № 3. С. 151.

<sup>35</sup> Ермилов В. Самая демократическая литература мира. М., 1947. С. 46, 48.

В вихре разнузданности появляется письмо, отправленное как бы приветствием на Новый год 7 января 1948 года.

«Дорогой Андрей Платонович,

Каверин имеющий связи со светилами нашей медицины обещал помочь раздобыть нужное лекарство.

Он имел уже разговор об этом. Прилагаемое письмецо написано им тому человеку, который взялся устроить твоё лечение.

Ты поезжай, на обороте конверта указаны дни и часы. Я надеюсь, что успешно кончится. Очень прошу, будь благоразумен, без легкомыслия и откладываний.

Целую тебя

В. Гроссман

Захвати Шубинские справки». <sup>36</sup>

Василий Семенович Гроссман прошел путь отступления до Волги, затем путь Победы до Берлина, уже в 1942 г. им было опубликовано первое крупное произведение прозы о Великой Отечественной войне — роман «Народ бессмертен». Гроссман, как и Платонов, был военным корреспондентом газеты «Красная звезда».

К концу 40-х годов в письмах к Платонову усиливается тема нездоровья. 17 марта 1949 г. П. Трошкин пишет из Краснодара:

«Здравствуйте дорогой Андрей Платонович, шлю горячий привет Вам, Марии Александровне, Машеньке и Марии Емельяновне.

Пишу своим и спрашиваю о Вашем здоровье, надеюсь Валя напишет подробно. Верю, что у Вас здоровье придет и Вы станете на ноги. Только не унывайте и помните о Машеньке. <sup>37</sup>

Я жив, здоров, сыт, только тоскую по своим, да жалею, что не могу видеть Вас.

Здесь весна. Идут полевые работы. Третий день тепло и сухо. Снега уже нет. Кругом сады, сады и сады. Стройка их даже сводит. Жму руку и обнимаю. Ваш П.

Зима по здешнему была суровая, снегу было, говорят, много. Озими не пострадали, зеленеют.

П(етр)». <sup>38</sup>

Платонов не умел бороться за себя, но боролся за других. В конце 40-х гг. прокатилась волна критики на повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда». Вот сделанная И. Виноградовым сводка критических высказываний о повести в печати: «реализм на подножном корму»; «в романе не выражены достаточно глубоко и полно те мысли и чувства, которые вдохновляли наших воинов на величайшие подвиги»; «содержание вещи не совпадает с самым

<sup>36</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 47.

<sup>37</sup> Дочь А. П. Платонова.

<sup>38</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 66, л. 6.

главным и существенным, с нашей Отечественной войной»; «произведение, которому больше всего недостает идейности».<sup>39</sup>

Платонов — иного мнения. В рецензии на книгу В. Некрасова он отмечал «простоту и одухотворенность» ее героя Ширяева, вообще «драгоценное значение книги» видел в том, что ее герои «нравственно не разрушаются», «силу книги» видел в том, что «слова ее проверены человеческим сердцем, пережившим войну».<sup>40</sup>

Подобные «разночтения» в биографии Платонова постоянны. Вл. Лебедев в статье «Литературные выкрутасы» критиковал Платонова: «Вместо того чтобы писать правду жизни, он сочиняет нелепых, несуществующих людей...»<sup>41</sup> Но знавший войну сержант изумлялся при чтении Платонова: «Откуда он все это так доподлинно знает...»<sup>42</sup>

Д. Ортенберг отмечал, что скромная и внешне неприметная фигура Платонова, наверно, не соответствовала читательскому представлению о писателе, солдаты при нем не чувствовали себя стесненными и свободно говорили на свои армейские темы.<sup>43</sup> Но и сам писатель не чувствовал себя «стесненным» в общении со своими героями. Он был близок им, как был близок им и Виктор Некрасов, и это сближало двух писателей.

12 декабря 1949 г. из Киева в Москву идет открытка:

«Дорогой Андрей Платонович!

Простите за поздний ответ (...) Бессмысленная киевская суета выбивает из колеи. Рвусь в Москву как никогда еще не рвался, но пока все безрезультатно. Совершенно замучен получением новой квартиры, кот(орая) уже месяц как готова, но в кот(орую) до сих пор не вселяют, т(ак) к(ак) нет еще самой главной подписи на решении. О Ваших планах насчет совместной работы потолкуем при встрече, которая, надеюсь, состоится в первой половине января. Мои писательские дела пока никак — со дня приезда из Москвы, а прошло уже четыре месяца, не написал ни одной строчки — все суечусь и бегаю по инстанциям в связи с квартирой. Привет Марье Алекс(андровне). Надеюсь она разрешит нам при встрече по 100 гр пропустить. Крепко жму руку. Поправляйтесь.

Ваш В. Некрасов».<sup>44</sup>

На фронте Виктор Платонович Некрасов был полковым инженером и заместителем командира саперного батальона, участвовал в Сталинградской битве и стал журналистом только после ранения и демобилизации.

За краткими строками единственного в нашем распоряжении письма — сходство моральной позиции, нравственная определен-

<sup>39</sup> Некрасов В. В окопах Сталинграда. Бондарев Ю. Последние залпы. М., 1968. С. 471.

<sup>40</sup> Огонек. 1947. № 21. С. 24.

<sup>41</sup> Правда. 1944. 27 дек.

<sup>42</sup> Подаревский Э. Одухотворение // Литература и искусство. 1943. № 15.

<sup>43</sup> Звезда. 1975. № 3. С. 147.

<sup>44</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 58.

ность: органическое неприятие непорядочности, ловкачества, характерные и для авторов, и для их героев. Жаль, что совместная работа не состоялась...

А вот еще один, так сказать, киевлянин — окончивший в 1926 г. Киевский институт народного образования поэт Алексей Полторацкий. 22 мая 1950 г. от него идет письмо из Плёса. «Милые люди, можно только пожалеть, что Андрей Платонович не подбринулся и не поехал со мной.

Плёс — это почти Абастумани. Роскошный хвойный парк и смешанный лес. Чистенькие домики из сосны. Рядом левитановский «вечный покой» над Волгой. Какие просторы!

Андрей Платонович, скорей вставайте и приезжайте сюда. Санаторий «Отдых» должен поставить Вас на ноги. Плёс вернет Вас к творчеству. А сейчас не пишите. Наберитесь сначала сил.

Вас же, Мария Александровна, я прошу хоть парой слов известить меня о том, как складываются дела с лечением Андрея Платоновича.

С уважением и приветом А. Полторацкий». <sup>45</sup>

Забота о здоровье Андрея Платоновича — и в следующем письме А. Полторацкого, также из Плёса, от 7 мая того же, 1950 года.

«Дорогой Андрей Платонович,

Перебраться в „Отдых“ мне не удалось. Оставили здесь на месяц.

Лечусь хождением. При любой погоде. Начал с 200—300 метров. В воскресенье прошел 15 клм. Ходил на дачу Шаляпина. И так каждый день — ходьба с палкой поперек спины. Подвыправился.

Андрей Платонович, ради литературы, ради жены и дочери, шагайте! Не лежите. Каждый день прибавляйте хоть десяток шагов.

Как только я приеду, тотчас же примчусь в „Отдых“. Надеюсь, Вы мне покажете окрестности.

Крепко жму Вашу руку. Спасибо Вашей жене за письмо.

Привет Машеньке.

Кланяйтесь Людмиле Федоровне и Дмитрию Васильевичу.

Мне остается только пожалеть, что я не попал в „Отдых“.

Одно утешение: насладился природой. Это был какой-то кутеж!

О подробностях уже устно.

Ваш А. Полторацкий». <sup>46</sup>

Прибавлять хоть по десятку шагов — не удалось... Между тем надвигалась еще одна, может быть, самая страшная в жизни Андрея Платоновича опасность. Она нарастала, уже в 20-е годы — в письмах Андрея Платоновича жене, в строках, посвященных его единственному сыну. Письмо из Тамбова в 1926 году: «Как Тотик, не скучает по мне? Я уже заскучал». Еще в том же году: «Только ты живешь во мне — как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение... Еще Тотка — настолько дорогой, что стра-

<sup>45</sup> Там же, ед. хр. 61, л. 1.

<sup>46</sup> Там же, ф. 780, ед. хр. 61, л. 3.



даешь от одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его...»<sup>47</sup>

Любовь к сыну чувствовали и корреспонденты Андрея Платоновича — тема сына, как мы видели, проходит и через письма к Платонову. Но вот в его записной книжке 1938—1939 гг. находим строку: «...письма сдать, посылки сыну... Комендант Лагеря...»<sup>48</sup>

Произошло ужасное и в конечном счете непоправимое. Сын попал в концлагерь... Отзвуки личных переживаний слышны и в описании ребенка на пустыре против воронежской тюрьмы в войну, и в образе двенадцатилетнего Петрушки в рассказе «Возвращение». Тоска о сыне — и в письмах из действующей армии: «И странно тебе покажется, но мне в такие ночи не так грустно. Мне кажется, что мой сын где-то там, в этом сине-зеленом мраке...»<sup>49</sup>

Тоша почти мальчиком в 1938 году был арестован прямо на улице, и это мгновение было потрясением — но сколько потом было еще таких мгновений! С тысячами других заключенных Тоша проделал тяжкий путь в трюме баржи от Архангельска до Таймыра. Заболел бы в пути — выбросили бы за борт, но он тогда уцелел. Юношу, мальчика присудили к 10 годам лишения свободы как «руководителя антисоветской молодежной террористической и шпионско-вредительской организации».<sup>50</sup> Остроту переживаний усугубляло то, что сын был осужден «за отца», и Андрей Платонович о том догадывался. Тоша сказал при допросе: «Я дал ложные, фантастические показания (...) Подписал я эти показания под угрозой следователя, который мне заявил, что если я не подпишу показания, то будут арестованы мои родители».<sup>51</sup>

Но на помощь пришла — и тут пришла! — дружба. Платонова связывала многолетняя дружба с Михаилом Шолоховым, именно у Платонова останавливался он, приезжая в Москву. Тут речь шла уже о чем-то большем, нежели гостеприимство, но недаром и Боков из далекой Сибири надеялся на заступничество Шолохова. Михаил Александрович «ринулся на выручку, дошел до человека, который тогда стоял над страной, и выручил. Вернули юношу».<sup>52</sup>

В 1945 г. в списке редколлегии журнала «Новый мир» находим имя М. Шолохова, а в журнале — рассказ Платонова «Никита». Шолохов помог Платонову издать его пересказы народных сказок «Волшебное кольцо», поставив на них свою подпись редактора. Более того, после войны Платонов вообще мог печататься «только при активном и горячем содействии Михаила Шолохова».<sup>53</sup> Все это нелишне вспомнить при попытках поставить ныне Шолохова и Платонова как бы по разные стороны идейных баррикад прошлого.

<sup>47</sup> Волга. 1975. № 9. С. 164.

<sup>48</sup> Огонек. 1989. № 33. С. 13.

<sup>49</sup> Платонов А. П. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 540.

<sup>50</sup> Огонек. 1990. № 19. С. 19.

<sup>51</sup> Там же.

<sup>52</sup> Славин Л. Портреты и записки. С. 98—99.

<sup>53</sup> Боровой К. Язык писателя. М., 1966. С. 179.

Сын вернулся. Но три года норильских рудников сделали свое черное дело. Сын вернулся тяжело больным. Платонову не приходилось искать трагического — трагическое само находило его. «Трагическое постоянно входило в жизнь человека, мечтавшего о повеселении и воодушевлении человечества... Жил страдальчески, но, как бы он ни страдал, страдания не выбивали из его рук писательского пера. Ни на день не замирало на бумаге его перо. Не замирало даже в те черные дни, когда единственный сын Платоновых — Тоша — уже не вставал с постели. При встречах Платонов говорил только о нем. Мечтал: „Тоша выздоровеет, мы бы уехали...“»<sup>54</sup>

Едва ли перо не замирало... Он вдруг уверовал, что, если для умирающего Тоши достать какие-то необыкновенные часы, если чудом их раздобыть, то чудо и спасет больного. Хотя и сам толком не знал, какие же именно часы хотелось Тоше... Воображение и отчаяние поэта! От тех дней запомнилось черное, вогнутое от страданий лицо Андрея Платоновича. Как страдал он тогда — нельзя и представить! — он, хотевший верить в бессмертие и вечную связь живых и ушедших... Но шла война, и он должен был писать об одухотворенных людях, и он писал о них, ведь его рассказов ждали не только Брестский и Понейко, но и тысячи солдат сражающихся фронтов.

А затем болезнь подкралась и к отцу. В последние годы при тяжелой прогрессирующей болезни, приковывавшей к постели, люди старались помочь ему хотя бы добрым словом. 2 октября 1950 года — телеграмма от Алексея Венедиктовича Кожевникова: «Москва Тверской бульвар 25 Платонову (из) Абакана Дорогой Андрей не сердись за молчание сначала был таежных дебрях потом две недели вылежал больнице Москву вернись начале ноября от всей души желаю тебе поправки привет Марье Маше бабушке Кожевников».<sup>55</sup>

Друзья помогали друг другу, как могли. Игорь Сац дежурил у постели умирающего Платонова. Душе Платонова было приятно, что есть забота деятельная и бескорыстная, но в его глазах была трагедия обреченности: «Лицо его осунулось. Улыбка на нем не появлялась — она была погребена».<sup>56</sup>

Последнее письмо к А. Платонову в хронологии той части его архива, которая хранится в Пушкинском Доме, — от Александра Андреевича Леонова.

«13 авг(уста) (19)50 г.

Дорогой Андрюша!

На-днях получил твое письмо (вернее М(арии) А(лександровны), поскольку она его писала). Сразу же написал Александру Александровичу<sup>57</sup> о твоём положении. Не знаю, что он предпримет, так

<sup>54</sup> Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. С. 493.

<sup>55</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 53.

<sup>56</sup> Таратута Е. Драгоценные автографы. С.210.

<sup>57</sup> Александр Александрович Фадеев, писатель (1901—1956). После отстранения в 1946 г. Н. С. Тихонова был руководителем Союза писателей СССР.

как давно не видал его и лишен сейчас всякой возможности видаться с ним.

Говорят, А(лександр) А(лександрович) на-днях закончил работу над «М(олодой) гвардией». Может, разгрузившись от этой важной работы, он начнет заниматься обычными своими делами, в том числе и помощью нам, бедным, — кто знает. Пусть Мария Александровна вдогонку к моему письму напишет А(лекса́ндр) А(лекса́ндровичу) небольшое послание от твоего имени — напомним ему о необходимости позвонить срочно Пискунову. Так будет крепче. Письмо можно передать через Кашинцеву или Тараканова в Союзе.<sup>58</sup>

Дела мои по-прежнему плохи. Договора до сих пор не заключил. В Малееву<sup>59</sup> еще не ездил. Все лето прошло в ожидании денег... Когда всё кончится, — не ведаю...

Привет Марии Александровне.

Крепко жму руку!

Твой А. Леонов.

*Падать духом не надо!*<sup>60</sup>

Дружески подчеркнутая приписка характерна для посланий к Андрею Платоновичу, авторы которых стремились помочь, хотя бы душевно, любимому человеку...

### 3. Неизвестные страницы из жизни Андрея Платонова

На обсуждении творчества Платонова в Союзе писателей СССР в феврале 1941 г. молодой поэт Виктор Боков так говорил об одном из его рассказов: «В каждой строчке рассказа... присутствует какой-то сильный дух, какая-то большая духовная мощь».<sup>1</sup> В. Ф. Боков не предполагал, не мог предположить, как духовная мощь старшего друга скажется и в его судьбе.

Несомненно, корни взаимной приязни значительны и в социальном плане. В. Боков родился в семье крестьянина тоже центральной России (в Московской губернии). Трудовая биография его также похожа на платоновскую — работал зоотехником, токарем. Созвучна Платонову, его творчеству и проблематика рассказа Бокова «Дорога», на который, как говорилось выше, Платонов откликнулся в печати.

7 марта 1941 года Платонов писал в группком издательства «Советский писатель» А. И. Вьюркову: «Дорогой Александр Иванович! Ты уже знаешь, что у Виктора Бокова родился ребенок. По-моему, обязательно нужно помочь ребенку, матери и отцу. Я тебя очень прошу устроить ему безвозвратную ссуду — в честь рождения нового человека. На роды всегда нужно помогать. Я думаю, что ты в этом поможешь человеку. Привет А. Платонов 7/III 41».<sup>2</sup>

<sup>58</sup> Имеются в виду Союз писателей СССР и его работники.

<sup>59</sup> Дом творчества под Москвой.

<sup>60</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 54.

<sup>1</sup> Платонов А. П. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 511.

<sup>2</sup> Личный архив В. Ф. Бокова.

Ходатайство свое А. И. Вьюркову Платонов направил не по просьбе Бокова, а по собственной инициативе. О процитированной записке Платонова Боков свидетельствует: «Я о существовании такой записки не знал...»<sup>3</sup>

В середине 1942 года в письме от 30 июня Боков обозначает свое местопребывание, как «Лагеря на р. Томь». Сообщение следующее: «Вот уже четвертый месяц, как я призван в армию. Учусь на лейтенанта...». Далее — поистине пророческие слова, вложенные пылкой дружбой в уста молодого поэта: «Берегите себя, дорогой друг, вы понадобится для восстановления обнищавшего духа людского после войны, вы потребуетесь родине, когда она начнет восстанавливать себя и заживлять свои свежие и старые раны. Ей нужен будет смелый и беспощадный писатель с пророческой решимостью — а вы есть таковой, и ваше время еще не приходило. Оно будет. Иначе все жертвы и гигантские усилия истории ни к чему».<sup>4</sup>

Дальше Боков должен был стать лейтенантом, и была бы стезя фронтовой лирики. Но в августе 1942 года ночью поэт был арестован, и из военной палатки началась его тюремная, а затем и лагерная одиссея. 25 марта 1943 года ревтрибуналом Новосибирского гарнизона был вынесен приговор по 58-й, политической статье (в просторечье — «разговоры»). Попал поэт в Орлово-Розовское отделение Сибирского лагеря (Кемеровская область).

Тоска неизвестности перед близким грядущим — разбудят, выведут в коридор, потом последний привет родины, пять выстрелов в упор... Недоумением и глубокой душевной болью полны были новые записи поэта:

Товарищ Сталин!  
Слышишь ли ты нас?  
Заламывают руки,  
Бьют на следствии.  
О том, что невинных  
Топчут в грязь,  
Докладывают вам  
На съездах и на сессиях?<sup>5</sup>

Кто же спасал душу и жизнь? Поэт говорит и об этом: «Как я выжил, у Музы спросите...»<sup>6</sup> И еще, конечно, спасали воспоминания. Из лагеря Боков писал Платонову: «Никто для меня не был такой сильной опорой и таким сильнодействующим средством в импульсах жизни и творчества, как Вы. Так и осталось. Не раз я загорался весь при воспоминании о Вас и о той нежной дружбе с Вами, которая у нас была».<sup>7</sup>

5 сентября 1946 года: «Но Тверской бульвар, 25/27 хорошо всегда помню и по-прежнему боготворю и не расстанусь с единствен-

<sup>3</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 6 января 1994 г.

<sup>4</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 25—26.

<sup>5</sup> Боков В. Стою на своем! М., 1992. С. 41.

<sup>6</sup> Там же. С. 84.

<sup>7</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 31.

ной книгой „Река Потудань“.<sup>8</sup> 9 октября 1946 года: «Дорогой Андрей, когда я тебя увижу, это будет для меня счастье. Я сразу взмою высоко, как орел (...) Ваш вечный друг. Викт(ор) Боков».<sup>9</sup> Характерно и трогательно это перемежение «Вы» и «ты». Виктор Федорович не любит «холодного „вы“», которое, по его мнению, несет в себе отчуждение.<sup>10</sup>

Письма Бокова не были безответными. Он получал в лагере письма от М. М. Пришвина и от А. П. Платонова — «тогда это было невероятной гражданской смелостью».<sup>11</sup> 23 января 1947 года Боков сообщал Платонову: «Позавчера я получил письмо от Пришвина, это меня очень ободрило».<sup>12</sup> 20 февраля того же года Боков вновь к этому возвращается: «Мне написал письмо Пришвин, чему я очень рад. Ведь я у него в доме вырос, и он материковый писатель, от земли и от России».<sup>13</sup>

Письма Платонова и Пришвина узнику лагеря должны занять достойное место в нашем сознании, они принадлежат мировой культуре, как проявление высоты духа в борьбе за человека и человечность. Платонов писал «туда», и каким великим моральным подспорьем были для узника эти письма! Следует сказать и то, что Боков оберегал покой друга, старался не писать ему излишне, потому что даже получать письма из лагеря «это было небезопасно для него, уже примеченного из-за сидки сына...»<sup>14</sup>

Но вот я держу в руках драгоценные и пока еще неизвестные строки.

«Кемеровская область

В. Чебулинский район почт(овый) ящ(ик) 247/8

Бокову, Виктору Федоровичу

от А. Платонова, Москва, Тверской бульв(ар), 25, кв. 27

22/IV 1946 г.

Здравствуй, дорогой Виктор!

Получил твое письмо от 3/IV. Давно-давно мы с тобой не виделись. На днях заходил ко мне Б. Ямпольский,<sup>15</sup> мы вспоминали тебя, он тебя очень любит и высоко ценит. В следующий раз я передам ему твой адрес и он напишет тебе сам.

<sup>8</sup> Там же, л. 32.

<sup>9</sup> Там же, л. 36.

<sup>10</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 20 мая 1990 г. В письмах Бокова перемежаются также «Вы» и «вы».

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 37.

<sup>13</sup> Там же, л. 40.

<sup>14</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 6 января 1994 г.

<sup>15</sup> Ямпольский Борис Самойлович (1912—1972) — писатель, литературную деятельность начал в 1927 г., работал в редакциях газет Москвы, Баку, Новокузнецка. В 1941 г. окончил, как и Боков, Литературный институт им. М. Горького. В годы Великой Отечественной войны был специальным корреспондентом газет «Красная звезда», затем «Известия», побывал в осажденном Ленинграде, где жили родственники А. Платонова.

У меня в жизни большие перемены. В январе 43 года умер мой сын Тоша, умер в Москве от туберкулеза, и сейчас уже четвертый год как он лежит в могиле. От него остался ребенок, мой внук, ему сейчас уже 3 1/2 года. К сожалению вдова Тоши отказала мне в том, чтобы я усыновил внука. А недавно Тамара (вдова Тоши) вышла замуж за военного и уехала с новым мужем и моим внуком на место службы своего мужа, и там живет.

В конце 44 года на старости лет у нас родилась дочка Маша, — теперь ей 1 1/2 года. Это было неожиданно и для нас. Вот все семейные новости. И еще одна новость, так сказать, — у меня два года как открылся активный туберкулез, и он мне мешает существовать.

Я бы очень хотел узнать, когда у тебя кончится срок и другие подробные сведения о тебе. Ты напиши об этом в следующем письме. Видел недавно Володю Елагина, говорили с ним о тебе. Володя часто болеет и лежит; у него какая-то сложная мозговая болезнь. Он работает теперь не в «Дружных ребятах», а в «Огоньке».

Видел за зиму раза два Андрея Венедиктовича. Он живет прежним способом: пьет с мамкой водку, пишет прозу, ест картошку и капусту со своего индивидуального огорода. Однажды он меня пригласил, я просидел у него часа два, а спустя несколько дней он уверял меня, что я у него не был, во всяком случае он меня не видел. Таков наш Алешка, когда выпивает и веселится. О тебе он хорошего мнения и считает, что ты потом будешь еще лучше писать. Не знаю. С меня было бы достаточно как ты писал раньше.

Я пишу тебе об этом, чтобы позабавить тебя немного. В другой раз напишу тебе что-нибудь более интересное, но для этого мне нужно получить от тебя новое письмо и узнать из него, что тебя интересует.

Привет от М(арии) А(лександровны) и от дочки.  
Обнимаю тебя

Андрей». <sup>16</sup>

Алексей Венедиктович — общий друг Платонова и Бокова, известный писатель А. В. Кожевников. Большим личным содержанием наполнено и известие о Владимире Елагине — он был большим другом Бокова в студенческие годы, затем они вместе работали в журнале «Дружные ребята», который печатал и Платонова.

Глубину отношений, привязанности Бокова к Платонову раскрывает в письмах тема «Реки Потудань». 30 июня 1942 г. Виктор Федорович пишет из лагерей на реке Томь, что с ним нет ни одной книги, что даже платоновская «Река Потудань» осталась в Чистополе. 6 декабря 1945 года из Орлово-Разово сообщается, что «Река Потудань» была единственной книгой, которую Виктор Федорович увез с собой, уезжая из Москвы в 1941 г., и что он бесконечно был бы счастлив получить экземпляр «Реки Потудань». Просьба, очевидно, была услышана, и 5 сентября 1946 г. Виктор Федорович сообщает

<sup>16</sup> РО ИРЛИ, ф. 768, л. 1.

Платонову, что по-прежнему не растает с единственной у него книгой — «Река Потудань».

«Тогда это было невероятной гражданской смелостью» — так характеризует Боков посылку Платоновым корреспонденции ему в лагерь. И добро бы Платонов этого не понимал! Совсем незадолго до войны его, как мы знаем, обвиняли в идеологической слепоте, утверждали, что мишенью Платонова являются революция и советское общество и иначе как клеветническими его произведения названы быть не могут. Сам, как и его сын, вослед собственному сыну — кандидат в лагерь, Платонов не мог, однако, забывать заключенного друга.

А что же Боков — не понимал опасности переписки с ним для Платонова? Понимал, потому и не писал Андрею Платоновичу в первые годы своего заключения, опасался навредить ему, сделав его адресатом писем из концлагеря. Во время войны писем от Платонова Бокову не было, «потому что я сам не писал»,<sup>17</sup> — вспоминает Боков о своих опасениях. Но было и беспокойство за Платонова — как он, что с ним? Да наверно, и он беспокоился о Бокове, не имея от него известий. Так пошло из Сиблага первое письмо к Платонову, и к своей радости Виктор Федорович узнал, «что он жив и помнит меня!»<sup>18</sup> Затем было послано вышеназванное письмо о Шолохове.

М. Шолохов символически соединил Платонова и Бокова следующим образом: на книге «Волшебное кольцо. Русские сказки», вышедшей в Москве в 1950 году под общей редакцией М. Шолохова, была сделана следующая надпись: «Виктору Бокову — с любовью к большому поэту А. Платонов 6 окт. 1950 г.»<sup>19</sup>

Но мы забежали вперед от 1946 года. На одном из конвертов вместо обратного адреса Боков пишет (образное мышление поэта!) — «из глубины сиб(ирских) руд»,<sup>20</sup> письмо — доходит! 10 августа 1946 г. сетует: «...четыре года не имел ни одного разговора с творцами о творчестве и это большое горе мое, и я глохну в глуши».<sup>21</sup> Тема Платонова нарастает. В письме от 28 августа 1946 г. поэт выражает свое преклонение перед ним «как перед истинным творцом со скромным, мыслящим, напряженным лицом, с печалью серых глаз и постоянной внутренней работой над собой». Тут же следуют и эмоциональный всплеск, и обобщение: «Я чувствовал так много отеческой заботы Вашей на себе (...) вы показываете, что за добром постоянно охотится зло и настораживаете это добро против кляков зла. Кажется мне, что о вашем творчестве я читал бы целый курс литературы. Люблю, люблю Вас, Андрей Платонов, и хочу, чтобы Вы жили...».<sup>22</sup>

<sup>17</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 6 января 1994 г.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Личный архив В. Ф. Бокова.

<sup>20</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 34.

<sup>21</sup> Там же, л. 30.

<sup>22</sup> Там же, л. 31.

И так-то почта порой работает неисправно, а тут человек писал вообще без уверенности, что его письма дойдут. Но начинается новый, 1947-й год — и снова следует признание: «Всегда помню и говорю о Вас с силой прежней любви...».<sup>23</sup> Это — из письма от 23 января. В письме от 30 января — забота Бокова о старшем друге: «Из письма Елагина я узнал, что Вам очень плохо, туберкулез и разрушительные палочки Ермилова<sup>24</sup> мешают жить. Так больно, так много гнева против всех Ваших врагов: как смеют они поднять руку на чистый, своеобразный цветок литературы? Кто дал им право? Наглость и инстинкт самосохранения. Они Уитмановские пузырьки, плывущие на поверхности с открытыми ртами, готовыми для принятия пищи».<sup>25</sup> Более того, лишенный почти всего, кроме надежды, да и то она порой уходила, поэт хотел бы даже заступиться из своего беспартия за друга. В письме от 30 января читаем также: «Мне очень больно, что я не могу заступиться за Вас, но я всегда с Вами и преклоняюсь перед Вашим редким талантом, который я не раз тщетно пытался осмыслить и охарактеризовать словами в письмах издаека».<sup>26</sup>

Через неделю идет послание из Москвы.

«Кемеровская область, В. Чебула  
почт(овый) ящ(ик) 247-8 Бокову Виктору Федоровичу  
Москва, Тверской бульв(ар) 25, кв. 27 А. Платонов.

Здравствуй, дорогой мой Виктор!

Прошу простить меня, что я давно тебе не писал. Дело не в том, что я болею и что у меня разные неприятности, — дело в том, что все равно написать можно было бы... Пусть бог меня простит и ты прости. Итак через 6—7 месяцев мы уже наверняка увидимся. Я буду рад тебе, и хотя я уже пожилой человек, но во мне, как и во всяком человеке, есть что-то неподвижно-постоянное, простое, счастливое и юное. Это во мне еще живо, и это чувство обращается к тебе. Но пережить пришлось столько, что от сердца отваливались целые окоченелые, мертвые куски. У нас растет дочка, которую я люблю не только отцовской любовью, но и человеческой, — ты увидишь, какое это существо... Будь здоров, приезжай, целую тебя.

Андрей

Москва, 7/II 47. Спасибо за письма и за стихи».

Сбоку приписка: «Привет от М(арии) А(лександровны) и от Маши».<sup>27</sup>

<sup>23</sup> Там же, л. 37.

<sup>24</sup> Имеется в виду литературовед В. Ермилов, критиковавший Платонова, и в частности его рассказ «Семья Иванова». Об этом рассказе Боков послал Платонову из Сиблага восторженный отзыв.

<sup>25</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 38.

<sup>26</sup> Там же, л. 38—39.

<sup>27</sup> Там же, ф. 768, л. 3.



На образное рассуждение Платонова Боков откликается в письме от 20 февраля 1947 года: «Это что-то» — «талант и не в каждом оно есть, хотя вы уверяете, что во всяком человеке».<sup>28</sup>

Между тем созрели благотворные перемены. Письмо от 10 сентября 1947 года: «Сообщаю, что скоро месяц, как я гражданин. Остался работать в Сибири...».<sup>29</sup> Срок закончился 19 августа 1947 г. Боков, еще будучи заключенным, работал зоотехником и после освобождения остался в лагере и стал работать как зоотехник по вольному найму. Проработал вольнонаемным до апреля 1948 г. Затем уволился и 17 апреля приехал в Москву. Точнее, в самой столице жить еще не разрешалось, пришлось устраиваться в деревне Ильино Калужской области.

На третий день пребывания в Москве Боков пошел к Платоновым на Тверской бульвар. «Первая встреча с Платоновым после нашей разлуки была очень волнующей», — вспоминает поэт.<sup>30</sup>

Между тем Андрей Платонович был очень болен. Друзья помогали, как могли. Сац не оставлял его надолго, Шолохов через Минздрав «выбивал» заграничные лекарства. Тяга Бокова к Платонову нарастала: «Дорогой Андрюша! Я еще жив (...) Все, что я теперь создаю, обращено почему-то к тебе» (25 ноября 1948 г.).<sup>31</sup>

В этом житейском контексте и возник образ некоего стихотворца Никиты Кулёмки, с которым Андрей Платонович был ознакомлен в 1949 году. Раскопав в своем архиве стихи Кулёмки, Виктор Федорович вспоминал: «Я это сорок лет не перечитывал, а сейчас все прочел. Понял, почему Андр(ей) Платонов слушал все это в моем исполнении с неудержимым смехом, с брызгами слезными, задыхаясь от восторга».<sup>32</sup>

Кулёмка возник, как друг, как отвлекатель и развлекаватель, как утешитель. Боков вспоминает: «Много раз я бывал у Платонова, как вернулся из Сибири, на Тверском бульваре. Он больше лежал, но активность его мысли, его интерес к литературе не теряли своего накала и блеска разговора. Кулёмку он воспринимал со слезами, воспринимал, я бы сказал — брызжуще!.. Это подливало масла в огонь, и я продолжал свою затею, ибо, кому она предназначалась, попадала в яблочко».<sup>33</sup>

К разговору о боковско-платоновском Кулёмке следует отнести предвоенные замыслы Бокова написать комедию. Он сообщал о ней Платонову 16 апреля 1940 г.: «Она бы могла до смерти напугать всех догматиков, что-то выучивших и затвердивших раз в жизни и больше ничего не увидевших и не понявших кроме». К Кулёмке относится и дальнейшее размышление о комедии: «В комедии должно быть капризное озорство, игра ума...»<sup>34</sup> И еще Боков — Платонову:

<sup>28</sup> Там же, ф. 780, ед. хр. 43, л. 40.

<sup>29</sup> Там же, л. 41.

<sup>30</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 20 мая 1990 г.

<sup>31</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 44.

<sup>32</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 24 октября 1989 г.

<sup>33</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 20 мая 1990 г.

<sup>34</sup> РО ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 43, л. 2.

«Дорогой Андрей во мне так сильно чувство творчества и желание сделать добро...»<sup>35</sup>

«Первая книга стихами» Никиты Кулёмки вышла в 1949 году в городе Сендюрдюнг в издании «Фаланги и скоропионы». Читатель понимает, что юмор начинался уже с титульного листа. В «Биографической справке» издатель сообщал: «Никита Иванович и одновременно Петрович Кулёмка родился в слободе Тьмака у города Тверь, ныне Калинин, в ту самую минуту, когда разорвался первый снаряд империалистической войны 1914 года. Таким образом, все то время, пока в глубине военных канцелярий шли тайные приготовления к этому выстрелу, во чреве матери Никиты шли не очевидные, но предполагаемые приготовления всего организма к акту родов. Минута появления на свет Никиты Кулёмки была слабым протестом на те последствия, которые имело падение первого снаряда — смерть нескольких невинных людей».<sup>36</sup>

Юмор заключался и в том, что Кулёмке сам день рождения был как бы передоверен: сам В. Ф. Боков, что, конечно, было известно Платонову, родился 6(19) сентября того же, 1914 года. Сдвиг всего лишь на неделю вызвал грандиозный пассаж со снарядом. Кулёмка уже анекдотичностью своего рождения мог к себе Андрея Платонова расположить. Как и Кулёмка, рассказ самого Платонова «Усомнившийся Макар» тоже начинался с невинных анекдотов. А издатель опуса Кулёмки меж тем оповещал: «В самом начале мы не спроста поставили ему два отчества. Точно не известно даже и матери, кто был отцом Никиты — Иван или Петр Ознобишины, тверской крестьянин и тверской ткач. Эти два незлобивых человека с одной фамилией в одно время посещали мать Кулёмки, Анфису Дормидонтовну Суржикову. Двойное отчество закрепила за Кулёмкой молва, а Никита, будучи человеком прямым, перенял его и огласил от себя, и тем самым отнял у подобного наименования первоначальную зловещность».<sup>37</sup>

Анекдот переводится сразу же в социальную плоскость: «Иногда он теперь называет себя: — Рабоче-крестьянское дитя! Ибо один его возможный отец рабочий, а другой крестьянин».<sup>38</sup> Текстолог, думается, может подтвердить переключку этого текста Бокова с манерой письма Платонова. Но дело не только в одной манере. Можно вспомнить и гротесковость платоновского «Города Градова», жители которого живут в странном мире, ими выдуманном, как бы пронизанном идиотизмом, словно самой средой жизнеобитания и условием его устойчивости. Уместно привести здесь признание Бокова: «Я признаю преемственность сатирической моей прозы от Платонова, весь «Кулёмка» платоновский, только для него и писалось это!»<sup>39</sup>

<sup>35</sup> Там же, л. 40.

<sup>36</sup> Кулёмка Н. Первая книга стихами (машинопись). С. 1 «Биографической справки». Личный архив автора статьи.

<sup>37</sup> Там же.

<sup>38</sup> Там же.

<sup>39</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 6 января 1994 г.

Боков, конечно, остался лириком, возобновил свои выступления в печати в 50-е годы именно как лирик. Но жизнь толкала на развитие сатирического взгляда... В мироощущении же Платонова в то время происходили иные сдвиги.

Как считает, например, В. Васильев, острая критика в печати сатирических произведений Платонова («Впрок», «Усомнившийся Макар», «Город Градов» и др.) послужила толчком для переосмысления писателем проблем художественного творчества. Это выразилось, в частности, в том, что он не прибегал в дальнейшем к сатирической манере письма, считая сатирическое изображение жизни неполным. Более того, как пишет В. Васильев, Платонов «резко отрицательно относился к сатире ради сатиры, не приемля в ней сырого посмешища и словесного пустозвонства...»<sup>40</sup>

Одновременно нарастало лирическое наполнение прозы. Все более отчетливо выявлялось, что одна из особенностей гения Платонова — в органичном и вряд ли кому еще в такой мере свойственном соединении глубокой поэзии и не менее пронзительной сатиры. Создавая своего Кулёмку в утешение больному Платонову, Боков взял себе за образец его прозу с ее сочетанием лирики и сатиры.

Боковский Кулёмка не стал явлением литературы, но он дает основания затронуть еще один важный вопрос — о творческом воздействии Платонова на других авторов. Учитывая огромность Платонова, ничто нельзя упустить, в том числе и Кулёмку. Да интересно и поучительно было бы исследовать воздействие Платонова на творчество Бокова вообще, имея в виду принципиальный вопрос о наследовании традиций. Правомерно, может быть, говорить не столько о воздействии Платонова на Бокова, сколько об изначальном сходстве двух дарований.

В разговор меж тем включается критик Иван Опёнкин. Родословная его в отличие от кулёмкинской неизвестна, зато известна его статья «Творчество Никиты Кулёмки». В ней вспоминается, например: «Однажды его литературный ум вдруг просветлел и он сказал мне такую фразу: — Подайте то, при помощи чего, если на это будет воля и необходимость и не сорвется рука, можно и должно подвернуть гайку».<sup>41</sup> Можно ли не увидеть в этом переключки с нарочитой ненормативностью или экстравагантной образностью речи героев Платонова типа: «Вы боитесь быть в хвосте: он — конечность, и сели на шею!»<sup>42</sup> Да и сам Иван Опёнкин сразу же честно предупреждал: «Никита Кулёмка обладает вообще какими-то странностями языка».<sup>43</sup>

Общеизвестно тяготение А. Платонова к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Соответственно и у Ивана Опёнкина читаем о Кулёмке: «Помимо стихов Никита изобретает игрушки, а не так

<sup>40</sup> В кн.: Платонов А. Размышления читателя. М., 1980. С. 278.

<sup>41</sup> Опёнкин И. Творчество Никиты Кулёмки (машинопись). С. 1. Личный архив автора статьи.

<sup>42</sup> Платонов А. Котлован. Ювенильное море. М., 1987. С. 6.

<sup>43</sup> Опёнкин И. Творчество Никиты Кулёмки. С. 1.

давно вырубил в лесу из высокого пня фигуру человека с бородой и большим топором на плечах. Лицо человека сильное и гневное, борода мятежная. Внизу Никита написал «Привет Евграфовичу!». Признаться, я и тут не мог понять его сразу, пока один школьник не распознал в работе скульптора Салтыкова-Щедрина. Эта симпатия, скрываемая Никитой Кулёмкой, как-то вдруг обозначилась и многое объяснила в творчестве Никиты Кулёмки». <sup>44</sup>

Что верно, то верно. 20 декабря 1949 года в доме отдыха «Малоевка» <sup>45</sup> Опёнкин-младший (еще один сатирический боковско-платоновский персонаж!) поведал, что среди новых, уже прозаических произведений Кулёмки значатся «Кот всё на масленице» (жанр — «грозное предостережение»), «Весна в загоне» (повесть о не справившемся со своими обязанностями. Снят), «Прогрессивная роль Чингис-хана в формировании исторической концепции романиста А. Кожевникова» (диссертация). С А. Кожевниковым мы уже встречались в лагерной переписке Бокова и Платонова, это еще раз напоминает о жизненной основе раздумий Кулёмки. Далее в опёнковском перечне его произведений «За пазухой времени» (записки закройщика), «Целиной по-пластунски» (записки пехотинца), «Бросуки» (повесть о выброшенных за борт), «Акула империализма» (протокол автоматического вскрытия), наконец, «Двигатель внутреннего сгорания и двигатель внутреннего нетерпения» (заметки о творчестве Л. Гумилевского).

О том, что Кулёмка хорошо знал творчество Платонова, свидетельствует, как очевидно, и вышеобозначенное его внимание к Л. Гумилевскому, которому еще в 1937 году Платонов посвятил статью «Книги о великих инженерах». О том же говорит и работа Кулёмки «Течение рек подтихую» (опыт объяснения особенностей протекания вод реки Дона по Шолохову).

Юмор подзаголовков между тем переходит в сатиру эпиграмм, недаром сам Кулёмка определил свое творчество, как «царапающую поэзию». <sup>46</sup> Вот «Жалобы мелиоратора» (знакомая Платонову профессия!): «С печалью замечаем мы: мелеют реки и умы!» <sup>47</sup> Прямо-таки классическая краткость! Вот мировоззренческое — «Радость»: «На ветке пели птички: подшевели спички». <sup>48</sup> Вот пример бытовой иронии: «В корзину положен осиновый гриб. Он был осторожен, а все-таки влип!» <sup>49</sup> Стихи наполнены образными находками, притом — в духе жизнеосмысления Платонова, например: «Я — горячее истории, без меня у нее прости». <sup>50</sup>

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> Пародийное переосмысление названия известного подмосковного дома творчества писателей Малеевка.

<sup>46</sup> Опёнкин младший. О новом этапе творчества Никиты Кулёмки (машинопись). С. 3. Личный архив автора статьи.

<sup>47</sup> Кулёмка Н. Новые стихи (вторая книга). Изд. «Фаланги без скоропионов», г. Сендюрдонг (машинопись). С. 4. Личный архив автора статьи.

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Кулёмка Н. Первая книга стихами. С. 4.

<sup>50</sup> Там же. С. 3.

Соответствующим образом звучит и ирония Ивана Опёнкина при его глубоком анализе стихов Кулёмки: «Это маленькие зеркальца жизни, тогда как наша великая эпоха требует грандиозных трюмо». <sup>51</sup> Здесь узнается умение платоновского Сафронова передавать рукой «жест нравоучения» и выражать на лице своем «морщинистую мысль жалости к отсталому человеку». <sup>52</sup>

Или вот такая характеристика Опёнкиным Кулёмки: «Сему странному дитяти хочется приблизить каждое произведение по краткости удара по читателю или определенности рабочих фраз: — Подай ключ! Заливай керосин! Паши глубже!» <sup>53</sup> Опять слышится Сафронов: «— У кого в штанах лежит билет партии, тому надо непрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм труда». <sup>54</sup>

Воспринимал ли Платонов Кулёмку как своего продолжателя или пародиста, или, по крайней мере, родственную душу? Но вот что несомненно: «Если бы, — пишет Боков, — Платонов не ощущал родства Кулёмки с его характером и натурой, вряд ли бы он с таким восторгом воспринимал бы эту шутку». <sup>55</sup> Еще уточнение: «В моих озорничаньях с Опёнкиным есть дух Андрея Платонова, общие наши настроения. Сатира Платонова мне была в те годы очень близка». <sup>56</sup> Еще точнее: Кулёмкой Боков «попадал в тайное тайных Платонова». <sup>57</sup> Стихи Кулёмки были тоже как письма к другу, почему мы и включили их в эту статью о письмах.

Только юмор — спасительный юмор! — мог смягчить мрачные реалии бытия. Не в этом ли также смысл рождения дитя времени Кулёмки и, в частности, его загадок? Боков свидетельствует: «Загадки были написаны при жизни Платонова, и я часто читал их и, как сейчас, вижу восторженные очи Андрея, услышавшего загадку: «Не гриб, а маринуется». <sup>58</sup> Но восторг был не без грусти — зловещая лагерная тень, знакомая обоим писателям-собеседникам, лежала на строках загадочника Никиты. В самом деле, кто это: «Сладок, прозрачен, Мичуриным на север в ссылку назначен?» <sup>59</sup>

Превозмогая мрачность реальности, Кулёмка вновь и вновь обращался к спасительному юмору: «Штукатурка не для строек народных, а для особ обезьяноподобных». <sup>60</sup> Больной писатель слушал строки Кулёмки, и его молодой друг с радостью видел, «как вымысел Кулёмки помогает ему держаться...» <sup>61</sup>

<sup>51</sup> Опёнкин И. Творчество Никиты Кулёмки. С. 1.

<sup>52</sup> Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 42.

<sup>53</sup> Опёнкин И. Творчество Никиты Кулёмки. С. 1.

<sup>54</sup> Платонов А. Котлован. Ювенильное море. С. 46.

<sup>55</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 23 февраля 1990 г.

<sup>56</sup> Там же.

<sup>57</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 29 января 1990 г.

<sup>58</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 13 марта 1990 г.

<sup>59</sup> Кулёмка Н. Собрание сочинений (машинопись). Том 3-й. С. 2. Личный архив автора статьи.

<sup>60</sup> Там же. С. 1..

<sup>61</sup> Из письма В. Ф. Бокова автору статьи от 29 января 1990 г.

Словно о тех днях вспоминал, говоря о Викторе Бокове, Валентин Сорокин: «и богат он щедростью воспринимать и делиться...»<sup>62</sup> Незабвенность старшего друга стала реальностью жизни. Одной из первых ласточек доброй вести о Платонове в 60-е годы не случайно, закономерно стало выступление в 1968 году именно Виктора Бокова.

Читаешь письма к Платонову и убеждаешься в справедливости мнений современников, вспоминая, как В. Кораблинов, ласковую кротость внимательных глаз Андрея Платоновича, его добрую улыбку. На своеобразии языка Платонова обратил внимание, как известно, еще М. Горький. С. Бочаров самую суть Платонова объяснял через его «чудной слог». У Платонова — «невероятные слова», он, по выражению С. Залыгина, «странноязычный писатель».<sup>63</sup>

Но во имя чего эта невероятность? Л. Гумилевский, как бы резюмируя, уточняет: «Самая резкая черта творческой личности Платонова — способность находить наивернейшие слова...»<sup>64</sup> Но во имя чего эта точность? С. Семенова за поражающей всех вязью мысле-слов прозы Платонова видит загадочную глубину ее смысла. И тут уже сам Платонов разъясняет: «...главное — сеять души в людях».<sup>65</sup>

Если мы имеем письма лишь от одного из участников диалога, то это не может не обеднять общую картину. Но письма к Платонову, думается нам, интересны еще и тем, что высвечивают суть души того, к кому они направлены. Письма искренние, полные душевной теплоты, они раскрывают не только души их авторов, но и конкретные глубины души того, кому они адресованы. А эти глубины освещались не «чудным слогом», не «невероятными словами», а устремлением к людям, вниманием к ним, заботой о них. Ведь это именно Платонов считал, что «писать надо не талантом, а „человечностью“...»<sup>66</sup>

Виктор Боков как-то взглянул на Платонова в минуту творческого процесса: «Надо было видеть его очи! Именно очи, а не глаза. Они были волшебны, таинственны, вдохновенны».<sup>67</sup> Конечно, в письмах к Платонову непосредственно этого не увидишь, но отраженный свет — тоже свет. В создаваемом Платоновым В. Боков, как и многие другие, видел «заряд духовной энергии», этим зарядом и определялся накал читавших Платонова, тем более писавших к нему, да ведь они были не только собеседниками его, но также его читателями.

Письма к Платонову (а здесь представлена лишь часть их), помогают, думается, всесторонне и глубже понять его как творческую личность, как человека, понять природу и суть его души. Он к чему не склонен был, так это к сплетням,<sup>68</sup> и даже в письмах к нему

<sup>62</sup> Огонек. 1974. № 38. С. 15.

<sup>63</sup> Платонов А. Возвращение. М., 1989. С. 3.

<sup>64</sup> Молодая гвардия. 1972. № 4. С. 317.

<sup>65</sup> Собеседник. Вып. 3. С. 290.

<sup>66</sup> Там же. С. 281.

<sup>67</sup> Боков В. Высокое слово Андрея Платонова.

<sup>68</sup> Таратута Е. Драгоценные автографы. С. 209.

их, как правило, нет. В них бытовые заботы, текущие житейские тревожения, но неизменно сокровенное и главное — жизнь души. Перечитывая письма к нему, глубже понимаешь тот путь, который привел его действительно к преждевременной смерти, к мировой славе и к вечной жизни. Путь, на котором он помогал людям находить, по его словам, дороги друг к другу. Недаром, как свидетельствует современник, его всегда привлекали именно люди, движения трепетных душ. Нравственный потенциал творчества Платонова — не искусственная заданность, но естественное проявление душевной и духовной сущности. Сквозь трудности и даже трагизм эпохи мы видим постоянную отзывчивость к людям, устремленность в будущее, жажду надежды. «Лицо и взгляд, — писал о Платонове один из его корреспондентов, — все время чего-то ждали, готовые просиять тому чуду, которое придет, не может не прийти!»<sup>69</sup>

---

<sup>69</sup> Стальский Н. Друзья-писатели. С. 42.

**Е. И. Колесникова**

## **РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ А. ПЛАТОНОВА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ**

Платоновский архив в Рукописном Отделе Пушкинского Дома представлен 82 единицами хранения. Кроме рукописей романа «Чевенгур», повестей «Котлован» и «Сокровенный человек» и нескольких рассказов, тексты имеют фрагментарный вид, зачастую представлены одним или несколькими листами, чаще всего без дат и заглавий, либо, напротив, с несколькими заглавиями.

Платонов работал на больших листах, одиночных или спаренных, обычно карандашом. Приписки на полях и строки в нижней части листа иногда уже не прочитываются — бумага по краям сильно обветшала, карандаш осыпался — рукописи угасают. В предлагаемом обзоре представлена значительная часть этих материалов, ранее не публиковавшихся.

Статья Платонова «Победим ли мы засуху?» (ед. хр. 21) не датирована. Как явствует из содержания текста, она не могла быть написана ранее 1926 года. Вероятно, это продолжение серии статей Платонова 1924—1925 годов из воронежских изданий (в основном, «Воронежской коммуны»). Поскольку во второй половине 1926 г. сфера практических и творческих интересов писателя меняется, трудно предположить, что работа писалась позже этого времени, следовательно, можно считать датой написания статьи 1926 год. Скорее всего, это самый ранний материал в нашем архиве.

Работа написана чернилами на крупноформатных сдвоенных листах. В конце статьи имеется много приписок на полях, почерк становится неразборчивым. В связи с этим несколько финальных строк остались непрочитанными.

Статья написана в научно-публицистическом жанре, живым языком, лишенным, однако, художественной метафоричности. Текст ее являет собой как бы простую канву, начальную заготовку для дальнейших творческих разработок. Проблемы, затронутые здесь, получают художественное преломление сразу в нескольких произведениях этого периода («Песчаная учительница», «Город Градов», «Елифанские шлюзы» и др.).

Платонов учитывает современную ему научно-производственную полемику между сторонниками орошаемого и естественного земледелия.

Начало споров о том, насколько необходимо искусственное орошение в земледелии уходит в прошлый век. В середине 20-х годов нынешнего столетия эта полемика обострилась.<sup>1</sup> Под влиянием общего пафоса борьбы за преобразования

<sup>1</sup> См.: Бюллетень 2-го Всероссийского совещания земельных работников. М., 1924. № 1—7; *Костяков А. Н.* 1) Мелиорация в борьбе с неурожаями. М., 1924, 3—8 марта; 2) Перспективы мелиорации в СССР. Европейская часть. М., 1924; Труды 2-го Всероссийского совещания земельных работников 2—8 марта 1924 г. М., 1924; *Фролов Н. С.* О мелиоративном законодательстве // Сельскохозяйст-



в практике советского сельского хозяйства преимущество отдавалось «мокрому» земледелию, что не всегда было оправдано. Например, в результате непродуманного орошения уникальный по своему биохимическому составу почвенный слой — знаменитый русский чернозем, родная земля Платонова — к настоящему времени сильно испорчен, так как из-за нарушения естественного гидрообмена земля начала «закисать», перестала «дышать». Основные линии давнего спора продолжают по сей день. С заметным перекосом лидируют мелиораторы, получая огромные субсидии на свои мероприятия. При этом лесное хозяйство и неорошаемое земледелие финансируются гораздо скромнее. Поддержание природы в ее естественном состоянии оказывается невыгодным, тогда как грандиозные мелиоративные проекты еще до недавнего времени продолжали создаваться (вспомним нашумевшую историю с проектом поворота северных рек). Нынешняя наука считает наиболее щадящим природу «сухой» способ земледелия, что не означает полного отказа от орошения. Главный критерий его применения — полная сохранность биогеографического комплекса каждого конкретного региона.

В платоновской статье мы находим следы этой полемики, когда читаем о борьбе сторонников «сухого» и «мокрого» земледелия. Как мелиоратор-практик, он ставит вполне конкретную задачу — помочь выжить крестьянам Черноземной области в засушливые годы. Со ссылкой на учителей — известных ученых-мелиораторов — профессора Н. С. Фролова и А. Н. Костякова он развивает систему необходимых агрикультурных мероприятий и орошения, потребность в которых обосновывает, исходя из местных природных условий. Платонов подробно, с научной скрупулезностью и с учетом опыта инженера-практика, анализирует отдельные случаи удач и неудач по земельному преобразованию Черноземья. Интересно, что столь ратующий за культурное преобразование земельных угодий автор статьи мелиоративные работы, проводимые в засушливой зоне в 1924—1925 годах, расценил как «непродуманные, поскольку земельные аппараты не выдерживали нагрузки, бюрократизм душил строительство и т. д. (...) Кажется, проще было бы, — продолжает автор, — 10 миллионов рублей раздать крестьянской бедноте, а только 4 миллиона пустить на мелиоративные работы». Андрей Платонов предостерегал работников сельского хозяйства от ошибок, на которые их толкали центральные органы, ученые, не учитывающие условий местности.

Сухая статистика статьи в повести «Город Градов» обернется едкой иронией в адрес губернских властей по поводу распределения выделенных «сверху» денег, а также о несколько необычных способах их использования в «низах». «Случился в Градовской губернии голод от засухи. На прокормление крестьян и на особые гидротехнические работы отпустили пять миллионов рублей. Восемь раз заседал президиум Градовского губисполкома: что делать с этими деньгами? Четыре месяца шло обсуждение серьезного вопроса (...) Сверх натуральной кормежки решено было начать гидротехнические работы (...) Было построено шестьсот плотин и четыреста колодцев. Техников совсем не было, а может, было человека два. Не дотянув до осени, плотины были смыты летними легкими дождями, а колодцы почти все стояли сухими (...) Сверх того, на те же деньги десятником самочинно были построены восемь планеров для почтовой службы и перевозки сена и один вечный двигатель, действующий моченым песком».<sup>2</sup>

---

венная жизнь. М., 1924, *Фролов Н. С.* Вопросы экономики мелиорации в Мозырском Полесье. Минск, 1926; Труды Областного мелиоративного совещания при уполномоченном НКЗ по сельскохозяйственному опытному делу Центральной промышленной области: (Материалы. Тезисы докладов. Резолюции). М., 1924; *Цветков М. А.* Мелиорация: Задачи и нужды // Новая деревня. М., 1924 и др.

<sup>2</sup> *Платонов А.* Сокровенный человек. Кишинев, 1982. С. 425—426.

По роду своей деятельности Платонову много приходилось общаться с крестьянами. Он не упускал случая познакомиться с народными умельцами, записать их изобретения. Так возник цикл очерков о технических изобретениях крестьян. В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся два из них — «Индустриализация деревни» и «Силовой газ из торфа» (ед. хр. 16). Во вступлении к ним Платонов высказывается по поводу организации сельского труда: «Деревенское идиотство имеет в первопричине дикие способы земледельческого труда». Автографы содержат изложение двух изобретений деревенских мастеров.

В одном из них предлагается добывать силовой газ из торфа прямо на болотах и перекачивать его затем по трубам к потребителям. Другой изобретатель предложил рассредоточить в деревенских избах станки, на которых крестьяне в свободное время могли бы производить детали, предназначенные для сборки в ближайшем городе.

Как видим, предложения эти были направлены не столько на то, чтобы облегчить «дикие способы» крестьянского труда, сколько на то, чтобы к ним прибавить еще и «умное» станочное производство в так называемое свободное — вечернее и зимнее — время.

В повести «Впрок» будут использованы отдельные мотивы этого очерка, правда, как это зачастую случается у Платонова, с другими смысловыми и эмоциональными акцентами.

Так, рассуждения о первопричине деревенской дикости вкладываются в уста штатного воинствующего безбожника: «Вы, граждане, обладаете идиотизмом деревенской жизни. Вас еще Карл Маркс предвидел. — Так как же нам делать? — Думайте что-нибудь научное!»<sup>3</sup>

Есть в повести и описание индустриального хутора, подобного тому, что виделся деревенскому мечтателю-изобретателю: «Хутор был похож не на деревню, а на группу придорожных кузниц; самые же дома, когда я подошел ближе, были вовсе не жилищами, а мастерскими, и там горел огонь труда над металлом. Опустелые поля окружали эту индустрию, видно, что хуторяне не пахали и не сеяли, а занимались железным делом какого-то постоянного машинного мастерства».<sup>4</sup> Художественный текст уже не проникнут авторским сочувствием, как это было в документальном очерке — что может быть противоестественнее деревни, в которой не пашут и не сеют?

Подобная диалектика преломления жизненного факта в творчестве — характерная особенность писательской лаборатории.

Обостренное ощущение гармонии как в окружающем мире, так и внутри человека заставляло Платонова искать ту тонкую грань, которая отделяет творческий поиск от безумной жадности преобразований ради их самих. В рукописях «Умственный хутор» (ед. хр. 28) и «Отмежевавшийся Макар» (ед. хр. 18)<sup>5</sup> в сатирической тональности рассказывает о превращении чудо-мастера, самородка-изобретателя в свою противоположность — «выдвигенца-регламентатора». Как знать, когда рождались эти мысли у писателя — не во время ли записи предложений по техническому усовершенствованию деревенской жизни.

Тексты «Умственный хутор», «Отмежевавшийся Макар» и еще один небольшой отрывок без начала и конца, рассказывающий о пребывании некоего Ефима Нечаева

<sup>3</sup> Платонов А. Государственный житель. Минск. 1990. С. 235.

<sup>4</sup> Там же. С. 214.

<sup>5</sup> Впервые опубликовано Н. В. Корниенко. См.: Корниенко Н. В. «Меня убьет только прямое попадание по башке»: Материалы к творческой биографии Андрея Платонова 1927—1932 гг. // Новый мир. 1993. № 4.

в Париже (ед. хр. 41),<sup>6</sup> являются частью большой работы Платонова в жанре «былей из жизни массового человека»,<sup>7</sup> начатой в 1929 году.

Название фрагмента «Умственный хутор» условно, поскольку писатель не остановился ни на одном заглавии, зачеркнув одно за другим: «Умственный хутор»; «Наша быль (эпизоды из жизни массового человека)»; «Григорий с умственного хутора».

Приводимый рукописный отрывок содержательно соотносим с повестью «Впрок» и является ее предшественником.

Многомерность восприятия жизненного факта, его смысловую неоднозначность можно выявить, сопоставив образ Григория из повести «Впрок» и образ того же персонажа из рукописи «Умственный хутор». В повести Григорий — мастер золотые руки, увлеченный техническими изобретениями, вызывает восхищение. Этот персонаж сюжетно занимает небольшое место и уходит из повествования, как только путешественники едут дальше. Единственный штрих, намечающий его будущее — его высказывание о желании уехать в город на учебу.

В рукописном же отрывке Григорий занимает центральное место. Все, что касается его деятельности в деревне как главного технического умельца, идентично с соответствующими эпизодами повести. Но в рукописном варианте судьба Григория круто меняется после его отъезда в город. В рукописи рассказывается о том, как Григорий, завершив свое образование, из мастера превратился в «выдвиженца в малом городском учреждении».

Тональность произведения в этой части резко меняется на сатирическую. Григорий занят преобразованием учреждения в завод. Следует рассказ о целой цепи его изобретений, которые в отличие от его деревенских изделий лишены технологической правдоподобности и носят характер фарсовой буффонады. Машинописное бюро герой-умелец переименовал в механический цех, а машинисток — в механиков. Усовершенствовал труд уборщиц, разносящих завтраки — помог им с помощью механизмов быстрее намазывать хлеб маслом и разливать чай в стаканы. Вместо старичка-регистратора усадил чугунный электрический робот. Но вот прибывает комиссия, которая сообщает свой вывод о том, что «организация бюрократизма в учреждении почти закончена. Осталось еще ввести единообразные картузы для всех служащих, чтобы под их базой было видно одинаковое сознание, а затем сделать чугунного регистратора дешевым начальником». И тут появляется дополнительный план повествования — все происходящее начинает восприниматься как готовый сценарий для фильма, а «комиссия» — съемочной группой в поисках подходящего сюжета для фильма о бюрократизме. Жанр киносценария был не чужд Платонову, возможно, в данном случае он использует его приемы для достижения определенного художественного эффекта.

Вероятно, сатирический городской пассаж выбивался из замысла бедняцкой хроники «Впрок», а потому был опущен. Возможен и другой вариант — быль «Умственный хутор» носила в глазах писателя самостоятельный целостный характер, а потом одной из своих частей вошла в повесть.

\* \* \*

Следующий блок материалов интересен тем, что загадочный Платонов не отстраняется многомерным художественным кодом, а сам старательно проводит

---

<sup>6</sup> Там же. Ввиду полной идентичности нашего текста с опубликованным, мы его не приводим в нашем сборнике.

<sup>7</sup> См. об этом: *Корниенко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 132—139.

читателя через свои произведения, объясняя их сюжетную логику, оттенки переживаний своих героев, четко обозначая собственные творческие и общественные взгляды.

Все три рукописи не датированы; точное определение дат в настоящее время не представляется возможным. Тексты написаны карандашом на больших двоянных листах. В конце каждой рукописи, как обычно у Платонова, если рукопись завершена, стоит его размашистая подпись.

Рукописи «Примечания к рассказу „Песчаная учительница“ для развития сюжетной стороны» (ед. хр 23) и «Сведения технического и съемочного порядка для постановки „Песчаной учительницы“» (ед. хр. 23), как видно из заглавий, имеют специфического адресата — постановщиков фильма по рассказу «Песчаная учительница». Рукопись «Зреющая звезда» (ед. хр. 9) тоже явно адресована другому лицу; скорее всего, это черновик договора с издательством, развернутый план будущего романа.

В первом случае это прорисовка рассказа «Песчаная учительница» для ее наиболее адекватной экранизации. Обращает на себя внимание, как трепетно относился писатель к интерпретации собственного текста, чувствуется, насколько важно ему было быть правильно понятым. За счет его пояснений образ Марии Нарышкиной значительно обогащается и оживляется.

Героиня рассказа, учительница, заброшенная в пустынную глушь, начинает подвижническую борьбу с песками, наступающими на людей. Через три года, когда становятся заметны плоды ее кропотливого труда и деревня покрывается робким зеленым щитом, появляется племя голодных кочевников с голодными стадами и вытаптывает все насаждения. В очередной раз борьба с «идиотизмом» закончилась поражением.

Это особый разговор, почему все платоновские энтузиасты-преобразователи терпят крах: не работают шлюзы, гаснут электрические лампочки, взрываются силовые установки и т. д. Все здесь, как всегда у Платонова, являет сгусток художественных и философских идей. Художественное содержание вступает в противоречие с теоретическими выкладками Платонова-публициста, которые, как мы видим из текстов статей, ему не менее дороги, чем его эстетические открытия. Каждая конкретная неудача героев-энтузиастов имеет свои причины, однако писатель уже ищет более глубокое и универсальное объяснение всем этим трагедиям. Мысли о допустимости внешних воздействий на естественный ход жизни приобретают философское звучание в повести «Епифанские шлюзы». Рытье канала воспринимается здесь как надругательство над живой плотью земли. Не потому ли так ужасен последний час главного строителя канала? Ведь если исторически реальный Бертран Перри более или менее благополучно отбывает к себе на родину, то своего героя Платонов заставляет умереть страшно от извращенной природы. В письме к жене он об этом напишет: «Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно».<sup>8</sup> Для художника все явственнее обозначался закон всеобщей гармонии, не позволяющий даже в самом благом начинании перешагивать ту грань обратимости, за которой гибнет его положительный смысл.

Настойчивая повторяемость в этот период напряженных коллизий — с одной стороны, стремления пассионариев прорваться сквозь косность природы и, с другой стороны, устойчивая прочность противостоящей природы — были в сознании писателя завязаны в один узел. До сих пор Платонов больше склонялся к тому, чтобы «общим кулаком человечества» ударить по природе, так как сила напряженности

<sup>8</sup> Платонов А. «Я буду делать хорошие души из рассыпанных, потерянных слов» // Сов. Россия. 1988. 17 янв., № 17. С. 4.

овеческого труда на земле равнялась силе враждебности природы. После этого идет медленный путь к жизни «среди животных и растений». Точнее сказать, движение началось как раз в названных произведениях. Ведь ни одно заглавие не несет в себе никакого отрицательного смысла, напротив, здесь можно найти закреплённый в названии рассказа момент утверждения (например, «Родина электричества», «Песчаная учительница»). Утверждающий пафос сквозит и через объективную соотносённость с действительностью. Ведь исторической реальностью является все-таки осуществлённая идея судоходных шлюзов между Волгой и Доном — Волго-Донской канал, электричество, тем более, не надолго задержалось после взрыва станции в Верховке. Однако писателю важно рассмотреть своего героя именно в момент его поражения перед стихией или обстоятельствами.

Мария Нарышкина из «Песчаной учительницы» вместе с горечью от проигранной битвы обретает, как это зачастую бывает с героями Платонова, новое, более объемное понимание своей миссии. Она соглашается переехать в другую, еще более глухую деревню, чтобы начать там все заново, а в покинутом селении люди, наученные ею борьбе с песками, и сами уже смогут заняться озеленением.

Образ энтузиастки-подвижницы, рожденный неповторимым платоновским миром, вполне ложится на вертикаль демократической традиции русской прозы Г. Успенского, В. Короленко, произведений ранней советской литературы («В новую жизнь» И. Шмелева, «Голод» С. Семенова и др.). Предлагаемые материалы вносят новые акценты в образ героини.

Дата их написания может быть определена приблизительно. Если «Песчаная учительница» была привезена из Воронежа в Москву в 1926 году, то «Примечания...» могли быть написаны, как следует из текста, только после опубликования рассказа, т. е. не ранее 1927 года. А если быть еще точнее, не ранее весны этого года, когда Платонов возвратился в Москву из Тамбова. А этот год ознаменовался, как известно, бурным обсуждением вышедших в свет «Разгрома» А. Фадеева, «Вора» Л. Леонова, сборника «Тайное тайных» Вс. Иванова, в том числе в свете углубленного внимания к проблемам психобиологического начала в человеке.

«Примечания...» и «Сведения...» разворачивают повествование в русло более современного контекста. Они являются толкованием, психологическим комментарием к рассказу. Упор делается на чувственную сторону натуры Нарышкиной. «Не растраченная на любовь душа целиком перешла в культуру и в ней израсходовала свои силы, возвращенные, быть может, для материнства и размножения».

Женщина и несколько поклонников вокруг нее как прием построения интриги не чужд Платонову («Строители страны», «Чевенгур» и др.). Однако, как правило, это статический расклад, исчерпывающий разнообразием образов влюбленных художественный диапазон возможных сюжетных вариантов.

Для раскрытия отдельных чувственных нюансов у героини Платонов обрисовывает круг мужчин, с которыми она общается. Это обожающий ее умный и тонкий, но еще полуграмотный крестьянин Кобозев. Он боготворит Марию, однако «тонкое чувство любви в нем борется с душевной чувственностью, скрываемой им даже от себя». Это и Никита Гавкин, хозяйственный и рассудительный мужичок. Это и вождь кочевников, в ее глазах исполненный непонятного величия и права не ценить ее труд (как раз за противоположное были ей близки русские Кобозев и Гавкин). Он вытпывает со своим племенем ее посадки, делая это не исподтишка, как вредитель, а открыто и гордо, как часть стихии — ведь его племя всегда здесь пасло скот, гоняясь по пустыне за кормом. После встречи с ним Нарышкина «ходит как безумная. Она поет и смеется, видит в бреде этого вождя, топчущего на своем коне огромную, убранную лесами страну, прыгающего через реки, отчего реки сейчас же высыхают и в руслах веет пыль».

Ее истинная женская природа готова подчиниться именно ему — покорителю и разрушителю ее мира. Но она видит, каково живется людям его племени — корма скоту не хватает, женщины и дети умирают от голода. И это понимание заставляет ее продолжать свою работу.

Можно, конечно, порассуждать о целесообразности озеленения и орошения пустынь и пр., но тогда мы выйдем за пределы произведения. В рамках же заданных автором художественных координат Мария Нарышкина следует логике своего характера, переступает через свои чувства ради благополучия других людей. Что есть ее подвижничество — трагическое изживание себя или же героизм,двигающий вперед историю? Платонов, в духе своего времени, ближе ко второму, однако ни на что сопутствующее этому, как мы видим из «Примечаний...», глаза не закрывает.

Подобный дополнительный акцент на вечных человеческих переживаниях позволяет предположить, что они-то и лежат в основе его мировидения. Быть может, это было драмой писателя — противоречие его умозрительных социально-философских концепций с живым чувством, а любить он умел до самозабвения.

Как свидетельствуют разыскания Н. В. Корниенко, в 1928 году Платонов обратился к жанру киносценария — перевел на киноязык рассказ «Песчаная учительница» и повесть «Елифанские шлюзы». А в планах Московской кинофабрики Совкино эти названия значатся за 1929 и 1930 годы.<sup>9</sup> Приводимый ниже текст имеет прямое отношение к этому творческому этапу писателя, однако его конкретное место в ходе работы над кинопостановкой «Песчаной учительницы» еще предстоит выяснить. Несомненна значимость рукописи как редкого случая художественного самокомментария Андрея Платонова. И в будущих академических изданиях рассказ «Песчаная учительница» должен непременно сопровождаться публикуемым ныне текстом.

В рукописи «Зреющая звезда» дается проспект будущего романа. Текст явно еще не написан, да и сам замысел пока что пунктирен. Основой сюжета является путь становления человека, в котором неразрывно связаны интимно-личное и общественное. Разгоряченный вниманием возлюбленной, герой совершает взрыв на заводе, попадая в ряды террористов-радикалов. После 1917 года он отправляется по дорогам революции, ведомый «„глубоко личным делом“: отысканием девушки». Через «интимное отношение к машинам», т. е. через сердечную привязанность к технике, герой находит себя в творческой работе. Вхождение героя в мир Платонов собирался показать «без схематизма и опрошенства». Здесь действительно нет общественно-политической заданности, как, с другой стороны, это и не сплошная стихия личностного начала. Жизнь героя выпадет на определенный исторический отрезок, и писатель добросовестно исследует ее.

Сведениями о романе «Зреющая звезда» мы не располагаем. Скорее всего, он так и не был написан. Возможно, замысел распался и был реализован в нескольких произведениях. Крайне важной представляется датировка этого материала, поскольку высказываемые в нем мысли о революции, ее влиянии на ход истории и частную человеческую судьбу достаточно определены. Вряд ли план был написан ранее 1926 года, т. е. до приезда в Москву. Если предположить, что он был создан во второй половине 20-х годов, незадолго до «Чевенгура» и «Котлована», то при сложившейся в современном литературоведении системе оценок платоновских взглядов этого периода нужно допустить крайне малый промежуток времени между положительным отношением писателя к революции и «охлаждением» к ней. В таком случае, это был не постепенный процесс, а резкий кризис. Если же отнести это произведение к «посткотлованному» периоду, тогда вырисовывается довольно за-

<sup>9</sup> Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946). С. 140.

мысловатая линия эволюции писательского сознания. В случае такой датировки скорее всего пришлось бы поверить Платонову, что он и в «Чевентуре» не отказывался от социалистических идеалов, не отрицал революцию, и говорить уже о более многомерном видении писателем общих и частных составляющих исторического процесса. Предлагаемая публикация приглашает к поиску и размышлениям.

\* \* \*

Среди отдельных разрозненных рукописных набросков нами обнаружено три материала, которые с разной степенью вероятности могут быть отнесены к подготовительным материалам рассказа «Государственный житель». Все отрывки не датированы.

Карандашный набросок под заглавием «Колодезь» (ед. хр. 6) может быть бесспорно атрибутирован как составная часть «Государственного жителя». Рукопись начинается с описания спящего землемера по фамилии Межевой. В печатном варианте рассказа мы встречаемся с землемером в третьем абзаце. Здесь он безымян, но след раннего наброска ошутим в уточнении места, где он спит: если в рукописи сказано о том, что он спал «в мелком лесу», то в рассказе фамилия персонажа переходит в описание его местонахождения, здесь сказано, что землемер спал «в *межевой* канаве того малого леса».

По сравнению с рассказом рукопись более эмоциональна, с более четкими оценочными акцентами. Землемер здесь не пробуждается от своего сна — на него падает умершее дерево и убивает. В фабуле рассказа землемера мы тоже видим только спящим — его наблюдает главный герой Петр Евсеевич, кладет ему под голову пучок травы и идет дальше, чтобы «посетить ближнюю деревню под названием Козьмы». В рукописи именно землемер Межевой направлялся в Козьмы, «чтобы отвести рощу в лес местного значения и тем передать ее в имущество деревни Козьмы».

В наброске «Колодезь» приводится дореволюционная предыстория деревни Козьмы, чего нет в рассказе. Чайнания и ожидания жителей деревни приобретают в рукописи оттенок неизбывной, вечной нужды — роща, о которой они мечтали, успевает состариться за время тяжб и старым прогнившим деревом убивает землемера, который наконец-то собирался наделить деревню рощей.

Отрывок поможет прояснить исследователям некоторые моменты отношения писателя к государству.

Два других отрывка — «Долгота жизни» (ед. хр. 3) и «Человеколюбие» (ед. хр. 36) могут быть лишь условно атрибутированы как наброски к рассказу «Государственный житель». Они интересны для наблюдений за способом построения углубленного психологического портрета персонажей.

Особый интерес представляет опыт сатирического портрета, представленный в отрывке «Человеколюбие» (другой заголовок, отвергнутый автором, — «Гуманист»). Здесь идет речь о не злом и не добром человеке, деловом работнике среднего возраста, который «благодаря спокойному, воздержанному образу жизни (...) свежему лицу и вере в химическую науку выглядел моложе своих лет». Не желая преждевременно ветшать, «он занимался гимнастикой и ел мясо умеренно, а насыщаться старался преимущественно овощами и фруктами. Заработок был достаточный, жены и потомства он не имел, и поэтому ему нетрудно было соблюдать такой жизненный режим, который в идеале мог дать личное бессмертие». Содержание отрывка почти полностью исчерпывается приведенной цитатой. Из-за краткости и фабульной непроясненности он почти не поддается атрибуции, но по способу построения сатирического портрета можно выдвинуть еще одну гипотезу и отнести его к подготовительным материалам «Города Градова». Именно с этим произведением близка рукописью своеобразными приемами внутренней иронии. Дополнительный акцент этой иронии

придает читательское восприятие, срабатывает «установка на Платонова» — в сознании происходит произвольное наложение этого благополучного в своем сытом довольстве типа на изможденных, тоскующих сердцем неприкаянных героев, на образ самого писателя, исходящего кровью над своими произведениями.

Недатированный отрывок «Долгота жизни» по стилю и содержанию близок к предыдущему, хотя ни общих героев, ни общих событий здесь нет. Интересно пронаблюдать, как в небольшом наброске художник может всецело погрузиться в особую психологическую стихию «чиновника по призванию», что достигается не содержанием — оно здесь достаточно отвлеченно — а самим течением мысли.

\* \* \*

Рукописный отрывок под заглавием «Македонский офицер. Роман из ветхой жизни» (ед. хр. 13) не датирован, без окончания, представляет собой черновой автограф, написанный карандашом на восемнадцати больших листах. Текст идет композиционным монолитом, почти без сбоев и композиционных несогласований. Платонов, как это часто мы наблюдаем в его рукописях, не сразу находит заглавие, имеется второй, зачеркнутый вариант — «Александр Македонский». Стоящий рядом с этим названием знак вопроса свидетельствует о том, что писатель мог еще вернуться к нему — все зависело от выбора главного персонажа.

В основу сюжета положена довольно увлекательная интрига, что не столь часто можно встретить у Платонова. Экспозиция повествования открывается описанием благодатной азиатской долины, окруженной высокими горами, и их обитателей, считающих себя авангардом природы, как и в более поздние века.

Место действия — вымышленная страна Кутемалия, окруженная вполне реальной географической атрибутикой. Например, в повести рассказано, как попасть в Кутемалию из Греции: надо пройти через Бактрию (пустынная местность в предгорье Памира), мимо Вавилона, мимо Экбатаны (территория южнее Каспийского моря) к Небесным Горам (вероятно, имеется в виду Копет-Даг). Так что страну Кутемалию можно при желании расположить среди реальных топонимов. Этот художественный прием уже известен нам по «Чевенгуру». Вероятно, писатель использует его для придания определенной типичности тому миру, в который погружает своих героев.

О главном персонаже — Фирсе — сообщается, что он уроженец маленькой греческой республики — Мегары, уже четыре года живет в Кутемалии по тайному приказу царя Александра из Македонии. Он был задержан местной стражей и не казнен лишь потому, что был инженером-гидравликом, а воды в царстве не доставало. Обращает внимание историческая достоверность описанного военного приема — еще отец Александра Филипп практиковал его. «...Филипп уже весной 336 года до новой эры послал в Малую Азию десяти тысячный передовой отряд под предводительством опытных полководцев Пармениона и Агалла, в задачу которых входила разведка вражеского побережья и закрепление на занятых рубежах. Отряд беспрепятственно пересек Геллеспонт,<sup>10</sup> высадился на побережье Малой Азии и дошел до Магнесии на Мандре,<sup>11</sup> поджидая прихода основных союзных сил».<sup>12</sup>

Македонский офицер Фирс выполняет задание полководца, а для местного императора — он служащий гидравлической канцелярии и занимается поисками питьевых источников и устройством водных сооружений.

<sup>10</sup> Геллеспонт — совр. пролив Дарданеллы.

<sup>11</sup> Магнесия на Меандре — древний ионический город в южной части Малой Азии.

<sup>12</sup> Гафуров Б., Цибукидис Д. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 66.



Подруга Фирса — рабыня, вынужденная вместо детей вынашивать в своем теле шелковичных червей, которые от ее влаги и тепла растут быстрее. В обстановке, доведенной до абсурда, развивается их любовь. Однажды ночью Офрия, рискуя жизнью, приходит к Фирсу и выбрасывает из себя ненавистных червей. В обреченном экстазе забываются они на одну ночь, а наутро женщина попытается покинуть Кутемалию и разыскать людей Александра, чтобы передать донесение от Фирса. А Фирс остается ожидать своей участи, а также сообщений — не будет ли поймана его возлюбленная обезумевшими стражами Кутемалии?

Наутро его вызывают во дворец к царю, где он наблюдает оргии прославляющей царя толпы. Повествование приобретает сатирический оттенок, порою писатель перешагивает за грань правдоподобия. Произведение стилистически распадается на две части — описание в щемяще безысходных тонах любви Фирса и Офрии и гротесково-издевательское изображение императорского двора.

Финал неоконченной повести неизвестен. Но имеющийся перед нами материал настолько переполнен историческими, литературными аллюзиями, философскими раздумьями, что и в этом виде представляет большой интерес для исследователей.

Прежде всего встает вопрос о датировке рукописи. Часть ее листов написана на оборотных сторонах «Ювенильного моря», следовательно она не могла быть написана ранее 1932 года.

Более точные хронологические рамки попробуем определить, принимая во внимание эволюционные меты того или иного творческого периода Платонова. Особенно плодотворным в этом смысле представляется пристальный взгляд на содержательную сторону произведений. Поскольку платоновское творчество в своей эволюции двигалось более или менее единым проблемно-тематическим потоком, то стоящие хронологически рядом произведения обязательно перекликаются, темы и мотивы перетекают из одного текста в другой, пока писатель не изживает тот или иной проблемный пласт. Что-то подобное можно сказать и о типах героев, сменяющих друг друга в процессе эволюции, но поскольку это движение более размыто, то обращение к типологии героев при атрибуции текстов может носить лишь вспомогательный характер.

В начале статьи, где речь шла о публицистике Платонова, было видно, насколько рачительно, скупо расходуется Платоновым фактический материал. Мысли и наблюдения из этих работ буквально пронизали весь художественный пласт этого периода.

Вообще, изначальная тематическая синкретичность — одна из особенностей рождения платоновских произведений. Особенно наглядно это можно видеть в военных рукописях, когда из одной сплошной записи вычленялось сразу несколько рассказов. Эта манера работы писателя способна оказать неоценимую услугу в датировке текстов.

Какие тематические знаки мы видим в «Македонском офицере»? Одно из главных действующих лиц — пленница Офрия, стремящаяся в любви утормить душу, чтобы быстрее прожить свою ошибочную жизнь и умереть. Фирс тоже наполовину пленник. Итак, тема плена, которая впервые возникла в 1932 году,<sup>13</sup> но получила свое

---

<sup>13</sup> В платоновском фонде Рукописного отдела хранится листок, датированный маем 1932 года под названием «Взыскание погибших» (ед. хр. 1). Сначала обозначена тема: «В плену империализма», — а в скобках уточняется: «(всяком)». Далее приводится список действующих лиц, причем обозначены они крайне обобщенно: «европейский офицер», «европейский солдат», «европейка», «советский воздушный инженер (пленник)», «командир Красной Армии». На полях обведено в рамку афористичное замечание писателя: «Что человечество должно быть одной семьей, — это выдуман несемейный человек или холостой». Дальнейшую судьбу этого замысла еще предстоит выяснять, однако известно, что под названием «Взыскание погибших» с подзаголовком «Мать» опубликован военный рассказ А. Платонова, сюжет которого никак не связан с обозначенным выше.

художественное наполнение лишь после поездки писателя по Средней Азии. Таким образом дата еще раз уточняется — не ранее весны 1934 года. Укрепляет эту гипотезу и место действия повести — приблизительно территория современной Средней Азии.

Просматривая материалы за этот год, находим точное время зарождения замысла: «Вчера был вместе с тремя писателями и археологами в ауле Багир (30 км от Ашхабада). Там есть развалины древнейших городов: Нессы Александрийской и мусульманского города. Древность этих городов 2000—3000 лет. Нашел несколько маленьких осколков посуды того времени с расцветкой, привезу их в Москву (...) Развалины очень красивы. Они лежат у подножия гор Копет-Дага; за этими персидский Хороссан (область), а лицом и укреплениями эти крепости-города обращены в пустыню Кара-Кумов. Мы долго смотрели на пустыню с высот развалин Александра Македонского».<sup>14</sup> Эти строки Андрей Платонович адресовал жене 5 апреля 1934 года. В этом же письме имеется широко известное исследователям сообщение о возникновении замысла «Такыра».

Определив временную точку отсчета возникновения идеи «Македонского офицера», остается выяснить время реализации замысла. И здесь опять на помощь приходит платоновский контекст. По способу осознания себя в окружающем враждебном мире можно провести типологические параллели между героями «Македонского офицера» и Заррин-Тадж из «Такыра», созданного весной 1934 года. Отсюда можно предположить, что эти произведения создавались почти одновременно.

Но если «Такыр» питала фольклорная основа, «сказка о Джальме», как писал Платонов, то содержание «Македонского офицера» повернуто к современности. Если иметь в поле зрения платоновский контекст, то при прочтении рукописи не оставляет ощущение того, что автор к этому времени еще не «переварил», не изжил проблематику рассказа «Мусорный ветер», написанного в 1933 году.

Полное исторических реалий столкновение Лихтенберга с «упрямой деспотией» Гитлера, вероятно, вызывало у Платонова потребность в комментарии. На отдаленном по времени, экзотическом материале писатель договаривает то, о чем он не мог сказать на материале современном.

В «Македонском офицере» писатель заново возвращается ко многим ключевым моментам «Мусорного ветра», заостряя и гиперболизируя их. Если в «Мусорном ветре» мы видим у памятника Гитлеру, «верховного полутела», ликующие массы, которые могли теперь не работать, а лишь приветствовать; то во дворце кутемалийского царя Озния, у ног его бесформенного, изъеденного пороками маразматического тела разворачивается целое действо.

Писатель не жалеет красок для описания «энтузиазма восторга»: «Один человек катался по земле и все время стремился разодрать ногтями волосатую кожу на своей груди, дабы живьем достать сердце изнутри и показать, насколько оно предано царю, насколько оно обливается кровью радости. Другой помещался в воздухе кверху ногами и беспрерывно вращался на затылке, желая разорваться центробежной силой в ничтожный прах. Пять людей ходили без остановки по одинаковому кругу, склонив головы и обладая великой задумчивостью: они мысленно искали величайшей славы для царя и, найдя ее, восклицали: „О, плод единственный отцветших богов!“. „О, грусть мира, навсегда утоленная!“. „Взвук времен и отец вечности!“. „Вестник блаженной твари!“. „Вдохновляющая прелесть!“. „Зодчий зари и прохладных рек“. „Сияющий и ослепляющий“, „Всякий разум глупость пред тобою!“».

В этих возгласах древней толпы слышна христианская метафористика, звучат отголоски философских сентенций об умерших богачах, проступает стилистика площадных лозунгов об «отце народов». Как видим, Платонов вовсе не стремится в

<sup>14</sup> Платонов А. Государственный житель. С. 579.

этой части повествования к исторической достоверности в описании древних времен, он стягивает воедино опыт многих эпох и дает символически-обобщенный план.

Что же приводит в движение эти восторженные массы? И в «Мусорном ветре», и в «Македонском офицере» дается одна схема выработки правящей идеологии. Так, в рассказе читаем: «...были сонмы и племена, которые сидели в канцеляриях и письменно, оптически, музыкально, мысленно, психически утверждали владычество гения-спасителя». <sup>15</sup> В рукописи аналогичная структура — коллегия философов занята «уловлением психических настроений вождя всемирного вещества Озния и превращение его невроза в законы».

Далее приводятся рассуждения кутемалийских философов. И опять в изложении теоретического обоснования существующего правления, причудливым образом спаянные, слышны перифразы расхожих положений ведущих идеологий XX века. «Клузий объявлял новейшее время как психиатрический окончательный этап в жизни всего человечества. Психиатрия — мгновенное искусство духа царя — есть завершение всемирной томительной истории человеческого рода; психиатрическая форма правления народами есть высшая, действительная свобода людей, потому что все законы государства немедленно отмирают и общая жизнь делается внезапной в своей судьбе (...) каждый может ежедневно умереть или быть объявленным бессмертным (...) Свой же дух царь предвидеть не может — поэтому психиатрическое государство есть неизбежно абсолютная свобода — оно есть движение из царства законов в рай беспричинности (...) Только тот человек, который бежит власти Озния, остается в мертвом царстве своей причинной судьбы — и тому неизвестен кутемалийский рай, где сверкают молнии психиатрического царства ослепляющей свободой».

Как видим, в «Македонском офицере» Андрей Платонов продолжает развивать начатые ранее, в «Мусорном ветре», размышления о типе правления, называемом им «психиатрическим». Здесь писатель касается спора о государственном устройстве между Платоном и Аристотелем. Идеальное государство, по Платону, должно состоять из трех сословий: правителей-философов, воинов и ремесленников; вне сословий находились рабы. Аристотель, развивая в основном те же идеи, сводил свою концепцию к признанию полисной организации грехов лучшей формой правления. «Мегагриец понял, что лишь на берегах Эгеи и в Македонии властвует скромный дух Эллады, а в остальном мире царит психиатрия, — как называл Аристотель, учитель македонского царя, всякое внезапное искусство мгновенных чувств». Платоновский герой выносит обвинение правителям, опирающимся в своей власти на идеологию. «Фирс неподвижно наблюдал за собранием философов. Он вспомнил Платона и его правительство философов и предпочел иметь меч во главе мира, вместо гения».

В художественном пространстве рукописи «психиатрической» деспотии царя с вдохновляющими ее философами противопоставлено «эллинское правление», которое нес миру Александр Македонский. Война его кроме завоевательного носила и объединительный характер — оживлялась торговля, вырастали новые города, возникал слой аристократии из представителей завоеванных государств, расширялась зона влияния греческой культуры, все это происходило при уважении прав покоренных народов.

Возможно, Платонова привлекало некоторое родство такого общественного строительства русскому империализму. Возможно, ему была близка подобная концепция взаимодействия Востока и Запада. Безусловно, потребность обращения к этому материалу вызвала современность, о чем свидетельствуют пересечения с антигитлеровским рассказом.

<sup>15</sup> Платонов А. Мусорный ветер. Таллин, 1991. С. 279.

Как писатель оценивал происходящее у себя в стране — однозначного ответа нет. Многие говорят за то, что Платонов сближал режимы — гитлеровский и сталинский. С другой стороны, не исключен и сменевеховский подход к советскому руководству — называл же он Ленина Иваном Калитой.<sup>16</sup> И тогда все-таки гитлеровская тирания по большому счету противостоит советскому типу правления, и лишь отдельные моменты, проистекающие из родства идеологий, сближают их. Да и в самом правлении Александра Македонского Платонов видит не только черты благородства и справедливости — он не закрывает глаза и на жестокость.

Противостояние двух типов правления, разных способов существования вырастает до символическо-космогонических обобщений. Философ Каллисфен, размышляя о судьбах человечества, предсказал земле два возможных пути: первый, освещенный греческой мыслью и наполненный подвигами, способен превратить землю в кристаллическую звезду, которая взойдет в сферы вечного покоя среди других кристаллов сияющего неба; в другом случае, «если люди не совершат своих подвигов до победы, — земля (...) обратится в смрадный газ и некий ветхий ветер...» (разрядка наша. — Е. К.). Итак, Платонов разводит по разным полюсам тенденции общественного развития, с одной стороны, отраженные в плане романа «Зреющая звезда», где писатель полон оптимизма; с другой стороны, обрисованные в «Мусорном ветре», где он видит человечество, во всяком случае какую-то его часть, превращающее землю в «смрадный дым». Лихтенберг «когда-то (...) работал над изучением космического пространства, составлял грезы гипотезы о возможных кристаллических ландшафтах на поверхности далеких звезд — все это делалось с тайной целью — завоевать разумом вселенную — теперь же, если бы звездная вселенная стала доступна, люди в первый же день разбежались бы друг от друга...».<sup>17</sup>

Текстологические сопоставления двух текстов позволяют предположить, что основную проработку темы о различных государственных устройствах Платонов вел именно на этапе создания «Мусорного ветра», поездка же в Среднюю Азию лишь подсказала новые формы ее реализации. Об античных штудиях свидетельствует и само заглавие рассказа. Традиционный для русской литературы мотив ветра получил дополнительные оттенки и значения за счет использования одного из афоризмов Пифагора: «Дует ветер, поклоняйся шуму».<sup>18</sup> Как развернутый перифраз этого выражения и как его толкование в тексте рассказа звучат следующие строки: «В пространстве шел ветер с юга, неся из Франции, Испании житейский мусор и запах городов, остатки взволнованного шума, обрывающийся голос человека...»<sup>19</sup>

Работа над рукописью «Македонский офицер» может помочь выявить истоки еще одного платоновского заглавия. Не вызывают сомнения тщательные штудии Платоновым материалов, касающихся взаимоотношений Александра Македонского и Аристотеля. Не мог пройти он мимо главного источника этих сведений — трудов Плутарха и, в частности, работы «О счастье и доблести Александра». В этом труде Плутарх приводит совет Аристотеля о том, как надо обходиться с народами Азии.

---

<sup>16</sup> Об этом говорится в изъятom цензурой фрагменте «Города Градова»: «Ленин — это новый Иван Калита, с той разницей, что тот собирал княжеские ключья безмасштабной московской Руси, а Ленин собирает ключья всего растрепанного империалистического мира.

(...)Настала поэтому эпоха великой мировой большевистской государственности, перед которой и Рим и Александр Македонский — ничто, и уездные исправники — тоже». Цит. по: *Корниченко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946). С. 71—72.

<sup>17</sup> Платонов А. Мусорный ветер. С. 284.

<sup>18</sup> Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994. С. 228.

<sup>19</sup> Платонов А. Мусорный ветер. С. 280.

Он рекомендовал Александру, чтобы тот обращался с эллинами как вождь, а с варварами как деспот, чтобы о первых заботился как о друзьях и близких, а тех использовал «как животных или растения». В одном из современных исследований читаем: «В чем новизна восточной политики Александра? Очевидно, в том, что он не послушался совета Аристотеля (...) обращаться с «варварами» как с растениями или животными и стал привлекать на военную службу и в штат придворных представителей азиатской аристократии (...) больше ориентироваться на Восток, чем на Запад».<sup>20</sup>

В натурфилософии Аристотеля говорится о природной иерархии, в которой растения и животные занимают промежуточное место между неорганической природой и человеком. При этом растениям присуща воспроизводящая душа, животным — способность ощущения, желания и движения, наконец, человеку, сверх всего этого — разум.

Доведенные одиночеством и другими обстоятельствами до полуживотного состояния, главные герои «Македонского офицера» и «Мусорного ветра» схожи между собой своим внешним «озверением». О Лихтенберге сказано: «По телу его (...) пошла сплошная темная зараза, похожая на волчанку, а поверх ее выросла густая шерсть (...) На месте вырванных ушей также выросли кусты волос (...) Ходить он больше не мог».<sup>21</sup> О Фирсе: «...был безобразен и груб на лицо — нос его имел размеры, годные лишь для большого животного, уши росли непрерывно и глаза гноились от неизвестной азиатской заразы...». Лихтенберг, на долю которого выпали наиболее жестокие испытания, уже почти лишен всех свойств живой материи — чувства его притупились, он плохо слышит, не может передвигаться. Осталась одна только способность мыслить. Оспаривая положение «мыслью, следовательно существую», Лихтенберг сказал: «Декарт дурак (...) что мыслит, существовать не может, моя мысль — это запрещенная жизнь, и я скоро умру...»<sup>22</sup>

Где-то в этих координатах платоновского поиска зарождались составляющие нового содержательного пласта, который писатель начнет прорабатывать в последующих произведениях — «Среди животных и растений» и «Джан». Некоторые проблемы, заявленные в произведениях 1934 года, снимутся, другие — обострятся, но истоки их, безусловно, находятся здесь.

Предлагаемые читателю материалы рукописей А. Платонова оформлены по следующим принципам:

1. В квадратных скобках — тексты, отвергнутые Платоновым. В случае наличия нескольких следующих один за другим вариантов они разделяются косой чертой.
2. В круглых скобках — нумерация рукописных листов текста, соответствующая описи Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом).
3. В угловых скобках — тексты, восстановленные публикатором.
4. Тексты приведены в соответствие с нормами современной орфографии.
5. Вписанные Платоновым тексты выделены полужирным шрифтом.
6. Все подчеркивания сделаны рукой Платонова.

<sup>20</sup> Гафуров Б., Цибукидис Д. Александр Македонский и Восток. С. 14.

<sup>21</sup> Платонов А. Мусорный ветер. С. 283.

<sup>22</sup> Там же.

## ПОБЕДИМ ЛИ МЫ ЗАСУХУ?

(л. 1) На реорганизацию с(ельского) х(озияства) в засушливой полосе ассигновано в общей сумме 77 мил(лионов) рублей. Работа за эти деньги [(преи) начата [в] с лета 1926 г. План работ рассчитан на исполнение в пять лет.

Мы опускаем [все] изложение тех затруднений (по линиям увязки мероприятий, выборе объектов, кредитования и пр(очее)), которые уже встретил противозасушливый план [при] в самом начале своего осуществления. [Надо сказать, что даже делая поправку] Даже делая поправку на то, что работаем мы всего первый год, когда ошибки и затруднения неизбежны, надо признать, что затруднений слишком много и, вероятно, есть непродуманность, есть неясность в самой теме борьбы с засухой. Туманен сам заданный сюжет, отсюда идет сбивчивое, бесстыльное, т(ак) ск(азать), его изложение.

Кроме семидесятисемимиллионного противозасушливого фонда действует еще особый капитал по восстановлению с(ельского) х(озияства Центр(альной) Черн(оземной) области, где картина та же, и все излагаемое ниже действительно и для Центр(альной) Черноз(емной) обл(асти).

Оставляя в стороне официальный [оптимизм] оптимизм земельного [ведомс] ведомства (хотя отдельные его [его/его] представители, специалисты, полны иронии [т(ак) к(ак)], но продолжают молча и честно работать, не веря, что можно сломить бюрократизм своего ведомства), оставляя в стороне профессорско-теоретический подход к вопросу, мы постараемся объективно [кратко] подойти к принципиальной стороне дела с точки зрения [работни] практического работника мест, которым долгое время был автор.

Все помнят большую дискуссию 1924 г(ода) между агрономами и мелиораторами [о том] по вопросу о «сухом» и «мокром» земледелии. Эта дискуссия имела один изъян, который и привел ее в тупик, а не к решению вопроса. Этот изъян был в том, что дискуссия была типично московская, профессорская, дохлая, книжная, крестьяне и работники мест совершенно не были спрошены, хотя интерес к дискуссии [бол] был на местах очень велик. [Ученые вы] Некоторые московские специалисты с(ельского) х(озияства) выказали себя лишь [пат] ура-патриотами своих родных дисциплин, и только (л. 1 об) никто не имел мужества (или мозга) отвлечься от себя и своих интеллектуальных интересов и подойти объективно к проблеме. Хотя за объективность каждый рассыпался, но это была дипломатия, которая в [данном случае смешна, т(ак) к(ак) явно было в чем дело] деле подхода к природе смешна.

[Оговоримся, что задача этой статьи]

Условимся: задача этой статьи состоит в серьезном предупреждении тем, кто занят сейчас восстановлением или реконструкцией или вообще, [раб без/рац] работой по рационализации с(ельского)

х(озяйства), от повторения тех ошибок, которые имели, имеют и, несомненно, будут иметь место,<sup>1</sup> если не будут пересмотрены со всей решительностью сами принципы [пр] решения проблемы. Мы уже имеем прецедент: общественно-мелиорат(ивные) работы 1924—1925 гг., [где] на которые было затрачено 14 мил(лионов) руб(лей). Если первую задачу — оказание продовольственной помощи пострадавшему от недорода населению — эти работы выполнили, то вторую задачу, указанную партией и правительством при ассигновании [этих] средств — [добиться] вложить в сельское хоз(яйство) элементы сопротивления засухе в виде гидротехнических сооружений, — эти работы не выполнили. Отчего — специалисты у нас плохи, строить не умеют, воров много? Нет, ерунда. Специалисты работали с огромным перенапряжением и личным техническим интересом, сооружения строились качественно отлично, [и все было построено сверх в] количественно план был превзойден. Но сооружения общественных работ сейчас десятками разрушаются, стихии крестьянской [без] некультурности и паводковых вод, совместно, равняют с землей и расстилают по балкам сотни тысяч [кубов] куб(ических) саженей плотин.

Отчего [эт] это? Работы были непродуманы, неправильно организованы, земельные аппараты не [соответствовали] выдерживали такой нагрузки, бюрократизм душил строительство и т(ак) д(алее) и т(ак) д(алее). Теперь, после такого испытания, [было б] кажется, проще было бы 10 мил(лионов) руб(лей) [от ра] раздать крестьянской бедноте, а только 4 мил(лиона) пустить на мелиоративное строительство, но это строительство совсем не так надо поставить, как оно было поставлено в 1924—19(25) гг., когда зав(едуший) зем(ельным) органом ехал и открывал (л. 2) работы, а следом ехавший инженер-мелиоратор их закрывал, или когда [вместо] строились сотни плотин без [всяких пр] укрепленных водосливов, а с простыми земляными канавами, т(ак) к(ак) [видите ли] деньги давались только на раб(очую) [силу] силу, а на материал нет. Тогда строить не надо, чтобы [никого] никого не компрометировать.

Практически вопрос стоит так, что в деле рационализации с(ельского) х(озяйства) (по линиям приспособления его к местной природной [и эко] обстановке и к экономике края и страны) преимущество (чуть не все 100%) отдано агрикультурным мероприятиям. А природа края языком [стихии] зноя гласит: растение умирает от недостатка влаги в корнеобитаемом слое почвы. Отметая все попытки победить засуху введением в [кресть] севооборот каких-то чудесных растений из Египта, [и] из Центр(альной) Азии и прочих мест, за которыми кто-то поехал «охотиться», как шутку, не [имеющую] практического значения в ближайшие годы в к] могущую иметь [нисколько] никакого практического значения [у и] в поле у крестьянина в ближайшие годы, перейдем к материалу мест.

---

<sup>1</sup> Следующая далее до окончания предложения фраза вначале стояла в скобках, затем Платонов их снял.

С(ельско)х(озяйственная) артель «Жизнь для всех» (Березовская вол(ость), Пугачевский Чезо) в своем приговоре на мелиоративную ссуду пишет: \* «Засуха и всевозможные солнцепеки, различные сушеи... убеждают и... вполне убедили авангард крестьянской с(ельско)х(озяйственной) массы в настоятельной необходимости орошения, ... полагая, что все прочие мероприятия, направленные в области поднятия нашей с(ельско)х(озяйственной) (нрзб) промышленности, при наших климатических особенностях, путем [перер]еверачивания несколько раз в земле в виде ли черного пара, уснащая земли всевозможными обильными туками<sup>2</sup> — это все же будут только паллиативные меры..., нисколько не устраняющие совсем зла в нашей местности... все-таки без воды обойтись невозможно; все приемы улучшенного землепользования останутся игрушками перед (л. 2об.) всесокрушающей силой солнечного припека; для наших степей самая улучшенная обработка, глубокая вспашка земли и черный пар почти бессильны, поэтому орошение — единственные ворота, через которые возможно пройти к остальным мерам культурного хозяйства в нашей местности...»

[По сведениям Самарского Селькредитсоюза] Полемика — «мокрое» или «сухое» земледелие — докатилась и до поволжской глуши. И вот на многолюдном собрании большого земельного общества — Мал(ый) Узень (орошение там существует [около] пятьдесят лет) — выносится резолюция с решительным осуждением всяких нападок на мелиорацию и орошение. (Нет ли сух и мокро)<sup>3</sup>

По данным Самарского Селькредитсоюза сбор хлебов на неорошенных землях в голодный 1924 г(од) колебался от 3-х до 16-ти пуд(ов) на десятину, на орошенных же сбор в 1924 г(оду) был не ниже, чем в 1923 г(оду), т(о) е(сть) для пшеницы 100—150 пуд(ов), для проса 120—300 п(удов), для картофеля — 1000—2000 п(удов) на десятину.

Нам возразят — это все отлично, а вы подсчитайте капитальные и эксплуатационные затраты [на при] на орошение и что у вас тогда получится. Подсчитано: «норма ренты, считая ее на капитал при устройстве орошения... не менее 17%» (данные проф(ессора) Фролова по Поволжью). Наконец, из своего небольшого, сравнительно, опыта по искусств(енному) орошению, я должен заявить, что в засушливый год орошение интенсивных культур \*\* окупается в один год, т(о) е(сть) капитальные и одногодичные эксплуатационные расходы вместе с процентами на капитал возвращаются в один урожай.

---

\* Здесь и далее беру данные проф(ессора) Н. С. Фролова, лично обследовавшего в 1924—(1925) гг. засушливый край и часть Ц(ентральной) Ч(ерноземной) О(бласти) (примеч. А. Платонова).

Вероятно, А. Платонов ссылается на работы сотрудника ВНИИ гидротехники и мелиорации им. А. Н. Костякова, проф. Н. С. Фролова: Орошение в Новоузенском уезде. Часть I: Бассейн реки Большой Узень. Саратов, 1915; Орошение в Новоузенском уезде. Часть II: 1) Общий очерк. 2) Бассейн рек Малого Узеня и Торгуна. 3) Бассейн реки Еруслана. Горки, Смоленской губ., 1924.

<sup>2</sup> Тук — минеральное удобрение.

<sup>3</sup> Запись сделана мелким неразборчивым почерком по диагонали строки.

\*\* С [экстенсивными] полевыми я дела пока не имел (примеч. А. Платонова).



Для всех этих данных есть конкретные места, куда можно повести интересующегося и продемонстрировать ему это золотое дно.

А пусть нам покажут **крестьянский** участок «сухого» земледелия, вышедший благополучно из **жесточайшей** засухи. Нет такого, [а] почему же должно верить, что он будет?

[Чт] Как сейчас идет борьба с засухой?

(л. 3) В счет ссуд крестьяне снабжаются лошадьми, тракторами, семенами, [и пр. Неужели нельзя] проводится землеустройство [и пр. Лишь в ничт/р], расширяется огнестойкое строительство [и пр(очее)], и лишь в ничтожнейшей сравнительно доле идут средства на мелиорацию, причем последней придано служебное значение, она всячески удаляется на задворки и прессуется агромероприятиями.

Представьте себе засуху — настоящую, знойную, лихую, испепеляющую. Что случится? Случится то же, что случилось — будет жестокий недород, **потому что у растения ведь не будет влаги как и прежде**. Лошади, купленные на засушливые ссуды, будут проданы за бескормичей, трактора будут ржаветь и т(ак) д(алее). [Государст] Деньги будут съедены молью нужды и пойдут прахом. Первый же [засушливый] год серьезной засухи покажет **неправильность** нашего теперешнего подхода к ней. Но мы уже тратим деньги! Уже истратили, процентов [10%] десять всех ассигнований. Необходимо остановиться, [необходимо] что продумать и перевернуть [наоб] весь план борьбы с засухой и восстановления с(ельского) х(озияства) в Ц(ентральной) Ч(ерноземной) О(бласти).

Мы предлагаем:

1) Полстолетия применения искусственного орошения в **Поволжье** [доказали] технически и экономически **доказали** действительность этого средства для борьбы с засухой и уместность его [именно] в крестьянском хозяйстве. (Правильное) и лиманное орошение должно быть поставлено во главу угла плана борьбы с засухой.

2) [Землеустройство] План землеустройства и **агрикультурных мероприятий** в засушливых районах должен строиться на основе мелиоративного плана и [обслуживать] **завершать** его; этим [только и] достигнется невиданный эффект [зе] землеустройства и агрономии в засушливых областях, т(ак) к(ак) теперешнее орошение почти игнорируется **землеустроителями** и агрономами, и все же орошенные земли дают [300%] **100—200% прироста урожая** против неорош(енных); при обратном положении, когда агрономы и **землеустроители** возьмут[ся] за руку мелиоратора, рентабельность орошенных земель еще более возрастет.

(л. 3 об.) 3) Агрономические способы борьбы с засухой («сухое» земледелие) есть по существу те же мелиоративные способы: [т(ак) к(ак) пр/ проблему/решается/ стараются решить/ решение] **по существу** дело сводится к **тому же** регулированию водного режима [водного] в почве, поэтому эти агррспособы составляют лишь логическое завершение общей гидротехнической мелиорации, «режим экономики» **влаги**, [т(о) е(сть)] оптимальную степень целесообразности, которая достигается оптимальной/наивысшей степенью целесообразности] что достигается при **рациональной** [научной] организации

севооборота, введением в него экономных на влагу растений, **известными** способами обработки почвы и т(ак) д(алее). Таким образом, основная ошибка [в/есть] была и есть в том, что [под] агромероприятием [понимали] в засушливом краю придавали вседвлекующее значение, тогда как они есть лишь завершение общей мелиорации и ее органические части [хотя и последние<sup>4</sup>] Идти дальше в этом споре — пустая схоластика: все равноценно — мелиорацией начинается, продолжается землеустройством и культуртехникой, агрономией завершается. Каждому делу есть почетное место.

4) Политически мелиорация [есть] дает ценнейшие результаты: она практически и вплотную подводит население к коллективизации землепользования и к кооперированию средств и труда. Пример тому — неслыханный рост мелиоративных т(оварищес)тв за последние годы и огромный эффект их работы.

[5] Крестьянство Поволжья уже **вполне** освоилось с /мели/ мелиорацией и, в частности, с орошением, поэтому эти мероприятия провести практически легче, чем /введение/ массовое введение крестьянский/ севообр]

5) [6] Развитие мелиорации **в засушливом крае и в зоне неустойчивого увлажнения** (ЦЧО и другие)) [отчасти] замедлит [выход крестьян] переселенческое движение крестьян.

[7] 6) Новый план борьбы с засухой и рационализации с(ельского) х(озяйства) должен быть составлен по принципу удельного веса каждого вида мероприятий по отношению к [нрзб] самому явлению засухи — недостатку влаги в почве — [и по отношению/ в соответствии, конечно] корректируясь, конечно, как основным, экономическими элементами.

7) Ни одно из [известных] **позже введенных в план мероприятий** не должно быть устранено из нового плана, напротив, получив свое **справедливое** место, эти мероприятия лишь усилят свой полезный эффект в крестьянском хозяйстве.

8) В борьбу с засухой и рационализацию с(ельского) х(озяйства) должны быть (введ) **введены как активнейший [нрзб] элемент крестьян(ского) производ(ства) поправки, за счет умаления значения земорганов, придания им лишь доли планирующих и инструктирующих [и т(ак) д(алее)] органов.**

## НАУКА, ТЕХНИКА И МАСТЕРСТВО

### Индустриализация деревни

В деревенской жизни, как известно еще со времен Маркса, много идиотства. Не потому, что люди в деревне — сплошь дураки

<sup>4</sup> Здесь между строк: [нет ли мокр(ого) и сух(ого) земл(еделия)/ есть/ в засуш(ивой) зоне — есть лишь /Нет в засухе/ не м(ожет) б(ыть)/ (нрзб) в засушл. Зоне только мокр(ое) или сух(ое) зем (нрзб).]

(«пенькам богу молятся, лаптем щи хлебают»). Нет, в деревне живут свежие, разумные люди. Весь почти русский пролетариат вышел из деревни. Деревенское идиотство имеет в первопричине [способ] дикie способы земледельческого труда.

Электромонтером Ф. З. Пугавкиным сделано предложение: дать деревне промышленность по дешевому способу, что дать людям заработок и занять долгие зимние пустые часы, откуда отчасти и растет идиотство деревенской жизни.

Ф. З. Пугавкин предлагает следующее. Имеется, скажем, электрифицированное селение. Соседний город собирается строить (л. 2) завод с(ельско)х(озяйственных) машин и орудий. Так не нужно строить завода, а сделать нужно так. Станки, каждый из которых производит одну какую-нибудь деталь машины, следует поставить по хатам крестьян (которые согласятся на это на объявленных им условиях работы). По станку на двор. Станок в хате приводится электромотором, который получает питание от осветительного провода. И крестьянин коротает вечера и зиму за [станком] станком. Вместо завода в городе существует только сборный цех. Крестьяне приезжают в город за сырьем, за платой, [и ува] за инструкциями и увозят из города сырье для производства. По мнению Ф. З. Пугавкина, некоторые производства можно так организовать; причем на организацию их потребуется меньше основного капитала (экономия на зданиях, рабочих жилищах, администрации и др(угом)), а сам продукт будет обходиться дешевле, т(ак) к(ак) крестьянин, (л. 3) живя у себя дома, не отрываясь от семьи, смотря на свой промышленный труд, как на побочный заработок, — будет брать со штуки своего изделия гораздо дешевле, чем эта штука обходится сейчас при скученно-городском производстве.

[Предла] Мы просим мнения московских рабочих на предложение т(оварища) Пугавкина; причем, особенно важно указать, какие предприятия можно так организовать и какие нет.

### Силовой газ из торфа

И. И. Игнатьевым разработан проект использования торфа на болоте, без вывозки за черту болота. Торф, как известно, не терпит дальних перевозок, да и перевозка его ложится большим накладным расходом на производство.

И. И. Игнатьев предлагает добытый торф (л. 4) превращать тут же на болоте в силовой газ. Для этого на болоте в центре разработок устанавливается газогенераторная печь, в которой торф, благодаря неполному сжиганию, превращается в особый силовой газ. Этот силовой газ по трубам нагнетается в город или на электрическую станцию, где он [в] сжигается [в дв] в газовых двигателях, в газовых топках под паровыми котлами, в кухонных плитах и т(ак) д(алее). Перевозки и потери торфа будут устранены, а газовые двигатели, работающие весьма экономно (как лучшие нефтяные двигатели Дизеля), еще более усилят пользу дела. По мнению И. И. Игнатьева,

можно в два раза, и в худшем случае в полтора, снизить стоимость добываемой энергии из торфа, если осуществить его предложение.

А. Платонов

[ПАКУ(РКИН)] [ГРИГОРИЙ С УМСТВЕННОГО ХУТОРА.  
(ЭПИЗОД)]

[УМСТВЕННЫЙ ХУТОР. НАША БЫЛЬ  
(ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ МАССОВОГО ЧЕЛОВЕКА)]

(л. 1) Двое производителей работ ехали с постройки большой плотины в сухой и дальней степи. Один из них был я, а другой — Сергей Дмитриевич Гуцев, ранее работавший по осушению плавней в пойме Амазонки в Бразилии. Мы ехали на старой машине заслуженной итальянской [фир] марки «Лянчия»; дорога [(отяжелела)] разрыхлилась от бывшего дождя, ее брала только вторая и третья скорость, и у нас часто кипел радиатор, который мы пробовали охладить [перев(...)] переводом [машины] **мотора** на прямое сцепление с карданом, но нам не удавалось.

Вдруг в моторе (нрзб) что-то резко и часто забилося, словно [там очутился посторонний] в камеры цилиндров попало металлическое трепещущее существо. Конус, тормоз, — и мы вышли смотреть повреждение. [Мы по/Сняв болты]. Отняв [болты] гайки, мы попробовали поднять блок цилиндров, но силы в нас оказалось меньше тяжести, а энтузиазма не было. Прохожий человек стоял и судил нас:

— Вы маломочны, и беретесь не так (нрзб). Лучше ступайте на Самодельные хутора — отсюда версты две будет, и того нет. Возьмите оттуда Гришку — он вам одну машину зарядит. А так вы замучаетесь — вы люди не те.

[Я] мы [еще раз] подождали из уважения к себе перед [сто] прохожим, но затем сообразили, что без того Григория с хутора и без лошадей нам не обойтись, [я пошел на хутор] и вечерело уже.

(л. 1об.) Я пошел на хутор. В долине существовали четыре **закопченных двора**, [и все они были] из каждой трубы шел какой-то нефтяной дым и [гремели мо] всюду в этом поселении гремели молотки. Хутор был похож не на деревню, а на группу придорожных кузниц; дома, когда я подошел ближе, были вовсе не жилищами, а мастерскими и там горел огонь труда над металлом.

Хутор назывался «Спартак» и находился он в бывшем Богучарском уезде Воронежской [губернии] **области**. Опустелые поля окружали эту индустрию — видно, что хуторяне не пахали и не сеяли, а занимались железным делом какого-то машинного мастерства. [Я] Резкая воздушная волна ударила мне в глаза горячим песком, снесенным с почвы, и вслед раздался пушечный удар. От неожиданного страха я присел за лопух и слегка обождал. Голый человек, черный

и обгорелый — не на солнце, а близ огня, — вышел из [масте] хаты-мастерской и поднял позади меня огромный деревянный кляп.

Этот человек оказался необходимым нам Григорием. Он только что испробовал железную трубу, посредством выстрела из нее деревянной пробкой; [которая] **железная труба** лежала [в горне] в горне, имея воду внутри, и работала как паровой котел — на давление, пока не вышибла кляпа из [заку] отверстия.

Григорий пошел со мной и поступил с Лянчией просто: он выбрал начинку из [одного] двух цилиндров в виде рассыпавшихся вкладышей и запустил (л. 2) мотор на двух цилиндрах.

— Ехать можно, — сказал нам Григорий. — Только в двух холостых [ци] цилиндрах теперь живот болит — там газ и масло гоняются непостижимо как.

Мы поехали на Спартак. Хутор этот живет уже лет двести, и всегда [в не] в нем было не более четырех дворов. В свое, отошедшее в древность время, хутор был ремонтной мастерской чумачьих телег, арб и чиновничьих экипажей, а теперь [хутор] на хуторе поселились бывшие партизаны и демобилизованные красноармейцы, происхождением из шахтеров, московских холодных сапожников и деревенских часовых мастеров, делавших за недостатком заказов девичьи [бусы] бусы.

— Вы ездили на автомобилях? — спросил у Григория Сергей Дмитриевич.

— Кто мне давал его?! — с вопросительной обидой произнес Григорий, [прав] правивший машиной.

— А как же [вы] вы едете так прилично?

— А я же еду и думаю, — объяснил Григорий. — Машина же сама говорит, что ей симпатично, а я ее слушаю и норовлю.

В Спартаке мы ночевали, потому что Григорий обещал [сдел] поделать вкладыши из металла, который никогда не лопнет и не раскрошится.

Мы с товарищем Гущевым легли [близ] на ночлег близ сарая, где хранился [хранилось антрацитное] кузнечный уголь и брак продукции. Едва мы углубились в прохладу сна на (л. 2об) свежем воздухе, как нас разбудил гром аплодисментов и длительные овации. [Вор] Вокруг ничего не существовало кроме тихой и порожней степи, а в одном строении хутора гремел восторг масс и **трезво** дребезжало стекло открытого окна. Я встал в раздражении испорченного сна, но со счастьем любопытства.

— [Возгласов]— Неопределенных возгласов не хватает, — услышал я рассуждение Григория в тишине кончившейся овации. — Люди всегда работают **сразу** — и в ладоши и в голос крика! Иначе не бывает. Когда рад, то все члены организма начинают передачу.

Я не понимал. На полу жилья стоял станок, похожий на тот, что точит ножи и [лезвия] всякие лезвия, но с особым значительным ящиком и разными мелкими деталями. Привод станка в действие — явно был ножной. Весь этот аплодирующий автомат был изготовлен спартаковцами для Петропавловского драмкружка, которому нужны были по **ходу** одной пьесы приветствующие массы за сценой. Здесь

пришел другой мастерской — Павел, по прозвищу Принцип; он принес кусок блестящего металла в руке.

— Это что? — спросил я у Григория.

— Это мы детекторы из него крошим.

— И много вам заказывают?

— Тыщи. Наши деревни музыку обожают, а слободы — [еще] еще более. Я думаю, что дальше в степь радио и не проходит: у нас в округе антенн [больше] гуще, чем [деревьев] деревьев, вся волна тут оседает.

(л. 3) Дальше спартаковские мастерские сошлись ужинать; их было семь человек, и все они слегка походили друг на друга, таково, вероятно, [свойств] интернациональное братское свойство труда. Стол находился под кушей закоптевшего единственного дерева — [среди] в конце двора; над столом, [горела люстра] подвешенная к дереву, горела чугунная люстра из [двадцати] десяти пятисвечевых электрических лампочек, а самое электрическое питание лампам подавал [служил] аккумулятор с чердака [на чердаке (нрзб)] На столе имелись для аппетита полевые цветы в банке и две стальные гравюры, изображавшие любовь.

После сытного ужина, рассчитанного на [усиленное питание] утоление [больших] мощных туловищ спартаковских степных мастеровых, состоялось чтение газеты вслух. Читал Григорий, а остальные серьезно слушали и отвечали искренними чувствами.

— «Нашей погранохраной задержан польский шпион Злучковский...» — читал Григорий.

— К ногтю! — [реагировали /ему отвечали] решали слушатели про того шпиона.

— «В Баку открыт **новый** мощный завод смазочных масел».

— Машинам необходимы жиры. Это **первейшая [добро] нужда**, — одобряли такое дело мастерские, сочувствуя машинам.

— (Нрзб) «Камчатская пушная экспедиция Госторга шлет приветствие пролетариату Советского Союза».

И все слушатели молча наклоняли головы в ответном приветствии.

(л. 3об.) — «Близ Ашхабада наблюдались слабые толчки почвы, [разрушен один дом] в ауле Исмидие разрушен один дом».

— Зря! Люди работают, а [природа их губит] **посторонняя сила** лезет.

Спартаковцы — это очень серьезные люди. Было заметно, что они [не созерцают, а изучают] не слушают происшествия, а чувствуют их, не созерцают, а изучают, и в **легкой** работе [ума] ума отдыхают **тяжелым** телом.

После ужина Григорий принялся за изделие вкладышей для автомобильного мотора. По его системе вкладыши должны получиться прочнее, потому что он их делал не из целого куска бронзы, а из частей.

— Ты видел (нрзб) литые дома из одного цельного камня? — спросил Григорий у меня.

— Нет, — по справедливости сообщил я.

— Оттого они и стоят по сту лет, оттого и [держат] держат бури, жару, дожди и сотрясения. Часть — великое дело, а сплошной массив — хрупкая опасность. Я тебе вкладыши сварю из крупинок и частей, как [дом] кирпичный дом. Будешь [ездить] ездить сильно! Митрий, Порть мне бронзу на мелочь! Дмитрий начал рубить кусок бронзы.

— Брось! — догадался Григорий. — Бронза стоит государству средств и организации. (нрзб) Руби мне [его] ее из старых вкладышей.

И так было поступлено.

Еще не успел сварить и отформовать Григорий вкладыши, как [среди] из степной ночи предстал пред мастерской таинственный, озадаченный всадник. То был друг Григория — комсомолец из недалекой слободы.

(л. 4) — Гриша! К нам бог вступает, поп и бабы ему иже херуим хором поют, на голове у него свет горит!.. Едем со мной на лошадином заду!

— Заводи машину! — сказал Григорий мне.

[И мы] Через минуту мы помчались с хутора на паре цилиндров бороться с пришествием бога в слободу, а позади нас поспевал комсомолец на коне.

Мы приехали быстрее бога: он еще не дошел до слободы, а медленно двигался по горизонту, окруженный старым народом, и над головой его, действительно, светился нимб беловатого огня. Мы [нажали] дали газ в [цилин] мотор и с перебоями в цилиндрах достигли бога и верующих в него.

Шел старик по земле, одетый в рядно, и босой и [благодушный] торжественный. Борода, ясные очи и благодушные пожилого лица служили определенными признаками бога-отца. Вокруг [лысеющ/буйных] косматых головных волос светилось ровное озарение. Увидев автомобиль, бог-отец выпустил из рук черновостого голубя, означавшего духа святого; голубь не хотел было улетать от кормильца, но Григорий дал воющий сигнал — и птица понеслась боком в даль. За это мы получили из толпы камень, разбивший стекло в правой фаре.

Григорий тогда встал на шоферское [сид] сидение.

— Господа старики и старухи! (В южных слободах любят это почтительно-отжившее обращение).\* Господь устал от тягости грехов народа и (л. 4об) пешего хода по земному пространству. Мы приехали сюда на машине, чтобы заставить дьявола послужить Господу... Садись, бог!

— Охотно, голубчик! — согласился близко созерцавший нас боготец.

Он был усажен в пассажирское заднее отделение и [туда сел] рядом с ним сел Григорий, а я повел машину [тихим ходом] с такой скоростью, чтобы старики и старухи поспевали сзади бежать.

Ночь продолжалась над нами; [природа огромная] глубокая звездная природа существовала вокруг нас, не замечая местного людского

\* Круглые скобки здесь и далее поставлены Платоновым.

происшествия. В слободе заметили приближение того, кто явился во второй раз в мир человечества, и сторож зазвонил в главный колокол с [по] малыми подголосками, произнося на них пасхальную службу.

[По отражению в шоферском зеркале я] Шоферское боковое зеркало **все время** отражало свет заднего бога, и вдруг оно погасло; я не мог обернуться, потому что впереди машины неслись собаки: их можно **было** подавить; но зеркало опять заблестело божьим сиянием, и я успокоился.

[Близ] У входа в храм лежал [ниц] ниц поп и также повалены были все те, кто **и раньше** ходил под богом. (нрзб) В стороне стояла группа комсомольцев, [и молодых с] трактористов и молодых слобожан, они бесстрашно улыбались накануне светопреставления. Один [слоб] крестьянин, уже положительного возраста, подошел ко мне в сомнении:

— Либо, товарищ, правда, бог где-то был [и нас обманывал], а теперь явился, когда не нужен?

(л. 5) Я не разубеждал его словом, поскольку бог-отец **почти фактически** [почти] был.

Здесь божий свет снова потух. Поп поднял очи:

— Где же свет Господень, что я видел [мгно] во мгновении времени?

— Сейчас, — ответил бог. Но свет вокруг его главы не происходил.

— Давай, я зажгу, — предложил Григорий, — **ты будешь копать, должность потеряешь.**

Он заголил богу рядом, как юбку, пошарил по его груди, и свет [осветил] засиял.

— У тебя зажимы на батарее ослабли, — тихо сообщил Григорий богу.

— Знаю, — сказал господь, — [где бы] туда бы нужны болтики и гаечки, а разве их обнаружишь где в степи!

После посещения храма, мы повезли бога в избу-читальню. Так пожелал Григорий, а бог согласился. У Григория был замысел: в этой зажиточной слободе почти никто не верил в радио, а считали его граммофоном, — Григорий вез бога в техническое доказательство.

В избе-читальне собралось народу порядочно, тем более, что прибывал бог.

В громкоговорителе же ослаб аккумулятор, и [про] **про** то знал Григорий, а у бога вокруг груди висела свежая батарея элементов. Григорий поставил бога [рядом] близ громкоговорителя и прицепил его проводами к аппарату. Радио [зазвуч], получив усиленное питание, зазвучало четким басом, но зато свет вокруг головы бога припотух.

(л. 6об.) — Верите ли вы теперь в радио? — спросил Григорий собрание во время перерыва для подготовки оркестра в Москве.

— Верим, — ответило собрание. — Верим господу и [радио-машине] в шумную машину!

— А во что не верите? — испытывал Григорий.



— В граммофон теперь не верим, — сообщило собрание.

— [Почему] — Вот тебе раз, — раздражился Григорий. — А если мы вам граммофон сделаем, тогда поверите?

— [Слу] Послушаем. Слушать будем, а верить обождем.

— А если я [вам] вас бога сейчас лишу?

Собрание и тому не особо удивилось:

— Ну-к что ж, — ответил за всех [солидный] **неимуший** мужик Евсей [владелец ветряка и читатель центральных газет] — Вместо одного бога, за нами десять безбожников ухажерствовать будут. Чем, [Гриш] Гриш, меньше веришь, тем оно к тебе внимания и доходу больше.

В полночь [пора] настала пора расходиться. Но вышло горе: никто не брал бога ужинать и ночевать в свою хату. Слобожане требовали, чтобы сельсовет назначил [очер] подворную очередь на содержание бога, а неорганизованно иметь бога не желали.

— Да возьми хоть ты его, Степан, — сказал Евсей соседу. — У тебя **новая** хата порожняя, как-нибудь уляжешься.

— Чего ты, — обиделся Степан. — Я [третьего] (л. 6) третьего дня бревна на мост по [наряду] **самооблажению** возил!

**Бог уже захотел есть и озяб от свежей ночи, проникавшей в окна избы-читальни.**

Наконец [бога] над [богом] **ним** сжалился комсомолец, [что] который приезжал за нами на хутор и позвал [ег] старика [к своей одинокой матери-вдове] в свою хату, где существовала одна его бедная мать.

Григорий озлобился на такую религию и увез бога[старика] на хутор, как [несчастливого] старика. Там бог поел, выспался и наутро остался [кузнецом второй руки] **трудиться второстепенным кузнецом**. Он оказался [рыбаком с астраханского плеса и иск(нрзб) тронувшимся] **безработным** кочегаром астраханской электростанции, тронувшимся **в путь** [к центру республики] **в виде бога-отца** для проповеди коллективной жизни и для подыскания работы в колхозе.

— Я тебя поймаю — ушибу! — пообещал Григорий. — Живи здесь и работай на на производстве. [Коллективная жизнь излечит/ Из кузни] Проповедуй молотком, а не ртом.

[Бог, дов]

Довольный бог остался: все же в нем жила душа кочегара и пролетария, жила и думала; кулак или другой полубуржуй не сумел бы стать богом — он, невежда, не знает электротехники.

До конца ночи Григорий не спал, (нрзб) **заготавливая** вкладыши на коленчатый вал мотора. А утром пришла женщина-почтальон пешком из волости с пакетом, запечатанным сургучом и заштопанным ниткой. В пакете имелась бумага для Григория: «Гр. Гр. Степ. Пакуркину. **На хутор Спартак, он же Умственный и Самодельный**. В виду [выдвижения естественно-одаренных (нрзб)] **надобности выдвигений естественно-одаренных пролетарских граждан** на посты просвещения, [таковым] означенным самородком являетесь вы и вам препровождается место на рабфак по разверстке волполитпросвета...

(л. 6, об) Предволрика Газов. Секретарь Подобашев».

Григорий к полудню оставил хутор, [учрежденный] **руководимый** им для **пользы** межселенной технической службы. Этот хутор сыграл [некогда] прекрасное значение: [он] его мастеровые [делали] могли делать любые металлические предметы — от подковы [до] через [шестерни] поршень для локобиля до **починки** амортизатора на аэроплане, некогда снизившегося в районе волости для показа себя.

И с тех пор, со дня получения Григорием талона на образование, я утратил его надолго. Уже Волховстрой был [пущен] пущен, сама волость, где жил Григорий, облицовалась шоссейным трактом и построила восемь детских школ, а Григорий учился и не возвращался. Он мне сказал при прощании, что едет найти фантазию науки, и вот искал ее, тратя жизнь и терпение.

[Отыскав] Получив в высшей школе смысл для своего ума, Григорий объявился выдвигенцем на должности изобретателя в одном [широком] **малом** учреждении. Григорий никогда не сомневался, его живой [движущийся] доверчивый ум критиковал лишь природу, а не людей [и со стороны природы] **и лишь со стороны природы и техники подходил к людям**. В учреждении директором был [не коммунист] крайне досужий человек: прочитав в газете о пользе составления пятилетних планов личной жизни, он предложил Григорию Пакуркину составить предварительные формы таковых планов, и Григорий [их] составил потребную исчерпывающую форму в половину рабочего дня.

(л. 7) Но [раскуплены/приобретены] эти формы личных пятилеток никем не были **приобретены**, а РКИ сделало указание директору на чрезмерность его руководства. После [этой] **первой** [такой] нарузки, Григорий получил другое задание.

— Товарищ Пакуркин! — сказал ему директор. — Улучь что-нибудь в учреждении: какую-нибудь функцию обществу, какую-нибудь отсеки, а процессы механизуй, чтобы люди не разматывали своих сил в междуусобии, а **целиком** работали на пролетарскую сторону.

— Ладно, — ответил Григорий и начал переделывать учреждение на завод.

[Вместо/Первым] В первую очередь он [ввел] ввел [улучше] облегчающие улучшения в труд уборщиц, которые разливали чай и разносили завтраки. Григорий изобрел автоматические намазыватели масла на [бул] булки, приспособил к [кубу] кипятильнику «Титан» особый регулятор, сам собой закрывающий [(нрзб)] кипяток — после наполнения стакана — и вновь пускающий его через четыре секунды с тем, чтобы женщина управилась подвинуть [пустой] **очередной** пустой стакан.

Затем Григорий переименовал все отделы, обозначив их цехами, например, Машинописное бюро стало механическим цехом, а машинистки механиками. И еще многое исправил Григорий, и люди из других учреждений приходили к нему и смотрели на него.

Уже повсюду в своем ведомстве Григорий (л. 7 об.) завел горячие воздуходувки вместо пресс-папье, [управился], установил электри-

ческие сигнализаторы, [показываю] определяющие темп и содержание работы каждой комнаты и привез электромотор в сорок лошадиных сил со ⟨нрзб⟩ специальным прессом — для отжима влаги из исходящих бумаг, чтобы вес их был меньше и дешевле причиталось наклеивать марок. Но тут, среди производства, Григорий заинтересовался неким старичком, спрехвала и [покуривая] закусывая заведывавшим регистрацией [бумаг] отношений. Если Григорий жил [⟨нрзб⟩] ради [научно] фантазии науки, ради томительной Евдокии [Знания] Познания, то этот кормившийся старичок [жил] существовал ради неизвестного в культурной среде Евдокима.

И Григорий улучшил старика. Он понес конскую мочу на исследование и получил бюллетень на неделю, по болезни почек. Выиграв время свободы, Григорий сделал механического [чугу] медно-чугунного регистратора, работающего от штепселя. Через канцелярию Григорий протащил этого получеловека-полуслужащего за чугунную руку и усадил его на регистрационное место раньше прихода старика. Усердное, автоматическое существо сейчас же принялось за дело предварительного [офор/офор] учета бумаг, закончив всю [наг] дневную нагрузку старика через час, — с расходом одного [половины киловатт часа] гектоуатт-часа, иначе говоря — [копейка] двух копеек.

(л. 8) Старик явился, но заметив [вновь] внезапного соперника — ушел жаловаться в местком [об увольне/ о смещении присланного лица] Между тем, уборщица принесла чугунному регистратору сразу два стакана чая, обычную норму старика, и новый регистратор их выпил, наделенный Григорием всеми функциями [своего] его предшественника. Однако, чтобы вещество не пропадало, Григорий устроил превращение воды в чернило внутри автомата, и то чернило выливалось время от времени изо рта чугунного регистратора в чернильницу. Тех барышень, что носили бумаги по этажам и цехам, прошлый старик слегка пощипывал от скуки службы, и барышни, помня шестой разряд старика, [насмехались не⟨нрзб⟩] помноженный на безутешный возраст, пессимистически дулись. [То же проделывал] Ту же игру совершал и чугун, тратя энергию от ⟨нрзб⟩ штепселя, и барышни не меняли к нему своего пессимизма.

И вдруг, любуясь четкостью работы [регистрирую /регистрирующего] механизма, Григорий увидел [бродившего по предприятию] появление у стола ⟨нрзб⟩ точного регистратора того пожилого [коче] кочегара, [что был] которого он некогда захватил в качестве бога и [пре] обратил в кузнеца.

— Ты кто? — спросил его Григорий.

— Я прогульщик, — [ясно] без манкированья сообщил кочегар, потому [что не⟨нрзб⟩ наилучших] что уже твердо надеялся на получение пособия в этом учреждении. — А теперь подаюсь на деревню.

Григорий [обсле] посмотрел бумагу в руках прогульщика. Там излагалось сообщение о беспомощности подателя сего, а в углу имелась отметка (л. 8,об) регистрации и какая-то палочка, напоминавшая краткую подпись директора.

Чугунный регистратор ошибся: палочку он ставить не должен. Прогульщик отошел от Григория и показал бумагу живому служащему; тот увидел палочку и сказал: «в бухгалтерию».

В бухгалтерии прогульщик прошел добавочные нисходящие инстанции и получил деньги, а Григорий следовал за ним, [ожи] ожидая результата.

— Я целую неделю ходил сюда, — пожаловался Григорию [прогул] бывший кочегар. — У вас бюрократизм.

— Врешь, — отверг Григорий. — Ты в первый раз [пришел] пришел и сразу получил, что тебе не полагается. Отдавай деньги обратно, иль вноси в депозит.

— Лучше в депозит, — сказал прогульщик.

— Товарищ Пакуркин! — [позвал] зычно позвал издали директор, мощно шагая по коридору, [оборудован/и] чем вызывалось дрожание в установленном [фото-автомате] для съемок праздно-гуляющих фото-автомате.

Григорий был приглашен [в ячейку] на производственное совещание у директора, туда же пришел и прогульщик. Красивые люди в обмотках на ногах и с трубками в зубах сидели вокруг стола заседаний. [Директор обратился к присутствующим:] Кроме них еще находился [мр] некий мрачный и плохо одетый человек; он начал говорить: **Товарищи! Обследовательская группа РКИ закончила свои работы и нашла, что организация бюрократизма почти закончена в вашем учреждении.** Осталось еще ввести единообразные картузы для всех служащих, чтобы [их общие] (л. 9) [ф/ материальная форма оп/ на] под их базой было видно одинаковое сознание, и затем сделать чугунного [начальника] регистратора дешевым начальником. Отсюда сюжет пойдет уже на свое изжитие, а именно: из некоторого села, где нет еще налаженной культпросветработы, приходит бумажка с просьбой разрешить явиться богу. Чугунный администратор кладет одну из [двух] трех присущих ему резолюций: «Согласен», [или] «отказать» или «подработать и доложить»; в данном случае он напишет «согласен».

Богом мы пошлем лицо, играющее здесь штатного прогульщика, и в деревне его встретят симфонией Бортнянского «Иже Херувимы» в музыкальном сценарии. Но что сделают с богом в деревне, я не знаю.

— Я знаю, — сказал Григорий.

— Отлично, — согласился человек [(нрзб) режиссер] из РКИ. Пусть и дальше наши съемки естественным порядком, жизнь сама закончит наш сюжет. Будем как и прежде, хранить наше дело в секрете, дабы соблюсти натуральность и непосредственность будущей кинопоэмы об [административных источниках бюрократизма] извращениях...

— Какой кинопоэмы? — испугался живой директор.

— Такой, — объяснил инспектор РКИ. — Наша обследовательская группа нашла, что ваше учреждение можно искупить только тем, что пригласить сюда режиссерскую киногруппу — что я и сделал. А затем заснять ваше учреждение

как картину против бюрократизма, чтобы окупить убытки вашей [руководство] деятельности...

— Чтобы кончить правильно, — указал Григорий мрачному человеку, — надо [обратить] реорганизовать его в киноателье и назначить [чугун] металлического регистратора режиссером, [режиссером, вместо вас] вместо живого.

— Почему? — [несколько] слегка удивился рабочий [инспек (нрзб)] инспектор.

— Потому что это выйдет обман. В жизни живут лучше, в ней нет бюрократизма... Я могу все изобрести, только пользе жизни не обучен...

[— Потому что в жизни ничего нет, что (нрзб) они хотели здесь устроить. Я работал /в жизни/ из-за любви, а не из-за пользы. Среди жизни живут настоящие люди — я же их видел... Будь /вы/ они здесь прокляты! /Вам нужно/ Я их теперь понял: им нужно было искусство службы, а мне требовалась /жизнь/ работа. Я могу изобретать все /пусть дают].

[Пойди сюда].

— Так, — сказал серьезный человек. — Но почему же в жизни, вы говорите, нет извращений, а вот здесь они налицо? [Растерялся режиссер]<sup>5</sup>

— А [потому — потому что] как же я из кузнеца стал инженером? — Защищался Григорий, у которого уже побледнело сознание от сложности обстоятельств.

[Режиссер нашелся]

Но инспектор хладнокровно нашел выход:

— Отлично. [Это] Вы и будете концом фильма. Доигрывайте жизнь, товарищ Пакуркин! Вам достанется счастье, кинорежиссеру — гонорар, а здешние бюрократы обратятся в типажи, мы [сделаем] превратим их жизнь в (нрзб) прекрасное искусство... [Но Григорий даже не собирался]

В последний раз я [их] виделся с Григорием Покуркиным опять в провинции. Он работал главным инженером [по постройке нового цементного/ громадного кирпичного завода, чтобы на постройке дома — павильона для колхоза] на опытном совхозе, где устранил тракторы и разрыхлял почву взрывным способом, [но его способ дал] применяя жидкий воздух. [(нрзб) я прочитал, что Григорий добился урожая]

Этот человек, вероятно, сумеет выйти и других выведет на свежий воздух социализма; пользе жизни он научится и вместо изобретения чугунного регистратора сам станет живым и оживляющим вождем.

---

<sup>5</sup> Вписано между строк: «[а где же бю/почему же тогда есть бюрократизм?]»

**ПРИМЕЧАНИЯ К РАССКАЗУ «ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА»  
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЕГО СЮЖЕТНОЙ СТОРОНЫ**

(л. 1) 1) С начала до конца учительница — Мария Нарышкина — должна быть показана и доказана художественными способами как цельный резкий тип нового человека, в котором личные стремления крепко заземлены общественным чувством. [Склонность] Некоторая, выпукло показанная, склонность к мечте в ранней юности (чтение географических книжек отца), любовь к уединению, задумчивость, соединенная с живостью и нежностью, — уберегли Нарышкину от пошлости в молодости и сохранили ей девственность характера. Дальше она обрабатывается культурой, которая так искренно и глубоко воспринимается ею, что сразу обуславливает будущую подвижническую жизнь.

Нарышкина в юности знала лишь одно увлечение, бесследно потом заросшее. Это не любовь.

Нерастраченная на любовь душа целиком перешла в культуру и в ней расходовала свои силы, возвращенные, быть может, для материнства и размножения.

Отсюда же некоторая противоречивость натуры Нарышкиной. Чувство неясной (л. 1об.) тревоги, чего-то утраченного, неиспользованного, затаенного, но не умерщвленного [дар] и не превращенного еще в другое — в культуру, в нашем случае — дается во всей игре Нарышкиной, даже в ее лице — простом и напряженном.

Друзья дела Нарышкиной в Хошутове — крестьяне Никита Гавкин и Ермолай Кобозев — могучие люди. Ермолай Кобозев — неграмотен. Но из слов и действий Нарышкиной он каплями сосет ее волю и ее высокое, в его глазах, знание. Он зачумлен и зачарован от бесед Нарышкиной, которые она устраивает для крестьян. Он ходит шальным по степи и мечтает о пустыне, сплошь цветущей и наполненной людьми и городами. В Кобозеве огромная жажда и тонкая чувствительность к культуре, которая воплощена для него в Нарышкиной. Кобозев потенциально большой человек, с [глубок] сильным мозгом и развитой восприимчивостью. Но все эти силы его, придавленные нищетой, неграмотностью, заброшенностью в пустыне, лежат напрасно и в сыром состоянии.

Однако в его отношении к Нарышкиной проглядывает такая почтительность, такое уважение, что походит на обожание. Но сильный здоровый Кобозев тяжело мучается, когда бывает один, своим несходством с Нарышкиной. Тонкое чувство любви, почти сентиментальной, в нем борется с [т] душной чувственностью, (л. 2) скрываемой им даже от себя.

Он работает как машина в шелюговых посадках, лишь бы исполнить замыслы Нарышкиной.

Советскую власть Кобозев знает. Он был председателем совета по прошлым выборам. Но ее значение и ее сила стали ему понятны лишь с приездом Нарышкиной.

Кобозев зажегся красотой культуры, [сочетая с ней] бессознательно воображая ее в образе Нарышкиной.

Он, Кобозев, [делается] исполняет самую тяжелую работу, — возит посадочный материал, чистит колодцы, караулит в лунные ночи в пустыне, на границе села, посаженные полосы шелуги и тут, [вся] в одиночестве, вся его душа приходит в движение. Советская власть, культура, Нарышкина, цветущая [влажная] влажная пустыня видениями приходят в его мечтах, равное одно другому и соединенное в одно целое. Тут оператор и режиссер могут сделать сами достаточно хорошо.

Никита Гавкин похож на Кобозева, но много проще. Его увлекает хозяйственная разумная сторона дела. Он старше Кобозева. Он со сладострастием работает в древесных питомниках и со сладострастием думает о хозяйстве, которое у него весьма рачительное, умное и даже изящное. Можно показать его двор, скот, признаки усердия и домоводства.

(л. 2об.) Нарышкиной нравится Кобозев, но не до любви. Она скорее видит в нем пионера новой страны и наслаждается им, как товарищем, как явлением природы, от которого веет прочной силой и отвагой, которая не предаст.

Раз они [зашли в г] попали в далекую пустыню. Нарышкина рассказывала Кобозеву о Пушкине, о Ленине, о Франклине, (нрзб), Амундсене, Америке, — Кобозев слушал ее, как он должен слушать, торжествуя и [уд] поражаясь.

Ехали они вдвоем на подводе на дальний питомник за [посадками] черенками фруктовых деревьев. Пустыня тиха, холодный месяц над неостывшим песком, лошадь стала. Ночью в пустыне холодно. Они понемногу заснули, замороженные неясным влечением друг к другу. От холода они лежали обнявшись. Лошадь тоже спала. Тут нужна настоящая игра актеров. Под телегой проползла черепаха и степь стояла вся невнятная и сказочная, окружив сияющим лунным воздухом двух спящих людей.

Все должно идти целомудренно, строго, точно по моему рассказу, оживляя его лишь хорошей игрой и обогащая живописью искренности.

Когда Нарышкина сидела на завалинке перед своим домом — летними вечерами — ее начинало мутить беспокойство молодости. Она выходила на улицу и начинала играть с деревенскими ребятишками в догонялки. Крестьяне сидели у [хат] хат и глядели с одобрением; иные тоже вступали в игру, [и лови] но никто (л. 3) не догонял Нарышкину — красная и веселая, она носилась [по] в песчаной пыли, визжа от возбуждения, в туче ребятишек. Крестьяне не видели в этом ничего плохого, потому что Нарышкина была хорошая.

Уморившись, она спала легким и глубоким сном.

— Марь Никифоровна, — говорили ей мужики, — бери в мужья Ермошку Кобозева: мужик ходкий и свежий!

Нарышкина в ответ беспомощно молчала и краснела до блеска глаз, походя на мальчика.

2) Небольшое кочевое племя. Вождь. Умный спокойный сухой человек. Без всякой стилизации и красоты. Очень прост. Все племя гонится по пустыне вслед за кормом. Но корма мало. Тощие редкие сухие травинки. Силы от такой пищи коням не хватает на переход до следующей травы. Кони слабы, еле бредут. Скот приобретенную на кормежке силу, всю угоняет на мучительный переход, так что почти не дает молока детям и женщинам племени. Все это показать. У каждого племени есть свое [ко] т(ак) наз(ываемое) «кочевое кольцо» Только по нем [они имеют] племя может бродить и питаться; на другом кольце — другое племя.

Кольцо лежит по линии редкого произрастания трав. Вождь и члены племени видят, что им остается только вымереть. Против природы они бессильны. Травы год от года менеет. Дети рождаются мертвыми или без кожи, [потому] потому что матери голодны и (л. Зоб.) больны. Показать матерей и детей.

Вождь, которому не достает только культурности, жадно ищет выход из смертельного бедствия родного племени.

Он ночью бродит по ставке племени. Укрывает худые синие ноги спящих женщин и смотрит на детей в тряпках, [спящих] старчески дремлющих с полуоткрытыми глазами.

[В исступлении он]

Но вождь совершенно спокоен. Он только быстро и легко начинает ходить вокруг кибитки, где спит его семейство. Поймав черепаху, он вытягивает ей шею из-под панциря и душит пальцами; потом швыряет в сторону.

Ему говорят про славную русскую барышню из Хошутова. Вождь слушает говорящего [и не видн] и тяжело молчит. Ясно, что ему нравится барышня, но делу ее он не верит. Он знает страшную силу пустыни и зло свирепой природы. Мысль и действия его бьются в мучительной безысходности.

Племя продолжает метаться по своему кочевому кольцу.

[Его от] Отчаяние племени, убивающая насмерть нужда, растущий голод должны быть показаны, хотя бы в одной части. Но во всех деталях и точно, чтобы видно было, что кочевники обречены на гибель.

(л. 4) [3. Заключительная часть фильма должна состоять в /том/ следующем]

После встречи и разговора с вождем кочевников (встречу их надо особо хорошо сделать), Нарышкина ходит как безумная. Она поет и смеется, видит в бреде этого вождя, топчущего на своем коне огромную убранную лесами страну, прыгающего через реки, отчего реки сейчас же высыхают и в руслах веет пыль.

3) Заключительная часть фильма такая.

Сквозь бурю в пустыне едет Нарышкина на новое место службы — в Сафуту. Ее возница — худой усердный старичок. Иногда Нарышкина сходит с телеги и идет пешая сзади, укрывая шарфом лицо от песка. Открыв лицо, он(а) глядит прямо в ветер, и ветер у нее выбивает грязные слезы.

Через некоторое время навстречу ей перерезает дорогу знакомое племя кочевников. Ветер и метущийся песок показывает все в



силуэтах. Наконец Нарышкина и знакомый вождь встречаются. Нарышкина ему что-то говорит, приоткрывая шарф и пожимая руку. Но [ветер раз] песчаный ветер разрывает ее слова и вождь, видимо, не все понимает.

(л. 4об) Нарышкина показывает ему рукой круг, рассказывая, что она хочет делать дальше в этой бесконечной пустыне.

Вождь вежливо и **внимательно** слушает, чуть склонившись. Потом показывает на свое племя, на пустыню и [неопреде] неопределенно машет рукою вдаль. С коня он [у] в первый раз улыбается Нарышкиной и делает рукой прощальный **тоскующий** знак.

— Начинай скорей, а то наши дети кончаются! — кричит вождь уже на ходу коня.

Долго [ещ] видны: линия [кочевников] **всадников** на измученных конях и повозка Нарышкиной. [Они] Кочевники и Нарышкина разъезжаются в разные стороны.

[Пе] Ветер несет песок и укрывает тех и других.

В экране бьется песчаная буря.

А. Платонов

P. S. В деталях и остальном режиссер и оператор сами поймут, что надо сделать.

Это все написано лишь в дополнение к рассказу.

А. Платонов.

## **СВЕДЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО И СЪЕМОЧНОГО ПОРЯДКА ДЛЯ ПОСТАНОВКИ «ПЕСЧАНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ»**

1) Съемку можно произвести в Астраханской губернии или в смежных с нею областях.

2) Там всюду производятся обширные т(ак) наз(ываемые) лесомелиоративные работы: посадки древесных и кустарных пород для укрепления и культуры песков. Съемка их может [быть] дать очень эффектные картины. Зелень на мертвом песке, [правильно растущая] посаженная по всем правилам лесоводства, очень, как говорится, фотогенична. Подробные и точные адреса таких мест может дать Лесокультурный отдел Центр(ального) Управления Лесами при Наркомземе, а также местный (нрзб) земельный орган.

3) Сел, какие я описал, в том краю множество. Колодцы, вода вообще там великая ценность. Песок погребает летом тамошние деревни, как зимой снег, где-нибудь в Рязанской губернии.

4) Всю съемку можно вести без павильонов — на воздухе.

5) Заодно можно показать искусственное орошение (т(ак) наз(ываемые) лиманы) крестьянских полей. Очень распространено в смежной с Астраханской (л. 5об.) Сталинградской губернии (все сведения даст Сталинградское Губземуправление).

6) В этом году лесомелиоративные работы ведутся в Астраханской и Сталинградской губернии особенно энергично. Так что [весь] все

процессы, в любой стадии, можно снимать с природы, не производя расходов для нарочной — только для съемки — посадки.

Просто приехать на место лесомелиоративных работ, пустить артистку, крестьян и заснять.

*А. Платонов*

Р. С. Надо все сделать так, чтобы действия Нарышкиной были значительные, почти героические, а сама она была обыкновенная и простая, только очень живая.

*А. Платонов*

**А. Платонов**

## **КРАТКИЙ ПЛАН РОМАНА «ЗРЕЮЩАЯ ЗВЕЗДА» [Т. Е. ЗЕМЛЯ]**

(НАЗВАНИЕ-ПРОЕКТ: ВОЗМОЖНО ДРУГОЕ)

Размер романа — 15 авторских листов.

Четыре части; в каждой части по пять глав.

Сущность сюжета:

Живет человек — ребенок. Рабочая слобода **1906—14** годы. Мощный паровозостроительный завод. Ребенок — сын мастерового. Изнутри, органически, мучительно [пок] — на протяжении ряда лет — показывается рост ребенка и превращение его в юношу. Дается жизнь большой группы мастеровых — заодно с отцом ребенка. В противоположность квазиреволюционному толкованию: жизнь рабочих и их детей совсем не проста и не прямолинейна: она полна мучительных [интеллектуальных] исканий выхода, ошибок, тревог, любви и высокой **конкретной** философии. [Эта жизнь] Она качественно не хуже жизни высших интеллектуальных кругов тогдашнего человечества, но имеет своеобразие и резкую специфичность. Здесь мысли сильны и страстны как половая любовь, а не спорт мозговых извилин и т(ак) д(алее). Я постараюсь [дать] показать сложность и глубину рабочего человека, как существа с мускулистым мозгом и полнокровным сердцем. Я выступлю против схематизма и опрощенства. Таких людей я лично знал — это и есть «массы».

Влияние [труда] **тогдашнего** труда на человека: отрицательное, уродующее весь организм и препятствующее росту и созреванию.

Наибольшей концентрации все эти человеческие силы, своеобразие измененные общественным состоянием, достигают в герое романа — пока ребенку, потом юноше. Тревожный рост. [Искани]. Чтение. Искания. **Попытка самоубийства**. Увлечение религией. Все идет в резких линиях: что задумано, то и делается: мысль становится сердечным чувством и поведением. В этом (л. 1 об.) отличие рабочей психики от всякой иной. Юноша уходит в [дальн] пещеру, где живет один. Потом в скит. Скит — раскольничий:

религиозные анархисты. Типы русской равнины. Дореволюционная стихийная Россия и ее утроба. У героя [умирает страстно любимый отец] гибнет на заводской катастрофе отец, страстно любимый сыном. Юношу потрясает событие. Он возвращается в семью. Начинает работать на заводе. Труд души (нрзб) его. Религия забыта — поиски нового действительного спасения. На заводе любят юношу; у него товарищи.

Война. Завод [в] под прессом военной администрации. У группы юноши и его товарищей — душевный кризис. Среди товарищей есть анархисты, [и левые] эсеры и социал-демократы. Все левые, решительные и крайние — от молодости.

Война продолжается и обратным ударом бьет по заводу и [работчим] мастеровым.

Сговор о взрыве силовой станции завода. [О] Юноша полюбил одну девушку. Душевные силы расщепляются и энергия к смерти в нем иссякает. Группа молодых террористов раскалывается. Два товарища юноши и сам он, разогретый вниманием любимой, решаются довести дело до конца.

Взрыв силовой станции удается лишь частично, т(ак) к(ак) технически все дело продумал юноша — остроумно, но недостаточно **хорошо** для полного успеха.

Три друга бегут в скит, где раньше был юноша. Но [уже] в стране — ветер революции. Друзья не попадают в скит и мечутся по России. Страна — в [ранней] 1917-м г(оду), между февралем и октябрем. Изложение будет идти с предельным сжатием — только о резком и живом.

Друзья возвращаются на завод. Девушка, которую любит герой романа, уехала за хлебом и безвестно (л. 2) исчезла. Юноша наливается энергией революции и революция в нем органически переплетается с глубоко личным делом: отысканием девушки и будущей любовью. Это дает большую силу молодому человеку.

Октябрь — и дальше. Герой — большевик. **В стране голод и разруха.** Чуть брезжит заря технической эпохи. [В стране голод и разруха]. Юноша словно [одержим] одержим интимным отношением к машинам и способностью [изобретательства] к техническому творчеству.

Он поступает в Технический вуз. Любовь зарастает как рана.

[В] Идет живое время. Герой романа — на последних курсах, почти инженер. Новые товарищи.

В стране — голод. Герой бросается в творческую строительную работу. Вновь, как болезнь, настигает его любовь — крутая, резкая, душная, граничащая с безумием. Герой работает. Постепенно идет в гору и получает высокий инженерный пост и большую работу. Мучительное сочетание любви и работы. Много эпизодов работы.

Творчество борется с сексуальностью на живых примерах. Человек и его любовь болеют. Строительство всасывает человека и излечивает его.

Новое [чувство] ощущение жизни и мира. Любовь (нрзб) превращается в солнечное боевое чувство.

На местах гражданских побоищ строятся каналы и работают экскаваторы. Последние главы романа несут [героя] перерожденного человека по гулкой зреющей мудрой земле. Мир почти фантастичен. [Вместе — это зна] Но ничего незнакомого — это наши годы, наша земля, взятая с [острой] особой точки зрения.

Почти все. Главные линии. Сюжет я понимаю здесь как рост человека под влиянием внешних (л. 2 об.) благоприятных условий. Человек и есть сюжет. Все остальное играет служебное значение.

В этой заметке не все понятно и последовательно. Но в романе все оправдывается. Вещи, о которых я буду писать, мне хорошо и опытно знакомы.

*Андрей Платонов*

## А. Платонов

### КОЛОДЕЗЬ

(л. 1) Межевой спал в мелком лесу, изредка обогащенном строевыми, уже ветшающими деревьями. Межевой был не старый, но изжитый, [ослабевший от бродяжих долгих лет/от землеустроительного труда и бродяжьего существования по деревьям человек. Рот его отворился от сна и изнемождения, и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера. Человек отдыхал в счастье] ослабевший от землеустройства человек. Рот его отворился в изнеможении сна и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера. Человек отдыхал и наполнялся в счастье своего дорожного покоя; его инструменты — теодолит и мерная лента — лежали в траве, их спешно обследовали муравьи и сухой паучок, проживающий от скупости всегда одиночно. Лес вскоре прекращался и земля из-под деревьев переходила в овражные ущербные и чересполосицу скудных ржаных наделов. А за рожью жили простые деревни, [где хорош был только воздух из пространства. В тех деревнях] и над ними — воздух из пространства.

Одна деревня называлась Козьмы, там жили пахари хлеба, еле-еле [гов] говорившие русские слова; туда и направлялся пешком уснувший в пути землеустроитель. Козьминские крестьяне имели вековую нужду в лесу, без леса у них плохо рождались [дети] дети, [и хотя были] (л. 1 об.) ибо навоз шел на [топку] отопление глиняных хат, а не в землю, почва умирала без добра и [не дав] давала редкий хлеб. От этого деревня Козьмы ела плохо и не размножалась, как следует. [В XIX веке в Козьмах был пойман русский конокрад, вместо убийства, его послали доверчивые пахари с прошением к царю, потому что никто из деревни не мог идти в такую даль и страх. Но конокрад доставил].

До революции Козьмы не могла получить леса, потому что мужики притворились нерусскими людьми, называя себя народом —

космари. На царской военной службе космари существовали дураками; первые полгода службы они сплошь болели поносом от ужаса города и офицеров. Строевой службы космари нести не могли — их не слушались ни ноги, ни руки, а ум умирал от тоски по родне и деревне. И редко кто из космарей дослуживал в войске [царя] до отпуска домой, их **заранее** прогоняли прочь, [как бестолковых] в дисциплинарные батальоны, как бестолковый людской состав, порочащий ряды армии. Но и в тюрьмах космари не могли притерпеться: они или умирали, или их выпускали, считая [без] безвестно бежавшими

Однако волостной старшина и урядник не [видели] замечали, чтобы в России [жили] могли приноровиться жить люди иной державы; стало быть и космари должны быть **лишь русскими**, (нрзб) [поэтому они] отнюдь не притворялись **бессмысленными** для сбавки (л. 2) [тягот] и без того слабых [цар] государственных тягот.

— Надобности в дураках не чую, — говорил старшина о космарях. — Кто лишен подобия Божия — разума, того лишит и подобия царства — роши.

И роща не досталась космярям [а пошла] в свое время, а их деревня была обозначена именем Козьмы и сами они — тожь Козьмами. В остальном старшина положился на урядника, который знал население наизусть.

После революции лес [тоже] стал государственным и ни один [космари] Козьма **ничего** не вынес из него, кроме весенних цветов, потому что в здешнем населении существовала нежность [к нижней] [к их/нрзб] **к этой нижней** благоухающей жизни. Теперь же, по [прошеств] прошествии годов, доведших деревья до старости лет, в Козьмы шел землемер, чтобы [отвести] отвести рощу в лес местного значения и тем передать ее в имущество **деревни** Козьмы. Но пока землемер [спал] работал по другим дачам разверстания, пока шла **служебная** междуусобица между лесами государственного и местного значения<sup>6</sup> и, наконец, пока он спал, дерево над спящим умерло, в его телесном устое ослабел последний прах и оно [пало на че] медленно пало на человека, **стеснив пространство его жизни**, и тот больше не имел пробуждения; [впоследствии землемер был бы устранен из штатов земуправления как скончавшийся чел/пространство его жизни стеснила тяжесть дерева;] впоследствии землемер убыл из штатов земуправления как скончавшийся. (нрзб) (л. 2 об.) [через год или два явился другой землемер/ Никакого следа от жизни землемера и землеустроителя не осталось].

Похоронили землемера в деревне Козьмах и ничего от него не осталось, никакого подарка [человечеству] **труда**. Землю, которую он мерил, перемеряли вновь, (нрзб) еще лучше, а [следа следов] мера\*

<sup>6</sup> Над этой частью предложения Платонов поставил знак вопроса.

\* Рукопись обрывается.

**МАКЕД(ОНСКИЙ) ОФИЦЕР**  
**[АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (?)]**  
**РОМАН ИЗ ВЕТХОЙ ЖИЗНИ**

(л. 1)\* В древнее время Азия была многолюдна; [мягкая зелень] жизненная зелень покрывала ее [покр] пространства до самых гор и берегов далеких морей, и населявшее Азию человечество также считало себя авангардом природы, как и в более [под] поздние века.

По дорогам, утрамбованным тяжестью животных и пешеходов, повсюду шли люди [в разнообразных] между городами, которые достигали иногда [размеров] таких [пространств] размеров, что между их пределами лежали лишь очень короткие дороги, проходимые верблюдом в [один день] **половину** дня. Если свободный любопытный человек всходил на [выс] гору, то оттуда [он мог видеть] ему могло показаться, что жизнь в Азии легкомысленна и счастлива — настолько щедро цвели растения, [зрели плоды] усердно зрели плоды и с возбуждением искренней жизни шли люди по своим путям, одетые в [цветные одежды, на ничтожную часть покрывающие тело] цветные, плотные одежды, берегущие прелесть [тела] и силу [тела] тела от мертвых лучей луны; этот лунный свет, как верили (л. 2) тогда, встречается на небе с лучами солнца, и солнечная сила, убивая лунные лучи, **приносит** [несет] их сверху **мертвыми** в [тело] сердце человека — и делает его печальным или бешеным.

Свободный человек, стоявший на подъеме одной из Небесных Гор, окружавших [син] громадную синюю долину азиатского царства, был [сам родом] сам родом из далекой отсюда страны. Он родился некогда, более тридцати лет назад, в [греческой] маленькой греческой республике Мегаре, и уже четыре года живет здесь, по [прика] тайному приказу царя Александра из Македонии. Однако, этот человек не скрывал своего имени и называл себя открыто Фирсом-мегарийцем перед [всеми] всем народом [Кутемалий] Кутемалии.

Фирс давно притерпелся к своей судьбе, потому что удивление перед жизнью никогда не покидало его, хотя он уже вышел из молодости. [Даже **очередное** несчастье и **всякий** ужас существования] Всякий очередной ужас существования, обычно полагающийся от времени до времени каждому человеку, сначала приводил Фирса в удивление перед [игрою] столь странной игрою обстоятельств — огорчение же приходило только впоследствии.

Мегариец долго глядел [на] в тот день в блаженное, если глядеть сверху, пространство своей новой родины. Почти двадцать дней [пути] нужно идти пешеходу, чтобы пройти в длину [царство Кутемалий] Кутемалийскую страну, и десять дней хода ожидает путника поперек страны. Вокруг же (л. 2 об.) Кутемалии — по смутному кругу небосклона — стоит мертвая армия великих гор, с древним снегом на [своей последней высоте; небо в Кутемалии (и) вся/ и солнце] своих небесных границах, и ослабевший, красный свет

---

\* На обороте листов 1, 3 — машинопись «Ювенильного моря».

солнца [озаряет] стоит подобно туману у их подножия; небо в Кутемалии почти всегда ясно и кажется безмолвным и грустным от отсутствия облаков, хотя вечный свет солнца или мерцание звезд поочередно [всегда] [постоянно] заполняют его. Со всех сторон Небесные Горы хранят Кутемалию и берегут труд миллиона кутемалийцев от враждебного мира, распростертого [по] в бесконечности земли за горами. Лишь с двух сторон открыты узкие дороги в Кемалию (sic!) — с юго-востока и с северо-запада — где входит в страну и покидает ее река Чу. Там стоят [кам] две каменные башни и в них живут по [четыре] две тысячи солдат, отбившие последнюю атаку какого-то заблудившегося горного народа [еще] десять [лет] лет назад. С тех пор солдаты еще не менялись: однажды победившее войско [в Кемалии] никогда не распускалось по домам [в Кема] в Кутемалии. Если же кутемалийцев побеждали, то [солдат не] уцелевших солдат немедленно после окончания войны отпускали домой, но уже в виде трупов, в которых их превращала гвардия кутемалийского повелителя; сама же кутемалийская гвардия [сама] никогда не выставлялась открытым фронтом против [вне] иностранного врага.

(л. 3)<sup>1</sup> Кутемалийские солдаты, имея выбор только между пожизненной каменной башней [ , уединенной от женщин и родных], уединенной от самого слабого счастья [независимой/свободной] жизни [ , уединенной от женщин] и вечным гробом, — [одинаково] если и побеждали врага, то равнодушно, а не героически, и многие солдаты,<sup>2</sup> [бросались со своих] бросались со своих постов в горные пропасти, чтобы [от целого] перестать чувствовать тоску и более не сознать удаленную свободу, веющую теплом [и шумом], доносящуюся забытым шумом из кутемалийской долины.

[Ме/Мегариец давно осуждал ⟨нрзб⟩/осудил такой воинский порядок страны, потому что ⟨нрзб⟩ обреченные]

[Мегариец, бывший офицер македонского царя, не по ⟨нрзб⟩ не понимал вначале пользы такого воинского устройства, и только]

Мегариец часто [бывал] посещал склон [го] небольшой горы Ак-Су, расположенной одиноко [почти] внутри долинного [государства] Кутемалийского государства. Под тою горою находилось большое шелковичное хозяйство, управляемое особым царским приказчиком, так как правительство [было] Кутемалии имело особую склонность к шелковым тканям и красоте, это обстоятельство также озадачивало Фирса и он не знал ему объяснения.<sup>3</sup>

[В шелковичн(ых)] На [этих] шелковичных плантациях Кутемалии [Кутемалии] работала персиянка Офрия, пленная рабыня, обреченная на работу с шелковичными червями до смерти. Мегариец, путешествуя однажды (л. 4) по окрестностям Себса, столицы Кутемалии, увидел молодую женщину — такую белую, словно она родилась [где] в стране, где стоит вечная полночь над неподвижными

<sup>1</sup> На верхних полях — варианты имени героини: [«Офия»], [«Афия»], «Офрия».

<sup>2</sup> После этого слова следует авторский знак, указывающий на необходимость вернуться к этому эпизоду и сделать вставки.

<sup>3</sup> На полях рядом с этим абзацем пометы Платонова: «ск. жил Фирс? — мало».

льдами. Фирс спросил [у той женщины, ми] тогда у той женщины, сразу привлекшей его своим милым лицом: [и телом, наполненным еще нерастраченной жизнью] что с ней [такое случилось] **могло** случиться **такого** печального, когда ее тело наполнено еще нерастраченной [жизнью] **любовью** и [жизнь] вся жизнь может скрыться под скорбью, если не победить ее, а [подда/подда] смириться?

Женщина встала с места и пошла.

—Посмотри, как я хожу, — сказала она. — [Я ведь рабыня] На родине я имела свободу [и сердце мое рождало любовь], я была гражданкой, я умела [мыс] думать о далеких вещах и любила философа. А теперь — **я рабыня** и любовь на мне завязана узлами — посмотри, благородный! — женщина приподняла покрывало на себе и Фирс увидел шелковые полосы, **туго** закрывающие орган любви и завязанные многократными, тайными узлами через бедра и на животе; эти узлы, как узнал мегариец, сплетала специальная старуха — их можно было лишь разрезать или запутать, но не развязать и снова так же связать. Фирсу показалось смешным такое сбережение целомудрия, но он ошибся — это не было заботой о девственности, это было промышленное предприятие: [в ж] под шелковыми поясами, [превращали] превращавшими **существо любви** [женскую жизненную тайну] в мумию, [лежал] **находился** еще особый мешочек, вложенный в глубь телесной тайны, и в том мешке были поселены шелковичные черви, которые, пользуясь влагой, теплом и возбуждением от движения женщины, быстро вырастали, **делались сильными** — и тогда выползали поверх повязок. (л. 4 об.) В тот момент шелковичных червей собирали, а женщине вкладывали новый мешочек с юными червями. Этот способ не давал [брака] смертности среди червей, самые черви были гораздо [производи] производительнее и, стало быть, [хоз] вынашивание червей женщинами было весьма разумно [в хозяйственном] для государственного хозяйства.

Когда персиянка пошла, то Фирсу стало стыдно, [настолько ее движения были] ибо ее движения были такими [нес] страстными и неприличными для скромности, точно она хотела немедленной любви.

—Отчего ты белая? — спросил у нее [Фир(с)] мегариец. — Неужели ты победила **какой-нибудь** мазью персидское и кутемалийское солнце?

[— Я победила солнце своим горем, ответила женщина. Я была смуглая, а теперь бледн.] [Я стала бледной]

— Я побледнела от своего горя, и с тех пор солнце не радуется моего лица, — сказала персиянка.

[Мегариец поцеловал ее в тот день, пользуясь пустынь/мегариец поцеловал]

В тот же день мегариец поцеловал ее, пользуясь пустынным местом их встречи. Женщина тогда согласилась любить его, узнав, что Фирс тоже наполовину пленник<sup>4</sup> и свободен от тюремной

<sup>4</sup> Рядом с этой частью предложения на полях — авторский знак вопроса.



пещеры где-нибудь в горах только потому, что он гидравлик, водяной ученый, — в Кутемалии же не хватает воды.

С того времени [дня] Фирс и персиянка Офрия встречаются в нужный час и любят друг друга [в без] посредством объятий, не трогая шелковых покрывал, берегущих девственность и шелковичных червей.

[Сего] За тем же мегариец пришел и сегодня на гору Ак-Су. Но Офрии не всегда (л. 5) удавалось уйти тайно на один час из шелковичного хозяйства — и сегодня она не пришла.

Фирс знал, что Офрия не любит его глубоко и [вер] мучительно, она сама говорила ему: «Я хочу утомить с тобой свою душу, чтобы прожить сонной свою ошибочную жизнь и скорее умереть». Мегариец не обижался на это, потому что был безобразен и груб на лицо — нос его имел размеры, годные лишь для [животного] большого животного, уши росли непрерывно и глаза гноились от неизвестной азиатской заразы, хотя он видел ими далеко. От своих наружных свойств мегарийцу всегда было трудно привлечь к себе женщину, поэтому он согласился [иметь] любить Офрию, запакованную червями, — с женщиной легче переносилась невольная жизнь в Кутемалии.

Покинув бесплодно Ак-Су, Фирс пошел в гидравлическую канцелярию государства, где его постоянно ожидала работа по изысканию новых водных источников и ремонту [ус] устаревших.

В канцелярии сидели четыре [сугиба] суйгиба — водные [мастера] мастера; они пришли к Фирсу с сообщением, что разведочное рытье земли у города Геша не привело к воде — они встретили лишь мертвый кристалл, лежащий [вероятно к середине] внутри земли на [тыс] многие тысячи дней работы. Выслушав [са(г)] суйгибов, Фирс молча отпустил их; он не собирался искать воду в [в кристаллах/ вечных кристаллах земной глубины] вечных кристаллах, в глубокой [земной (нрзб)] темноте земли.

Гидравлическая канцелярия помещалась в древнем строении, — другой народ, укрывавшийся в [горах] Небесных Горах [до] еще до [Кутем] прихода кутемалийцев, построил этот [белый] известковый дом для жизни, которая для (л. 5 об.) [исчезнувшего] ушедшего народа не удалась. За большим окном, [не/ имевшем вместо стекла шелковую занавеску/ отделявшим] затянутым шелковой серебристой занавеской, было слышно, как тонкий песок, принесенный из безвестных нарождающихся пустынь, шелестел о листья самшита и прекращал свое далекое движение. Мегариец задумался о судьбе Кутемалии и тех стран, которые лежали в открытых равнинах [пространствах] за Небесными Горами. Где-то в Малой Азии или, быть может, в Египте сейчас шел в походах впереди своих армий царь Македонии Александр — все такой же молодой, чистосердечный и видящий в снах своих единый, железный мир человечества, направленный [против] в бой против [потока] смертного потока природных стихий. Природа!.. Много раз беседовал когда-то морской офицер Фирс с [Алек] царем Александром [на вели] по великому вопросу гнетущей природы, свирепствующей под звездами со дня своего

**сотворения.** Александр говорил ему: «Фирс, в десять-пятнадцать лет я пройду [в] с войсками по всей существующей земле, [я создам], я поставлю на всех морях сторожевые корабли и создам царство единой воли и одной веры. Тогда я привлеку к себе философов, пустынных мудрецов, поэтов, людей изучающих звезды и скажу им — сделайте вашу истину благом для каждого человеческого сердца, мои армии оберегают вашу власть!» Каллисфен, [подтвердил тогда царю, что] **государственный философ**, сказал тогда царю, что греческая мысль, после того, как азиатское солнце померкнет на греческом **копье** [штыке у руб] у последнего рубежа завоеванного мира, — греческая мысль осветит тогда [дорогу/ до] (л. 6) дорогу человечеству, [рвущемуся] бесплодно рвущемуся к своему покою из [т] тоскливых недр времен, — дорогу до конца жизни, когда земля, как верил Каллисфен, превратится в кристаллическую звезду и взойдет в сферы вечного покоя среди других кристаллов [сияющего] сияющего неба; Каллисфен допускал однако и другую судьбу для земли, одухотворенной людьми, — если люди не совершат [своих/ подвигов своей судьбы] своих подвигов до [конца] **победы**, — земля [тогда] в **таком случае** обратится в смрадный газ [рассеется, исчезнет желтым облаком / над / <и> ветер] и некий ветхий ветер, поднявшись с изначальной равнины, откуда все рождается, рассеет без следа последнее несчастное дыхание земли, не оставив даже [следа] **тени** на неподвижных звездах, [све] героически свершивших свою судьбу и замолкших в ясной высоте.

Царь Александр согласился в то время с Каллисфеном и велел ему наблюдать за дневником своих [завоеваний] **героических походов**, чтобы будущая земная звезда, достигнув кристаллического сияния, имела след Македонского царя [в своем] в своем воспоминании. Каллисфен сказал царю, что блаженство, будучи достигнутым, делается безыменным, и что Александр не понял философской мысли Каллисфена; Александр ничем не возразил Каллисфену, но кратковременно омрачился молодым лицом, испорченным немного [оспенной/ рябинами осп(ы)] оспой [на свое] на поверхности. «Фирс!» — произнес царь. — «Время философов еще не пришло, [но] но солдатское время быстро мчится... Иди [в Азию] через Бактрию, мимо Вавилона, мимо Экбатаны, [вда] **пройди** по моему будущему царству к Небесным Горам — правда ли, что луна склоняется в тех далеких царствах к вершинам гор, и лунные жители приходят [жить] населять землю... Мне говорил один [мой] (л. 6 об.) индеец, что правда — он поймал у горы Потухшего Созвездия одну лунную женщину, **грустную как призрак** [, когда был / была] и захотел жить с нею, но она умерла от его первой любви. Я его велел убить, потому что он не показал женщину мне...» [Сту]

Каллисфен не согласился с царем о лунных людях — луна, по его убеждению, была погибающей звездой, накануне своего обращения в ветхий дым, и героический дух жизни [остави<л>] давно оставил ее, не победив назначенной судьбы.

[«Солдат/видит/ глазами видит лучше, чем философ, — сказал царь. — Индеец был **мой** солдат и чувствовал]

«Тот индиец был мой солдат», — сказал царь. Солдат же глазами видит лучше, чем философ... Ступай, магариец. Ты найдешь Небесные Горы и встретишь царства, спрятавшиеся в [глух(их)] тайных долинах от меча, [который] имени которого они еще не знают... Там ты будешь ждать меня, я приду и ты [тогда снова / тогда снова] встретишь тогда своих товарищей, отворяя ворота чужих столиц... До того срока ты пошлешь мне навстречу, когда услышишь, что я иду, [свои] сведения [о царствах, которые] о солдатах и дорогах тех царств, которые нас ожидают».

Мегариец склонился пред царем и печально простился с Каллисфеном, которого [любил] уважал [за честность мысли] за его **напряженные**, непонятные мысли — они были, вероятно, действительно истинны, если [не соглашались / философ / не боял] часто не соглашались даже с царем. Каллисфен в ответ на прощание крепко обнял македонского офицера и поцеловал его в губы с такой скорбью [что Фирс] расставания, что Фирс [у пок / почувствовал, любовь Каллисфен(а)] подумал — не любит ли Каллисфен некоторых людей больше, чем философские кристаллические звезды.

(л. 7)<sup>5</sup> С того дня прошло более шести лет...

Все так же цвела и шумела жизнью Кутемалия — [счастливой] счастливой и легкой, если смотреть на нее с [вершины] высоты Небесных Гор, но Фирс узнал ее за **шесть лет** более близко.

Скоро ночь. Над [стенами] стенами гор, непроходимыми ни для ветра, ни для свободы, [с] взойдет луна, как непоколебимый светильник мертвых звездных войск; она осветит уединенную страну, спящую в бреду и в слезах, — ее нужно не завоевать, а разгромить. Фирс [вынул из] вышел из гидравлической канцелярии в соседнюю комнату, в которой он [жи(л)] ночевал, [и вынул из] и нашел [среди копий] среди [копий] чертежных копий рисовую бумагу, [свернутую] навернутую на длинную палку, могущую служить дорожной тростью; [мегариец развернул бумагу] на такие трости наматывались обыкновенно объяснения [пунктов] **местоположений**, где нужно рыть водяные источники или отводить воду из Чу для орошения — [такой по] и трость вручалась гидравлическому мастеру как посох на дорогу и работу. Мегариец освободил трость и перечитал [бумагу / непрочную] **желтую** бумагу: в ней описывался способ добычи воды в кристаллических породах Небесных Гор, но между обычных слов стояли посторонние **зачеркнутые** значки, как бы описки от дрожания руки; если эти **ошибки** прочитать от конца к началу и знать при [этом] македонский военный шифр, то получится описание Кутемалийской страны и [легкий] способ ее покорения. [Фирс не]

[Фирс увлекся] **Прочитав** собственное сочинение, написанное еще четыре года назад, Фирс начал думать об отправке его своему царю. За шесть лет никто не вошел в Кутемалию и никто не (л. 7 об.) [вышел из нее] покинул ее: выходы были узкими и охранялись солдатами со сладострастием, потому что, [им не было другого занятия в жизни до смерти и они превратили его / превратили

<sup>5</sup> Заметки на полях: «Согл. вре(мя) Р(ека) Чу — не нужна выше согласов(ать)».

его в единств] лишенные [всего] свободы, они превратили свою службу в единственное счастье, доступное им до самой смерти.

Только один человек за эти шесть лет был захвачен у юго-восточной военной башни — сам мегариец, искавший в то время [новые ца / неизвестные] смутные царства в азиатских пространствах. Персиянка бактрианка<sup>6</sup> Офрия была замечена солдатами гораздо раньше — восемь лет назад, как она сама говорила македонскому офицеру, — и немедленно обращена в рабыню навсегда. Офрия!.. Вот что доставит кутемалийскую трость в македонскую армию [!]. Если [она] женщина пройдет тайно сквозь ночной хаос Небесных Гор и [достигнет хоть] увидит где-нибудь в Бактрии хоть одного македонского солдата, ей предстоит пожизненная любовь без повязки и без [шелковичных] червей, [в самой счастливой середине / возбужденных / шевелящихся внутри тела / ее грустного тела] шевелящихся во внутренней теплоте ее тела.<sup>7</sup>

\* \* \*

### [Кутемалийская / Ночь]

Вскоре ночь приютила всю страну и сон сошел на [всех] рабов, распростертых в долине. Мегариец лежал на ковре с открытыми глазами; он следил за [волнением] шелковой занавески, по которой бродило [ветер] легкое [ветер] волнение, происходившее [не от] от местных [аромата цветущих] растений, тлеющих в своем аромате. Фирс видел это давление безмолвной жизни и думал о тоске своей жизни, назначенной (л. 8) обслуживать славу одного царя. (нрзб) Мегариец попробовал свои гноящиеся глаза, уши, растущие, может быть, от [безмолвной жизни среди чужого народа] безмолвного пребывания среди чужих народов, и закрыл глаза для обычного ночного забвения; он не знал судьбы всеобщей жизни, этого потока ветров над старыми царствами Азии; он вспомнил легкомысленных, насмешливых и нежных женщин южной Греции, которые могли любить даже его, Фирса, [прощая] ибо их чувственность с избытком покрывала его [угрюмо] угрюмое уродство. Мегарийцу стало приятно, что [его] царь Александр мечом пробивает [п / доро] путь для [легкой] жизни и господства остроумной, нежной женщины Греции на грозных пространствах Азии [убра] заранее убранной трудом [чуж] неизвестных народов, [, уже ветхих народов; на этой / с этим воображением (нрзб) уставших и ветх] уже обветшалых в этом труде.

Молодая луна осветила снег на Небесных Горах и [пошла] вскоре скрылась в направлении полуночи. [В] Шелковая оконная занавеска распалась в кутемалийской тишине, как воздушная пленка [над] под действием острия, и в окно Фирса наклонилась голова

<sup>6</sup> Написано сверху предыдущего слова. Рядом с этим предложением на полях — знаки вопроса.

<sup>7</sup> На полях помета: «Черви впушены в (пустоту) б/ мешочка?»

Офрии. Она позвала спящего [макед / мегарий] македонца, тот открыл глаза и по привычке схватился за свою грудь, где лежал на нем меч в походах — меча не было.

— Проснись скорее, — сказала Офрия, — я [умираю] хочу от своего сердца, [я больше ничего не могу].<sup>8</sup>

Никогда ранее мегариец не видел Офрии близ своего жилища, но не стал удивляться в этот опасный час для своей невольной подруги. Он привлек ее к себе, положил рядом и молча начал ласкать ее.

[Сними с меня повя]

— Разрежь на мне повязки, я сама выберу из себя червей, — произнесла Офрия со счастьем (л. 8 об.) нетерпения.

Фирс разорвал шелк на ее бедрах, женщина очистилась от червей и [оба невольника] обняла македонца со страстью, которая уже стала грустной от своего долгого заточения за повязками тела [томления].

Когда они утомились, Фирс спросил ее: довольна ли она?

[— Да] — Нет, — сказала бактрианка, — скоро ночь кончится и я уйду [буду (нрзб) умирать / бегу / на смерть] к своей смерти. Тело не может [быть] жить без любви, я не могу больше надеть [повязк(и)] шелк и кормить червей там, где должны [рожда] рождаться мои дети. [Я не боюсь неволи, я только хочу любить тебя полностью иногда...]<sup>9</sup> Я умру от солдата или от холодных гор, тело мое ляжет пустым, а душа останется, но она ведь никого не [любит] любит, она все равно не плачет [как это тяжелое мое тело.] В душе ничего [нрзб] нет, Фирс, она чужая мне, как вся Кутемалия, а тело как родина, [но родина умерла для меня] как моя Бактрия, но родина умерла для меня...

Мегариец задумался вначале, но потом, как солдат, привыкший пользоваться [уходящим] до конца исчезающим благом, он снова обнял Офрию и забылся с нею в повторении любви.

После того он почувствовал грусть и сказал бактрианке, воображая ее судьбу:

— Ты умрешь... Твое тело [нрзб] съедят безлюдные силы: оно станет песком. ветром, [р] водой, скукой моего сердца. Я видел землю, Офрия, — она велика и тосклива, [и слабо бьется на ней жизнь человека] никто не помнит на ней о мертвых...

— Я [хотела] хочу, — ответила Офрия, все еще держась за мегарийца, — я хочу, чтоб [был] жил когда-нибудь человек, где-нибудь далеко — не здесь — (л. 9) и пусть сердце его [думает] чувствует тысячи лет и [сколько людей наполня мы и] нас, всех погибших.

Фирс возразил ей.

— Такого человека не будет. А если он [будет] родится — ему будет некогда думать о нас с тобою — он сам будет погибать.

<sup>8</sup> На полях рядом с этим предложением и после его окончания — знаки вопроса.

<sup>9</sup> На полях — знак вопроса.

— Я ухожу, — сказала Оффрия. — Ты не помни обо мне и не скучай: жизнь пройдет [быст(ро)] скоро. [Ты не мучайся. Я все обдумала]. Я все обдумала. Ты не мучайся.

Оффрия встала на [ноги] ноги, потом склонилась к македонцу и опробовала его всего твердыми руками, как совершали при прощении на ее родине.

— Куда идти? — спросила она про направление, боясь не смерти, а ночного одиночества, предстоящего ей прежде, чем гибель.

— Ступай прямо через горы, — ответил Фирс. — Возьми с собой эту трость, — и он дал ей палку, на которую [было] было [искуссно] искуссно наверху сообщение македонскому царю.

Затем он дал ей воду в [деревян] козьем мешочке [из козьей кожи] и [просяных лепешек] лепешки из ореховой муки.

— Ты пройдешь горы, — сказал мегариец Оффрии, — и не ищи родины. Ты ступай к македонскому царю, ты спрашивай его тайно, [хотя он всюду близко] он близко.<sup>10</sup> Когда увидишь македонского солдата — отдай ему эту трость. Тогда жди меня, ты будешь жива и будешь рожать от моих детей.

Оффрия еще раз провела руками по телу Фирса [, взяла (нрзб)] и покинула его, унося трость под покровом одежды.

Македонец наощупь собрал шелковичных червей на полу и шелковые повязки и спрятал эти [вещи] предметы вглубь своих вещей для памяти.

(л. 9 об.)<sup>11</sup> [Под утро мегариец увидел Оффрию еще раз во сне] Наутро Фирс проснулся со стыдом, что [так бесчувственно, не жалея, отпусти] отпустил Оффрию без жалости, без помощи и не ушел с нею из Кутемалии, чтобы умереть где-нибудь вместе от невольной жизни. Но он давно понял, как опасно, [будучи живу] проживая на свете рядом, [любить / сли(нрзб)] любить человека, — [всегда] любящего всегда ожидает вечная разлука и можно умереть от тоски;<sup>12</sup> поэтому рабы всегда сдержанны с женщинами, они берегут свое сердце в одиночестве и лишь в благородстве дружбы сказывается их грусть о невозможности полной преданности своему любимому.

Когда наступил очередной древний день [и] и солнце осветило напряженную зелень страны, Фирса позвали к царю Кутемалии.

Царь жил [среди Собса] на окраине Собса, куда вела прямая узкая дорога, построенная некогда индийскими рабами из мелких камней, каждый из которых имел свою фигуру, [и] цвет, и значение: [иной] один был похож на труп с отверзтым ртом, другой на розовый цвет, третий — на волны морские, четвертый изображал обнявшихся людей, — так что пешеход развлекался по пути, не думая о труде,

<sup>10</sup> На полях — знак вопроса.

<sup>11</sup> На верхних и боковых полях заметки Платонова: «Выше подготовить бегство Оффрии при 1-м их свид. Образ Оффрии при первом свидании. Ее глаза были так велики, что он чувств. их вес в св. голове.

Черви прямо в полов. орган. [Образ Оффрии (нрзб)]. О любви, поконченной, наверно, навсегда».

<sup>12</sup> На полях — знак вопроса.

потраченном на поиски этих миллионов [редких] камней, сотворенных свободой природы.

Дворец царя Кутемалии Озния находился на искусственной скале среди пустого места; природа была специально вырвана вокруг дворца, (л. 10) дабы [кругом была пус] всюду была пустая видимость. Сам дворец не имел определенного вида, потому что никак не мог быть законченным постройкой и всегда был покрыт приспособлениями для переустройства и дальнейшего строительства; как только завершалось строительство, как только готовое зодчество предъявлялось на вкус [царя] Озния, так он раздражался и приказывал строить по новому плану; но новое строительство, будучи законченным, опять не удовлетворяло царя, потому что его вкусы, ум, чувства, [и всякое] настроение и всякое [боко] даже боковое свойство **натуры** непрерывно улучшались, хотя уже давно достигли совершенства. [Специальный] **Особый** философ сидел седьмую годовщину над трудом, трагующим [воп] о том, как можно, уже изначально имея совершенство, все же совершать движение ума и чувства. Философ [э тот] объяснял это [состояние] двуречивое состояние царя [его] лишь его [уступкой] снисходительностью, **доброй** шуткой, делающей его **обманчиво** похожим на остальных людей, обреченных на беспокойство самоулучшения; сам же по себе Озний настолько должен быть в покое от самоблаженства, что людям всего мира надлежит непрерывно терзаться и **воскликать** по поводу своей [ни] ничтожной жизни перед лицом кутемалийского властелина и медленно уничтожать свое тело от невыносимой радости, что на земле присутствует существо, по сравнению с которым все боги лишь **грешники** [мелочь пу / пустых / пыль с опустошенного неба / пустяки] с [опустошенного] **бедного** неба. Даже [недавний] последний [ветх] ветхий бог, старичок [Мокий, покровитель] Узик, покровитель задумчивости, был предан недавно забвению и его каменные **убогие** **фигуры** [изображения] раскрошены на жерновах. Таким образом, / для утешения кутемалийцев остался единственный / Озний остался единственным утешением кутемалийцев /.<sup>13</sup>

Когда Фирс подошел к дворцу на малое расстояние, он услышал шум (л. 10 об.) сумасшествия; македонский офицер давно уже знал этот шум — он слышал его [четыре] четыре года назад, когда царь вызывал его в первый раз.

Близ самого дворца [(1 слово нрзб) в сторону / лежали горы строительного / холмы / холмы / бугры мусора от] была расчищена площадка на каменистом месте и там терзались в энтузиазме восторга более ста человек. Фирс остановился в отдалении и стал смотреть с тоскою на тех людей. Один человек катался по земле и все время стремился разодрать ногтями [свою] волосатую кожу на своей груди, дабы [до] живьем достать [с] сердце изнутри и показать насколько оно предано царю, насколько обливается кровью радости. Другой помещался в **воздухе** **кверху** **ногами** [стоял на голове] и непрерывно вращался на затылке, желая разорваться

<sup>13</sup> В рукописи приведены оба варианта, разделенные здесь косыми скобками

центробежной силой в ничтожный прах. Пять людей ходили без остановки по одинаковому кругу, склонив головы и обладая глубокой задумчивостью: они [иска] мысленно искали величайшей славы для царя и, найдя ее, восклицали: «О, плод **единственный** отцветших богов!», «о, грусть мира, навсегда утоленная!», [свет] «внук времен и отец вечности!», [затмись немного] «вестник [счастливой твари] блаженной твари!», «вдохновенная прелесть!», «зодчий [нрзб] зари и [холод] прохладных рек!», «[слепящ] сияющий и ослепляющий!», «всякий разум глупость пред тобою!».

[В] Среди того круга, по которому ходили размышляющие и восклицающие, дрались насмерть несколько человек, уличая друг друга в недостаточной радости по поводу жизни царя Озния, и двое из них лежали уже мертвые. [Четверо сидели на / в стороне / Семеро] Четверо сидели в стороне, на куче строительного мусора и рвали (л. 11) постепенно вручную [органы] свои органы деторождения, [дабы] чтобы [не иметь потом буд] никакая будущая жизнь уже не [имела места] сумела [наступить] произойти, ибо Озний исчерпал всю вечность, [и всякое наслаждение жизни] весь смысл существования и всякое наслаждение; [всякое дых] любое дыхание с рождением Озния обречено на тщетность своих попыток к благу.

[Надо всем собранием / Под ногами у всех мятущихся и торжествующих катались / вращались на земле]

На краю каменистой площадки, среди прочих мятущихся и торжествующих, [валялись] вращались на земле [остальные люди] еще другие люди и бились головами о ближние камни, дабы выбить из сознания [мысль] последнюю мысль, потому что всякая мысль есть тайна [и **неволью** может стать соперницей] и может стать соперницей великого ума Озния; уже кровь давно лилась из тех бьющихся о камни голов, но уничтожаемые в них мысли не умирали, а превращались в сумасшествие и производили долгий вопль безумия,<sup>14</sup> покрывавший [все] это собрание, длящееся уже многие годы непрерывно. Двое слуг царя наблюдали за людьми на каменистой площадке, и когда [кто] там совершалась смерть или временное омертвление, тех людей слуги уносили прочь. Но по ночам из [из глубины страны — самого] **города** Собса и из глубины страны [на] к дворцу являлись новые, неизвестные люди и присоединялись к тем, кто томился на каменной площадке от восторга перед [достоинством] превосходством царя Озния.

[Омраченный / Скука] Омраченный сердцем, мегариец (л. 11 об.) вошел во дворец. Слепой индиец ошупал его и велел ждать, пока у царя появится настроение вспомнить о нем.

[Просидев весь день на ковре] Весь день Фирс просидел на ковре в маленькой **комнате** [зале] дворца, вдвоем со слепым индийцем, слушая **шум безумия со двора**. Вечером [раздалось] послышалось пение нежной трубы в далекой пустоте дворца; индиец пошел туда и, возвратившись, велел Фирсу идти к царю.

<sup>14</sup> На полях: [«(3 слова нрзб) вопль»].



Под куполом большого недоделанного зала сидело на **каменном троне** [одинокое] серьезное человеческое существо; оно ничем не ответило на привет мегарийского гостя и не выразило ни радости, ни огорчения.

Фирс [склонился] склонился на [каменное] ковер у ног царя и стал ожидать его воли.

Озний глядел в пустоту воздуха черными отеками глазами, [и с некоторым усилием держал сидячим образом] за темнотою которых ничего не было видно, кроме равнодушия; свое туловище, [он держал сидячим образом с некоторым] усталое от власти и блаженства, он держал [с / в сидячем положении] с некоторым усилием и ежеминутно готов был повалиться в долгое сонное забвение, оставив свое царство без внимания и попечения.

Мегариец со скромным любопытством вглядывался в царя, поскольку тот [глядел / смотре в] **наблюдал одну и ту же** невидимую точку пространства. [Ознию **снаружи** было более сорока лет] **Снаружи** Ознию было более сорока лет, хотя его опухшее лицо, [покрытое] утомленное борьбой с ядами яств и страстей, **настолько** старило его, [так] что Ознию могло быть и тридцать лет. Черные волосы, которых не тронула ни седина, ни лысина — от бессмыслия жизни — стояли ежом на черепае царя. Сама жизнь (л. 12)\* как бы не присутствовала в теле Озния, а только томилась на крайнем пределе, готовая не к радости, а к раздражению. И голова царя, [Уже была покрыта толс / где] считая по вискам, была покрыта толстыми жилами, [потому что / в которых / через ко] внутри которых лишь тонко сочилась кровь, потому что **те [те]** жилы [давно] наполнились [смерт / смертельными отложениями извести и сжали] смертельным сгущением **склерозной** извести и сжали кровавой поток жизни; видимо, царь постоянно напрягался размышлять [на вы / на высоте бога] с могуществом бога — и **настолько** утомил свои жизненные [силы] жилы, [так] что смерть, а не мудрость очутилась в его голове. И Озний чувствовал ту сгущающуюся минеральную силу вокруг своего ума, потому что изредка сжимал руками виски, стараясь растереть тот известковый гроб, [нрзб] в который медленно **погребалось** [воздвигается вокруг] его [ужасающегося ума] ужасающееся [мысли] сознание.

[С медленностью, происходящей от тихого / С Тихим голосом, далеко друг от друга расставляя слова] Тихим голосом, редко расставляя [царя] слова, дабы **нечаянно** не позабыть своего [божественного разума и произносить одну сплошную вечную мудрость разума,] разума вождя вождей и [**своей мысли**] **своего положения** руководителя звездных течений, [как прозвали Озния его современники,]<sup>15</sup> царь начал говорить Фирсу:

— Немощный! [Ты] Отныне я создаю рай в своем царстве Небесных Гор. Мне он не нужен, я давно имею блаженство на горах

\* Помета на полях: «(...) хочет убить ц. Озния умертвить».

<sup>15</sup> На полях рядом с этой фразой стоит знак вопроса.

своего сердца и ума, но Рай нужен мне как памятник, [потому что я скоро оставлю вас и пойду светить в тьму подземную]. Я хочу положить тень на жаркую землю жизни.

(л. 12 об.) [Пойду воскрешать мертвых в подземной тьме. Пусть / мое дер / дерево моего рая / разрастется на всю землю / размножится]

Иди вон и достань мне **сладкую** воду для орошения рая, для пения потоков [по сча] в моей счастливой [зем] стране.

— Государь, — ответил [мегариец] **Фирс**, — Я знаю только пресную воду и соленую, но сладкой никогда не [выкапыв] пил из колодцев. Кроме того, вода скудна [на] в земле, как ум в голове человека.

Глухо звучали слова мегарийца [в древности / среди древности] в том **древнем времени**. Озний сидел **вначале** без впечатления, [но уже тлело возбуждение] но небольшое напряжение мысли уже истощило его слабоумие и в нем постепенно начинала бушевать [ст] психическая стихия: [нрзб] царь стремительно дышал заложенным носом, чувствовал **накожную** [свербение] ярость и предавался общей безотрадности своей внутренней жизни; он [не имел что подумать, чтобы умерить злость / отвлечься от] ничего не знал, кроме внезапных настроений чувства [голова же его / потому что] действующего [и от] от [пустяков] текущих пустяков существования: от дуновения зноя, от бактерий в носу, **полового перенасыщ(ения)**, от соков в желудке, потения ног, шевеления глистов, томящего гула приветствий, доносящегося из страны, [попытк] от попытки к мысли в голове, либо от еще чего-нибудь [ничтожного] **скучного** и безумного. Однако, царю Ознию ничто не было чуждо в некоей степени — он мог неожиданно догадаться о том, что земле [нуждается в райской] необходим рай и сейчас же дать о том распоряжение; но первая причина для образования **рая** лежала [в гуще царского / гуще] не в **голодной** нужде народа, а в психозе царя; быть может у него утром вывалились (л. 13) глисты или его любовница настолько утомила его, что Озний решил предоставить тень растений и влагу любви для всего человечества: пусть оно остервеенеет в блаженстве и затем исчезнет в немощи, как слеза [исче] пропадает в песках. Одно только было чуждо Ознию. — как о том давно догадывался Фирс, **следя за правлением царя**, — сомнение. Царь ни в чем не сомневался: он верил в энтузиазм народа по поводу собственной жизни, он не сомневался в истине своего жуткого превосходства над всеми умершими и рожденными, он [жил] **существовал** прямо, как [предмет] стоит **каменный** предмет, который [не] может измениться только после его уничтожения.

Озний вскричал на мегарийца, что [вода есть в тучах ночных стран за горами / для / для] если есть в мире он, [учитель] **вождь богов**, то значит сладкая вода [обыч / обычна на земле, как ветер] обыкновенна на земле.

[— В воздухе]

[— Если во мне появилось желание воды, значит она готова]

[— Слушай, раб размышления]

— Ты прах, забывший свою могилу! — воскликнул царь, — [Ты знай] Когда Озний решает о воде, значит, природа наполнится ею. [Иди, пока я ленюсь окончить твою жизнь, природа существует] Мир выходит из моего желанья, но обратно в меня не возвращается. Иди, пока я ленюсь окончить твою жизнь.<sup>16</sup>

Мегариец понял, что лишь на берегах Эгии и в Македонии властвует [дух] скромный дух Эллады, а в остальном мире царит [другая психия,] психиатрия, — как [говорил] называл Аристотель, учитель македонского [царя Аристотель. Психиатрия] (царя) всякое внезапное (л. 13, об.) [искусство / движение] искусство мгновенных чувств. Но ведь психиатрия зависит даже от режущего волоска на теле любовницы — неужели же этот волосок управляет трудом и сердцем людей и даже [их могилами? / назначает сроки для] их могилами?

[Мегариец] С каменистой площадки, [на дворе] где люди извергали свою радость, вдруг донесся ужасающий вопль восторга, [дотеле неизвестный]: вероятно, прибыла сразу значительная масса людей и вступила в действие счастья от близкого наличия величайшего, несметного существа.

Царь [по-пре] по-прежнему молча [дыш] дышал, занятый лишь переработкой своего тела, и не произносил никакой мысли.

[— Уходи прочь! — сказал / (Рел) / Через полгода, через год / сладкая вода / ты раскопаешь обильную воду и Кутемалия станет божественным раем]<sup>17</sup>

— Ступай, — сказал Главк.<sup>18</sup> — Рой [во] воду в земле, доставай ее в [тучах] облаках на вершинах Небесных Гор, собери по капле из духанья людей и образуй потоки.

— Для чего? — грустно спросил мегариец.

— Для того, чтобы пустыня стала берегами рек и на берегах [вы] вырос божественный [рай] рай последнего, завершающего [бога] вождя богов, царя людей и первого жреца всех неисчислимых веществ — Озния!

Фирс в скучном размышлении опустил голову.

— Несметный повелитель! — тихо произнес [бывший] македонский офицер. — Земля под мягким покровом песков и наносов имеет хрустальные кости, [нужен] их надо сломать или разгрызть, чтобы пролезть во влажное влагалище великой земли. [Милл] Армия людей должна умереть (л. 14) в этом труде на каменных [хрустальных] костях земли... Государь! Твои [люди жел] рабы хотят меньше, чем рая, они хотят жизни, вместо страха, и по четыре горсти риса, кроме восторга пред тобою...

— Кто это? — глухо и внезапно спросил Озний у Главка.

— Он — безвестный, — [ск] ответил Главк.

<sup>16</sup> На полях рядом с этим абзацем помета А. Платонова: «М(ожет) б(ыть), говорит все приспешник царя, а царь молчит? Да — так (нрзб)».

<sup>17</sup> На полях заметка Платонова: «Об убийстве».

<sup>18</sup> «Главк — греческое имя» (примеч. А. Платонова).

— Ты видел его среди радующихся мне? — еще раз спросил Озний чужеродным, [молча] медленным голосом, ибо его помощники, для наилучшего сохранения царя в целости, не только не позволяли ему думать, но даже и говорить не советовали.

— Никогда, — сообщил Главк. — Он странен и чужд.

— Убейте [чуждого] равнодушного ко мне, — тихо произнес Озний, [не глядя ни на что (перед)] глядя в пустую точку пространства.

— Успокойся, величайший! — посоветовал Главк. — Храни свою силу неподвижно, дай [и] истратиться телу твоих рабов. Если даже он [приведет в Кутемалию] приведет в Кутемалию [поток из океана, его подв / подвиг не искупит его] океанический поток, то его подвиг не искупит преступления его сердца пред тобою. Он уже мертв, если не видит пламени твоей славы! [Мы] В первый же день рая мы смелем его тело на каменных жерновах — кто не может тебя чувствовать, [тот потеряет свое] тому не нужно иметь чувствующее тело, тот должен обратиться в смутное вещество и [там узнать] во прахе узнать твое магическое царство.

Озний молчал. Во дворце прохладно как в склепе — от принятых искусственных мер для охлаждения. Новоявленные девушки и юноши визжали приветственными голосами на каменной площадке. Как в [бреду] бреду оглядывался кругом Фирс, ища жестких предметов для убийства Озния и Главка; [мегариец] мегарийцу показалось, что [на тысячи лет остановилось время] неподвижно стоит тысячелетнее время и надо вырваться из него (л. 14 об.) мечом. [Как воин] Будучи воином, он не имел терпения и рассуждения — когда они были не нужны — и предпочитал действовать смертью [в / среди властвующих мертв], чтобы избавиться от слишком бессмертных повелителей жизни. Тиран города Мегары Потамон лег (нрзб) однажды — десять лет назад — от меча Фирса, и больше не мог встать, хотя жрецы заранее объявили его вечным. [Мегариец действовал / жил и действовал с по] Мегариец всегда жил и действовал, [с высокого положения своего сердца] считаясь лишь с точным чувством своего сердца, и спасался в случайностях текущей истории. Например, после убийства Потамона он [спасся] схватил его супругу Ферсалию и прошел сквозь строй телохранителей, защищаясь от нападения телом женщины; затем он поцеловал [женщи] Ферсалию, когда [вышел] убежал в безопасную тьму, и тою же ночью скрылся в направлении Афин, которые были враждебны к Потамону; впоследствии [пораженный] он и в Афинах был осужден на изгнание — и ушел к тем большим дорогам, по которым уже давно шагали [ар] македонские армии Филиппа и его сына Александра, — армии, носившие меч на груди, в которую <sup>19</sup> была вложена идея организации всего мира, желанье окончательного благоустройства земли после [ее] завоевания ее [последне] до границ неба и океана.

Главк с насмешкой следил за беспокойством Фирса — он привык видеть раздражение невооруженных [рук] рабов, и после органи-

<sup>19</sup> Примечание А. Плаганова к этому месту: «В грудь же — ?солдат».

зации [рая] кутемалийского рая, когда природа [и во] будет творить свои плоды саморождающей силой, решил истребить всех живущих в стране, кроме Озния, себя и нескольких прелестных женщин; история времени должна закончиться, по мнению Главка, наслаждением на прахе **сплошных** могил — большего выдумать ничего нельзя.

(л. 15) Мегариец опомнился: в зале не было **резких** предметов для смерти царя; всюду висели лишь покойные ковры и стояли глиняные вазы с ароматическими веществами.

— Мне потребуется [десяток] **сто** тысяч рабов, — сказал Фирс.

— Возьми больше, возьми всех, — ответил Главк. — Собери весь народ, кроме уже занятого на непрерывном труде.

— Кто же будет приветствовать победителя богов? — спросил мегариец с [сердечно] улыбкой в уме.

Главк понял.

— Народ не захочет спать после работы, — произнес Главк в пояснение. — Он придет ночью сюда и будет трепетать в восторге перед Ознием. Народ променяет свой покой на славословие перед слухом величайшего!

Фирс поколебался.

— Тогда народ не сможет работать утром...

— [С] Он будет работать утром, — сказал Главк. — Радость <sup>20</sup> укрепляет лучше сна... Ступай в коллегия философов.

Коллегия философов трудилась в другой охлажденной зале того же дворца; делом жизни этих государственных философов было уловление психических настроений вождя всемирного вещества [и] Озния и превращение его невроза в законы.

Пять человек неясного возраста сидели вокруг каменного стола и перед ним(и) лежали письменные доски и [свертки рисового] трубки из рисовой пластической массы, заменявшей [им] бумагу. Начальник государственной мудрости Клузий встретил Фирса достаточно приветливо. Фирс [тоже] также добродушно поклонился старику, имевшему в голове ясные и откровенные мысли. Мегариец читал рукопись [одной книги] одного **сочинения** этого философа, ему нравилось (л. 15 об.) мужественное, солдатское отношение Клузия к современной истории людей; философ приветствовал весь мир и глубоко прятал свое плачущее сердце — [в] или, **быть может**, это только казалось македонскому офицеру. Клузий, в конце своего сочинения, советовал [рабам, не / и даже] всем живым людям не ценить и не жалеть себя и [, поскольку] отнестись к фантазмагии своего существования с насмешкой, поскольку [всемирная история направл] всемирное **время** [направлено] и сила магической судьбы направлены к тому, чтобы [заселить в / в] населить вселенную лишь одним человеком, **вместо множества**, и этот человек — Озний.

Мегариец догадывался, что Клузий писал так из страха смерти; и действительно — [многие] в **столице** таинственно говорили, что

---

<sup>20</sup> Над этим словом надписано: «И перед», а на полях — помета: «Определенней!»

Озний простил философу его ум,<sup>21</sup> и не размолот его тело под жерновом, будучи благодарным, что мудрец признал необходимым заселить мировую пустоту туловищем одного царя. «Ты должен, — писал Клузий, [относясь] обращаясь к любому человеку, кроме Озния, — ты должен глядеть в это неясное пространство жизни, как с Небесных Гор, с вершин своего сердца. [Ум] Если же ты посмотришь глазами, [из-под ум] расположенными [ниже ума / в щелях] в мрачных ущельях твоего ума, ты неминуемо бросишься с высоты жизни в [про] глубину отчаяния, но и в нем не достигнешь дна и спокойствия. Гляди же в [смуту] смутный воздух земли своим сердцем, **глубокомысленно** [достаточно] вознесенным [в высоте твоего тела] в центр равновесия твоего тела, и ты будешь неизбежно счастливым; потому что сущность сердца — [двуединая] улыбка, а не огорчение».

Клузий уже знал, что [Озн / к Ознию] вчера в начале ночи к Ознию пришло **мгновенное** настроение о постройке рая в Кутемалии, и философ сейчас же **попытался** сформулировать дальнейшую судьбу кутемалийского народа:

— Мудрейшие [помощники на] сподвижники [славы] звездной славы нашего царя!..

— **Разве** только [ли] звездной?! — с сомнением [пересп] спросил один молодой [философ] член философской (л. 16) коллегии, уже покрытый однако морщинами — от зоркой преданности царю. — Только ли звездной? Кто же, по-твоему, славен в [ноч] темных недрах — кто-нибудь другой: не Озний?

Клузий **быстро** исправился в слове.

— Сподвижники царя, руководящего звездами **небесной** высоты, [и] мраком могил, и глубже могил, и [неясностью] повелителя неясного сумрака горных долин...<sup>22</sup>

— [Прав] Теперь почти правильно, — согласился говоривший ранее **молодой** философ.

— К нам явился гидравлический мастер Фирс, — продолжал Клузий. — Он должен вырыть теплую воду для орошения [тепло] рая. Эта работа достаточно тяжела, чтобы утомить остатки беспокойной души народа. Поэтому, пусть народ Кутемалии найдет свой покой в утомлении **трудом**. Если он не **может** [меч] утомиться [от счастья] во власти своего царя. Я [счи / предп] предлагаю закон о земляном труде для всех, кто не работает на виноградниках, на рисовых полях или в шелковичных хозяйствах...

— А те люди, которые торжествуют [на дворе] близь дворца, [о(т)] извергая свое сердце за наше величайшее существо?... — спросил молодой философ. — Те люди тоже должны подвергнуться [земляному труду] **земляной** работе?

— Нет, возразил Клузий. — Те люди должны утомляться лишь [своим] восторгом своего искреннего сердца. Мы говорим лишь о тех, кого нужно утомить в черноте труда, кто не хочет утомиться

<sup>21</sup> На полях — знак вопроса.

<sup>22</sup> Рядом с этим абзацем на полях — два знака вопроса.

в [счасть] чувстве верности царю. Торжествующие на площади дворца по-прежнему будут питаться из средств государства, за счет тех печальных, [(кт)] в ком нет [сердца] достаточно сердца, чтобы радоваться славе царя, кто лишен веры в Озния, но зато не лишен пота...<sup>23</sup>

Фирс неподвижно наблюдал за собранием философов. Он вспомнил Платона и его правительство философов и предпочел иметь меч во главе мира, вместо гения.

(л. 16 об.)<sup>24</sup> В заключение Клузий предложил философской коллегии принять обращение к Ознию; [Клузий, в котором наступившая эпоха переводилась] в этом обращении главная стихия эпохи переводилась в сознательный смысл. Клузий объявлял новейшее время, как психиатрический окончательный этап [в з] в жизни всего человечества. Психиатрия — [иск] мгновенное искусство духа царя — есть завершение всемирной томительной истории человеческого рода; психиатрическая форма правления народами есть [высш] высшая, действительная свобода людей, потому что все законы государства [мгн] немедленно отмирают и **общая** жизнь делается внезапной в своей судьбе, неожиданной, непредвиденной и полной восторженного интереса: каждый может ежедневно умереть или быть объявленным бессмертным, в зависимости от колебания духа царя, от его магического психоза. Свой же дух даже царь предвидеть не может, — поэтому психиатрическое государство есть неизбежно абсолютная свобода — оно есть движение из [из-под власти причин] царства законов в рай беспричинности. Поэтому, как определял Клузий, рай в Кутемалии уже надо считать созданным, ибо основание всякого рабства и унижения / **ничтожности**<sup>25</sup> человека — высший закон [стихий] всех [мертв] стихий — причинность — уничтожена тем, что Озний первый из царей применил [к] в мире собственную психиатрию, которая [не (нрзб) наступает] **действует** не только беспричинно, но и против любых причин. Только тот человек, который бежит власти Озния, остается в **мертвом** царстве своей причинной судьбы — и тому неизвестен кутемалийский рай, где сверкают молнии психиатрического царства **ослепляющей** [цветущей] свободы.

[Психиатрич] Психиатрическая организация всего видимого и невидимого мира будет [венком поб] венком победы на мучительном челе человека! — закончил Клузий. Да (л. 17) здравствует Озний, добывший психиатрическую искру абсолютной, торжественной свободы из глубин своего существа, поскольку небо оказалось пустым!..

Фирс не знал всего таинственного государственного устройства Кутемалии и не мог понять превосходства психиатрического правления. Обыкновенные кутемалийцы жили без всякой внезапной

<sup>23</sup> На полях знак вопроса и помета: «Согл(асовать) выше».

<sup>24</sup> На полях пометы писателя: «М(ожет) б(ыть) Офрия — кутемалийка?»; «Выше развить происхождение (психоз) мысли о рае в Ознии».

<sup>25</sup> Последний вариант вписан над уточняемым словом.

радости, [(как) работали, потом / они работали без изменения / они] как жила Офрия.

Офрия! Куда бежит сейчас она за своей свободой? — Или солдаты психиатрического царства уже положили ее мертвой на камни пустыни!<sup>26</sup>

Мегариец провел рукой по **своему** невольному сердцу и задумался о [всеобщей тоске] тоске, [присущей] населяющей душу всех простых людей.

Вдруг весь дворец зазвучал музыкой — всюду заиграли флейты и трубы и послышались шаги [(тор)] и голоса торжествующих людей. В [волнении]<sup>27</sup> своем Фирс вышел вон, чтобы **уйти** скорее домой, но его не выпустила стража: начавшийся праздник никто не мог оставить до его конца.

Тогда мегариец приступил к яствам, всюду разложенным на круглых столах, и не только не опечалился, но веселился со всеми до утра и даже имел тайную любовь в [спальнях] темных спальнях дворца с одной прекрасной и юной дамой, которая не знала, [что ей] как ей поступить — (нрзб) быть счастливой или терзаться, — поскольку муж ее [разбил себе голову / приветствуя / изувечил] вырвал себе любовные части тела в энтузиазме перед [Ознием / дворцом] **царем**. Фирс **доказал** [открыл] ей, что жизнь может быть счастливой не только от любви таких свободных и радостных,<sup>28</sup> как ее муж, но и от [так / любви] таких печальных, как сам Фирс. Женщина быстро поняла его и подарила ему на память, **по обычаю своей родины**, несколько волосков из [(нрзб)] своих слишком густых бровей.

(л. 17 об.)<sup>29</sup> [В полночь] **По прошествии полночи** в среду [среду] гостей вошел Озний, [омраченный / в скромном] одетый в синюю одежду, скромный, не улыбающийся никогда. Сейчас же все гости прекратили шум и умерили свое дыхание, а затем **произнесли** [издали] **общую грудью** единодушный вопль **отрадного** [невыносимого] восторга. Озний положил по привычке ладонь правой руки на живот и [оглядел] уставился скучным взором в пустую точку пространства, простирающуюся надо всеми. Некоторые из пожилых гостей, [имеющие многочисленные раны и уродства от слишком радостной работы на каменистой площадке] после того, как утих возглас преданности, в испуге положили правые руки на свои животы — по образцу царя. [Главк, бывший тут же, подошел к царю / к Ознию / и вдруг з] (Многие) из этих пожилых людей имели многочисленные раны и уродства от [восторженного избытка / слишком радостной работы] **радостн(ого) осозн(ания) своего ничтожества / деятель**<sup>30</sup> на каменистой площадке; головы были [у все] почти у всех бритые и на оголенной коже ясно **виднелись**

<sup>26</sup> На полях помета: [«Офрия»].

<sup>27</sup> Слово помечено знаком вопроса на полях.

<sup>28</sup> Это слово подчеркнуто волнистой чертой.

<sup>29</sup> [(Прежде) (нрзб) / об аде психоз царя], далее неразборчиво — пометы А. Платонова на полях.

<sup>30</sup> Слово вписано между строк, рядом на полях — знаки вопроса.



[лежали засохш(ие) рубцы] засохшие [рубцы] проломы костей, [или] образуя ямы в голове, [дабы природный / уменьшить природный ум в размерах, что / че] отчего природный ум уменьшался в размерах; сокращенный же разум уже сам по себе [пре] представлял [форму преданности] **преимущество** / преданность<sup>31</sup> в глазах царя и его философского правительства.

Царь Озний ничему не улыбнулся и [вместе] в то же время не пришел...<sup>32</sup>

---

<sup>31</sup> Оба слова приводятся как варианты. На полях — знак вопроса и помета: «Соил(асовать)».

<sup>32</sup> Далее рукопись обрывается.

**А. А. Харитонов, Д. В. Колесова**

**I—VI ПЛАТОНОВСКИЕ СЕМИНАРЫ  
В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ (1990—1994)**

Весной 1990 года Отделом советской (ныне — новейшей русской) литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ныне — РАН) был впервые проведен семинар, посвященный изучению жизни и творчества А. П. Платонова. Замысел организаторов семинара состоял в том, чтобы не только объединить творческие усилия его участников вокруг заранее объявляемой темы заседания (формулировка которой предполагает большую общность проблематики докладов, чем это обычно принято на конференциях), но и предложить специалистам по творчеству Платонова возможность прямого научного общения, в котором возникающая дискуссия и импровизированные выступления призваны играть не меньшую роль, чем специально подготовленные сообщения. Первоначально число докладов, предлагавшихся для обсуждения, не превышало четырех — пяти, но постепенно, с ростом числа участников семинара и расширением географии представленных на нем исследовательских центров, увеличилось и количество программных сообщений (до десяти—пятнадцати на IV—VI семинарах), сами же семинары стали двухдневными. В состоявшихся за 1990—1994 годы шести заседаниях Платоновского семинара принимали участие исследователи из Ленинграда/Санкт-Петербурга (ИРЛИ, ЛГУ/СПбГУ, РГПУ), Москвы (ИМЛИ, МГУ, МГПИ/МПУ, РАТИ), Воронежа, Петрозаводска, Калининграда, Ставрополя, Оренбурга, Иванова, Свердловска, Иркутска, Саратова, Ульяновска, а также из Норвегии (Университет Осло), Швейцарии (Цюрихский университет), Литвы (Вильнюсский университет), Китая (Шандунский университет), Южной Кореи.

Подводя итоги работы семинара за пять лет, можно отметить становление самой концепции проблемного семинара, возросшую эффективность обсуждения и дискуссий, расширение круга участников семинара, в том числе привлечение сил молодых исследователей, представителей смежных гуманитарных дисциплин (лингвистов, философов, историков, социологов), зарубежных коллег; совместное определение направлений дальнейших исследований. Многие материалы, прошедшие апробацию на семинаре, были в дальнейшем опубликованы на страницах научной и литературно-художественной печати. За годы существования семинара несколько его

участников защитили докторские (Н. В. Корниенко, Н. М. Малыгина) и кандидатские (В. Ю. Вьюгин, В. А. Колотаев, И. В. Савельзон, А. А. Харитонов) диссертации по творчеству Андрея Платонова. Информация о работе Семинара регулярно появляется в журнале «Русская литература».

## I Платоновский семинар Феномен языка Андрея Платонова (23 апреля 1990 года)

Открывая заседание, заведующая Отделом советской литературы, доктор филол. наук **Н. А. Грознова** отметила, что изучение творчества Платонова нуждается в выверенных научных подходах, и наметила основные задачи, стоящие перед впервые организуемым семинаром: обмен мнениями специалистов, координация поисков, объединение научных сил, выявление новых, продуктивных путей в осмыслении творчества художника и — в идеале — приближение к разгадке «тайны Платонова».

Доклад канд. филол. наук **Н. В. Корниенко** (ИМЛИ, Москва) был посвящен движению писателя к повестям «**Котлован**» и «**Ювенильное море**», становлению «феноменального» платоновского языка и выработке особого «мировоззренческого стиля» художника. В результате архивных разысканий Н. В. Корниенко удалось выявить такие произведения Платонова, как киносценарий «**Машинист**», очерк «**Тихая Сосна**», неоконченная повесть «**Дар жизни**», а также многочисленные черновые записи и наброски (опубликовано в журналах «Новый мир». 1991. № 1; «Домовой». 1994. № 4). Эти документы позволяют восстановить основные моменты творческой истории «Котлована» и «Ювенильного моря», они свидетельствуют о пристальном внимании писателя к культурным, нравственным, историческим последствиям социально-экономических преобразований русской деревни. При этом сам социально-экономический анализ остается за пределами платоновского художественного текста, он преобразуется в языковую плоть, подчиняющуюся законам эстетической гармонии. В этом, сказала Н. В. Корниенко, заключен великий урок Платонова-художника. Но это и необыкновенно затрудняет тематическое прочтение платоновских произведений, дает пищу упрощенным, ошибочным, зачастую недобросовестным толкованиям (в докладе были рассмотрены и убедительно опровергнуты некоторые построения современных критиков). Доказывая, что для Платонова искусство — область идеального, а не социального, Н. В. Корниенко обратилась к черновым записям писателя. В докладе были проанализированы сохранившиеся записи А. Платонова о поэтике (в связи с работами В. В. Розанова и В. Б. Шкловского, привлекавшими особенное внимание писателя в 20-е годы), о проблеме художественного слова.

Сообщение канд. филол. наук **Т. А. Никоновой** (Воронеж) было построено на анализе романа «**Чевенгур**». Писатель, как и герой романа Александр Дванов, одновременно чувствует две жизни, испы-

тывает потребность соединить в художественной практике высший философский смысл и жесточайшую реальность. И если внешнее своеобразие текста Платонова отмечается всеми, то отражение им современности остается вне поля зрения исследователей. Гениальность платоновского текста заключается, по мнению докладчицы, в его принципиальной фрагментарности, причем принцип этот реализуется автором на уровне слова, фразы, фрагмента и, наконец, целого. Пространство романа, как считает Т. А. Никонова, организуют два центра, Чевенгур и озеро Мутево, имеющие большой символический смысл. Если первый связан со смертью, концом, гибелью, то второе выражает светлое, жизненное начало («голубая глубина»).

В докладе канд. филол. наук **И. А. Спиридоновой** (Петрозаводск) апробировались применительно к тексту романа «Чевенгур», две известные в литературе о Платонове черты его стиля: соединение несоединимого и спрямление, стяжение смысла. Избыточный язык «Чевенгура» неправилен, но точен; он становится инструментом для поиска истины о мире и освоения этого мира заново платоновским героем. Один и тот же прием (повтор; соединение статики и динамики) реализуется на всех уровнях текста: на уровне языка, сюжета, мотивов, общих идей. По мнению И. А. Спиридоновой, поэтика романа «Чевенгур» объединена общей сверхтекстовой установкой — идеей религиозности как *всеобщей связи*; исходя из этого, докладчица предложила определить «Чевенгур» как христианский роман.

В сообщении канд. филол. наук **Е. И. Колесниковой** (ИРЛИ, Ленинград) были подняты вопросы интерпретации произведений Платонова. На примере ряда произведений (рассказов «Епифанские шлюзы», «Умственный хутор», «Отмежевавшийся Макар», романа «Котлован») было показано, как искусственные умозрительные концепции при попытке их воплощения в действительность вступают в противоречие с живой жизнью и по-разному отвергаются ею. Цена экспериментов неизмеримо высока: жестоко гибнет от извращения природы преобразователь водной стихии Бертран Перри, ритуальной строительной жертвой кладется на дно котлована тело умершей девочки Насти, под грузом бюрократизма самобытные таланты превращаются в управленческих болванов. Платоновская онтологическая концепция данного периода вступила в противоречие с его прежними социально-философскими воззрениями. Докладчицей было высказано положение о том, что необычная лексика и явилась отражением данного кризиса.

## II Платоновский семинар

**«Котлован»: система ценностных ориентаций художника  
(20 декабря 1990 года)**

В докладе доктора филол. наук **А. И. Павловского** (ИРЛИ, Ленинград) «Яма (о художественно-философской концепции повести «Котлован»)» анализируемое произведение было интерпретировано как «отходная коммунистической идее», горький и су-

ровый социальный прогноз тоталитарному обществу; его стиль и внутренний смысл — как бутафорные и трагически буффонадные; язык повествователя и героев — как новоречь полукультурных слоев общества (в развернутом виде доклад опубликован в журнале «Русская литература». 1991. № 1).

Положения доклада вызвали неоднозначную реакцию собравшихся; так, канд. филол. наук Н. П. Генералова (ИРЛИ) вспомнила выражение И. С. Тургенева «противоположное общее место» и предупредила об опасности, которую таит легкое усвоение критической стороны платоновского творчества (особенно в конъюнктурной связи с современной тенденцией отрицания социалистического выбора) и отказ от проникновения в его глубинный смысл.

Как бы продолжая последнюю мысль, канд. филол. наук **Т. М. Вахитова** (ИРЛИ) в своем докладе «**Оборотная сторона „Котлована“**» остановилась на фактах, которые не укладываются в схему прочтения, предложенную А. И. Павловским. Ею был проанализирован очерк «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)», обнаруженный на обороте листов рукописи «Котлована». (Развернутый текст доклада Т. М. Вахитовой публикуется в настоящем сборнике).

Канд. филол. наук **Н. М. Малыгина** (Москва) в докладе «**Андрей Платонов в литературной ситуации конца 20-х — начала 30-х годов**» рассмотрела позицию писателя в борьбе литературных группировок эпохи (Пролеткульт, РАПП, Перевал). Проанализировав влияние пролеткультовских идей на Платонова как крупнейшего художника пролетарской литературы, докладчица выявила целый ряд сюжетов, образов, героев, восходящих к поэтике Пролеткульта. Так, центральная метафора «Котлована» — победа над материей во всемирном масштабе — уходит своими корнями в «Тектологию» А. А. Богданова, а сюжетная тема строительства монументального «общепролетарского дома» прямо перекликается с «Башней» А. К. Гастева. При этом Платонов полностью переосмысляет пафос «Башни», декларируя антигуманную цель как высшую ценность, превращая *котлован* (башню, обращенную вниз) в *могилу*, и отказывается от пролеткультовской идеологии жертвенности. **Н. М. Малыгина** специально остановилась на вопросе о пародировании Платоновым в его художественных текстах статей И. В. Сталина, объяснив осознанность и целенаправленность этих пародий особыми представлениями писателя о действительности искусства, способности и долге художника влиять на реальную жизнь.

Канд. филол. наук **В. В. Эйдинова** (Свердловск) в своем выступлении обратила внимание на такой **общий принцип, структурирующий платоновские тексты**, как «неслиянность единства», «обратный», модифицированный принцип связи, в основе которого лежит идея сохранности всего сущего как нравственный закон и единственное условие нерушимости создаваемого нового. При этом принцип всеобщей связи проявляется в крайнем обострении «несвязей» внешней жизни. Противопоставляясь жизни внутренней, она оказывается мнимой жизнью, иллюзией жизни, просто «не-

жизнью», что проявляется в «Котловане» как пустота пространственно-временного плана.

В докладе «**Андрей Платонов и русская ментальность**» аспиранта **А. А. Харитонова** (ИРЛИ) было высказано предположение о том, что у Платонова главным приемом построения смысла оказывается все-таки не ориентация на «память» литературы. Для этого писателя первой и единственно надежной опорой, непосредственным источником «строительных средств» и основой авторской оценки является русская ментальность — тот способ видения мира, который, будучи зафиксирован в слове, отмечает носителя русского языкового знания. Подробное рассмотрение с этой точки зрения диалога Вощева и Жачева, наблюдающих шествие пионеров, и сопоставление концептов «калека — увечный — урод» позволило сделать вывод о том, что именно сознательное авторское употребление трех этих слов создает особый подтекст диалога. Этот подтекст одновременно развивает характеристику центрального героя (подозрение его во внутреннем пороке), вводит антитезу «уроды империализма — социалистические дети» (черта мировоззрения Жачева и сюжетная тема) и контрапунктирует со сквозной проблемой повести — ущербность сознания, лишенного истины. Этот и другие примеры, относящиеся к разным языковым уровням, подтверждают ориентацию Платонова на менталитет как на парадигму обыденного сознания, выраженную в формах языка.

Из выступлений в прениях следует в первую очередь отметить наблюдение **Е. В. Тихомировой** (Иваново) над необычностью Вощева как философствующего героя (путь его — от отсутствия идеи к отказу от самого философствования) и предложенные **А. И. Михайловым** (ИРЛИ) соотнесения «Котлована» с явлениями других художественных миров («Приглашение на казнь» В. В. Набокова, поэзия Н. Асеева и Н. Клюева).

### **III Платоновский семинар** **Проблемы текстологии А. П. Платонова** **(28 октября 1991 года)**

Важность изучения платоновских рукописей и почти полная неразработанность текстологии всего советского периода русской литературы были отмечены во вступительном слове **Н. А. Грозной**.

Канд. филол. наук **Н. В. Корниенко** в докладе «**Проблемы издания новых текстов А. Платонова**» говорила о том, что в литературе о писателе остаются почти без внимания такие основополагающие проблемы, как датировка текста, первоначальный замысел произведения и его эволюция, в то время как интерпретаторская активность исследователей зачастую превышает все разумные пределы. Как отметила докладчица, мы должны стремиться восстановить не только творческую историю платоновских произведений, но и историю текста в целом, отделяя авторскую правку от обильной редакторской, а также и от принадлежащей самому автору, но вы-

нужденной, произведенной после «работы» с редактором или обсуждений в Союзе писателей. Такова история «Города Градова», «Сокровенного человека», «Чевенгура», всех опубликованных или готовившихся к печати произведений 30—40-х годов. Сходные вопросы встают и при обращении исследователя к «новым» платоновским текстам, впервые вводимым в научный и читательский оборот. При этом приходится сталкиваться с непрописанностью многих кусков текста, трудностью отнесения отдельных фрагментов к тому или иному произведению, незавершенностью замысла (последнее относится к подавляющему большинству сохранившихся в рукописи текстов писателя). Н. В. Корниенко поделилась опытом работы по восстановлению авторского текста романа «Счастливая Москва» (опубликован в журнале «Новый мир», 1991, № 9), «Путешествия из Ленинграда в Москву», других произведений писателя.

Канд. филол. наук **Т. М. Вахитова** и канд. филол. наук **Г. В. Филиппов** (ИРЛИ) в докладе «**Проблемы академического издания «Котлована»**» рассказали о работе по изучению рукописи А. П. Платонова, хранящейся в рукописном отделе ИРЛИ. В частности, Т. М. Вахитова остановилась на особенностях авторской правки первых двенадцати страниц текста и сделала предположение о том, что особый характер этой части повести как лирико-философской интродукции обусловил сложности дальнейшей авторской работы. Г. В. Филиппов углубился в психологию творчества А. Платонова, отметив специфику работы писателя над текстом. Исходя из своих наблюдений, он сделал вывод об особом эпическом характере художественного мышления автора «Котлована». Сопоставляя ранний вариант повести с окончательным, докладчик затронул некоторые представления о социально-политической позиции А. Платонова и высказал мнение о вероятной вынужденности характера осуществленной правки. (В развернутом виде доклад публикуется в настоящем сборнике).

Доклад аспиранта **В. Ю. Вьюгина** (ИРЛИ) «**Повесть А. Платонова «Строители страны»: К реконструкции произведения»** был посвящен текстологическим наблюдениям над рукописью романа «Чевенгур» (хранится в Рукописном отделе ИРЛИ). Тщательно обследовав внешние особенности рукописи и устранив позднейшие наслоения авторской правки, В. Ю. Вьюгин выявил в рукописи «Чевенгура» обширный (40 страниц машинописи) фрагмент повести «Строители страны». Сопоставляя содержание письма-рецензии Г. З. Молотова на эту повесть (впервые опубликовано в журнале «Литературное обозрение», 1989, № 9) и восстановленный текст, докладчик пришел к выводу, что фрагмент имеет ключевое значение в структуре повести и потому позволяет судить о целостной художественной концепции «Строителей страны». Таким образом, появилась возможность увидеть во времени эволюцию замысла романа, особенности формирования сюжета «Чевенгура». В докладе было проанализировано сюжетное развитие темы, положенной в основу повести и обозначенной в ее названии. В. Ю. Вьюгин подробно остановился на тех изменениях, которые внес Платонов в образную

структуру и идейное содержание повести «Строители страны» при переосмыслении этого текста как части романа «Чевенгур». (Тексты, ставшие предметом анализа в докладе, и статья В. Ю. Вьюгина публикуются в сборнике «Из творческого наследия русских писателей XX века». СПб.: Наука, 1995).

**А. А. Харитонов** в своем выступлении поделился наблюдениями над хранящимися в Рукописном отделе ИРЛИ автографами «Котлована» — черновой рукописью и машинописью с правкой автора — и высказал предположение о существовании трех различных редакций повести: первоначального варианта рукописного текста; правленного автором текста рукописи, которому соответствует (за исключением ошибок машинистки) машинопись; и, наконец, машинописи с правкой. При этом опубликованный текст не соответствует полностью ни одной из названных редакций, соединяя черты второй и третьей, а в ряде случаев предлагая особые варианты, не находящие подтверждения в известных нам авторских материалах. По их характеру можно заключить, что текст подвергся значительному искажению при редактировании и издании. Докладчиком была рассмотрена проблема канонического текста произведений А. Платонова, привлекающая внимание участников семинара.

Канд. филол. наук **Н. М. Малыгина** (Москва) рассказала о предпринятой ею попытке создания научного комментария к тексту «Котлована». Были выявлены две основные группы источников комментария: материалы политических, публицистических дискуссий того времени (часто находящие у Платонова отражение в форме раскавыченных цитат) и мифологические, фольклорные, литературные источники. Указав на сложность их выявления в тексте писателя, изменявшего переплавляемый им материал почти до неузнаваемости, Н. М. Малыгина остановилась на некоторых принципах платоновской поэтики.

#### **IV Платоновский семинар Андрей Платонов в контексте своей эпохи (28 октября 1992 года)**

Вступительное слово произнесла заведующая Отделом новейшей русской литературы ИРЛИ доктор филол. наук **Н. А. Грознова**. Она говорила о значении наследия Андрея Платонова в истории национальной культуры и о том глубоком кризисе, который переживает наука о русской литературе послеоктябрьского периода. Охарактеризовав состояние сегодняшнего платоноведения как затишье после всплеска общественного интереса, вызванного публикациями перестроечных лет, Н. А. Грознова призвала участников семинара оценить творчество писателя в контексте его времени, насытить науку о Платонове архивными материалами, без которых тщетными останутся наши попытки воссоздать историческую истину во всей ее полноте.

Доктор филол. наук **Н. В. Корниенко** (ИМЛИ, Москва) в докладе «Литературный контекст 30-х годов и поиск Платонова



в 30-е годы» сказала о том, что, обращаясь к 30-м годам и, в частности, к творчеству Платонова, мы неизбежно выходим к проблеме перелома, совершившегося тогда в советской культуре. 1931 год был назван «годом перелома» на I съезде советских писателей (известное выступление Всеволода Вишневского: «У нас были переломы: 1917 год; нэп; 1929—1930; а в 1931 году партия нас повела»); именно в это время появляются общие установки, касающиеся идеологического и творческого руководства литературой. Мы обычно склонны считать, что эти установки — о реконструкции тематики, о реконструкции романа, о реконструкции всех изобразительных средств — исходили от критиков РАППа. Но если мы будем объективны и обратимся к материалам 1930—1931 годов, то увидим, что левее рапповцев в деле перестройки литературы и в требовании смены литературной политики были представители «Перевала» и Всесоюзного Союза советских писателей — оплота оппозиции РАППу в 1920-е годы.

Платоноведов долго волновал вопрос: подписывался ли Платонов под декларацией «Перевала»? Мы и сегодня не имеем однозначного ответа: Алексей Платонов подписался или Андрей Платонов, потому что стоит «А. Платонов»; однако, насколько позволяет судить творчество писателя, Андрей Платонов подписаться под платформой «Перевала» не мог. Перелом, совершившийся в 1930-е годы, применительно к творчеству Платонова важен еще и в другом плане: принимал ли он надвигающиеся сверху и извне требования кардинальной ломки системы, мировоззрения, изобразительных средств? Безусловно, принимал. Это отразилось, скажем, на двух редакциях повести «Впрок» — 1930 и 1931 годов — и на всем поиске Платонова 30-х годов.

В прозе 30-х годов у больших художников этот перелом уходил в глубинные пласты содержания, которые нам еще предстоит прочитать; с уровня фабулы они уходили в глубины подтекста, они выстраивали текст по законам того, что Мандельштам называл в «Разговоре о Данте» «приемом гераклитовой метафоры», принципиально неоднозначной по своему содержанию. В этом смысле платоновский поиск приобщен к поиску Леонида Леонова 30-х годов («Дорога на Океан»), к поиску Горького, потому что Платонов в 30-е годы обращается к Горькому не только как к руководителю Союза писателей, но в первую очередь как к автору окуровских вещей и «Жизни Клима Самгина».

В контексте идеологической оглашенности 30-х годов принципиальный смысл имеет повесть Платонова «Джан». «Джан» создавалась в 1935 году, когда в советской литературе уже существовал целый пласт произведений о социалистическом преобразовании Востока. Первая писательская поездка в Туркмению состоялась в 1930 году; были созданы «Путешествие в Туркменистан» и «Пустыня» Павленко, «Саранчуки» Леонова, повести и рассказы Всеволода Иванова, Тихонова и других писателей. Тема социалистических преобразований Востока очень показательна в отношении тех параметров, по которым в 30-е годы представляла тема второй природы:

это слом религиозной модели Востока; это слом кочевничества и привнесение оседлых, европейских моделей жизни; это уход от прежних обычаев. Как писал Павленко, «история преобразуется полностью; Бухара как сказочный Китеж-град Востока должна перестать существовать»; иными словами, Восток должен расстаться со своими ценностями. Платонов в своих произведениях о Туркмении вступает в спор с Павленко, и это не есть их сугубо частный диалог: к 1934 году Павленко возглавляет Всероссийский Союз советских писателей и является, по сути дела, идеологом и законодателем темы социалистических преобразований Востока.

Январь—февраль 1935 года — время создания повести «Джан». Poleмика с Павленко, полемика с Тихоновым в «Джан» идет именно на уровне подтекста, на уровне метафорического, густого строя текста повести. Если, скажем, Павленко постоянно пишет: пустыня должна быть сдана; в пустыне ничего нет; пустыня должна быть преобразована, — то платоновская сквозная метафора в «Джан» — пустыня не пустая, в ней люди живут. Все растения, все живые существа «Путешествия в Туркменистан» Павленко появляются у Платонова, появляются как мир живой, как мир, который живет по собственным вечным законам.

И еще один важный момент. На I съезде советских писателей в докладе Радека прозвучал тезис: «Джойс или соцреализм». Выбор был предreshен: под запретом как буржуазный, несоциалистический путь слова объявлялся не только Джойс, но и Пруст. До «Джан» Платонов фактически никогда не выходил на форму открытого потока сознания. Но в «Джан» — если читать повесть по рукописи — в тех местах, где он описывает состояние умирающего народа, мы вообще не увидим знаков препинания; это потом их расставили и перевели слитный текст в диалоги. На самом же деле это, действительно, поток сознания.

Еще раньше, в 1933 году, Платонов пишет «Мусорный ветер». Тема его — кризис, гибель Европы; весь рассказ построен как поток сознания Лихтенберга, которое разрушено и не может вместить в себя эту действительность. Не случайно, переходя к «Джан», Платонов записывает в черновиках: «Азия. Приход хозяина. Европа».

Для Платонова всегда была важна народоведческая тематика; и в «Джан», даже когда от него потребовали написать новый финал — и он написал возвращение народа джан на родину — даже под этим прессингом он оставил народ хранителем тех ценностей, которые он исповедовал в прошлом. Народ джан формулирует ту идею свободы, которую не может сформулировать Лихтенберг в «Мусорном ветре». Лихтенберг понимает, что мир разрушен, вспоминает Декарта и всю европейскую философию и в то же время сознает, что происходит и разрушение человека — и не только сознания, но и самого тела его. А народ джан в финале формулирует саму идею повести — идею души: народу джан не нужен социализм, не нужно богатство, у народа джан есть самое большое богатство, говорит Суфьян, — душа — способность мучиться и страдать. «Джан» — это туркменский вариант трагедии радикального перелома строя

национальной жизни. Есть русский вариант ее — «Чевенгур»; «Джан» — это зеркальный, туркменский «Чевенгур». Идеологи «Чевенгура» недоуменно взирают, как кротко идет народ по адову дну коммунизма; и только тогда они прозревают; ибо это тысячелетняя религия питала национальные корни, воспитала в народе умение страдать, умение прожить жизнь как приготовление к смерти.

Для Платонова Назар Чагатаев — «выдуманный персонаж»; так он его определил в списке героев. Назар Чагатаев — сколок с «Чевенгура», с идеи Прошки Дванова: «...я вам чистый Чевенгур привез (...) они не армяне, не русские, не украинцы; они — безотцовщина». Пройдя русский полкус безотцовщины — «Чевенгур», европейский полкус безотцовщины — «Мусорный ветер», Платонов приходит к «Джан», которая являет собой третий, восточный полкус безотцовщины. В «Джане» проблема безотцовщины фактически приобретает роль всемирной проблемы. В образе Назара Чагатаева, в экспозиции этого героя, явствен конкретный диалог, который Платонов вел еще с 20-х годов — диалог с В. Б. Шкловским. Формула, с которой Чагатаев выходит в мир, собираясь преобразовывать Восток, — формула чисто метафорическая. Видя страдания Веры, Назар понимает, что страдание разрушает, уничтожает человека: «горе представлялось ему пошлостью». Мысль эта относится не только к Вере, с ней он выходит в мир Сарыкамыша, где народ его именно страдает. Так вот, в этой формуле Назара Чагатаева совершенно явственны отзвуки той полемики, которая велась в 20-е годы, продолжалась в 30-е и была связана с именем Достоевского.

Если мы внимательно прочитаем выступления на I съезде советских писателей, то мы увидим, что самое яростное разоблачение Достоевского принадлежит не рапповским критикам, а именно В. Б. Шкловскому, который в известной своей речи на съезде заявил: «Мы, наследники великой культуры, должны судить Достоевского, судить как изменника» — как изменника революции; как изменника новым социалистическим идеалам. Шкловский проводит идею социалистического гуманизма именно как идею, противостоящую всему духу русской классической литературы, и прежде всего идее сострадания. Назар Чагатаев — герой, полностью лишенный этого чувства, — фактически уже на уровне экспозиции дается как представитель нового поколения и нового — социалистического — гуманизма. Чагатаеву еще только предстоит прозреть; вся повесть — еще и воспоминание героем самого себя.

Канд. филол. наук В. Ю. Вьюгин (ИРЛИ, Санкт-Петербург) в докладе «**Андрей Платонов и анархизм (к проблеме подтекста платоновского творчества)**» обратил внимание на то, что Е. Толстая-Сегал, говоря о Платонове, призвала пересмотреть закрепившийся в представлении многих «образ доморощенного народного философа, неотличимого от своих полукуродивых героев». Е. Толстая-Сегал первой заговорила об «идеологических контекстах Платонова». С тех пор выявление мировоззренческих истоков художественной мысли писателя остается одной из важнейших проблем платоноведения. Исследователи находят в платоновском творчестве

влияние таких разноплановых и разнохарактерных мыслителей, как Федоров и Фрейд, Богданов и Достоевский, Шпенглер и Розанов, Бердяев и Гастев. При этом художественный мир Платонова не выглядит эклектичным. Напротив, результатом «суммы влияний» оказывается такой прочный сплав языка и мысли, что констатация еще одного факта влияния мало что прибавляет к пониманию феномена Платонова. Платоновская индивидуальность подавляет любое, даже самое сильное из влияний. Итак, с одной стороны — крайняя открытость текста, с другой — предельная его замкнутость, как следствие неповторимой индивидуальности писателя. Эта «открытость замкнутого» ощущается постоянно, когда читаешь Платонова. Мы не можем остановиться в восприятии его текста на первичном и поверхностном уровне смысла: уровне темы, сюжета. Мы стремимся уловить подтекст — словно что-то не уместилось в слове писателя, но существует за ним, совсем рядом: в пространстве сознания автора и культуры.

Восприятие или отрицание художником определенного круга идей, философских или политических, той или иной литературной традиции — процесс не механический и не зависящий всецело от его рассудочных устремлений и желаний. Принимая идею, писатель продолжает сомневаться в ней и неустанно испытывать ее; отбрасывая — словно помимо своей воли включает в основание создаваемой поэтической вселенной. Одно из явлений такого порядка — «анархизм» Андрея Платонова: идея не просто отвергнутая, но «снятая» в сознании художника.

Проблема «Платонов и анархизм» была поставлена и по-своему решена еще в конце двадцатых годов теми критиками, которые уличали Платонова в «замаскированном анархо-индивидуализме» (М. Майзель), в «нигилистической распушенности и анархо-индивидуалистической фронде» (Л. Авербах). По прошествии десятилетий заключения Майзеля или Авербаха воспринимаются как результат и средство идеологической борьбы, как штамп, который позволяет вывести творчество писателя за пределы пролетарской литературы. И тем не менее эти заключения не были так уж беспочвенны. Сознательно или неосознанно, Платонов давал повод воспринимать свое творчество в русле названной мировоззренческой традиции.

Идеи анархизма интересовали Платонова. Об этом мы можем судить и по его произведениям, и по прямым его признаниям (вспомним творческий вечер 1 февраля 1932 года). Однако еще в 1920 году писатель опубликовал статью «Анархисты и коммунисты», в которой с характерной категоричностью выразил негативное отношение к «учению», ставящему интерес и свободу личности выше интересов всего человечества. Отдавая предпочтение коммунистической «дороге», Платонов как будто заранее отвечает на обвинения своих будущих критиков. Но все не так просто. Ведь и коммунизм не был для Платонова абсолютной, окончательно истинной идеей. «Мы коммунисты, но не фанатики коммунизма, — напишет он в том же двадцатом, — и знаем, что коммунизм есть только волна в вечности истории. И еще: мы больше революционеры,

чем коммунисты» («Будущий Октябрь»). Отношения между «коммунизмом» и «анархизмом» Платонова — это отношения между двумя родственными и одновременно полярными идеями, в первой из которых писатель, всецело желая принять ее, сомневается, а вторую, отвергая, сберегает в одном из тайников своей души.

На чем основана эта родственность и каким образом в художественно-философской системе Платонова могут сосуществовать столь чуждые, по его собственному утверждению, начала? Отвечая на этот вопрос, мы оказываемся перед более общей проблемой: существует ли закономерность, определяющая отбор и удержание художественным сознанием художника всевозможных оказываемых на него влияний? Достаточно легко обнаруживается предпосылка, позволяющая влиянию идей анархизма укрепиться в круге представлений писателя, известная общность между источником влияния и самой направленностью мысли Платонова. Это, во-первых, тяготение к положительному знанию, позитивистское восприятие мира. Это, конечно же, и приверженность идее революции (для Платонова — в самом широком смысле, подразумевающим научное переустройство не только социума, но и самой природы).

Известен ряд явно антигосударственных, антибюрократических произведений Платонова. «Усомнившийся Макар», «Впрок», «Государственный житель», «Че-Че-О» представляют собой тревожную реакцию писателя на ощущавшуюся им в двадцатые годы «пробуксовку», крайнее замедление революционного процесса. Но отвержение государства — лишь одна, отрицательная сторона анархического учения. Не менее интересны те случаи, когда анархическое мировоззрение присутствует в произведении имплицитно, в своей положительной ипостаси. Такова, например, повесть «Строители страны» — первая редакция «Чевенгура». В ее основу положена попытка разрешить конфликт между двумя «стихиями» человеческой души: личным и общественным «инстинктами». А ведь это главная и положительная задача, поставленная в «Этике» П. А. Кропоткина. Так, внимательно читая платоновские тексты — тот же «Чевенгур» или двухстраничный план романа «Зреющая звезда», — мы не раз наталкиваемся на целые пласты реминисценций из Кропоткина, и очевидно, что вопрос об «анархизме» писателя достоин специального развернутого исследования. Платонов «открыт» этой традиции, поскольку предрасположен к ее восприятию. Но точно так же он «открыт» множеству других традиций. Возникает вопрос: так ли уж далеки друг от друга разнохарактерные источники влияний, отразившихся в платоновском творчестве, или между ними есть некая улавливавшаяся самим писателем общность?

Аспирант А. А. Харитонов (ИРЛИ) в докладе «Троцкий и троцкизм в повести А. Платонова „Котлован“» оспорил распространенное в наши дни представление о том, что А. Платонов был чужд современной ему социальной борьбе, творил на уровне сугубо философской рефлексии и воплощал в своем творчестве лишь вечные истины вне конкретно-исторических форм их бытования. Это, конечно, не так: произведения писателя — свидетельства его

раздумий о судьбе России и ее народа не только на путях вечности, но и в данный миг исторического бытия. Платонов не мог остаться в стороне от обсуждения политических вопросов еще и потому, что всегда относился к судьбе революции и пролетарского государства как к «личному, сердечному делу». Обратим внимание на авторскую датировку «Котлована». Платонов редко датировал свои тексты; естественно предположить, что, указывая в данном случае даты, он имел в виду не фиксацию времени создания повести. Декабрь 1929—апрель 1930 года — вехи, ограничивающие краткий, но предельно насыщенный событиями отрезок истории России. Этими датами Платонов прямо привязывает «Котлован» к исторической ситуации «года великого перелома». Поэтому для понимания оценочной авторской позиции особенно важно учитывать ориентацию писателя на современные ему политические реалии. Она воплощена в первую очередь в системе персонажей повести.

Из всех голосов эпохи, отраженных в повести «Котлован», наиболее заметны в тексте аллюзии на речи и статьи И. В. Сталина. Первым на явное и скрытое цитирование автором и героями «Котлована» выражений и целых пассажей из выступлений «главного революционера» страны указал в своей статье «Усомнившийся Платонов» М. Золотосов. Исследователь выявляет системную полемику с заявлениями партийного вождя, которую писатель ведет в форме их травестирования. Но в тексте «Котлована» присутствует не только Сталин, но и Троцкий. Прямое указание на актуальность этого имени в идейном содержании повести — то, как назван Платоновым один из ее персонажей — Лев Ильич Пашкин (контраминация имен двух вождей революции сюжетно обыгрывается самим автором).

Что же означает в 1930 году указание на Троцкого, вычеркнутого к этому времени из политической жизни страны? Очевидно, оно должно не только напомнить читателю-современнику о поверженном теоретике перманентной революции, но и связать идейное содержание повести с социально-политическими идеями названного именем этого деятеля партийного течения. Сами представители троцкистской оппозиции (1923—1928) называли ее «платформой большевиков-ленинцев», или «Левой оппозицией». Оценивая положение, сложившееся в СССР во второй половине 20-х годов, они приходили к выводу о том, что в результате политического и физического уничтожения старых большевиков, принудительной коллективизации сельского хозяйства, первого 5-летнего плана, после ликвидации всех форм рабочего контроля и всех прав и свобод рабочих сталинская бюрократия стала эксплуататорским правящим классом.

В «Котловане» антитеза «рабочий человек — бюрократ» заявлена с самого начала (эпизод в пивной). Упрекая «пищевого служащего», двое рабочих-кровельщиков наивно и несколько прямолинейно обращают к нему громко звучавшее в политических дискуссиях эпохи требование «рабочего контроля»: «Тебе, бюрократ, рабочий человек одним пальцем должен приказывать, а ты гордишься!»

Разоблачение бюрократии для «троцкистов» — не очередная «кампания по борьбе с отдельными недостатками» (как понимала и вела его официальная советская пропаганда), а концептуальная критика избранного партией пути «обюрокращения рабочего государства». Черты быта «нового дворянства», отмеченные в документах левой оппозиции, А. Платонов художественно обобщил в образе Льва Ильича Пашкина. Это герой второстепенный, но ярко характерный; антибюрократические мотивы звучат у Платонова неакцентированно, попутно основному тематическому развитию повести, но сумма их создает типический образ бюрократа советской эпохи. Приведем лишь несколько примеров. Из победной реляции о быстром развитии в СССР маргариновой промышленности Троцкий делает такой вывод: «...появление суррогата означает (...) что в Советском Союзе имеются два класса потребителей: один предпочитает сливочное масло, другой мирится с маргарином»; в «Котловане» сливочное масло прямо названо «зажиточным веществом». Троцкий пишет о том, как ценят жены бюрократов возможность пользоваться «хорошими духами»; Платонов изображает одну из таких жен, Ольгушу Пашкину, которая «у пудренного столика (...) свою рожу уснащает». Троцкий сравнивает автомобиль, возвышающий бюрократа над пролетарием, с конем, который в средневековье отличал феодала-риттера, т. е. всадника, от крестьянина; в «Котловане» автомобиль — универсальная метафора, знак принадлежности или приобщения героя к бюрократическому правящему классу. Троцкий отмечает: «Слово «совбур» — советский буржуа — в применении к привилегированному сановнику очень рано вошло в рабочий словарь»; платоновский Жачев называет Пашкина «буржуем», а все, что с ним связано, — «буржуйским» («буржуйская пища»).

Носителем идей Троцкого у Платонова оказывается сюжетный антипод Пашкина — бездомный инвалид Жачев. Он, как и Троцкий, фанатик революции; их роднит непримиримость к «классовому врагу» — в позиции Жачева писатель доводит ее до гротеска: инвалид согласен признать классово чистыми, «социалистическими», только детей, родившихся после революции, и вынашивает планы умерщвления всех прочих людей. Жачев и личными своими чертами походит на «неистового Льва»: он беззастенчив, по-своему красноречив, склонен к демагогии (этим, впрочем, отличаются все «политизированные» герои повести: Пашкин, Козлов, Сафронов, активист). В уста Жачева, который ненавидит лютой классовой ненавистью Пашкина и его жену, писатель вкладывает все антибюрократические высказывания «Котлована», его глазами показывает жизнь «новых буржуев». Если сформулировать его взгляды на мир в терминах марксистской риторики, они вполне совпали бы с выводом Троцкого: «Лимузины для «активистов», хорошие духи для «наших женщин», маргарин для рабочих, магазины-«люкс» для знати, вид деликатесов сквозь зеркальные витрины для плебса, — такой социализм не может не казаться массам новой перелицовкой капитализма».

Одним из основных положений платформылевой оппозиции было разоблачение невероятных темпов сверхиндустриализации,

авантюризма первого пятилетнего плана, который нашел свое полное выражение в лозунге «пятилетку — в четыре года!» В «Котловане» сатирой на политику «большого скачка» становится разговор Пашкина с «главным революционером в городе»: «сытный бутерброд» можно не подымать с пола, так как «на будущий год запроектировано сельхозпродукции по округу на полмиллиарда»; «революционер» походя распоряжается «разрыть маточный котлован вчетверо больше»; столь же спонтанна и встречная инициатива Пашкина — «увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз».

Привязана к политическим реалиям своего времени и центральная метафора повести — котлован под общепролетарский дом. В 1924 году Сталиным была впервые выдвинута теория построения социализма в *отдельно взятой* стране (она подвергалась постоянной критике Троцкого). В «Котловане» социализм для *всемирного* пролетариата строят уже в *уездном* масштабе.

Социально-критические мотивы повести явно и по многим направлениям перекликаются с тезисами Левой («троцкистской») оппозиции. Это свидетельствует о сознательной ориентации писателя на идеологический контекст эпохи, на читателя, который воспринимает проблемы индустриализации (у Платонова — «темпы»), коллективизации («генеральная линия»), перерождения бюрократической партийно-советской верхушки («буржуй») в контексте партийных полемик 1920-х годов.

Канд. филол. наук Т. М. Вахитова (ИРЛИ) в докладе «Фольклорные особенности произведений А. Платонова 20-х годов» говорила о том, что проза А. Платонова рубежа 20—30-х годов занимает особое место в его наследии, отличаясь специфическим, насыщенным аномалиями языком и постоянной сюжетно-композиционной организацией (жанр «путешествия»). Этот феномен пытались объяснить влиянием разного рода литературных и художественно-философских традиций: Гоголя и Достоевского, русского авангарда и сюрреализма, экзистенциализма и примитива. Не менее важной представляется ориентация писателя на фольклорную традицию, которая в платоновском творчестве этого периода носит не частный, а принципиальный, обобщающий характер.

Нельзя не заметить, что общие принципы поэтики, по которым выстроены «Че-Че-О», «Чевенгур», «Усомнившийся Макар», «Первый Иван», «Котлован», «Впрок», в общих чертах укладываются в схему русской бытовой сказки и близкого к ней жанра былички). Опираясь на классификацию В. Я. Проппа, можно выявить три группы проблем для дальнейшего сравнительно-типологического анализа: изображение реальности; герои; сюжетно-композиционные принципы.

1. В русских бытовых сказках, как и в бывальщинах, изображается только реальный, а не волшебный мир. Он живой, предметный, насыщенный конкретными реалиями крестьянской жизни, но изображается он обобщенно, без подробной детализации. Быт составляет не фон, а является материалом для произведения. Пейзаж в фольклоре обычно либо отсутствует, либо намечен в самых общих чертах.



Давно отмечены условность и обобщенность изобразительной ткани платоновских вещей. У Платонова нет конкретных описаний обстановки, где происходит действие: ни пивной в «Котловане», ни «Института душевноболящих» в «Усомнившемся Макаре», ни коммуны «Дружба бедняка» в «Чевенгуре», хотя место действия указано точно — юг Новоселовского уезда. Последний факт также свидетельствует о близости к быличке, в которой рассказчик для придания реальности излагаемому обычно указывает конкретную деталь, точную дату и место происходящих нереальных событий. Платонов очень часто использует этот прием. Например, в рассказе «Первый Иван» он упоминает книгу В. Г. Корнева «Всасывающая сила почвы и принципы системы автоматического орошения почвы». Писатель не только излагает содержание этого труда, но и приводит выводы научной комиссии, оценившей достижения Корнева. Кроме того, он указывает название института, который выпустил эту книгу, и дату выхода ее в свет — 1925 год. А вслед за этим идет описание совершенно фантастических опытов героев рассказа, которые выпускали положительные электроны в небеса, а отрицательные спускали в землю, где, якобы, от этого в несколько раз лучше всходили посевы.

Сверхъестественность и фантастичность, которые есть в бытовых сказках и быличках, не нарушают естественных законов природы, но особым образом трансформируют реальность, выворачивая ее наизнанку. Природа сверхъестественного у Платонова также не нарушает общего хода вещей и существует как в политических формах (коммуна), так и в технических (изобретение), и в фольклорных (медведь в «Котловане»). Несмотря на реалистический способ и стиль подачи материала, этот элемент «сверхъестественного» у Платонова деформирует реальность, которая существует по странной прихоти соединения «логики повседневности» и «логики чудесного» (С. П. Залыгин). Изображение времени и пространства у Платонова также подчинено фольклорным законам. Пространство у него почти всегда эмпирично — это то пространство, которое в момент действия окружает героя; вещи, недоступные взгляду персонажа, не изображаются. В прозе Платонова рубежа 20—30-х годов можно отметить и фольклорную «несовместимость времен». Когда один герой действует, другой обычно спит. Когда Дванов спит у Феклы Степановны, Копенкин на Пролетарской Силе его ищет; когда Вошев вместе с рабочими засыпает на котловане, на сцену выходит со своими ночными думами Прушевский. Время у Платонова, как и в фольклоре («долго ли, коротко ли»), не ощущается как реальная категория; такое впечатление, что времени нет вообще, хотя приметы его постоянно автором подчеркиваются.

2. Почти все герои Платонова этого периода отличаются какой-то странной умственной недостаточностью. У Макара — «порожняя голова»; герой хроники «Впрок» «не имел глубокого разума, способного прорывать колеблющую пленку явлений, чтобы овладеть ее сущностью»; Вошев потерял истину; Саша Дванов не видел границы между умом и телом; Копенкин не умел долго думать и говорить,

у него внутри возникал шум. И даже Вермо — представитель технической интеллигенции — не знал, чем занять свой ум, и поэтому воображал себя то паровозным машинистом, то летчиком воздухофлота. Один из героев очерка «Че-Че-О» честно признается автору: «У меня ум за разум зашел». Постоянный акцент Платонова на недостатке ума у своих персонажей (наиболее характерен в этом смысле зачин рассказа «Первый Иван») позволяет предположить, что в основе цикла произведений Платонова конца 20-х—начала 30-х годов лежала бытовая сказка о дураках.

Образ героя-дурака в бытовых сказках не так уж прост, он сочетает в себе разные характеристики: дурак-хитрец, дурак-обманщик, дурак-глупец, дурак-мудрец, дурак-аспид... В эти годы Платонов постоянно размышляет над этими персонажами. Об этом свидетельствуют его записные книжки, а одна из записей подводит итог этим размышлениям: «Сознание себя Иванов-дураком — это самосознание народа. Самое такое самосознание показывает, что мы имеем дело с народом-хитрецом, с умницей, который жалеет, мучается, что живет в дурацком положении».

Существенной особенностью этого героя является странное поведение. «Когда герой сказки дурак, — пишет В. Я. Пропп, — то это означает не только его глупость, но и необязательность для него — а следовательно для повествования — тех норм поведения и последовательности в поступках, которые определяют собой действия слушателей и нормы их поступков в жизни». Анализ поведения платоновских персонажей позволяет сделать вывод об их «странности» и неподчинении логике причинно-следственного мышления, по которому существуют герои литературы. Фольклорная логика их действий зачастую психологически не мотивирована и не объясняется исторической последовательностью событий.

3. «Беспричинные» действия персонажей сказки обуславливают своеобразную композицию фольклорных произведений. Она в большинстве случаев представляет собой цепь разрозненных эпизодов, как бы нанизанных на стержневой путь героя. Зачастую рассказы компонуют сюжет из нескольких сказок, соединяя разные истории и сюжеты. Текстологические разыскания показывают, что примерно таким образом формировал свои произведения этого периода и А. Платонов. В конце 1929 года Платонов пишет «были из жизни массового человека»: «Умственный хутор», «Послушайте рассказ об одном мужике, который перехитрил целое государство», «Наследники Ленина», «Масло розы». Именно из этих «былей» монтируется рассказ «Усомнившийся Макар» и хроника «Впрок». Не вошедшие в эти вещи фрагменты после авторской правки вводятся в «Котлован».

Сознательная ориентация Платонова на фольклорный жанр «былей», своеобразный «фольклорный» метод работы над текстами позволяют рассматривать его прозу этого времени не как «серьезную» авторскую литературу, а как «игровой» материал, в котором действительность сконструирована из определенных символов реального и сказочного характера, где нарушена привычная иерархия

ценностей и ориентиров, а жизнь «выворочена наизнанку». По-видимому, разочарование в утопии коммунистической и противостояние официозу ввергло в конце 20-х годов ряд писателей в утопию «игровую», фольклорную («Необыкновенные рассказы о мужиках» Л. Леонова). Изучение этой «игровой», нетрадиционной литературы требует нетрадиционных методов и исследователей, которые, надеюсь, скоро появятся.

Канд. филол. наук **Е. И. Колесникова** (ИРЛИ) выступила с докладом на тему «Религиозное сознание и творчество Андрея Платонова»

При всей загадочности платоновского творчества в нем можно проследить некоторые объективные мировоззренческие составляющие. Платонов отразил трагический перелом массового русского сознания, до начала XX столетия существовавшего на основах целостного христианского миропонимания. Уверовав в абсолютную силу и мощь человеческого разума, религиозное ощущение русского народа, за 900 лет создавшее великую духовную культуру, было отброшено в мир сказочности и мифа. Эта же проблема оказалась объектом серьезного научного анализа в целом ряде социологических, исторических и философских исследований, среди которых наиболее близок нам по теме сборник «Проблемы русского религиозного сознания», вышедший в Берлине в 1924 году. Среди его авторов — Б. П. Вышеславцев, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и другие.

Состояние современного им сознания авторы сборника оценивают как промежуточное между религиозностью и безрелигиозностью, хотя такое равновесие и непродолжительно, ибо, как пишет Вышеславцев, «религия, устремленная к Богу-вседержителю, требует универсальной гармонии, требует положительного всеединства». В сознании человека XX века утвердилась смесь религии и безрелигиозности, подлинный же атеизм, продолжает Вышеславцев, очень редок; обыкновенно он подменяется идолопоклонством. Для человека легче всего сотворить себе кумира, как Ницше из «Свех-человека» или Штирнер из самодовлеющего «я».

Таким образом, духовная жизнь современного человека представляется авторам сборника довольно путаной. Распалась целостная картина мира, даваемая православием, утрачена, по словам Карсавина, «связь всего с абсолютным и абсолютного со всем». Именно теперь стал возможен вопрос со стороны человека: полезен ли он в мире, или все без него благополучно обойдется? Платонов попытался заглянуть в этот гигантский духовный разлом и констатировал, что «человек остался без Бога и Бог без человека». Личность оказалась оторванной от сверхличностных онтологических корней.

Здесь перед нами — важный этап внутренней эволюции самого Платонова. Если раньше его герои были уверены в необходимости улучшения окружающей действительности, то к началу 30-х годов они уже не столь активны и целеустремленны. Писатель показал, как мир в глазах человека, дерзнувшего усомниться в целесообразности его устройства, вдруг распался, как разбитый калейдоскоп,

на отдельные части — безымянные сиротливые листочки, в которые теперь именно ему, одинокому человеку, предстояло вдохнуть смысл бытия, своим сознанием сотворить мир. Но человек, решивший изменить мир, оказался отброшенным далеко назад, и ему уже не под силу даже объяснить этот мир, который проплывает мимо него отдельными фантомами: в жарком мареве степи растворяется призрачный всадник на богатырском коне в погоне за видением неведомой Розы Люксембург, над огромной могильной пустотой вырастает мираж общепролетарского дома, сквозь кровь и слезы мерещится заветная республика Чевенгур. И человеку хочется удержать в памяти хоть что-нибудь, хоть малую частицу этого мира, ведь он уже не имеет представления о всеобщей Премудрости, красоте и единстве бытия. Герои без Бога пребывают в сиротстве, «живут благодаря одному рождению».

Поиски истины ведутся рожманентно, из внутреннего источника человеческой личности. Не случайно евангельские мотивы остаются в повестях Платонова только авторскими посылками, которые герой в данном измерении решить не в состоянии. Он так и остается «нищим духом», с тоской на сердце. Можно предположить, что духовные поиски были мучительны не только для героев, но и для самого писателя. В его рукописных заметках есть запись: «Не Христос и не Антихрист, не среднее, а другое — не третье, а другое именно».

Канд. филол. наук **Т. А. Никонова** (Воронеж) обратилась к теме «**Андрей Платонов в литературе конца двадцатых годов**».

Легко заметить, что до сих пор А. Платонов ощущается нами как некое отдельно стоящее явление, достаточно сложно соотносимое с литературой своего времени. Отмечены, правда, отдельные связи, идущие к творчеству А. Платонова извне, его переключки с тем или иным художественным явлением, с отдельным современником. Однако чаще всего цель этих наблюдений — подчеркнуть самобытность, неповторимость мира Платонова. Между тем существовало и иное движение, идущее от А. Платонова. Присутствие в литературе художника такого масштаба и напряжения не могло пройти бесследно, как бы ни старались официальные литературные круги ослабить и ограничить его влияние.

Одним из отчетливо ощущаемых последователей А. Платонова современниками был признан Андрей Никитович Новиков, долгие годы поддерживавший личное знакомство и близко общавшийся с Платоновым. Однако А. Новиков не был эпигоном, питающимся близостью гения. Да и сама эта близость была небезопасна, если учитывать литературную репутацию А. Платонова. Достаточно легко увидеть его влияние на уровне стиля (например, рассказ А. Новикова «Обиход вольного разума», 1929), на уровне общей трактовки явления, композиции («Причины происхождения туманностей» А. Новикова, 1929 — «Город Градов» А. Платонова, 1926). А. Новиков и не скрывает этой близости, прямо цитируя платоновского «государственного человека» И. Шамова в повести «Причины происхождения туманностей».

Однако плодотворность тех идей, которые А. Новиков разделил с А. Платоновым, сказались прежде всего в том движении, которого требовали эти идеи. А. Новиков сохранил свой изначальный интерес к деревенскому герою, пришедшему в новый мир революционных потрясений с «вольным разумом», не желающим покоряться чужому решению. Он сохранил интерес к быту, семейному укладу. Его привычный герой хозяйствен и прижимист, домовит, живет так, как завещали отцы. Сегодня это может показаться странным, однако было достаточно непросто исповедовать такую позицию в начале 30-х годов, когда усиленная мифологизация литературы стремилась к своему апогею, когда заканчивалось формирование «безытного» мировоззрения и образа жизни. Уметь думать не как все помогало одно присутствие А. Платонова и его произведений, в которых неостановимо развивалась авторская мысль.

А. Новиков, как и А. Платонов, не становится в переломные 1929 и 1930 годы на сторону официальной точки зрения, осмеивающей хозяйственного мужика и трактующей его как представителя мелкобуржуазной стихии. Рядом с «Усомнившимся Макаром» и путником, сделанным «из телячьего материала мелкого настороженного мужика» («Впрок»), вырастает фигура новиковского Прохора Матвеевича Сокова из повести «Комбинат общественного благоустройства» (1929). Творческий диалог с А. Платоновым в этой повести переходит в новую стадию. «Комбинат общественного благоустройства» развивает тему, которая так публицистически прямо в творчестве А. Платонова, пожалуй, и не заявлена. А. Новиков в этой повести ведет речь о том, что развитие страны после революции пошло не в сторону «утепления» жизни — решения проблем и нужд «низового человека», а по линии индустриализации и коллективизации. Вместо комбината общественного благоустройства большевики начинают строить в городе металлургический комбинат и создавать опустошенное место в деревне, не желая замечать, что «низовому человеку» нужна «пуговица к штанам, а не трактор». Одичавшие, безытные люди, с точки зрения А. Новикова, ничего построить не смогут. Они стремятся забыть свое прошлое, стыдятся своих предков, уничтожают своих будущих детей, спеша в то будущее, куда зовут их газеты и популярные брошюры.

Главный герой повести Прохор Матвеевич Соков — «герой постепенности», как определяет его автор: он идет туда же, куда и все, — в социализм, но прийти в него он хочет со своим самоваром, не утратив уважения к дому, семье, своим предкам.

Публицистическая прямота письма, всегда свойственная А. Новикову, в данном случае не мешает четкости авторской позиции. Повесть «Комбинат общественного благоустройства» — вполне закономерный шаг после «Причин происхождения туманностей», ибо протест против бюрократизации всей страны воспринят А. Новиковым, как и А. Платоновым, в плане защиты человека, его права на суверенность своей судьбы. Повесть А. Новикова, как и произведения А. Платонова «переломных» лет, вступала в неприкрытый спор с тем мироощущением, которое становилось господствующим.

Доктор филол. наук **В. В. Агенозов** (МГПУ им. В. И. Ленина, Москва) начал свое выступление с замечания о том, что если в свое время, стремясь «втиснуть» А. Платонова в рамки «социалистического реализма», многие литературоведы наделяли писателя большевистской партийностью, то сегодня наблюдается противоположная тенденция: в статьях Н. Ивановой, И. Золотусского, Е. Евтушенко и многих других подчеркивается антикоммунистическая направленность «Чевенгура», «Ювенильного моря» и даже «Джан», не говоря уж о «Котловане», а их автор превращается в мрачного экзистенциалиста, говорящего о трагедии жизни. Между тем, на взгляд докладчика, А. Платонов не был ни большевиком, ни антикоммунистом. Но коммунизм исповедовал. Другое дело, что коммунизм для Платонова не политическая организация, а философская категория: бытийное состояние всеединства, общности людей, природы, космоса — Тайна, путь к которой нелегок. Такое представление сродни народным легендам о Беловодье и Реке Дарье, о Китеж-граде. Все творчество писателя было испытанием разных путей к обетованной земле, путей, полных поражений и открытий в «Чевенгуре», трагически ошибочных в «Котловане», во многом плодотворных в «Джан».

В «Чевенгуре», по словам вышеназванных критиков, смертью ребенка отрицается всякая идея коммунизма. На первый взгляд это так. «Троице», которую застал в разрушенной церкви Копенкин, так и не удалось сотворение нового мира, а из Чепурного не получился Спаситель. Больше того, подлинный Христос («высокий дальний человек», «окруженный воздухом, только подошвы еле касались земной черты»), поманив издали чевенгурцев, прошел мимо их царства. «Сочельник коммунизма» не перешел в рождение и крещение. Тем не менее Платонов не счел нужным завершить на этом роман. Напротив, вся последующая часть проходит под знаком символической пасхальной заутрени. В музыке ее колоколов заложена и идея движения вперед, и предвидение дороги без конца. С приходом в Чевенгур Саши Дванова и Гопнера закон прежнего Завета заменяется Благодатью, коммунизм распределительный — идеей трудовой жизни, но не для обогащения, а для блага товарища. При этом нас не должно смущать то обстоятельство, что в мире Платонова герои часто делают бесполезные вещи, как это смутило прагматика Сербинова. Бесполезные вещи полезны в высшем смысле. И не случайно многое из того, что создают герои Чевенгура, воплотится с общественной пользой в «Ювенильном море» и повести «Впрок».

Итак, если на первой стадии развития Чевенгура «сочельник» завершился смертью ребенка, то на второй, «пасхальной», произошло не менее символическое выздоровление Якова Титыча. Знаменательно, что «круглый сирота» Яков Титыч обретает мальчика Егория, чье имя в контексте имен русских святых говорит само за себя.

Сушественно, что Чевенгур погиб не тогда, когда в нем совершались кровавые злодеяния, а теперь, когда забрезжило верное решение. Чевенгурцы почти вплотную подошли к решению историсофской проблемы будущего России, их город был готов слиться с тем чудо-го-

родом, описанием которого заканчивалась вторая часть романа, но погиб так же, как погибла новая экономическая политика, погиб от наступления Котлована. Из этого, однако, не вытекает, что история завершилась, о чем свидетельствует финал романа.

Такая трактовка позволяет, с одной стороны, воспринимать Платонова во всей его сложности, показать трагическое несоответствие его коммунизма реальности жизни, с другой — подчеркнуть принадлежность писателя к той великой традиции русской литературы, которая требовала, правдиво изображая жизнь, верить в торжество духовности и добра.

Доктор филол. наук А. А. Газизова (МГПУ, Москва) сказала о том, что самое драгоценное в А. Платонове — его опыт оправдания человека. Он вышел за пределы культуры отрицания, за рамки монотеизма, ушел, как сам считал, «в «низкую» действительность, откуда все стремятся уйти». Там он выбрал своего героя — маргинального человека, чтобы сказать о тайне его пути в основной текст бытия. Он сделал видимой массовую маргинальность и неотступно свидетельствовал, что и «выброшенные» люди *изнутри* способны к труду познания мира и себя в нем и совершают этот труд. Их скитания, говорит А. Платонов, — в поисках смысла существования. Изнутри хаоса они находят свою связь с космосом. Очень важно: эта связь со сверхличным у каждого своя, интимная, освобождающая.

А. Платонов не измеряет мира одной правдой, не утверждает в нем единственного способа жизни, не оценивает чужую культуру с точки зрения своей, не обращает в свою веру и на ней не настаивает. Его мир не бинарен, крайности в нем не разведены. В платоновском мире происходит «сшибка», «соударение», смешение «живых существ», культур, эпох, сознаний и поведений, классических принципов и неклассических ситуаций — «общий конгломерат», по слову А. Платонова. Он моделирует не «лестницу эволюции», а хаос творения — ведь мир не сотворен, он каждый миг творится, жизнь каждого подчинена творению. Платоновские герои выброшены в хаос и во внешнем движении справиться с хаосом не могут, сколько бы ни старались. Но на сокровенной, внутренней дороге они выходят на встречу с мыслью, порожденной движением в хаосе: что есть я? А. Платонов доверился познающей мысли маргинала и в ней, корявой, смутной, путаной, не умеющей себя выразить, обнаружил чистую функцию разума — искание смысла в хаосе и в себе.

В платоновском оправдании человека выразилась генетическая традиция национального думания о мире и человеке. В учениях русских философов начала века жизнь человеческого духа осмыслена как особая реальность, названная «ненаблюдаемой», «третьей онтологической». Она странным образом объединяет материю и дух, жизнь человека и космическое бытие. Это дом всечеловеческой памяти, из него идут к людям «сигналы припоминания». Вошев так и говорит: «Смысл жизни надо не выдумать, а — вспомнить».

Писатель Андрей Платонов взялся за изображение пробуждающегося сознания нового типа, которое олицетворил — пронзительно и пророчески — в метафорическом Медведе: уже не зверь, но еще

не человек, — и в Степане Копенкине, в котором есть и рыцарь революции, и каратель, и убийца, и святой.

«Человек сам себя не знает, — говорил А. Платонов, — его должен узнать писатель». А. Платонов изнутри узнал маргинального человека нового времени и не захотел в нем разочароваться. Горечь отрезвления он превозмогал теплой верой в живую жизнь, которая сильнее распада и дает человеку силы выходить из кризиса сознания.

Доктор филол. наук **Л. П. Егорова** (Ставрополь) поделилась своими наблюдениями по поводу хранящейся в РГАЛИ стенограммы обсуждения рассказа А. П. Платонова «Среди животных и растений» (ф. 631, оп. 2, ед. хр. 162), которое состоялось в Союзе писателей СССР в июле 1936 года (в нем участвовали Шкловский, Брайнина, Гехт, Пакентрейгер и др.). Докладчица привела в своем сообщении ряд непосредственных литературно-критических оценок творчества писателя, содержащихся в стенограмме, которые позволили ей уточнить социально-философский контекст, в котором воспринимался рассказ. Важное место в докладе заняло сопоставление опубликованного текста рассказа «Среди животных и растений» и его более ранней редакции, текст которой приложен к стенограмме.

Аспирант **В. А. Колотаев** (Ставрополь) в докладе «**Мифофольклорные основы в романе Андрея Платонова «Чевенгур»**. Пространство дома» продолжил рассмотрение крупнейшего произведения писателя как волшебной сказки, остановившись на этот раз на некоторых особенностях хронотопа платоновского романа. Им были рассмотрены такие ключевые для Платонова антиномии, как дом — антидом, ночь — день и другие.

Ст. преп. **С. С. Сыч** (Гродно), остановившись в сообщении «**Фантастика у А. П. Платонова и Л. М. Леонова**» на проблеме соотношения социально-политических реалий и фантастического начала в творчестве двух крупных писателей-современников, пришла к выводу о максимальной приближенности фантастического мира Платонова к социальной действительности.

На заседании состоялось живое обсуждение прозвучавших докладов и выступлений, развернулась острая дискуссия по целому ряду затронутых в них проблем. Особое внимание участников семинара привлекли вопросы, связанные с эсхатологическими произведениями Платонова 40-х годов, проблемы интерпретации мировоззренческой позиции писателя в контексте современных ему политических идей, связь творчества Платонова с наследием его непосредственных предшественников — поэтов и философов «серебряного века».

**V Платоновский семинар**  
**Проблемы эволюции творческого сознания**  
**Андрея Платонова**  
**(27—28 октября 1993 года)**

В обращенном к участникам семинара напутственном слове доктор филол. наук **Н. А. Грознова** напомнила о необходимости поиска



целостных подходов к творчеству Платонова, литература о котором уже огромна и изобилует различными суждениями и точками зрения. Призвав рассматривать художника не только в горизонтальной связи с теми явлениями жизни, которые лежат рядом с ним, но и как вертикальную силу космоса, Н. А. Грознова сравнила А. Платонова с тремя другими русскими мыслителями XX века, родственными ему по силе откровений человеческого бытия и по тем истинам, которые они принесли в мир: В. И. Вернадским, А. Ф. Лосевым и Л. Н. Гумилевым.

Семинар открыл доклад доктора филол. наук **Н. В. Корниенко** (ИМЛИ, Москва) «**Вопросы эволюции в свете текстологии А. Платонова**».

Н. В. Корниенко подчеркнула важность вопросов эволюции при написании творческой истории любого текста Платонова. В частности, необходимо видеть, как писатель переводит свои неопубликованные художественные тексты на язык статей, рецензий, чтобы донести до читателя ту или иную запрещенную тему.

Сам Платонов оставил нам много свидетельств об этапах своей эволюции. На примерах из автобиографии (характеризующей первый период творчества Платонова), сборника «Епифанские шлюзы» (второй период), дневниковых записей (третий период) докладчица подвела к выводу: для Платонова, художника философского склада мышления, вопрос эволюции и рефлексии о собственных этапах пути — естествен.

Н. В. Корниенко подчеркнула, что вопросами эволюции Платонова занимались уже при его жизни критики писателя. Особо был отмечен вклад А. Гурвича, который в своей известной статье 1937 года («Андрей Платонов») предложил анализ сквозных мотивов творчества Платонова. В концепции Гурвича эволюция мотивов и стабильность философского, психологического содержания предстали как основные характеристики мировоззренческого поля А. Платонова.

Далее Н. В. Корниенко предложила собственную периодизацию творчества писателя: воронежский период (внутри которого тоже есть дробление); 1927—1928 годы, вокруг романа «Чевенгур»; постчевенгурский период — без четких хронологических границ, определяемый циклом произведений (рассказы, повести «Котлован», «Ювенильное море», «Инженеры», «Техническая повесть», и — в центре периода — неизвестный роман о Стратилате); 1933—1937 годы (рывок к третьему роману — «Счастливая Москва»); и, наконец, пятый период, который начался в 1937 году, когда после трех неопубликованных романов появятся новые по своей поэтике рассказы из сборника «Река Потудань» и будет сделана заявка на новый роман — «Путешествие из Ленинграда в Москву» (который «держит» все творчество писателя до 1941 года). Здесь вырастают новые рассказы, сказки, рассказы для детей; кроме того, Платонов пытается перевести рассказы на язык драматургии. Наконец, особое место в эволюции писателя занимают военный период и послевоенный период.

Затем Н. В. Корниенко поставила еще одну проблему, принципиально важную для понимания эволюции Платонова — проблему

«периодов молчания», и указала на то, что именно в периоды молчания особенно наполняются записные книжки писателя, которые можно рассматривать, таким образом, не только как подспорье для изучения его художественных текстов, но и как самостоятельный жанр.

Отметив, что литературоведами пока не освоены драматургия и сценарии писателя, докладчица указала на взаимосвязи между драматургическим и прозаическим жанрами у Платонова, на жанрово-родовые трансформации внутри каждого из периодов платоновского творчества. В заключении своего доклада Н. В. Корниенко остановилась на вопросе о цензуре и показала на ряде конкретных примеров, что цензура часто становилась фактором развития художника, поскольку многие новые тексты А. Платонова появились в результате запрета предыдущих произведений. (Основные положения доклада отражены в статье Н. В. Корниенко, которая публикуется в настоящем сборнике).

По завершении доклада Н. В. Корниенко пришлось, как обычно, ответить на большое число вопросов участников семинара, которые касались как затронутых в докладе тем (темы Стратилата, романа «Путешествие из Ленинграда в Москву», правомерности исследовательских периодизаций), так и других сторон творчества А. Платонова (сборника «Голубая глубина», «покаянных писем» Платонова, тем «Платонов и Булгаков», «Платонов и Шолохов»).

Доктор филол. наук **Н. М. Малыгина** (МПУ, Москва), продолжая дискуссию, развернувшуюся вокруг доклада Н. В. Корниенко, предложила свое понимание ответа на прозвучавший вопрос о том, применимо ли вообще к платоновскому творчеству понятие эволюции. По мнению Н. М. Малыгиной — нет; к Платонову вообще неприменим принцип монолога, только принцип диалога. Все абсолютные идеи даны у него в диалоге. Что бы ни утверждал любой из его героев, в том же произведении обязательно есть прямо противоположное мнение, высказанное другим героем. Основной принцип творчества Платонова, сказала Н. М. Малыгина, это принцип всеединства (этот принцип философии В. Соловьева уже не раз применялся в разговоре о Платонове). Творчество Платонова существует в целом. Это единая книга. Каждое его произведение вбирает в себя отзвуки всего творчества, потому, чтобы что-то в Платонове понять, надо знать все. Каждое произведение — сжатый конспект всего творчества Платонова. Это, в частности, можно сказать и о сборнике «Голубая глубина». Платонов пришел в литературу со сложившейся внутренней программой, которую он воплотил в стихах, помещенных в этом сборнике, а на другом языке изложил в брошюре «Электрофикация». О том же и «Рассказ о многих интересных вещах», и опять Платонов использует новый язык.

Платоновская модель сюжета — путешествие героя вверх (к высшему не только в смысле пространственном, но и в смысле духовном). Америка, появляющаяся как определенный этап пути героя, фигурирует во многих произведениях Платонова, и являет собой один из этапов движения вверх. В то же время мы никогда не сможем понять до конца мир Платонова, сколько бы новых текстов

для себя ни открывали, хотя о структуре этого мира можно говорить уже сейчас.

Основной темой доклада Н. М. Малыгиной была типология платоновских героев, ее истоки, принципы создания образов. Элементы этой типологии встречаются уже на раннем этапе творчества писателя. Большинство персонажей наделяются автобиографическими деталями. В основном перед нами действует целостный автобиографический персонаж. Наиболее близким Платонову персонажем Н. М. Малыгина считает А. Дванова. Писатель сам мог «раздваиваться» и отдавать героям разные стороны себя самого. В этом мы видим линию развития, ведущую от Достоевского к поэтике художественного авангарда (и прежде всего, конечно, близость к Филонову с его эстетикой элементов и частей). Существуют и сквозные мотивы сюжета, которые переходят из «Голубой глубины» в другие произведения.

По мнению докладчицы, эволюция Платонова представляется следующей: существует изначально общая картина мира Платонова, который в разных своих произведениях может выдвигать на первый план разные ее аспекты. То, что в одних произведениях носило эпизодический характер, в других становится главным. Та или иная тема или проблема исследуется более подробно, а затем возвращается обратно в общую картину. Значит, и мы должны изучать Платонова таким же образом: от целого — к части — и обратно к целому. Появление новых интерпретаций давно известных исследователям сюжетов и коллизий Платонова связано не только с цензурой, но и с принципами самого платоновского творчества. Ему хотелось и то, и другое показать с разных сторон. А значит, сказала в заключение Н. М. Малыгина, мы можем говорить о периодах, но в строгом смысле слова эволюции в творчестве Платонова не было.

Канд. филол. наук **А. А. Харитонов** (ИРЛИ) представил вниманию участников семинара доклад **«Эпилог «Котлована» как свидетельство исканий Платонова на рубеже 1920—1930-х годов»**. Опираясь на анализ источников текста «Котлована», хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ, докладчик охарактеризовал существующий изданный текст «Котлована» как искаженный. Одно из самых существенных его искажений — отсутствие публицистического эпилога повести. Причине появления этого финала текста был посвящен краткий анализ идейного содержания «Котлована», который позволил А. А. Харитонову прийти к выводу: основной текст повести завершается как пропасть отчаяния не только социального, но и трансцендентального. Скорбная безысходность запечатленного в произведении взгляда на мир не удовлетворила А. Платонова, не желавшего принимать мрачные итоги нарисованной им эсхатологической картины. Неспособность разочаровавшегося в действительности художника отказать и от всякой надежды, неприятие объективного смысла своего произведения заявлены в открыто публицистическом эпилоге повести. Потому, по мнению докладчика, публикация рассмотренного эпилога в составе основного текста «Котлована» не только полностью оправдана текстологически, но и является необ-

ходимым условием постижения идеи повести и ее интерпретации, авторского осмысления. (Основные положения доклада вошли в текст статьи А. А. Харитонova, которая публикуется в настоящем сборнике).

Канд. филол. наук **И. В. Савельзон** (Оренбург) в докладе «**О единстве и эволюции платоновского художественного мира**», отталкиваясь от введенного Д. С. Лихачевым понятия о внутреннем мире художественного произведения, заметил, что мы не можем подходить к творчеству Платонова как к постмодернизму, скоррелизму и т. п. Структура внутреннего мира должна быть описана через три основных критерия: *человек/человечество — природа — космос*. Они есть у всех художников, но специфика их взаимодействия различна и обуславливает оригинальность каждого из них. Платоновский художественный мир, по мнению И. В. Савельзона, един во всем его творчестве. Мы выявляем структуру этого мира через постоянные платоновские образы-понятия. Наличие этих образов бросается в глаза во всем творчестве Платонова; его эволюция определяется изменением отношения автора к этим образам.

Художественный мир А. Платонова объединяет не идея или мотив, но чувство недолжного состояния неродственности всего со всем. По Платонову, все должно когда-то обрести изначальное родство. Писатель не сомневается в достижении этого идеала. Эта доминанта (ощущение неродственности) проявляет себя на разных уровнях; ему важна цель. Любой сюжет в платоновском мире, сказал в завершение своего выступления И. В. Савельзон, обречен быть неразрешенным и как бы брошенным, неразвитым, если он не направлен на создание родственности.

Доктора филол. наук А. И. Михайлов и Н. В. Корниенко не согласились с прозвучавшим тезисом о том, что у А. Платонова отсутствует система сюжетов. Отвечая оппонентам, докладчик указал на отличие прозы Платонова от сюжетных видов литературы и, сославшись на предшественников (М. Дрозда), подчеркнул, что поступки его героев объясняются не сюжетом. Канд. филол. наук В. С. Федоров обратил внимание участников семинара на принципиальную важность прозвучавшего доклада, поставил платоновские поиски единства мира в контекст движения человеческой мысли к раскрытию загадки мира как единого целого (К. Линней — Ж. Кювье — В. И. Вернадский) и указал на важность учета взглядов Ф. Ницше при изучении философии А. Платонова.

С докладом «**К вопросу о мировоззренческой эволюции А. Платонова**» выступила канд. филол. наук **Е. И. Колесникова** (ИРЛИ). Докладчица отметила, что платоновское творчество в его протяженности по сути своей являет картину духовной эволюции русского народа в первой половине XX века. Сложность и неоднородность этой эволюции выразились в открытом конфликте двух основных типов мирозерцания — «горизонтального», антропоцентрического, и «вертикального», теоцентрического.

В докладе была предпринята попытка рассмотрения взглядов Платонова в их развитии от ранней веры в бесконечные возмож-

ности человека («человечество—художник, а глина для него — Вселенная»), через многочисленные попытки отыскать свой путь, минуя и Бога, и Дьявола (см. записные книжки), через попытки проникновения сквозь телесно-душевные слои к сокровенной, духовной сердцевине человека, к православной постановке вопроса о добре и зле. Е. И. Колесникова проследила движение А. Платонова к православной онтологии; рассмотрела такие бытующие в художественном строе писателя понятия, как тоска, юродство, сиротство, любовь, с учетом смысловых отклонений от их традиционно-православного содержания.

Пронизанность платоновского творчества библейскими реминисценциями, построение художественных конфликтов в рамках христианской традиции не были для писателя чисто эстетическими приемами, а являлись следствием напряженных мировоззренческих поисков, которые, хотя и не привели его к воцерковлению, обозначали совершенно определенную тенденцию движения к православия.

Выявлению христианских и антихристианских тенденций творчества Андрея Платонова 1910—1920-х годов было посвящено и сообщение канд. филол. наук И. А. Спиридоновой (Петрозаводск).

В начале своего творческого пути А. Платонов понимал Христа как первого сознательного человека, пролетария. Революция воспринималась им прежде всего как духовный акт. В сборнике «Голубая глубина» мы видим сомнение в Земном рае, который он сам же воспекает. Особенность платоновской трактовки Христа — акцент на его человеческой природе. Платонову этого времени присущ антропоцентризм, антропотехнизм, ставка на человека, который сам сотворит земной рай. В более же поздних платоновских произведениях эта идея приводит весь мир к гибели. В своих публицистических статьях рассматриваемого периода Платонов соединяет религиозные и социальные идеи, однако собственно христианства там нет. Это антихристианский пик в творчестве Платонова, младенческое упоение диалектикой.

Пик же платоновского сомнения в самодостаточности разумного человека приходится на 1926—1927 годы (повести «Эфирный тракт» и «Сокровенный человек»). С этого времени Платонов возвращается к идеалам христианской морали: совесть как счастье, любовь как форма связи людей. Все то, что он активно заявляет в 30-х годах, возвращает нас к христианским традициям. Платонов художественно проговаривает свои собственные раздумья о Нагорной проповеди. (В развернутом виде доклад И. А. Спиридоновой опубликован в сборнике «Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата. Реминисценция. Мотив. Сюжет. Жанр». Петрозаводск, 1994).

Н. А. Грознова не согласилась с трактовкой сборника «Голубая глубина», предложенной И. А. Спиридоновой, и обратила внимание на трехчастность композиции книги, в которой лишь первая часть действительно является пролеткультовским маршем, вторая же

и третья наполнены подлинно христианским содержанием. Канд. филол. наук Т. М. Вахитова (ИРЛИ) выразила сомнение в том, что рабочая слобода начала века была кладезем христианской мудрости, и сослалась на мемуары современников, которые описывают это время как время деградации церкви и священничества. Последнее мнение оспорила Н. В. Корниенко, осветившая реальное место христианской веры в детских впечатлениях писателя (глубокая религиозность матери; место Ямской Слободы на воронежско-задонском богомольном тракте).

Доклад на тему «**Монолингвистическое сознание и язык героев А. Платонова**» был представлен аспирантом **В. А. Колотаевым** (Ставрополь). Он отметил, что персонажи А. Платонова овладели и пользуются для выражения своего миропонимания «чужим» языком, каковым, по сути, является революционный язык, особенно — революционная лексика. Она проникает в сознание с помощью митингов, печатной продукции, ликбеза и радио.

На примере мыслей Любозьева о статье Ленина «О кооперации» в докладе было показано, как усваиваются новые слова и понятия. Процесс усвоения «чужих» слов связан с особым устройством логического аппарата сознания Любозьева. Понимание слова происходит за счет отождествления предмета с предметом, без интерпретации. В подтверждение своих тезисов докладчик сослался на Ю. М. Лотмана, выделявшего два типа сознания: монолингвистичный (мифологическое сознание), который характеризуется пониманием слова за счет узнавания и отождествления предмета с собственно предметом, и полилингвистичный (современное сознание), в котором процесс понимания связан с интерпретацией, с привлечением некоего абстрактного языка.

Усвоение «чужих» слов носит не безобидный характер; «ликвидировать кулаков как класс» воспринимается буквально: их расстреливают. Языковая экспансия не только вытесняет исконную лексику, но и уничтожает ее носителей. Происходит упрощение культуры и полное ее уничтожение. Сначала коренных чевенгурцев убивают, на их место сгоняют «прочих»; потом истребляется ландшафт, который раньше воспроизводил жизнь.

Однако данная ситуация не рождена наличием мифологического сознания. Причина — люди, которые являются носителями особой ментальности. Герои Платонова из лагеря большевиков являются носителями мифологического мышления негативного, жизнеотрицающего типа. Вместо медиативных функций, сглаживающих противоречия между «жизнью» и «смертью», мышление этих персонажей ориентировано на снятие оппозиции за счет исключения из нее первой части — жизни.

В докладе «**Тема самоубийства в романе Андрея Платонова „Чевенгур“**» канд. филол. наук **В. Ю. Вьюгин** (ИРЛИ) обратился к анализу доминантного финального мотива произведения, связанного с самоубийством его главного героя. Докладчик попытался выявить противоречивый смысл совершенного героем поступка, исследуя фабулу произведения, т. е. причинно-следственные отно-

шения, в нем установленные. В. Ю. Вьюгин увидел характерную черту Александра Дванова в постоянной близости этого героя к смерти. По мнению В. Ю. Вьюгина, заслуживают внимания не только те «внешнесюжетные» столкновения героя со смертью, которые постоянно присутствуют на страницах романа, но и внутренне присущая Александру Дванову зависимость от нее. Образ отца Дванова является тем опосредствующим звеном, на котором держится внутренняя связь образа главного героя произведения с мотивом смерти. Автор постоянно указывает на заранее предуготованное сходство судеб двух персонажей.

История города Чевенгура и роман «Чевенгур» завершаются, казалось бы, общей и личной катастрофой. Однако Платонов лишает апокалиптические мотивы значения всеобщности. Платонов неоднократно замечает, что мир Дванова и тех, кто его окружает во временном и пространственном плане, — еще не весь мир, не вся Россия. Категорических выводов писатель стремится избежать.

Докладчик отметил, что мотив самоубийства относится к числу повторяющихся в творчестве Платонова. Образ Дванова в этом отношении соотносим с образами ряда других платоновских персонажей, в частности, с героями его научно-фантастической прозы. С этой точки зрения самоубийство Дванова оказывается закономерным для художественного мира Платонова явлением. Оно было предопределено отнюдь не одномоментно возникшим желанием писателя «изобразить» таким способом отказ от своих идей и юношеских идеалов, павших под ударами горькой действительности.

Канд. филол. наук **Т. М. Вахитова** (ИРЛИ) посвятила свое сообщение теме: «**Технические идеи Платонова**». Она отметила, что до сих пор не выявлены и не исследованы документы собственно инженерной деятельности Платонова: что именно он изобретал, какие у него есть патенты. Не раскрыто реальное отношение платоновских идей с конкретными научными представлениями его времени.

Докладчицей была отмечена эволюция технической темы в платоновском творчестве: в ранний период технические идеи существуют у Платонова как форма образования сюжета; позднее они становятся периферийными мотивами. Классифицируя научные идеи Платонова, Т. М. Вахитова выделила три сферы: транспорт (паровоз, самолет, трактор); промышленность (турбины, двигатели); бытовая сфера. В каждой сфере эти идеи оказываются связаны с философской и нравственной проблематикой, которая именно через технические идеи входит в творчество Платонова. Объединяющей предстает идея «электрофикации», которая просвечивает сквозь все технические изображения. Докладчица остановилась на некоторых положениях теории эфира, существовавшей в 1920-е годы в науке, и на ее трансформации в повести А. Платонова «Эфирный тракт». Охарактеризовав физическое понятие эфира на основе журнала «Вестник знания» за 1927 год, Т. М. Вахитова отметила, что А. Платонов в своем произведении вернулся назад, к механической теории, более того, оживил электроны. Значит, «Эфирный тракт» — это не научная фантастика, поскольку здесь писатель идет не вперед от науки, а назад.

Обратившись к анализу повести «Впрок», Т. М. Вахитова рассказала об идее электрического воздвигания почвы, существовавшей в 1920-е годы. Платонов и здесь отходит от реальности: его герои вводят электричество не под землю, а частично под землю, частично — в небеса.

Размышляя о прозвучавшем докладе, Н. В. Корниенко заметила, что затронутая Т. М. Вахитовой тема огромна, но должна быть осмыслена прежде всего не гуманитариями. Исследовательница указала, что соответствия между изобретениями писателя и техническими идеями, отраженными в его художественных произведениях, способны оказать большую помощь в их датировке. В. Ю. Вьюгин в своей реплике подчеркнул, что к художественному произведению мы не должны подходить как к произведению научному. Н. А. Грознова также поддержала тезис о том, что литературоведы должны реагировать прежде всего на художественную сторону творчества Платонова.

Канд. филол. наук **В. В. Перхин** (РГПУ, Санкт-Петербург) в сообщении «Платонов и Запад» рассмотрел преломление в творчестве А. Платонова одного из важнейших принципов романтической эстетики — романтической иронии. Ее суть — утверждение человеческой свободы, игрового отношения человека к миру, что соответствует платоновскому отношению к миру а 30-х годах. Оттолкнувшись от факта конкретной литературной аллюзии — упоминания в романе «Чевенгур» книги Л. Тика, которую читает Александр Дванов, — исследователь показал, что стихия иронии и игровой романтический принцип пронизывают произведения Платонова. По мнению В. В. Перхина, проявления скрытой иронии мы находим и в поздних художественных произведениях писателя («Бессмертие»), и в его литературно-критических работах (статья о Пришвине).

Завершило программу V Платоновского семинара выступление **Д. Кудри** (Москва), редактора журнала «Здесь и теперь», посвящающего значительную часть своей печатной площади публикации текстов А. Платонова и исследований и его творчестве. Д. Кудря рассказал о планах редакции и пригласил к сотрудничеству заинтересованных исследователей.

## **VI Платоновский семинар** **Итоги и проблемы изучения творчества А. П. Платонова** **(26—27 октября 1994 года)**

Открывая заседание семинара, доктор филол. наук **Н. А. Грознова** представила собравшимся новые книги о Платонове, вышедшие за последний год, и новых участников Платоновского семинара, поделилась планами платоноведческих изданий Отдела новейшей русской литературы Пушкинского Дома, обозначила некоторые непростые и спорные вопросы, которые по-прежнему стоят перед исследователями творчества Платонова.

Канд. филол. наук **А. А. Харитонов** (ИРЛИ) выступил с информационным сообщением о научных симпозиумах, прошедших в связи с 95-летием со дня рождения А. П. Платонова: Вторых Платоновских



чтениях в Воронеже (7—8 октября 1994 года) и Международной научной конференции «Андрей Платонов и русская культура XX века» в Москве (17—19 октября 1994 года), а также о создании и планах деятельности Общества Андрея Платонова.

Канд. филол. наук **Г. В. Филиппов** (ИРЛИ) в своем выступлении «Три финала „Котлована“» обратился к ранее уже звучавшей на Платоновском семинаре проблеме. Охарактеризовав некоторые из известных исследователям источников текста повести (рукопись и машинопись, хранящиеся в ИРЛИ, и публикацию в «Новом мире»), докладчик высказал мнение о том, что вопрос о том, кому принадлежат вымарки и купюры, сделанные в тексте (как восполненные, так и не восполненные в «Новом мире»), остается открытым и, возможно, так никогда и не будет решен. Платонов хотел напечатать «Котлован» в силу своей наивности, и он вполне мог, по мнению Г. В. Филиппова, из конъюнктурных соображений убрать наиболее смелые куски. Он мог это сделать и под воздействием редакционного нажима. Тогда можно ли считать этот текст, который сейчас печатается, последней авторской волей? Докладчик предложил решать проблему авторской воли дифференцированно, учитывая, насколько свободен был художник в своих решениях и какими соображениями он руководствовался. Ограничив свою задачу определением таких соображений применительно к финалу «Котлована», Г. В. Филиппов предостерег от формального подхода к проблеме. Мы не можем сейчас установить, сказал докладчик, что именно в последний момент решил Платонов: он мог бы снова вернуться к финалу позднее и переработать его еще один раз. Поэтому необходимо проследить, к какому финалу ведет вся логика содержания повести, истолковать произведение в целом и уже затем пытаться ответить на вопрос о каноническом тексте финала.

Первый финал, отвергнутый еще в рукописи — «Настя была бережно опущена, чтобы даже мертвое семя будущего сохранялось навсегда». Ассоциация ясна: Достоевский, слезинка ребенка, предисловие из Евангелия от Иоанна к «Братьям Карамазовым» — мертвое семя, которое должно умереть, чтобы потом дать плод. Но Платонов отказался от этого финала — возможно, не удовлетворившись его идейной стороной, возможно — художественной.

После доработки Платонов завершил свою повесть тем финалом, который сейчас считается каноническим. Обычно он интерпретируется как полное разуверение художника в идеях коммунизма. Нет иллюзий, нет веры в будущее; рожок могилу для всего народа и человечества. Этому соответствует общая тональность произведения: если взять сюжетные линии, связанные с главными персонажами, то к финалу нагромождается порядочная гора трупов, чего в других произведениях у Платонова никогда нет. И общая авторская концепция, и финал кажутся совершенно безнадежными.

Однако почему во всех вариантах правки рукописи сохраняется выражение «утро второго дня»? Это, несомненно, цитата из Книги Бытия (на второй день творения происходит отделение воды от тверди). И все это идет через смерть Насти, через преступление —

к возрождению. Идея возрождения все время живет у Платонова. Так возникает проблема окончательного третьего финала, дописанного при правке машинописи.

Этот финал совершенно проясняет авторскую позицию, он снимает состояние трагизма, сказал в завершение Г. В. Филиппов, а потому печатать «Котлован» надо исходя из этого текста. Этот текст и есть канонический — хотя, конечно, и этот финал Платонов потом мог опять вычеркнуть или дополнить.

Доклад Г. В. Филиппова и концепция платоновского замысла повести, положенная исследователем в основу определения последней творческой воли писателя в отношении финала «Котлована», стали предметом оживленной дискуссии. Канд. филол. наук В. С. Федоров (ИРЛИ) полностью поддержал позицию докладчика, добавив, что рассматриваемый финал не может быть прочитан вне контекста учения Н. Ф. Федорова, ибо А. Платонов хоронит Настю в свете идей патрофикации. Доктор филол. наук А. И. Павловский (ИРЛИ) и канд. филол. наук М. А. Дмитриевская (Калининград) оспорили последнее утверждение, отстаивая мысль о полном отсутствии федоровских мотивов (как идеи патрофикации, так и идеи музея) в финале «Котлована». В ряды сторонников идеи неорганичности и вынужденности последней приписки к тексту повести встал И. И. Долгов (ИРЛИ), сказавший о том, что снятие трагизма в «Котловане» невозможно. Несогласие платоноведов вызвала сама методология решения Г. В. Филипповым текстологических проблем. Канд. филол. наук В. Ю. Вьюгин (ИРЛИ) выразил сомнение в применимости и корректности интерпретационного подхода при установлении канонического текста произведения и подчеркнул, что никакие интерпретации и толкования не могут определять тактику и стратегию научной текстологии. А. А. Харитонов осветил фактическое соотношение сохранившихся автографов повести (черновая рукопись и три правленных экземпляра машинописи, хранящихся в РО ИРЛИ, РГАЛИ и семейном архиве писателя), и сформулировал ряд текстологических выводов, которые позволяет сделать исследование *всех* известных источников текста «Котлована». В частности, совершенно определенно можно судить о том, какая правка принадлежит автору, а какая — другому лицу; какой экземпляр машинописи готовился к отправке в издательство (и потому может содержать «вынужденную» правку), а какой был оставлен автором для себя; какова генеалогия редакций и автографов и, следовательно, какой текст является окончательным и должен быть признан каноническим.

Доктор филол. наук А. М. Минакова (РАТИ, Москва) предложила вниманию участников семинара доклад «**Мифопоэтика в повести А. Платонова „Котлован“**». Избранный докладчицей метод — структурно-семантический анализ. А. М. Минакова, основываясь на концепции Е. Г. Яковлева о двух слоях произведения искусства — социально-актуальном и народно-мифологическом, увидела своеобразие платоновского текста в том, что к первобытному мифу и архетипам (по К. Г. Юнгу) восходит не только глубинный народно-мифологический слой, но и социально-актуальный слой, который

мифологизирован в повести дважды. На определенном этапе философская проза Платонова трансформируется в текст-миф («Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва»). Мифологическая модель мира воссоздается для придания единства и цельности собственно художественной «модели мира», генетически восходящей к космогоническому мифу. Перед нами — художественное воссоздание действительности с позиции мифологического сознания человека из народа.

В докладе были рассмотрены традиционные мифологемы: *жизнь/смерть*, *верх/низ*, *свет/тьма*; было отмечено, что у Платонова они не утрачивают своей амбивалентности (что было показано на примере мифологемы *дом*). А. М. Минакова установила, что кроме традиционных в повести есть собственно авторские мифологемы: *покой*, *пустота*.

Было указано, что в повести отсутствует стихия народного смеха, но присутствует комизм, вводящий в ужас. Так рождается мифологема *страха*, а затем и *смерти*. Причем у Платонова страх носит экзистенциальный характер (сопоставление с мифологемой страха у М. Булгакова). В докладе были проанализированы также мифологемы *свои/чужие*, *истина* и др.

Канд. филол. наук Т. М. Вахитова (ИРЛИ), отметив в своем отклике на выступление А. М. Минаковой несомненные достоинства прозвучавшего доклада, предостерегла в то же время от опасности отказа от конкретно-исторического понимания текста, отрицания его социально-актуального содержания, столь важного для А. Платонова. Далее Т. М. Вахитова высказала собственные наблюдения над знаками тех реальных проблем жизни, которые мучили А. Платонова — почти единственного из советских писателей, который не *изображал* народ, а *жил* внутри его.

Материалом для доклада (жанр которого был определен как «размышление») доктора филол. наук А. А. Газизовой (МПГУ, Москва) «**Красота и душа в ранней прозе А. Платонова**» послужили записные книжки, письма и художественные произведения писателя, созданные до 1930 года. К. Леонтьев писал, что славянство наиболее полно проявляет себя в мышлении отвлеченными идеями. А это значит, что и сегодня требуется познание отвлеченных идей Платонова, которые определяют своеобразие его прозы. Присутствие *души* в мире этого художника не вызывает сомнения у исследователей, т. к. само это слово частотно в произведениях писателя. С *красотой* же несколько сложнее, *красота*, возможно, — наиболее потаенная идея платоновского творчества. (Расширенный вариант доклада А. А. Газизовой публикуется в настоящем сборнике).

Канд. филол. наук А. А. Харитонов (ИРЛИ) в докладе «**Смысл точных цифр. (К вопросу о текстуальных проявлениях автобиографизма в творчестве А. Платонова)**» остановился на одной частной детали платоновских текстов — интерпретации встречающихся в них точных цифр, которые обозначают сроки «земного существования» человека. Они нечасты у писателя, но тем более важными представляются те случаи, когда он точно указывает возраст своих героев.

Обратившись к роману «Чевенгур», А. А. Харитонов проанализировал выявленное Е. А. Яблоковым противоречие данной через указание возраста А. Дванова временной отнесенности романа (1929 год) и изображаемого в нем исторического времени (1921 год) и предложил собственную трактовку: возраст героя — одновременно и возраст его ровесника-автора, а потому указывает не на время действия, а на момент создания произведения. Рассмотрение первой фразы повести «Котлован» («тридцатилетие личной жизни») позволяет предположить, что начало работы над этим произведением можно отнести ближе к сентябрю 1929 года, ибо творческим импульсом к его созданию было для Платонова осмысление собственного тридцатилетия как итогового жизненного рубежа.

Вниманию докладчика привлекла одна деталь повести: точный возраст матери Насти, Юлии, указанный автором в сцене погребения героини: «Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла: *32-х лет и 3-х месяцев*». Сюжетно появление подобной эпитафии никак не мотивировано, а в ряду других — всегда приблизительных — платоновских указаний на молодость героя представляется просто избыточным. Не автономно ли оно вообще от сюжета произведения, не относится ли к самому автору, являясь знаком его присутствия в тексте, указанием на его возраст, и в таком случае — своего рода автоэпитафией? Если принять подобное допущение, мы должны будем признать, что А. Платонов возвращался к работе над произведением в конце 1931 года.

Подобное указание возраста героя (Александра Спиридоновича Титова, «отца») встречается и в пьесе «Молчание (Голос отца)»: «жития его было *38 лет и 3 месяца*». Мы видим здесь ту же формулу возраста (годы и месяцы прожитой жизни), ту же функцию надгробной эпитафии, те же мотивы, что и в рассмотренном фрагменте «Котлована». Докладчик указал, что датировка пьесы «Молчание» — не решенная пока в науке проблема, и перечислил существующие на этот счет точки зрения; было высказано предположение о том, что рассмотренная хронологическая деталь носит автобиографический характер и указывает на декабрь 1937 года как время работы Платонова над пьесой «Голос отца». А. А. Харитонов отметил, что доказательство истинности предложенной гипотезы могло бы оказать немалую помощь в датировке текстов писателя. Однако оно имеет отношение не только к проблемам текстологии, но и к самим мировоззренческим основам поэтики Платонова. Платонов, подобно художнику Возрождения, осознает себя как творящую личность на фоне немотствующей толпы, но смиренно отходит в тень, зашифровывает в тексте *непрямое* указание на свое авторство, свидетельство о времени работы над произведением, помещая его в тексте наподобие картуша, некоей эмблемы. Важно и то, что эти цифры, эти точно отмеренные сроки прожитой жизни, — эпитафии. Они — свидетельство того особого чувства времени, которое было присуще Платонову, свидетельство острого ощущения им смертности уходящего мига жизни, свидетельство самой высокой внутренней ответственности художника за каждый прожитый день

как последний день, свидетельство постоянной готовности Платонова подвести итог — не только в день тридцатилетия, на перевале жизненного пути, но и на каждой его остановке. Это ощущение смертности бытия роднит платоновское отношение к жизни с евангельским каноном бодрствования и приготовления к вечности.

**А. А. Кретинин** (Воронеж), приступая в докладе «**Трагическое в художественном мире А. Платонова и Б. Пастернака**», определил свои задачи следующим образом: постановка проблемы; основные источники трагического в художественных мирах Платонова и Пастернака; связь между источниками трагического и формами существования трагического в художественном мире писателя. По мнению докладчика, сопоставление Платонова и Пастернака закономерно, поскольку для них обоих особенно значима категория трагического; с другой стороны, можно предположить полярность, а значит, взаимодополняемость ряда характеристик трагического и Платонова и Пастернака. Отталкиваясь от определения Гегеля, **А. А. Кретинин** изложил свое понимание трагического как непреодолимой разъединенности изначально субстанционально единого. Следовательно, в структуре трагического явления должен быть выделен момент не только разрыва, но и совпадения, тождества. Трагизм измеряется не только масштабом разрыва, но и глубиной тождества.

Единство самых разнообразных вещей — одна из главных характеристик пастернаковского мира. Условие истинного познания для Пастернака — тождество, «свойство» субъекта и объекта. Но обладание этим даром постоянно ведет художника к катастрофе, к той или иной личностной потере. Катастрофа выступает как обозначение удавшейся попытки артиста в творческом акте соответствовать жизни. Это достижимо, но оборачивается мстительной стихией, требующей от художника жертв. Трагическое у Пастернака совпадает с должным, истинным и прекрасным, означает совпадение человека с собственной сущностью, реализацию своего предназначения.

У Платонова источник трагического — отчуждение смысла жизни, истины, от мира, человека, самой жизни. Обратившись к анализу статьи «О любви», докладчик показал, что в художественном мире Платонова человек, призванный быть жизнью, не становится ею, так как, обретая мысль, не узнает смысла. Удовлетворить мысль может только истина. Закономерно, что поиск счастья — поиск истины — тоска, скорбь — обычный мотив в платоновских произведениях. Общая потребность в единстве мира и мысли проявляется в тоске, грусти и т. д. Эти черты не закрепляются за конкретными лицами, т. е. действуют не трагические герои, а трагический мир. Платоновские герои претерпевают несчастье вместе со всем миром, пастернаковские герои страдают индивидуально. Различны и формы проявления трагического пафоса: «античный» трагизм Платонова — скорбь, тоска; пастернаковский трагизм Нового времени — боль, душевная болезнь.

Доктор филол. наук **В. А. Шошин** (ИРЛИ) своим сообщением «**А. Платонов и его современники**» попытался ответить на вопрос:

каким был круг общения Платонова, непосредственно влиявший на создание его произведений. Материалом для доклада послужили письма к А. Платонову, хранящиеся в Пушкинском Доме и в какой-то степени дающие представление о круге общения писателя. Прочтение писем В. Кольцова, В. Келлера, Л. Гумилевского В. Гроссмана, А. Леонова, размышление над рядом полуполюгендарных свидетельств и лиц позволило докладчику сформулировать больше вопросов, чем ответов. (В развернутом виде доклад В. А. Шошина публикуется в настоящем сборнике)

Внимание участников семинара привлек доклад канд. филол. наук **Е. И. Колесниковой** (ИРЛИ) «Из архива А. Платонова: „Македонский офицер“». В нем был впервые представлен и проанализирован хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ автограф писателя «Македонский офицер: Роман из ветхой жизни». Докладчица предложила убедительную датировку произведения, проследила развитие основных его тем и их место в творческой эволюции А. Платонова 30-х годов. (Архивные материалы, послужившие материалом исследования, и посвященная им статья Е. И. Колесниковой публикуются в настоящем сборнике).

Доктор филологии **А. Г. Лысов** (Вильнюс), известный исследователь творчества Л. Леонова, назвал свое выступление «**Ветхозаветные коллизии в творчестве А. Платонова**». Он призвал поставить проблему изучения Платонова в контекст целостного изучения литературы XX века. По мнению А. Г. Лысова, с точки зрения жанра творчество Платонова определить невозможно. Это не сюрреалистическая былина, а роман-жизнь, который воплощает в себе существующие в нас национальные категории. Л. Толстой выдвинул идею витальности; А. Платонов принял от него эстафету. Платонов, как и его современники, решал для себя вопрос: почему литература Серебряного века, сверкающая драгоценными камнями и металлами, перешла в стальную эпоху, где кровь Платонов — социально огненный художник. Он всегда внутри, в глубине событий.

Произведения Платонова можно рассматривать как явление религиозного кризиса, сказал А. Г. Лысов. Платонов по своей натуре не учитель (Л. Толстой), а правдоискатель. Он обобщает идейно-религиозные поиски пути русской литературы. Платонов увидел адекватность того, что реально совершается в СССР, тем событиям, которые описаны в Библии как «день первый», «день второй». Ветхозаветным по своему происхождению является и мотив коллективной ответственности, воздаяния всем за одного. Ветхий Завет воспринимается Платоновым как формула Бога большого числа людей. Очевидно, перед нами — ветхозаветная коллизия, в которой в едином потоке народных судеб разбирается одна конкретная судьба. Платонов в конце 20-х — начале 30-х годов подвел итог ветхозаветным исканиям. Писатель предложил новое, собственное решение современного положения Бога: Христос ходит внутри всего этого страшного мира; Христос — на земле. Андрей Платонов измерил действительность христианским взглядом. В этом — его роль в советской литературе, сказал в заключение докладчик.

Кандидат филологии А. Мерк (Осло) в докладе «Понятие «безотцовщины» в свете антиутопической стратегии Платонова» охарактеризовал *безотцовщину* как один из центральных тематических моментов «Чевенгура», впрямую связанный с антиутопической тенденцией. Уже у Платонова можно увидеть такую приметку утопии, как разложение семейной структуры (общий стол, воспитание детей в государственных учреждениях). Общественный строй, который основан на этих принципах, в частности на разложении семейной структуры, порождает синдром, определяемый А. Платоновым как *безотцовщина*.

Чевенгурское утопическое общество — особое. Автор характеризует его именно с точки зрения безотцовщины («прочие» не имеют родителей). Без отца ребенок находится вне истории, вне культуры (прочие потеряли свою национальность). Но без этих ценностей человек перестает быть полностью человеком, он возвращается к животному началу.

Этимологическое значение слова *культура* — обработка земли. Чевенгурцы едят траву, т. е. они и в этом смысле потеряли культуру. Другими словами, основная часть этого общества — люди, не умеющие жить в обществе. Они сами отрекаются от всего отцовского, от всей культуры. В этом мире нет и Отца — Бога. Его отсутствие связано с отсутствием родного отца. Отношение к христианству — одна из основ культуры. Непосредственно связана безотцовщина и со смертью. Прочие не могут жить с женщиной нормально, т. е. сироты не могут иметь своих детей. У Саши Дванова три приемных отца. Все они подталкивают Сашу к женитьбе, но у него не хватает необходимого для этого инстинкта. Дванов всю жизнь ищет своего отца и не может иметь своего сына. В конце концов Дванов соединяется с отцом — но уже в смерти.

Итак, сирота у Платонова умирает без наследников, полностью и навсегда. Чевенгурская утопия — идеология безотцовщины. Эта идеология нежизненна, у нее нет будущего.

Выступление В. Ю. Вьюгина «Андрей Платонов и анархизм. По материалам романа «Чевенгур»» явилось разработкой темы, уже заявленной докладчиком на одном из предшествующих семинаров. Интерес Платонова к анархизму отразился не только в его раннем публицистическом творчестве, но и в произведениях более позднего времени — в частности, в повести «Строители страны» и в романе «Чевенгур». В. Ю. Вьюгин попытался ответить на вопрос, почему Платонова, открыто заявлявшего о своей приверженности идеям социализма и коммунизма, не могла удовлетворить социалистическая теория в ее «ортодоксальном» виде. В связи с этим в докладе была отмечена такая существенная особенность мировосприятия писателя, как повышенный интерес к проблеме «Человек и Природа» и, в частности, обостренное ощущение трагичности человеческого бытия. Эта платоновская рефлексия очень часто оказывалась первичной по отношению к другим проблемам, связанным с существованием человека и общества. В. Ю. Вьюгин высказал предположение, что Платонов готов был в том или ином

виде воспринимать (разумеется, переосмысливая и по-своему перерабатывая) самые разнообразные и разноплановые идеи, которые могли бы помочь в преодолении «последнего врага» человечества — Смерти. С этих позиций докладчик попытался рассмотреть и отношение писателя к проблеме свободы. Для решения проблемы смерти—бессмертия недостаточно одной социальной свободы (освобождения от «капиталистического рабства»), тем более в том виде, который могло предложить становящееся социалистическое государство. Преодоление власти природы над человеком расширяло само понятие свободы.

В докладе были рассмотрены и другие основания, позволявшие Платонову совмещать интерес как к социализму Маркса, так и к идеологии анархизма. Нельзя забывать, что оба направления при всем своем открытом противостоянии существовали в общем русле социалистический учений. Важно и другое обстоятельство. Платонов (при всей противоречивости его натуры) всегда оставался человеком, чье сознание было направлено на поиск истины и раскрытие тайн природы с помощью позитивной науки. Той самой, к которой постоянно обращаются за подтверждением своих выводов и анархисты.

Докладчик рассмотрел ряд текстуальных и тематических параллелей, обнаруживающихся при сопоставлении произведений Платонова с сочинениями анархистов (в первую очередь Кропоткина и Штирнера).

Аспирантка **Д. В. Колесова** (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «**Роль А. Платонова в развитии русского литературного языка**», суммировав все высказанное лингвистами о языке А. Платонова, выделила три основные точки зрения исследователей на оригинальность этого языка. Первая: платоновский язык — нарушение нормы. Безусловно, сравнение с общезыковой нормой — естественная для лингвиста потребность. Проблема — в отношении исследователя к выявленным ненормативным явлениям. Нельзя забывать, что норма — понятие очень подвижное; авторы же многих работ о языке А. Платонова сводят анализ его особенностей к описанию и классификации погрешностей писателя против кодифицированного языка.

С другой стороны, некоторые исследователи видят в платоновском языке свидетельство возвращения к мифологическому сознанию. Удивительно, что доказывается эта концепция обычно через *анализ речи персонажей* Платонова. Особенности мышления и выражения крестьян и рабочих воспринимаются и трактуются как характеристики *сознания самого автора*. Многие исследователи соотносят Платонова также с древнерусскими книжниками, потому что им, как и Платонову, было свойственно отношение к слову как к делу. На примере анализа конкретной синтагмы Д. В. Колесовой было показано, что Платонов действительно обращается к древнерусской традиции, но при этом творит, несомненно, как писатель двадцатого века: у Платонова художественные средства языка свободны от их языкового субстрата.



Третья точка зрения: язык Платонова — развитие нормы русского литературного языка. Совместными усилиями многих лингвистов уже выявлено и описано довольно много специфических черт платоновского языка. Закономерно предположить, что перед нами авторское, художественное преломление объективно имеющейся тенденции. И действительно, в основе любого выявленного в текстах Платонова отклонения от действующей нормы лежит тенденция, которая существует в нормативном языке, но представлена писателем в таком сконденсированном виде, что воспринимается как нарушение нормы (нагромождение ряда зависимых имен существительных в родительном падеже; принцип компрессии смысла).

Сославшись на уже звучавшие на семинаре призывы к изучению эволюции творчества писателя, докладчица остановилась на проблеме развития языка Платонова.

В заключении доклада Д. В. Колесова сформулировала вывод о том, что язык А. Платонова — не просто индивидуальное употребление языковых единиц, а развитие русского литературного языка, поскольку Платонов опирается на достигнутое другими мастерами слова, своим талантом закрепляя и придавая живительную силу имеющимся в живой речи явлениям. На взгляд докладчицы, сейчас уже неправомерно говорить о *нарушении* нормы Платоновым. Платонов *расширяет* норму.

Канд. филол. наук М. А. Дмитриевская (Калининград) в докладе «Семантика пространственной границы у Платонова» остановилась на причудливом совмещении в текстах писателя двух совершенно противоположных тенденций: мифопоэтического восприятия мира (которое проявляется в осмыслении границы как линии между «своим» и «чужим») и экзистенциального восприятия мира (граница—преграда, которая должна быть преодолена в стремлении к миру). Предложенный в докладе анализ языка писателя не ограничивался рамками стилистики, но был устремлен к философии языка Платонова. М. А. Дмитриевская поставила перед собой задачу через анализ употребления слов подняться на уровень реконструкции миросозерцания художника. Материал анализа был ограничен лексемами *внутри—снаружи, окно, стена, горизонт*. Все эти слова связаны с представлением о границе.

Докладчица отметила, что очень часто физиологические и психологические процессы, которые происходят в человеке, получают у Платонова локализацию внутри его *тела*, что является ярким свидетельством его мифопоэтического мышления. Это свидетельствует о том, что Платонов обращался к более ранним состояниям языка (последнее положение М. А. Дмитриевская подтвердила примерами из московской картотеки словаря древнерусского языка). Подобное ощущение своего тела героями находит свое отражение и в генезисе местоимений. Однако могут быть и противоположные акценты: тело может и заковать, а не охранять. В этом случае становятся важными понятия *тесноты* и *духоты*.

Оппозиция *внутри—снаружи* актуализируется у Платонова также по отношению к месту обитания человека, к дому. М. А.

Дмитровская отметила частое уподобление дома человеческому телу в мифологии. Конструкции, идентичные платоновским, были обнаружены докладчицей в древнерусском языке (дублирование пространственных обозначений) и в албанской волшебной сказке (дублирование конкретного обозначения абстрактным).

С *окном* как символом преодоления пространственной ограниченности и стремления вовне перекликается символика *горизонта*. Значимость окна и горизонта в европейской культуре Нового времени отмечалась О. Шпенглером. Горизонт символизирует пространственную даль, глубину.

Особое место в художественной системе Платонова занимает *стена*. Она употребляется как «гносеологическая» метафора — для описания особенностей познания. Но если ранний Платонов верит в безграничные возможности человеческого сознания, то к концу 20-х годов его взгляды меняются. Ограниченность научного познания символически изображена Платоновым в образе стены, которую чувствует своим «ощущающим умом» инженер Прушевский.

Подводя итоги исследования, докладчица отметила, что, с одной стороны, в художественном мире Платонова наблюдается реконструкция мифопоэтического пространства; с другой стороны, для него значимы экзистенциальные моменты. Категория границы получает у Платонова неоднозначную интерпретацию.

Канд. филол. наук **А. А. Дырдин** (Ульяновск) выступил с докладом «Платонов и апокрифическая традиция».

В работах о Платонове христианская культура рассматривается как один из скрытых ориентиров, а сознание писателя — как хилиастическое, анонимно религиозное. Докладчик высказал предположение том, что оно в большой степени связано с христианско-эзотерической традицией.

Сопоставление произведений Платонова с широким кругом апокрифов показывает глубокую внутреннюю связь между ними. Так, с точки зрения причастности к теме самопознания человека, торжества знания, а не слепой веры, его художественная мысль лежит в русле гностических представлений. Обнаруживается символическое совпадение основных образов-идей Платонова и таких неизвестных ему гностических апокрифов, как Евангелие от Фомы и Евангелие от Филиппа (утрата личного начала и расширение его до космических пределов, вопросы о начале и конце бытия, символика воды, земли, воздуха, света и т. д.).

С другой стороны, двоемирие Платонова дает право говорить об аналогии с отечественными отреченными сочинениями («Сказание отца нашего Агапия», «Хождение Богородицы по мукам», «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже»). Сам Платонов подчеркивал свою близость «русскому историческому правдоискательству», эсхатологическим устремлениям народа. Есть следы прямого влияния упомянутых выше текстов на структуру и качество платоновской прозы.

Апокрифические евангелия, жития и «хождения» составляли, как известно, основу жанрового репертуара калик переходящих, бро-

дядих сказителей. Их отличает свобода в трактовке канонических сюжетов. Ту же вольность в обращении к новозаветным источникам мы наблюдаем у Платонова, литературная позиция которого соотносится с комплексом духовного странничества. В его прозе христианская идеология переосмыслена. Снижен пафос эпизода «второго пришествия» в повести «Впрок». Особую роль играют апокалиптические образы и мотивы ангела-хранителя в «Чевенгуре». Перерабатывается легенда о Христе и Лазаре в незавершенном «Техническом романе».

Сближение с апокрифической традицией делает платоновские тексты сокровенными, зашифрованными. Без изучения этой связи трудно понять поэтику Платонова, сущность его творческой личности.

Заседание, как обычно, завершилось обсуждением докладов и общей дискуссией. С заключительным словом выступила **Н. А. Грознова**, которая вела все шесть состоявшихся Платоновских семинаров.

А. А. Харитонов

**БИБЛИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ПЛАТОНОВА  
(1958—1994)**

Настоящая библиография частично дополнена по сравнению с уже имеющимися указателями, вышедшими на рубеже 60—70 годов (см. № 138, 157 содерж., 185), и отличается от последней опубликованной на сегодня платоновской библиографии (№ 792 содерж.) по принципу, положенному в ее основание: мы стремились не только отразить «приоритетные публикации и книги», но и дать возможно более полную картину мемуарной, критической и исследовательской литературы о Платонове, изданной после смерти писателя в Советском Союзе, а затем в России и государствах ближнего зарубежья. Поэтому из настоящей сводки не исключен период 1958—1970 годов, весьма полно освещенный в ранее опубликованных указателях; поэтому же включена предварительная библиография книг и статей постсоветского периода (1992—1994). В то же время за пределами настоящей публикации оставлены газетные материалы (по отношению к которым совершенно оправдан и успешно применен нашими предшественниками названный выше принцип приоритетности), эпистолярные материалы, а также те вступительные заметки и комментарии к публикациям текстов писателя, которые ограничиваются самыми общими констатациями и не представляют самостоятельной ценности. В приложении приводится перечень работ, посвященных творчеству А. П. Платонова, депонированных за указанный период в ИНИОН АН СССР (РАН).

Хронологическое размещение библиографического материала, осуществленное в настоящем указателе, имеет, на наш взгляд, особую познавательную ценность, ибо дает возможность зримо и предметно проследить движение науки о Платонове, воплощенное в трудах и публикациях исследователей. Система перекрестных отсылок позволяет ориентироваться в работах одного автора. В случае наличия нескольких изданий материала под одним названием в общем списке приводится первое издание (в случае журнальной публикации — и первое книжное издание), а переиздания указываются особо. В конце библиографического описания в скобках указаны страницы, относящиеся к творчеству А. П. Платонова.

1958

1. *Левин Ф. М.* Андрей Платонов (1899—1951) // Платонов А. Избранные рассказы. М.: Сов. писатель, 1958. С. 5—22.

2. *Перцов В. О.* Подвиг и герой // Перцов В. О. Писатель и новая действительность. Лит.-крит. статьи. М.: Сов. писатель, 1958. С. 195—259. (С. 233—234). [2-е изд., доп. 1961 (С. 218—219).]

3. Ф. В. [Предисл. к публ. рассказа А. Платонова «Никита»] // Подъем. Воронеж, 1958. № 3. С. 111.

1959

4. Кардин Э. Благодатное солнце // Дружба народов. М., 1959. № 9. С. 214—229. (С. 219). (См. № 14).

5. Севастьянова Т. М. Первые большевистские газеты в Воронеже. Воронеж: Кн. изд-во, 1959. 92 с. (С. 66, 85).

1960

6. Иванов В. И. Формирование идейного единства советской литературы, 1917—1932. М.: Гослитиздат, 1960. 375 с. (С. 97).

7. Фадеев А. А. Задачи литературной теории и критики [1947] // Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 403—442. (С. 435—436). [Переизд. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит., 1971. С. 501—546. (С. 539—540)].

8. Фадеев А. А. Литература и жизнь [1933] // Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 120—128. (С. 124). [Переизд. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит., 1971. С. 138—148. (С. 143)].

1961

9. Боров Ю. Б. «Без меня народ неполный!» Но и без людей нет меня // Боров Ю. Б. О трагическом. М.: Сов. писатель, 1961. С. 258—265.

10. Нагибин Ю. М. Дебрецен — Будапешт: Маленькие рассказы // Знамя. М., 1961. № 5. С. 36—55. (С. 52—53).

1962

11. Аксенов В. П. [Ответ на анкету «Молодые — о себе»] // Вопр. лит. М., 1962. № 9. С. 117—119. (С. 118).

12. Борщаговский А. М. Поиски молодой прозы // Москва. 1962. № 12. С. 193—211. (С. 193).

13. Дорофеев В. П. Андрей Платонов // Платонов А. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1962. С. 3—18. (См. № 39, 180, 188).

14. Кардин В. Благодатное солнце // Кардин В. Верность времени. Лит.-крит. статьи. М.: Сов. писатель, 1962. С. 234—274. (С. 246—247, 249). (См. № 4).

15. Кузьмичев И. К. Жанры русской литературы военных лет (1941—1945). Горький: Кн. изд-во, 1962. 455 с. (С. 253—254).

16. Лидин В. Г. Друзья мои — книги. Заметки книголюбца. М.: Искусство, 1962. 195 с. (С. 187—188). [2-е изд. 1966 (С. 335—336); 3-е изд. 1976 (С. 372).]

17. Лидин В. Г. Страницы записей // Вопр. лит. М., 1962. № 1. (С. 173—174).

18. Сучков Ф. Ф. Редкостный талант. [Предисл. к публ. рассказа А. Платонова «Афродита»] // Сельская молодежь. М., 1962. № 9. С. 18.

1963

19. Гладков А. В прекрасном и яростном мире. (О рассказах Андрея Платонова) // Новый мир. М., 1963. № 11. С. 227—234.

20. Кожин В. В. Происхождение романа. Теорет.-ист. очерк. М.: Сов. писатель, 1963. 439 с. (С. 399—401).

21. Лоциц Ю. М. Труженики победы // Сов. воин. М., 1963. № 24. С. 12.

22. Об авторе // Платонов А. Одухотворенные люди. Военные рассказы. М.: Воениздат, 1963. С. 3—4.
23. Паустовский К. Г. Книга скитаний // Новый мир. М., 1963. № 10. С. 63—118. (С. 110). (См. № 33, 85).
24. Ривкис Я., Стебун И. Горьковская концепция человека и современный герой // Октябрь. М., 1963. № 11. С. 181—195. (С. 188—189).
25. Славин Л. И. Андрей Платонов // Наш современник. М., 1963. № 6. С. 190—192. (См. № 45, 193, 791, содерж.).
26. Сучков Ф. Ф. [Вступ. слово к публ. главы из повести «Джан»] // Сельская молодежь. М., 1963. № 3. С. 16—17.
27. Трифонов Ю. В. [Ответ на анкету «Искусство принадлежит народу»] // Вопр. лит. М., 1963. № 2. С. 61—62.
28. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель. М., 1963. Вып. 2. Литература. 810 с. (С. 110, 153, 309, 353, 436, 474, 580, 586, 636).
29. Шаталин М. Живая история (из истории советской литературы) // Знамя. М., 1963. № 10. С. 197—207. (С. 203).
30. Энтин Б. Рассказы Андрея Платонова // В мире книг. М., 1963. № 12. С. 24—25.

#### 1964

31. Дмитриев С. [Рец. на рассказы и отрывок из повести А. Платонова, опубл. в журн. «Сельская молодежь», 1962, № 6 и 9; 1963, № 3; 1964, № 1.] // Знамя. М., 1964. № 6. С. 252.
32. Лобанов М. П. Сокровенное в человеке // Москва. 1964. № 11. С. 193—196.
33. Паустовский К. Г. Книга скитаний. М.: Сов. Россия, 1964. 252 с. (С. 109). (См. № 23, 85). [Перезд.: 1966 — Повесть о жизни: В 2 т. Т. 2 (С. 599); 1968 — Собр. соч.: В 8 т. Т. 5 (С. 478—479); 1982 — Собр. соч.: В 9 т. Т. 5 (С. 470—471).]
34. [Предисл. к публ. повести А. Платонова «Джан»] // Простор. Алма-Ата, 1964. № 9. С. 22.
35. Чалмаев В. А. «Угль превращается в алмаз...». (Проблема подвига и свободы личности в современной литературе) // Москва. 1964. № 9. С. 200—209. (С. 200—201). (См. № 47).

#### 1965

36. Вулис А. З. Советский сатирический роман. Эволюция жанра в 20—30-е годы. Ташкент: Наука, 1965. 286 с. (С. 64—66, 68, 71—72, 74).
37. Гор. Г. С. Свообразие прозы. Заметки писателя // Нева. Л., 1965. № 2. С. 183—186. (С. 186). (См. № 99).
38. Гордиенко А. Н. Ранние рассказы Ю. Нагибина // Науч. тр. / Краснодар. гос. пед. ин-т. 1965. Вып. 39. С. 192—201. (С. 195—198).
39. Дорофеев В. П. Повести и рассказы Андрея Платонова // Платонов А. В прекрасном и яростном мире. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1965. С. 3—34. (См. №13, 180, 188).
40. История русского советского романа: В 2 кн. М.; Л.: Наука, 1965. Кн. 1. 715 с. (С. 217—218, 254—256, 557).
41. Ландау Е. Странный и обыкновенный человеческий взгляд // Новый мир. М., 1965. № 6. С. 253—254.

42. *Марамзин В. Р.* [Предисл. к публ. сказки А. Платонова «Разноцветная бабочка»] // Костер. М., 1965. № 3. С. 27.
43. *Платонова М. А.* [Предисл. к публ. рассказа А. Платонова «Три Осьмушки Под Резьбу»] // Смена. М., 1965. № 20. С. 6.
44. *Россельс В. М. А. Грин.* Из неизданного и забытого // Лит. наследство. М.: Наука, 1965. Т. 74. Из творческого наследия советских писателей. С. 629—648. (С. 645—646, 648). (Отклик см. № 44а).
- 44а. *Кайдаш С.* Новое из архивов советских писателей // Новый мир. М., 1966. № 5. С. 257—262. (С. 261).
45. *Славин Л. И. Андрей Платонов* // Славин Л. И. Портреты и записки. М.: Сов. писатель, 1965. С. 95—100. (См. № 25, 193, 791, содерж.; оценку см. № 45а).
- 45а. *Левин Ф. М.* Зоркость сердца // Новый мир. М., 1966. № 3. С. 243—246. (С. 245).
46. *Турбин В. Н.* Мистерия Андрея Платонова // Мол. гвардия. М., 1965. № 7. С. 293—307.
47. *Чалмаев В. А.* Мир в свете подвига. О героическом пафосе и художественном новаторстве советской литературы. М.: Сов. писатель, 1965. 360 с. (С. 84—87). (См. № 35).

1966

48. *Айхенвальд Ю.* [Рец. на кн.: Платонов А. Избранное. М.: Моск. рабочий, 1966.] // Новый мир. М., 1966. № 11. С. 280.
49. *Антюхин Г. В.* [Предисл. к публ. рассказа А. Платонова «Сергея и я»] // Подъем. Воронеж, 1966. № 6. С. 91.
50. *Антюхин Г. В.* Рождение писателя // Филологические очерки. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1966. С. 115—132.
51. *Боровой Л. Я.* «Ради радости» (Андрей Платонов) // Боровой Л. Я. Язык писателя. А. Фадеев, Вс. Иванов, М. Пришвин, Андрей Платонов. М.: Сов. писатель, 1966. С. 172—218. (См. № 198; оценку см. № 51а).
- 51а. *Марченко А.* Одно только слово // Вопр. лит. М., 1967. № 2. С. 192—196. (С. 194—195).
52. *Бузник В. В.* О правде, идеале и герое (критическое раздумье) // Рус. лит. Л., 1966. № 3. С. 3—27. (С. 21). (См. № 69).
53. *Задонский Н. А.* Молодой Платонов // Подъем. Воронеж, 1966. № 2. С. 145—148. (См. № 74, 130, 131, 212, 791, содерж.).
54. *Карнаухова И. В.* «Главное — раскрыть смысл» // Дет. лит. М., 1966. № 7. С. 10—12. (С. 12).
55. *Кузьмина Э.* До самой сути... // Семья и школа. М., 1966. № 10. С. 44—46.
56. *Ланский Л. Р.* Писатели в «Красной звезде». Обзор // Лит. наследство. М.: Наука, 1966. Т. 78. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 281—304. (С. 296, 297, 300—302, 304).
57. *Лобанов М. П.* Послесловие // Платонов А. Избранное. М.: Моск. рабочий, 1966. С. 534—542.
58. *Миндлин Э. Л.* Андрей Платонов (из воспоминаний о писателе) // Простор. Алма-Ата, 1966. № 5. С. 56—62. (См. № 102, 791, содерж.).
59. *Нинов А. А.* Возвращение героя // Сибирские огни. Новосибирск, 1966. № 9. С. 162—174. (С. 162—163).
60. Очерки истории русской советской журналистики, 1917—1932. М.: Наука, 1966. 509 с. (С. 129, 231—232, 238, 242—243, 459).
61. *Полевая П.* В поисках истинного героя // РТ. М., 1966. № 17. С. 15.

62. *Полторацкий В. В.* [Ответ на анкету «Ответственность художника»] // *Вопр. лит. М., 1966. № 1. С. 54—55. (С. 55).*

63. *Сучков Ф. Ф.* На красный свет (об Андрее Платонове — мастере прозы) // *Платонов А. Избранное. М.: Моск. рабочий, 1966. С. 3—14. (См. № 353, 730).*

64. *Сучков Ф. Ф.* [Предисл. к публ. А. Платонова «Дванов и Мрачинский: отрывок из неопубликованного романа»] // *Кругозор. М., 1966. № 11. С. 9.*

65. *Турков А. М. Николай Заболоцкий. М.: Худож. лит., 1966. 143 с. (С. 45—46, 53—54).* [Переизд. 1981 (С. 46, 53—54)].

1967

66. *Айхенвальд Ю.* Новое в «Нашем доме» // *Театр. М., 1967. № 6. С. 135—137. (С. 136).*

67. *Аннинский Л. А.* Запад и Восток в творчестве Андрея Платонова // *Народы Азии и Африки. М., 1967. № 4. С. 103—115. (Полн. см. № 97).*

68. *Антюхин Г. В.* Воронежская печать и литература первых лет советской власти (1917—1927 годы). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 1967. 26 с. (С. 5, 7, 13, 16, 19, 21—23, 26). (См. № 227).

69. *Буэник В. В.* Экзамен на Человека // *Советская литература и новый человек. Л.: Наука, 1967. С. 40—96. (С. 93—94).* (См. № 52).

70. *Войтинская З.* Послесловие [к публ. киносценариев А. Платонова «Отец—мать» и «Солдат-труженик, или После войны»] // *Искусство кино. М., 1967. № 3. С. 158—160.*

71. *Воронов В. И.* Писатель и общество. О гражданственности и творческой активности советской литературы. М.: Знание, 1967. 32 с. (С. 13—15, 21, 25).

72. *Галапов Б. Е.* Искусство портрета. М.: Сов. писатель, 1967. 207 с. (С. 200—201). [Переизд. 1974, в составе кн. того же автора «Живопись словом. Портрет. Пейзаж. Вещь» (С. 172—173)].

73. *Гунн Г.* [Рец. на кн.: Платонов А.. В прекрасном и яростном мире. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1965, и Платонов А. Избранное. М., Моск. рабочий, 1966.] // *Юность. М., 1967. № 1. С. 90—91.*

74. *Задонский Н. А.* Молодой Платонов // *Задонский Н. А. Донские вечера: Ист. этюды. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. С. 130—140. (См. № 53, 130, 131, 212, 791, Содерж.).*

75. *История русской советской литературы, 1917—1965: В 4 т. М.: Наука, 1967. Т. 2. 1930—1941. 666 с. (С. 102—103, 484, 517).*

76. *Лесневский С. С.* Возвращение // *Вопр. лит. М., 1967. № 3. С. 64—69. (С. 66).*

77. *Лощиц Ю. М.* На родительской планете // *Дет. лит. М., 1967. № 2. С. 36—38. (С. 38).*

78. *Метченко А. И.* О социалистическом и критическом реализме // *Москва. 1967. № 6. С. 192—202. (С. 198—200, 202).* (Отклик см. № 78а).

78а. *Тимофеев Л. И.* Метод живой, движущийся // *Вопр. лит. М., 1968. № 1. С. 3—19. (С. 11—12).*

79. *Метченко А. И.* Формирование теории социалистического реализма // *Советское литературоведение за 50 лет. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 126—261. (С. 179—180, 202, 204, 246, 261).*

80. *Михайлов О. Н.* Родина и литература (эпизоды истории) // *Волга. Саратов. 1967. № 11. С. 159—174. (С. 164—165).* (Полн. см. № 81).

81. *Михайлов О. Н.* Читая Андрея Платонова // *Дружба народов. М., 1967. № 1. С. 273—278.*



82. *Нагибин Ю. М.* После спектакля «Волшебное существо» (по митивам пьесы А. Платонова и Р. Фраермана в постановке филиала Малого театра в Москве) // Наш современник. М., 1967. № 7. С. 97—101.
83. *Озеров В. М.* Полвека советской литературы. Лит.-крит. очерки. М.: Сов. писатель, 1967. 496 с. (С. 211—212). (См. № 84).
84. *Озеров В. М.* Строительство на земле, строительство в душах // Знамя. М., 1967. № 4. С. 232—242. (С. 239—240). (См. № 83).
85. *Паустовский К. Г.* Близкие и далекие. М.: Мол. гвардия, 1967. 400 с. (ЖЗЛ. Серия биографий. Вып. 13 (439)). (С. 315). (См. № 23, 33).
86. *Паустовский К. Г.* Будущее нашей литературы // Новый мир. М., 1967. № 11. С. 227—229. (С. 228).
87. [Предисл. к публ. пьесы А. Платонова «Голос отца»] // Звезда Востока. Ташкент, 1967. № 3. С. 80.
88. *Приходько В. А.* «...Ты должна быть лучше» // Огонек. М., 1967. № 12. С. 20.
89. *Рыленков Н. И.* Сокровищница духовного опыта народа // Новый мир. М., 1967. № 11. С. 229—231. (С. 230).
90. *Слуцкий Б. А.* Писатель, не ставший кинематографистом // Искусство кино. М., 1967. № 3. С. 118—120.
91. *Соловьев В.* Взрослым о взрослых // Нева. Л., 1967. № 12. С. 167—173. (С. 172—173). (Полн. см. № 112).
92. *Толстая Е.* О рассказе Андрея Платонова «Родина электричества» // Материалы XXII научной студенческой конференции. Поэтика. История литературы. Лингвистика / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1967. С. 116—120.
93. *Усенко Л.* Самоцветное слово [предисл. к публ. А. Платонова «Страх солдата; Чудесный мальчик; Иван-Чудо»] // Дон. Ростов н/Д., 1967. № 5. С. 169—170.
94. *Шубин Л. А.* Андрей Платонов // Вопр. лит. М., 1967. № 6. С. 26—54. (См. № 118, 442). [Переизд. с сокращ.: Платонов А. Чевенгур. М.: Высш. шк., 1991. С. 413—450.]
95. *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь // Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. 799 с. (С. 604).

1968

96. *Андреев Ю. А.* Изучать факты в их полноте // Вопр. лит. М., 1968. № 3. С. 121—137. (С. 126).
97. *Аннинский Л. А.* Восток и Запад в творчестве Андрея Платонова // Простор. Алма-Ата, 1968. № 1. С. 89—97. (См. № 67; отклик см. № 97а).
- 97а. *Семенов В.* Родники бьют из глубин // Наш современник. М., 1969. № 2. С. 104—113. (С. 105).
98. *Гор Г. С.* Замедление времени // Звезда. Л., 1968. № 4. С. 174—191. (С. 190). (См. № 210).
99. *Гор Г. С.* Своеобразие и проза // Пути к художественной правде. Статьи о современной советской прозе. Л.: Сов. писатель, 1968. С. 84—100. (С. 93—94). (См. № 37).
100. История русской советской литературы, 1917—1965: В 4 т. М.: Наука, 1968. Т. 3. 1941—1953. 643 с. (С. 45—46, 456—457, 468, 472).
101. *Кудреватых Л. А.* Ароматы земли // Наш современник. М., 1968. № 2. С. 99—100. (См. № 150, 260).
102. *Миндлин Э. Л.* Андрей Платонов // Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1968. С. 418—439. [2-е изд., испр. и доп. 1979 (С. 472—495).] (См. № 58, 791, содерж.)

- 103 *Мотышов И П* Ответственность художника // Вопр лит М, 1968 № 12 С 3—32 (С. 21)
- 104 *Нинев А А* «Настало время нужды в героическом» М Горький и советский рассказ 20—30 х годов // Звезда Л, 1968 № 6 С 192—199 (С. 194, 197—199)
- 105 *Нинев А А* Современный рассказ Из опыта русской советской прозы 1956—1966 гг Автореф дис канд филол наук / Ленингр гос пед инт им А И Герцена Л, 1968 24 с (С. 4, 16—17) (См № 141)
- 106 Очерки истории русской советской журналистики, 1933—1945 М Наука 1968 503 с (С. 70, 78, 119, 225, 241—244, 246, 296, 313, 395, 469)
- 107 *Паршина Г М М* Горький и А Платонов // Учен зап / Горьк гос пед, инт 1968 Вып 110 Сер филол наук (Горьковский сб) С 217—224
- 108 *Полтавцева Н Г* [Рец на кн Платонов А Четыре рассказа М Сов Россия, 1967] // Дон Ростов н/Д, 1968 № 11 С 175—176
- 109 [Предисл к повести А Платонова «Эфирный тракт»] // Фантастика 1967 М Мол гвардия 1968 С 245—246
- 110 *Ростовцева И И* Сокровенное в человеке // Ростовцева И И Сокровенное в человеке Лит-крит очерки Воронеж Центр Чернозем кн издво 1968 С 7—31
- 111 *Сейранян Н П* Сатира Андрея Платонова // Вестник Ереванского ун га Обществ науки 1968 № 3 С 174—180
- 112 *Соловьев В В* Тревоге за будущее // Дет лит М 1968 № 8 С 16—20 (См № 91)
- 113 *Тюльпинов Н* [Послесл к публ сказки А Платонова «Две крошки»] // Костер М, 1968 № 6 С 8
- 114 *Усенко Л* Начало большого пути Новое об А П Платонове // Кубань Краснодар, 1968 № 7 С 106—107
- 115 *Фоменко Л П* Народ и революция в творчестве А П Платонова 20 х годов // Учен зап / Моск обл пед инт им Н К Крупской 1968 Т 223 Советская литература Вып 9 С 151—174
- 116 *Хайлов А И* Обнажены сердцем Заметки об Андрее Платонове // Подьем Воронеж, 1968 № 1 С 151—156
- 117 Центральный государственный архив литературы и искусства СССР Путеводитель М, 1968 Вып 3 Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1962—1966 гг 484 с (С. 107, 218, 226, 301, 341, 387)
- 118 *Шубин Л А* Андрей Платонов // Литература и современность М Худож лит, 1968 Сб 8 С 287—330 (См № 94, 442)
- 119 *Шубин Л А* Платонов Андрей Платонович (1899—1951) // Краткая лит энциклопедия В 9 т М Сов энциклопедия 1968 Т 5 Стб 790—792
- 120 *Якименко Л* [Ответ на анкету «Критика сегодня и завтра»] // Вопр лит М, 1968 № 11 С 58—61 (С. 59)

1969

- 121 *Андреев Ю А* Революция и литература Отображение Октября и гражданской войны в русской советской литературе и становление социалистического реализма (20—30 е годы) Л Наука 1969 431 с (С. 311—312, 337, 350) [2 е изд доп М Худож лит 1975 (С. 321—322), 3 е изд доп М Худож лит 1987 (С. 289—290, 319, 329)]
- 122 *Аникин В П* Писатели и народная сказка [Вступ статья] // Русские сказки в обработке писателей М Худож лит 1969 С 3—25 (С. 14—15)

123 *Боровой Л Я* Диалог, или Размена чувств и мыслей Очерки, разыскания М Сов писатель 1969 268 с (С. 101, 143, 154)

124 *Бурлак Л Е* Особенности конфликта в рассказах Андрея Платонова // Материалы X научной конференции литературоведов Поволжья (Мелекес, май 1969 года) / Ульяновск гос пед инт им И Н Ульянова Ульяновск, 1969 С 148—149

125 *Бурова Г М* Идеино художественный принцип отображения действительности в сборнике А Платонова «Епифанские шлюзы» // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы Материалы докладов / Мос гос пед инт им В И Ленина М, 1969 С 211—212

126 *Гей Н К* Эстетическая ценность и художественный метод // Изв АН СССР Сер лит и яз М 1969 Т XXVIII № 1 С 36—46 (С. 41, 44—45)

127 *Гречнев В Я* Из истории боевого жанра Заметки о рассказе // Звезда Л, 1969 № 2 С 195—203 (С. 196, 198—200) (См № 152)

128 *Дмитриев И* [рец на кн Платонов А Четыре рассказа М Сов Россия 1967] // Юность М 1969 № 1 С 96

129 *Журавлева А А* Проза периода Великой Отечественной войны М Просвещение 1969 216 с (С. 120—128) (См № 149)

130 *Задонский Н А* Донские вечера Ист этюды 2е изд, доп М Сов Россия 1969 202 с (С. 126—136, 162—163) (См № 53, 74, 131, 212 791 содерж)

131 *Задонский Н А* Молодой Платонов // Задонский Н А В потоке жизни Лит этюды Воронеж Центр Чернозем кн изд во, 1969 С 45—56 (См № 53 74 130 212, 791, содерж)

132 *Иванова Л А* Концепция «войны» и «мира» в рассказах А Платонова военных лет // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах Метод и мастерство Тезисы докладов II межвуз науч конф литературоведов, май 1969 г Вологда 1969 С 187—189 (См № 157 содерж)

133 *Камянов В И* Эвклиду — Эвклидову (Из жизни «молодой прозы») // Вопр лит М 1969 № 4 С 26—47 (С. 27—29)

134 *Киселев А Л* Мир глазами крестьянина в произведениях А Платонова конца 20 х годов // Материалы X научной конференции литературоведов Поволжья (Мелекес май 1969 года) / Ульяновск гос пед инт им И Н Ульянова Ульяновск 1969 С 146—147

135 *Ковский В Е* Романтический мир Александра Грина М Наука 1969 296 с (С. 230)

136 *Крамов И Н* В поисках сущности // Новый мир М, 1969 № 8 С 236—257 (См № 280 300)

137 *Лобанов М П* Подвижничество // Лобанов М П Мужество человечности Лит крит статьи М Сов Россия 1969 С 266—282

138 *Митракова Н М А П* Платонов (1899—1951) Материалы к биобиблиографии / Под общ ред Э Я Брун и О Г Ласунского Воронеж Центр Чернозем кн изд во 1969 47 с (См № 157, содерж, рец см №138а, 1386)

138а *Хайлов А И* Мал золотник да дорог // Подъем Воронеж 1970 № 3 С 155—157

1386 *Медведицына Ф Д* О литературно краеведческом библиографировании // Вопр лит и фольк Воронеж Изд во Воронеж ун та 1973 С 230—238 (С. 236—237)

139 *Николаев В* Верный сын рабочего класса Андрей Платонов о романе Николая Островского «Как закалялась сталь» [Предисл к публ статьи А Платонова «Павел Корчагин»] // Дон Ростов н/Д 1969 № 9 С 179

140. *Никонова Т. А., Митракова Н. М.* Комментарии // Платонов А. Повести и рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. С. 480—486.

141. *Никонов А. А.* Современный рассказ. Из наблюдений над русской прозой (1956—1966). Л.: Худож. лит., 1969. 287 с. (С. 44, 52—56, 58, 146—147, 270, 280). (См. № 105).

142. *Платонова М. А.* [Предисл. к публ. пьесы А. Платонова «Без вести пропавший, или Избушка возле фронта»] // Наш современник. М., 1969. № 2. С. 44—45.

143. *Сейранян Н. П.* О двух повестях Андрея Платонова («Елифанские шлюзы», «Сокровенный человек») // Сб. науч. тр. аспирантов / Ереванский армянский гос. пед. ин-т им. Х. Абовяна. 1969. Вып. 3. С. 203—217.

144. *Семенов А.* Повести Андрея Платонова (жанр, композиция) // Позывные сердца. Сб. лит.-крит. статей. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969. С. 104—138

145. *Скобелев В. П., Свительский В. А.* О прозе Андрея Платонова // Платонов А. Повести и рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. С. 5—22

146. *Соловьев В.* Художник и время // Волга. Саратов, 1969. № 7. С. 141—173. (С. 158—159).

147. *Таран Д. Я.* Ранняя проза Андрія Платонова // Рад. літературознавство. Київ, 1969. № 9. С. 43—51.

148. *Фоменко Л. П.* Творчество А. П. Платонова (1899—1951). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1969. 17 с

#### 1970

149. *Журавлева А. А.* Идеино-художественное своеобразие рассказов А. Платонова периода Великой Отечественной войны // Уч. зап. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. 1970. Т. 265. Сов. лит. Вып. 10. С. 88—101. (См. № 129).

150. *Кудреватых Л. А.* Аромат земли // Кудреватых Л. А. На жизненных перекрестках. М.: Сов. писатель, 1970. С. 71—73. [2-е изд. — 1973 (С. 83—86)]. (См. № 101, 260).

151. *Полторацкий В. В.* Андрей Платонов на войне // Платонов А. Смерти нет! Рассказы. М.: Сов. писатель, 1970. С. 3—8.

152. Русский советский рассказ. Очерки истории жанра. Л.: Наука, 1970. 736 с (С. 395—397, 403—406, 409—414, 417—418, 420—424, 426, 428—429, 431, 449, 483, 496, 532—536, 538—539, 550—556). (См. № 127).

153. *Сейранян Н. П.* Концепция человека в творчестве Андрея Платонова // Вестн. обществ. наук АН Армянской ССР. Ереван, 1970. № 2. С. 59—68.

154. *Сейранян Н. П.* Творчество Андрея Платонова 20-х годов. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ерев. гос. ун-т. Ереван, 1970. 22 с.

155. *Сморodin А.* Становление социалистической личности и литература 30-х годов: (Очерк, рассказ, роман) // Проблемы психологизма в советской литературе. Л.: Наука, 1970. С. 150—196. (С. 152, 155—156, 171—185).

156. *Стальский Н. П.* Друзья-писатели. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1970. 208 с. (С. 27, 28, 40—43).

157. Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. 247 с. (Рец. см. № 157а, 157б, 157в).

Содерж.: От редакции, с. 3—5; *Свительский В. А.* Конкретное и отвлеченное в мышлении А. Платонова-художника, с. 7—26; *Стюфляева М. И.* Романтический элемент в прозе А. Платонова, с. 27—36; *Зюбина Л. И.* О некоторых формах авторского повествования в рассказах А. Платонова, с. 37—44. *Фоменко Л. П.* К вопросу о концепции героя в творчестве А. Платонова 20-х годов, с. 45—55; *Скобелев В. П.* О народном характере в прозе А. Платонова

- 20-х годов, с. 56—74. (См. № 192, 220); *Иванова Л. А.* «Война» и «мир» в творчестве А. Платонова военных лет, с. 75—91. (См. № 132); *Бороздина П. А.* Повесть А. Платонова «Джан», с. 93—106. *Корчагина Е. П.* О некоторых особенностях сказовой формы в рассказе «Река Потудань», с. 107—116; *Кройчик Л. Е.* Особенности сатиры А. Платонова: («Город Градов»), с. 177—129. (См. № 573); *Пронин В. А., Таганов Л. Н. А.* Платонов-поэт: (Сборник «Голубая глубина»), с. 130—139. (См. № 221); *Аверин Б. В.* Этическая концепция человека в статьях А. Платонова конца 30-х годов, с. 140—146; *Краснощечкова Е. А. А.* Платонов и Вс. Иванов: (Вторая половина 20-х годов), с. 147—156; *Никонова Т. А.* Человек и революция: («Севастополь» А. Малышкина и «Сокровенный человек» А. Платонова), с. 157—164; *Брябина Н. А.* К проблеме гуманизма в рассказах А. Платонова и Ю. Нагибина, с. 165—172; *Иванова Л. А.* Творчество А. Платонова в оценке советской критики 20—30-х годов, с. 173—192; *Кретов А. И. А.* Платонов в работе над сборником сказок «Волшебное кольцо», с. 193—203; *Никонова Т. А.* Комментарий к повести А. Платонова «Епифанские шлюзы», с. 204—210; *Иванова Е. М. А. П.* Платонов в воспоминаниях современников, с. 211—219; *Шимонюк М.* Рассказы А. Платонова в переводе на польский язык, с. 220—228; Основные даты жизни и творчества А. Платонова, с. 229—230; *Митракова Н. М.* Литература о жизни и творчестве А. Платонова, с. 231—240. (См. № 138); Резюме на англ. яз., с. 241—246.
- 157а. *Белая Г. А., Шубин Л. А.* «...Чтобы завещанное им слово не убывало...» // Вопр. лит. М., 1972. № 2. С. 188—193.
- 157б. *Грознова Н. А.* О творчестве Андрея Платонова // Рус. лит. Л., 1971. № 1. С. 199—202.
- 157в. *Seifrid Th.* [Rec.] // Slavic and East European Journal. Tucson, 1987. Vol. 31. N 3. P. 446—448.
158. *Шешуков С. И.* Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: Моск. рабочий, 1970. 352 с. (С. 242—250). [2-е изд. 1984 (С. 241—249).]
159. *Шубин Л. А.* Комментарий // Платонов А. Размышления читателя. Статьи. М.: Сов. писатель, 1970. С. 220—230.
160. *Шубин Л. А.* Критическая проза Андрея Платонова // Платонов А. Размышления читателя: Статьи. М.: Сов. писатель, 1970. С. 3—18. (См. № 442).

1971

161. *Бочаров С. Г.* «Вещество существования». Выражение в прозе // Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2. Внутренняя логика литературного произведения и художественная форма. С. 310—350. (См. № 379, 792, содер. ж.).
162. *Бурова Г. М.* Концепция героя в рассказах А. Платонова 20—30-х годов // Учен. зап. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1971. № 456. С. 358—377.
163. *Веленгурич Н. Ф.* Романтик революции Степан Копенкин: Неизвестные страницы Андрея Платонова. [Предисл. к публ. А. Платонова «Смерть Копенкина»] // Кубань. Краснодар, 1971. № 4. С. 83—85.
164. Вопросы языка современной литературы. М.: Наука, 1971. 416 с. (С. 125—127, 138, 237, 243, 244).
165. *Еремин В. А.* Он с детства любил свою землю // Платонов А. Течение времени. Повести, рассказы. М.: Моск. рабочий, 1971. С. 5—20.
166. *Залыгин С. П.* Сказки реалиста и реализм сказочника // Вопр. лит. М., 1971. № 7. С. 120—142. (См. № 181, 461).

167 *Иноземцева Э П* Платонов в Воронеже [С публикацией документов и материалов] // Подъем Воронеж, 1971 № 2 С 91—103

168 *Каверин В А* В старом доме // Звезда Л 1971 № 10 С 138—186 (С. 166—167) (См № 332, 558)

169 *Казаков Ю П* Поедемте в Лопшеньгу Воспоминания о Паустовском // Простор Алма Ата, 1971 № 4 С 21—27 (С. 24) (См № 213)

170 *Кузин Н Г* [Рец на кн Платонов А Размышления читателя Статьи М Сов писатель, 1970] // Новый мир М, 1971 № 11 С 281—282

171 *Ласунский О Г, Акулов В Н* Начало пути Страницы жизни и творчества А П Платонова // Собеседник Портреты Этюды Исторические повествования Очерки Воронеж Центр Чернозем кн издво, 1971 С 92—115 (См № 183)

172 *Левин Ф М* Андрей Платонов — критик // Дружба народов М, 1971 № 3 С 280—282

173 *Некрасов В П* Платонов // Некрасов В П В жизни и в письмах Рассказы с постскрипумами, Маленькие портреты, Чертова семерка М Сов писатель, 1971 С 195—202 [Переизд Некрасов В П В самых адских котлах побывал Сб повестей и рассказов, воспоминаний и писем М Мол гвардия 1991 С 115—121] (См № 791, содерж)

174 *Никитин А* Платонов — критик // В мире книг М, 1971 № 3 С 38

175 *Таран Д Я* До проблемы позитивного героя в творчости Андрия Платонова // Рад литературознавство Кив, 1971 № 10 С 34—45

## 1972

176 *Белая Г А, Павлова Н С* Диалектика сознательного и подсознательного в концепциях человека (Из опыта советской и немецкой литератур) // Советская литература и мировой литературный процесс Изображение человека М Наука 1972 С 106—165 (С. 117—118)

177 *Великая Н И* Жанр повести в творчестве А Платонова 20 х годов // Проблемы литературных жанров Материалы науч межвуз конф Томск Изд во Том ун та, 1972 С 72—75

178 *Великая Н И* «Человек среди мира и человечества» и поэтика всеобщих связей в повестях А Платонова // Великая Н И Советская проза 20 х годов Формирование эпического сознания и проблема повествования / Дальневост гос унт Владивосток, 1972 С 81—103 (См № 209)

179 *Гумилевский Л И* Однократное слово // Мол гвардия М, 1972 № 4 С 314—319

180 *Дорофеев В П* Андрей Платонов (1899—1951) // Платонов А Рассказы Красноярск Кн издво, 1972 С 5—14 (См № 13, 39, 188)

181 *Залыгин С П* Сказки реалиста и реализм сказочника (Очерк творчества Андрея Платонова) // Залыгин С П Литературные заботы М Современник, 1972 С 143—185 [2е изд, испр и доп 1979 (С 70—111), 3е изд, доп 1982 (С 134—175)] (См № 166, 461)

182 *Киселев А Л* Социальный смысл сиротства в рассказах А Платонова // Проблемы истории русской и советской литературы / Перм гос пед инт, Башк гос пед инт Уфа, 1972 С 106—123

183 *Ласунский О Г, Акулов В Н* Начало пути (Страницы жизни и творчества А Платонова) // Ласунский О Г Литературные раскопки Рассказы литературоведа Воронеж Центр Чернозем кн издво, 1972 С 201—239 (См № 171)

184 *Окунева Т* Тема детства в творчестве Андрея Платонова к постановке проблемы // Проблемы развития советской литературы Саратов Изд во Саратов ун та 1972 Вып 4 С 146—153

185. Платонов Андрей Платонович. Библиографический указатель / Сост. В. В. Серебрякова // Русские советские писатели-прозаики. М.: Книга, 1972. Т. 7. Ч. 2. С. 19—56.

186. Старикова Е. Д. Достоевский и советская литература. (К постановке вопроса) // Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. М.: Худож. лит., 1972. С. 603—677. (С. 669—677).

187. Ульяновцев Д. М. Эволюция малой прозы второй половины 20-х годов (рассказы А. Платонова) // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XXIV съезда КПСС: Тезисы... / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1972. С. 221—222.

188. Dorofeyev V. P. Introduction // Platonov A. Fro and Other Stories. M.: Progress, 1972. P. 5—20. (См. № 13, 39, 180).

### 1973

189. Иванова Л. А. Личность и действительность в творчестве Андрея Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1973. 20 с.

190. Киселев А. Л. Л. Толстой и А. Платонов // Толстовский сб. Тула, 1973. Вып. 5. Доклады и сообщения XII толстовских чтений. С. 228—238.

191. Левин Ф. М. Несколько слов об Андрее Платонове // Левин Ф. М. Из глубин памяти. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1973. С. 103—106. [2-е изд. 1984 (С. 105—109).] (См. № 791, содерж.).

192. Скобелев В. П. Масса и личность в изображении русской советской прозы 20-х годов: (К проблеме народного характера). Автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1973. 40 с. (С. 33—37). (См. № 157, содерж., 220).

193. Славин Л. И. Андрей Платонов // Славин Л. И. Мой чувствительный друг. Рассказы. Записки. Портреты. М.: Сов. писатель, 1973. С. 329—332. (См. № 25, 45, 791, содерж.).

194. Таран Д. Я. О некоторых особенностях поэтики Андрея Платонова (на материале рассказов «Мусорный ветер» и «По небу полуночи») // Вопросы литературы. Метод. Сб. Поэтика. Киев: Наук. думка, 1973. С. 55—67.

195. Таран Д. Я. Художественный мир Андрея Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Киев. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Киев, 1973. 29 с.

### 1974

196. Бабенко Л. Г. Образный мир рассказов А. Платонова 20-х годов («Родина электричества» и «Песчаная учительница») // Проблемы стилистики и жанра в советской литературе / Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1974. Вып. 7. С. 93—101.

197. Бабенко Л. Г. Принципы эстетической оценки в критических статьях А. Платонова // Всесоюз. межвуз. конф. по проблемам изучения и преподавания лит. критики в высшей школе, 1-я. Краткое содерж. докладов / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1974. С. 90—92.

198. Боровой Л. Я. «Ради радости» (Андрей Платонов) // Боровой Л. Я. Путь слова: очерки и разыскания. М.: Сов. писатель, 1974. С. 742—766. (См. № 51).

199. Васильев В. В. Чтоб завещанное народом слово не убывало (к 75-летию со дня рождения Андрея Платонова) // Волга. Саратов, 1974. № 10. С. 155—171.

200. Великая Н. И. Творчество Андрея Платонова двадцатых годов и проблема повествования // Некоторые проблемы русской и зарубежной литературы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. С. 29—45.

201. *Гордон А. Г.* Рассказы А. Платонова о детях // Писатель и литературный процесс. Сб. статей / Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Душанбе, 1974. Вып. 1. С. 96—107.

202. *Кораблинов В. А.* Встречи с Платоновым: к семидесятипятилетию со дня рождения // Подъем. Воронеж, 1974. № 6. С. 140—142. (См. № 233, 247, 276, 791, содер ж.).

203. *Кузин Н. Г.* «К открытию нового центра...». Рабочая тема в творчестве Андрея Платонова // Урал. Свердловск, 1974. № 9. С. 133—139.

204. *Пахомова М. Ф.* Карелия в творчестве советских писателей. Петрозаводск: Карелия, 1974. 272 с. (С. 205—209).

205. *Платонова М. А.* О пьесе Андрея Платонова «Ученик Лицея». [Послесл. к публ.] // Наш современник. М., 1974. № 6. С. 123—124.

206. *Полтавцева Н. Г.* Статья А. Платонова о значении газеты // Филологические этюды. Журналистика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1974. Вып. 2. С. 167—169.

## 1975

207. *Баженова С.* Авторское повествование в повести Андрея Платонова «Джан» // Русская филология. Сб. студ. науч. работ / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1975. Вып. 4. С. 209—215.

208. *Бузник В. В.* Русская советская проза двадцатых годов. Л.: Наука, 1975. 279 с. (С. 257).

209. *Великая Н. И.* Человек среди «мира и человечества». Поэтика всеобщих связей в повестях А. Платонова // Великая Н. И. Формирование художественного сознания в советской прозе 20-х годов. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. С. 151—170. (См. № 178).

210. *Гор Г. С.* Замедление времени // Гор Г. С. Геометрический лес. Повести и рассказы. Л.: Сов. писатель, 1975. С. 384—423. (С. 421). (См. № 98).

211. ...Живя главной жизнью. (А. Платонов в письмах жене, документах и очерках) / Публ. и вставные главы М. А. Платоновой; коммент. В. В. Васильева // Волга. Саратов, 1975. № 9. С. 160—178. (См. № 533).

212. *Задонский Н. А.* Молодой Платонов // Задонский Н. А. Интересные современники. Любопытная старина: исторические и литературные этюды. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1975. С. 27—33. (См. № 53, 74, 130, 131, 791, содер ж.).

213. *Казаков Ю. П.* Поедмте в Лопшеньгу // Воспоминания о Константине Паустовском. Сборник. М.: Сов. писатель, 1975. С. 290—302. (С. 296). [2-е изд. 1983; переизд. очерка в сб. Ю. П. Казакова. 1983 — Поедмте в Лопшеньгу (С. 548), 1986 — Две ночи. Проза. Заметки. Наброски (С. 292).] (См. № 169).

214. *Киселев А. Л.* Социальная биография труженика в произведениях А. Платонова // Учен. зап. / Башк. гос. ун-т. Уфа, 1975. Вып. 80. Сер. филол. наук. № 26. Традиции и новаторство. Вып. 3. С. 67—79.

215. *Клепикова Е.* Выяснение мира // Аврора. Л., 1975. № 1. С. 63—66.

216. *Кузьменко О. А.* Семантическая организация рассказа А. Платонова «Никита» // Структурная и математическая лингвистика. Киев, 1975. Вып. 3. С. 40—45.

217. *Лобанов М. П.* Образ и схема. Статья 1 // Мол. гвардия. М., 1975. № 10. С. 290—304. (См. № 262).

218. *Ортенберг Д. И.* Андрей Платонов // Звезда. Л., 1975. № 3. С. 147—149. (См. № 219, 484, 485, 721, 791, содер ж.).

219. *Ортенберг Д. И.* Андрей Платонов // Ортенберг Д. И. Время не властно. Писатели на фронте. М.: Сов. писатель, 1975. С. 234—238. [2-е изд., расшир. и доп. — 1979 (С. 372—376).] (См. № 218, 484, 485, 721, 791, содер ж.).



220. Скобелев В. Н. Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов (к проблеме народного характера). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 341 с. (С. 287—329). (См. № 157, содер.ж., 192).

221. Таганов Л. Н., Пронин В. А. «Мы растем из земли...» (А. Платонов — поэт) // Таганов Л. Н. На поэтических меридианах. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1975. С. 26—36. (См. № 157, содер.ж.).

222. Тимофеева В. В. Пути художественного исследования личности: (Из опыта советской литературы). Л.: Наука, 1975. 191 с. (С. 140—143, 161—164).

223. Фоменко Л. П. Жанровая специфика повестей А. П. Платонова 20-х годов // Проблемы литературных жанров. Материалы второй науч. межвуз. конф... Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. С. 130—132.

224. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель. М., 1975. Вып. 4. Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1967—1971 гг. 571 с. (С. 101, 102, 131, 295, 311, 314, 333, 424, 449, 464).

225. Эйдинова В. В. Жанровая структура ранних рассказов А. Платонова (первая половина 20-х годов) // Проблемы литературных жанров. Материалы второй науч. межвуз. конф... Томск: изд-во Том. ун-та, 1975. С. 128—130.

226. Эйдинова В. В. К вопросу об истоках творчества А. Платонова (по страницам газетных и журнальных публикаций писателя 1918—1922 гг.) // Южно-Уральская конференция по археографии и источниковедению, истории литературы и языка, 2-я. Тезисы докл. и сообщ. / Южно-Урал. отд. Археографической комиссии АН СССР. Уфа, 1975. С. 46. (См. № 268).

## 1976

227. Антюхин Г. В. Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области, 1917—1945. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 238 с. (С. 25, 41, 42, 55, 61, 64, 77, 93, 94). (См. № 68).

228. Бабенко Л. Г. Человек и мир в рассказах А. Платонова 20-х годов // Проблемы стиля и жанра в советской литературе / Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1976. Вып. 8. С. 77—85.

229. Бузник В. В. Повесть 20-х годов // Русская советская повесть 20—30-х годов. Л.: Наука, 1976. С. 147—217. (С. 215—217).

230. Васильев В. В. Прекрасная сущность человека. (Вступительная статья) // Платонов А. Величие простых сердец. М.: Моск. рабочий, 1976. С. 3—16.

231. Дарьялова Л. Н. Проблема историзма в романтической прозе 20-х гг. (Вс. Иванов и А. Платонов) // Всеволод Иванов и проблемы романтизма. Материалы IV межвуз. науч. конф... / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1976. С. 156—165.

232. Ершов Л. Ф. Традиции Щедрина и советская сатира // Вестн. Ленингр. ун-та. 1976. № 20. История. Яз. Лит. Вып. 4. С. 75—82. (С. 77—79).

233. Кораблинов В. А. Азорские острова. Повесть // Подъем. Воронеж, 1976. № 5. С. 12—91. (С. 63—64, 76—78). (См. № 202, 247, 276, 791, содер.ж.).

234. Кузин Н. Г. «В прекрасном и яростном мире» // Кузин Н. Г. Живое пламя правды. Статьи о советской литературе. Свердловск: Сред.-Урал кн. изд-во, 1976. С. 4—24.

235. Кузьменко О. А. Стефаник і А. Платонов. (До питання зв'язків української і російської літератур) // Укр. мова і літ. в школі. Київ, 1976, № 1. С. 85—87.

236. Осицкая Т. С. Маяковский и Платонов: (К вопросу о принципах советской сатиры 20-х гг.) // Революция, жизнь, писатель: Вопросы теории и истории советской литературы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 35—47. (См. № 409).

237. *Свительский В. А., Скобелев В. П.* «Радостное состояние поэзии» // Подъем. Воронеж, 1976, № 2. С. 139—144.

238. *Фоменко Л. Н. А. М. Горький — критик Андрея Платонова* // Горьковские чтения, 1975. Материалы конф. «А. М. Горький и литературная критика». Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1976. С. 140—145.

239. *Фоменко Л. Н.* О некоторых традициях русской прозы в повестях А. Платонова 20-х годов // Советская литература. Традиции и новаторство. Межвуз. сб. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. Вып. 1. С. 99—110.

240. *Эйдинова В. В.* Рассказы А. Платонова начала 20-х годов (стиль и жанр) // Проблемы стиля и жанра в советской литературе / Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1976. Вып. 9. С. 83—100.

#### 1977

241. *Белая Г. А.* Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977. 254 с. (С. 196—213).

242. *Белая Г. А.* Система «Автор—герой—читатель» как основа стиливой целостности литературного произведения (на материале творчества А. Платонова) // Целостность художественного произведения и проблемы анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Тезисы докл. ... / Донецк. гос. ун-т. Донецк, 1977. С. 11—13.

243. *Васильев В. В.* ...Вез меня народ не полный // Васильев В. В. Сопричастность жизни. Лит.-крит. статьи. М.: Современник, 1977. С. 5—70. [2-е изд., доп. 1979 (С. 5—76).] (Рец. см. № 243а).

243а. *Корниенко Н. В.* [Рец.] // Звезда. Л., 1978. № 7. С. 219—220.

244. *Виленская Л. И.* Концепция мира и человека в творчестве А. Платонова // Сб. науч. тр. / Ташк. гос. пед. ин-т им. Низами. Ташкент, 1977. Т. 196. Проблемы литературоведения и преподавания литературы. С. 58—75.

245. *Гудович А. Б.* Примечания // Платонов А. Мастерская. М.: Сов. Россия, 1977. С. 140—141.

246. *Гусев В. И.* Практическая теория А. Платонова // Платонов А. Мастерская. М.: Сов. Россия, 1977. С. 3—6. (См. № 316, 359).

247. *Кораблинов В. А.* Азорские острова. Воронеж. Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. 175 с. (С. 134—135, 153—155). (См. № 202, 233, 276, 791, содер. ж.).

248. *Малыгина Н. М.* Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») // Рус. лит. Л., 1977. № 4. С. 158—165. (См. № 792, содер. ж.).

249. *Нагибин Ю. М.* Андрей Платонов в театре // Нагибин Ю. М. Литературные раздумья. М.: Сов. Россия, 1977. С. 110—121. (См. № 350).

250. *Полтавцева Н. Г.* Критика мифологического сознания в творчестве Андрея Платонова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 35 с. (См. № 323).

251. *Полтавцева Н. Г.* Целостный анализ произведений художественной философской прозы // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Тезисы докл. ... / Донецк. гос. ун-т. Донецк, 1977. С. 43—44.

252. *Полтавцева Н. Г.* Человек и природа (философские повести «Женьшень» М. Пришвина и «Джан» А. Платонова) // Филологические этюды. Современная русская литература, литература народов СССР и фольклор. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. Вып. 2. С. 19—34.

#### 1978

253. *Бобылев Б. А.* Об Андрее Платонове — воронежском газетчике // Подъем. Воронеж, 1978. № 5. С. 131—136.

254. Горелов А. А. «Лишь с подвига начинается человек» // Горелов А. А. Соединяя времена. Очерки. М.: Современник, 1978. С. 191—216.
255. Ершов Л. Ф. Сатира и современность. М.: Современник, 1978. 272 с. (С. 162—165, 203—208).
256. Злобинская Р. К. Герои и позиция автора в произведении на инонациональную тему // Науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т. 1978. Т. 203. С. 71—83.
257. Корниенко Н. В. Становление концепции мира в статьях Андрея Платонова 20-х годов // Проблемы художественного метода и жанра. XXXI Герценовские чтения / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1978. С. 64—69.
258. Краснощекова Е. А. О художественном мире Андрея Платонова // Платонов А. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. I. С. 5—28.
259. Краснощекова Е. А., Сотскова М. Н. Комментарии // Платонов А. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. С. 378—397.
260. Кудреватых Л. А. Аромат земли // Кудреватых Л. А. Мой генерал. Повесть. Очерки. М.: Сов. писатель, 1978. С. 223—225. (См. № 101, 150).
261. Кузьменко О. А. Толстовская тема в новеллистике А. Платонова // Лев Толстой. Проблемы творчества. Киев: Вища школа, 1978. С. 73—87.
262. Лобанов М. П. Образ и схема // Лобанов М. П. Надежда исканий. Лит.-крит. статьи. М.: Современник, 1978. С. 122—168. (С. 145—159), (См. № 217).
263. Полтавцева Н. Г. Содержательность жанра. (Повесть Андрея Платонова «Джан») // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д. 1978. № 2. С. 60—68.
264. Сейранян Н. П. Роман Андрея Платонова «Чевенгур» // Молодой науч. работник. Обществ. науки. Ереван, 1978. № 1. С. 109—118.
265. Фоменко Л. П. Своеобразие финалов повестей А. П. Платонова. (К проблеме изучения стиля прозы А. П. Платонова 20—30-х годов) // Жанрово-стилевые проблемы в советской литературе. Межвуз. темат. сб. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1978. С. 37—49.
266. Чалмаев В. А. Андрей Платонов. М.: Сов. Россия, 1978. 176 с. (См. № 371, 613; рец. см. № 266а, 266б).
- 266а. Гурьев Н. Энергия судьбы // Подъем. Воронеж, 1979. № 4. С. 145—146.
- 266б. Калугин В. «Рабочий класс — это моя Родина...» // Москва. 1979. № 5. С. 213—215.
267. Чалмаев В. А. Пламя познания // Лит. учеба. М., 1978. № 2. С. 128—141.
268. Эйдинова В. В. К творческой биографии А. Платонова. (По страницам газетных и журнальных публикаций писателя 1918—1925 годов) // Вопр. лит. М., 1978. № 3. С. 213—228. (См. № 226).
269. Makinin Yu. Worked as a special correspondent at the front... // Soviet Literature. M., 1978. N 2. P. 143—147.

1979

270. Акимов В. М. «Рабочий класс — это моя Родина...» // Платонов А. В прекрасном и яростном мире. Повести. Рассказы. Л.: Лениздат, 1979. С. 402—414. (См. № 342).
271. Бабенко Л. Г. Глаголы интеллектуальной деятельности в рассказах А. Платонова. (Лексическая представленность) // Классы слов и их взаимодействие. Межвуз. темат. сб. / Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1979. С. 69—71.
272. Богданович Т. Проблема героя в творчестве Андрея Платонова в свете его социально-философских и эстетических исканий 20-х годов. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1979. 24 с.

- 273 *Васильев В В* [Вступ заметка к публ А Платонова «Поэт должен быть человеком великой чести»] // Лит учеба М, 1979 № 3 С 153
- 274 *Васильев В В* Литературная критика Андрея Платонова К 80 летию со дня рождения писателя // Наш современник М, 1979 № 9 С 174—184 (См № 299)
- 275 *Верин В А* Сатирический дебют Андрея Платонова (О повести «Город Градов») // Науч докл высш школы Филол науки М 1979 № 4 С 11—16
- 276 *Кораблинов В А* Азорские острова // Кораблинов В А Воронежские повести М Современник, 1979 С 179—366 (С. 325—326, 345—347) [2е изд Воронеж Центр Чернозем кн изд во, 1984 (С. 563—564, 582—584)] (См № 202, 233, 247, 791, содер ж)
- 277 *Корниенко Н В* Путешествие с открытым сердцем // Звезда Л, 1979 № 7 С 194—196
- 278 *Корниенко Н В* Философские искания и особенности художественного метода Андрея Платонова Автореф дис канд филол наук / Ленингр гос пед инт им А И Герцена Л, 1979 19 с
- 279 *Коробков Л Д* Государство заботы О рассказе Андрея Платонова «Государственный житель» // Подъем Воронеж, 1979 № 4 С 127—132 (См № 476)
- 280 *Крамов И Н В* зеркале рассказа Наблюдения Разборы Портреты М Сов писатель, 1979 296 с (С. 6, 87—92, 96, 98, 101—105) [2е изд 1986 (С. 6, 78—83, 87—88, 91—95)] (См № 136, 300)
- 281 *Краснощечкова Е А* О поэтике Андрея Платонова // Изв АН СССР Сер лит и яз М, 1979 Т 38 № 1 С 42—51
- 282 *Кузин Н Г* Навстречу будущему // Платонов А Жена машиниста Повести и рассказы Свердловск Сред Урал кн изд во, 1979 С 3—22 (См № 283 347, 383)
- 283 *Кузин Н Г* Навстречу будущему (К 80 летию Андрея Платонова) // Рус лит Л, 1979 № 3 С 30—44 (См № 282, 347, 383)
- 284 *Мальгина Н М* Якутия в преобразовательных проектах А Платонова // Поляр звезда Якутск, 1979 № 2 С. 95—97
- 285 *Полтавцева Н Г* Философско этическая проблематика прозы Андрея Платонова Автореф дис канд филол наук / Моск гос пед инт им В И Ленина М, 1979 16 с
- 286 *Полтавцева Н Г* Чувство любви в этике и эстетике Андрея Платонова // Науч тр / Кубан гос унт Краснодар, 1979 Вып 273 Эстетические взгляды писателей и художественное творчество Кн 3 С 125—131
- 287 *Свительский В А* «Фантазии» молодого Платонова // Революция Жизнь Писатель Воронеж Изд во Воронеж унта 1979 С 64—73
- 288 *Свительский В А, Скобелев В П* На сегодня и впрок (Заметки к 80 летию А Платонова) // Подъем Воронеж, 1979 № 4 С 133—141
- 289 *Семенова С Г* «В усилие к будущему времени» (Философия Андрея Платонова) // Лит Грузия Тбилиси, 1979 № 11 С 104—121 (См № 600)
- 290 *Сергеева Э* Труд, дарующий радость // Знамя М, 1979 № 9 С 236—239
- 291 *Чалмаев В А* Величие простых сердец // Огонек М, 1979 № 36 С 20—21 (См № 307)
- 292 *Чалмаев В А* У человеческого сердца (К 80 летию со дня рождения А Платонова) // Москва № 8 С 205—208 (См № 374, 440)
- 293 *Чудакова М О* Поэтика Михаила Зощенко М Наука 1979 200 с (С. 114—120)
- 294 *Шевченко М П* В Доме Герцена // Шевченко М П Метельная ночь Повести рассказы, лит портреты М Моск рабочий 1979 С 232—237 (См № 344 619 683)

295. *Шеханова Т. С.* В «прекрасном и яростном мире» слова А. Платонова // Рус. речь. М., 1979. № 6. С. 36—42.

296. *Krimm V.* Sõnameistriist ja tema sõnast // Platonov A. Meistri saamine. Tallinn, 1979. Lk. 306—311.

1980

297. *Бабенко Л. Г.* Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д, 1980. 25 с.

298. *Васильев В. В.* Комментарии // Платонов А. Размышления читателя: Лит.-крит. статьи и рецензии. М.: Современник, 1980. С. 271—285.

299. *Васильев В. В.* Литературная критика Андрея Платонова // Платонов А. Размышления читателя. Лит.-крит. статьи и рецензии. М.: Современник, 1980. С. 252—270. (См. № 274).

300. *Крамов И. Н.* В поисках сущности // Крамов И. Н. В поисках сущности. Лит.-крит. статьи, лит. портреты. Алма-Ата: Жазушы, 1980. С. 75—113. (См. № 136, 280).

301. *Кривицкий А. Ю.* Елка для взрослого, или Повествование в различных жанрах // Знамя. М., 1980. № 5. С. 48—101. (С. 53, 77—85, 89—93). (См. № 346, 364, 408, 791, содерж.).

302. *Кузьменко О. А.* О некоторых особенностях реализма Андрея Платонова. (На материале рассказов «Афродита» и «Дед-солдат») // Вісн. Київ. ун-ту. Укр. філологія. 1980. Вип. 22. С. 60—67.

303. *Кузьменко О. А.* Особенности реализма Андрея Платонова. (Проблематика и поэтика рассказов военных лет). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1980. 24 с.

304. *Медриш Д. Н.* «Было — не было...». (Народная сказка в литературном изложении) // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества. (Взаимовлияния фольклора и литературы): Респ. сб. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1980. С. 155—160.

305. *Разводова О. А.* «Моя родина — рабочий класс». Обзор материалов конф. «Андрей Платонов — писатель и публицист», Воронеж, 1980 г. // Вопр. лит. М., 1980. № 7. С. 310—313.

306. *Фоменко Л. П.* Своеобразие сюжета повестей А. Платонова 20-х годов // Жанрово-стилевые проблемы советской литературы. Межвуз. темат. сб. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1980. С. 90—102.

307. *Чалмаев В. А.* Величие простых сердец // Платонов А. Июльская гроза. Рассказы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. С. 5—12. (См. № 291).

308. *Шубин Л. А.* Созревающее время // Дет. лит. М., 1980. № 10. С. 31—34. (См. № 442).

1981

309. *Акимов В. М.* О «прогессе человечности в человеческом существе». (Проза Андрея Платонова) // Акимов В. М. На ветрах времени. Очерки о кн. сов. писателей. Л.: Дет. лит., 1981. С. 87—98. (См. № 691).

310. *Бабенко Л. Г., Кузнецова Э. В.* Предложения, передающие ситуацию неадресованной речевой информации, в художественном тексте: (На материале прозы А. Платонова) // Исследования по семантике. Уфа, 1981. Вып. 7. Лексическая и синтаксическая семантика. С. 74—83.

311. *Васильев В. В.* Ратный труд. Военная проза Андрея Платонова // Наш современник. М., 1981. № 5. С. 172—183.
312. *Гаврилюк В. Л.* Деякі особливості узагальнення художнього стилю А. Платонова // Рад. літературознавство. Київ, 1981. № 4. С. 79—84.
313. *Гаврилюк В. Л.* Особенности типизации в творчестве Андрея Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1981. 26 с.
314. *Галасьева Г. В.* Тема природы и эволюции личности в прозе А. П. Платонова 1920-х годов // Человек и природа в художественной прозе. Межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар. гос. ун-т им. 50-летия СССР. Сыктывкар, 1981. С. 33—48.
315. *Гор Г. С.* Странность литературы // Лит. учеба. М., 1981. № 6. С. 184—192. (С. 186—188). (См. № 345).
316. *Гусев В. И.* Практическая теория А. Платонова // Гусев В. И. Память и стиль. Современная советская литература и классическая традиция. М.: Сов. писатель, 1981. С. 240—242. (См. № 246, 359).
317. *Каманин Ф. Г.* Литературные встречи. Главы из книги // Новый мир. М., 1981. № 6. С. 84—124. (С. 106—109). (См. № 361).
318. *Кобзарь Е. Н.* Человек и природа в русской советской прозе 30-х годов // Человек и природа в художественной прозе. Межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар. гос. ун-т им. 50-летия СССР. Сыктывкар, 1981. С. 77—86.
319. *Краснощечкова Е. А.* «Умное сердце» Андрея Платонова // Платонов А. У человеческого сердца. Рассказы. М.: Дет. лит., 1981. С. 3—14. [2-е изд. 1986]
320. *Кузин Н. Г.* «Рабочий класс — это моя Родина» // Подъем. Воронеж, 1981. № 2. С. 141—148.
321. *Ласунский О. Г.* Житель родного города // Ласунский О. Г. Волшебное зеркало. Разыскания. Исследования. Этюды. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1981. С. 206—209. (См. № 481, 662).
322. *Мальгина Н. М.* Естественнонаучные источники и представления о природе Андрея Платонова // Человек и природа в художественной прозе. Межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар. гос. ун-т им. 50-летия СССР. Сыктывкар, 1981. С. 49—64.
323. *Полтавцева Н. Г.* Философская проза Андрея Платонова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1981. 141 с. (См. № 250; рец. см. № 323а, 323б, 323в, 323г, 323д).
- 323а. *Бобух Т.* [Рец.] // Лит. обозрение. М., 1983. № 9. С. 82—83.
- 323б. *Краснощечкова Е. А.* [Рец.] // Новый мир. М., 1982. № 8. С. 268—269.
- 323в. *Орлова Е. И.* [Рец.] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1983. № 3. С. 87—88.
- 323г. *Скобелев В. Н.* Поэтический образ идеи // Подъем. Воронеж, 1983. № 4. С. 137—139.
- 323д. *Фоменко Л. П.* Философская проза Андрея Платонова // Вопр. лит. М., 1982. № 5. С. 217—223.
324. *Романова Е. С.* Андрей Платонов — читатель // Библиотекарь. М., 1981. № 2. С. 55—56.
325. *Скобелев В. П.* О поэтике платоновской прозы // Подъем. Воронеж, 1981. № 9. С. 143—149.
326. *Чалмаев В. А.* Завоевание будущего. (В художественном мире Андрея Платонова) // Платонов А. Сокровенный человек. Рассказы. Повести. Кишинев: Лит. артистикэ, 1981. С. 5—14.
327. *Шубин Л. А.* Начало сознания. О публицистике А. Платонова воронежского периода [Предисл. к публ. статей А. Платонова] // Лит. обозрение. М., 1981. № 9. С. 100—103.

328. *Васильев В. В.* Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М.: Современник, 1982. 230 с. (См. № 637; рец. см. № 328а, 328б, 328в, 328г).
- 328а. *Антипенко Л.* Сопричастность // Мол. гвардия. М., 1984. № 6. С. 277—279.
- 328б. *Бушканец Н. С.* Книга о Платонове // Лит. в шк. М., 1983. № 6. С. 64.
- 328в. *Коробков Л. Д.* На пути к Платонову // Москва. 1984. № 3. С. 205—207.
- 328г. *Таранин А.* [Рец.] // Сиб. огни. Новосибирск, 1983. № 7. С. 171—172.
329. *Васильев В. В.* Душа, взыскующая счастья. О рассказе «Такры» и повести «Джан» А. Платонова // Волга. Саратов, 1982. № 8. С. 164—171.
330. *Джичова Е. Г.* Андрей Платонов в солдатском окопе // Подъем. Воронеж, 1982. № 8. С. 127—133.
331. *Елин Г. А.* «Труд есть совесть». [Вступ. статья к публ. А. Платонова «Из записных книжек 1927—1950 гг.»] // Собеседник. Лит.-крит. ежегодник. М.: Современник, 1982. Вып. 3. С. 278—279.
332. *Каверин В. А.* В старом доме // Каверин В. А. Вечерний день. Письма. Встречи. Портреты. М.: Сов. писатель, 1982. С. 333—486. (С. 428—430). [Переизд. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 6. (С. 508—509).] (См. № 168, 558).
333. *Козлов Н. П.* Проблема конфликта в повести А. Платонова «Сокровенный человек» // Поэтика реализма. Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1982. С. 62—78.
334. *Компанец В. В.* «Тайное тайных» Вс. Иванова и «Сокровенный человек» А. Платонова. (К проблеме подсознания) // Литературно-критические опыты и наблюдения. Вопр. рус. яз. и лит. Межвуз. сб. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 102—112.
335. *Кузьменко О. А.* О жанровом своеобразии рассказа А. Платонова «Сампо» // Вопросы русской литературы. Респ. межвед. науч. сб. Львов: Вища школа, 1982. Вып. 2 (40). С. 109—115.
336. *Лакшин В. Я.* Няня филологических наук // Лит. обозрение. М., 1982. № 7. С. 100—108. (С. 105—106).
337. *Малыгина Н. М.* Эстетические взгляды Андрея Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск, 1982. 23 с. (См. № 365, 385).
338. *Махалиньски Р.* Детские характеры в новеллистике Андрея Платонова // Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1982. № 2. С. 23—26.
339. *Свительский В. А.* Возвращение мастера // Платонов А. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. С. 5—36.
340. *Фоменко Л. П.* Философские категории и их стилевая функция в прозе А. П. Платонова // Жанрово-стилевые проблемы советской литературы. Межвуз. темат. сб. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1982. С. 52—67.
341. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель. М., 1982. Вып. 5. Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1972—1977 гг. 497 с. (С. 79, 137, 138, 227, 400).

342. *Акимов В. М.* «Рабочий класс — это моя родина...» // Платонов А. Избранное. Повести и рассказы. М.: Правда, 1983. С. 430—445. (См. № 270).
343. *Белая Г. А.* Романтики революции. Вступ. статья // В прекрасном и яростном мире. Проза 20-30-х годов. М.: Сов. Россия, 1983. С. 3—17. (С. 14—17).

344. Воспоминания о Литинституте: к 50-летию Литературного института им. А. М. Горького Союза Писателей СССР, 1933—1983. М., Сов. писатель, 1983. 480 с. (С. 187, 322—325, 390, 408). (См. № 294, 619, 683).

345. Гор Г. С. Странность литературы // Гор Г. С. Пять углов: Повести, эссе. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 274—283. (См. 277—280). (См. № 315).

346. Кривицкий А. Ю. Елка для взрослого. Повесть-хроника // Кривицкий А. Ю. Елка для взрослого. М.: Сов. писатель, 1983. С. 5—168. (С. 14, 49—61, 66—72). [Переизд. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. (С. 318, 353—365, 371—377); в одном. сб. — 1986 (С. 10—11, 46—57, 63—69).] (См. № 301, 364, 408, 791, содер. ж.).

347. Кузин Н. Г. Навстречу будущему: Андрей Платонов // Кузин Н. Г. Диалог с временем. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. С. 107—172. (См. № 282, 283, 383).

348. Малыгина Н. М. Сюжетно-композиционная структура «Происхождения мастера» А. Платонова // Проблемы литературных жанров. Материалы четвертой науч. межвуз. конф. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. С. 104—105.

349. Мотяшов И. П. Мир и надежды Андрея Платонова // Платонов А. Цветок на земле. Повести, рассказы, сказки, статьи. М.: Мол. гвардия, 1983. С. 3—25.

350. Нагибин Ю. М. Не чужое ремесло. М.: Современник, 1983. 350 с. (С. 166—178). (См. № 249).

351. Ростовцева И. И. [Вступ. заметка к публ. подборки стихотворений А. Платонова] // День поэзии. М.: Сов. писатель, 1983. С. 85.

352. Смирнова В. Г. Переосмысление отвлеченных существительных в художественной системе Андрея Платонова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1983. № 5. С. 70—73.

353. Сучков Ф. Ф. На красный свет. (Об Андрее Платонове — мастере прозы) // Платонов А. Сокровенный человек. Повести и рассказы. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. С. 5—14. (См. № 63, 730).

354. Таратута Е. А. Драгоценные автографы // Простор. Алма-Ата, 1983. № 3. С. 164—167. (См. № 410, 791, содер. ж.).

355. Тимофеев В. Прекрасный и яростный мир Андрея Платонова. (Послесловие к рассказу «Одухотворенные люди») // Подвиг: (Прил. к журн. «Сел. молодежь»). М.: Мол. гвардия, 1983. Т. 2. С. 300—332.

356. Шеханова Т. С. «Вся честь солдата...». О военной прозе Андрея Платонова // Рус. речь. М., 1983. № 3. С. 35—40.

#### 1984

357. Бондаренко В. Г. [Комментарии к публ. пьесы А. Платонова «Высокое напряжение»] // Совр. драматургия. М., 1984. № 3. С. 182—183.

358. Васильев В. В. [Предисл. к публ. подборки стихотворений А. Платонова] // Поэзия: Альманах. М.: Мол. гвардия, 1984. Вып. 38. С. 117—119.

359. Гусев В. И. Практическая теория Андрея Платонова // Гусев В. И. Рождение стиля. Статьи. М.: Сов. Россия, 1984. С. 217—219. (См. № 246, 316).

360. Еремин В. А. Без меня народ неполный // Еремин В. А. На трудных перегонах. Лит.-крит. статьи. М.: Современник, 1984. С. 43—64.

361. Каманин Ф. Г. Пиши ты больше про наши Ивановичи. Рассказы. Лит. встречи. М.: Сов. писатель, 1984. 376 с. (С. 342—348). (См. № 317).

362. Киселев А. Л. О типологии образов персонажей в произведениях М. Пришвина и А. Платонова // Типологическая общность и индивидуальное своеобразие писателя. Межвуз. сб. науч. тр. / Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого. Тула, 1984. С. 87—103.



363. *Коровин В.* Трудное возвращение. Послесловие // Возвращение. Проза конца 40-х — начала 50-х годов. М.: Сов. Россия, 1984. С. 347—351. (С. 349).
364. *Кривицкий А. Ю.* Старый и верный друг // Новый мир. М., 1984. № 1. С. 224—232. (С. 225—226). (См. № 301, 346, 408, 791, содерж.).
365. *Малыгина Н. М.* Особенности философско-эстетических исканий Андрея Платонова: Метод. разработка для студентов рус. отд-ния ист.-филол. фак. / Якут. гос. ун-т. Якутск, 1984. 46 с. (См. № 337, 385).
- 365а. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская обл. / М-во культуры РСФСР. НИИ культуры. Сб. науч. тр. № 130. М., 1984. Ч.1. 152 с. (С. 17, 18, 20—21, 87, 123—124).
366. *Менглинова Л. Б.* Гротеск в повести А. Платонова «Город Градов» // Художественное творчество и литературный процесс: Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. Вып. 6. С. 71—88.
367. *Михайлов О. Н.* Подвижник человечности. (Читая Андрея Платонова) // Михайлов О. Н. Страницы советской прозы. М.: Современник, 1984. С. 99—109.
368. *Рыхло П. В.* Стефан Хермлин и русская советская литература // Вопр. рус. лит. Львов, 1984. Вып. 1 (43). С. 116—123. (С. 121—122).
369. *Тaubман Е. И.* Одухотворенный человек: 85 лет со дня рождения А. Платонова // Наука и религия. М., 1984. № 12. С. 46—48.
379. *Трояновский П.* Солдатскими дорогами. Из записок фронтового корреспондента // Москва. 1984. № 5. С. 167—173. (С. 167—170).
371. *Чалмаев В. А.* Андрей Платонов. Очерки жизни и творчества. 2-е изд., доп. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984. 221 с. (См. № 266, 613; рец. см. № 371а, 3716).
- 371а. *Дмитриенко С.* [Рец.] // Лит. обозрение. М., 1985. № 10. С. 75—76.
3716. *Кравченко Е.* Судьба, неотделимая от революции // Подъем. Воронеж, 1985. № 1. С. 139—141.
372. *Чалмаев В. А.* «Нечаянное» и вечное совершенство. Из творческой биографии Андрея Платонова // Лит. учеба. М., 1984. № 5. С. 130—140. (См. № 505, 616).
373. *Чалмаев В. А.* Примечания // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Сов. Россия, 1984. С. 1. Рассказы, повести, 1921—1934. С. 450—460.
374. *Чалмаев В. А.* У человеческого сердца. (В художественном мире Андрея Платонова) // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Сов. Россия, 1984. С. 1. Рассказы, повести, 1921—1934. С. 5—22. (См. № 292, 440).
375. *Шубин Л. А.* Первая школа искусства жить. (Истоки творчества Андрея Платонова) // Вопр. лит. М., 1984. № 1. С. 31—61. (См. № 442).
376. *Эйдинова В. В.* Принципы стилового анализа литературного произведения. (На материале рассказов М. Шолохова и А. Платонова) // Принципы анализа литературного произведения. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 122—129.

1985

377. *Бабенко Л. Г.* Об аналитическом изображении чувств. (На материале художественной речи А. Платонова) // Вопр. стилистики. Саратов, 1985. Вып. 20. С. 61—77.

378. *Бабенко Л. Г.* Опыт стилистического анализа фраз, передающих ситуацию эмоциональной деятельности. (На материале рассказов А. Чехова, А. Платонова и В. Шукшина) // Проблемы функционирования языка и специфика речевых разновидностей. Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1985. С. 149—154.

379. *Бочаров С. Г.* Вещество существования. (Мир Андрея Платонова) // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 249—296. (См. № 161, 792, содер. ж.; рец. см. № 379а).
- 379а. *Бабаев Э. Г.* Сообщающиеся миры // Новый мир. М., 1988. № 2. С. 250—253. (С. 252).
380. *Бузник В. В.* Социалистический гуманизм и художественные проблемы. Статьи о советской литературе. Л.: Наука, 1985. 388 с. (С. 18, 21, 23, 75, 103—106, 178).
381. *Гуляньска О. В.* Одухотворення факту // Рад. літературознавство. Київ, 1985. № 4. С. 36—40.
382. *Корниенко Н. В.* В мысли о России. (К истокам философско-исторической концепции творчества Андрея Платонова) // Рус. лит. Л., 1985. № 1. С. 110—125.
383. *Кузин Н. Г.* Навстречу будущему. (А. Платонов) // Кузин Н. Г. В мире самого трудного. М.: Современник, 1985. С. 249—280. (См. № 282, 283, 347).
384. *Ласунский О. Г.* Литературная прогулка по Воронежу. Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1985. 255 с. (С. 56, 57, 82—88, 120, 147—149, 159, 160, 168). [2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Логос, 1993. 432с. (С. 31—32, 89, 90, 112—113, 135—139, 157—160, 212, 214, 234—235, 258—260, 274—276, 286, 331—332, 348, 385—386, 407—408, 421).]
385. *Малыгина Н. М.* Эстетика Андрея Платонова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 144 с. (См. № 337, 365; рец. см. № 385а).
- 385а. *Камышев В.* Необходимость Платонова // Дал. Восток. — Хабаровск, 1987. № 7. С. 145—148. (Ответ автора кн. см. № 385б).
- 385б. *Малыгина Н. М.* Сверяя с Андреем Платоновым. Ответ критику Виталию Камышеву // Дал. Восток. Хабаровск, 1988. № 2. С. 156—158.
386. *Овчаренко А. И.* Большая литература. Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945—1985 годов. Шестидесятые годы. М.: Современник, 1985. 446 с. (С. 11—16).
387. *Поздняев М.* О человеке сокровенном. (Послесловие к рассказу «В прекрасном и яростном мире») // Подвиг. (Прил. к журн. «Сел. молодежь»). М.: Мол. гвардия, 1985. С. 1. С. 336—340.
388. *Посадская Л. А.* Гуманистический пафос сатирической прозы А. Платонова // Проблемы развития советской литературы. Эпические жанры: идейно-эстетические искания, эволюция художественных форм: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 70—81.
389. *Семенов Р. А.* Афанасий Иванович и Аграфена Максимовна, или Образ семьянина у Гоголя и Платонова // Лит. учеба. М., 1985. № 6. С. 183—193.
390. *Таубман Е. И.* «Губернский мелиоратор» // Техника и наука. М., 1985. № 2. С. 28—31.
391. *Ульянцев Д. М.* Идеино-художественные функции заглавий в рассказах А. П. Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1985. 17 с.
392. *Фоменко Л. П.* Человек в философской прозе А. Платонова. Учеб. пособие / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1985. 72 с.
393. *Чалмаев В. А.* Примечания // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Сов. Россия, 1985. Т. 2. Повесть, рассказы, 1934—1941; Размышления читателя: Статьи. С. 511—523.
394. *Чалмаев В. А.* Примечания // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Сов. Россия, 1985. Т. 3. Рассказы, 1941—1951; Драматические произведения; Волшебное кольцо. Сказки; Из ранних сочинений; Из писем и записных книжек. С. 551—572.

395. Явич А. Е. Думы об Андрее Платонове // Явич А. Е. Книга жизни. Рассказы о былом. М.: Сов. писатель, 1985. С. 51—80. (См. № 791, содер. ж.).

1986

396. Акимов В. М. «Солдат начинается с думы об Отечестве...» (Военная проза Андрея Платонова) // Платонов А. Одухотворенные люди. Рассказы о войне. М.: Правда, 1986. С. 3—14.

397. Верин В. А. Андрей Платонов. [Вступ. статья к публ. А. Платонова «Студенческая жизнь; Волчек»] // Студ. меридиан. М., 1986. № 6. С. 52.

398. Верин В. А. [Вступ. заметка к публ. А. Платонова «И эта мука совести...»] // Юность. М., 1986. № 12. С. 90—91.

399. Верин В. А. [Вступ. заметка к публ. очерка А. Платонова «Ленин»] // Комс. жизнь. М., 1986. № 7. С. 16.

400. Верин В. А. История одной командировки // Север. Петрозаводск, 1986. № 10. С. 103—105.

401. Верин В. А. Мелиоратор, журналист, писатель. [Вступ. статья к публ. А. Платонова «Луговые мастера; Ремонт земли»] // Мелиоратор. М., 1986. № 2. С. 54—56.

402. Гринев Р. «Магический кристалл» Пушкина. [Рец. на кн.: Nyota Thun. Puschkinbilder, Bulgakow. Tynjanow. Platonow. Soschtschenko. Zwetajewa. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1984.] // Иностран. лит. М., 1986. № 6. С. 244—246. (С. 245).

403. Зайонц И. Время и его герои. Некоторые наблюдения, навеянные чтением двух номеров московских журналов // Лит. обозрение. М., 1986. № 12. С. 3—6.

404. Зальгин С. П. [Предисл. к публ. повести А. Платонова «Ювенильное море»] // Знамя. М., 1986. № 6. С. 48—49.

405. Корниенко П. В. Повесть Андрея Платонова как философско-психологическое единство // Целостность художественного произведения / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, Л., 1986. С. 27—37.

406. Коробков Л. Д. Нетерпение. О повести Андрея Платонова «Ювенильное море» // Подъем. Воронеж, 1986. № 12. С. 119—126.

407. Кравченко Е. На ясный свет // Подъем. Воронеж, 1986. № 6. С. 133—135.

408. Кривицкий А. Ю. Здравствуй, Андрей Платонов! // Кривицкий А. Ю. На полях книг. Монологи публициста. М.: Сов. писатель, 1986. С. 114—133. (См. № 301, 346, 364, 791, содер. ж.).

409. Осицкая Т. С. «Мастер большой, всеобщей жизни...». (А. Платонов о В. Маяковском) // Революция. Жизнь. Писатель. Межвуз. сб. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 124—134. (См. № 236).

410. Таратута Е. А. Повышенное содержание совести // Таратута Е. А. Драгоценные автографы. Книга воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1986. С. 206—211. (См. № 354, 791, содер. ж.).

411. Тарышкина Е. В. Концепция детства в творчестве А. Платонова // Материалы XXIV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1986. Филология. С. 87—92.

1987

412. Байтов Н. Трагедия «общего дела» // Выбор. Сб. 2. М., 1987. С. 229—323.

413. Борисова И. П. На семи ветрах // Новый мир. М., 1987. № 1. С. 250—261. (См. № 526).

414. *Бочаров А. Г.* Дальнейшая сила правды. Литературная и общественная ситуация // Лит. обозрение. М., 1987. № 5. С. 10—17. (С. 12—13).
415. *Ванюков А. И.* Русская советская повесть 20-х годов. Поэтика жанра. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 200 с. (С. 26, 30, 33, 46, 56, 126—127, 161, 166).
416. *Верин В. А.* Газетная публицистика Андрея Платонова (1918—1925 гг.) и ее значение для художественного творчества писателя. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Фак. журналистики. Каф. ред.-изд. дела. М., 1987. 22 с.
417. *Верин В. А.* Платонов начинает. [Послел. к публ. рассказа А. Платонова «Усомнившийся Макар»] // Лит. учеба. М., 1987. № 4. С. 156—158.
418. *Гладышева Л.* В прекрасном и яростном мире // Подъем. Воронеж, 1987. № 4. С. 121—124.
419. *Джичоева Е. Г.* «Подвиг есть высший труд» // Джичоева Е. Г. Притяжение. Сб. лит.-крит. статей. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. С. 3—27.
420. *Залыгин С. П.* [Вступ. слово к публ. повести А. Платонова «Котлован»] // Новый мир. М., 1987. № 6. С. 50.
421. *Залыгин С. П.* [Вступ. слово к публ. рассказа А. Платонова «Усомнившийся Макар»] / Лит. учеба. М., 1987. № 4. С. 148.
422. *Зиберов Д. А.* Зарницы нежной души // Платонов А. Потомки Солнца. Рассказы и повести. М.: Правда, 1987. С. 414—429.
423. *Зиберов Д. А.* [Комментарии к рассказу А. Платонова «Потомки Солнца»] // Советская фантастика 20—40-х годов. М.: Правда, 1987. (Библиотека фантастики: В 24 т. Т. 6.). С. 553—559.
424. *Знатков А. В.* [Послел. к публ. повести А. Платонова «Впрок»] // Дон. Ростов н/Д., 1987. № 12. С. 110—112.
425. *Золотусский И. П.* Отчет о пути // Знамя. М., 1987. № 1. С. 221—240. (С. 237—239).
426. *Иванова Н. Б.* Испытание правдой // Знамя. М., 1987. № 1. С. 198—220. (С. 213—214).
427. *Латынина А.* Договорить до конца // Знамя. М., 1987. № 12. С. 211—220. (С. 212).
428. *Левашова В. И.* Пространственно-временная организация как выражение авторской позиции в повести А. Платонова «Елифанские шлюзы» // Материалы XXV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1987. Филология. С. 31—37.
429. *Малухин В. Н.* Реквием по утопии // Знамя. М., 1987. № 10. С. 219—221.
430. *Нагибин Ю. М.* Ночью нет ничего страшнее // Чистые пруды: Альманах. М.: Моск. рабочий, 1987. Вып. 1. С. 350—362.
431. *Павлов Н.* Любовь стала мыслью... // Звезда. Л., 1987. № 6. С. 196—197.
432. *Петровский Ю. А.* Октябрь и гражданская война в молодой советской прозе // Октябрьская революция в советской прозе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 3—24. (С. 18—19).
433. *Свительский В. А.* Наш союзник Андрей Платонов. [Послел. к публ. очерка А. Платонова и Б. А. Пильняка «Че-Че-О»] // Лит. обозрение. М., 1987. № 10. С. 101—103.
434. *Свительский В. А., Сергеенко С. А.* С. Пушкин в сознании Андрея Платонова: к 150-летию со дня смерти поэта // Подъем. Воронеж, 1987. № 2. С. 119—128.
435. *Скалон Н. Р.* Предмет в художественном мире А. Платонова // Творчество писателя и литературный процесс. Жанрово-стилевые проблемы. Межвуз. сб. науч. тр. / Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1987. С. 69—80. (См. № 602, 727).

436. Сулима М. Перечитывая Андрея Платонова на украинском // Радуга. Киев, 1987. № 6. С. 140—142.
437. Таубман Е. И. Энергетик Андрей Платонов // Энергия: экономика, техника, экология. М., 1987. № 12. С. 44—50.
438. Урбан А. А. Дела и люди: вчера и сегодня // Звезда. Л., 1987. № 7. С. 195—206. (С. 195—198). (См. № 610, 611).
439. Чалмаев В. А. «Надежды на высшую жизнь» // Лит. обозрение. М., 1987. № 1. С. 56—59.
440. Чалмаев В. А. У человеческого сердца. Гуманизм Андрея Платонова // Чалмаев В. А. Свод радуги. Лит. портреты. М.: Сов. Россия, 1987. С. 65—108. (См. № 292, 374).
441. Шеханова Т. С. Андрей Платонов в Москве // Архитектура и строительство Москвы. М., 1987. № 9. С. 30—31.
442. Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет / Сост. Шубина Е. Д. М.: Сов. писатель, 1987. 367 с. (См. № 94, 118, 160, 308, 375; рец. см. № 442а, 442б, 442в, 442г, 442д, 442е, 442ж, 442з, 442и).
- 442а. Гордеева Г. [Рец.] // Дет. лит. М., 1988. № 11. С. 73—74.
- 442б. Кантор В. [Рец.] // Новый мир. М., 1988. № 1. С. 270.
- 442в. Петровский М. С. Надобно мысль разрешить... // Лит. обозрение. М., 1987. № 8. С. 61—63.
- 442г. Свительский В. А. [Рец.] // Подъем. Воронеж, 1988. № 1. С. 137—140.
- 442д. Скобелев В. П. Андрей Платонов и другие // Нева. Л., 1988. № 5. С. 179—181. (Рецензируется также № 443).
- 442е. Старикова Е. Д. Единомышленники // Знамя. М., 1988. № 3. С. 235—237.
- 442ж. Турбин В. Н. Эпос «последних известий» // Дружба народов. М., 1987. № 12. С. 244—246. (Рецензируется также публ. повести А. Платонова «Ювенильное море» в журн. «Знамя», 1986, № 6).
- 442з. Śliwowski W. i R. Lev Szubin i jego myśli o współczesnej literaturze i krytyce // Przegląd humanistyczny. Warszawa, 1990. R. 34. N 3. S. 171—173.
- 442и. Zadržil L. [Rec.] // Svetova Literatura. Praha, 1989. N 1. S. 247—248.
443. Шубин Л. А. Сказка про усомнившегося Макара. Андрей Платонов. Опыт сатирической мысли / Публ., подгот. текста и примеч. Шубиной Е. Д. // Лит. обозрение. М., 1987. № 8. С. 46—54. (См. № 625; рец. см. № 442д).

## 1988

444. Андрей Платонов сегодня // Платонов А. Котлован. Избр. проза. М.: Кн. палата, 1988. С. 5—20. (Полн. см. № 517).
445. Бабинский М. Б. Рассказ А. Платонова «В прекрасном и яростном мире» в VIII классе // Лит. в шк. М., 1988. № 4. С. 48—53.
446. Банин С. Этот загадочный, необъяснимый Платонов... О художественном пространстве повестей «Котлован» и «Ювенильное море» // Сиб. огни. Новосибирск, 1988. № 10. С. 156—171.
447. Бобылев Б. Г. Грамматическая метафора в тексте повести А. Платонова «Котлован» // Взаимодействие грамматики и стилистики текста / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1988. С. 38—44.
448. Богданович Т. Биография—культура—история в творчестве А. Платонова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1988. Т. 47. № 2. С. 148—158.

449. *Богданович Т.* О творческой позиции и поэтике Андрея Платонова 20-х годов. (На материале повести «Происхождение мастера») // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1988. № 2. С. 13—20.
450. *Богданович Т.* Художественные открытия А. Платонова и А. Малышкина в прозе 20—30-х годов. (Концепция личности в истории). Автореф. дис. ...д-ра филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. М., 1988. 28 с.
451. *Боженко Л.* Читая Андрея Платонова... // Дон. Ростов н/Д. 1988. № 12. С. 163—165.
452. *Булкина Л. В.* Средняя Азия в творчестве Андрея Платонова // Восток в русской советской литературе / Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент, 1988. С. 13—23.
453. *Васильев В. В.* Взыскание погибших // Волга. Саратов, 1988. № 1. С. 70—89.
454. *Васильев В. В.* Достоинство слова. Лит.-крит. статьи и заметки о сов. поэзии и прозе. М.: Современник, 1988. 269 с. (С. 244—245).
455. Вернуться на дорогу, ведущую в храм. (О повести Андрея Платонова «Котлован»). Подборка крит. статей // Подъем. Воронеж, 1988. № 5. С. 126—140. С о д е р ж.: *Пашнев Э.* Бутерброд для бюрократа, с. 126—129; *Никонова Т. А.* Душа живет истиной, с. 129—132; *Кизименко Н.* Тоска тщетности, с. 132—135; *Свительский В. А.* Восполненное слово, с. 136—140.
456. *Гальцева Р., Роднянская И. В.* Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. М., 1988. № 12. С. 217—230. (С. 218, 221, 222, 224, 225).
- 456а. *Герасимова Л. Е.* «Прощупать незавершенный диалог» // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Межвуз. сб. Саратов, 1988. Вып. 5. С. 14—27.
457. *Гумилевский Л. И.* Судьба и жизнь. Воспоминания. Ч. 2. / Публ. Носовой-Гумилевской В. // Волга. Саратов, 1988. № 9. С. 101—132. (С. 108—117, 121—122, 125—128, 130—132). (См. № 791, содер. ж.).
458. *Джанаева Н. Е.* Ключевые слова как средство создания образности в контексте А. Платонова // Взаимодействие грамматики и стилистики текста / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1988. С. 34—38.
459. *Дубровина И. М.* К вопросу о духе и стиле прозы А. Платонова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1988. № 6. С. 11—15.
460. *Дужина Н. И.* «Все, что видимо и что скрыто...». Комментарии к произведениям, включенным в сборник // Платонов А. Котлован: Избр. проза. М.: Кн. палата, 1988. С. 312—318.
461. *Залыгин С. П.* Сказки реалиста и реализм сказочника. Очерк о творчестве Андрея Платонова // Залыгин С. П. В пределах искусства. Размышления и факты. М.: Сов. писатель, 1988. С. 153—196. (См. № 166, 181).
462. *Зверев А. М.* Крушение утопии. Век на исходе // Иностран. лит. М., 1988. № 11. С. 206—215. (С. 209—212, 214—215).
463. *Знатнов А. В.* В поисках истины. [Вступ. заметка к публ. пьесы А. Платонова «14 Красных избушек» и библиогр. списка] // Сов. библиогр. М., 1988. № 3. С. 85—86. (См. № 471, 490).
464. *Знатнов А. В.* Наша со-весть. [Предисл. к публ. очерка А. Платонова «Че-Че-О»] // Мол. коммунист. М., 1988. № 3. С. 83—85.
465. *Знатнов А. В.* Путем сомнения // Знамя. М., 1988. № 10. С. 217—219.
466. *Золотусский И. П.* Возвышающее слово. Проза-87. Статья первая // Лит. обозрение. М., 1988. № 6. С. 23—32. (С. 23—24). (См. № 555).
467. *Иванова Н. Б.* Точка зрения: О прозе последних лет. М.: Сов. писатель, 1988. 424 с. (С. 368—370).

468. *Иванова Н. Б.* Третье рождение. [Послел. к публ. романа А. Платонова «Чевенгур»] // Дружба народов. М., 1988. № 4. С. 157—160. (См. № 469, 557, 652).
469. *Иванова Н. Б.* Третье рождение // Платонов А. Ювенильное море. Повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 552—559. (См. № 468, 557, 652).
470. *Камянов В. И.* Сквозь разломы быта // Октябрь. М., 1988. № 10. С. 149—151.
471. Книги и статьи о творчестве А. П. Платонова, вышедшие за рубежом / Сост. А. В. Знатнов // Сов. библиография. М., 1988. № 3. С. 92. (См. № 463).
472. *Корниенко Н. В.* Жанровое своеобразие повести А. Платонова // Взаимодействие метода, стиля и жанра в советской литературе / Свердлов. гос. пед. ин-т. Свердловск, 1988. С. 71—80.
472. *Корниенко Н. В.* [Предисл. к публ. «Из наследия Андрея Платонова»] // Рус. речь. М., 1988. № 4. С. 51—52.
474. *Корниенко Н. В.* Человек и природа в прозе А. Платонова и М. Пришвина. (К проблеме типизации характера в советской литературе 20-х годов) // Проблема характера в советской литературе / Челяб. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1988. С. 41—49.
475. *Коробков Л. Д.* Продиктовано эпохой: От составителя // Платонов А. Ювенильное море. Сборник. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. С. 387—428.
476. *Коробков Л. Д.* Трагедия «непашущей коммуны». К публикации романа А. Платонова «Чевенгур» // Подъем. Воронеж, 1988. № 12. С. 130—141.
477. *Коробков Л. Д., Кравченко Е.* Государство заботы. Андрей Платонов — художник-публицист // Коробков Л. Д. Неотложное слово: Художественная литература — публицистика: параллели и пересечения. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. С. 33—36. (См. № 279).
478. *Кузнецова О.* [Рец. на кн.: Платонов А. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988.] // В мире книг. М., 1988. № 6. С. 2.
479. *Липкин С. И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Страницы из воспоминаний // Лит. обозрение. М., 1988. № 6. С. 96—107. (С. 99—100). (См. № 791, содер ж.).
480. *Литвин Е. Ю.* [Вступ. заметка к публ. А. Платонова «Мне это нужно не для «славы»...». (Письма М. Горькому)] // Вопр. лит. М., 1988. № 9. С. 174—175.
481. *Ласунский О. Г.* Житель родного города // Ласунский О. Г. Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Книга, 1988. С. 439—444. (См. № 321, 662).
482. *Нехорошее А.* В Воронеж к Платонову // Наше наследие. М., 1988. № 5. С. 19.
483. *Никулин А. М.* Заместители и пролетарии. (Обзор некоторых политических и социально-экономических проблем Советской России в творчестве Андрея Платонова второй половины 20-х годов) // Н. И. Бухарин. Исследование научного наследия. (Политико-экономический аспект) / АН СССР. Ин-т экономики. М., 1988. С. 193—208.
484. *Ортенберг Д. И.* Год 1942: Рассказ-хроника. Главы из книги // Москва. 1988. № 2. С. 152—168. (С. 164—165). (См. № 218, 219, 485, 721, 791, содер ж.).
485. *Ортенберг Д. И.* Год 1942: рассказ-хроника. М.: Политиздат, 1988. 462 с. (С. 5, 331—335). (См. № 218, 219, 484, 721, 791, содер ж.).
486. *Очерет Л.* Так долго не приходили // В мире книг. М., 1988. № 8. С. 15—18. (С. 16—17).
487. Платонов сегодня // Октябрь. М., 1988. № 11. С. 158—165.  
Со дер ж.: *Ростовцева И. И.* У человеческого сердца, с. 158—162; *Гусев В. И.* ...Минуту молчания, с. 162—165.

488. *Платонова М. А.* [Вступ. заметка к публ. романа А. Платонова «Чевенгур»] // Дружба народов. М., 1988. № 3. С. 96—97.
489. *Полтавцева Н. Г.* «Музыка всегда играет ради победы...». [Послесл. к публ. пьесы А. Платонова «Шарманка»] // Театр. М., 1988. № 1. С. 28—29
490. Публикации 1928—1940 гг. о творчестве А. П. Платонова / Сост. А. В. Знатков // Сов. библиогр. М., 1988. № 3. С. 91—92. (См. № 463).
491. *Рячев С. И.* [Вступ. заметка к публ. «Неизвестные рассказы Андрея Платонова»] // Подъем. Воронеж, 1988. № 12. С. 120.
492. *Роменская И. Н.* А. П. Чехов и А. П. Платонов // Творчество А. П. Чехова. (Своеобразие метода, поэтика) / Рост. н/Д гос. пед. ин-т. Ростов н/Д, 1988. С. 86—96.
493. *Семенова С. Г.* «Идея жизни» Андрея Платонова // Платонов А. Чевенгур. Роман. М.: Худож. лит., 1988. С. 3—20. (См. № 494, 600, 601).
494. *Семенова С. Г.* «Идея жизни» у Андрея Платонова // Москва. 1988. № 3. С. 180—189. (См. № 493, 600, 601).
495. *Семенова С. Г.* Мытарства идеала. К выходу в свет «Чевенгура» Андрея Платонова // Новый мир. М., 1988. № 5. С. 218—231. (См. № 600). [Переизд. Платонов А. Чевенгур. М.: Высш. шк., 1991. С. 489—517.]
496. *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения // Знамя. М., 1988. № 3. С. 9—66. (С. 53—55). (См. № 496а).
- 496а. *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М.: Изд-во АПН, 1988. 480 с. (С. 116—120). [Переизд. М.: Книга, 1990. (С. 100—103).] (См. № 496).
497. *Сучков Ф. Ф.* Подвиг Платонова. [Вступ. заметка к публ. рассказов А. Платонова] // Юность. М., 1988. № 6. С. 56.
498. *Урбан А. А.* Правда — свет разума // Звезда. Л., 1988. № 4. С. 184—200 (С. 187—193). (См. № 610, 611).
499. *Устюжанин Д.* Эти непростые 30-е годы. Статья 3-я. Без истины трудно жить. (Повесть Андрея Платонова «Котлован») // Лит. в шк. М., 1988. № 4. С. 4—11.
500. *Фролов В. В.* Муза пламенной сатиры. Очерки советской комедиографии (1918—1986). М.: Сов. писатель, 1988. 408 с. (С. 198—212). (См. № 787а)
501. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР Путеводитель. М., 1988. Вып. 6. Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1978—1983 гг. 435 с. (С. 55, 72, 332).
502. *Чаликова В. А.* Кому принадлежала Поднебесная? [Рец. на кн.: Китайские социальные утопии. Сб. ст. М.: Наука, 1987] // Новый мир. М., 1988. №12. С. 248—252. (С. 249, 251—252).
503. *Чалмаев В. А.* Жил человек на правах пожара. (Андрей Платонов в годы творческой зрелости) // Платонов А. Повести и рассказы: (1928—1934). М. Сов. Россия, 1988. С. 3—22.
504. *Чалмаев В. А.* Комментарии // Платонов А. Государственный житель Проза. Ранние сочинения. Письма. М.: Сов. писатель, 1988. С. 570—574, 588—607.
505. *Чалмаев В. А.* «Нечаянное» и вечное совершенство Андрея Платонова // Платонов А. Государственный житель: Проза. Ранние сочинения. Письма. М.: Сов. писатель, 1988. С. 5—33. [Переиздано без комментариев: Минск: Мастацкая літаратура, 1990]. (См. № 372, 616).
506. *Чалмаев В. А.* Примечания // Платонов А. Повести и рассказы: (1928—1934). М.: Сов. Россия, 1988. С. 469—477.
507. *Чалмаев В. А.* Утонувший колокол. (Читая А. Платонова) // Вопр. лит. М., 1988. № 7. С. 58—92. (См. № 618).



508. *Шеханова Т. С.* Мчащийся в действительность // Платонов А. Избранное. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 5—24.
509. *Шубин Л. А.* Горят ли рукописи? (Или о трудностях диалога писателя с обществом) // Нева. Л., 1988. № 5. С. 164—178. (См. № 623).
510. *Шубина Е. Д.* Страдания «завещанного слова» // Новый мир. М., 1988. № 12. С. 258—262.
511. *Эпштейн М.* Теоретические фантазии // Искусство кино. М., 1988. № 7. С. 69—81. (С. 76—77).
512. *Čekys A. Neperskaitytasis Andrejus Platonovas* // Platonovas A. P. Duobė: Apysaka. Vilnius: Mokslas, 1988. P. 3—7.
513. *Dobryninas A. Andrejaus Platonovo aprešikimas* // Platonovas A. P. Duobė: Apysaka. Vilnius: Mokslas, 1988. P. 107—112.

1989

514. *Акимова А.* «Встреча с писателем-другом». (К читателям этой книги) // Платонов А. Еще мама. Рассказы. Л.: Дет. лит., 1989. С. 5—8.
515. *Алейников О. Ю.* Дальний свет одухотворенного слова. (К 90-летию со дня рождения Андрея Платонова) // Подъем. Воронеж, 1989. № 9. С. 138—144.
516. Андрей Платонов — писатель и философ. Материалы дискуссии // Вопр. филос. М., 1989. № 3. С. 14—16.
- Содерж.: *Кантор К. М.* Без истины стыдно жить, с. 14—21; *Подорога В. А.* Евнух души. (Позиция чтения и мир Платонова), с. 21—26 (См. № 671, 724, 766); *Семенова С. Г.* Сердечный мыслитель, с. 26—31; *Пискунова С. И.* Мудрость заброшенных книг, с. 31—34; *Фурман Д. Е.* Сотворение новой земли и нового неба, с. 34—36.
517. Андрей Платонов сегодня // Собеседник. Лит.-крит. ежегодник. М.: Современник, 1989. Вып. 9. С. 98—107. (См. № 444).
518. *Анисимов Н. А.* Особенности психологизма русской советской прозы 1930-х годов. («Производственный роман» и проза А. Платонова). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1989. 18 с.
519. *Аннинский Л. А.* Откровение и сокровение: Горький и Платонов // Лит. обозрение. М., 1989. № 9. С. 3—21. (См. № 740).
520. *Белая Г. А.* «Дон-Кихоты» 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 400 с. (С. 273—276).
521. *Битов А. Г.* Ключ к «Антисексусу» Андрея Платонова // Новый мир. М., 1989. № 9. С. 166—167. [Переизд.: Платонов А. Антисексус. М.: Агентство печати им. Сабашниковых, 1991. С. 5—7.]
522. *Бобылев Б. Г.* «Славянский язык революции» в прозе А. Платонова // Семантико-стилистические исследования / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1989. С. 26—33.
523. *Богданович Т.* К вопросу о формировании творческих взглядов А. Платонова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1989. № 1. С. 75—78.
524. *Борисова И. П.* Андрей Платонов, знакомый и незнакомый // Перспектива-89. Советская литература сегодня. Сборник. М.: Сов. писатель, 1989. С. 306—315. (См. № 525).
525. *Борисова И. П.* Андрей Платонов знакомый и незнакомый // Платонов А. Котлован; Ювенильное море. Повести. Магадан: Кн. изд-во, 1989. С. 4—6. (См. № 524).
526. *Борисова И. П.* На семи ветрах. (О повести Андрея Платонова «Ювенильное море») // Литература и современность. М.: Худож. лит., 1989. Сб. 24/25. С. 363—384. (См. № 413).

527. *Боровиков С. Г.* От составителя // Русская советская сатирическая повесть, 20-е годы. Сборник. М.: Сов. Россия, 1989. С. 5—20. (С. 12—16).
528. *Будаков В. В.* «Свет человека на земле» // Будаков В. В. Родине поклониться. М.: Сов. Россия, 1989. С. 341—357.
529. *Ванюков А. И.* «Четкая, волнующая проза». Повести А. Платонова // Ванюков А. И. Жанр и творческая индивидуальность. Пять глав из истории русской советской повести 1917—1929 гг. Пособие по спецкурсу / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1989. С. 80—98.
530. *Васильев В. В.* Если говорить по существу // Москва. 1989. № 1. С. 200—202.
531. *Васильев В. В.* Национальная трагедия: утопия и реальность. Роман Андрея Платонова «Чевенгур» в контексте его времени // Наш современник. М., № 3. С. 172—182. (См. № 803, содерж.).
532. *Васильев В. В.* Платонов — наш современник. Послесловие // Платонов А. Живя главной жизнью. Повести, рассказы, пьеса, сказки, автобиографическое. М.: Правда, 1989. С. 417—434.
533. *Васильев В. В.* Примечания // Платонов А. Живя главной жизнью. Повести, рассказы, пьеса, сказки, автобиографическое. М.: Правда, 1989. С. 435—444. (См. № 211).
534. *Вахрушев В. С.* Платонов — трагические парадоксы гуманизма // Волга. Саратов, 1989. № 8. С. 166—174.
535. *Вознесенская М. М.* Об особенностях словоупотребления в рассказе А. Платонова «Усомнившийся Макар» // Стилистика и поэтика. Тезисы всесоюзной научной конференции (Звенигород, 9—11 ноября 1989 г.). М., 1989. С. 27—28.
536. *Горелов П. Г.* Кремнистый путь. Книга лит.-крит. статей. М.: Мол. гвардия, 1989. 253 с. (С. 201—206).
537. *Греков В. Н.* Комментарий [к рассказу А. Платонова «Потомки Солнца»] // Русская и советская фантастика. Повести и рассказы. М.: Правда, 1989. С. 631.
538. *Джанаева Н. Е.* Поэтическая семантика в контексте Андрея Платонова. (На материале повестей 20-х годов). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. Воронеж, 1989. 20 с.
539. *Джанаева Н. Е.* Этот странноразноязычный Платонов... // Простор. Алма-Ата, 1989. № 9. С. 135—138.
540. *Дмитровская М. А.* Категория времени и вечности в творчестве А. Платонова // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. II. Языкознание. М.: Наука, 1989. С. 76—79.
541. *Дужина Н. И.* Роль автополемики в разработке проблемы преобразования в творчестве А. Платонова 20—30-х гг. // Проблемы типологии литературного процесса. (На материале советской литературы) / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1989. С. 77—87.
542. *Евсюков В.* Зазеркалье Андрея Платонова. Заметки читателя // Дал. Восток. Хабаровск, 1989. № 3. С. 138—149.
543. *Евтушенко Е. А.* «Психоз пролетариату не нужен». (Судьба Андрея Платонова) // Взгляд. Критика. Полемика. Публикации. М.: Сов. писатель, 1989. Вып. 2. С. 366—389. (См. № 643, содерж.).
544. *Евтушенко Е. А.* Сталинизм «по-Платонову» // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 195—212.
545. *Елин Г. А.* [Вступ. заметка к публ. А. Платонова «Деревянное растение. Из записных книжек»] // Огонек. М., 1989. № 33. С. 13. (См. № 650).
546. *Елистратов В. С.* О структуре прозы А. Платонова. (Письменный текст и его звуковое исполнение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1989. № 2. С. 68—74.

547. *Ершов Л. Ф.* Увеличивающее стекло // Русская советская сатирико-юмористическая проза. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 3—22. (С. 17—18).
548. *Жолковский А. К.* «Фро»: пять прочтений // Вопр. лит. М., 1989. № 12. С. 23—49. (См. № 792, содер. ж.).
549. *Залыгин С. П.* Возвращение Платонова // Платонов А. Возвращение. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 3—4.
550. *Зверев А. М.* «Когда пробьет последний час природы...». (Антиутопия. XX век) // Вопр. лит. М., 1989. № 1. С. 26—69. (С. 50—59).
551. *Знатнов А. В.* [Вступ. заметка к публ. А. Платонова «Рассказ не состоящего больше во жлобах. История иерея Прокопия Жабрина»] // Слово. М., 1989. № 9. С. 66.
552. *Знатнов А. В.* Комментарии [к рассказу А. Платонова «Антисексус»] // Новый мир. М., 1989. № 9. С. 175—177. [Переизд.: Платонов А. Антисексус. М.: Агентство печати им. Сабашниковых, 1991. С. 22—28.]
553. *Знатнов А. В.* Связь через отталкивание // Молодой коммунист. М., 1989. № 11. С. 71—77.
554. *Золотусский И. П.* Крушение абстракций // Новый мир. М., 1989. № 1. С. 235—246. (С. 235, 238, 239, 242—246). (См. № 555).
555. *Золотусский И. П.* Крушение абстракций. М.: Современник, 1989. 206 с. (С. 6, 8—9, 19—20, 22, 30—33, 35—36, 39, 42—44, 46—54, 86, 114, 154). (См. № 466, 554).
556. *Иванова Н. Б.* Мучения революции // Платонов А. Чевенгур. Роман, повести. Тула: Приок. кн. изд-во, 1989. С. 542—557.
557. *Иванова Н. Б.* Третье рождение // Платонов А. Котлован. Повести, роман. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 579—588. (См. № 468, 469, 652).
558. *Каверин В. А.* Грин и его «Крысолов» // Каверин В. А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. М.: Современник, 1989. С. 32—39. (С. 37—39). (См. № 168, 332).
559. *Камышев В.* Возвращение // Платонов А. Ювенильное море. Повести, рассказы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. С. 5—12.
560. *Камянов В. И.* Все двери настежь? // Новый мир. М., 1989. № 8. С. 232—233.
561. *Карасев Л. В.* Парадокс о смехе // Вопр. философии. М., 1989. № 5. С. 47—65. (С. 62—63). (См. № 654).
562. *Катаи Ж.* Мир Андрея Платонова / Пер. с венг. // Лит. жизнь за рубежом. Реф. сб. / Союз писателей СССР. М., 1989. Вып. 4. С. 9—16.
563. *Киселев А.* Одухотворение мира // Мол. коммунист. М., 1989. № 11. С. 78—85. (См. № 803, содер. ж.).
564. *Кобозева И. И., Лауфер Н. И.* К формальному описанию стиля А. Платонова // Стилистика и поэтика. Тез. всесоюз. науч. конф. (Звенигород, 9—11 ноября 1989 г.). М., 1989. С. 65—67. (См. № 655).
565. *Ковсан М. Л.* Испытание Чевенгуром. Размышления о романе А. П. Платонова // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. Киев, 1989. № 1. С. 56—62.
566. *Кожевникова Н. А.* О словах «жизнь», «жить» в прозе А. Платонова // Стилистика и поэтика. Тез. всесоюз. науч. конф. (Звенигород, 9—11 ноября 1989 г.). М., 1989. С. 71—75.
567. *Колотаев В. А.* Идеино-художественные функции одного фольклорного образа в романе А. Платонова «Чевенгур» // Общечеловеческое и вечное в литературе XX века: (Русская и советская литература). Тезисы... / Чечено-Ингуш. гос. ун-т. Грозный, 1989. С. 74—76.
568. *Корниенко Н. В.* Андрей Платонов: «Не отказываться от своего разума». (Историко-литературный комментарий к анкете 1931 года «Какой нам нужен писатель») // Дружба народов. М., 1989. № 11. С. 238—252.

- 569 *Корниенко Н В* О живых и мертвых Андрей Платонов 1941—1951 Вступ статья и послесл к публ // Лит обозрение М, 1989 № 9 С 31—34 38—39
- 570 *Корниенко Н В* Примечания // Платонов А Возвращение М Мол гвардия, 1989 С 198—205
- 571 *Коробков Л Д* Андрей Платонов забытые страницы [Публ рец А Платонова «В окопах Сталинграда» и письма А А Жданову] // Подъем Воронеж 1989 № 10 С 139—142
- 572 *Коробков Л Д* «Чевенгур» достоверность фантастики Опыт комментария // Платонов А Чевенгур Путешествие с открытым сердцем Роман Воронеж Центр Чернозем кн издво, 1989 С 404—429
- 573 *Кройчик Л Е* Любя человека [Вступ статья] // Советская сатирическая повесть 20 х годов Воронеж Изд во Воронеж ун та, 1989 С 3—30 (С. 19—23) (См № 157, содерж)
- 574 *Кузьмин Н П* От войны до войны Ночные беседы // Мол гвардия М 1989 № 7 С 9—107 (С. 97—100)
- 575 *Куняев С С* «Неизбывный вертоград» // Москва 1989 № 4 С 193—197 (С. 195—196)
- 576 *Кучкина О* Яростное слово (О «Котловане» Андрея Платонова) // Литература и современность М Худож лит, 1989 Сб 24/25 С 385—387
- 577 *Левкин А* Четыре российских «бестселлера» // Даугава Рига, 1989 № 1 С 114—117 (С 117)
- 578 *Литвин Е Ю* [Вступ заметка и коммент к публ «Я держался и работал» Страница биографии Андрея Платонова] // Памир Душанбе, 1989 № 6 С 97—98, 115—117
- 579 *Лихоносов В И* «Современный писатель Платонов» // Лит в шк М 1989 № 4 С 81—84
- 580 *Малухин В Н* Сокровенный всем временам К выходу в свет трилогии Андрея Платонова // Известия, 1989 М Известия, 1989 С 109—121
- 581 *Малыгина Н М* Повесть «Котлован» в контексте творчества А Платонова // Проблемы взаимности метода, стиля и жанра в литературе Тезисы докл / Урал отд АН СССР, Свердлов гос пед инт, Урал гос унт им А М Горького Свердловск 1989 Ч 2 Рус лит XX века, Сов лит С 54—55
- 582 *Малыгина Н М* «Прогресс человечности» (Забытые рецензии Андрея Платонова в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение») // Рус лит Л, 1989 № 1 С 184—192
- 583 *Малыгина Н М* Философский подтекст рассказа А Платонова «Возвращение» // Общечеловеческое и вечное в литературе XX века (Русская и советская литература) Тезисы / Чечено Ингуш гос унт Грозный, 1989
- 584 *Нагибин Ю М* «Он принял меня в братство боли» // Родина М 1989 № 11 С 72—75
- 585 *Николенко О Н* Организация спецкурса «Творчество А П Платонова» в педагогическом институте (Методические рекомендации) / Киев гос пед инт им А М Горького Киев, 1989 24 с
- 586 *Новиков А Н* Из неизданной повести «Кустари слова» К 90 летию со дня рождения А Платонова / Вступ заметка и публ Эльзона М Д, прим Ласунского О Г // Подъем Воронеж, 1989 № 10 С 136—138
- 587 *Носов С Н* О стилистике романа А Платонова «Чевенгур» // Рус речь М 1989 № 1 С 22—28
- 588 *Пазолини П П* «Чевенгур» Платонова путешествие в Россию двадцатых годов [1973] / Пер с итал, Послесл М Ландора // Иностр лит М, 1989 № 6 С 218—220

589. *Пискунова С. И., Пискунов В. М.* Сокровенный Платонов. К выходу в свет романа «Чевенгур», повестей «Котлован» и «Ювенильное море» // Лит. обозрение. М., 1989. № 1. С. 17—29.
590. *Платек Я.* Почва и судьба. Звуковой мир А. Платонова // Муз. жизнь. М., 1989. № 4. С. 25—28; № 5. С. 24—26; № 6. С. 22—24.
591. *Полтавцева Н. Г.* Комментарии // Платонов А. Избранное. М.: Просвещение, 1989. С. 362—367.
592. *Полтавцева Н. Г.* Памятные даты жизни и творчества А. П. Платонова // Платонов А. Избранное. М.: Просвещение, 1989. С. 356—361.
593. *Полтавцева Н. Г.* Свет жизни // Платонов А. Избранное. М.: Просвещение, 1989. С. 5—8.
594. *Пустовойт П. Г.* О языке романа А. Платонова «Чевенгур» // Рус. ручь. М., 1989. № 4. С. 30—36.
595. *Савкин И. А.* Живые и мертвые. Проблема нового образа истории в философской прозе Андрея Платонова // Проблемы социально-гуманитарного знания. Межвуз. сб. Л.: ЛГУ, 1989. С. 107—117.
596. *Сарнов Б. М.* [Вступ. заметка к публ. рассказа А. Платонова «О потухшей лампе Ильича»] // Огонек. М., 1989. № 33. С. 11
597. *Сатарова А. А.* Мих. Зощенко и А. Платонов. (К постановке проблемы) // Художественный образ и взаимодействие литератур. Сб. науч. тр. / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1989. С. 94—99.
598. *Свительский В. А.* Голос не из хора [Вступ. статья и прим. к публ. письма Б. Г. Пескова А. П. Платонову от 27.05.1933] // Подъем. Воронеж, 1989. № 10. С. 142—144.
599. *Свительский В. А.* Испытание историей // Платонов А. Чевенгур: Путешествие с открытым сердцем. Роман. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. С. 3—29.
600. *Семенова С. Г.* «В усилии к будущему времени...» (Философия Андрея Платонова) // Семенова С. Г. Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе. М.: Сов. писатель, 1989. С. 318—377. (См. № 289, 493—495, 601).
601. *Семенова С. Г.* «Идея жизни» Андрея Платонова // Платонов А. Чевенгур. Роман. Рига: Лиесма, 1989. С. 5—20. (См. № 493, 494, 600).
602. *Скалон Н. Р.* Предмет в стиле А. Платонова // Скалон Н. Р. Советская философская проза. Учеб. пособие по спецкурсу / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1989. С. 25—34). (См. № 435, 727).
603. *Степанова К. П.* Фантастика А. Платонова. К проблеме соотношения жанра и метода // Проблемы взаимодействия метода, стиля и жанра в литературе. Тезисы докл. ... / Урал. отд. АН СССР, Свердлов. гос. пед. ин-т, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1989. Ч. 2. Рус. лит. XX века; Сов. лит. С. 55—58.
604. *Сучков Ф. Ф.* Андрей Платонов — критик (Запоздавшие и современные размышления) // Театральная жизнь. М., 1989. № 3. С. 22—23. (См. № 728).
605. *Сучков Ф. Ф.* Каравай черного хлеба // Лит. обозрение. М., 1989. № 9. С. 39—42. (См. № 729, 791, содер. ж.).
606. *Сучков Ф. Ф.* Сокровенный человек [Предисл. к публ. отр. из рассказа А. Платонова «Уля»] // Трезвость и культура. М., 1989. № 9. С. 32—33.
607. *Сучков Ф. Ф.* Разрушители Чевенгура // Сельская молодежь. М., 1989. № 6. С. 1—4. (См. № 732).
608. *Сценснович В. И.* Новые исследования творчества А. Платонова. (Сводный реферат) // Общ. науки в СССР. Реф. журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 1989. № 4. С. 114—140. (См. № 675).
609. *Тaubман Е. И.* Читайте Андрея Платонова... [Вступ. заметка к публ. брошюры А. Платонова «Электрофикация: (Общие понятия)» [1921] и отрывка «То-

варищ Платонов очень занят...» из книги В. Б. Шкловского «Третья фабрика». Берлин: Круг, 1926] // Химия и жизнь. М., 1989. № 1. С. 84.

610. *Урбан А. А.* Сокровенный Платонов // Звезда. Л., 1989. № 7. С. 180—193. (См. № 438, 498, 611).

611. *Урбан А. А.* Сокровенный Платонов // Перечитывая заново. Лит.-крит. статьи. Л.: Худож. лит., 1989. С. 147—182. (См. № 438, 498, 610).

612. *Фоменко Л. П.* Советские сатирики 1920—1930-х годов и творчество Салтыкова-Щедрина // Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. С. 84—93. (С. 88—92).

613. *Чалмаев В. А.* Андрей Платонов. (К сокровенному человеку). М.: Сов. писатель, 1989. 447 с. (См. № 266, 371; рец. см. № 613а).

613а. *Вахрушев В. С.* [Рец.] // Волга. Саратов, 1990. № 12. С. 180—182.

614. *Чалмаев В. А.* Изобрели мы мир невероятный. Комментарии // Платонов А. Чевенгур. Роман и повести. М.: Сов. писатель, 1989. С. 642—654.

615. *Чалмаев В. А.* Историко-литературный комментарий // Платонов А. Чевенгур. Роман. М.: Сов. Россия, 1989. С.: 373—381.

616. *Чалмаев В. А.* «Нечаянное» и вечное совершенство Андрея Платонова // За строкой учебника. Сб. статей. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 179—215. (См. № 372, 505).

617. *Чалмаев В. А.* Прибежище мечтаний и тревог. Художественный мир романа-утопии «Чевенгур» Андрея Платонова // Платонов А. Чевенгур: Роман. М.: Сов. Россия, 1989. С. 3—22.

618. *Чалмаев В. А.* Утонувший колокол. Послесловие // Платонов А. Чевенгур. Роман и повести. М.: Сов. писатель, 1989. С. 612—641. (См. № 507).

619. *Шевченко М. П.* В Доме Герцена: (об А. Платонове и К. Паустовском) // Шевченко М. П. Дань уважения. Рассказы о писателях. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. С. 68—73. (См. № 294, 344, 683).

620. *Шиндель А.* Свидетель. (Заметки об особенностях прозы Андрея Платонова) // Знамя. М., 1989. № 9. С. 207—217.

621. *Шкловский В. Б.* «Товарищ Платонов очень занят...» [Отрывок из книги «Третья фабрика». Берлин: Круг, 1926] // Химия и жизнь. М., 1989. № 1. С. 91—93. (См. № 791, содер ж.).

622. *Шкловский Е. А.* Неугасающее пламя. Журнальная проза-88 // Лит. обозрение. М., 1989. № 2. С. 20—37. (С. 22—24, 28).

623. *Шубин Л. А.* Горят ли рукописи. (Или о трудностях диалога писателя с обществом) / Публ., подг. текста и прим. Е. Д. Шубиной // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 446—467. (См. № 509).

624. *Шубин Л. А.* Градовская школа философии / Публ. и подг. текста Е. Д. Шубиной // Лит. обозрение. М., 1989. № 9. С. 21—26. (См. № 792, содер ж.).

625. *Шубин Л. А.* Сказка об усомнившемся Макаре / Публ., подг. текста и прим. Е. Д. Шубиной // Перспектива-89: Советская литература сегодня. Сборник. М.: Сов. писатель, 1989. С. 316—350. (См. № 443).

626. *Шубина Е. Д.* Приключение идеи. К истории создания романа «Чевенгур». Вступ. статья к публ. // Лит. обозрение. М., 1989. № 9. С. 27—28.

627. *Юхт В.* Воскрешенные судьбы: М. И. Цветаева, Б. Л. Пастернак, М. А. Булгаков, А. П. Платонов, О. Э. Мандельштам в современных исследованиях // Лит. обозрение. М., 1989. № 8. С. 26—33. (С. 30).

628. *Яблоков Е. А.* «Истина» дороже? // Лит. обозрение. М., 1989. № 9. С. 42—44.

629. *Яблоков Е. А.* О поэтике романа «Чевенгур» в связи с платоновской концепцией мира // Проблемы взаимодействия метода, стиля и жанра в литературе.

Тезисы докл. ... / Урал. отд. АН СССР, Свердлов. гос. пед. ин-т, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1989. Ч. 2. Рус. лит. XX века; Сов. лит. С. 52—54.

630. Яблоков Е. А. Человек и природа в прозе М. Пришвина и А. Платонова // Общечеловеческое и вечное в литературе XX века: (Русская и советская литература): Тезисы... / Чечено-Ингуш. гос. ун-т. Грозный, 1989. С. 137—139.

631. Ямпольский М. Б. Платонов, прочитанный Сокуровым // Киновед. зап. М., 1989. № 5. С. 53—67. (См. № 792, содерж.).

632. *Hétenyi Zs. Egy ketkezi filozófus* // Platonov A. Csevegur. Budapest: Magveto; Uzsgorod; Kárpáti, 1989. С. 5—16.

1990

633. Агеносов В. В. Идеино-художественное своеобразие романа-мифа А. Платонова «Чевенгур» // Агеносов В. В. Советский философский роман. М.: Прометей, 1990. С. 127—144. (См. № 689).

634. Андрей Платонов // Неоконченные споры: Лит. полемика. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 27—73.

Содерж.: *Евтушенко Е. А.* «Психоз пролетариату не нужен». Судьба Платонова, с. 27—52 (см. № 543); *Коробков Л. Д.* Андрей Платонов — Иосиф Сталин: (...), с. 52—67; *Верин В. А.* Контекст или версия? с. 67—73.

635. *Бежецких М. А.* Особенности жанровой структуры повести А. Платонова «Котлован» // Проблемы худ. типизации и читательского восприятия лит-ры. Тезисы докл. межвуз. науч.-практ. конф. литературоведов (25—28 сент. 1990 г.) / Стерлитамакский гос. пед. ин-т. Стерлитамак, 1990. С. 163—164.

635а. *Боброва Л. А., Гарбар Л. Я., Леонова П. И.* Изучение произведений А. Платонова в школе. В помощь слушателям курсов. / М-во нар. образования БССР. Респ. ин-т усоверш. учителей. Минск, 1990. 48 с.

636. *Бодров М. С., Дегтяренко Н. О.* Испытание русской социальной утопии в романе А. Платонова «Чевенгур» // Методология и методика историко-литературного исследования. 3-я науч. конф., г. Рига, 1—3 нояб. 1990 г. Тезисы докл. / Латвийский ун-т. Филол. фак. Каф. рус. лит. Рига, 1990. С. 141—142.

637. *Васильев В. В.* Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. 2-е изд., испр. и доп. М.: Современник, 1990. 287 с. (Б-ка «Любителям рос. словесности»). (См. № 328).

638. *Васильев В. В.* [Вступ. слово к подборке высказываний А. Платонова «Мысли о вечном» // Мол. гвардия. М., 1990. № 5. С. 39—40.

639. *Вьюгин В. Ю.* К вопросу об истории создания романа А. Платонова «Чевенгур». Наблюдения над рукописями // Проблемы развития русской литературы XI—XX веков. Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 18—19 апреля 1990 года / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. Л., 1990. С. 40—41. (См. № 642).

640. *Гаврилова Е. Н.* Андрей Платонов и Павел Филонов. О поэтике повести «Котлован» // Лит. учеба. М., 1990. № 1. С. 164—173.

641. *Голубков С. А.* Жанрово-стилистическая специфика повести Андрея Платонова «Город Градов» // Поэтика советской литературы двадцатых годов. Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбыш. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1990. С. 112—121.

642. *Грачева А. М.* Третья научная конференция молодых специалистов «Литература и общество». [Хроника] // Рус. лит. Л., 1990. № 3. С. 222—226. (С. 226). (См. № 639, 657, 677).

643. *Григорьева Л. П.* «Не настанет ли на земле тогда сумрак?» // Григорьева Л. П. Возвращенная классика. (Из истории советской прозы 20—30-х годов). Л.: Знание, 1990. С. 5—14.
644. *Гюнтер Г.* [Из статьи «Чевенгур» А. Платонова и миллениаризм] // Утопия и утопическое мышление. Сб. 6. М., 1990. С. 159—167. (См. № 803, содер ж.).
645. *Дмитровская М. А.* «Переживание жизни»: О некоторых особенностях языка А. Платонова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 107—115.
646. *Дмитровская М. А.* Тожественность себе и неизменность. Мир и человек в произведениях Андрея Платонова // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М. / АН СССР. Ин-т языкознания. 1990. С. 153—165.
647. *Дорофеев О.* «Иносказательный человек». Очерк об Андрее Платонове // Ока. Тула, 1990. № 2. С. 204—228.
648. *Дубровина И. М., Дубровин А. Г.* Канон или канун? Литература, кино, эстетика: дух обновления. М.: Сов. писатель, 1990. 368 с. (С. 15—17, 25, 89—94, 175, 180).
649. *Дужина Н. И.* [Комментарии к рассказу А. Платонова «Усомнившийся Макар»] // Советский русский рассказ 20-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 440—441.
650. *Елин Г. А.* Вместо предисловия // Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. (Б-ка «Огонек». № 16). М.: Правда, 1990. С. 2—4. (См. № 545).
651. *Золотоносов М. А.* Усомнившийся Платонов. («Чевенгур», «Котлован») // Нева. Л., 1990. № 4. С. 176—190. (См. № 792, содер ж., 794а.).
652. *Иванова Н. Б.* Третье рождение // Платонов А. Чевенгур. Роман, повести. Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. С. 548—559. (См. № 468, 469, 557).
653. *Карасев Л. В.* Знаки покинутого детства («постоянное» у А. Платонова) // Вопр. философии. М., 1990. № 2. С. 26—43. (См. № 792, содер ж., 803, содер ж.).
654. *Карасев Л. В.* Парадокс о смехе // Квинтэссенция. Филос. альманах. М.: Политиздат, 1990. С. 341—370. (С. 359, 365—466). (См. № 561).
655. *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 125—139. (См. № 564).
656. *Коваленко В. А.* Трудная дорога свободы. (О романе Андрея Платонова «Чевенгур») // Филос. науки. М., 1990. № 8. С. 107—113. (См. № 773, содер ж.).
657. *Колесникова Е. И. А.* Платонов о «первопричине деревенской дикости» // Проблемы развития русской литературы XI—XX веков. Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 18—19 апреля 1990 года / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. Л., 1990. С. 49—50. (См. № 642).
658. *Колесникова Е. И.* Научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Андрея Платонова // Рус. лит. Л., 1990. № 2. С. № 258—263.
659. *Корниенко Н. В.* «Заметки» Андрея Платонова. (Комментарий к истории невышедших книг А. Платонова 1939 года) // Рус. лит. Л., 1990. № 3. С. 179—192.
660. *Корниенко Н. В.* Возвращение. [Предисл. к публ. сценария А. Платонова «Семья Иванова»] // Сов. лит. М., 1990. № 10. С. 78—79.
661. *Корниенко Н. В.* «Сокровенный человек» Андрея Платонова // Москва. 1990. № 8. С. 175—185.
- 661а. *Лабашук М. С.* Лексико-семантические средства выражения художественно-экспрессивного значения. (На материале произв. А. Платонова и В. Распутина). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Киев. гос. пед. ин-т им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1990. 24 с.



662. *Ласунский О. Г.* [Предисл. к публ. рассказа А. Платонова «Житель родного города»] // Родина. М., 1990. № 6. С. 82. (См. № 321, 481).
663. *Левин Ю. И.* От синтаксиса к смыслу и далее. («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика. М., 1990. Вып. 30. С. 115—148. (В сокращении см. № 717).
- 663а. *Малыгина Н. М.* Путь к прозрению через Чевенгур // Платонов А. Чевенгур: Роман. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 402—416.
664. *Мущенко Е. Г.* Платоновские чтения в Воронеже // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1990. № 4. С. 125—126.
665. *Мышалова Д. В.* Конфликт в романе А. Платонова «Чевенгур». Типология жанра // Материалы XXVIII Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1990. Филология. С. 55—60.
666. *Николенко О. Н.* Ключи к воротам «Чевенгура». Киев: О-во «Знание» УССР; РДЭНТП, 1990. 16 с.
667. *Николенко О. Н.* Человек и общество в прозе А. Платонова 1926—1934 годов. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Харьк. гос. пед. ин-т им. Г. С. Сковороды. Харьков, 1990. 24 с.
668. *Няхай М.* На пярэднім краі агню // Польша. Мінск, 1990. № 7. С. 183—188.
669. *Переяслов Н.* Чонкин и другие. Эссе о нормах отпуска счастья в стране победившей диктатуры // Донбас. Донецьк, 1990. № 6. С. 150—159. (С. 152—154, 156, 159).
670. *Перхин В. В.* Два письма Андрея Платонова // Рус. лит. Л., 1990. № 1. С. 228—232.
671. *Подорога В. А.* Евнух души. (Позиции чтения и мир Платонова) // Сознание в социокультурном измерении / Ин-т философии АН СССР. М., 1990. С. 56—83. (См. № 516, содер. ж., 724, 766).
672. *Росман Э. Б.* Материалы об А. П. Платонове в Госархиве Воронежской области // Сов. арх. М., 1990. № 4. С. 99—100.
673. *Семенова С. Г.* Николай Федоров. Творчество жизни. М.: Сов. писатель, 1990. 384 с. (С. 363—373).
674. *Скобелев В. П.* Сомнения и надежды Андрея Платонова // Платонов А. Чевенгур. Котлован. Ювенильное море. Город Градов. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. С. 612—633.
675. *Сченснович В. И.* Идеи социализма в художественном мире А. Платонова // Ленинское наследие и современность: проблемы лит. критики. Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1990. С. 103—127. (См. № 608).
676. *Тарланов З. К.* «Котлован». История без конца // Север. Петрозаводск, 1990. № 5. С. 152—160.
677. *Харитонов А. А.* Об анализе художественной формы. Одно предложение платоновского текста («Котлован») // Проблемы развития русской литературы XI—XX веков. Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 18—19 апреля 1990 года / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. Л., 1990. С. 42—43. (См. № 642).
678. *Хрящева Н. П.* Люди и звери в творчестве А. Платонова и Н. Заболоцкого 20-х годов // Проблемы худ. типизации и читательского восприятия лит-ры. Тезисы докл. межвуз. науч.-практ. конф. литературоведов (25—28 сент. 1990 г.) / Стерлитамакский гос. пед. ин-т. Стерлитамак, 1990. С. 164—165.
679. *Чалмаев В. А.* «Живое время, весь я твой...». (В мире публицистики Андрея Платонова) // Платонов А. Чутье правды. М.: Сов. Россия, 1990. С. 5—34.
680. *Чалмаев В. А.* Примечания // Платонов А. Чутье правды. М.: Сов. Россия, 1990. С. 429—458.

681. *Чуковский К. И.* Из дневника (1926—1934) / Публ. Е. Ц. Чуковской // Огонек. М., 1990. С. 14—16. (С. 15—16). (См. № 806).

682. *Швец Т. П.* Мотив детства в романе Л. Леонова «Соть» и повести А. Платонова «Котлован» // Проблемы худ. типизации и читательского восприятия лит-ры. Тезисы докл. межвуз. науч.-практ. конф. литературоведов (25—28 сент. 1990 г.) / Стерлитамакский гос. пед. ин-т, Стерлитамак, 1990. С. 161—163.

683. *Шевченко М. П.* Избранное М.: Современник, 1990. С. 361—365. (См. № 294, 344, 619).

684. *Шенталинский В. А.* Неизданные произведения Андрея Платонова [Предисл. к рассказу А. Платонова «Технический роман»] // Огонек. М., 1990. № 19. С. 19—20. (См. № 736).

685. *Шеханова Т. С.* Сердце, берегущее человека // Платонов А. Впрок. Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 3—16.

686. *Шиленко А. Ю.* Коммуникативная изобразительность порядка слов в русском языке. (На материале прозы М. Булгакова и А. Платонова). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1990. 16 с.

687. *Яблоков Е. А.* Художественная философия природы. (Творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 20-х—начала 30-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. Сб. статей / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990. С. 55—71. (См. № 688).

688. *Яблоков Е. А.* Художественное осмысление взаимоотношений природы и человека в советской литературе 20—30-х гг. (Л. Леонов, А. Платонов, М. Пришвин). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. М., 1990. 24 с. (См. № 687).

## 1991

689. *Агеев В. В.* Идейно-художественное своеобразие романа-мифа А. Платонова «Чевенгур» // Писатель и время. Межвуз. сб. науч. тр. М.: Прометей, 1991. С. 58—80. (См. № 633).

690. *Акаткин В. М.* Прощание с утопией. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1991.

691. *Акимов В. М.* «О прогрессе человечности в человеческом существе». (Проза Андрея Платонова) // Акимов В. М. На ветрах времени. Размышления о кн. Л.: Дет. лит., 1991. С. 153—178. (См. № 309).

692. Андрей Платонов: судьба, изломанная росчерком «самодержца»: (Из неопубликованных воспоминаний друзей и коллег) / В. А. Трошкина, З. С. Маркина, Д. И. Ортенберг, Е. А. Таратута, Ф. Ф. Сучков, М. М. Зотов; публ. режиссера В. Орехова // Сов. музей. М., 1991. № 1. С. 38—46; № 2. С. 34—37.

693. *Бачинин В. А.* «За человека страшно мне...»: (Искусство перед реальностью духовного кризиса). М.: Знание, 1991. 63 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Эстетика», 1991. № 12). (С. 45—50).

694. *Белый А. В.* Нашествие слов. Антиутопия А. Платонова. (Власть и семиотика обыденной речи) // Белый А. В. Тайны «подпольного» человека. (Худож. слово — обыденное сознание — семиотика власти) / АН Украины. Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. Киев: Наук. думка, 1991. С. 111—181.

695. *Бобылев Б. Г.* Опыт филологического анализа повести А. Платонова «Котлован» // Рус. язык в школе. М., 1991. С. 62—71.

696. *Боровиков С. Г.* Замерзшие слова. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. 252 с. (С. 159—163).

697. *Бочаров А. Г.* Справедливость и свобода. (О творческой близости Андрея Платонова и Василия Гроссмана) // Взгляд. Критика. Полемика. Публикации. М.: Сов. писатель, 1991. Вып. 3. С. 386—409.
698. *Гюнтер Г.* Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова / Пер. с нем. // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 252—276.
699. *Дмитровская М. А.* О связи свето- и цветообозначений // Семантика. Типология. Социолингвистика. Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1991. С. 35—36.
700. *Дмитровская М. А.* Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 78—85.
701. *Драгомирецкая Н. В.* Горький и Платонов. (К проблеме метода и стиля) // А. М. Горький и революция. Горьков. чтения '90. Ниж. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 154—159.
702. *Дубровина И. М.* Классика тридцатых — в арсенале восьмидесятых. (О «Ювенильном море» Андрея Платонова) // Идеино-художественное многообразие советской литературы 60—80-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 54—61.
703. *Ермакова М. Я.* Был ли «раскол»? (Первые послереволюционные годы глазами М. Горького и А. Платонова) // А. М. Горький и революция. Горьков. чтения '90. Ниж. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 147—154.
704. *Залыгин С. П.* [Послесл. к публ. романа А. Платонова «Счастливая Москва»] // Новый мир. М., 1991. № 9. С. 75—76.
705. *Зенкин С.* Слово — против тоталитаризма // Лит. перекресток. Лит.-худож. и рекл.-информ. альм. М.: Сов. писатель, 1991. С. 44—47. (С. 44—45). (Аннотируются № 791—792)
706. *Иванова Л. А.* Проблема дома и права в прозе А. Платонова 20—30-х годов («Чевенгур», «Река Потудань») // Творчество писателя и литературный процесс. Нравственно-философская проблематика в русской литературе XX века. Межвуз. сб. науч. тр. / Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1991. С. 47—58.
707. *Колесова Д. В.* Фраза и синтагма в структуре текста Андрея Платонова // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1991. Вып. 3. С. 94—97.
708. *Колотаев В. А.* Идея смерти в фантастическом рассказе А. Платонова «Потомки солнца» // IV Ефремовские чтения. Тезисы докладов. Николаев, 1991. С. 34—36.
709. *Колотаев В. А.* Миф как проявление невроза в романе А. Платонова «Чевенгур» // Тезисы докладов I Всесоюзной научной конференции «Проблемы гуманитаризации медицины». Тюмень, 1991. С. 130—132.
710. *Колотаев В. А.* Фольклорное пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания. Материалы научно-практической конференции. Тамбов, 1991. С. 84—86.
711. *Корниенко Н. В.* [Коммент. и примеч. к публ. статьи А. Платонова «Фабрика литературы. (О коренном улучшении способов литературного творчества)», 1926—1927, и 4 писем к истории диалога А. Платонова с критиком В. В. Ермиловым, 1939—1940] // Октябрь. М., 1991. № 10. С. 194—195, 200—202, 206.
712. *Корниенко Н. В.* «...На краю собственного безмолвия». [Коммент. к публ. романа А. Платонова «Счастливая Москва»] // Новый мир. М., 1991. № 9. С. 58—74.
713. *Корниенко Н. В.* Свет платоновского творчества [Предисл.] // Платонов А. Вся жизнь. Сб. М.: Патриот, 1991. С. 3—20.
714. *Корниенко Н. В.* «...Сохранить в неприкосновенности» [Вступ. ст. к публ. А. Платонова «Из неопубликованного. Рассказ. Сценарий. Наброски. Записи»] // Новый мир. М., 1991. № 1. С. 130—132.

- 715 *Кузьменко О А* Андрей Платонов призвание и судьба Очерк творчества Киев Лыбидь, 1991 231 с (Рец см № 715а)
- 715а *Яблоков Е А* «Не аналитик, а синтезатор» // Лит обозрение М 1992 № 7—9 С 84—86
- 716 *Лазаренко О В* Вперед смотрящие (о романах антиутопиях О Хаксли Дж Оруэлла, А Платонова) // Подъем Воронеж, 1991 № 9 С 233—239 (С. 237—239) (См № 773 содерж, 798)
- 717 *Левин Ю И* От синтаксиса к смыслу и дальше (О «Котловане» А Платонова) // Вопр языкознания М, 1991 № 1 С 170—173 (Полностью см № 663)
- 718 *Леушева О А* От утопии к реальности // Весн Беларус дзяржаўнага ун-та ім У І Леніна Сер 4 Філалогія Журналістыка Педагагіка Псіхалогія = Вестн Беларус гос ун-та ім В І Леніна Сер 4 Філалогія Журналістыка Педагагіка Псіхалогія Мінск, 1991 № 4 С 14—17
- 719 *Лосев В В* Об антропоморфизме А Платонова и Н Заболоцкого // Развитие традиций и формирование жанров в советской литературе Межвуз сб науч тр / Моск обл пед ин-т им Н К Крупской М, 1991 С 35—42
- 719а *Лосев В В* Становление мировоззренческих принципов Андрея Платонова Материалы к спецкурсу Орехово-Зуево, 1991 16 с
- 719б *Лосев В В* Становление творческой индивидуальности А Платонова (Воронежский период) Автореф дис канд филол наук / Моск пед унт М 1991 18 с
- 720 *Мароши В В* Роль мифологических оппозиций в мотивной структуре прозы А Платонова // Эстетический дискурс Семио-эстет исслед в обл лит Межвуз сб науч тр Новосибирск НГПИ, 1991 С 144—152
- 721 *Ортенберг Д И* Сорок третий Рассказ-хроника М Политиздат 1991 414 с (С. 5, 116—119, 245—247, 278—279, 309, 335, 343, 355, 366—370) (См № 218, 219, 484, 485, 791, содерж)
- 722 *Павловский А И* Яма (О художественно-философской концепции повести Андрея Платонова «Котлован») // Рус лит Л, 1991 № 1 С 22—41
- 723 *Парамонов Б* Чевенгур и окрестности // Искусство кино М, 1991 № 12 С 128—137
- 724 *Подорога В А* Евнух души Позиции чтения и мир Платонова // Параллели (Россия—Восток—Запад) Альм филос компаративистики М ФО СССР 1991 С 33—81 (См № 516, содерж, 671, 766)
- 724а *Полов К* Идеино-художественная значимость слова (о слове *тишина* в произведениях А Платонова «Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур») // Рус яз в СССР М, 1991 № 3 С 29—33
- 725 *Савельзон И В А П* Платонов в восприятии зарубежных исследователей Обзор // Общ науки в СССР Реф журнал Сер 7 Литературоведение М 1991 № 4 С 69—88
- 726 *Савельзон И В* Эволюционирующие герои в прозе А Платонова // Проблемы советской литературы Межвуз сб науч трудов / Моск пед гос унт им В И Ленина М Прометей, 1991 С 42—55
- 727 *Скалон Н Р* Предмет в художественном мире А Платонова // Скалон Н Р Вещь и слово Предметный мир в советской философской прозе Алма Ата Гылым, 1991 С 36—48 (См № 435, 602)
- 727а *Спиридонова И А* Миф в творчестве А Платонова // Современное мифотворчество и искусство Тез докл науч конф / Петрозав фил Лен гос консерватории им Н А Римского-Корсакова Петрозаводск, 1991
- 728 *Сучков Ф Ф* Андрей Платонов—критик [1989] // Сучков Ф Ф Бутылка в море Из литархива Нефедова Нефедовича Дернова М Кн палата, 1991 С 318—323 (См № 604)

729. *Сучков Ф. Ф.* Каравай черного хлеба [1989] // Сучков Ф. Ф. *Бутылка в море*. Из литархива Нефедя Нефедовича Дернова. М.: Кн. палата, 1991. С. 312—317. (См. № 605, 791, содер. ж.).

730. *Сучков Ф. Ф.* На красный свет [1965] // Сучков Ф. Ф. *Бутылка в море*. Из литархива Нефедя Нефедовича Дернова. М.: Кн. палата, 1991. С. 292—301. (См. № 63, 353).

731. *Сучков Ф. Ф.* Подводное царство [1969—1973] // Сучков Ф. Ф. *Бутылка в море*. Из литархива Нефедя Нефедовича Дернова. М.: Кн. палата, 1991. С. 250—275. (С. 250—254, 257, 258, 264—265).

732. *Сучков Ф. Ф.* Разрушители Чевенгура [1988] // Сучков Ф. Ф. *Бутылка в море*. Из литархива Нефедя Нефедовича Дернова. М.: Кн. палата, 1991. С. 302—312. (См. № 607).

733. *Тринко А.* Веча гул. (Заметки о творчестве Андрея Платонова) // Север. Петрозаводск. 1991. № 3. С. 150—160.

733а. *Чекодамова К. К.* Образ сферической Вселенной у Андрея Платонова // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. Сб. науч. тр. / Гос. музей истории религии. СПб., 1991. С. 211—218.

734. *Шевченко А. К.* Воскресение как «общее дело». Утопия и антиутопия А. Платонова // Шевченко А. К. *Культура. История. Личность. Введение в философию поступка*. Киев: Наук. думка, 1991. С. 123—127.

735. *Шенталинский В. А.* Приложение [Материалы из досье А. Платонова, хранящегося в архиве КГБ] // Платонов А. *Технический роман*. (Б-ка «Огонек». № 28). М.: Правда, 1991. С. 35—45.

736. *Шенталинский В. А.* Арестованное слово [Предисл.] // Платонов А. *Технический роман*. (Б-ка «Огонек». № 28). М.: Правда, 1991. С. 2—5. (См. № 684).

737. *Шубин Л. А.* Человек и его дело, или Как быть писателем // Взгляд. Критика. Полемика. Публикации. М.: Сов. писатель, 1991. Вып. 3. С. 340—359.

738. *Яблоков Е. А.* Безвыходное небо. [Вступ. ст.] // Платонов А. *Чевенгур*. М.: Высш. шк., 1991. С. 5—22.

739. *Яблоков Е. А.* Комментарий // Платонов А. *Чевенгур*. М.: Высш. шк., 1991. С. 518—650.

## 1992

740. *Амнинский Л. А.* Откровение и сокровение. Горький и Платонов // Наказание временем. Филос. идеи в совр. рус. лит. / Рос. открытый ун-т. М., 1992. С. 81—134. (См. № 519).

741. *Бродский И. А.* Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Бродский И. А. *Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе*. М.: Ex libris/Слово, 1992. С. 5—7. (См. № 792, содер. ж.).

742. *Булычев Ю. Ю.* Первоисточки «котлованности». (Социально-философские размышления над повестью А. Платонова «Котлован») // Логос. Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. Кн. 2. *Российский духовный опыт*. С. 47—65.

742а. *Ванюков А. И.* Комментарии [к повестям А. Платонова «Котлован», «Впрок»] // *Трудные повести: 30-е годы*. М.: Мол. гвардия, 1992. С. 566—576.

742б. *Ванюков А. И.* Трудные повести тридцатых годов // *Трудные повести: 30-е годы*. М.: Мол. гвардия, 1992. С. 5—18. (С. 8—12).

743. *Васильева М. О.* Философия существования Андрея Платонова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. М., 1992. № 4. С. 13—20.

744. *Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века*. (Материалы междунар. науч. конф. 9—10 окт. 1992 г.). Воронеж: МИПП «Логос», 1992. 123 с.

Содерж. раздела, посвященного А. Платонову: *Мущенко Е. Г.* О мифотворчестве А. Платонова, с. 6—9; *Хрящева Н. П.* Жизнь сознания платоновских героев в романе «Чевенгур» в свете западного философского опыта, с. 9—12; *Тихомирова Е. В.* А. Платонов и О. Шпенглер: мотив «конца мира», с. 13—16; *Зарецкий В. В.* Европейец среди россиян: коллизии повести А. Платонова «Епифанские шлюзы», с. 16—20; *Эйдинова В. В.* А. Платонов и «Перевал», с. 20—25; *Маркштайн Э.* Язык утопии и мифологическое мышление: переводим ли Андрей Платонов?, с. 25—29; *Кожевникова Н. А.* Словесно-образный строй романа А. Платонова «Чевенгур», с. 29—35; *Казарина Т. В.* Универсально-комическое и личное в романе А. Платонова «Чевенгур», с. 35—39; *Савинков С. В.* Метафора «железной дороги» в рассказе А. Платонова «Государственный житель», с. 39—41; *Свителеский В. А.* Английская тема в русской прозе: от Н. Лескова к Е. Замятину и А. Платонову, с. 41—48.

745. *Вьюгин В. Ю.* Проблема «автодиалогизма» в творчестве А. Платонова (к творческой истории романа «Чевенгур») // Русская литература XI—XX веков. Проблемы изучения. Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 29—30 апреля 1992 года / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1992. С. 43—44.

746. *Вьюгин В. Ю.* «Чевенгур» Андрея Платонова (к творческой истории романа). Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1992. 21 с.

747. *Гроссман В. С.* Речь на гражданской панихиде по Андрею Платонову [1951]; Заключение об архиве Андрея Платонова [1951]; Предисловие к сборнику избранных произведений Андрея Платонова [1951] / Публ. и предисл. Ф. Б. Губера // Здесь и Теперь. М., 1992. № 2. С. 43—49.

748. *Губер Ф. Б.* Василий Гроссман и Андрей Платонов [Предисл. к публ. В. С. Гроссмана об А. Платонове] // Здесь и Теперь. М., 1992. № 2. С. 39—43.

749. *Дмитровская М. А.* Понятие силы у А. Платонова // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 42—49.

750. *Дмитровская М. А.* Семантические преобразования в художественном тексте // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции 4—6 октября 1992 г. Калининград, 1992. С. 50.

750а. *Захаров А. А., Захарова М. В.* «Скот тоже почти человек». Живое в мировоззрении Андрея Платонова // Экологические интуиции в русской культуре. Сб. обзоров // ИНИОН РАН. Отд. глобал. и стран. соц.-эконом. проблем. М., 1992. С. 96—106.

751. *Исупов К. Г.* А. Платонов: философия исторического творчества // Исупов К. Г. Русская эстетика истории. СПб: Изд-во ВГК, 1992. С. 98—117.

752. *Каманов В. И.* Гости ниоткуда: К возвращению «Счастливей Москвы» Андрея Платонова // Лит. обозрение. М., 1992. №10. С. 21—30.

753. *Колесова Д. В.* О семантико-синтаксической структуре фразы текста А. Платонова // Разноуровневые единицы языка и их функционирование в тексте: Теоретический и методический аспекты / С.-Петербургский гос. ун-т. СПб., 1992. Вып. 3. С. 42—48.

754. *Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Синтагма в повести Андрея Платонова «Котлован» и в древнерусской традиции: о языковых аспектах духовной общности // Русская литература XI—XX веков. Проблемы изучения. Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 29—30 апреля 1992 года / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1992. С. 41—43.

755. *Колотаев В. А.* Архаические традиции и образ дома в романе А. Платонова «Чевенгур» // Тезисы докладов научной конференции «Традиции в контексте русской культуры». Череповец, 1992. С. 96—97.

756. *Колотаев В. А.* Мифологическая структура нравственного императива в романе А. Платонова «Чевенгур» // Тезисы всесоюзной научной конференции. Ставрополь, 1992. С. 105—106.
757. *Корниченко Н. В.* Творческая биография и текстология А. П. Платонова. (В художественной лаборатории писателя). Автореф. дис. ...-ра филол. наук / Ин-т мировой лит. РАН. М., 1992. (См № 782).
758. *Кременцов Л. П.* Задыхающийся язык // Рус. речь. М., 1992. № 4. С. 31—37. (С. 33—34).
759. *Ласунский О. Г.* «В других партиях не состоял...»: Платоновские страницы // Русская провинция. Записки краеведов. Воронеж: Центр-Чернозем. кн. изд-во, 1992. С. 137—158.
760. *Листов В. С.* Понятие о долготе времени и величине пространства [Послесл. к публ. киносценария А. Платонова «Воодушевление»] // Здесь и Теперь. М., 1992. № 1. С. 219—222.
761. *Лосев В. В.* «Уравнение по наибольшему». А. Платонов и древнерусская литература // Размышления о жанре. Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. пед. ун-т. М., 1992. С. 47—56.
762. *Макарова И. Н.* Художественное своеобразие повести А. Платонова «Ювенильное море» в аспекте литературной традиции // Литературный процесс: традиции и новаторство. Межвуз. сб. науч. тр. Архангельск: Изд-во Помор. гос. пед. ун-та, 1992. С. 159—178. (См. № 792, содер. ж.).
763. *Мальгина Н. М.* Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920—1930-х годов. Автореф. дис. ...-ра филол. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1992. 38 с.
764. *Митина О. А.* Миф и символ в жанровой структуре антиутопии А. Платонова «Котлован» // Размышления о жанре. Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. пед. ун-т. М., 1992. С. 56—66.
765. *Осипов А. Е. К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, А. П. Платонов в Солотче* // Мещера в жизни и писательской судьбе К. Г. Паустовского. Тез. Всерос. науч.-краевед. конф. Рязань: РГПИ, 1992. С. 17—19.
766. *Подорога В. А.* Евнух души. Позиция чтения и мир Платонова // Наказание временем. Филос. идеи в совр. рус. лит. / Рос. открытый ун-т. М., 1992. С. 52—80. (См. № 516, содер. ж., 671, 724).
- 766а. *Рогалин А.* Заметки о языке А. Платонова // Русское слово в художественном тексте и на уроке. Сб. науч. студ. работ / Магнитогорск. гос. пед. ин-т. Магнитогорск, 1992. Вып. 1. С. 14—23.
767. *Рыжкова М. Л. Л. Леонов и А. Платонов. (Человек и техника в художественном мире писателя) // Верность человеческому. Нравств.-эстет. и филос. позиция Л. Леонова. М.: Наследие, 1992. С. 117—125. (См. № 803, содер. ж.).*
768. *Савельзон И. В.* Структура художественного мира А. Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. М., 1992. 16 с.
769. *Семерчук В.* Фильм, снятый в воображении: об одном сценарии А. Платонова [Предисл. к публ. киносценария А. Платонова «Воодушевление»] // Здесь и Теперь. М., 1992. № 1. С. 172—173.
- 769а. *Серафимова В. Д.* Концепция детства в творчестве Андрея Платонова // Литература в гуманитарных школах и классах. Сб. науч. тр. / НИИ худож. воспитания. М., 1992. С. 115—132.
- 769б. *Спиридонова И. А.* «Чевенгур» А. Платонова в зеркале «Мы» Е. Замятина. (К вопросу жанрового своеобразия) // Творчество Е. Замятина. Проблемы изучения и преподавания. Материалы I Российских замятинских чтений. Тамбов, 1992.
- 769в. *Фоменко Л. П.* Проблема автора в прозе А. П. Платонова // О жанре и стиле советской литературы. Сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1992. С. 28—35.

770. Харитонов А. А. Платоновский семинар в Пушкинском Доме // Рус. лит. СПб., 1992. № 1. С. 224—227.

771. Ходякова Г. И. «Возможно, что меня здесь слопают...» (о пребывании Андрея Платонова в Тамбове) // Русская провинция. Записки краеведов. Воронеж: Центр.Чернозем. кн. изд-во, 1992. С. 159—168.

772. Хрящева Н. П. «План общей жизни» в творчестве А. Платонова 1921—1927 годов // Из истории советской литературы. Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1992. С. 18—28.

1993

773. Андрей Платонов: Исследования и материалы. Сб. трудов / Под ред. Т. А. Никоновой. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 196 с.

Содерж.: *Акаткин В. М.* Возвращение Платонова, с. 3—18; *Коваленко В. А.* Становление свободы (о романе А. Платонова «Чевенгур»), с. 19—27 (см. № 656); *Мущенко Е. Г.* Художественное время в романе А. Платонова «Чевенгур», с. 28—38; *Лазаренко О. В.* Проблема идеала в антиутопии. «Мы» Е. Замятина и «Чевенгур» А. Платонова, с. 39—45 (см. № 716, 798); *Абрамов А. М.* Над страницами повести «Котлован», с. 46—54; *Мальгина Н. М.* «Котлован» А. Платонова и общественно-литературная ситуация на рубеже 20—30-х годов, с. 55—60; *Скобелев В. П.* Поэтика пародирования в повести А. Платонова «Котлован», с. 61—70; *Алейников О. Ю.* Повесть А. Платонова «Ювенильное море» в общественно-литературном контексте 30-х годов, с. 71—79; *Свительский В. А.* Факты и домыслы: о проблемах освоения платоновского наследия, с. 80—101; *Иванова Л. А.* «Город Градов» А. Платонова и проблема авторского идеала, с. 102—116; *Подшивалова Е. А.* О родовой природе прозы А. Платонова конца 20-х—начала 30-х годов, с. 117—124; *Голубков С. А.* Анекдотическое в прозе А. Платонова, с. 125—136; *Никонова Т. А.* А. Платонов и А. Новиков: к истории творческих взаимоотношений, с. 137—152; *Сарычев В. А.* А. Платонов и эстетика «жизнетворчества», с. 153—160; *Бороздина П. А.* Зороастрийская легенда в повести А. Платонова «Джан», с. 161—166; *Корниенко Н. В.* Повесть о детстве: опыт комментария к черновым наброскам А. Платонова, с. 167—179; *Ласунский О. Г.* А. П. Платонов в печати, документах, иконографии (по материалам личного собрания автора), с. 180—194.

774. Ваняшова М. «Последний луч трагической зари...». Дискуссии о трагедийности искусства в 20—30-х годах [Вступ. ст. к публ. извлечений из работ А. Платонова и др. авторов] // Вопр. лит. М., 1993. Вып. 4. С. 27—33. (С. 27—28, 32—33).

775. Вахитова Т. М. Очерк Андрея Платонова «О поисках будущего. (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)». К творческой истории повести «Котлован» // Рус. лит. СПб., 1993. № 3. С. 127—134.

776. Вознесенская М. М., Дмитровская М. А. В соотношении *ratio* и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 140—146.

777. Дмитровская М. А. Пространственные оппозиции в романе А. Платонова «Чевенгур» и их экзистенциальная значимость // Прагматика. Семантика. Грамматика. Материалы конференции научных сотрудников и аспирантов / Ин-т языковедения РАН. М., 1993. С. 47—50.

778. Елистратов В. С. Образные сочетания слов в прозе А. Платонова // Русский язык за рубежом. М., 1993. № 1. С. 88—91.

779. Кац О. Н. Система формообразования в русской художественной культуре первой трети XX века (на примере творчества П. Филонова, А. Платонова и Д. Вер-



това). Автореф. дис. ...канд. искусствовед. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 1993. 21 с.

780. Колесникова Е. И. «Человек и есть сюжет» [Предисловие к публикации рукописных материалов А. Платонова] // Рус. лит. СПб., 1993. № 3. С. 141—143.

781. Колотаев В. А. Мифологическое сознание и его пространственно-временное выражение в творчестве А. П. Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. М., 1993. 16 с.

782. Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946) // Здесь и Теперь. М., 1993. № 1. 320 с. (См. № 757).

783. Корниенко Н. В. «...Увлекая в дальнюю Америку» [Послел. к публ. комедии А. Платонова «Ноев ковчег»] // Новый мир. М., 1993. № 9. С. 128—140.

784. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия. М.: Алконост, 1993. 198 с.

784а. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX века. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1993. 35 с.

785. «Меня убьет только прямое попадание по башке». Материалы к творческой биографии Андрея Платонова. 1927—1932 годы / Публ. М. А. Платоновой. Подг. текста и очерк творчества Н. В. Корниенко // Новый мир. М., 1993. № 4. С. 89—121.

785а. Московская Д. С. «Частные мыслители 30-х годов: поставангард в русской прозе // Вопр. филос. М., 1993. № 8. С. 97—104.

786. Перхин В. В. [Предисловие и комментарии к публикации статьи А. Платонова «О первой социалистической трагедии»] // Рус. лит. СПб., 1993. № 2. С. 200—206.

787. Серафимова В. Д. Тема любви в этике и эстетике Андрея Платонова // Русский язык за рубежом. М., 1993. № 1. С. 92—96.

787а. Фролов В. В. Человек в космосе слова. Андрей Платонов (1899—1951) // Парадокс о драме. Перечитывая пьесы 1920—1930-х годов. М.: Наука, 1993. С. 279—306. (См. № 500).

788. Харитонов А. А. Андрей Платонов в контексте своей эпохи (материалы IV Платоновского семинара) // Рус. лит. СПб., 1993. № 2. С. 243—251.

789. Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова «Котлован». Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1993. 23 с.

789а. Чернухина И. Я. «Инакомерность» логики и слова в художественной прозе А. Платонова // Филол. записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 101—110.

790. Чой Сеонг-Аэ. «Русская идея» в творчестве А. Платонова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ф-т журналистики. Каф. лит.-худож. критики и публицистики. М., 1993. 23 с.

## 1994

791. Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. 496 с.

Содерж.: От составителей, с. 3—4; Шубина Е. Д. «Я помню их, ты запомни меня...» с. 6—12; Задонский Н. А. Молодой Платонов, с. 13—17 (см. № 53, 74, 130, 131, 212); Кораблинов В. А. Встречи с Платоновым, с. 18—22 (см. № 202, 233, 247, 276); Явич А. Е. Думы об Андрее Платонове, с. 23—30 (см. № 395); Миндлин Э. Л. Андрей Платонов, с. 31—52 (см. № 58, 102); Гумилевский Л. И. Судьба и жизнь, с. 52—73 (см. № 457); Нагибин Ю. М. Еще о Платонове, с. 74—78; Боков В. Ф. Высокое слово, с. 79—86; Сучков Ф. Ф. Каравай черного хлеба, с. 87—93 (см. № 605, 729); Славин Л. И.

Андрей Платонов, с. 94—96 (см. № 25, 45, 193); *Левин Ф. М.* Несколько слов об Андрее Платонове, с. 97—99 (см. № 191); *Таратута Е. А.* Повышенное содержание совести, с. 100—104 (см. 354, 410); *Ортенберг Д. И.* Андрей Платонов — фронтовой корреспондент, с. 105—111 (см. № 218, 219, 484, 485, 692, 721); *Кривицкий А. Ю.* Чистая душа, с. 112—119 (см. № 301, 346, 364, 408); *Липкин С. И.* Голос друга, с. 120—124 (см. № 479); *Некрасов В. П.* Платонов, с. 125—129 (см. № 173); *Крамов И. Н.* Платонов, с. 130—136; *Шубина Е. Д.* Созерцатель и делатель (1899—1926), с. 138—155. *Платонов А.* Конец света. «В железной шапке льдов...». Стихи, с. 155—156; *Келлер В. Б.* Андрей Платонов, с. 157—162; *Платонов А.* В звездной пустыне, с. 163—168; *Платонов А.* Равенство в страдании, с. 168; *Шкловский В. Б.* (Из книги «Третья фабрика»), с. 169—171 (см. № 621); *Галушкин А. Ю.* К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского, с. 172—183; *Лангерак Т.* Комментарий к сборнику «Епифанские шлюзы», с. 184—203; *Корниенко Н. В.* «Не отказываться от своего разума» (введение в годы тридцатые), с. 204—215; *Литвин-Молотов Г. З.* (Письмо А. П. Платонову), с. 215—223; (Платонов А., Пильняк Б. «Дураки на периферии»), с. 224—228; *Платонов А.* Машинист. Либретто, с. 229—243; (Полемика А. Платонова с В. Стрельниковой), с. 244—255; *Авербах Л.* О целостных масштабах и честных Макарах, с. 256—267; *Фадеев А. А.* Об одной кулацкой хронике, с. 268—278; *Платонов А.* (Письмо к А. М. Горькому), с. 279—280; (Четыре внутренние рецензии на рукопись «Впрок»), с. 281—285; *Платонов А.* Ответ на анкету «Какой нам нужен писатель», с. 286—288; *Платонов А.* Великая Глухая, с. 289—292; Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова в ВССП 1 февраля 1932 года, с. 293—317; Анкета группкома Московского товарищества писателей, с. 318—320; *Платонов А.* (О первой социалистической трагедии), с. 320—324; *Платонов А.* О «цвете» темы, с. 325—326; Совещание в Союзе писателей. Чтение и обсуждение рассказа А. Платонова «Среди животных и растений» для журнала «Люди железнодорожной державы» (1936), с. 327—347; (Платонов и политические процессы 1936—1938 годов), с. 348—352; *Платонов А.* «Чекисты» — пьеса Мих. Козакова, с. 353—358; *Гурвич А.* Андрей Платонов, с. 358—413; (Полемика А. Платонова и А. Гурвича), с. 414—420; (Переписка А. Платонова и Л. И. Тимофеева), с. 421—425; (В. В. Ермилов и А. Платонов), с. 425—433; *Платонов А.* (Письма А. И. Вьюркову), с. 434—436; *Корниенко Н. В.* Вечная родина (1941—1945), с. 437—443; (Из личного дела А. П. Платонова) (1942 г.), с. 445—448; *Платонов А.* (Рецензия на пьесу Вл. Соловьева «Великий государь»), с. 449—450; Платонов А. Краткое изложение темы сценария под условным названием «Бессмертный солдат», с. 451—454; *Платонов А.* Краткое изложение темы киносценария с условным названием «Семья Иванова», с. 455—457; *Корниенко Н. В.* «В стране разрушенных предметов и враждебных душ» (1945—1951), с. 458—462; *Платонов А.* (Ответ на анкету бюро секции прозы ССП), с. 462—463; *Платонов А.* (Два письма А. А. Фадееву), с. 464—466; *Ермилов В. В.* Клеветнический рассказ А. Платонова, с. 467—473; (А. Платонов и Центральный детский театр), с. 475—483. *Платонов А.* (Письмо А. А. Жданову, с. 484; *Платонов А.* (Письмо Л. И. Славину), с. 485; (Отзывы на сценарий А. Платонова «Ноев ковчег (Каиново отродье)»), с. 486.

792. Андрей Платонов. Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. 432 с.

Содерж.: От составителей, с. 3—8; *Бочаров С. Г.* «Вещество существования», с. 10—46 (см. № 161, 379); *Толстая-Сегал Е.* Идеологические контексты Платонова, с. 47—83; *Толстая-Сегал Е.* «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928—1929), с. 84—104; *Карасев Л. В.* Знаки «покинутого детства». (Анализ

- «постоянного» у А. Платонова), с. 105—121 (см. № 653, 803, содер. ж.); *Семенова С. Г.* «Тайное тайных» Андрея Платонова (эрос и пол), с. 122—153 (см. № 803, содер. ж.); *Бродский И. А.* Предисловие к повести «Котлован», с. 154—156 (см. № 741); *Любушкина Ш.* Идеи бессмертия у раннего Платонова, с. 158—179; *Мальгина Н. М.* «Рассказ о многих интересных вещах» в контексте творчества Андрея Платонова, с. 180—192 (см. № 248); *Лангерак Т.* Андрей Платонов в 1926 году, с. 193—211; *Шубин Л. А.* Градовская школа философии, с. 212—226 (см. № 624); *Корниенко Н. В.* «Страна философов». (Сомнения и откровения Фомы Пухова), с. 227—245; *Золотоносов М. А.* «Ложное солнце» («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов), с. 246—283 (см. № 651, 794а); *Маркштайн Э.* Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии, с. 284—302; *Сейфрид Т.* Писать против материи: о языке «Котлована» Андрея Платонова, с. 303—319; *Дебюзер Л.* Некоторые координаты фаустовской проблематики в повестях «Котлован» и «Джан», с. 320—329; *Роднянская И. Б.* «Сердечная озадаченность», С. 330—354; *Макарова И. Н.* Художественное своеобразие повести А. Платонова «Ювенильное море», с. 355—372 (см. № 762); *Жолковский А. К.* Душа, даль и технология чуда (пять прочтений «Фро»), с. 373—396 (см. № 548); *Ямпольский М. Б.* Платонов, прочитанный Сокуровым, с. 397—409 (см. № 631); Библиография [Издано в СССР, 1971—1993, 289 наим.; издано за рубежом, 1965—1990, 102 наим.] / Сост. Шубина Е. Д., Найман Э., с. 410—430.
793. *Арсентьева Н. Н.* Русско-испанские литературные связи. Проблемы предметности, типологии, рецепции. Автореф. дис. ...-ра филол. наук / Мос. пед. гос. ун-т. им. В. И. Ленина. М., 1994. 34 с.
794. *Дмитровская М. А.* Природа: язык и молчание (о мирозерцании А. Платонова) // Логический анализ языка. Речевые действия. М.: Наука, 1994. С. 125—130.
- 794а. *Золотоносов М. А.* Ложное солнце: («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) // Вопр. лит. М., 1994. Вып., 5. С. 3—43. (См. № 651, 792, содер. ж.).
795. *Кобринский А. А.* Проза А. Платонова и Д. Хармса: к проблеме порождения алогичного художественного мира // Филол. записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 82—94.
796. *Колесова Д. В.* Актуализация фольклорных фигур речи в тексте А. П. Платонова (на материале повести «Котлован») // Судьбы отечественной словесности XI—XX веков. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов 20—21 апреля 1994 года / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1994. С. 41—42.
797. *Корниенко Н. В.* Неоконченная повесть Андрея Платонова [предисловие к публикации А. Платонова «Дар жизни»] // Домовой. М., 1994. № 4. С. 35.
798. *Лазаренко О. В.* Мифологическое сознание в антиутопии XX века и роман А. Платонова «Чевенгур» // Филол. записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 76—82. (См. № 716, 773, содер. ж.).
799. *Лазаренко О. В.* «Писать надо... человечностью». Художественный феномен А. Платонова // Русская литература. Вып. 1. Писатели XX века. Кн. для учителя. Воронеж: Родная речь, 1994. С. 38—55.
800. *Муценко Е. Г.* В художественном мире А. Платонова и Е. Замятина. Лекции для учителя-словесника. Воронеж: Логос, Траст, 1994. 84 с. (С. 3—45).
- 800а. *Найман Э.* «Из истины не существует выхода — Андрей Платонов между двух утопий // Russian Studies—Études Russes — Russische Forschungen. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1994. № 1. С. 117—155.
801. *Перхин В. В.* Литературная критика Андрея Платонова. Лекция / СПбГУ, ф-т журналистики. СПб., 1994. 55 с.

802. *Спиридонова И. А.* Христианские и антихристианские тенденции творчества Андрея Платонова 1910—1920-х годов // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Цитата. Реминисценция. Мотив. Сюжет. Жанр. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1994. С. 348—360.

803. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. По материалам первой Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. П. Платонова, 20—21 сентября 1989 года / Под ред. Н. В. Корниенко. М.: Наследие, 1994. 368 с.

Содерж.: *Чалмаев В. А.* Пленник свободы («Нечаянные» и вечные катастрофы в прекрасном и яростном мире Андрея Платонова), с. 3—50; *Васильев В. В.* Национальная трагедия: утопия и реальность (роман «Чевенгур» в контексте его времени), с. 51—72 (см. № 531); *Семенова С. Г.* «Тайное тайных» Андрея Платонова (эрос и пол), с. 72—131 (см. № 792, содерж.); *Эйдинова В. В.* О динамике стиля А. Платонова (от раннего творчества — к «Котловану»), с. 132—144; *Сейфрид Т.* Платонов как прото-социалист, с. 145—154; *Верхейл К.* История и стиль в прозе Андрея Платонова, с. 155—161; *Мальгина Н. М.* Образы-символы в творчестве Андрея Платонова, с. 162—184; *Родкевич М.* Символическая пластика в повести А. Платонова «Котлован», с. 185—193; *Яблоков Е. А.* О типологии персонажей А. Платонова, с. 194—203; *Скобелев В. П.* В надежде на живые души (повесть «Впрок» в контексте жанровых исканий писателя), с. 204—217; *Греков В.* Необычное в прозе Гоголя и Платонова («фигура фикции» и «миражная интрига» в повести «Котлован»), с. 218—229; *Эпельбойн А.* Поэтика разрушения (слово и сознание героев Платонова), с. 230—236; *Киселев А.* Одухотворение мира: Н. Федоров и А. Платонов, с. 237—248 (см. № 563); *Шеннард Дж.* Любовь к дальнему и любовь к ближнему в творчестве А. Платонова, с. 249—254; *Кох М.* Тема смерти у А. Платонова, с. 255—260; *Гюнтер Х.* О некоторых источниках миллениаризма в романе «Чевенгур», с. 261—265 (см. № 644); *Карасев Л.* Знаки «покинутого детства», с. 266—275 (см. № 653, 792, содерж.); *Рыжкова М. Л.* «Он шел своею дорогою один и независим...» (человек и техника в художественном мире А. Платонова), с. 276—289 (см. № 767); *Сливовские В. и Р.* Польские судьбы Андрея Платонова, с. 290—305; *Корниенко Н. В.* В художественной мастерской Платонова, с. 306—341; *Платонов А.* Невозможное [1921—1922] / Публ. М. А. Платоновой. Подг. тек. и прим. Н. В. Корниенко, с. 342—353; *Платонов А.* Страна бедняков (очерки Черноземной области) [1925—1926] / Публ. М. А. Платоновой. Подг. тек. и прим. Н. В. Корниенко, с. 354—358; *Платонов А.* Масло розы [1925—1930] / Публ. М. А. Платоновой. Подг. текста и вступ. статья Н. В. Корниенко, с. 359—365.

804. *Тихомирова Е. В.* Об одном мотиве романа А. Платонова «Чевенгур» // Творчество писателя и литературный процесс. Слово в художественной литературе: типология контекста. Межвуз. сб. науч. тр. / Ивановский гос. ун-т. Иваново, 1994. С. 92—101.

805. *Харитонов А. А.* Безотцовщина имманентная и трансцендентная (тема отцов и Отца в пьесе А. П. Платонова «Молчание») // Судьбы отечественной словесности XI—XX веков. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов 20—21 апреля 1994 года / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1994. С. 42—43.

806. *Чуковский К. И.* Дневник (1930—1969) / Сост., подг. текстов, комм. Е. Ц. Чуковской. М.: Современ. писатель, 1994. 560 с. (С. 36—37, 366). (См. № 681).

807. *Шнейберг Л. Я., Кондаков И. В.* «План общей жизни» (Андрей Платонов. «Усомнившийся Макар», «Котлован») // Шнейберг Л. Я., Кондаков И. В. От Горького до Солженицына. М. Высш. шк., 1994. С. 117—153.

808. Яблоков Е. А. Душа между жизнью и смертью: очередное воплощение. (Роман А. Платонова «Чевенгур») // Традиции в контексте русской культуры. Сб. статей и материалов / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; Череп. гос. пед. ин-т. Череповец, 1994. С. 93—97.

Депонировано в ИНИОН РАН

1. Арсентьева Н. Н., Шрейдер В. Я. О преемственной связи «Дон Кихота» М. де Сервантеса и романа А. Платонова «Чевенгур» / Орл. гос. пед. ин-т. Орел, 1992. 45 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 46050 от 05.02.92.

2. Бабенко Л. Г. О взаимодействии глаголов говорения с другими глаголами-предикатами в контексте предложения / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1980. 13 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 4913 от 25.02.80.

3. Бежецких М. А. Гротескный образ города в сатирической прозе Андрея Платонова / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1989. 30 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 40222 от 23.11.89.

4. Вознесенская М. М. Семантическое поле «интеллектуальная деятельность» в языке А. Платонова («ум» и «думать») // Русский язык. М., 1991. С. 161—178. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 44578.

5. Гаврилюк В. Л. Некоторые особенности сюжета в творчестве А. Платонова // Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1980. 34 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 5480 от 09.06.80.

6. Гаврилюк В. Л. О своеобразии воспитательной функции художественной условности в творчестве А. Платонова (типизация и читатель) / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1980. 26 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 5479 от 09.06.80.

7. Гаспарян Л. Г., Кобзарь Е. Н. А. Платонов и К. Паустовский (к проблеме творческой общности) / Днепрпетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. Днепрпетровский, 1988. 17 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 34680 от 08.07.88.

8. Джанаева Н. Е. О комплексном анализе художественного текста / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1986. 14 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 25827 от 08.07.86.

9. Джанаева Н. Е. О речевом аспекте анализа художественного текста (на материале прозы А. Платонова) / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1987. 14 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 29510 от 22.05.87.

10. Дудников Н. А. Проблематика драматургии А. П. Платонова 20-х—30-х годов. Особенности поэт. яз. Киев. ун-т. Киев, 1992. 14 с. Рукопись деп. в УкрИНТЭИ № 1819-Ук92 от 10.11.92. Реф. деп. в ИНИОН РАН № 230Р-92 от 02.12.92.

11. Исаева Л. Н. Эволюция эстетического идеала Андрея Платонова // Проблемы эстетики XX века. М., 1993. С. 74—88. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 48326.

12. Квасова Л. В. Перевод в аспекте проблемы несовпадения национальных менталитетов [На материале переводов на англ. язык рассказов А. Платонова] / Воронеж. гос. техн. ун-т. Воронеж, 1993. 16 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 48982 от 24.02.94.

13. Корниенко Н. В. О центральной философской ситуации в повестях А. Платонова / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1979. 19 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 4774.

14. Лебедева М. Н. Художник и время. (Военная проза А. Платонова) // Жанр и время. Йошкар-Ола, 1987. С. 19—39. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 29480 от 18.05.87.

15. *Московская Д. С.* Облик истории в романах К. Вагинова «Бамбочада» и А. Платонова «Чевенгур» / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1992. 14 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 47269 от 13.11.92.

16. *Николенко О. Н.* Проблема отчуждения и сокровенные идеи Андрея Платонова в романе «Чевенгур» / Киев. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Киев, 1989. 22 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 39739 от 16.10.89.

17. *Николенко О. Н.* Сокровенные формулы Андрея Платонова в повести «Котлован» / Киев. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Киев, 1989. 15 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 39740 от 16.10.89.

18. *Николенко О. Н.* Состояние человека и общества в довоенной прозе Андрея Платонова / Киев. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Киев, 1988. 15 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 37958 от 19.05.89.

19. *Николенко О. Н.* Художественная модель мира и человека в трилогии А. П. Платонова: «Чевенгур», «Котлован» и «Ювенильное море» / Полтав. гос. пед. ин-т. Полтава, 1992. 24 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 46689 от 25.06.92.

20. *Панкина М. Ф.* Компрессивные словосочетания в произведениях Андрея Платонова / Воронеж. лесотехн. ин-т. Воронеж, 1990. 10 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 40984 от 6.2.90.

21. *Первалова С. В.* «А истина пролетариату полагается?»: К вопросу об идейно-художественном своеобразии повести А. Платонова «Котлован» / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. Волгоград, 1989. 14 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 38002 от 23.05.89.

22. *Савельзон И. В.* Культурная Вселенная Андрея Платонова // Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении. Материалы XXVI науч. конф. молодых ученых и специалистов ист.-филол. фак. Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, 5 апр. 1991 г. М., 1991. 10 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 44510.

23. *Сейранян Н. П.* Андрей Платонов — критик / Ерев. гос. пед. ин-т рус. и иностр. яз. им. В. Я. Брюсова. Ереван, 1983. 11 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 13686 от 20.07.83.

24. *Тяпкина И. В.* Функционирование союза «и» в ССП, синонимичных СПП: (на материале прозы А. Платонова) / Слово и его функционирование в тексте. Шуя, 1992. С. 29—32. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 46468 от 06.05.92.

25. *Шаповалова Е. В.* Строительство жизни — строительство слова. (Повесть А. Платонова «Происхождение мастера») / Донецк. гос. ун-т. Донецк, 1988. 13 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 36483 от 21.12.88.

26. *Шиленко А. Ю.* Особенности функционирования постпозитивных местоименных атрибутов в авторском повествовании А. Платонова / Редкол. журн. Вестн. ЛГУ. Сер.: История. Яз. Лит. Л., 1990. 9 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 42187 от 21.06.90.

## СОДЕРЖАНИЕ

От редактора . . . . .	2
<i>Н. В. Корниенко.</i> О некоторых уроках текстологии. . . . .	4
<i>В. В. Перхин.</i> Тайнопись Андрея Платонова . . . . .	24
<i>М. А. Дмитровская.</i> Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» . . . . .	39
<i>А. А. Газизова.</i> Красота в ранней прозе Андрея Платонова . . . . .	53
<i>А. А. Кретицин.</i> Трагическое в художественном мире Андрея Платонова и Бориса Пастернака . . . . .	63
<i>А. А. Харитонов.</i> Архитектоника повести А. Платонова «Котлован» . . . . .	70
К творческой истории повести Андрея Платонова «Котлован». Фрагменты чернового автографа ( <i>Публикация Т. М. Вахитовой и Г. В. Филиппова</i> ) . . . . .	91
Оборотная сторона «Котлована». Очерк Андрея Платонова «В поисках будущего. (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)». ( <i>Вступительная статья и примечания Т. М. Вахитовой</i> ) . . . . .	112
<i>В. Ю. Вьюгин.</i> Из наблюдений над рукописью романа «Чевенгур». (От автобиографии к художественной обобщенности) . . . . .	128
Наброски к замыслу неизвестного романа? (По неопубликованным рукописям А. Платонова в Пушкинском Доме). ( <i>Публикация Н. А. Грозновой</i> ) . . . . .	146
<i>И. А. Савкин.</i> На стороне Платона. Карсавин и Платонов, или Об одной не-встрече . . . . .	153
<i>В. А. Шошин.</i> Из писем к Андрею Платонову. (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) . . . . .	163
<i>Е. И. Колесникова.</i> Рукописное наследие А. Платонова в Пушкинском Доме. . . . .	207
<i>А. А. Харитонов, Д. В. Колесова.</i> I—VI Платоновские семинары в Пушкинском Доме (1990—1994) . . . . .	265
<i>А. А. Харитонов.</i> Библиография отечественной литературы о жизни и творчестве А. П. Платонова (1958—1994) . . . . .	307

Научное издание

**ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА**

**Исследования и материалы  
Библиография**

*Утверждено к печати  
Институтом русской литературы  
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук*

Художник *Л. А. Яценко*  
Технический редактор *Е. В. Траскевич*

ЛР № 020297 от 27.11.91 г. Сдано в набор 8.12.94.  
Подписано к печати 30.05.95. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная.  
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.50.  
Уч.-изд. л. 28.30. Тираж 5000. Тип зак. № 3356. С 1093.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН  
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН  
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.